Исторический
вестник,

1890, №12

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

№ 3297

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

204724

10947

ГОДЪ ОДИННАДЦАТЫЙ

ДЕКАБРЬ, 1890

ВИЛУЧЕНО 1961 р.
Державна історична
БІБЛІОТЕКА УРСР

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

СОДЕРЖАНІЕ.

ДЕКАБРЬ, 1890 г.

СТР.

I. Потревоженныя тѣни. Бабушка Аграфена Ниловна. **С. Н. Терпигорева** 571

II. Воспоминанія о М. Е. Салтыковѣ. Гл. III. (Окончаніе). **С. Н. К.** . 603

III. Дворянская честь. (Быль прошлаго столѣтія). Гл. XII—XVI. (Окончаніе). **М. М. Филиппова** 632

IV. По Ледовитому океану. (Изъ путевыхъ замѣтокъ). Гл. IV и V. (Окончаніе). **М. С. Робуша** 671

Иллюстраціи: Видъ Вардэ. — Вардэ въ 1594 году. — Русская баттарея въ Вардэ.—Крѣпость Вардэ.—Голландская и датская полярныя экспедиціи во льдахъ Карскаго моря.

V. Жизнь и люди былого времени. (Воспоминанія, наброски, переписка). IV. Профессора Казанскаго университета сороковыхъ годовъ и попечитель Мусинъ-Пушкинъ.—V. Дмитрій Ивановичъ Мейеръ.—VI. Студенческая жизнь (1846—1849 гг.). (Окончаніе). **В. Н. Назарьева** 710

VI. Современные литературные дѣятели. V. Всеволодъ Владиміровичъ Крестовскій. **А. И. Введенскаго** 734

VII. Воспоминаніе о художникѣ А. Д. Литовченко. **П. Н. Полевого** . . 755

VIII. Поѣздка въ Холмъ, Подолію и Бессарабію. (Путевые наброски). **М. И. Городецкаго** 763

Иллюстраціи: Каѳедральный Рождество-Богородичный соборъ, въ г. Холмѣ.—Холмская чудотворная икона Божіей Матери.—Кирилло-Меѳодіевская церковь-часовня въ г. Холмѣ, въ память возсоединенія уніатовъ 1875 г.—Видъ г. Каменецъ-Подольска.—Каѳедральный соборъ въ Кишиневѣ.—Памятникъ Пушкину въ Кишиневѣ.

IX. Музей А. Н. Поля. **Д. И. Эварницкаго** 794

X. Укрощеніе строптивой. (Повѣсть изъ американской жизни). **Мэри Оденъ** 799

Иллюстраціи: Дядя Джоэ Робиду.—Кутежъ во время танцевъ.—Встрѣча Таріасъ съ Давидомъ въ лѣсу.—Таріасъ и Изабелла.—Въ хижинѣ Давида.

XI. Критика и библіографія: Американская республика Джемса Брайса, автора книги: «Священная римская имперія» и члена палаты депутатовъ отъ Абердина. Въ трехъ частяхъ. Часть I. Національное правительство. Москва. 1889. Часть II. Правительство Штатовъ. Политическія партіи. Москва. 1890. Перевелъ съ англійскаго В. Н. Невѣдомскій. Изданіе К. Т. Солдатенкова. **А. К.**—Потревоженныя тѣни. С. Терпигорева (Атавы). Т. II. Спб. 1890. **Н. Л—ва.**—Собраніе сочиненій Р. А. Фадѣева. Четыре тома. Изданіе В. В. Комарова. Спб. 1890. **В. П.**—Очерки литературы древнихъ и новыхъ народовъ. Драматическая поэзія. Въ двухъ книгахъ. Составилъ И. Гарусовъ. Спб. 1890. **С. А—ва.**—Листочки до вінка на могилу Шевченка. Львів. 1890. **М. Ф.**—Иллюстрированное собраніе греческихъ и римскихъ классиковъ съ объяснительными примѣчаніями подъ редакціей Льва Георгіевскаго и Сергѣя Манштейна. А. Латинскіе авторы: Ливій. XXI кн. Объяснилъ проф. Ѳ. Ф. Зѣлинскій.—Саллюстій. Югуртинская война. Объясн. К. А. Зембергъ.—Виргилій. Энеида I п. Объясн. проф. Д. И. Нагуевскій.—Ливій. 1 кн. Объясн. проф. И. В. Нетушилъ. В. Греческіе авторы: Ксенофонтъ. Анабазисъ кн. и кн. II. Объясн. Л. А. Георгіевскій.—Платонъ. Апологія Сократа. Объясн. А. О. Поспишиль.—Гомеръ. Иліада I п. Объясн. С. А. Манштейнъ. Царское Село. 1890. **С. А—ва** 814

XII. Историческія мелочи: Новыя данныя объ убіеніи шведскаго короля Густава III.—Король Жеромъ, принцъ Плонъ-Плонъ и принцесса Матильда.—Наполеонъ IV.—Дамская война новѣйшаго времени.—Наполеонъ I на охотѣ.—Примѣчаніе . . . 826

XIII. Заграничныя историческія новости 835

XIV. Изъ прошлаго. Разрывъ-трава. Сообщено **А. А. Голомбіовскимъ** 842

См. слѣд. стр.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Общественная библиотека въ г. Ромнахъ

СОДЕРЖАНІЕ СОРОКЪ ВТОРОГО ТОМА.

(ОКТЯБРЬ, НОЯБРЬ, ДЕКАБРЬ).

СТР.

Дворянская честь. (Быль прошлаго столѣтія). **М. М. Филиппова** 5, 343, 632

Былыя знаменитости русской литературы. II. Антоній Погорѣльскій (А. А. Перовскій). **А. И. Кирпичникова** . . 45

По Ледовитому океану. (Изъ путевыхъ замѣтокъ). **М. С. Робуша** 83, 392, 671

Иллюстраціи: Бухта Еретики (заводъ перваго китобойнаго товарищества).—Губа-Ара (заводъ второго китобойнаго товарищества).—Типы поморовъ.—Охота за китомъ.—Новая Земля. Малокармакульская спасательная станція.—Островъ Вайгачъ.—Становище Хабарово, въ Югорскомъ Шарѣ.—Переправа оленей черезъ Югорскій Шаръ.—Катастрофа 22-го августа 1883 года.—Видъ Вардэ.—Вардэ въ 1594 году.—Русская баттарея въ Вардэ.—Крѣпость Вардэ.—Голландская и датская полярныя экспедиціи во льдахъ Карскаго моря.

Разсказы изъ прошлаго. Воспоминанія о профессорѣ Греффе. **П. С. Николаева** 119

Записки **А. И. Михайловскаго-Данилевскаго.** 1812 годъ . . 130

Историческіе колокола. **М. И. Пыляева** 169

Иллюстраціи: Старинныя била и клепала.—Старинные псковскіе колокола.—Ростовскіе колокола.—Криптографическая надпись на колоколѣ Саввино-Сторожевскаго монастыря.—Древній Московскій большой колоколъ.—Царь-колоколъ въ литейной ямѣ, въ Кремлѣ.—Ссыльный Углицкій колоколъ.

Бисмаркъ въ карикатурахъ. **Ѳ. И. Булгакова** 205

Иллюстраціи: Бисмаркъ въ образѣ Наполеона I на о-вѣ св. Елены.—Донъ-Жуанъ (Рихтеръ) отказывается подписаться на памятникъ командору.—Донъ-Жуанъ не увѣренъ въ томъ, что командоръ не оживетъ когда-нибудь.—Частичное затмѣніе луны.—Уволенный матросъ.—Закрытіе.—Прогнанные на дворъ—Бисмаркъ и Гладстонъ.—Новый Блюхеръ.—Танецъ на политическихъ яицахъ.—Біарицкое свиданіе Бисмарка съ Наполеономъ III.—«Извѣстная статуетка».—Шапочка для праздничныхъ дней.—Въ парламентѣ сѣверной Германіи.—По поводу закона о табачной монополіи: планъ Бисмарка.—Вотъ что происходитъ въ Берлинѣ.—Бисмаркъ и Фридрихъ III.—Германская кухня.—Сорвался! улетаетъ! (Тройственный союзъ).—Заботы Бисмарка о мирѣ.—Комическая маска.—Трагическая маска.—Бисмаркъ для дѣтей.—Что видно въ лицѣ Бисмарка.—Бисмаркъ не уступаетъ парламенту.—Наполеонъ III съ Бисмаркомъ направляется къ Рейну.—Предусмотрительная гувернантка.—Френологическій

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

стр.

портретъ Бисмарка.— Кумъ Бисмаркъ.— Три волоска великаго канцлера. Хорошая погода. Неизвѣстно, что будетъ. Гроза.— Португальская карикатура 1872 г.

Письмо въ редакцію. **Княгини А. Д. Голицыной** 235

Потревоженныя тѣни. Маша-Марѳа. **С. Н. Терпигорева** . . 283

Воспоминанія о М. Е. Салтыковѣ. **С. Н. К.** 318, 603

Жизнь и люди былого времени. (Воспоминанія, наброски, переписка). I. А. М. Бутлеровъ. II. А. И. Артемьевъ. III. Графъ Левъ Николаевичъ Толстой. IV. Профессора Казанскаго университета сороковыхъ годовъ и попечитель Мусинъ-Пушкинъ. V. Дмитрій Ивановичъ Мейеръ. VI. Студенческая жизнь (1846 — 1849 гг.). **В. Н. Назарьева** 424, 710

Полтавскій кадетскій корпусъ въ первые годы его существованія. **М. А. Д.** 444

Пятидесятилѣтіе ученой дѣятельности А. Ѳ. Бычкова. **С. С. Трубачева** 477

Нижегородскій Печерскій монастырь. **А. А. Титова** 488

Иллюстраціи: Нижегородскій Печерскій монастырь.—Бывшая часовня, нынѣ церковь, на горѣ, при въѣздѣ въ Печерскій монастырь.—Старый Печерскій монастырь (засыпанный горой въ XVI вѣкѣ).

Пятидесятилѣтіе литературной дѣятельности В. Р. Зотова. **С. Ш.** 505

Иллюстрація: Портретъ В. Р. Зотова.

Нѣмецкіе органы у русскихъ любителей. **В. В. Стасова** . . 514

Иллюстрація: Органъ Энгельгардта въ Дрезденѣ.

Сатирическія медали на Сѣверную войну. **Ю. Б. Иверсена** . 519

Иллюстраціи: Девять медалей съ изображеніями лицевой и оборотной сторонъ ихъ.

Потревоженныя тѣни. Бабушка Аграфена Ниловна. **С. Н. Терпигорева** 571

Современные литературные дѣятели. V. Всеволодъ Владиміровичъ Крестовскій. **А. И. Введенскаго** 734

Воспоминаніе о художникѣ А. Д. Литовченко. **П. Н. Полевого.** 755

Поѣздка въ Холмъ, Подолію и Бессарабію. Путевые наброски **М. И. Городецкаго** 763

Иллюстраціи: Каѳедральный Рождество-Богородичный соборъ, въ г. Холмѣ.—Холмская чудотворная икона Божіей Матери.—Кирилло-Меѳодіевская церковь-часовня въ г. Холмѣ, въ память возсоединенія уніатовъ 1875 года.—Видъ г. Каменецъ-Подольска.—Каѳедральный соборъ въ Кишиневѣ.—Памятникъ Пушкину въ Кишиневѣ.

Музей А. Н. Поля. **Д. И. Эварницкаго** 794

Укрощеніе строптивой. (Повѣсть изъ американской жизни). **Мэри Оденъ** 799

Иллюстраціи: Дядя Джоэ Робиду.—Кутежъ во время танцевъ.—Встрѣча Таріасъ съ Давидомъ въ лѣсу.—Таріасъ и Изабелла.—Въ хижинѣ Давида.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ:

В. Н. Александренко. Англійскій Тайный совѣтъ и его исторія. Часть вторая. Варшава. 1890. **В. Латкина.**—Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора лѣтописца. Книга четвертая. Издана подъ редакціею И. П. Дашкевича. Кіевъ. 1890. **В. М.**—М. Пинегинъ: «Казань въ ея прошломъ и настоящемъ» (Очерки по исторіи, достопримѣчательностямъ и современному положенію города, съ приложеніемъ краткихъ адресныхъ свѣдѣній). Спб. 1890. 8°, XVI, 604, LVIII стр. съ 8 цинкографическими видами города Казани. **Н. Л—а.**—Мемуары, относящіеся къ исторіи Южной Руси. Выпускъ I (XVI ст.). Переводъ К. Мельникъ (подъ редакціей В. Б. Антоновича). Кіевъ. 1890. **В. Б.**—Дм. Цвѣтаева. Протестантство и протестанты въ Россіи до эпохи преобразованій. Москва. 1890. **Д. Багалѣя.**—Всеобщая исторія литературы: начата подъ редакціей В. Ѳ. Корша, продолжается подъ редакціей проф. А. Кирпичникова. Выпускъ XXIV. Спб. 1890. **В. З.**—Георгъ Бузольтъ. Очеркъ государственныхъ и правовыхъ греческихъ древностей. Переводъ съ нѣмецкаго студентовъ Императорскаго Харьковскаго университета. Харьковъ. 1890. **А. Н. Д-р-а.**—Очерки изъ исторіи литовско-русскаго права. Выпускъ I. Помѣстья Литовскаго государства. Выпускъ II. Черты семейнаго права XVI в. Соч. проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова. Кіевъ. 1890. **В. Б.**—Американская республика Джемса Брайса, автора книги: «Священная римская имперія» и члена палаты депутатовъ отъ Абердина. Въ трехъ частяхъ. Часть I. Національное правительство. Москва. 1889. Часть II. Правительства Штатовъ. Политическія партіи. Москва. 1890. Перевелъ съ англійскаго В. Н. Невѣдомскій. Изданіе К. Т. Солдатенкова. **А. К.**—Потревоженныя тѣни. С. Терпигорева (Атавы). Т. II. Спб. 1890. **Н. Л—ва.**—Собраніе сочиненій Р. А. Фадѣева. Четыре тома. Изд. В. В. Комарова. Спб. 1890. **В. П.**—Очерки литературы древнихъ и новыхъ народовъ. Драматическая поэзія. Въ двухъ книгахъ. Составилъ И. Гарусовъ. Спб. 1890. **С. А—ва.**—Листочки до вінка на могилу Шевченка. Львів. 1890. **М. Ф.**—Иллюстрированное собраніе греческихъ и римскихъ классиковъ съ объяснительными примѣчаніями подъ редакціей Льва Георгіевскаго и Сергѣя Манштейна. А. Латинскіе авторы: Ливій XXI кн. Объяснилъ проф. Ѳ. Ф. Зѣлинскій.—Саллюстій. Югуртинская война. Объясн. К. А. Зембергъ.—Вергилій. Энеида 1 п. объясн. проф. Д. И. Нагуевскій.—Ливій I кн. Объясн. проф. И. В. Нетушилъ. В. Греческіе авторы: Ксенофонтъ. Анабасисъ. Кн. I и кн. II. Объясн. А. А. Георгіевскій.—Платонъ. Апологія Сократа. Объясн. А. О. Поспѣшилъ.—Гомеръ. Иліада I п. Объясн. С. А. Манштейнъ. Царское Село. 1890. **С. А—ва** 237, 529, 814

ИСТОРИЧЕСКІЯ МЕЛОЧИ:

Умерщвленіе послѣдняго Конде, его наслѣдство и алчность Луи Филиппа.—Изъ писемъ бывшей императрицы Евгеніи о франко-прусской войнѣ.—Изъ воспоминаній «цареубійцы» о времени «Эмиръ» и «Андрофиловъ».—Останки Мирабо.—Происхожденіе и введеніе гильотины во Франціи.—Продажа съ аукціона королевской библіотеки.—Письмо Вольтера о тщеславіи.—Послѣдній автографъ и походная кровать Наполеона I.—Къ характеристикѣ терпимости Іосифа II.—Новѣйшая Антигона.—Смерть

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

СТР.

генерала Шарля Пишегрю.—Незаконный сынъ Людовика XV—генералъ Конвента.—О происхожденіи Наполеона III.—Республиканскій календарь.—Наполеонъ I и панорамы.—Новыя данныя объ убіеніи шведскаго короля Густава III. — Король Жеромъ, принцъ Плонъ-Плонъ и принцесса Матильда.—Наполеонъ IV.—Дамская война новѣйшаго времени.—Наполеонъ I на охотѣ.—Примѣчаніе. 253, 541, 826

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ. . . 263, 553, 835

СМѢСЬ:

Полуторавѣковой юбилей церкви св. Сампсонія. — Находка въ Керчи.—Кладъ въ Ярославлѣ.—Старинный колоколъ.—Столѣтіе города Николаева.—Городища Вятской губерніи.—Пятидесятилѣтіе научной дѣятельности академика и директора Императорской Публичной Библіотеки А. Ѳ. Бычкова.—Двадцатипятилѣтіе научной дѣятельности ординарнаго проф. Кіевской духовной академіи Н. И. Петрова.—Присужденіе уваровскихъ премій.—Могила Лермонтова.—Памятникъ Пржевальскому.—Слѣды Бѣлогородской крѣпости.—Археологическое общество.—Сороколѣтній юбилей ученой дѣятельности проф. Московскаго университета Н. С. Тихонравова.—Двадцатипятилѣтіе юридической дѣятельности А. Ѳ. Кони.—Открытіе памятника императрицѣ Екатеринѣ II въ Симферополѣ.—Шестое присужденіе Пушкинскихъ премій.—Историческое Общество.—Археологическій институтъ.—Археологическія раскопки.—Конкурсъ на составленіе памятника при деревнѣ Лѣсной.—Двадцатипятилѣтіе служебной дѣятельности по Привислинскому краю д. с. с. М. И. Городецкаго.—Некрологи: А. Н. Поля, А. И. Евгеніева, І. В. Бентковскаго, С. И. Сычевскаго, С. А. Усова, И. В. Андріяшева, И. В. (Холмогорова) Платонова, В. Л. Грубера, К. И. Званцова, П. Н. Бѣлохи, И. П. Новицкаго, П. А. Чихачева, И. Я. Горлова, В. Ф. Гельбке, А. Н. Яхонтова, Н. П. Богоявленскаго, Н. П. Кичеева. . . . 270, 560, 846

ИЗЪ ПРОШЛАГО:

Разрывъ-трава. Сообщено **А. А. Голомбіовскимъ** 842

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ:

Некрологъ А. П. Сердобольскаго. **Н. Ильминскаго.**—Окончаніе исторіи о русскихъ путешественницахъ въ Италію въ телѣгѣ. Профессора **С. фонъ-Глазенапа.** 278, 568

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ **А. А. Перовскаго.** — 2) Портретъ **А. Ѳ. Бычкова.** — 3) Портретъ **В. В. Крестовскаго.** — 4) Стэнли. Иллюстрированный очеркъ его путешествій и открытій. Ранніе годы Стэнли.—Какъ Стэнли отыскалъ Ливингстона. — По африканскимъ озерамъ.—Основаніе государства Конго.—На поискахъ за Эминомъ-пашей. Съ двадцатью шестью рисунками въ текстѣ.—5) Карта центральной Африки.—6) Указатель личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ четырехъ томахъ «Историческаго Вѣстника» 1890 года и указатель гравюръ, помѣщенныхъ въ тѣхъ же томахъ «Историческаго Вѣстника».

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ВСЕВОЛОДЪ ВЛАДИМІРОВИЧЪ КРЕСТОВСКІЙ

ДОЗВ. ЦЕНЗ. СПБ., 8 НОЯБРЯ 1890 Г.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Общественная библіотека въ г. Ромнахъ

О ПОДПИСКѢ

НА

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

въ 1891 году.

(ДВѢНАДЦАТЫЙ ГОДЪ).

„Историческій Вѣстникъ“ будетъ издаваться **въ 1891 году** на тѣхъ же основаніяхъ и по той же программѣ, какъ и въ предшествовавшіе одиннадцать лѣтъ (1880—1890).

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ (со всѣми приложеніями) **десять рублей, съ пересылкой и доставкой на домъ.**

Главная контора „Историческаго Вѣстника“ въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ **„Новаго Времени“** Невскій проспектъ, № 38. Отдѣленія конторы **въ Москвѣ, Харьковѣ и Одессѣ,** при находящихся въ этихъ городахъ отдѣленіяхъ книжнаго магазина **„Новаго Времени“.**

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Общественная библиотека въ г. Ромнахъ

ПОТРЕВОЖЕННЫЯ ТѢНИ.

Бабушка Аграфена Ниловна.

I.

ИЗЪ ВСѢХЪ нашихъ родныхъ бабушка Аграфена Ниловна жила на самомъ дальнемъ отъ насъ разстояніи. Она была выдана замужъ еще почти дѣвочкой за Алексѣя Михайловича Репелова, помѣщика не нашей губерніи, но сосѣдняго съ нами уѣзда. До имѣнія ихъ Большой Боръ отъ насъ было по крайней мѣрѣ верстъ сто или сто двадцать. Къ тому времени, къ которому относится этотъ разсказъ, бабушка была уже давно вдовою. У нея было свое приданое, прекрасное имѣніе Покровка, тоже съ усадьбой и совсѣмъ устроенное, въ нашей сторонѣ, гдѣ мы всѣ жили, но она, хотя и бывала всегда очень рада всѣмъ своимъ роднымъ, когда они пріѣзжали къ ней, и говорила, что ихъ очень любитъ, что ей очень досадно, что она такъ далеко живетъ отъ нихъ, однакожъ, въ свое приданое имѣніе—Покровку, къ намъ, въ нашу сторону, не переѣзжала, а оставалась въ Большомъ Бору.

Обстоятельство это, т. е. вотъ, что бабушка Аграфена Ниловна не переѣхала тотчасъ по кончинѣ мужа въ нашу сторону, въ свое приданое имѣніе—Покровку, и не переѣзжала и послѣ, родственники всѣ осуждали, объясняя его тѣмъ, что у бабушки не было настоящихъ къ нимъ ни къ кому родственныхъ чувствъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Единственное, смягчающее ея вину въ данномъ случаѣ, обстоятельство они усматривали въ томъ лишь, что бабушка Аграфена Ниловна была выдана замужъ очень рано, когда ей только-что минуло пятнадцать лѣтъ, все время была окружена мужниными родственниками, подружилась съ ними, свыклась, сжилась, и слѣдовательно настоящихъ родственныхъ къ намъ чувствъ въ ней не могло развиться; она ихъ всѣ перенесла на мужнину родню.

Вѣрно ли было такое объясненіе, я не знаю, но слышалъ его, помню, очень часто, почти всякій разъ какъ бабушка бывала у насъ или у другихъ родственниковъ и уѣзжала къ себѣ, въ Большой Боръ, не соглашаясь, не смотря на упрашиванія, остаться и прогостить еще нѣсколько дней.

— Какъ волка не корми, а онъ все, видно, въ свой лѣсъ глядитъ,—скажетъ бывало кто-нибудь, проводивъ ее.

И я нѣсколько разъ слыхалъ при этомъ, почти всегда повторявшуюся, остроту-поправку: «не въ лѣсъ, а въ боръ», намекая этимъ на имѣніе ея мужа, гдѣ она жила—Большой Боръ:—«Нѣтъ въ ней этихъ настоящихъ родственныхъ чувствъ. Вѣдь это такъ слышется, чувствуется съ ней»...

Я собственно этого не могъ про нее сказать, потому что она меня и вообще всѣхъ у насъ въ домѣ любила, а про матушку говорили, что она у нея любимица, что она единственная изъ всѣхъ родныхъ, которую Аграфена Ниловна по-настоящему, по-родственному, какъ слѣдуетъ, любитъ.

Вообще, я не знаю даже хорошо, чего они отъ нея требовали. Вездѣ, у всѣхъ родныхъ, куда она пріѣзжала, и гдѣ я ее точно также видалъ, она была всегда одинаково спокойна, съ достоинствомъ, любезна, со всѣми привѣтливо ровна, внося съ собою свѣтлое, спокойное настроеніе въ домъ, въ который пріѣзжала. Что-то необыкновенно теплое, ясное, сейчасъ же заводилось въ этомъ домѣ и всѣми сознавалось, что это она внесла съ собою.

— А у насъ Аграфена Ниловна,—говорили при встрѣчѣ пріѣхавшимъ гостямъ и говорили это прежде всего.

— Да-а?—обрадовавшись, отвѣчали гости, и видно было по лицамъ ихъ, что извѣстіе это очень по сердцу имъ, и они спѣшили къ ней, зная, что тамъ, гдѣ она, возлѣ нея, и тепло, и ясно.

Намъ, дѣтямъ, казалось, что съ пріѣздомъ бабушки Аграфены Ниловны, или какъ называли мы ее по причинѣ ея высокаго роста, «большой бабушки», казалось, что и самоваръ шипѣлъ и свисталъ веселѣе, и чай вкуснѣе, и свѣчи горѣли ярче, и всѣ становились добрѣе и ласковѣе другъ съ другомъ. Совсѣмъ особенная, радостная, поднималась въ домѣ суета, когда она пріѣзжала, или когда получалось извѣстіе, что она скоро будетъ. Суета всегда поднималась, когда пріѣзжало много гостей, или ждали, что они пріѣдутъ; но суета при пріѣздѣ бабушки была особенная, свѣтлая, въ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

которой каждый принималъ участіе, и въ которой не было недовольныхъ, а, напротивъ, всѣ, одинъ передъ другимъ, добровольно и по собственному почину, дѣлали то-то, говорили, какъ бы не забыть того-то, и т. д., и т. д.

Все это показывало, повидимому, что бабушку Аграфену Ниловну никакъ нельзя было упрекать въ добрыхъ чувствахъ, которыя она привозила къ намъ съ собою изъ своего Большого Бора въ нашу сторону, а напротивъ, что эти добрыя ея чувства были даже необыкновенны и всѣ ихъ ощущали, всѣ имъ радовались, отдыхали на нихъ. А между тѣмъ ее упрекали и именно въ отсутствіи этихъ чувствъ.

Нѣкоторые намеки, однакожъ, я понималъ, и именно намеки, не объясненія, на то, чего имъ отъ нея хотѣлось и чего она не дѣлала, не догадывалась или не хотѣла дѣлать, и что собственно они называли въ ней недостаткомъ родственныхъ чувствъ.

Бабушка Аграфена Ниловна не была похожа ни на кого изъ нашихъ родственниковъ. Она была, какъ я говорю, очень добрая и, пріѣзжая, вносила съ собою въ домъ свѣтъ, миръ и теплоту, радостныя все чувства; но всѣ въ то же время сознавали и понимали, чувствовали даже это, что и теплота и свѣтъ ея разливаются на всѣхъ одинаково, что она никого этимъ не надѣляетъ больше чѣмъ другого и не обдѣляетъ... Мнѣ хочется это объяснить, какъ я понималъ это тогда, какъ мнѣ это представлялось въ то время. Теперь я, можетъ быть, употребилъ бы для этого другія слова, другія выраженія, но это ужъ не будетъ соотвѣтствовать моему намѣренію. Мнѣ хочется показать и ее, и отношенія къ ней, такими, какими я ихъ тогда понималъ...

Дѣйствительно, трудно было сказать, кто ей былъ больше радъ въ домѣ — господа, родственники ея, къ которымъ она пріѣхала, или ихъ домочадцы и ихъ окружающая прислуга. Она со всѣми была привѣтлива, всѣхъ согрѣвала своей теплотой, для всѣхъ находила доброе, ласковое слово, а ихъ, этихъ словъ, тогда вообще мало было...

По-настоящему, слѣдовало бы сказать, что она была человѣкомъ въ полномъ и хорошемъ смыслѣ слова, что она любила всѣхъ людей потому, что они люди. Она не могла дѣлать между ними выбора—одному помочь, потому что онъ ей родственникомъ приходится, а другому отказать, потому только, что родственникомъ онъ ей не приходится. Вотъ это-то всѣ, сознавая, понимая и даже чувствуя въ ея отношеніяхъ, и называли отсутствіемъ у нея настоящихъ родственныхъ чувствъ.

А потомъ было другое еще. При низменности тогдашнихъ интересовъ, при тогдашнихъ нечистоплотныхъ привычкахъ и стремленіяхъ, при тогдашней, однимъ словомъ, разнузданности, всѣ чувствовали себя, не смотря на вносимую ею съ собою теплоту, стѣ-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

сненными: должны были въ этихъ своихъ привычкахъ и разнузданности сдерживаться, чего имъ не приходилось дѣлать въ присутствіи другихъ всѣхъ родственниковъ. И она, привѣтливая, величаво кроткая, стѣсняла ихъ, хотя ничего отъ нихъ не требовала, ни въ чемъ никого никогда не упрекала. Но теплота и свѣтъ — сами по себѣ страшныя силы...

И еще: бабушка слушала всегда съ какимъ-то страннымъ выраженіемъ, ближе всего похожимъ на участливое сожалѣніе къ самому разсказчику, всѣ сообщаемыя ей новости, слухи, анекдоты о прочихъ родственникахъ и сосѣдяхъ. У нея это выраженіе было доброе, но иногда до того грустное, что разсказчикъ, очевидно, хотѣвшій своимъ сообщеніемъ доставить ей удовольствіе, невольно при этомъ смущался, терялся и замолкалъ, а бабушка, вздохнувъ, говорила:

— Да, жалкій, несчастный.

— Позвольте-съ, почему же? — иногда позволялъ себѣ сдѣлать ей возраженіе разсказчикъ.

— Не понимаетъ, что это не хорошо—вотъ почему. Еслибы онъ получилъ лучше воспитаніе и образованіе, онъ бы понималъ, а теперь не понимаетъ.

— Позвольте, какъ же не получилъ? Онъ воспитывался и проч., и проч.,—продолжалъ возражать разсказчикъ.

Но бабушка ужъ молчала, дальше ничего не отвѣчала или говорила:

— Ну, Господь съ нимъ...

И затѣмъ ужъ никто не могъ заставить ее высказаться дальше.

Вотъ въ этомъ-то сожалѣніи ея, неопредѣленномъ до того, что нельзя было почти разобрать къ кому оно относится — къ предмету разсказа или къ самому разсказчику—и усматривалось тоже обидное для родственниковъ съ ея стороны отношеніе.

— Она точно выше всѣхъ, точно всѣ достойны съ ея стороны только одного сожалѣнія: недосягаемая какая!—говорили они про нее, и при этомъ добавляли: — Ея мужа родня что ли выше? Что братъ-то его профессоръ? Или, можетъ, что они по зимамъ въ Петербургъ все ѣздятъ?...

И эта родня ея мужа въ самомъ дѣлѣ была совсѣмъ особая, отличная отъ всѣхъ нашихъ родственниковъ и вообще отъ всѣхъ помѣщиковъ-сосѣдей въ нашей сторонѣ. И по виду они были особенные, не такіе какъ наши. Наши всѣ были усатые, съѣзжаясь, ѣли и пили неумѣренно и какъ-то постоянно и зря, если можно такъ сказать. Разговоръ у нихъ былъ только объ лошадяхъ—они всѣ почти были коннозаводчики, да объ охотѣ, о волкахъ, лисицахъ, зайцахъ, у кого какіе собаки, чьи лучше, рѣзвѣе, чьи хуже, слабосильнѣе, не такъ злобны. Тамъ же, въ той сторонѣ, или въ томъ кругу, который, мы видали, собирался въ Большомъ Бору у

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

бабушки, было все иное, не похожее на этихъ. Бросалась въ глаза ихъ чинность, изысканность въ обращеніи и въ словахъ, даже костюмы были иные, совсѣмъ иного фасона и покроя: ни этихъ бекешъ, ни венгерокъ, ни бѣличьихъ или барашковыхъ полушубчиковъ, крытыхъ сѣрымъ или синимъ сукномъ съ опушкой, въ которыхъ ходили у насъ, въ нашей сторонѣ, и дома и ѣздили въ гости запросто—ничего этого тамъ не было.

Однажды, я какъ-то по этому случаю замѣтилъ матушкѣ:

— Какая разница,—сказалъ я.

— А тебѣ нравится это?

— Нравится. Да такъ...

— Что такъ?

— Такъ лучше. Такъ мнѣ больше нравится...

И разговоры мы слышали, бывая тамъ, совсѣмъ другіе тоже. Разсказывалось про Петербургъ, про за-границу, гдѣ многіе изъ нихъ были, про театръ, про книги.

И замѣчали мы, что и бабушка въ этомъ кругу, у себя, дѣлалась совсѣмъ иною, совсѣмъ не такою, какою мы видѣли ее въ нашей сторонѣ, когда она пріѣзжала къ намъ. Она была въ этомъ своемъ кругу еще свѣтлѣе, еще веселѣе, добродушнѣе; она становилась, казалось, моложе даже.

Я замѣчалъ эту перемѣну въ ней, сравнивалъ, вспоминалъ, какою я видѣлъ ее въ нашей сторонѣ и какою она была теперь, припоминалъ отзывы объ ней, т. е. вотъ объ этомъ недостаткѣ у нея родственныхъ къ намъ, т. е. къ нашимъ родственникамъ въ нашей сторонѣ чувствъ,—ясно замѣчалъ, видѣлъ даже, что у нея сердце дѣйствительно лежало больше къ своему кругу, къ родственникамъ ея мужа, которые наѣзжали къ ней, собирались у нея, и съ какими-то радостными чувствами раздѣлялъ съ ней ея симпатіи къ этимъ людямъ, такимъ простымъ, свѣжимъ и чистымъ, начиная съ одежды ихъ и кончая ихъ мнѣніями, отзывами и вообще разговорами.

II.

Въ это время вотъ, къ которому относится настоящій разсказъ, т. е. вначалѣ, въ самыхъ первыхъ, пятидесятыхъ годахъ, какъ разъ, когда только-что была объявлена Крымская война, у насъ проявился, въ нашей сторонѣ, одинъ общій какой-то родственникъ, приходившійся намъ собственно двоюроднымъ дядей—«дядя Яша». Онъ былъ отставной уланъ, и какъ ужъ онъ не попалъ на войну, т. е. не былъ выбранъ въ ополченіе, куда выбирали всѣхъ отставныхъ, бывшихъ военныхъ,—я не знаю. Всѣ почти тогда ушли на войну, а онъ, смутно и неизвѣстно гдѣ-то проживавшій все время, вдругъ тутъ-то какъ разъ и проявился.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Дядя Яша былъ сынъ нашего двоюроднаго дѣдушки Дмитрія Ивановича Скурлятова, извѣстнаго въ свое время конскаго заводчика и вмѣстѣ съ тѣмъ страшнаго крѣпостника, о дѣяніяхъ котораго и до сихъ поръ еще живы воспоминанія. Дядя Яша почему-то былъ опальный у своего отца, не бывалъ у него, не получалъ отъ него содержанія и будучи хотя и самъ буйнаго и строптиваго характера, при томъ же онъ пилъ, разсказывалъ про своего отца ужасныя вещи, давалъ ему эпитеты, клички, такъ что родственники, къ которымъ онъ пріѣзжалъ, или у которыхъ онъ жилъ—онъ жилъ иногда по мѣсяцамъ—останавливали его, говорили, что это не прилично ему такъ выражаться про отца своего, каковъ бы онъ ни былъ. Дядя Яша стихалъ на нѣкоторое время, какъ-то пошло подсмѣиваясь надъ трусостью останавливавшихъ его родственниковъ, не переносившихъ такого, по ихъ словамъ, кощунства, но послѣ опять принимался за свое. Насъ, дѣтей, такъ совсѣмъ не пускали туда, гдѣ жилъ дядя Яша, а если онъ пріѣзжалъ неожиданно къ кому-нибудь изъ нашихъ родственниковъ или знакомыхъ, гдѣ и мы въ то время находились, то гувернантки наши такъ ужъ и знали, что имъ надо съ нами уходить въ садъ гулять или, если былъ дождь и вообще ненастная погода, то садиться и заниматься съ нами, диктовать, читать, переводить, словомъ, лишь бы имѣть какой-нибудь предлогъ сказать дядѣ Яшѣ, что видѣть насъ сегодня нельзя. А тамъ поскорѣе и совсѣмъ уѣзжали. Дядя Яша, не смотря даже на распущенность вообще всѣхъ родственниковъ и сосѣдей въ нашей сторонѣ, все-таки бременилъ даже и ихъ. Его хотѣли помирить съ отцомъ и на нѣкоторое время даже и помирили. Другой дѣдушка, братъ отца дяди Яши, привезъ его въ домъ къ родителямъ, заставилъ ихъ даже поцѣловаться и какъ-то сдѣлалъ такъ, что безъ всякихъ словъ и объясненій, все пошло какъ бы и не было никогда у нихъ никакой ссоры, а дядя Яша просто вернулся домой послѣ долгой разлуки. Эту мировую, я помню, тогда всѣ ставили въ примѣръ, какъ образецъ умѣнья Михаила Ивановича Скурлятова мирить. Но это продолжалось, однако, недолго. При строптивомъ и деспотическомъ характерѣ ихъ обоихъ, и отца, и сына, они, конечно, не могли долго ужиться вмѣстѣ, тѣмъ болѣе что у сына не было никакого дѣла, отецъ не довѣрялъ ему, или, не полагаясь на него, не давалъ ему ни за чѣмъ смотрѣть, ни чѣмъ распоряжаться. Ссора у нихъ вышла, кажется, изъ-за лошадей, которыхъ они оба считали себя знатоками—дѣдушка Иванъ Дмитріевичъ, какъ извѣстный коннозаводчикъ, а дядя Яша, какъ лихой кавалеристъ и при томъ бывшій ремонтеръ. Они поссорились на конюшнѣ, и эта ихъ ссора на глазахъ у всей дворни, говорятъ, была ужасна. Дѣдушка хотѣлъ было приказать его связать, чтобы тутъ же на конюшнѣ, за непочтеніе, по правамъ родительскимъ, наказать, а дядя Яша выхватилъ пистолетъ, ко-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

торый всегда носилъ при себѣ заряженнымъ, и съ страшными ругательствами на отца, объявилъ, что застрѣлитъ перваго, кто подступитъ къ нему и это ему все равно, если этотъ первый будетъ самъ его отецъ. Дѣдушка тоже не хотѣлъ уступить и приказывалъ конюхамъ подъ угрозой своего гнѣва—а они знали, что такое его гнѣвъ—взять дядю Яшу и вязать его. Одинъ изъ нихъ, перекрестившись, и подступилъ было къ нему; но дядя Яша безъ дальнихъ словъ выпалилъ въ него и конюхъ, раненый въ животъ, упалъ, обливаясь кровью. Другіе сейчасъ же разбѣжались. Отецъ и сынъ остались вдвоемъ съ глазу на глазъ...

— Ну, подступайся ко мнѣ, бери, вяжи меня,—кричалъ дядя Яша.—Кровопійца, хочешь моей еще напиться крови. Мало ты ее пилъ, мало погубилъ людей—ну, что же,—подступайся!..

Дѣдушка прибѣгъ къ обыкновенному въ то время средству — проклялъ его. Но дядя Яша нашелся и тутъ: онъ тоже въ свою очередь проклялъ дѣдушку. Между тѣмъ изо всѣхъ дверей манежа—сцена происходила въ конюшенномъ манежѣ—выглядывалъ на нихъ собравшійся перепуганный народъ. Наконецъ, дѣдушка, шатаясь, пошелъ первый къ выходу—отступилъ. Дядя Яша напутствовалъ его страшными ругательствами, при чемъ проклиналъ и всю родню отца своего, всѣхъ кто были уже въ гробахъ давно, и кости чьи сгнили и истлѣли ужъ...

Это событіе взволновало тогда, я помню, весь уѣздъ, пріѣзжалъ предводитель къ дѣдушкѣ, губернаторъ присылалъ къ нему какихъ-то чиновниковъ, пріѣзжалъ жандармскій полковникъ «голубой», какъ ихъ называли тогда помѣщики въ разговорахъ между собою;—было, кажется, слѣдствіе, но должно быть не гласное, а домашнее какое-нибудь, потому-что никакого суда ни надъ дѣдушкой, ни надъ дядей Яшей не было и все кончилось тѣмъ, что дядя Яша съ этихъ поръ сталъ разъѣзжать по родственникамъ на своей тройкѣ лошадей, въ своемъ тарантасѣ, съ своимъ крѣпостнымъ кучеромъ, котораго получилъ отъ дѣдушки и котораго отвратительно билъ, куда не пріѣзжалъ только, да сталъ онъ же, дядя Яша, получать черезъ третье лицо, черезъ другого дѣдушку, по пятидесяти рублей въ мѣсяцъ содержанія отъ своего отца. Этихъ денегъ, всѣ хотя и находили, что для дяди Яши мало, однако же, спрашивая себя: на что они ему?—не могли отвѣтить на это, такъ какъ куда бы дядя Яша не пріѣзжалъ, вездѣ и кучеръ его и лошади были на хозяйскомъ иждивеніи, а самъ онъ, повидимому, на себя ничего не тратилъ, такъ какъ одѣтъ былъ невообразимо грязно и сально: весь блестѣлъ, лоснился, не бритый, не стриженый, съ грязными пальцами и ногтями. Только одинъ и былъ у него, повидимому, расходъ—это на турецкій табакъ, который онъ курилъ, поминутно набивая себѣ маленькую коротенькую трубочку и вытряхивая изъ нея, гдѣ попало и на что попало, пепелъ.

Державна історична БІБЛІОТЕКА УРСР
НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Гдѣ дядя Яша поселялся, въ этой комнатѣ заводился до такой степени противный запахъ, что туда никто взойти не могъ, не затаивая дыханія, а убирать эту свою комнату или провѣтривать ее онъ ни подъ какимъ видомъ не позволялъ.

— Это какой-то персіанинъ,—говорили про него,—тѣ такіе неопрятные только.

У насъ въ домѣ, наверху, на мезонинѣ, жили одно время молодые лисята, принадлежавшіе, не помню, кому-то изъ сосѣдей, и ихъ почему-то долго отъ насъ не брали. Они, какъ извѣстно, ужасно нехорошо пахнутъ, и этотъ запахъ оттуда проникалъ и въ домъ, внизъ, въ наши жилыя комнаты. Однажды, «тетя Липа», тетушка Алимпіада Васильевна, грубо нѣкогда обиженная дядей Яшей, пріѣхала къ намъ и, почувствовавъ въ передней противный этотъ запахъ, безъ всякихъ дальнихъ объясненій повернула было назадъ, чтобы садиться опять въ экипажъ и ѣхать обратно въ полной увѣренности, что это у насъ сидитъ дядя Яша, и дурной этотъ запахъ происходитъ отъ него. Только увѣренія матушки и всѣхъ насъ, поспѣшившихъ за ней на крыльцо, что это произошло не отъ пребывающаго у насъ дяди Яши, а отъ неопрятныхъ звѣрковъ, удержалъ ее; но и тутъ она все-таки взяла съ матушки честное слово, что это такъ и есть на самомъ дѣлѣ и вовсе не желаніе наше какъ-нибудь помирить ее, хотя бы путемъ невиннаго обмана, съ непріятнымъ ей родственникомъ. Вотъ это былъ что за человѣкъ!..

И въ то же время это былъ замѣчательной красоты мужчина. Къ этому времени, къ которому относится разсказъ, ему было лѣтъ тридцать съ чѣмъ-нибудь—тридцать два, тридцать три. Нечесаный, не бритый, засаленный, грязный, почти въ лохмотьяхъ, онъ все же, когда злоба не искажала его лица, заставлялъ невольно всѣхъ любоваться на себя. Ко всему этому надо прибавить, что и по сложенію, и по силѣ, которой онъ обладалъ, это былъ атлетъ. Онъ, съ размаху, кулакомъ въ лобъ, убивалъ на охотѣ волка, рвалъ сыромятную баранью шкуру и проч., и проч.

III.

Въ Большомъ Бору у бабушки Аграфены Ниловны, какъ я уже сказалъ, была прекрасная и обширная усадьба, перешедшая къ ея мужу отъ отца и построенная, кажется, еще его дѣдомъ или прадѣдомъ. Садъ въ Большомъ Бору считался, по величинѣ и обширности, а такъ же и толщинѣ и вышинѣ своихъ кленовъ, липъ и дубовъ, едва ли не первымъ во всей губерніи. По крайней мѣрѣ, нигдѣ въ окружности не было ничего подобнаго даже ему. Кромѣ двухъ прудовъ, къ одной сторонѣ сада подходила рѣчка, быстрая, ясная, съ водой до такой степени ясной и чистой, что всѣ ка-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

мешки на днѣ ея были видны, а вода въ ней была такая холодная отъ множества ключей, что только въ самое жаркое время и то въ серединѣ лѣта можно было съ удовольствіемъ купаться въ ней.

За садомъ по ту сторону рѣчки было обширное гумно, наполненное скирдами, безконечными ометами соломы и какими-то сараями для сѣна, мякины и т. п.

Но сама бабушка не была хозяйкой, т. е. собственно не любила она хозяйства. Она любила садъ, любила читать, любила общество, но хозяйство не составляло для нея ни предмета заботъ, ни любви и увлеченія, какъ у многихъ другихъ. Она все управленіе имѣніемъ и хозяйствомъ предоставила бывшему камердинеру своего покойнаго мужа, извѣстнаго своей преданностью и честностью, старику Василію Меркуловичу. Это управленіе было по своему замѣчательное. Во-первыхъ, Василій Меркуловичъ не имѣлъ никакого права вмѣшиваться въ дѣла мужиковъ на деревнѣ: они женились, дѣлились, ставили отъ себя рекрутовъ, въ случаяхъ набора, все по своему собственному постановленію, равно какъ и ходили на барщину, предводимые ими же выбраннымъ старостой. Потомъ, Василій Меркуловичъ не имѣлъ, равно какъ и никто не имѣлъ, права бить и наказывать. Въ этомъ случаѣ, бабушка была до такой степени послѣдовательна, что кучеръ ея, сѣдой тоже старикъ «Никандра» не смѣлъ бить и лошадей и даже не имѣлъ никогда кнута при себѣ.

— Ахъ, ужасъ какой,—говорила бабушка, когда при ней замѣчалъ кто-нибудь про лошадь:—«вотъ бы ее хорошенько, небось перестала бы...»—Точно нельзя такъ ее заставить бѣжать.

— Да не идетъ!

— Значитъ, не можетъ.

— Какой не можетъ,—не хочетъ.

— Пожалуйста и не доказывайте этого мнѣ.

Что это за хозяйство было и что это было за управленіе, я не могу сказать, потому, что въ то время я ничего не понималъ въ этомъ дѣлѣ. Помню только насмѣшки надъ этимъ ея управленіемъ, разумѣется, не въ глаза ей, всѣхъ почти родственниковъ въ нашей сторонѣ.

— Развѣ это управленіе, развѣ это называется хозяйствомъ? Она это дѣлаетъ потому, что у нея нѣтъ дѣтей, а кому это все достанется послѣ смерти ея—до тѣхъ ей дѣла нѣтъ,—говорили они.

Но бабушка тѣмъ не менѣе, однакожъ, не только не имѣла никакихъ долговъ, но, напротивъ, у нея было много денегъ, она была свободна въ средствахъ и жила широко, на большую ногу. Я помню этотъ ея домъ въ Большомъ Бору, помню, какъ тамъ собирались, съѣзжались, сосѣди ея и родственники покойнаго ея мужа. Тамъ было самое полное радушіе, гостепріимство, обиліе

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

всего. Стало быть, и при этомъ хозяйствѣ, и при этомъ управленіи ей всего хватало все-таки.

Бабушка была бездѣтна, какъ я уже сказалъ, т. е. у нея были дѣти—двое—но они умерли еще маленькими, и я ихъ не видалъ, потому-что они умерли, кажется, когда меня и самого еще на свѣтѣ не было. Но дѣтей она любила безконечно, и они ее любили; гдѣ бы она ни была, у кого бы она ни гостила во время своихъ весеннихъ поѣздокъ по роднымъ въ нашей сторонѣ, она была всегда окружена дѣтьми. Но это была совсѣмъ особая съ ея стороны любовь къ нимъ. Она не дарила имъ никахъ сладостей, игрушекъ, напротивъ, она только говорила съ ними, но говорила особенно какъ-то, такъ, какъ, я помню, никто не говорилъ.

— Люблю я ихъ, глупые они такіе,— бывало, разсмѣявшись, скажетъ она, и вздохнетъ.

— Да, и утѣшенія отъ нихъ много,—тоже со вздохомъ отвѣтитъ кто-нибудь ей,—и горя тоже не мало съ ними.

Помню, говорили, что когда умерли ея собственныя дѣти и потомъ вскорѣ умеръ у нея и мужъ, она взяла къ себѣ на воспитаніе чью-то дѣвочку, кого-то изъ дворовыхъ и вскорѣ къ ней страшно привязалась. И дѣвочка, говорятъ, была прелесть какая, умненькая, хорошенькая. Но на пятомъ, на седьмомъ году, съ ней сдѣлалась какая-то обыкновенная дѣтская болѣзнь—крупъ, скарлатина, или что-то въ этомъ родѣ, и она умерла на рукахъ у бабушки, которая, говорятъ, была въ такомъ отчаяніи, что съ полгода или больше не могла забыть ее и послѣ ужъ не брала къ себѣ на воспитаніе никого.

— Нѣтъ, — говорила она: — не далъ мнѣ Богъ своихъ дѣтей, отнялъ и чужого, котораго я взяла: видно мнѣ не слѣдутъ ихъ брать. Мнѣ подальше отъ нихъ надо быть...

Но это она говорила такъ, а на самомъ дѣлѣ, какъ я сказалъ, она, когда пріѣзжала, была постоянно окружена дѣтьми.

Такъ продолжалось довольно долго. Но вдругъ, однажды, кто-то изъ родственниковъ изъ нашей стороны, возвратясь отъ нея, привезъ извѣстіе, что у бабушки опять явилась питомка, сирота какого-то дальняго и бѣднаго родственника ея мужа, дѣвочка лѣтъ четырнадцати или пятнадцати и замѣчательной при томъ красоты.

Это время я ужъ помню и помню даже разговоръ по поводу этого.

— Да, и опять-таки изъ мужниной родни. Точно она не могла взять какую изъ свой родни. Вотъ, хоть бы такую-то, или такую-то,— перечисляли они при этомъ,—нѣтъ, да что тутъ говорить...

Весной слѣдующаго года мы увидали всѣ эту дѣвочку. Бабушка навѣщать родныхъ «нашей стороны» пріѣхала вмѣстѣ съ ней. Къ первымъ она пріѣхала, по обыкновенію, къ намъ, какъ къ жившимъ ближе всѣхъ къ ней и притомъ по дорогѣ ко всѣмъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

остальнымъ. Она всегда такъ дѣлала, пріѣдетъ къ намъ къ первымъ, погоститъ у насъ, затѣмъ поѣдетъ дальше, и, когда всѣхъ объѣдетъ, на возвратномъ пути, отправляясь домой уже, опять къ намъ заѣдетъ, «отдохнуть», какъ она говорила, и прогоститъ у насъ еще дня два или три.

— А вотъ я вамъ привезла и мою Лидочку,—указывая на свою питомку и улыбаясь своей тихой и ясной улыбкой, говорила она:— вы не стѣсняйтесь съ ней, возитесь, бѣгайте, играйте: это ничего, что она кажется такой большой: она такая же глупая, какъ и вы.—И ты, Лидочка, можешь тутъ не стѣсняться.—Ну, отправляйтесь, показывайте ей все...

Мы приняли эту Лидочку съ радостью, и она намъ сразу же понравилась. Она, дѣйствительно, была сравнительно съ нами большою совсѣмъ почти. Я какъ сейчасъ гляжу на нее. То серьезная и сосредоточенная, почти нелюдимая, разсѣянная въ своей задумчивой сосредоточенности, а то вдругъ разыграется такъ, что ей и удержу нѣтъ, кажется. Возится съ нами, пристаетъ, хохочетъ.

А бабушка глядитъ и только улыбается на нее и на насъ.

— Ну, чтожъ, неправда развѣ,—совсѣмъ вѣдь глупая такая же, какъ и вы,—скажетъ только.

Но это видно было, что она любитъ ее безгранично, привязалась къ ней душою, и она стала за это время все для нея.

Такъ прожила она у насъ съ этой питомкой своей, по обыкновенію, дня три или четыре и поѣхала дальше къ слѣдующимъ родственникамъ.

Я помню, какъ намъ не хотѣлось разставаться съ ней, и мы упрашивали, чтобы намъ оставила Лидочку.

Но бабушка, улыбаясь и покачивая отрицательно головой, говорила, что этого нельзя сдѣлать, а вотъ когда она назадъ домой поѣдетъ и заѣдетъ къ намъ по пути «отдохнуть», мы опять будемъ нѣсколько дней вмѣстѣ съ Лидочкой: — А потомъ вы ко мнѣ пріѣдете...

Гувернантки у Лидочки не было. Оказалось, какъ мы узнали это, бабушка сама съ ней занимается. По-французски и по-англійски Лидочка говорила не хуже нисколько насъ, у которыхъ были и гувернантки и прежде бонны.

— Какъ же бабушка съ тобой занимается?

— А очень просто: читаетъ, говоритъ, диктуетъ.

— И когда же она съ тобой занимается?

— Зимой, осенью.

— А лѣтомъ?

— Лѣтомъ она только говоритъ со мной по-французски и по-англійски, чтобы я не забыла.

— А ужъ ты лѣтомъ совсѣмъ не учишься?

— Совсѣмъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— И давно ты ужъ перестала учиться?

— Давно. Какъ трава показалась и стало тепло, можно въ одномъ платьѣ выходить.

— Ты любишь бабушку?

— Очень.

— Она тебя въ прошломъ году къ себѣ взяла?

— Въ прошломъ году, осенью.

— Какъ твой папа умеръ?

— Да...

— А онъ отчего умеръ?

— Онъ пилъ...

— У тебя, Лидочка, вѣдь нѣтъ ни братьевъ, ни сестеръ?

— Нѣтъ.

И всегда она отвѣчала такъ коротко, отрывочно, сжато, точно и опредѣленно.

Бабушка одѣвала ее просто, очень даже просто, но на ней все сидѣло ловко, сшито было все отлично.

Въ ея отношеніяхъ къ бабушкѣ, бросалась въ глаза прежде всего какая-то равность съ ней. Она говорила съ ней, разсказывала ей, спрашивала ее, какъ равная съ равной, хотя это нисколько не стѣсняло бабушку называть ее иногда глупой.

— Ну, какая же ты глупая, какъ же ты этого не понимаешь?

— Теперь вотъ понимаю,—отвѣчала Лидочка, смотрѣла на нее и улыбалась.

А бабушка ужъ едва-едва удерживалась, чтобы ее не обнять, не разцѣловать.

И это всѣмъ было понятно, потому-что это было всѣмъ сейчасъ же видно.

А то она серьезно, и совсѣмъ какъ большая, — подойдетъ къ бабушкѣ и поправитъ на ней что-нибудь,—поправитъ и отойдетъ, не говоря ни слова, точно какъ равная съ равной и даже какъ какая-то попечительница ея, которая за ней, за бабушкой, смотритъ и наблюдаетъ, а не бабушка ея попечительница.

Потомъ она была у бабушки еще и для такого дѣла:

— Лидочка, я забуду и ты забудешь,—запиши-ка лучше.

— Что такое?

Бабушка говорила что записать, а Лидочка вынимала изъ кармана книжечку въ красномъ сафьянномъ переплетѣ и карандашикомъ записывала въ ней, что говорила ей бабушка.

— Это секретарь мой,—улыбаясь на нее, говорила бабушка.

— Лидочка, покажи книжку,—просили мы.

— На, посмотри, только не читай. Никогда не слѣдуетъ читать чужихъ писемъ.

И все это она говорила, какъ опытная, совсѣмъ ужъ большая, которая все испытала уже и все знаетъ, что можно и что нѣтъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Она была очень красивая; большіе черные глаза, большая тяжелая черная коса, хотя и короткая еще, здоровыя, красныя, какъ кровь, губы, которыя она, совсѣмъ еще съ дѣтской привычкой, облизывала.

— Лидочка!—скажетъ ей бабушка и покачаетъ при этомъ головой.

А она улыбнется или и вовсе расхохочется.

— Бабушка, да онѣ сохнутъ у меня.

— Онѣ всегда у тебя будутъ сохнутъ, если ты ихъ лизать будешь.

— Вотъ какъ къ дѣтямъ передаются привычки,—говорила при этомъ бабушка:—ея мать, которую она едва ли даже и помнитъ—все облизывала губы.

Такою эта Лидочка намъ представилась въ этомъ году, когда бабушка въ первый разъ къ намъ пріѣхала и такой же точно, только еще больше полюбили, подружились съ ней, мы нашли ее и когда черезъ мѣсяцъ, объѣхавъ всѣхъ родныхъ, бабушка завернула на обратномъ пути «отдохнуть» къ намъ.

Бабушка съ Лидочкой уѣхали, и когда начали послѣ этого пріѣзжать къ намъ родственники, эта Лидочка не сходила у нихъ съ языка.

— Ну, Аграфена Ниловна успокоилась теперь, кажется:—нашла себѣ наслѣдницу.

— Непонятно только зачѣмъ она ее всюду съ собою таскаетъ? Это вызовъ съ ея стороны...

— Она, погодите, задастъ еще ей...

— Аграфена Ниловна, вотъ вы увидите, не только Большой Боръ, а и свое здѣшнее имѣніе ей же отдастъ.

И все въ этомъ родѣ. И опять начинались безконечные пересуды и доказательства того, что настоящихъ родственныхъ чувствъ у бабушки ни къ кому изъ своихъ родныхъ нѣтъ.

Осенью, мы, по обыкновенію, съ матушкой отправились на недѣлю къ бабушкѣ въ Большой Боръ, но тоже, по обыкновенію, прожили тамъ не одну недѣлю, а двѣ цѣлыхъ, если не больше. Опять мы цѣлыми днями проводили время съ Лидочкой, бѣгали, она насъ всюду водила, гдѣ мы прежде и не были, угощала насъ, объясняла намъ, чего мы не понимали или не знали въ ихъ отличномъ отъ нашего домашнемъ быту.

Короче, Лидочка сдѣлалась такимъ нашимъ другомъ, что когда потомъ пришлось намъ при отъѣздѣ разставаться, мы расплакались всѣ и въ томъ числѣ и сама Лидочка. Я какъ сейчасъ гляжу на нее: стоитъ, смотритъ; большіе, большіе сдѣлала глаза и все старается сморгнуть съ рѣсницъ слезы, а они у нея все набѣгаютъ и капаютъ ей на щеки, крупныя, большія...

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Мы такъ и разстались, повторяя все и ей и бабушкѣ, чтобы онѣ раньше пріѣзжали на будущій годъ къ намъ и дольше у насъ прогостили...

IV.

Въ эту зиму у насъ по какому-то случаю собралось много родственниковъ,—кажется, это было въ день именинъ отца,—жили, угощались нѣсколько дней, и такъ какъ никакихъ развлеченій, кромѣ картъ, ѣды и т. под. не было, то неиграющіе дамы и мужчины посвящали досуги длинныхъ зимнихъ вечеровъ обсужденію чужихъ дѣлъ, оцѣнивая достоинства и недостатки въ отсутствующихъ, однимъ словомъ, занимались обычными своими дѣлами. Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ, кто-то изъ родственниковъ такъ, какъ бы между прочимъ, замѣтилъ, что вотъ хорошо бы было женить дядю Яшу на бабушкиной Лидочкѣ. У дяди Яши, какъ ни противенъ онъ былъ, однакоже, особенно между родственницами, были и защитницы, и покровительницы, которыя ухитрялись видѣть въ немъ какую-то угнетенную невинность, жертву чуть не общей къ нему несправедливости и проч., и проч.

— Въ самомъ дѣлѣ, я со всѣмъ не понимаю, отчего ему на ней и не жениться?

Другіе возражали, что на это никогда и ни въ какомъ случаѣ не согласится бабушка, что объ этомъ и думать нечего.

— Почему это?

— Ну, какъ почему?

— То-то: почему?—настаивала одна родственница, особенно ненавидѣвшая и всегда злословившая про бабушку:—прежде всего кто это такая эта Лидочка? Какая-то Петрова, а Яковъ Дмитріевичъ все-таки хорошей фамиліи.

— Все равно, объ этомъ и рѣчи не можетъ быть, бабушка ни-зачто не согласится за него выдать ее.

— А можетъ ея согласія никто и не спроситъ?.. Увидитъ эта Лидочка Якова Дмитріевича какъ слѣдуетъ, въ приличномъ видѣ—развѣ не можетъ онъ этого сдѣлать?—и влюбится въ него.

— Въ Якова Дмитріевича-то!..

— Да, и очень даже легко.

Это все говорилось при насъ съ сестрой, мы слушали это, удивлялись, и намъ было какъ-то даже страшно за Лидочку. А родственница разсуждала объ этомъ, какъ о совершенно возможномъ фактѣ, причемъ все удивлялась, что это другія находятъ въ этомъ страннаго. И какая можетъ быть рѣчь о томъ, что бы, если Яковъ Дмитріевичъ, этотъ родовитый баринъ, сдѣлаетъ честь, предложитъ руку какой-то бездомной Петровой, чтобы она не согласилась за него выйти? О согласіи бабушки на это она уже совсѣмъ умалчивала или отзывалась какъ-то иронически и зло.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Этотъ разговоръ, я помню, произвелъ и не на насъ однихъ, дѣтей, но и на многихъ взрослыхъ, странное, загадочное, подозрительное какое-то впечатлѣніе, если можно такъ выразиться, которое усугублялось еще тѣмъ, что всѣмъ хорошо было извѣстно, что эта родственница и умна, и зла, и такъ спроста говорить не станетъ. Во всякомъ случаѣ, значитъ, такой планъ у кого-то явился и зрѣетъ, находя одобреніе...

Но тутъ же всѣ сейчасъ находили этотъ планъ не состоятельнымъ, было ясно до очевидности, что осуществить его никогда имъ не удастся, потому что невозможно было даже представить себѣ, чтобы бабушка согласилась на этотъ бракъ, да и сама Лидочка—эта симпатичная, умненькая дѣвочка—весной ей еще только исполнится пятнадцать и пойдетъ шестнадцатый—чтобы она сама могла влюбиться въ него.

— Разумѣется, вѣдь, это все изъ-за денегъ,—говорили по отъѣздѣ родственницы, пустившей въ обращеніе этотъ планъ:—въ предположеніи, что Аграфена Ниловна все свое состояніе отдастъ ей, послѣ своей смерти.

— Да, и это—это конечно главное—и зло вмѣстѣ съ тѣмъ противъ Аграфены Ниловны.

— Ахъ, какая злоба. И за что? Вѣдь она все равно не наслѣдница ея. Умри Аграфена Ниловна завтра,—она все равно ничего изъ ея наслѣдства не получитъ.

Изъ всѣхъ этихъ разговоровъ хотя и становилась яснымъ нелѣпость этого плана, увѣренность въ невозможности его осуществленія, но тѣмъ не менѣе все-таки являлось и непріятное чувство—какъ это такъ могъ у кого-то подобный планъ явиться?.. До того онъ не уживался съ симпатичнымъ и яснымъ представленіемъ объ образѣ бабушки Аграфены Ниловны. Самое появленіе этого плана было уже какъ бы какимъ-то посягательствомъ на представленіе объ ней, объ этомъ ясномъ ея образѣ.

А между тѣмъ и послѣ этого раза, разговоры о дядѣ Яшѣ въ совмѣстности съ бабушкой и съ Лидочкой не прекращались. Нѣтъ, нѣтъ, да кто-нибудь опять и заговоритъ. Не смотря, говорю я, на нелѣпость этой комбинаціи, на видимую и очевидную ея неосуществимость, они, эти разговоры, продолжались и даже стали какъ-то обыкновенными...

Въ февралѣ, на масляницу, опять у насъ съѣхалось много народу, много и родственниковъ и родственницъ, и въ числѣ привезенныхъ ими новостей было и неожиданное совсѣмъ извѣстіе о перемѣнѣ, случившейся въ характерѣ и образѣ жизни дяди Яши. Про него разсказывали, что онъ сдѣлался неузнаваемъ совсѣмъ. Обрился, остригся, вымылся, и теперь сталъ какъ слѣдуетъ человѣкомъ. Прибавлялось: какой молодчина и хоть грубоватая его красота—похожъ на цыгана—но все-таки красивъ очень.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Это извѣстіе какъ бы указывало на то, что планъ, о которомъ было говорено выше, не только не покинутъ, какъ неосуществимый, но что дѣлаются нужныя приготовленія для приведенія его въ исполненіе. Во всякомъ случаѣ, въ извѣстіи этомъ можно было усмотрѣть нѣчто происходящее не спроста, не случайное что-нибудь, не новая какая-нибудь безпричинная выходка съ его стороны.

Такъ къ этому всѣ и относились. Но увѣренность въ невозможности осуществленія этого плана все-таки была велика у всѣхъ, и всѣ говорили, что этому перерожденію дяди Яши бабушка Аграфена Ниловна такъ легко не повѣритъ.

— Этимъ ее не проведешь, нѣтъ!—говорили всѣ и соглашались, что это ни къ чему не поведетъ.

— Какого агнца хочетъ разыграть!..

— Да, можетъ, онъ вовсе и не хочетъ? Можетъ, онъ ничего и не знаетъ вовсе объ этомъ планѣ. Ему, можетъ, просто надоѣло это юродство его, это свинское состояніе, въ которомъ онъ живетъ вотъ ужъ скоро два года?

Но, повторяю, не смотря на всѣ такіе разговоры, таилось какое-то у всѣхъ зловѣщее предчувствіе, что планъ этотъ, если и не осуществится, то, по крайней мѣрѣ, все-таки будутъ сдѣланы кѣмъ-то—неизвѣстно кѣмъ—попытки къ приведенію его въ осуществленіе...

Во время поста слухи объ обновленномъ и преобразовавшемся даже совсѣмъ дядѣ Яшѣ начали ходить все чаще и чаще. То тотъ пріѣдетъ изъ родственниковъ или сосѣдей, то другой, и привезетъ извѣстіе, что Якова Дмитріевича, дядю Яшу, видѣли тамъ-то, или тамъ-то, и онъ не узнаваемъ просто.

Но извѣстія объ немъ самомъ стояли какъ-то точно особнякомъ отъ плана о его женитьбѣ на Лидочкѣ. Онъ самъ точно не зналъ ничего объ этомъ и, казалось, точно онъ тутъ не причемъ, даже какъ будто страдательное лицо во всѣхъ этихъ сплетняхъ и разсказахъ. Никто съ нимъ объ этомъ не говорилъ, и самъ онъ никому ни однимъ намекомъ не давалъ понять, что причастенъ къ плану. Напротивъ, разсказывали, что онъ собирается уѣзжать опять въ тотъ же полкъ, изъ котораго три года тому назадъ вышелъ и жалѣетъ только объ одномъ, что пропустилъ кампанію, такъ какъ война уже кончилась къ этому времени и шли переговоры о мирѣ. Многіе изъ ополченцевъ-помѣщиковъ подъ разными предлогами ужъ возвратились, или, по крайней мѣрѣ, подъ разными предлогами пріѣзжали на время по какимъ-то служебнымъ своимъ дѣламъ и бывали у себя и у своихъ родныхъ и знакомыхъ въ деревняхъ.

А, между тѣмъ, ужъ приближалась весна, вездѣ показывались проталинки, дороги испортились, ждали скоро полой воды—время обычнаго пріѣзда къ намъ, въ нашу сторону, бабушки Аграфены Ниловны, пріѣзжавшей, какъ сказано, всегда къ намъ весною—подходило...

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

V.

Не знаю я, писала ли обо всѣхъ этихъ сплетняхъ и слухахъ матушка къ бабушкѣ Аграфенѣ Ниловнѣ, съ которой она была въ постоянной и болѣе или менѣе частой перепискѣ, но бабушка, когда въ этомъ маѣ, отправляясь въ свой родственный объѣздъ, заѣхала, по обыкновенію, прежде всего къ намъ, то въ тотъ же вечеръ, за чайнымъ столомъ, я помню, шелъ разговоръ о предположенной женитьбѣ дяди Яши.

Бабушка слушала все это съ своей ясной обычной улыбкой, дескать, Богъ съ ними, ну, чтожъ, что они такіе дурные и злые люди—ихъ все-таки надо не ненавидѣть, а прощать. Господь ихъ суди—не мы...

— Лидочка, а ты бы пошла за него?—спрашивали мы ее, когда мы отправились съ нею гулять въ садъ.

— За дядю Яшу-то?

И она, усмѣхнувшись, качала головой.

— Ты знаешь, онъ говорятъ теперь франтомъ.

— Ну, что за глупости такія!

— Такъ ни за что?

— Конечно.

— А если бабушка тебѣ велитъ?—продолжали мы ее испытывать.

Но Лидочка только воскликнула съ удивленіемъ и вмѣстѣ увѣренно:

— Бабушка?!.

Какъ-то передъ завтракомъ или чаемъ, на террасѣ, выходившей у насъ въ садъ и обросшей кустами сирени, которая въ это время цвѣла, мы съ сестрой и съ Лидочкой надѣлали себѣ изъ этихъ цвѣтовъ вѣнковъ и въ этомъ уборѣ встрѣчали, приходившихъ къ столу, большихъ. Всѣ смѣялись, съ нами шутили. На Лидочкѣ былъ огромный густой вѣнокъ, и казался онъ у нея, на головкѣ, совсѣмъ какъ шапка. Бѣлый, съ зелеными листьями, онъ удивительно шелъ къ ея смуглому лицу и ея большимъ чернымъ глазамъ. Она была въ немъ поразительно хороша. У насъ въ это время былъ кто-то изъ постороннихъ, не родныхъ, а просто сосѣдей, и, увидавъ ее въ этомъ уборѣ, остановился, и невольно высказалъ свое удивленіе ея красотѣ или тому, какъ идетъ къ ней этотъ вѣнокъ.

— Завидная невѣста,—замѣтилъ онъ.

Бабушка съ любовью и ясной, радостной, почти восторженной улыбкой смотрѣла на нее и тоже, какъ и всѣ, любовалась ею.

— Бабушка,—вдругъ сорвалось у меня,—она ни за что, я спрашивалъ ее, не пойдетъ за дядю Яшу.

Всѣ разсмѣялись этой выходкѣ и, шутя, опять заговорили объ этомъ нелѣпомъ слухѣ, кѣмъ-то распущенномъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Господь съ ними, я очень рада этой перемѣнѣ въ немъ,— сказала бабушка,—но ужъ Лидочку мою я вовсе не думаю за него выдать.

Лидочка, стоявшая возлѣ нея, приласкалась къ ней, и хотѣла, кажется, поцѣловать ее, но плохо скрѣпленный вѣнокъ ея при этомъ разсыпался и упалъ у нея съ головы.

— Ну, вотъ я больше и не невѣста,—подбирая цвѣты, со смѣхомъ говорила Лидочка. — Довольно съ меня побыла невѣстой и довольно.

Всѣ посмѣялись этому, поговорили еще что-то немного о дядѣ Яшѣ и объ этомъ слухѣ и разговоръ перешелъ на другое.

Бабушка и въ этотъ разъ пробыла, по обыкновенію, дня три и мы проводили ее, получивъ, какъ всегда, обѣщаніе, заѣхать еще разъ, на возвратномъ пути, «отдохнуть» къ намъ послѣ этой поѣздки.

— Лидочка, смотри же, не соглашайся, не выходи за него замужъ,—прощаясь съ ней, просили и напоминали ей мы съ сестрой.

— Глупости какія, съ ума я что ли сошла?

— Ты знаешь,—для большей вѣскости своихъ доводовъ добавилъ я,—вѣдь онъ проклятый. Его тогда на конюшнѣ дѣдушка проклялъ вѣдь...

Бабушка съ Лидочкой разсмѣялись.

Во время этихъ поѣздокъ у бабушки всегда былъ одинъ и тотъ же маршрутъ, такъ что всегда можно было знать приблизительно— днемъ раньше, днемъ позже—гдѣ она въ данный моментъ находится.

Помнится, матушка около этого же времени собиралась поѣхать тоже съ нами въ небольшую родственную поѣздку, и онѣ пригоняли съ бабушкой число такъ, чтобы имъ встрѣтиться и гостить вмѣстѣ. Но этотъ проектъ, которому мы были такъ рады, почему-то разстроился, къ огорченію нашему, и мы не поѣхали съ матушкой никуда, а остались дома.

Прошло по отъѣздѣ бабушки уже недѣли двѣ. Мы имѣли свѣдѣнія объ ней за это время: онѣ обѣ съ Лидочкой здоровы и продолжаютъ свой объѣздъ благополучно. Недѣли черезъ двѣ съ половиной, или много черезъ три, онѣ, по разсчету, будутъ обратно у насъ. Въ данный моментъ онѣ должны были находиться, по соображеніямъ, какъ разъ у той нашей родственницы, покровительницы дяди Яши, которая первая распустила слухъ о планѣ. Хотя бабушка и знала очень хорошо, что родственница эта ея ненавистница, но она тѣмъ не менѣе все-таки заѣзжала, по удивительной добротѣ и снисходительности своей, и къ ней, и пробывала тоже и у нея, день или два въ гостяхъ.

Вдругъ прошелъ слухъ, странный, изъ третьихъ рукъ, подробностей никакихъ не сообщалось, что съ бабушкой во время поѣздки что-то такое случилось. Привезъ это извѣстіе какой-то дворовый, ко-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

торый слышалъ объ этомъ отъ управляющаго сосѣдняго помѣщика, а тотъ тоже слышалъ это отъ кого-то. Тѣмъ не менѣе, однакожъ, этого двороваго, привезшаго слухъ, позвали, разспрашивали, и, недобившись отъ него ничего опредѣленнаго и вѣрнаго, послали съ письмомъ къ тому сосѣду, отъ управляющаго котораго дворовый что-то такое о неблагополучіи съ бабушкой, во время ея пути, слышалъ.

Вечеромъ привезли отвѣтъ...

Всѣ думали у насъ первое время, что съ бабушкой случилась какая-нибудь болѣзнь, что она у кого-нибудь изъ родственниковъ лежитъ больная. Женщина она была полная, уже не молодая, и заболѣть могла очень легко. Но теперь получилось странное извѣстіе объ исчезновеніи у бабушки, во время пребыванія ея у этой родственницы, Лидочки, и что подозрѣваютъ въ похищеніи ея дядю Яшу... Правда, сосѣдъ при этомъ писалъ, что подробностей этого онъ не знаетъ никакихъ, и что не можетъ ручаться за то, что слухъ этотъ даже вѣренъ съ дѣйствительностью, такъ какъ человѣкъ, отъ котораго его управляющій слышалъ, ненадежный, болтунъ и сплетникъ, и очень можетъ быть, что все это еще не болѣе, какъ его глупая выдумка.

Но матушка, конечно, не остановилась передъ этими успокоительными его разсужденіями и въ ночь собралась и поѣхала отыскивать бабушку. Ночь была темная-претемная, карета тронулась съ фонарями, съ провожатыми, верховыми людьми, которые должны были ѣхать впереди осматривать и освѣщать дорогу. Съ матушкой поѣхали только нашъ выѣздной лакей Никифоръ и ея приближенная женщина, Пелагѣюшка. Я какъ ни просился, чтобы и меня взяли съ собою, но не взяли, разумѣется, и, я помню, мы съ сестрой такъ и остались въ томительномъ ожиданіи и невѣдѣніи того, что тамъ такое случилось съ бабушкой и Лидочкой.

— Ну, а если она согласится и выйдетъ за него замужъ,—разсуждали мы.

— Нѣтъ, она не выйдетъ за него, не согласится,—говорила сестра.

— Такъ ты думаешь, онъ ее увезъ, а потомъ назадъ привезетъ?

— Да если она несогласна?

Мы оставались одни съ нашей гувернанткой Анной Карловной, ничего съ нами по этому поводу не говорившей, и которая на всѣ наши вопросы, обращенные къ ней по этому поводу, отвѣчала, что намъ объ этомъ вовсе не нужно знать и что это вообще не наше дѣло.

— Вотъ маменька пріѣдетъ, разскажетъ, и вы все узнаете.

Но мы слышали разсужденія по этому поводу оставшихся нянекъ и другихъ женщинъ дворовыхъ, которыя были у насъ въ домѣ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Охъ,—говорили они,—погубитъ онъ ее, коршунъ онъ кровавый, погубитъ онъ ее голубку.

— На то и бьетъ... Такъ, по согласію, не удалось, онъ инымъ манеромъ думаетъ теперь добиться своего... Чтожъ дескать, теперь дѣлать? поневолѣ теперь ее выдадутъ... Ктожъ ее опозоренную теперь замужъ за себя возьметъ...

Мы слушали это и потомъ спрашивали:

— Чтожъ онъ можетъ съ ней сдѣлать?

— Охъ,—отвѣчали женщины,—злой человѣкъ все можетъ сдѣлать. Вы маленькіе еще непонимаете этого.

— Но если она несогласна будетъ выйти за него?

— По этому-то онъ ее и увезъ.

— Бить онъ ее будетъ?

— Да ужъ тамъ всего отъ этакаго человѣка натерпится, всего приметъ...

Отца не было дома, онъ былъ въ городѣ по дѣламъ и ничего этого не зналъ, если не слышалъ чего объ этомъ въ городѣ. Его ждали только на третій еще день, но матушка, уѣзжая, сказала, что она какъ увидится съ бабушкой, сейчасъ же пришлетъ съ нарочнымъ письмо, на случай если отецъ раньше вернется. По всѣмъ вѣроятностямъ это письмо отъ нея могло быть не раньше, какъ къ вечеру или къ ночи на другой день, такъ какъ та наша родственница, у которой, по расчету, должна была быть въ это время бабушка, жила отъ насъ верстахъ въ пятидесяти, слѣдовательно, покуда матушка пріѣдетъ, да повидается съ бабушкой, да напишетъ письмо, да посланный пріѣдетъ съ нимъ—пройдетъ не менѣе сутокъ.

Въ этотъ вечеръ, по отъѣздѣ ея, мы просидѣли особенно долго, хотя Анна Карловна неоднократно принималась настаивать на томъ, чтобы мы укладывались спать. Но она и сама, любопытная, все хотѣвшая знать и проникнуть во все, была заинтересована происшествіемъ съ бабушкой не менѣе другихъ и тоже и сама была рада поговорить съ нянъками и женщинами, высказывавшими свои предположенія за и противъ.

Мы улеглись ужъ поздно, далеко за полночь, а я еще долго не могъ заснуть, думалъ все объ этомъ.

VI.

Утро слѣдующаго дня я никогда не забуду. Я проснулся отъ суматохи поднявшейся у насъ въ домѣ, которая всегда бывала въ случаяхъ неожиданнаго пріѣзда, внезапной болѣзни кого-нибудь. Было еще рано. Въ сосѣднихъ съ моей комнатахъ слышались шаги, голоса. Вскорѣ я узналъ, что это пріѣхала къ намъ бабушка Аграфена Ниловна съ Лидочкой, которая больна, чуть ли не въ бреду

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

и ее уложили у матушки въ спальнѣ, и теперь послали за докторами во всѣ концы.

Бабушка разъѣхалась съ матушкой. Ночью, для вѣрности, матушкинъ кучеръ должно быть поѣхалъ хоть болѣе дальней, но покойной и лучшей дорогой; бабушка же—кратчайшей. Теперь она была въ спальнѣ при Лидочкѣ и, говорили, ее узнать нельзя совсѣмъ, до того она за это время измѣнилась.

Чтобы не тревожить никого—ни бабушку, ни Лидочку, а можетъ, чтобы и сохранить насъ въ невѣдѣніи относительно всего совершившагося, Анна Карловна насъ не выпускала изъ дѣтскихъ комнатъ и намъ туда принесли самоваръ и наливали чай.

Но Анна Карловна, сама любопытная, и сама сгоравшая нетерпѣніемъ все узнать поскорѣе, ушла, не сообразивъ, что мы безъ нея все равно все узнаемъ отъ женщины, наливавшей намъ чай, и другихъ безпрестанно къ ней приходившихъ за чѣмъ-нибудь.

— Гдѣ же ее, Лидочку-то, нашли?—спрашивали мы.

— У попа, въ селѣ, верстъ за двадцать увезъ.

— И что же онъ женился на ней?

— Нѣтъ. Отбили ее у него. Мужики отбили. Окружили его, долго бились съ нимъ и отбили ее... Видятъ, скачетъ благимъ матомъ тарантасъ тройкой, а въ немъ онъ сидитъ съ ней, и она благимъ матомъ кричитъ, проситъ о помощи. А барсуковскій-то управляющій верхомъ былъ, узналъ его, а можетъ, слышалъ, что зимой-то болтали, сейчасъ это кинулся, лошадь у него лихая, черкесская, догналъ ихъ и остановилъ тройку, а тутъ и мужики съ поля верхами подскакали. Народъ въ полѣ весь былъ на пахотѣ: сохи распрягли, повскакали на лошадей, догнали, окружили и начали съ нимъ биться. Долго бились съ нимъ. Два раза онъ стрѣлялъ въ нихъ, однако, Богъ милостивъ, ни въ кого не попалъ, не ранилъ. Наконецъ, одолѣли его, связали и повезли къ становому въ ихъ станъ, а ее къ попу доставили...

— Ну и чтожъ?—съ замираніемъ сердца спрашивали мы.

— Ну да чтожъ? Извѣстно чтожъ. Развѣ эдакой звѣрь пощадилъ ее... Вѣдь это звѣрь, дяденька-то вашъ. Мало они развѣ съ дѣдушкой-то человѣческой крови попили на своемъ вѣку, мало развѣ еще ея выпьютъ?...

— Билъ онъ ее?—наивно разспрашивали мы.

— Да бить-то онъ ее, можетъ быть, и не билъ, такъ только держалъ. Связывалъ, говорятъ, онъ ее съ кучеромъ. На рукахъ-то у нея, вотъ на этихъ мѣстахъ, слѣды отъ веревокъ, вотъ какъ руки вздулись...

— Ну, а чтожъ потомъ, къ попу когда ее привезли?

— Ну, чтожъ, извѣстно, попъ принялъ ее. Бабушку-то Аграфену Ниловну, хоть и не въ нашей сторонѣ она живетъ, а ктожъ ее не знаетъ? Сказала она, Лидочка-то, кто она такая, откуда ее

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

увезли,—бабушкѣ попъ и далъ сейчасъ знать. Попъ-то, говорятъ, боялся какъ бы къ нему за ней опять дяденька Яковъ Дмитріевичъ не вернулся: все село попъ собралъ. Народу къ нему, говорятъ, страхъ что набралось. Бабы голосить въ голоса начали... Страсть, говорятъ, что такое было... А ужъ какъ бабушка-то пріѣхала за ней, да какъ увидала ее, съ ней дурно сдѣлалось, такъ передъ крыльцомъ поповскимъ на земь и упала. Тутъ народъ ее окружилъ,—бабушку-то всѣ любятъ,—кто и не знаетъ ее по наслыху и то любитъ, потому гдѣ же другая еще такая госпожа есть?.. А платье-то на ней, на Лидочкѣ-то, все вотъ такъ, въ полосы изорвано. Это она ему не давалась, билась, такъ онъ съ кучеромъ изорвалъ его на ней.

— Стало быть же били они ее?—опять спрашивалъ я, желая убѣдиться въ этомъ высшемъ по моему оскорбленіи, какое только могъ ей нанести дядя Яша.

— Да можетъ и били,—соглашались женщины,—извѣстно ужъ, если на эдакое дѣло пошли, церемониться не станутъ... Зналъ вѣдь онъ, дяденька-то, что добромъ развѣ она за него, за звѣря эдакаго, пошла бы? Развѣ бабушка-то отдала бы за него ее?..

И потомъ узнали мы еще, что бабушку, изъ любви къ ней совсѣмъ постороннихъ и чужихъ людей, провожали отъ этого самого села вплоть до нашей усадьбы десять человѣкъ верховыхъ съ дубинками—все боялись какъ бы вновь не проявился и не встрѣтился бы имъ дядя Яша.

— И бабушка какъ одарила ихъ. И тамъ въ селѣ тоже. Попу дала пятьсотъ рублей, пятьсотъ рублей въ церковъ пожертвовала, тысячу рублей народу раздала, чтобы молились о выздоровленіи и спасеніи Лидочки... И этимъ, вотъ что провожали ее, тоже денегъ не жалѣючи дала, полной рукой.

А къ Лидочкѣ, или, по крайней мѣрѣ, къ бабушкѣ, какъ мы не просились, насъ не пускали все-таки.

— Нельзя.

— Да почему?

— Потому что бабушка устала съ дороги и не такъ здорова и къ ней нельзя.

— Да вы узнайте, спросите ее.

Къ обѣду, т. е. къ нашему, деревенскому, раннему въ 2 часа, неожиданно вернулась и матушка.

Она никакъ не могла вернуться къ этому времени и вернулась. Всѣ были удивлены, но вскорѣ это объяснилось.

Матушка, недоѣзжая верстъ десяти до усадьбы родственницы, къ которой ѣхала въ предположеніи застать тамъ бабушку Аграфену Ниловну, встрѣтила нашего доктора, за которымъ бабушка послала еще отъ попа. Докторъ все разсказалъ матушкѣ, со всѣми подробностями ему извѣстными, но какъ тоже оказалось впо-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

слѣдствіи, совсѣмъ въ другой окраскѣ, потому что ему разсказывала все это наша родственница, у которой все это случилось. Главное было все не такъ. Ему разсказали, что Лидочка сама условилась бѣжать съ дядей Яшей, но потомъ раздумала уже дорогой и дала знать, чтобъ бабушка за ней заѣхала, къ сельскому священнику, который ее пріютилъ, такъ какъ сама она не смѣетъ послѣ всего этого показаться къ ней на глаза, зная ея строгій и крутой нравъ (это бабушки-то!) Но это все мы узнали уже впослѣдствіи, когда первая суматоха уже прошла, и всѣ хотя нѣсколько опомнились. Матушка же, не зная, какъ все было на самомъ дѣлѣ, принялась успокоивать и утѣшать бабушку на первыхъ порахъ въ этомъ именно смыслѣ, т. е. какъ разсказали доктору, а онъ передалъ ей. Ничего не зная объ этой лжи въ разсказѣ, бабушка, говорятъ, зарыдала еще пуще отъ такой клеветы на Лидочку, самое ея любимое и дорогое существо въ жизни.

— Нѣтъ, неправда, это неправда, это клевещутъ на нее,—рыдая, говорила бабушка.—Она чиста, какъ голубь. Имъ, мало что онъ ее погубилъ,—имъ хочется еще очернить память ея, но этого имъ не удастся!... Нѣтъ, не удастся,—повторяла она.

Видѣвшіе эту сцену, говорятъ, не могли смотрѣть на нее безъ ужаса. Бабушка была совсѣмъ какъ помѣшанная, сѣдые волосы ея растрепались и висѣли по плечамъ и по лицу, глаза у нея горѣли, и отъ волненія она не могла ни на минуту присѣсть, а все ходила или останавливалась и, какъ безумная, уставившись въ одну точку, молча смотрѣла, не зная на что, ничего не понимая и не сознавая, не слыша и не видя.

Она не была такой даже въ первый моментъ, когда пріѣхала къ намъ. Это былъ очевидно съ ней второй приступъ горя и отчаянія, вызванный извѣстіями еще о клеветѣ на ея милое дѣтище.

Эта кроткая, тихая, спокойная, ясная женщина была теперь неузнаваема.

— Вотъ, значитъ, и не къ своему дѣтищу, а какъ можно привязаться,—разсказывая намъ эти подробности, говорили женщины и няньки.

— Своихъ дѣтей имѣла—оттого:—представляетъ теперь, что это ея родная дочка и съ нею это сдѣлали,—отвѣчали имъ на ихъ соображенія другія бывшія тутъ женщины.

Докторъ, пріѣхавшій съ матушкой, осмотрѣвъ Лидочку, нашелъ, что у нея горячка и ей необходимъ абсолютный покой, при томъ, чтобы ей ничто не напоминало о томъ, что съ ней было и потому если она и придетъ въ себя и будетъ разспрашивать или начнетъ говорить объ этомъ,—ей отвѣчать просто и прямо самымъ полнымъ отрицаніемъ факта, удивляться и доказывать ей, что этого ничего съ нею въ дѣйствительности не было, а все это ей пригрезилось во снѣ во время горячешнаго жара.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Доктора бабушка, разумѣется, оставила у себя, не пустила его ѣхать, куда онъ собирался. Къ вечеру пріѣхалъ изъ города вмѣстѣ съ отцомъ другой докторъ, и они оба вмѣстѣ опять ходили къ больной и нашли у нея все тоже, т. е. горячку, и оба были согласны, что ей главнѣйше необходимъ покой и чтобы ей такъ растолковывали ея воспоминанія, какъ приказалъ первый докторъ.

Матушка пришла къ намъ вся заплаканная, съ красными глазами, и совершенно подавленная всѣмъ случившимся. Отъ нея мы между прочимъ узнали, что бабушка съ Лидочкой остается у насъ вплоть до ея выздоровленія и будетъ жить въ матушкиной спальнѣ и въ нашихъ дѣтскихъ, а насъ переведутъ на верхъ, чтобы не безпокоить больную и бабушку. По-дѣтски мы были рады и тому, что бабушка съ Лидочкой надолго остаются у насъ—матушка сказала, что недѣль на пять — и были рады этой вознѣ съ нашимъ новосельемъ на мезонинѣ.

Матушка это продѣлала въ тотъ же день, т. е. въ тотъ же день насъ перевела на верхъ, а бабушкины вещи перенесли въ наши дѣтскія и ей самой устроили все въ ближайшей, смежней съ спальной, комнатѣ. Она все время почти не выходила отъ Лидочки, не довѣряя никому ни прикладывать компрессы ей, ни давать лекарства, вообще ухаживать за ней.

На другой день бабушка отпустила въ Большой Боръ свою карету съ кучеромъ и лакеемъ, а дня черезъ четыре оттуда пріѣхали возы съ бабушкиными вещами и мебелью, которыя она велѣла прислать оттуда.

Мы эти вещи бабушкины выходили смотрѣть, смотрѣли и узнавали давно знакомыя намъ ея вещи, которыя къ намъ привезли теперь.

И вотъ началась у насъ въ домѣ новая совсѣмъ жизнь.

Все было, разумѣется, приспособлено и пригнано такъ, чтобы было согласно съ привычками и обыденной жизнью бабушки у себя дома въ Большомъ Бору. Перемѣнили время обѣда, время завтрака, время вечерняго чая, время ухода ко сну. Если она ухаживала за Лидочкой, то матушка за ней ухаживала, кажется, еще больше. Она бросила все, казалось, хозяйство, распоряженія по дому, даже съ нами видѣлась рѣже — была неразлучна съ бабушкой.

Придетъ къ намъ въ дѣтскія на минутку, заглянетъ въ класную, гдѣ мы сидѣли и учились, и сейчасъ же опять уйдетъ къ бабушкѣ. А то иные дни и вовсе къ намъ не приходила, мы видѣлись съ ней только за завтракомъ, или за обѣдомъ.

Докторъ все еще жилъ у насъ, бабушка его не отпускала до миновaнія какого-то самого опаснаго кризиса, котораго всѣ ждали съ страшнымъ нетерпѣніемъ и замираніемъ, зная очень хорошо, что неблагополучный исходъ Лидочкиной болѣзни будетъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

для бабушки, какъ она ни приготовлена ужъ, новымъ ударомъ, котораго ей, семидесятилѣтней почти старухѣ, никакимъ образомъ не перенести.

Между тѣмъ прошло болѣе недѣли. Во все это время мы ни разу еще не видали не только Лидочки, но даже и бабушки: все, и обѣдъ, и завтракъ, и чай, ей подавали въ ея комнату, т. е. одну изъ нашихъ бывшихъ дѣтскихъ, а именно въ ту, гдѣ я жилъ и которая называлась моей.

Наконецъ, однажды, матушка, придя къ намъ въ классную, объявила, что сегодня къ обѣду бабушка выйдетъ въ столовую.

— Только вы, пожалуйста, не удивляйтесь на нее и вообще не особенно много смотрите на нее. Она стала совсѣмъ сѣдая, бѣлая даже за это время и страшно похудѣла, половины ея не осталось. Точно также не только не заговаривайте съ ней объ Лидочкѣ, но вообще даже ни объ чемъ, чтобы могло навести ее на мысль обо всемъ этомъ... происшествіи. И ужъ, особенно, Боже васъ сохрани назвать по имени, упомянуть даже только этого негодяя...

Она не сказала кого, именно, она подразумѣваетъ подъ этимъ именемъ; но мы и безъ этого всѣ отлично понимали кого...

Я помню съ какимъ нетерпѣніемъ и замираніемъ сердца ждали мы часа обѣда, чтобы идти въ столовую, гдѣ мы увидимъ бабушку.

Наконецъ, часъ этотъ насталъ.

Бабушку мы увидали и, я помню, не смотря на предувѣдомленіе, я чуть-чуть не ахнулъ — до того она измѣнилась. Изъ высокой, довольно полной, видной и красивой еще, не смотря на лѣта, женщины, мы увидали сѣдую, совсѣмъ бѣлую, съ потемнѣвшимъ, осунувшимся лицомъ, страшно похудѣвшую, какъ будто даже сгорбившуюся старуху, которая шла подъ руку вмѣстѣ съ матушкой и, казалось, нуждалась въ ея поддержкѣ. Потомъ матушка передала ее отцу и тотъ уже довелъ ее до стола и усадилъ.

Въ это время мы къ ней подошли. Она, противъ обыкновенія, безъ улыбки, очень серьезно взяла сперва сестру Соню обѣими руками за голову и поцѣловала, а потомъ меня.

И ни слова...

За обѣдомъ разговоръ шелъ о чемъ-то совсѣмъ постороннемъ. Сидѣвшій тутъ съ нами докторъ нашъ, который все еще не уѣзжалъ въ ожиданіи кризиса, разсказывалъ что-то изъ городской жизни, и вовсе для нея да и ни для кого не интересное.

Какъ ни строго матушка наказывала намъ не смотрѣть упорно на бабушку, но я все-таки не могъ удержаться, и то и дѣло взглядывалъ на нее.

— Что ты все смотришь по сторонамъ? Смотри лучше въ тарелку, а то погляди-ка, какъ ты отдѣлалъ свою салфетку, — сказалъ мнѣ отецъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Я не замѣтилъ, что я всю ее закапалъ соусомъ, все смотря на бабушку.

Послѣ обѣда ее точно также отвели къ себѣ отдыхать.

Черезъ три дни ждали кризиса. Чѣмъ ближе подходило это время, тѣмъ все напряженѣе становилось общее настроеніе, все серьезнѣе и серьезнѣе дѣлались лица, улыбки совсѣмъ съ нихъ исчезли. Бабушка, нѣсколько дней выходившая къ обѣду, наканунѣ этого рокового третьяго дня не вышла. За обѣдомъ мы узнали, что вечеромъ у насъ сегодня будетъ всенощная и молебенъ. Это было наканунѣ какого-то праздника или просто воскресенія. Мы услыхали это, когда отецъ отдавалъ кому-то изъ лакеевъ приказаніе, чтобы сходилъ и предупредилъ объ этомъ священника.

У насъ рѣдко служили въ домѣ и это было очевидно по какому-нибудь особенному случаю.

— Скажи отцу Ивану, что и я, и Аграфена Ниловна просимъ его придти никакъ не позже осьми часовъ,—говорилъ отецъ лакею.

Мы переглядывались, не понимая хорошо въ чемъ дѣло, но догадывались, конечно, что это по случаю Лидочкиной болѣзни.

— Это и ей хорошо, это ее успокоитъ, подкрѣпитъ ея силы,— сказалъ докторъ.

— Аграфену Ниловну?— Конечно,— согласился отецъ.— Ахъ, что она выноситъ!..

Вечеромъ въ восемь часовъ насъ позвали въ залъ. Всѣ двери были затворены, чтобы до Лидочки не доходили пѣніе и запахъ ладана, которымъ будутъ кадить.

Начавшіяся сумерки наполняли и безъ того нашъ темный старый залъ какой-то полутьмой. Въ углу, у большого образа Покрова, горѣли двѣ восковыхъ свѣчи. На столикѣ, накрытомъ бѣлой скатертью или салфеткой, лежали священныя книги (у насъ въ домѣ были свои) и облаченія вмѣстѣ съ крестомъ, привезенныя съ собою священникомъ.

Когда насъ позвали, всѣ ужъ собрались. У стѣнки стояла бабушка, а рядомъ съ нею отецъ и матушка. Священникъ объ чемъ-то заговаривалъ съ бабушкой и все повторялъ ей:—очень хорошо-съ, хорошо-съ...

Мы стали у другой стѣнки съ гувернанткой нашей, лютеранкой Анной Карловной, которая за неимѣніемъ своего пастора и своей лютеранской церкви, совсѣмъ у насъ обрусѣла и ѣздила каждое воскресенье къ обѣднѣ и, боюсь сказать навѣрно, кажется, и говѣла, или, по крайней мѣрѣ, исповѣдывалась у нашего священника.

Началась служба, и съ первыхъ же, раздавшихся въ тишинѣ, молитвенныхъ словъ, бабушка опустилась на колѣни и начала горячо молиться, кладя долгіе земные поклоны. Перекрестится крупнымъ крестомъ и поклонится въ землю и долго-долго не по-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

дымаетъ головы. Мы не видѣли ее никогда такъ молящуюся. Бывая у нея, въ Большомъ Бору, мы нѣсколько разъ ѣздили съ ней въ церковь ея къ обѣднѣ, стояли всю службу, видѣли, какъ она молилась, но такъ молящуюся мы не видѣли ее никогда.

Мы стояли довольно далеко отъ нея, черезъ весь залъ, у противоположной стѣны и не могли видѣть и за разстояніемъ и за полутьмой бывшей въ залѣ, плачетъ ли она, но бѣлый платокъ у нея былъ въ лѣвой рукѣ, и она его не покидала. Мы съ сестрой, разумѣется, не столько молились, какъ смотрѣли на нее, такъ что Анна Карловна нѣсколько разъ говорила намъ:

— Не смотрите, лучше молитесь Богу, чтобы завтра стало лучше Лидочкѣ.

И мы принимались молиться, просили Бога, чтобы Онъ помогъ Лидочкѣ и потомъ опять смотрѣли на бабушку.

Съ нами вмѣстѣ—входили одинъ по одному изъ дверей въ переднюю,—набралось въ залъ много народу изъ дворовыхъ, а изъ дверей въ гостиную вошли въ залъ женщины разнаго званія, жившія у насъ въ домѣ, и всѣ несомнѣнно молились и за себя, и за Лидочку, чтобъ ей завтра стало лучше.

Кончилась служба, всѣ начали подходить къ кресту, сперва бабушка, потомъ отецъ, матушка, мы, и т. д.

Когда священникъ разоблачился и остался въ рясѣ, къ нему подошли бабушка и отецъ и стали его о чемъ-то просить.

— Да какъ же забыть, помилуйте Аграфена Ниловна, какъ же это, развѣ это можно забыть? Завтра же и помяну за обѣдней и потомъ молебенъ отслужу въ церкви...—говорилъ священникъ.

Священника оставили пить чай, залъ освѣтили и все приняло обыкновенный видъ. Только оставшійся въ комнатахъ запахъ ладана напоминалъ, что сейчасъ здѣсь была всенощная. Бабушка, по окончаніи службы, переговоривъ съ священникомъ, сейчасъ же ушла къ себѣ или къ Лидочкѣ, и мы ее ужъ не видали ни за чаемъ, ни во весь остальной вечеръ.

Доктора во время чая разспрашивали въ которомъ, по его мнѣнію, часу долженъ наступить кризисъ. Онъ отказывался дать точный отвѣтъ на это, ссылаясь на то, что такъ точно опредѣлить невозможно, приблизительно чрезъ столько-то сутокъ по началѣ болѣзни.

— Она когда заболѣла?—спросилъ онъ.—Вѣдь никто не знаетъ въ которомъ часу?—сказалъ онъ.

— Нѣтъ.

— Ну, такъ какъ же я скажу.

— Да надо считать съ того часа, какъ онъ схватилъ ее и потащилъ къ себѣ въ экипажъ.

— Это часовъ въ семь было?

— Нѣтъ въ восемь. Они всѣ гуляли въ саду, за ней пришла горничная и сказала ей,—что ее зоветъ Аграфена Ниловна и что

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

она у калитки садовой ее дожидается, которая выходитъ за уголъ. Она только подошла, видитъ, что ни Аграфены Ниловны и никого тутъ нѣтъ и хотѣла ужъ назадъ идти, какъ вдругъ онъ кинулся, схватилъ ее, вскочилъ съ ней въ тарантасъ, который тутъ же стоялъ за угломъ, и лошади поскакали... Это часовъ въ восемь было, ужъ стемнѣло почти... Съ ней сразу должо быть и сдѣлался припадокъ... Надо съ того времени и считать начало болѣзни...

— Но однакожъ утромъ, на разсвѣтѣ, когда ее отбили у него мужики, она кричала, звала о помощи. Барсуковскій управляющій, который ее отбивалъ у него, прямо говоритъ, что она въ памяти была; плакала, рыдала, но въ памяти все-таки была...

— И у отца Павла—онъ самъ мнѣ разсказывалъ,— замѣтилъ священникъ,—когда ее къ нему доставили, она тоже была въ памяти...

Когда въ этотъ вечеръ мы прощались съ матушкой, чтобъ идти спать, она сказала намъ:

— Ну, идите ложитесь. Помолитесь хорошенько, чтобы Лидочкѣ завтра было лучше. Завтра большой для нея день. Отъ завтрашняго дня все зависитъ...

И мы, я помню, горячо молились...

VII.

Когда я проснулся на другой день, всѣ уже встали: очевидно, утомленный впечатлѣніями вчерашняго вечера, я крѣпче обыкновеннаго заснулъ и проспалъ, а меня забыли разбудить.

— Что Лидочкѣ? — спросилъ я няньку, пришедшую меня будить, когда я уже самъ проснулся.

— Да ничего пока, — какъ-то не рѣшительно сказала она.

— Не лучше?

— Нѣтъ, ни-ни...

Когда я пришелъ въ столовую пить чай, тамъ уже всѣ отпили и никого не было. Нянька наливала мнѣ и чай.

— А гдѣ же всѣ?

— Да ужъ всѣ разошлись.

— А мама?

— Онѣ тамъ...

— У Лидочки?

— Да гдѣ же больше.

— А Соня гдѣ?

— Онѣ въ саду должно быть съ своей нянькой.

— А гдѣ же Анна Карловна?

— Аннѣ Карловнѣ некогда... Она тамъ... съ маменькой и бабушкой: помогаетъ имъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Нянька, очевидно, говорила и чего-то не договаривала. Въ домѣ всѣмъ было ужъ не до насъ. Поэтому и я проспалъ, никто меня не будилъ, и всѣ куда-то разошлись.

Нянька отвела меня, когда я напился чаю, въ садъ, туда, гдѣ была и сестра съ своей нянькой, передала меня ей, а сама, что-то переговоривъ въ полголоса съ сестриной нянькой, сейчасъ же ушла въ домъ.

— Ей хуже должно быть, — сказалъ я сестрѣ.

— Чтожъ подѣлаешь, видно такъ ужъ Богу угодно, — отвѣтила ея нянька: — не умолили Господа.

— Значитъ ей хуже! — воскликнулъ я.

— Бредъ начался...

— Стало быть она умретъ?

Нянька ничего не отвѣчала, только вздохнула.

И у меня вдругъ подступили къ горлу, сдавили его, слезы, нижняя губа нервно задрожала и слезы ручьями потекли изъ глазъ, какъ текутъ изъ глазъ онѣ только у дѣтей. На меня глядя и сестра заплакала.

Нянька принялась насъ утѣшать, говорила, что еще ничего неизвѣстно, что все Богъ, что можетъ быть ей станетъ лучше.

Въ это время ударили въ колоколъ и начался благовѣстъ къ «достойной».

— Лучше помолитесь, чтобы ей Богъ помогъ,—сказала нянька и начала креститься.

И мы стали съ сестрой на колѣни тутъ же, подъ солнцемъ, на травѣ, въ куртинѣ, гдѣ сидѣли, и начали молиться на кресты церкви, которые виднѣлись вмѣстѣ съ вершиной колокольни и горѣли на солнцѣ...

Глядя на насъ, и нянька начала вмѣстѣ съ нами молиться...

Это было недалеко отъ дома и изъ окна было видно насъ. Бабушка, подошедшая въ это время за чѣмъ-то къ окну, увидала насъ, поняла въ чемъ дѣло и, говорятъ, разрыдалась чуть не до обморока...

Когда мы въ 12 часовъ пришли въ домъ къ завтраку, вышедшая къ намъ матушка, вся въ слезахъ, горячо поцѣловала насъ обоихъ въ голову, долго смотрѣла намъ въ глаза и потомъ гладила рукой по волосамъ.

— Лидочкѣ хуже? — спросилъ я.

— Хуже... — отвѣчала коротко матушка.

На глаза ей опять набѣжали слезы. Мы тоже опять расплакались съ сестрой.

Ужасный, томительный былъ этотъ день. Насъ то уводили въ садъ, то приводили зачѣмъ-то опять въ домъ. Чувствовалась какая-то пустота, всѣ ходили съ постными лицами, ходили даже и въ отдаленныхъ комнатахъ на цыпочкахъ, точно и отсюда она могла слышать.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Поваръ на кухнѣ рубилъ котлетки и въ открытыя въ домѣ окна доносился рѣзкій стукъ ножей.

— Подите, скажите ему, чтобы потише... Пускай закроетъ окна въ кухнѣ, чтобы не было слышно, а то точно барабанъ какой-то,— сказала матушка кому-то изъ прислуги.

Выходя въ садъ съ балкона, сестра Соня замѣтила мнѣ:

— Сирени-то ужъ ни одной нѣтъ въ цвѣту — вся отцвѣла. А помнишь, Лидочка-то была какая въ вѣнкѣ?..

Сирень, дѣйствительно, стояла съ голыми, сухими прутиками на концахъ вѣтокъ, гдѣ еще недавно были все бѣлые и сизые цвѣты.

На третій день, на разсвѣтѣ, Лидочка скончалась. Насъ, какъ мы только встали, съ утра увели въ садъ и для чего-то не пускали оттуда въ домъ и не велѣли говорить ничего объ Лидочкиной кончинѣ.

— Но отчего же нельзя намъ въ домъ? — спрашивали мы, догадавшись о роковой причинѣ.

— Нельзя...

— Да отчего? Вѣрно Лидочка умерла?

Намъ говорили противное, но до того какъ-то не рѣшительно и до того разсѣянно, что мы ужъ почти не сомнѣвались, что это такъ и есть.

Намъ и завтракъ принесли въ садъ, на подносѣ, и мы ѣли, сидя на коврѣ, разостланномъ прямо на травѣ.

Очевидно и лакею было запрещено намъ говорить, потому что когда я его спросилъ, онъ мнѣ отвѣтилъ какъ-то скороговоркой и точно онъ зналъ, что я его спрошу:

— Никакъ нѣтъ-съ.

Я не знаю для чего это дѣлалось, потому что, придя въ домъ къ обѣду, мы все равно узнали всю горькую правду.

Въ домѣ были ужъ попы, изъ церкви привезли большіе серебряные подсвѣчники, которые обыкновенно стоятъ передъ мѣстными образами. Всѣ женщины и горничныя ходили въ черныхъ коленкоровыхъ платочкахъ на плечахъ, а у нѣкоторыхъ они были обшиты ужъ и бѣлымъ.

Про бабушку говорили, что она ничего, перенесла потерю сравнительно легко, такъ какъ не ожидали, только она какъ-то точно одеревѣнѣла... Не плачетъ, а сидитъ все и молчитъ. Посидитъ, посидитъ, пойдетъ опять къ столу, на которомъ лежитъ совсѣмъ ужъ убранная, одѣтая такъ, какъ ей ложиться въ гробъ, Лиденька; постоитъ передъ ней, возьметъ ее за руку, потомъ опять уйдетъ. Докторъ, которому теперь нечего ужъ было дѣлать, подъ какимъ-то предлогомъ самъ не уѣзжалъ, а все совѣтовалъ матушкѣ успокоиться.

— Я ничего, а вотъ боюсь за Аграфену Ниловну, — отвѣчала матушка.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Да, она опасна,—сказалъ докторъ.

— А что?—спросила матушка.

— Она очень мнѣ не понравилась сегодня. Я сейчасъ къ ней нарочно заходилъ.

— Боже мой, неужели еще и вторая будетъ жертва,—воскликнула матушка.

Но докторъ принялся ее успокоивать, говорилъ, что вѣдь опаснаго еще ничего нѣтъ:

— Она только нехороша, мнѣ она не понравилась...

Куда-то посылали нарочныхъ и въ этотъ и на другой день ждали какого-то разрѣшенія, посылали одного за другимъ въ городъ, забывали то то, то другое. Наконецъ, какое-то необходимое въ этихъ случаяхъ разрѣшеніе отъ кого-то было получено, и вотъ на другой день Лидочку, положенную въ гробъ, повезли въ бабушкино имѣніе Большой Боръ, а въ каретѣ за ней поѣхали бабушка съ матушкой и съ докторомъ, котораго попросили, какъ онъ не отказывался, ѣхать проводить до дому бабушку.

Мы ничего впрочемъ этого не видали; насъ не пустили проститься ни съ Лидочкой, которая, говорятъ, хотя исхудала, но лежала въ гробу, какъ живая, ни съ бабушкой, которая стала замѣчательно и удивительно тиха и кто что ей ни говорилъ, всѣхъ безпрекословно слушалась, точно какъ бы сознавая, что она поглупѣла и стала вдругъ непонятнѣе всѣхъ.

— Какъ малый ребенокъ совсѣмъ стала,—говорили про нее.— Что ни скажи ей, только:—А? что? Да? И сейчасъ же все исполнитъ.

Такъ ее усадили въ карету, такъ и повезли ее. Она только просила, чтобы было побольше провожатыхъ.

— А то я боюсь.

— Да чего же вы боитесь.

— Такъ, боюсь...

И провожатыхъ съ ними отправили много, человѣкъ пятнадцать и все верхами.

Мы видѣли только, какъ подавали къ крыльцу карету и потомъ толпу людей, собравшихся для проводовъ у крыльца. Намъ не позволяли даже смотрѣть въ окна почему-то, и то, что мы видѣли, намъ удалось видѣть украдкой, на минутку, когда Анна Карловна отлучалась.

Матушка, возвратившись отъ бабушки изъ Большого Бора (она возвратилась черезъ недѣлю слишкомъ), разсказывала, что довезли они Лидочку хорошо, совершенно благополучно безъ всякихъ приключеній, что когда они привезли ее въ Большой Боръ, на встрѣчу къ нимъ вышло духовенство богатой тамошней церкви все въ черныхъ траурныхъ ризахъ, что Лидочку похоронили въ тотъ же день у самой паперти, рядомъ съ могилой дѣдушки, и могила ея теперь

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

вся обложена цвѣтами и сдѣлана пока временная деревянная оградка, но что потомъ будетъ настоящая чугунная, что бабушка каждое утро ходитъ къ ней туда на могилку: — «И стала такая легкая, просто не поспѣешь за ней. Ужъ я и то ее все просила потише — разсказывала матушка: — и потомъ, вечеромъ то же, какъ только солнце сядетъ—прощаться къ ней ходитъ»...

— И — добавляла матушка, — что такая за перемѣна съ ней случилась — этого и понять невозможно. Совсѣмъ другой человѣкъ. Ни этого ея спокойнаго, веселаго, яснаго взгляда, ни улыбки какъ прежде было: все только спѣшитъ куда-то и все безъ всякой цѣли перекладываетъ съ мѣста на мѣсто, перетираетъ, завертываетъ.

— Да все для чего это?

— Такъ.

— И какъ будто опомнится на минутку, а потомъ опять за свое.

Недѣли черезъ три матушка опять къ ней ѣздила къ сороковому по Лидочкѣ дню. Бабушка, по ея словамъ, была такая же все, только еще больше все суетится и еще больше исхудала.

Бабушку мы больше не видали ужъ. Она умерла ровно черезъ годъ, день въ день съ Лидочкой.

Дядю Яшу судили; но какимъ-то особымъ дворянскимъ судомъ, черезъ какое-то депутатское собраніе. Разсказывали, что онъ на этомъ судѣ говорилъ ужасныя мерзости про всѣхъ, увѣряя, что не она была его жертвой, а онъ, что она уговорила его бѣжать съ ней и проч., и онъ увезъ ее и связывалъ будто бы для того, чтобы она не сдѣлала чего надъ собою... Такъ она боялась будто бы жестокаго съ ней обращенія бабушки...

Судъ этотъ кончился для него ничѣмъ, хотя всѣ называли его негодяемъ и очень многіе изъ родныхъ больше его къ себѣ не пускали ужъ.

С. Терпигоревъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ВОСПОМИНАНІЯ О М. Е. САЛТЫКОВѢ [1]).

III.

МЫ ЗНАЛИ Михаила Евграфовича главнымъ образомъ въ литературныхъ его отношеніяхъ, и въ этомъ случаѣ, мнѣ кажется, лучшею для него рекомендаціей можетъ служить тотъ удивительно единодушный взглядъ на него, какой высказали всѣ писавшіе о немъ сотрудники. Я не могу отказать себѣ въ удовольствіи, чтобы не привести нѣсколькихъ строкъ изъ воспоминаній своихъ бывшихъ товарищей, какъ для того, чтобы показать ихъ сходство, такъ и для того, чтобы самому избѣжать повтореній.

Н. К. Михайловскій говоритъ о Салтыковѣ, что онъ часто былъ рѣзокъ, раздражителенъ, несдержанъ въ выраженіяхъ и что внѣшность его только усиливала это впечатлѣніе: рѣзкая перпендикулярная складка между бровей на прекрасномъ, открытомъ и высокомъ лбу, сильно выпуклые глаза, сурово и какъ-то непреклонно смотрѣвшіе прямо въ глаза собесѣднику, грубый голосъ, угрюмый видъ; «но иногда это суровое лицо все освѣщалось такою почти дѣтски-добродушной улыбкой, что даже люди, мало его знавшіе, но попадавшіе подъ свѣтъ этой улыбки, понимали, какая наивная и добрая душа кроется подъ его угрюмой внѣшностью. О тѣхъ, кто его близко зналъ, нечего и говорить. Онъ не могъ не поворчать въ разговорѣ съ кѣмъ бы то ни было... но всѣ знали, что это только воркотня и что въ концѣ концовъ она ничѣмъ не отзовется на дѣлѣ и дѣйствительныхъ отношеніяхъ... Это былъ истинно добрый человѣкъ, всегда готовый помочь нуждающемуся словомъ и дѣломъ. Мелкихъ же чувствъ мстительности, подозрительности,

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XLII, стр. 318.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

соперничества въ немъ не было даже самыхъ слабыхъ слѣдовъ» [1]. А. М. Скабичевскій продолжаетъ: въ обществѣ ходили баснословные слухи о мнимыхъ суровости, жестокости и даже бранчивости, съ какими Салтыковъ, будто бы, обращался съ людьми не только близкими, но и совершенно незнакомыми, которыхъ въ первый разъ видѣлъ. Вслѣдствіе этихъ слуховъ, начинающіе авторы, впервые являвшіеся къ нему съ своими начинаніями, сильно потрухивали и робѣли. «Но эти слухи крайне преувеличены. Дѣйствительно, его лицо носило по большей части суровое и нѣсколько даже мрачное выраженіе, и въ нервномъ голосѣ очень часто слышались ноты болѣзненной раздражительности, что могло пугать каждаго непривычнаго человѣка. Но все это не мѣшало ему быть человѣкомъ, въ сущности, крайне добрымъ, съ мягкимъ и даже нѣжнымъ сердцемъ, неспособнымъ отказывать въ чемъ-либо людямъ и, вообще, оставаться безучастнымъ къ ихъ нуждамъ» [2]. «Часто случалось, говоритъ онъ дальше, что къ нему обращались за авансомъ сотрудники, забравшіе не мало уже денегъ и потерявшіе, повидимому, всякое право на новые авансы. Салтыковъ выходилъ изъ себя въ такихъ случаяхъ. Грозный голосъ его начиналъ раздаваться по всѣмъ комнатамъ редакціи: «это невозможно!—кричалъ онъ—это чортъ знаетъ что такое!.. Мы и безъ того роздали безвозвратно до 30 тысячъ! Что же съ нами будетъ, наконецъ, чѣмъ же это кончится?» и т. д. И кончалось всегда тѣмъ, что... онъ бралъ листъ бумаги и писалъ ордеръ въ контору о выдачѣ сотруднику суммы, которую тотъ просилъ». Равнымъ образомъ и состоявшіе при редакціи конторщики, метранпажи и другіе служащіе нисколько его не боялись и прямо говорили: «что намъ Михаилъ Евграфовичъ! Онъ только такъ, кричитъ, а мы его нисколько не боимся». Однажды, при Скабичевскомъ онъ съ ужаснымъ гнѣвомъ напустился на метранпажа за то, что тотъ слишкомъ скоро набралъ весь отданный въ типографію матерьялъ для книжки и явился за новымъ.—«Чего вы торопитесь,—кричалъ онъ—ѣдите вы что ли рукописи? Ему не успѣешь дать рукопись, ужъ у него и готово. Да что вы въ недѣлю хотите набрать книжку, что ли?.. Набрали, такъ и ждите теперь, а отъ меня вы больше ничего раньше недѣли не получите, ничего!..» Понятно, что, слушая такую распеканцію, метранпажъ еле удерживался отъ смѣха, потому что она въ сущности была ему похвалою. Но Салтыковъ, дѣйствительно, сердился въ это время.

«Страхъ, который внушалъ Салтыковъ робкимъ людямъ,—говоритъ г. Скабичевскій,—происходилъ главнымъ образомъ отъ двухъ его достоинствъ: отъ крайняго прямодушія и нервнаго отвращенія

---

[1]) «Критическіе опыты», П. М. 1890 г., стр. 166—7.
[2]) «Новости», № 116, 1889 г.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ко всему фальшивому и неискреннему. Какъ только онъ видѣлъ что-либо подобное, его тотчасъ же начинало коробить, онъ не могъ не высказать человѣку въ глаза того впечатлѣнія, которое тотъ на него производилъ, и высказать со всѣмъ тѣмъ саркастическимъ остроуміемъ, которымъ онъ былъ надѣленъ. Не гнѣвъ его былъ страшенъ, а скорѣе тѣ шуточки, которыми онъ способенъ былъ уничтожить собесѣдника... Но за то, если Салтыковъ усматривалъ въ человѣкѣ природный умъ, честность и искренность, онъ дѣлался съ такимъ человѣкомъ крайне мягокъ, деликатенъ, любезенъ и вполнѣ откровененъ». Г. Абрамовъ также опровергаетъ разные нелѣпые слухи, ходившіе относительно Салтыкова, и говоритъ, что онъ является въ его воспоминаніяхъ «чрезвычайно мягкимъ, добрымъ и глубоко-симпатичнымъ человѣкомъ», что онъ всегда встрѣчалъ въ немъ «внимательнаго и заботливаго человѣка», интересовавшагося, какъ его занятіями, такъ и «матеріальнымъ положеніемъ», и что таково же, насколько онъ могъ замѣтить, «было его отношеніе и ко всѣмъ другимъ сотрудникамъ» [1]). Тоже или почти то же самое говоритъ и г. Южаковъ. То же самое, разумѣется, сказалъ бы и я, и не знаю—сказалъ ли бы лучше, а потому посмотримъ лучше на черты его характера менѣе подчеркнутыя и не такъ рѣзко бросавшіяся въ глаза.

Не смотря на свою прямоту и суровость, онъ былъ въ отношеніи сотрудниковъ и людей, которыхъ зналъ или которые ему казались искренними, замѣчательно деликатенъ. Я уже указывалъ выше, какъ онъ умѣло велъ редакторское дѣло, не оскорбляя литературныхъ самолюбій, едва ли не самыхъ болѣзненныхъ въ мірѣ, съ которыми ему приходилось встрѣчаться чуть ли не на каждомъ шагу. А между тѣмъ въ то же время онъ всегда указывалъ людямъ ихъ ошибки и промахи, нисколько не стѣснялся высказывать непріятныя истины прямо въ глаза. Дѣлалось это, не смотря на кажущуюся внѣшнюю рѣзкость, въ такой сердечной, чисто товарищеской и деликатной формѣ, что люди не обижались, а если и обижались, то чувствовали себя не вправѣ сердиться: на его сторонѣ была правда и самое задушевное доброжелательство. Человѣкъ чувствовалъ, что его не желаютъ вовсе оскорбить или какъ бы то ни было унизить, а просто говорятъ ему то, что слѣдуетъ и чего отъ другихъ онъ во вѣки вѣковъ не услышитъ и ни за какія сокровища не купитъ. Если бы Салтыковъ кому-нибудь изъ близкихъ людей причинилъ обиду, то это навѣрное долго его мучило бы. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣчто подобное происходило какъ-нибудь невольно, или когда онъ только предполагалъ, что человѣкъ могъ обидѣться, онъ всегда извинялся передъ нимъ и говорилъ: «вы пожалуйста на меня не сердитесь», «пожалуй-

[1]) «Недѣля», № 19, 1889 г.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ста извините, но, право, я не хотѣлъ васъ обидѣть». Послѣ каждой горячности и крупнаго разговора, онъ обыкновенно становился очень мягокъ, точно смотря, не обидѣлъ ли кого и не нужно ли загладить обиду. Разскажу, какъ онъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ стѣснялся возвращать рукописи. Помню разъ черезъ меня поступила въ редакцію рукопись одной моей знакомой писательницы, человѣка очень скромнаго и малоизвѣстнаго. Это было въ самомъ началѣ моего сотрудничества. Я въ то время жилъ въ Лѣсномъ и не каждый разъ бывалъ въ редакціи; а потому въ назначенный срокъ, черезъ двѣ недѣли, сказалъ знакомой, чтобы она сама зашла за отвѣтомъ. Салтыковъ никакого отвѣта ей не далъ, а сказалъ только, что желаетъ меня видѣть и дастъ отвѣтъ черезъ меня. Нѣсколько дней я былъ занятъ и въ городѣ не былъ, а потому не былъ и у него. Въ воскресенье получаю отъ него письмо: непремѣнно проситъ пріѣхать завтра въ редакцію. Пріѣзжаю, отводитъ онъ меня въ сторону и говоритъ:

— Послушайте, должно быть, эта ваша знакомая, которая разсказъ написала, очень хорошій человѣкъ. Это по разсказу видно, но что намъ дѣлать: разсказъ-то вѣдь плохъ, не по мысли, а въ литературномъ отношеніи. Я цѣлую недѣлю колебался: принимать его или не принимать. Она тутъ была въ прошлый понедѣльникъ. Отказать какъ-то языкъ не поворачивается: можетъ быть она нуждается и надѣялась на эту работу; въ разсказѣ у нея такое знакомство съ нуждой, что вѣрно она сама ее испытала или испытываетъ, а тутъ вдругъ откажешь. А съ другой стороны, и намъ тоже какъ-то неловко слабыя вещи принимать. У насъ ихъ и безъ того достаточно. Сдѣлайте для меня такое одолженіе, снимите съ меня эту тягость и скажите ей объ этомъ какъ-нибудь такъ, чтобы она не обидѣлась. Когда знаешь человѣка, то это какъ-то лучше выходитъ. А если ей деньги нужны, то можно будетъ выдать: что-нибудь другое напишетъ, можетъ быть удачнѣе выйдетъ.

Вспоминаю также случай деликатности со мною, тоже отчасти касавшійся денежнаго вопроса, но такъ какъ тутъ главную роль играла другая сторона, то скажу сначала слѣдующее.

При изданіи «Отечественныхъ Записокъ», самыми мучительными днями для Салтыкова были четыре дня, когда книжка поступала въ цензуру, особенно если въ ней было что-нибудь сомнительное. Въ теченіе этихъ четырехъ дней пребыванія книжки «во чревѣ китовѣ», какъ говорилъ Михаилъ Евграфовичъ, онъ былъ положительно самъ не свой: иногда не спалъ ночей, а днемъ чуть не поминутно заглядывалъ въ окно и прислушивался къ звонку.

Придти къ нему въ эти дни—значило навѣрное услышать:

— Вотъ я за вашу статью ужасно боюсь.

— А за свою?

— У меня ничего нѣтъ, а у васъ есть къ чему придраться.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Но обыкновенно оказывалось, что его статьи гораздо чаще приходилось вырѣзывать, чѣмъ статьи другихъ сотрудниковъ, даже въ общей сложности. Когда срокъ оканчивался и книжка выходила, онъ успокоивался. Когда печаталась его «Пошехонская Старина» въ «Вѣстникѣ Европы», то онъ боялся и за «Вѣстникъ Европы», когда тотъ шелъ въ цензуру. Однажды, я засталъ его въ такой тревогѣ. Совсѣмъ уже больной, онъ еле волочилъ ноги по комнатѣ, но все-таки подходилъ къ окну, заглядывалъ и волновался, отчего не идетъ разсыльный, котораго должны были прислать съ извѣстіемъ изъ типографіи. Желая его успокоить хоть немного, я сказалъ:

— Вы даже за чужіе журналы волнуетесь... И охота же причинять себѣ столько безпокойства: по всей вѣроятности все обойдется благополучно.

— Да,—отвѣчалъ онъ,—а вотъ если задержатъ книжку за мою статью, тогда что Стасюлевичъ скажетъ?

Однако, вышла разъ и на меня проруха: написалъ я рецензію о сочиненіи Чичерина о нѣмецкихъ соціалистахъ: К. Марксѣ и Лассалѣ. Рецензія эта, не смотря на то, что была чисто теоретическою, не понравилась въ цензурѣ и была вырѣзана. Прошло года три или четыре, Чичеринъ опять какъ-то проявился на московскомъ небосклонѣ съ вышеуказаннымъ сочиненіемъ и кандидатурою на должность московскаго городского головы, а я, не прельщаясь надѣлавшею тогда эфекта его рѣчью, взялъ расширилъ свою рецензію въ статью и пустилъ ее подъ другимъ названіемъ, надѣясь, что черезъ такое значительное время она пройдетъ. Книжка была послана въ цензуру и срокъ ей истекалъ, по обыкновенію, къ редакціонному дню, какъ это приноравнивалось для удобства раздачи гонорара и новыхъ книжекъ сотрудникамъ. Прихожу я, ничего не подозрѣвая, въ редакцію, Салтыковъ любезенъ, какъ-то особенно ласковъ и говоритъ, что книжка вышла; тоже повторяютъ и другіе; тоже говоритъ и конторщикъ, раздавая деньги сотрудникамъ.—«Получите,—говоритъ,—и вы». Я получилъ сколько причиталось и росписался. Спрашиваю: а гдѣ же книжка, нельзя ли получить экземпляръ? – «Сейчасъ, говоритъ, ее принесутъ». Затѣмъ, посидѣли нѣкоторое время, поговорили о текущихъ дѣлахъ; приходили посѣтители, — одни за отвѣтомъ, другіе съ новыми статьями; однимъ словомъ, все шло своимъ чередомъ, и я ничего не замѣчалъ. Наконецъ, Салтыковъ распрощался и уѣхалъ, а какъ только онъ уѣхалъ, такъ вдругъ откуда-то появилась и книжка. Смотрю, моей статьи въ ней нѣтъ. Оказалось, что въ цензурѣ замѣтили, что она уже была разъ вырѣзана (хоть я и совершенно ее передѣлалъ, но ходъ мысли и самый предметъ остались тѣ же), а потому предложили и вторично вырѣзать. Иначе задержали бы всю книжку. Салтыковъ же, не желая меня огорчать или, лучше

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

сказать, видѣть моего огорченія, просилъ всѣхъ не говорить мнѣ объ этомъ, пока онъ не уйдетъ изъ редакціи. Онъ по себѣ зналъ, насколько это огорчительно, а съ другой стороны и статья ему нравилась. Мнѣ, дѣйствительно, было очень непріятно и жаль статью, а затѣмъ и положеніе мое относительно гонорара вышло довольно неловкимъ: я уже получилъ разъ деньги за вырѣзанную рецензію, а теперь вторично получалъ въ сущности за ту же самую работу, которая также не пригодилась журналу. Выходило такъ, какъ будто я обладаю какой-то сказочной цѣнностью, которая другому не дается и постоянно ко мнѣ же возвращается. Къ тому же, денежное мое положеніе было вовсе не плохимъ: кромѣ платы за статьи, я получалъ еще отъ редакціи очень хорошее жалованье. Видя, что конторщикъ уже ушелъ изъ редакціи, я, когда возвращался домой, зашелъ въ контору и предложилъ ему деньги обратно, но получилъ въ отвѣтъ, что онъ сдѣлать этого никакъ не можетъ, потому что Михаилъ Евграфовичъ приказалъ не брать отъ меня денегъ:—«не велѣлъ—говоритъ—сказывать вамъ, что статья вырѣзана, и книжку не велѣлъ показывать, покуда денегъ не получите, а потомъ денегъ назадъ не велѣлъ брать». Значитъ, онъ и тутъ уже распорядился. Говорилъ я ему потомъ объ этомъ раза два, но онъ и слушать не хотѣлъ, повторяя только одно: «ахъ, какъ это скучно, право. Вѣдь и во второй разъ вы работали надъ статьею, не сама же она написалась, слѣдовательно не о чемъ тутъ и говорить; если же не хотите брать денегъ или у васъ ихъ такъ много, что некуда дѣвать, такъ отдайте кому-нибудь». Положеніе мое въ данномъ случаѣ было, впрочемъ, вовсе не исключительнымъ: всѣ статьи, разъ принятыя редакціей, оплачивались, хотя бы почему-нибудь—по независящимъ или инымъ причинамъ—и не были напечатаны.

Вообще, въ денежныхъ вопросахъ и дѣлахъ съ пишущею братіею Салтыковъ былъ гораздо болѣе щедръ, чѣмъ это могло показаться съ виду, по скромности его личныхъ потребностей и тѣмъ случаямъ, когда онъ начиналъ ворчать, при выдачѣ нѣкоторыхъ авансовъ. Онъ постоянно выдавалъ авансы, и авансы значительные; мало того, самъ даже предлагалъ иногда денегъ, когда узнавалъ, что человѣкъ нуждается, и предлагалъ людямъ, которыхъ мало зналъ, лишь бы только они были писателями и изъ писаній ихъ было видно, что они люди порядочные. Я выше указалъ одинъ такой примѣръ относительно знакомой моей писательницы, хотя она предложеніемъ и не воспользовалась. Другой, такой же, примѣръ разсказываетъ г. Абрамовъ про себя: Салтыковъ совсѣмъ его еще не зналъ и въ первый разъ видѣлъ, только одна первая статья его тогда была напечатана въ «Отечественныхъ Запискахъ», а между тѣмъ, узнавъ изъ разговора, что онъ ѣдетъ съ небольшою суммою въ дальнюю дорогу, самъ предложилъ ему «порядочный

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

авансъ», какой тотъ самъ назначилъ. Навѣрное были и можно еще припомнить подобные же случаи. Г. Абрамовъ совершенно вѣрно говоритъ, что если не всѣ, то почти всѣ сотрудники «прибѣгали постоянно къ этимъ авансамъ, а нѣкоторые такъ и не выходили изъ долговъ», что «кажется, не проходило редакціоннаго дня безъ того, чтобы кто-нибудь не обращался за авансомъ» и что «отказа никогда не было». Салтыковъ не любилъ только безконечныхъ авансовъ, какъ называлъ онъ тѣ случаи, когда человѣкъ, не давая долго статей, чуть ли не каждый мѣсяцъ атаковалъ его просьбами, и не любилъ также слишкомъ маленькихъ выдачъ. Такъ, напримѣръ, одинъ поэтъ, человѣкъ съ солиднымъ общественнымъ положеніемъ и имѣвшій хорошее мѣсто, почти постоянно желалъ получать гонораръ за свои стихотворенія впередъ: напишетъ стихотвореніе, узнаетъ когда оно пойдетъ, расчитаетъ сколько за него приходится и придетъ за какими-нибудь 8 рублями. Вотъ Салтыковъ и начинаетъ ворчать. Во-первыхъ, измѣняется лицо и становится недовольнымъ, во-вторыхъ, не находится пера для написанія записки въ контору или перо оказывается такимъ плохимъ, что не пишетъ («это только у насъ могутъ быть такія перья!»), затѣмъ бумаги нѣтъ, и т. д. Все это говорится, пока пишется записка; наконецъ все кончено, поэтъ поспѣшно уходитъ и начинаются разсужденія: «и зачѣмъ ему понадобились эти 8 рублей? Никогда я не повѣрю, чтобы человѣку въ такомъ возрастѣ и чинахъ могли понадобиться 8 рублей. Это онъ или въ баню хочетъ сходить, или въ банкъ ихъ положитъ, чтобы въ конторѣ даромъ цѣлый мѣсяцъ не лежали». Не вѣрилъ онъ, конечно, и навѣрное даже ни на минуту серьезно не допускалъ ни одного изъ этихъ предположеній, хорошо зная, что могутъ понадобиться и 8 руб. человѣку, а просто это ему надоѣдало и не нравилась такая маленькая житейская неаккуратность. О томъ же человѣкѣ въ другое время онъ говорилъ совершенно иначе, т. е. сочувствуя его положенію, хотя бы самъ человѣкъ ему и не нравился.

Арендуя «Отечественныя Записки», Салтыковъ могъ бы получать отъ изданія гораздо больше, еслибы, подобно другимъ издателямъ, меньше думалъ объ интересахъ пишущихъ. Салтыковъ всегда порицалъ маленькіе гонорары, которые существуютъ въ нѣкоторыхъ изданіяхъ для людей начинающихъ и малоизвѣстныхъ и всегда давалъ хорошую плату, плату во всякомъ случаѣ не низшую, а высшую, чѣмъ въ другихъ журналахъ, а затѣмъ, съ теченіемъ времени, плата эта повышалась. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ гонорары «Отечественныхъ Записокъ» достигали очень значительныхъ размѣровъ. Нѣкоторые сотрудники получали бо̀льше, чѣмъ самъ Салтыковъ: я помню время, когда ему расчетъ производился по 200 р. за листъ, а другіе получали по 250 р. Потомъ это сравнялось. Случайныя статьи извѣстныхъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

писателей также иногда оплачивались дороже. Въ числѣ сотрудниковъ всегда было нѣсколько челвѣкъ, которые получали постоянное жалованье. Въ случаѣ болѣзни или какихъ-либо житейскихъ передрягъ, жалованье это сохранялось долго за ними или выдавалось ихъ семьямъ. Долги сотрудниковъ, когда ихъ положеніе было плохо, постоянно смарывались. Когда «Отечественныя Записки» закрылись, то многіе оказались должными журналу, и всѣ эти долги были уничтожены; кромѣ того, почти всѣ, кто постоянно работалъ для журнала и жилъ текущею работою, получили по нѣскольку сотъ рублей, что дало имъ возможность перебиться до пріисканія новой работы.

Въ связи съ только-что сказаннымъ, мнѣ хочется отмѣтить еще одну чисто народную черту характера Салтыкова: онъ былъ артельнымъ, мірскимъ человѣкомъ, не въ смыслѣ мірского времяпрепровожденія или какихъ-либо развлеченій, совершенно для него чуждыхъ, а въ смыслѣ склонности жить и дѣйствовать артелью, міромъ, и постоянно принимать близко къ сердцу общественные интересы. Это типъ на Руси вполнѣ опредѣленный и сохранившійся еще и до сихъ поръ: изъ него выходятъ порицатели общественной неправды и пороковъ, ходоки, заступники и вообще радѣтели о мірѣ, личная жизнь которыхъ неразрывно соединяется съ мірскою, которые не мыслимы безъ міра также, какъ растеніе безъ земли и птица безъ воздуха. По первому внѣшнему впечатлѣнію, Салтыковъ легко могъ показаться нелюдимымъ, но чѣмъ больше вы его узнавали и ближе къ нему присматривались, тѣмъ для васъ становилось очевиднѣе, что въ немъ сильно развито общественное чувство, что онъ именно не мыслимъ безъ міра, что его даже нельзя представить себѣ въ одиночку: прежде всего безъ извѣстнаго кружка близкихъ людей одинаковыхъ съ нимъ убѣжденій, затѣмъ, безъ извѣстнаго круга читателей, который служилъ мысленнымъ продолженіемъ этого кружка и который онъ постоянно имѣлъ въ виду, и, наконецъ, безъ заботъ объ общественномъ благѣ въ самомъ широкомъ значеніи этого слова.

Заботы объ общественныхъ интересахъ достаточно видны изъ его произведеній, изъ которыхъ каждое имѣло общественное значеніе; но немногимъ, конечно, извѣстно, насколько въ непосредственныхъ, литературныхъ отношеніяхъ Салтыковъ былъ заботливымъ, вѣрнымъ и прекраснымъ товарищемъ, насколько мало стремился онъ преобладать, властвовать и подчинять себѣ людей и насколько самъ умѣлъ подчиняться, насколько заботился объ единодушіи и общемъ тонѣ работъ, насколько расположеніе его къ людямъ, съ которыми свела его судьба, было прочно и насколько онъ дорожилъ ими и цѣнилъ ихъ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи онъ даже нѣсколько пересаливалъ, какъ зачастую пересаливаютъ (что, впрочемъ, совершенно естественно) всѣ вообще обществен-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ники, артельщики и даже люди политическихъ партій, считающіе дороже и выше всего свою общину, свой монастырь, свою ближайшую среду и относящіеся къ остальному міру, если не съ предубѣжденіемъ раскольниковъ, то во всякомъ случаѣ какъ къ чему-то чужому: это вотъ свои, а то чужіе; это нашъ, а то чужанинъ. Нашъ можетъ быть и съ нѣкоторымъ изъянцемъ, да молодецъ и человѣкъ вѣрный, а тотъ—кто его знаетъ, что такое, можетъ быть и нѣчто хорошее, а можетъ быть и плохое.

Какъ умнаго человѣка, это не приводило его къ крайности, къ заключенію, что только и свѣта въ окошкѣ, что у насъ, напротивъ, онъ часто порицалъ свое, отлично зналъ его слабыя стороны и всегда стремился привлечь къ журналу все новое, маломальски даровитое и честное, признавалъ порядочность и заслуги другихъ, какъ на литературномъ, такъ и на иныхъ поприщахъ, извинялъ и тамъ ошибки и слабости, лишь бы только не было неискренности, лжи, ренегатства и вилянья хвостомъ, ради какихъ-либо низменныхъ цѣлей и выгодъ, но отношеніе къ своему все-таки было несомнѣнно предпочтительное передъ постороннимъ. За своихъ онъ всегда готовъ былъ постоять, а сознаніе, что и со своими можно постоять за общія убѣжденія и идеалы доставляло ему большое удовольствіе. Къ постороннимъ людямъ онъ вообще относился какъ-то искоса, если можно такъ выразиться. Какъ не любилъ онъ, напримѣръ, когда посѣтители, приходя въ редакцію, долго засиживались и разговаривали.

— Скажите пожалуйста, чего они тутъ сидятъ?—начиналъ онъ ворчать:—вѣдь у насъ дѣло есть, а тутъ извольте ждать. Вѣроятно, они думаютъ, что мы для разговоровъ собираемся...

А когда разговорчивые посѣтители или посѣтительницы уходили, то онъ иногда напускался на того, кто съ ними говорилъ, при чемъ оказывалось, что «если бы мы сами съ ними не разговаривали, то они такъ долго не засиживались бы».

Правду надо сказать, что между посѣтителями были прескучные: или придутъ съ чисто-теоретическими разговорами, или съ совершенно неотносящимися къ литературѣ вопросами, или съ выговорами за какую-нибудь статью, или съ объясненіями, почему такая-то статья не принята, когда она такъ хороша, и т. п. Съ одною писательницею, отличавшеюся особенною придирчивостью и необыкновеннымъ многословіемъ, Салтыковъ положительно не могъ говорить, не смотря на то, что она очень рѣдко появлялась: какъ только, бывало, покажется, такъ онъ сейчасъ же старается направить къ ней кого-нибудь изъ сотрудниковъ: — «Это она къ вамъ пришла», или—«потрудитесь пожалуйста принять чашу сію», а самъ уходитъ въ другую комнату, или, застигнутый врасплохъ, сидитъ, косится и сердито откашливается. Вообще, онъ сторонникъ не жаловалъ и, наоборотъ, очень любилъ, чтобы сотрудники «Оте-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

чественныхъ Записокъ» всегда приходили, и чѣмъ больше собирался кружокъ, тѣмъ онъ становился довольнѣе и одушевленнѣе. Какъ только кого-нибудь не доставало, такъ сейчасъ же начинались вопросы: почему не пришелъ, здоровъ ли и т. д., а когда замѣчалъ, что человѣкъ какъ-будто уклоняется отъ посѣщеній, то всегда узнавалъ: не разсердился ли онъ на что-нибудь и не обидился ли. Въ началѣ моего сотрудничества, когда я еще не былъ близокъ къ редакціи и просто стѣснялся приходить безъ опредѣленнаго повода, Салтыковъ неоднократно спрашивалъ:

— Почему вы прошлый разъ не были? Что же это мы всѣ врознь будемъ писать... Право, разъ въ недѣлю не трудно ходить.

То же самое говорилось и другимъ; а если бы кто-нибудь изъ постоянныхъ сотрудниковъ, участвовавшихъ въ чтеніи рукописей и въ текущихъ отдѣлахъ, вздумалъ не ходить, то тутъ навѣрное была бы цѣлая исторія, и Салтыковъ и самъ замучился бы и его бы замучилъ вопросами, записками, объясненіями, а въ концѣ концовъ, вѣроятно, поссорился бы. Однажды, когда еще никакихъ обязанностей на мнѣ не лежало, я задумалъ зимовать въ Лѣсномъ, и онъ сейчасъ же сталъ спрашивать:

— Что это вы въ Лѣсномъ совсѣмъ поселились? Развѣ тамъ такъ хорошо?

Говорю:—да, хорошо.

— А по моему ничего хорошаго нѣтъ. Развѣ писатель можетъ жить гдѣ-нибудь, кромѣ Петербурга?

— Почему же?

— Да потому, что вы тамъ не будете такъ близко принимать къ сердцу того, что происходитъ.

Но такъ какъ я никакъ не могъ взять въ толкъ, чтобы такое маленькое разстояніе могло что-нибудь значить, и приводилъ свои резоны, то онъ избралъ другой путь — сталъ подтрунивать надо мною и сочинять небылицы.

— Я слышалъ, что вы коровъ и лошадей въ Лѣсномъ заводите? Правда это или нѣтъ?

— Кто это вамъ сказалъ?

— Не помню, кто-то говорилъ.

Ясно, что никто ему этого не говорилъ. А въ другой разъ прихожу въ редакцію и слышу разсказъ про себя: разсказываетъ онъ, что я развожу въ Лѣсномъ куръ.

— Для чего же вы сочиняете, М. Е.?—сказалъ я, смѣясь.

— А для того-съ, что настоящій писатель долженъ въ Петербургѣ жить, а такъ какъ вы не настоящій писатель и не желаете имъ быть, то и живете подальше отъ литературы. Это ужъ я по себѣ знаю; да и по другимъ тоже: вотъ X живетъ въ деревнѣ—много онъ пишетъ? А Z, какъ переѣхалъ въ деревню, такъ чортъ знаетъ, что сталъ писать.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Ему просто было нужно, чтобы всѣ собирались, говорили, совѣтывались, чтобы онъ видѣлъ, что журналъ есть общее и близкое всѣмъ дѣло. Въ отрывкахъ изъ его писемъ къ Н. К. Михайловскому, напечатанныхъ въ «Русской Мысли», не мало фактовъ глубокой его привязанности къ журналу и заботливости о сотрудникахъ: обо всѣхъ онъ думаетъ, неудачниковъ жалѣетъ, говоритъ о важности работы въ общемъ тонѣ и въ своемъ мѣстѣ, а по поводу неодобреннаго имъ полемическаго фельетона одного изъ сотрудниковъ высказываетъ, что «подобные шаги должны быть рѣшаемы обдуманно и сообща, чтобы можно было и впослѣдствіи поддержать полемику, а не отступать», и т. д. Но, не смотря на это, все-таки еще жалѣетъ, что недостаточно отрѣшился отъ личныхъ привязанностей и отношеній, ради общаго дѣла. Сдѣлавъ нѣкоторыя помарки въ статьѣ Михайловскаго, онъ пишетъ ему: «я утромъ ждалъ васъ, но не дождался. Впрочемъ, корректуры съ моими помѣтками у васъ... Будьте такъ добры, сдѣлайте мнѣ эти уступки... Я зачеркнулъ, между прочимъ, и упоминаніе объ Анненковѣ. Если хотите, возстановите его, но онъ мой пріятель, и я какъ-то не возвысился еще до того, чтобы оставить отца и матерь и прилѣпиться къ журналу».

То же самое было и со мною: разъ по поводу Костомарова [1]), когда Салтыковъ потребовалъ, чтобы я подъ статьею хоть инціалы поставилъ, чтобы она не была принята за редакціонную (такъ какъ я подъ статьями никогда не подписывался), а въ другой разъ по поводу Кавелина. Кавелинъ выпустилъ книжку о крестьянскомъ вопросѣ. Я написалъ рецензію, гдѣ не похвалилъ его и особенно подчеркнулъ политическую неопредѣленность его взглядовъ, стремленіе всегда стать на какую-то такую высоту, съ которой всегда получается двоякое рѣшеніе вопроса: и такъ, и этакъ. Получаю отъ Салтыкова письмо. Прихожу и вижу у него на столѣ корректуру.

— У меня, говоритъ, есть къ вамъ большая просьба, которую, собственно говоря, я не вправѣ былъ бы дѣлать, потому что совершенно согласенъ съ вашимъ отзывомъ. Намъ иначе и нельзя относиться къ кавелинской эквилибристикѣ, но тутъ вопросъ чисто личный, мой: не ссорьте меня пожалуйста съ нимъ... Человѣкъ онъ, право, не дурной, а ужъ это такъ онъ устроенъ. Я ужъ и такъ для литературы порвалъ рѣшительно всѣ свои прежнія отношенія: у меня вѣдь изъ прежнихъ пріятелей и знакомыхъ осталось всего навсего два-три человѣка. Пусть же хоть они останутся! Сдѣлайте мнѣ пожалуйста эту уступку: не будемъ печатать эту рецензію!..

---

[1]) Во время русско-турецкой войны онъ заплатилъ дань шовинизму, написалъ сомнительнаго достоинства статью объ исторической нашей задачѣ, противъ которой я и возражалъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Разумѣется, я согласился. Говоря это, Салтыковъ возвышалъ тонъ, и я ясно видѣлъ, что онъ и конфузится, и сердится, что у него остается нѣчто, съ чѣмъ жаль и трудно разстаться. Хотя это нѣчто было такое маленькое, естественное и обыкновенное, что не стоило бы о немъ даже и говорить, такъ какъ у каждаго писателя есть отношенія и лица, которыхъ онъ щадитъ, но его это уже безпокоило. Слишкомъ цѣльная у него была натура, тяготившаяся всякими компромиссами. И при этомъ, очевидно, ему и въ голову не приходило искать какихъ бы то ни было оправданій, а прямо рѣшалось, что онъ не возвысился до извѣстной высоты, до которой иные возвышаются. Ужъ онъ ли, кажется, не оставилъ многаго, ради журнальной дѣятельности и правды,—онъ и съ большинствомъ родныхъ, какъ самъ мнѣ разсказывалъ, перессорился изъ-за этого,—но разъ являлось обстоятельство, мѣшавшее цѣльности понятія, онъ уже не могъ чувствовать себя удовлетвореннымъ. Послѣдовательность и строгость къ себѣ позволяли ему прилагать такую же строгую мѣрку въ другихъ случаяхъ и къ сотрудникамъ.

Послѣ его смерти одинъ мало знавшій его писатель высказалъ, что онъ будто бы имѣлъ привычку обо всѣхъ заглазно дурно отзываться. Это неправда. Онъ, дѣйствительно, имѣлъ привычку на многихъ ворчать (въ томъ числѣ и на себя), по поводамъ иногда самымъ незначительнымъ, но и въ глаза, и за глаза, всегда высказывалъ одно и тоже, хотя можетъ быть и не въ одинаковыхъ выраженіяхъ, при чемъ сплошь и рядомъ въ глаза высказывался гораздо рѣзче, чѣмъ заглазно, потому что терялъ самообладаніе. Мнѣ приходилось слышать его воркотню чуть ли не обо всѣхъ и каждомъ изъ сотрудниковъ, но я положительно не помню случая, когда дѣло касалось бы чьей-нибудь чести и добраго имени, чтобы слово его было жестокимъ, оскорбительнымъ словомъ. Вы сейчасъ же чувствовали, что это вовсе не злословіе, а скорѣе доброжелательство и забота объ общемъ литературномъ интересѣ, что это только слишкомъ строгая точка зрѣнія и нервное отношеніе къ тому, что онъ не нелюбитъ, а именно любитъ и считаетъ своимъ. Дурно отзывался онъ только о тѣхъ, кто этого заслуживалъ, но въ большинствѣ случаевъ онъ уже не могъ спокойно видѣть и говорить съ такими людьми и въ концѣ концовъ прекращалъ съ ними отношенія, или только съ великимъ трудомъ выносилъ ихъ. Въ воркотнѣ же его противъ своихъ я никогда не могъ усмотрѣть обиды: то онъ начнетъ, по поводу неакуратности и небрежности работъ, увѣрять, что «у насъ все пишутъ загадочныя, поэтическія натуры», то про сотрудника, путающаго свои денежные счеты и дѣла, начнетъ говорить: «это у насъ министръ финансовъ», и т. п. Какъ скоро онъ замѣчалъ, когда кто-нибудь въ редакціонные дни былъ скученъ или просто не въ своей тарелкѣ; но прямо по боль-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

шей части не спроситъ, точно стыдится такой экспансивности или боится неделикатности вмѣшательства, а спроситъ кого-нибудь другого:

— Скажите, пожалуйста, что это N такой скучный, — боленъ онъ что ли? А какъ дѣла его?

Сколько разъ мнѣ приходилось слышать подобные вопросы. Вообще, войти въ положеніе человѣка, понять это положеніе и отнестись къ нему сочувственно, было для него какою то непреодолимою потребностью. Иногда думаешь, что онъ останется безучастнымъ, а онъ тутъ-то именно и распахнетъ свою душу. Иногда думаешь, что онъ очень разсердится, а онъ тутъ-то именно и покажетъ себя настоящимъ человѣкомъ. Однажды, я взялъ изъ редакціи для прочтенія и приготовленія къ печати три рукописи: романъ Карновича, большой разсказъ Златовратскаго и еще какую-то статью. На Садовой, противъ банка, когда я переходилъ черезъ улицу, была давка и на меня наѣхали два или три извозчика съ разныхъ сторонъ. Чтобы спастись отъ нихъ, я вскочилъ въ проходившую мимо конку и выронилъ въ это время свертокъ съ рукописями. Сейчасъ же, разумѣется, возвратился, но свертка уже не оказалось, его кто-то поднялъ. Кто-то сказалъ мнѣ, что свертокъ поднялъ какой-то банковскій чиновникъ и прошелъ въ банкъ. Я туда, опросилъ чуть ли не всѣхъ сторожей и швейцаровъ, зашелъ въ нѣсколько отдѣленій, но никто ничего не видалъ. Положеніе мое и состояніе духа было самое непріятное: что̀ скажутъ авторы? Какъ съ ними быть? Если отбросить всякія прочія непріятности и оставить одинъ только матеріальный ущербъ, то одному Карновичу приходилось за романъ больше 1,000 рублей. Что наконецъ скажетъ Салтыковъ? Попросивъ вывѣсить въ банкѣ объявленіе о потерѣ рукописей, я отправился по газетамъ съ публикаціями, пробѣгалъ и проѣздилъ весь вечеръ и, измученный и усталый, возвратился часовъ въ 10 домой, думая только объ одномъ, какъ же мнѣ быть, сказать Салтыкову или погодить, замѣтитъ онъ завтра публикаціи или нѣтъ? Вдругъ получаю отъ него записку; зоветъ сейчасъ же. Прихожу, въ ожиданіи самого непріятнаго объясненія, а онъ говоритъ:

— Извините пожалуйста, что я васъ потревожилъ такъ поздно, но думаю, что вы должно быть просто измучились. Рукописи-то вѣдь, слава Богу, нашлись; вотъ онѣ, возьмите. Какой-то чиновникъ нашелъ, увидѣлъ тамъ адресъ Карновича и доставилъ ихъ ему, а онъ мнѣ привезъ. Это бываетъ. Вотъ и съ Некрасовымъ также разъ было: везъ изъ крѣпости «Что дѣлать» Чернышевскаго да и потерялъ.

Только и всего, и ни слова укоризны, ни тѣни недовольства. А какое искреннее удовольствіе доставляла ему каждая написанная кѣмъ-нибудь хорошая статья. Какъ сейчасъ помню, какіе востор-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

женные отзывы дѣлалъ онъ, напримѣръ, объ «Устояхъ» Златовратскаго, которые ему очень нравились, о «Власти земли» Успенскаго, не смотря на то, что съ нѣкоторыми конечными его заключеніями былъ не согласенъ. Онъ положительно становился даже какъ-то гордъ въ такія минуты, гордостью чисто общественною: «дескать, все-таки мы впереди», хотя преобладающимъ чувствомъ было, конечно, не это, а чисто художественное и идейное удовольствіе, какое онъ получалъ. За то какъ онъ оставался недоволенъ, когда кто-нибудь изъ сотрудниковъ отдавалъ статью и появлялся въ какомъ-нибудь другомъ журналѣ, кромѣ «Отечественныхъ Записокъ». Это было для него настоящею обидою, особенно, если онъ дорожилъ сотрудникомъ: «зачѣмъ, да почему, если недоволенъ чѣмъ, то отчего не сказать? какъ это идти въ чужое мѣсто, да что про насъ скажутъ? Скажутъ, что мы разгоняемъ людей» и т. д. Чаще всего это происходило по самой простой причинѣ: другія редакціи просятъ сотрудника дать что-нибудь, онъ обѣщаетъ; потомъ у него встрѣчается надобность въ деньгахъ, а въ «Отечественныхъ Запискахъ» онъ долженъ, еще брать стыдно и непріятно — Салтыковъ ворчать будетъ, вотъ онъ и дастъ что-нибудь въ другое изданіе. Случалось это, впрочемъ, довольно рѣдко, такъ какъ всѣ знали, насколько это Салтыкову непріятно.

Въ «Отечественныхъ Запискахъ» было нѣсколько человѣкъ провинціальныхъ и иногородныхъ сотрудниковъ, которыхъ мы и въ глаза не видали и съ которыми велъ переписку и сношенія онъ самъ. Это были преимущественно беллетристы и этнографы, писавшіе не постоянно, а отъ времени до времени присылавшіе свои разсказы, повѣсти и очерки. И ими тоже Салтыковъ очень дорожилъ, что можно видѣть изъ той акуратности, съ какою онъ извѣщалъ ихъ о полученіи рукописей, когда онѣ пойдутъ, что въ нихъ слѣдуетъ, по его мнѣнію, измѣнить, и т. д. Однажды, уѣзжая за границу, онъ поручилъ мнѣ отвѣтить за него двумъ такимъ сотрудникамъ, отъ которыхъ ждались рукописи, при чемъ, по крайней мѣрѣ, разъ пять повторилъ, чтобы я одному сейчасъ же отвѣтилъ, какъ только получится рукопись, потому что онъ человѣкъ акуратный и любитъ акуратность. Или: получаю, однажды, отъ него записку, зоветъ въ тотъ же день вечеромъ или завтра утромъ. Думаю, что что-нибудь экстренное и иду. Оказывается, что получено письмо отъ одного изъ такихъ сотрудниковъ, на которое онъ желаетъ скорѣе отвѣтить, но затрудняется:

— Вотъ какое непріятное положеніе: я вамъ говорилъ, что прибавилъ С. полистную плату—вмѣсто 75 р.—100 р. и написалъ ему объ этомъ, а онъ, представьте, остался недоволенъ и вотъ что отвѣчаетъ: говоритъ, что желаетъ получать 130 р... Если такъ, то почему ужъ не 150, что за вычисленіе такое. Ничего не понимаю. Да вотъ письмо, прочитайте и имѣйте въ виду, что до моего письма

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

онъ и не заикался о прибавкѣ, а когда я прибавилъ, такъ оказывается, что этого мало, т. е., дескать, если самъ прибавляешь, такъ и больше прибавишь. Непріятно это мнѣ: молодой человѣкъ, у насъ же началъ писать, мы же съ нимъ возимся, а онъ какъ на лавку какую-то смотритъ. Да мы, наконецъ, и не можетъ всѣмъ столько платить.

Я сказалъ, что и на меня это производитъ также неблагопріятное впечатлѣніе и что я или повысилъ бы всѣмъ гонораръ, какъ за беллетристику, такъ и за другія статьи, которыя писать иногда гораздо труднѣе, чѣмъ очерки и разсказы, или же не дѣлалъ бы исключеній.

— Въ томъ-то и дѣло, что его нельзя ставить въ исключительное положеніе: конечно, онъ не дурно пишетъ, но такъ пишутъ всѣ. Тогда придется и другимъ прибавлять, придется прибавить и получающимъ 200 и 250 р., а мы, право, столько платить не можемъ. Мы и безъ того дороже другихъ платимъ.

Прощаясь, Салтыковъ сказалъ:

— Ну, я очень радъ, что не одинъ я такъ смотрю.

Но каково же было мое удивленіе, когда въ первый же редакціонный день я отъ него услышалъ:

— А, знаете, я вѣдь написалъ С., что согласенъ на его прибавку: пусть по его будетъ. Не ловко какъ-то: можетъ быть у него какіе-нибудь расчеты съ этимъ связаны.

Словомъ, никто не долженъ былъ уходить, пока не расходился во взглядахъ съ журналомъ. Нѣкоторые изъ этихъ сотрудниковъ были людьми не особенно даровитыми, и Салтыковъ возился съ ними, исправлялъ ихъ рукописи, подкрашивалъ, но никогда не отказывалъ. Точно по пословицѣ: «чѣмъ дитя несчастнѣе, тѣмъ матери милѣе». Не менѣе интересно также его отношеніе къ писателямъ слабѣющимъ. Это одинъ изъ драматическихъ моментовъ въ писательской жизни: вслѣдствіе возроста, или какихъ-либо другихъ внутреннихъ причинъ, иногда только временныхъ, человѣкъ вдругъ начинаетъ утрачивать интересъ, живость мысли и впечатлительности, начинаетъ писать мало, или вяло и шаблонно, точно лапти плести. Это состояніе характеризуется выраженіями: «сталъ исписываться», «сталъ слабѣть», «не можетъ идти въ уровень съ жизнью» и т. п.; но опредѣленія эти сплошь и рядомъ бываютъ ошибочны: человѣкъ иногда нисколько не старѣетъ и не слабѣетъ, а просто устаетъ работать, или переживаетъ какой-нибудь временный душевный процессъ. Но какъ бы тамъ ни было, а сотрудники болѣе живые и энергичные выдвигаются въ это время впередъ, начинаютъ больше работать, разбирать темы и вообще дѣйствовать, а тотъ понемногу отстаетъ и переходитъ въ задніе ряды. На моей памяти были такіе примѣры, и Салтыковъ сейчасъ же это замѣтитъ:

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Скажите пожалуйста отчего это Z сталъ такъ мало писать?

— Я не знаю: вѣроятно не хочетъ или не можетъ.

— Нѣтъ, а я думаю, потому, что съ нимъ неделикатно обходятся: никогда ничего не предложатъ написать, никогда не спросятъ, что онъ думаетъ писать, вообще, точно обходятъ. А онъ, между тѣмъ, право, настоящій писатель и очень не дурно пишетъ. Вотъ, напримѣръ, въ библіографіи: разберутъ всѣ новыя книги, а на его долю ничего и не остается.

Въ то время относительно библіографій въ «Отечественныхъ Запискахъ» былъ такой порядокъ: новыя книги, присылавшіяся авторами, издателями и книжными магазинами, приносились въ редакцію и разбирались для отзывовъ сотрудниками, кому что было ближе и что кого больше интересовало. Кромѣ того, книги, которыхъ не было, можно было брать въ книжныхъ магазинахъ сначала Мамонтова, а потомъ Мартынова, и по иностранной литературѣ у Мелье и Риккера. Словомъ, относительно рецензій была полная свобода, и столкновеній никакихъ не происходило. Однако, о замѣчаніи Салтыкова я подумалъ, и въ первый же разъ, какъ только стали разбирать книги, сказалъ Z:

— А отчего вы никогда ничего не возьмете?

Онъ взялъ двѣ книги, а Салтыковъ потомъ сказалъ мнѣ:

— Ну, вотъ видите.

Оказалось, что Z дѣйствительно деликатничалъ и что всѣмъ намъ это было не вдомекъ.

Вообще, онъ отличался замѣчательною внимательностью къ людямъ и не хотѣлъ, чтобы кто-нибудь былъ обиженъ и недоволенъ. Повторяю, когда онъ самъ оказывался въ чемъ-нибудь не правъ, то всегда сознавалъ свою неправоту и всегда готовъ былъ извиниться. Непріятно это было ему, морщился онъ, но всегда извинялся съ самымъ чистымъ сердцемъ, потому что сердце у него было, дѣйствительно, чистое, чуждое какихъ-либо дурныхъ чувствъ противъ ближняго. Я не могу сказать, чтобы я пользовался какимъ-нибудь особеннымъ расположеніемъ Михаила Евграфовича, я былъ простымъ рядовымъ сотрудникомъ, и потому-то отношенія эти и имѣютъ значеніе для его характеристики: это больше чѣмъ обыкновенныя дѣловыя хорошія отношенія, это именно отношенія артельныя, мірскія, когда вы чувствовали, что составляете часть чего-то цѣлаго, на что можете опираться, и сознавали, что васъ не вышвырнутъ въ одинъ прекрасный день, какъ изъ машины винтъ негодный, на улицу. Я и большинство сотрудниковъ были значительно моложе Михаила Евграфовича, а потому относился онъ къ намъ иногда какъ старшій къ младшимъ; но обиднаго въ такихъ отношеніяхъ ничего не было, такъ какъ вы сейчасъ же убѣждались и въ его искреннемъ къ вамъ расположеніи и—весьма не рѣдко—и въ правотѣ. Больше всего онъ сердился за недоста-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

точное усердіе и вниманіе къ журналу. Самъ онъ, какъ я уже говорилъ, вкладывалъ въ него всю душу и перенесъ въ дѣло чисто служебную привычку къ акуратности и пунктуальности. Требовалъ того же и отъ другихъ.

— Вы какъ слѣдуетъ, никто не работаете,—обыкновенно говорилъ онъ,—и относитесь къ дѣлу спустя рукава. Вы все думаете, что мы вѣчно будемъ жить. Придется же когда-нибудь и вамъ самостоятельно вести журналъ... Дѣло это вовсе не шуточное. Это большое дѣло, а для васъ все равно.

— Изъ чего же это вы заключаете?

— Какъ изъ чего, слѣпой я что ли? Никогда посовѣтоваться не придете, каждый что̀ вздумаетъ, то и пишетъ... Я еще, право, удивляюсь, какъ у насъ книжки болѣе или менѣе согласно составляются... Да и работаете-то какъ: напишете листъ съ четвертью и думаете, что въ предѣлахъ земныхъ совершили все земное. Я больше васъ пишу.

— Не всякій такъ можетъ работать, какъ вы.

— Пріучайте себя.

— Да ужъ поздно пріучать-то.

— Почему?

— Да потому, что мы ужъ не дѣти.

— А старики, да? Изъ васъ кто старше,—М.? Позвольте узнать сколько ему лѣтъ.

— Почти 40.

— Ахъ, какой удивительный возрастъ! Я въ 40 лѣтъ только началъ работать, какъ слѣдуетъ.

Просто нельзя было иной разъ не расхохотаться, но на это всегда слѣдовало замѣчаніе, что «смѣяться мы умѣемъ», и приводился какой-нибудь такой аргументъ, который долженъ былъ показать, что смѣшного тутъ ничего нѣтъ.

— Вотъ вы смѣетесь, а не угодно ли посмотрѣть вотъ (онъ показывалъ обыкновенно чью-нибудь всю перемаранную корректуру, надъ которою сидѣлъ). Меня одни наши переводчики замучили своими переводами.

— Почему же вы сами это дѣлаете и не поручите кому-нибудь? Вѣдь никто изъ насъ не отказывается...

— Потому, что желанія не вижу. Я не знаю, согласитесь вы на это, или нѣтъ. Эта работа египетская, каторжная.

Мы пробовали брать у него редакторскія корректуры, но это было безполезно, потому что онъ все равно надъ ними сидѣлъ, поправляя слогъ, измѣняя абзацы и т. п., и сидѣлъ не надъ исправленными уже формами, а надъ тѣми, которыя и ему посылались одновременно съ нами. Такой ужъ это былъ безпокойный и заботливый человѣкъ.

Когда мнѣ пришлось вести постоянный отдѣлъ въ журналѣ и

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

участвовать въ редакціонной работѣ, то побужденія къ работѣ стали еще настойчивѣе. Положительно не проходило мѣсяца безъ такихъ побужденій, а иногда и безъ пререканій, которыя, впрочемъ, очень скоро кончались. Работы по журналу было много, а у меня были другія дѣла, которыхъ я никакъ не могъ оставить, поэтому свои статьи приходилось откладывать въ самый конецъ, отдавая имъ послѣдніе три-четыре дня передъ отправкою въ цензуру. Вотъ тутъ-то Михаилъ Евграфовичъ и начиналъ бояться, что книжка запоздаетъ выходомъ и начиналъ торопить. Тутъ до смерти некогда, а онъ шлетъ гонцовъ, письма, сердится и только мѣшаетъ. Бѣгаютъ разсыльные, приходитъ ментраншажъ и сидитъ. Говоришь или пишешь ему, что до обычнаго срока остается еще нѣсколько дней, что никогда съ моей стороны задержки не было и что и теперь не запоздаемъ, но онъ этимъ не удовлетворяется и начинаетъ писать какія-нибудь колкости, что-нибудь въ родѣ слѣдующаго: «вы свои статьи подгоняете обыкновенно къ самому концу, такъ что я не успѣваю просматривать корректуръ. Если вы считаете излишнимъ совѣтоваться со мною, какъ съ товарищемъ и какъ я съ вами совѣтуюсь, то не устраняйте меня, по крайней мѣрѣ, какъ офиціальнаго редактора, потому, что я могу отвѣчать за журналъ» и т. п. Тутъ рябитъ въ глазахъ отъ послѣднихъ корректуръ, свою работу черезъ пень въ колоду кончаешь, а онъ такія письма пишетъ. Разсердился я, однажды, на такое письмо и написалъ, что удивляюсь, для чего онъ истолковываетъ въ такомъ обидномъ смыслѣ самыя обыкновенныя вещи, что статью свою я уже кончилъ и послалъ въ типографію, а вчера кончить не могъ потому, ну, хотя бы потому, что боленъ былъ. Позвольте, дескать, и мнѣ имѣть такое маленькое и естественное право. Но тутъ я попался, какъ говорится, впросакъ. Мнѣ дѣйствительно, нѣсколько нездоровилось, но я былъ на ногахъ и вообще былъ больше здоровъ, чѣмъ боленъ. Послалъ я это письмо съ разсыльнымъ, а самъ сталъ пить чай съ однимъ изъ нашихъ постоянныхъ сотрудниковъ, на котораго Салтыковъ также постоянно ропталъ. Не прошло и часа, какъ слышу дверь отворяется и входитъ, задыхаясь и кашляя, Михаилъ Евграфовичъ. Жилъ я въ 4-мъ этажѣ, а самъ онъ былъ гораздо больнѣе меня.

— Что съ вами такое? Вы меня напугали... Кто васъ лечитъ?

Мнѣ стало ужасно совѣстно и я сказалъ, что чувствую себя теперь гораздо лучше.

Посидѣвъ съ часъ и поговоривъ по хорошему, М. Е. ушелъ, но случай этотъ мнѣ не прошелъ даромъ: какъ только бывало разсердится и начнетъ говорить о томъ, что мы ничего не дѣлаемъ, такъ всегда добавляетъ: «вы только чай съ N пьете».

Въ другой разъ было еще хуже: написалъ было я очередную статью, но получивъ гораздо лучшую о томъ же предметѣ (Капу-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

стина), взялъ и пустилъ ее вмѣсто своей, а самъ сталъ другое писать. Но Салтыковъ сейчасъ же это замѣтилъ и написалъ мнѣ опять что-то колкое, на ту тему, что журналу нужны почему-то именно мои статьи, а не чужія, хотя бы и прекрасныя. Я отвѣтилъ, что и моя статья будетъ, а эту все равно нужно напечатать, потому что она очень обстоятельна и какъ нельзя болѣе своевременна. Онъ еще что-то написалъ и снова упомянулъ, что я будто бы умышленно не хочу его знать. Я отвѣтилъ, что въ такомъ случаѣ, не лучше ли будетъ мнѣ уйти изъ журнала, что я настолько не желаю причинять ему непріятностей, что готовъ исполнить это хоть сегодня же. И опять Салтыковъ черезъ силу пріѣхалъ и сталъ говорить, что такъ и жить нельзя, если ничего нельзя сказать, и т. д.

Вообще, нужно правду сказать, мы тяготились ходить къ нему и слушать его воркотню, обижались за его порою рѣзкое слово, за которымъ не было дурного чувства и которое только выражалось въ рѣзкой формѣ, не принимали въ соображеніе его нервности, болѣзненности и, дѣйствительно, огромныхъ трудовъ, которые на немъ лежали. Положимъ, что онъ самъ ихъ на себя накладывалъ, но мы все-таки гораздо меньше его работали и гораздо больше жили другою жизнью. Онъ часто, дѣйствительно, чувствовалъ себя одинокимъ, и это его ужасно обижало и причиняло ему нравственную боль.

— Я одинъ, всѣ меня забыли, никто ко мнѣ не ходитъ, или ходятъ только по дѣлу,—вотъ его постоянныя жалобы.

Въ послѣдніе два года передъ закрытіемъ «Отечественныхъ Записокъ» я чаще другихъ ходилъ къ нему и очень часто слышалъ эти жалобы. Одинъ же жить онъ положительно не могъ; онъ не только не любилъ единолично рѣшать разные общіе вопросы, но ему просто необходимо было съ кѣмъ-нибудь предварительно поговорить и посовѣтоваться: «Если вамъ не о чемъ совѣтоваться, если вы все такъ счастливо рѣшаете, то мнѣ нуженъ совѣтъ». Прежде онъ всегда и больше всего совѣтовался съ Г. З. Елисеевымъ. Кажется, было достаточно и одного такого опытнаго и дальновиднаго совѣтчика, но онъ въ то же время совѣтовался также и съ Н. К. Михайловскимъ, заступившимъ мѣсто Некрасова; но и этимъ не довольствовался, а совѣтовался и съ другими. Обычная его фраза: «какъ вы думаете, а?» всѣмъ, вѣроятно, памятна. Когда Елисеевъ заболѣлъ и долженъ былъ надолго отправиться за границу, а Михайловскій экстренно выѣхалъ изъ Петербурга, то положеніе его стало особенно труднымъ.

— Вы знаете, что я никуда почти не могу самъ ѣздить, потому-что боленъ; поэтому надо ко мнѣ ходить чаще. Развѣ я виноватъ, что боленъ?.. А у меня между тѣмъ никто не бываетъ.

Однажды, я попробовалъ указать ему на двухъ не причастныхъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

къ журналу лицъ, съ которыми онъ былъ болѣе или менѣе хорошъ, но оказалось, что ему нужны именно литературные и изъ литературныхъ свои люди:

— О чемъ я буду съ ними говорить? Развѣ я не знаю, что они скажутъ? Разговоры съ ними совсѣмъ особые, а объ журналѣ я съ ними не могу да и не хочу говорить.

Словомъ, мы относились къ нему менѣе внимательно, чѣмъ онъ къ намъ. Единственное извиненіе, которое я лично нахожу для себя въ данномъ случаѣ, это то, что у меня въ то время было столько дѣла, кромѣ «Отечественныхъ Записокъ», что было не разорваться и что я не считался съ нимъ и не боялся того, что онъ мнѣ наговоритъ, а просто стѣснялся придти не во время, оторвать его отъ работы и т. д. Причинить Салтыкову какую-нибудь непріятность или безпокойство всегда было какъ-то стыдно, и я не знаю сколько отдалъ бы, чтобы вернуть причиненныя ему совершенно невольно непріятности. Теперь, впрочемъ, не время еще объ этомъ говорить.

Иногда сущія недоразумѣнія и неумѣнье самого Салтыкова выразить то, что онъ хотѣлъ, были причиною того, что къ нему нѣкоторые не охотно шли. Помню, напримѣръ, такой случай. Говорю я одному изъ сотрудниковъ, про котораго онъ часто вспоминалъ, почему онъ не зайдетъ къ нему, а онъ мнѣ отвѣчаетъ:

— Какъ я къ нему пойду... Представьте, прихожу въ послѣдній разъ: «Ну, здравствуйте, садитесь», говоритъ, какъ вдругъ въ это время кто-то позвонилъ, а онъ и говоритъ: «А вотъ и еще чортъ кого-то принесъ».

Я глубоко убѣжденъ, что Салтыковъ не хотѣлъ этого сказать, что сорвавшаяся у него фраза не только не имѣла отношенія къ собесѣднику, но даже и къ тому, кто вновь пришелъ, а просто выражала досаду, что помѣшаютъ поговорить съ человѣкомъ, котораго онъ хотѣлъ видѣть; между тѣмъ фраза вышла такой неудачной, что произвела обиду.

Помню такой еще случай. Однажды, я пришелъ къ нему какъ разъ послѣ многолюдной компаніи знакомыхъ (не литературныхъ), которая только-что ушла отъ него, и услышалъ отъ него слѣдующее:

— Боюсь, какъ бы эти господа на меня не обидѣлись... Представьте: то не ѣдутъ, не ѣдутъ цѣлые мѣсяцы, а тутъ вдругъ всѣ сразу пожаловали, сидятъ и разговариваютъ между собою, хохочутъ, а я слушай. Ну, вотъ я и сказалъ имъ это, а они вдругъ взяли шапки да уѣхали. Право же, я не хотѣлъ имъ ничего обиднаго сказать, а просто хотѣлъ только выразить, что гораздо лучше они сдѣлали бы, если бы не сразу пріѣзжали, что мнѣ пріятнѣе было бы видѣть ихъ порознь и чаще, самому говорить съ ними, чѣмъ слушать ихъ разговоры между собою.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Къ Салтыковскому голосу и разговору нужно было привыкнуть да привыкнуть. Такъ, напримѣръ, чтобы сказать, что у меня литературная форма плоха, онъ вотъ что говорилъ, говорилъ сердитымъ басомъ и съ сердитыми глазами:

— Вы, вѣроятно, воображаете, что вы обозрѣнія пишете?

— А что же?

— Статьи! Вотъ что.

— Что же это хуже или лучше?

— Я не знаю, хуже или лучше, только это не обозрѣнія.

— Въ такомъ случаѣ, давайте другого кого-нибудь найдемъ.

— Вотъ и обижаетесь. Ничего нельзя сказать.

— Нисколько не обижаюсь. Я пишу какъ пишется, какъ могу, а если не то выходитъ, то почему же не попробовать кого-нибудь другого, а я буду статьи писать.

— Совсѣмъ этого не нужно. Не нужно!

Относительно своихъ статей Салтыковъ всегда испытывалъ робость, что у него плохо вышло, и всегда бывало спрашиваетъ:

— Скажите пожалуйста, а мою статью вы просмотрѣли? Ничего у меня вышло? Кажется плохо?

На замѣчанія онъ никогда не обижался. Хотя и рѣдко приходилось ихъ дѣлать, но приходилось; а до какой степени онъ всегда интересовался искреннимъ мнѣніемъ, лучше всего можно было видѣть по тому вниманію, съ какимъ онъ выслушивалъ замѣчанія. Почти цѣлыхъ 5 лѣтъ мнѣ пришлось не видѣть М. Е., и когда я его увидѣлъ, то во второе же свиданіе онъ меня спросилъ:

— Ну, а «Пошехонскую Старину» читали? Ничего она выходитъ? Кажется плохо?

— Нисколько не плохо, — сказалъ я: конечно, не все у васъ одинаково написано, есть пропуски въ картинѣ...

— Ну, вотъ видите, а тутъ, кого ни спросишь, всѣ: «великолѣпно да великолѣпно».

— Позвольте, но въ общемъ-то все-таки получается картина живая и хорошая.

— Нѣтъ-съ, я недоволенъ «Пошехонскою Стариною». Началъ я ее дѣйствительно съ удовольствіемъ, а потомъ надоѣла она мнѣ ужасно, просто измучила... Образы за образами поднимаются и лѣзутъ въ голову, а возиться съ ними скучно, тяжело, да, наконецъ, все это уже извѣстно.

— А я, напротивъ, думаю, что у насъ мала и недостаточна литература по этому періоду, у насъ именно не достаетъ широкой картины крѣпостного быта.

— Какіе же пропуски вы находите?

— А вотъ именно о положеніи крестьянъ, дворовыхъ.

— А у Аксакова въ «Семейной хроникѣ». У Тургенева, у Гоголя...

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Но всего этого мало, М. Е., для такого большого періода.

— Да, это правда, что мало. Но вы не повѣрите, какъ мнѣ надоѣла эта канитель. Вѣдь я опять точно переживаю то время. А тутъ еще боленъ я. Право, иногда кажется, что не кончу. Впрочемъ, нисколько объ этомъ не жалѣю: у меня на всякій случай проектъ окончанія есть, всего-то въ одну страничку. Надо будетъ какъ-нибудь написать на всякій случай, а не напишу, такъ пусть другой кто-нибудь напишетъ и скажетъ, что авторъ предполагалъ кончить свою исторію зимнимъ помѣщичьимъ весельемъ, пошехонскимъ раздольемъ. А вотъ о чемъ жалѣю, — продолжалъ онъ съ разстановкой послѣ небольшой паузы,—для этого стоило бы начать снова жить: я задумалъ новую большую вещь—«Забытыя слова». И онъ разсказалъ программу этой новой работы.

Михаилъ Еврафовичъ очень любилъ говорить и развивать планы задумываемыхъ ихъ работъ, при чемъ вспоминалъ разныхъ лицъ, разныя обстоятельства и случаи, о которыхъ должна была идти рѣчь, любилъ также читать рукописи. Мнѣ приходилось не разъ слушать такое чтеніе. Насколько публично читалъ онъ не хорошо, настолько же съ удовольствіемъ можно было слушать его въ кабинетѣ. Читалъ онъ просто, безъ всякой манеры, безъ удареній, безъ интонаціи и вообще безъ всякой искусственности, но увлеченіе предметомъ невольно передавалось и вамъ, и я, по крайней мѣрѣ, слушалъ его чтеніе съ большимъ удовольствіемъ. Не знаю, были ли у М. Е. вещи написанныя сразу. Вѣроятно были, но тѣ, которыя онъ мнѣ читалъ, были въ нѣсколькихъ варіантахъ или лучше сказать редакціяхъ, т. е. были написаны разъ, потомъ поправлены, измѣнены и переписаны. Помню одно изъ «Писемъ къ тетенькѣ» было въ двухъ редакціяхъ, а сказка о киселѣ въ трехъ. Надъ этою крошечною сказкою Михаилъ Евграфовичъ долго сидѣлъ и говорилъ о ней съ неменьшимъ увлеченіемъ, чѣмъ и о самоотверженномъ зайцѣ и бѣдномъ волкѣ, которые тоже читалъ мнѣ, только уже не въ рукописяхъ, а въ корректурѣ. Съ какою скромностью онъ выслушивалъ замѣчанія и принималъ или отвергалъ ихъ. Въ этомъ отношеніи онъ представлялъ совершенную противуположность другимъ писателямъ, которые ни единою строчкою изъ написаннаго не поступятся.

Припомню еще нѣсколько фактовъ, характеризующихъ Салтыкова со стороны, о которой говорю, со стороны склонности жить и дѣйствовать міромъ. Онъ это исповѣдывалъ не только лично, но и предъявлялъ къ другимъ, и предъявлялъ не только при ихъ жизни, но даже послѣ смерти. Когда умеръ Некрасовъ и завѣщалъ похоронить себя въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, то надо было видѣть, какъ онъ сердился за это на покойника.

— Вотъ видите,—говорилъ онъ на панихидѣ,—не захотѣлъ со всѣми на Волковомъ кладбищѣ быть, а выдѣлиться захотѣлъ. Я,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

дескать, такая величина, что не хочу со всѣми лежать. А не все ли равно гдѣ лежать, между тѣмъ для общества это значеніе имѣетъ. Онъ вотъ и при жизни такой же былъ: все одинъ, все въ особинку да втихомолку.

И нѣсколько разъ Салтыковъ повторялъ на разные лады тоже самое. Видимое дѣло, что это его очень огорчало и что онъ никакъ не могъ взять въ толкъ, какъ это «такой умный человѣкъ и могъ сдѣлать такое распоряженіе». Потомъ онъ сталъ даже иронизировать надъ Некрасовымъ:

— Вы знаете, зачѣмъ онъ велѣлъ на Новодѣвичьемъ кладбищѣ себя похоронить? Думалъ, что монахини будутъ ходить по могилѣ и пѣть, а онъ будетъ слушать и поглядывать оттуда. Право, такъ.

Словомъ, человѣкъ и послѣ смерти долженъ былъ быть съ своими.

Затѣмъ, когда закрылись «Отечественныя Записки», то это было для Салтыкова огромнымъ ударомъ: вся жизнь его была связана съ журналомъ, вся душа его была тамъ; но не это главнымъ образомъ огорчало его, а то, что его выдѣлили изъ числа сотрудниковъ: «я какимъ-то дуракомъ вышелъ, вотъ что обидно», говорилъ онъ. И въ самомъ дѣлѣ, журналъ былъ общимъ, мірскимъ дѣломъ, какъ же можно было раздѣлять ихъ? Я увѣренъ, что еслибы его постигла какая-нибудь кара, то онъ встрѣтилъ бы ее мужественно и чувствовалъ бы себя спокойнѣе. Не могу, между прочимъ, не разсказать тутъ о своей встрѣчѣ съ нимъ. Почти цѣлыхъ пять лѣтъ не видалъ я его. Увидѣвъ меня, онъ обрадовался и сказалъ: «откуда ты, эѳира житель?», но сію же минуту насупился, отвернулся въ сторону и сказалъ: «а я на васъ сердитъ».

— Знаю я это,—отвѣчалъ я.

— Нѣтъ, не знаете, я вотъ за что сердитъ: я всѣ эти пять лѣтъ посылалъ вамъ свои книжки,—какъ только выйдетъ какая, такъ и пошлю,—а вы мнѣ хоть бы строчку написали...

Я сказалъ, что получилъ только одну книгу, и то въ самое послѣднее время, передъ пріѣздомъ въ Петербургъ, такъ что писать собственно не стоило, потому что лично надѣялся увидѣться, а остальныя, вѣроятно, затерялись или неправильно были адресованы. Книги, по порученію Салтыкова, на самомъ дѣлѣ мнѣ не посылались, но онъ этого не зналъ, и такъ и просидѣлъ все время недовольный (а объяснять ему настоящую причину неполученія книгъ мнѣ не хотѣлось). Разговаривалъ онъ, спрашивалъ, разсказывалъ, но все-таки какъ-то косился, когда же я сталъ уходить, то въ прихожей уже вдругъ гнѣвъ съ него совершенно сошелъ.

— Что это мы съ вами какъ встрѣтились, точно чужіе,—сказалъ онъ,—столько времени не видались и даже не поцѣловались. Чортъ знаетъ что такое!

— Такъ давайте поцѣлуемся, М. Е., вѣдь это вы разсердились,—сказалъ я.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

И онъ обнялъ меня и мы нѣсколько разъ горячо поцѣловались. Не чужіе, а свои ему были всѣ, кто работалъ въ «Отечественныхъ Запискахъ». Обо всѣхъ онъ думалъ и никого не забывалъ. Еще фактъ: пришелъ я къ нему незадолго передъ смертью и засталъ его въ самомъ тяжеломъ состояніи: сидѣлъ онъ въ креслѣ передъ письменнымъ столомъ, закрывъ глаза, ничего не говорилъ и тяжело дышалъ. На измученномъ лицѣ лежали слѣды страданія, жизни, уступающей смерти. Смотрѣть даже было тяжело. Поздоровавшись, я посидѣлъ минутъ пять и спросилъ: не обременяю ли его своимъ приходомъ?

— Нѣтъ, сказалъ онъ, пожалуйста посидите и разскажите что-нибудь, а мнѣ трудно говорить.

Что же, думаю, разсказать ему? Ничего для него нѣтъ интереснѣе литературы, а потому сталъ разсказывать объ устроивающемся литературномъ вечерѣ, въ которомъ принималъ участіе и Н. К. Михайловскій. Какъ только произнесъ я его имя, такъ Салтыковъ вдругъ открылъ глаза и сердито сказалъ:

— И зачѣмъ онъ съ ними связывается?! Тамъ и писателей-то, кромѣ него, нѣтъ.

— Какъ нѣтъ?—сказалъ я и назвалъ нѣсколько старыхъ, извѣстныхъ фамилій.

— Какіе же это писатели, это просто ..... (тутъ было сказано обычное крѣпкое словечко). Свои не должны были смѣшиваться съ кѣмъ попало.

Въ печати безъ направленія и направленія зазорнаго нѣсколько разъ говорилось, что будто бы у Салтыкова не было опредѣленнаго міросозерцанія, что онъ не былъ человѣкомъ партіи и будто бы билъ иногда своихъ. Уже въ самомъ соединеніи этихъ опредѣленій есть противурѣчія: если онъ не былъ партійнымъ человѣкомъ и не имѣлъ опредѣленнаго міросозерцанія, то какъ могли быть у него свои, и, наоборотъ, если у него были свои, то, значитъ, онъ принадлежалъ къ извѣстной группѣ (велика она была или мала—это все равно) и имѣлъ извѣстное міросозерцаніе. Міросозерцаніе Салтыкова было очень широкимъ и въ то же время очень опредѣленнымъ. Юность его приходится на сороковые годы, когда въ русской литературѣ образовалось два теченія—западническое и славянофильское. Онъ воспитывался на статьяхъ Бѣлинскаго и, будучи по природѣ русскимъ и оставаясь имъ до самой смерти, примкнулъ навсегда къ западникамъ, т. е. сталъ желать для отечества того, что на западѣ было выработано жизнью хорошаго. Примкнулъ онъ, однако, не къ большинству западниковъ, занимавшемуся популяризированіемъ нѣмецкой философіи, а къ небольшому кружку, прилѣпившемуся къ Франціи, къ Франціи не Гизо и Луи-Филиппа, а къ Франціи Сенъ-Симона, Фурье, Кабе, Луи-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Блана и Жоржъ-Занда. «Оттуда,—говоритъ онъ въ одномъ очеркѣ, имѣющемъ несомнѣнно автобіографическое значеніе,—лилась на насъ вѣра въ человѣчество, шло все доброе, любвеобильное и желанное, оттуда возсіяла намъ увѣренность, что золотой вѣкъ не назади, а впереди насъ» («За рубежомъ»). Онъ еще въ лицеѣ читалъ этихъ авторовъ и увлекался ими, и когда потомъ въ Вяткѣ собирался писать «Объ идеѣ права» и біографію Беккаріи, когда писалъ нѣчто въ родѣ историческаго учебника («Краткую исторію Россіи») и ставилъ въ заслугу Іоанну Грозному его борьбу съ боярствомъ на почвѣ мѣстнаго управленія и учрежденіе судныхъ старостъ и цѣловальниковъ, «чтобы лишить областныхъ правителей возможности грабить народъ», когда, участвуя въ служебныхъ командировкахъ, ревизіяхъ и комиссіяхъ, высказывался даже въ офиціальныхъ бумагахъ за свободу личности, экономическое благосостояніе народа, вредъ полицейскаго всевластія и бюрократической централизаціи и стоялъ за необходимость общественнаго контроля и мѣстнаго самоуправленія, то во всемъ этомъ уже сказывались соціально-политическія идеи этихъ писателей, не просто на вѣру взятыя, а продуманныя и согласованныя съ русской дѣйствительностью. Идеи эти какъ нельзя болѣе гармонировали съ его чисто русскими общинными склонностями. Онъ и въ послѣдніе годы, будучи уже старикомъ, много разъ вспоминалъ въ разговорѣ объ этихъ писателяхъ, особенно о Фурье, съ практическою стороною ученій котораго (напримѣръ съ устройствомъ фаланстеровъ, и т. п.), однако, далеко не былъ согласенъ. Признавая и высоко цѣня общія положенія, всю практическую часть онъ ставилъ въ зависимость отъ времени, развитія и желанія людей и скептически относился къ возможности разъ навсегда придумать формы жизни. Какъ русскій народъ, выработавъ общинный порядокъ и храня его, какъ главную основу своего быта, остановился на извѣстномъ разстояніи отъ перехода въ коммунизмъ и отъ поглощенія общиной личности, такъ и онъ—и инстинктивно, и путемъ высшаго процесса мысли—также остановился на извѣстномъ разстояніи отъ категорическихъ формъ, которыя могли бы быть придуманы на вѣчныя времена, остановился во имя той же свободы личности, предоставляя ей самой устроиваться въ подробностяхъ. Истина несомнѣнно здѣсь, въ этой сторонѣ, говорилъ онъ,—но можно ли назвать формы жизни, придуманныя хотя бы и великими людьми, окончательными? Прекрасныя, справедливыя и удобныя для данной эпохи не превратятся ли онѣ въ прокустово ложе для будущаго? Въ частномъ письмѣ къ одному изъ писателей, отрывокъ изъ котораго приводитъ г. Арсеньевъ въ «Матерьялахъ для біографіи Салтыкова», онъ говоритъ: «Мнѣ кажется, что писатель, имѣющій въ виду не одни интересы минуты, не обязывается выставлять иныхъ идеаловъ, кромѣ тѣхъ, которые изстари

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

волнуютъ человѣчество. А именно: свобода, равноправность и справедливость. Что же касается до практическихъ идеаловъ, то они такъ разнообразны, что останавливаться на этихъ стадіяхъ—значитъ добровольно стѣснять себя. Я положительно увѣренъ, что бо́льшее или меньшее совершенство этихъ идеаловъ зависитъ отъ бо́льшаго или меньшаго усвоенія человѣкомъ тайнъ природы и происходящаго отсюда успѣха прикладныхъ наукъ... ...Фурье былъ великій мыслитель, а вся прикладная часть его теоріи оказывается болѣе или менѣе несостоятельною и остаются только неумирающія общія положенія. Это дало мнѣ поводъ задаться болѣе скромною миссіей, а именно спасти идеалъ свободнаго изслѣдованія, какъ неотъемлемаго права всякаго человѣка, и обратиться къ тѣмъ современнымъ основамъ, во имя которыхъ эта свобода изслѣдованія попирается»[1]). Чѣмъ обстоятельства, въ какихъ приходилось дѣйствовать Салтыкову, были труднѣе, тѣмъ, само собою разумѣется, приходилось дольше стоять на общихъ положеніяхъ, тратить больше силъ и времени на подготовительную работу, «на корчевку старыхъ пней», какъ онъ выразился однажды въ разговорѣ съ однимъ изъ сотрудниковъ, и отодвигать положительный идеалъ дальше; но тѣмъ не менѣе, онъ никогда не упускалъ его изъ вида, и все его отрицаніе клонилось къ осуществленію и уясненію этого идеала, къ водворенію въ жизнь общихъ положеній, которыя самымъ тѣснымъ образомъ съ нимъ соединялись и входили въ него. Мнѣ очень трудно представить себѣ Салтыкова не въ писательской роли, а въ роли политическаго оратора, депутата или вообще какого-нибудь политическаго дѣятеля, но еслибы у насъ существовали политическія партіи, на подобіе европейскихъ, и Салтыкову пришлось бы дѣлать между ними выборъ, то я не сомнѣваюсь, что онъ выбралъ бы партію соціалистическую.

Когда говорятъ, что Салтыковъ будто бы не щадилъ своихъ и бранилъ и смѣялся надъ всѣми одинаково, то для этого нужно было бы представлять доказательства, которыхъ обыкновенно не представляютъ, потому что ихъ трудно найти, но еслибы что-либо подобное и было найдено въ его сочиненіяхъ, то это еще ничего не доказывало бы, потому что и свои могутъ ошибаться и заблуждаться и заслуживать порицанія, а еще чаще чужіе могутъ взять ваши идеи, особенно наиболѣе слабыя, и компрометировать ихъ неудачнымъ примѣненіемъ или прямо искажать и предавать поруганію однимъ своимъ прикосновеніемъ: и Робертъ Овенъ устроивалъ рабочихъ въ Нью-Ленаркѣ, и Аракчеевъ создавалъ свои поселенія, и Фурье мечталъ объ общежитіяхъ, и помпадуръ «зиждитель» тоже разводилъ какіе-то мечтанія на ту же тему. Человѣкъ съ меньшимъ умомъ и практической выдержкой могъ бы очень

[1]) Сочиненія, т. IX, стр. LXXXVI.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

много написать про своихъ и про молодое поколѣніе, тѣсно съ ними соприкасавшееся. Много было смѣшного, ошибочнаго, претендующаго и лично оскорблявшаго Салтыкова, но онъ никогда не терялъ самообладанія. Сколько смѣшного разсказывалъ онъ про одну фельдшерицу, отправившуюся, по земскому приглашенію, на борьбу съ сифилисомъ, но зная, что этотъ фактъ частный, и боясь, что имъ могутъ воспользоваться противники женскаго образованія, и не подумалъ смѣяться надъ нимъ печатно. Сколько непріятныхъ писемъ и объясненій ему приходилось имѣть съ молодежью, но зная, что передъ нимъ не все молодое поколеніе, а только наиболѣе нетерпѣливыя единицы, — ни строки дурной не написалъ о молодомъ поколѣніи и сохранилъ къ нему любовь и вѣру. Надо было знать, насколько непосредственно могли раздражать нѣкоторые факты и положенія. Одно время (въ серединѣ 70-хъ годовъ) положеніе Салтыкова было просто нестерпимымъ: съ одной стороны, на него постоянно были недовольны такъ называемыя сферы и цензура, а съ другой, его бранили молодежь и публика за то, что онъ недостаточно послѣдователенъ, не то пишетъ и не то дѣлаетъ, что нужно, и т. д. Это уже потомъ ему стали посылаться многочисленные адресы, а вначалѣ читатель къ нему былъ очень строгъ, порою просто даже безмилосерденъ. Такъ, напр., его постоянно звали читать въ пользу чего-нибудь, участвовать въ литературныхъ вечерахъ, онъ отказывался, его бранили, не желая знать никакихъ извинительныхъ причинъ и объясняя отказъ исключительно нежеланіемъ и его неотзывчивостью къ добру. Между тѣмъ, онъ часто не могъ читать просто по болѣзни, не говоря уже о томъ, что для него появляться на эстрадѣ и читать публично было чистою мукою. Не умѣлъ онъ читать, да и появляться публично не любилъ. «Я никогда не могъ похвалиться, — говоритъ онъ въ одной объяснительной запискѣ,—ни хорошимъ здоровьемъ, ни физическою силою, но съ 1875 года не проходило почти ни одного дня, въ который я могъ бы сказать, что чувствую себя изрядно». А тутъ зовутъ читать.—«Вотъ вы посидите да послушайте, какъ я кашляю, — говорилъ онъ иногда приглашающимъ, — тогда и увидите, могу ли я читать». Кашель Салтыкова былъ дѣйствительно затяжнымъ, продолжавшимся иногда минутъ 5—10 подъ рядъ. Но отвѣчать такъ можно было только въ спокойномъ, хорошемъ настроеніи, а въ другое время можно было говорить просто: «не могу, не пойду», а такъ какъ говорилъ онъ это, по обыкновенію, сердитымъ тономъ, то это также ставилось ему на счетъ. Затѣмъ, Салтыкова считали чуть ли не милліонеромъ и постоянно осаждали просьбами о пожертвованіяхъ на разныя благотворительныя и благородныя цѣли. Онъ давалъ сколько могъ, а иногда и отказывалъ, и опять его бранили. Состояніе Салтыкова было очень не велико и поправилось только за послѣдніе годы, когда

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

возросла подписка на «Отечественныя Записки» и когда стали расходиться его сочиненія отдѣльными изданіями. Служилъ онъ по необходимости, работалъ въ литературѣ также далеко не по одной только охотѣ. Въ «Отечественныхъ Записках» онъ получалъ сначала только 150 руб. въ мѣсяцъ и самъ говорилъ мнѣ, что долженъ былъ, какъ волъ, работать; а въ «Современникѣ», дѣла котораго въ то время были не блестящи, ему приходилось иногда перебиваться рецензіями, что и заставило его искать опять мѣста и вторично поступить на службу, до послѣдней отставки. О семьѣ своей онъ, дѣйствительно, думалъ, желая оставить ей обезпеченіе, но въ личной своей жизни отличался большою скромностью (даже больной онъ не имѣлъ отдѣльной прислуги). Опасаясь «полуголодной старости», онъ работалъ до самой смерти: «могу смѣло сказать,—говорилъ онъ въ вышеупомянутой запискѣ,—что до послѣднихъ минутъ вся моя жизнь прошла въ трудѣ, и только когда мнѣ становилось ужъ очень тяжко, я бросалъ перо и впадалъ въ мучительное забытье». Въ 1888 году, когда я его спросилъ, какъ онъ себя чувствуетъ, онъ мнѣ отвѣтилъ:—«увѣряю васъ, что каждый день ложусь съ неувѣренностью, что проснусь утромъ». И тѣмъ не менѣе, и въ это время онъ работалъ. Однимъ словомъ, въ то время, о которомъ я говорю, матеріальное положеніе Салтыкова вовсе не было такимъ блестящимъ, какъ объ этомъ думали осаждавшіе его просьбами. Въ этомъ отношеніи у насъ дѣло стоитъ, вообще, довольно любопытно: когда, напримѣръ, писатель дѣлаетъ изданіе, то получаетъ всегда массу просьбъ пожертвовать изданіе или прислать «по удешевленной цѣнѣ». Пишутъ библіотеки, больницы, школы и т. д., не исключая и частныхъ лицъ. Во многихъ мѣстахъ заведены для этого даже спеціальные, печатные бланки. Еслибы писатель удовлетворилъ всѣ просьбы, то въ нѣкоторыхъ случаяхъ легко могло бы случиться, что ему самому ничего не осталось бы; но нерѣдко онъ даже не можетъ самъ распоряжаться своимъ изданіемъ, такъ какъ издаетъ его не онъ, а другое лицо, которому онъ его продалъ. Между тѣмъ, этого знать не хотятъ или никакъ понять не могутъ и пишутъ претензіи, выговоры, упреки за то, что слово не согласуется съ дѣломъ, что на словахъ одно, а на дѣлѣ другое и т. д. Салтыкову не мало приходилось выслушивать подобныхъ упрековъ, и я знаю случаи, когда онъ самъ покупалъ свои же сочиненія, чтобы послать кому-нибудь. Выговоривъ или оставивъ при изданіи опредѣленное количество экземпляровъ для роздачи, онъ на остальные не имѣлъ уже права. Правда, что сочиненія его были сравнительно дороги, но для этого нужно было знать, какъ онъ съ ними устроивался: онъ отдавалъ ихъ книжнымъ торговцамъ не съ 25—30% скидки, какъ обыкновенно, а съ 50%, т. е. за полцѣны, и отдавалъ обыкновенно не на чистыя деньги, а на векселя. Однажды, я ему сказалъ, что онъ пор-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

титъ такимъ образомъ книжное дѣло, что книги, благодаря этому, продаются по самымъ произвольнымъ цѣнамъ, а онъ мнѣ на это отвѣтилъ, что нельзя же и торговцевъ притѣснять, такъ какъ дѣла ихъ очень плохи. Но этого рода упреки были еще не такъ обидны, какъ упреки другого рода, упреки чисто принципіальные и нравственные, которые также приходилось выслушивать, по поводамъ сплошь и рядомъ самымъ неосновательнымъ. Такъ, напримѣръ, его звали на студенческія сходки. Одно такое приглашеніе, помню, шло черезъ меня: «если вашъ Салтыковъ порядочный человѣкъ,— говорили мнѣ три барышни и двое молодыхъ людей,—то почему онъ на сходки не ходитъ? Вотъ скажите ему, что въ четвергъ будетъ сходка». Я воображаю Салтыкова на студенческой сходкѣ да еще съ женскимъ персоналомъ. Само собою разумѣется, что приглашенія этого я не передалъ, а только потомъ, при случаѣ, посмѣялся надъ нимъ Салтыкову, но это нисколько его не удивило: «а вы думаете, что это впервой, — сказалъ онъ, — меня и лично сколько разъ звали». Этимъ онъ, впрочемъ, не обижался, но когда ему приходилось выслушивать упреки за литературную дѣятельность, когда ее неправильно истолковывали относительно направленія и молодого поколѣнія и въ особенности когда упреки шли со стороны самой молодежи, то это его очень огорчало. Я знаю случай, когда Салтыковъ, получивъ одно такое несправедливое и рѣзкое обвинительное письмо, заплакалъ. И тѣмъ не менѣе, онъ никогда не обмолвился не только дурнымъ, но даже просто раздражительнымъ словомъ противъ молодого поколѣнія, какъ такового. При его нервности и раздражительности, такая выдержка говоритъ только объ его большомъ умѣ и прочности его убѣжденій. Я увѣренъ, что не одно, а нѣсколько молодыхъ поколѣній придутъ на Салтыковскую могилу и вспомнятъ его добрымъ словомъ. Это одинъ изъ замѣчательныхъ людей эпохи преобразованій, которая цѣликомъ отразилась въ его произведеніяхъ, со всѣми нашими недугами и слабостями.

С. Н. К.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ДВОРЯНСКАЯ ЧЕСТЬ [1].

(Быль прошлаго столѣтія).

XII.

ДѢЛА ПО УПРАВЛЕНІЮ волостью, на первый разъ, показались Андрею Петровичу весьма важными и занимательными и, вмѣстѣ съ тѣмъ, чрезвычайно сложными и многотрудными. Должность управителя была для волости приблизительно тѣмъ же, чѣмъ впослѣдствіи должность губернатора для губерніи, т. е. всѣмъ или ничѣмъ: смотря по степени рвенія, усердія и добросовѣстности управляющаго и подвѣдомственныхъ ему лицъ. Разница состояла лишь въ томъ, что управителю въ волости еще труднѣе было бороться и съ врагами и съ собственными подчиненными, чѣмъ губернатору въ губерніи. Сравнивая съ современными порядками, управителя волостью ближе всего можно сопоставить съ нынѣшними земскими начальниками...

Волость, которою управлялъ Андрей Петровичъ, была, собственно говоря, не государственная, а дворцовая или точнѣе императрицына; но сущность управленія была всюду одинакова, не исключая и, такъ называемыхъ, экономическихъ, отобранныхъ у монастырей, волостей. Для округленія этой волости, какъ разъ наканунѣ пугачевщины, было куплено нѣсколько деревень у сосѣднихъ помѣщиковъ. Это обстоятельство едва и не подало поводъ къ серьезнымъ волненіямъ во всемъ округѣ. Въ концѣ сентября того

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XLII, стр. 343.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

зловѣщаго для всего дворянства года, въ Щиграхъ никто еще не зналъ о появленіи Пугачева, и Андрей Петровичъ, недавно получившій, такъ называемый, послушный указъ, ѣздилъ по вновь купленнымъ деревнямъ и всѣмъ читалъ указъ всенародно, дабы крестьяне уразумѣли, что изъ владѣльческихъ они теперь стали дворцовыми. Вслѣдъ за тѣмъ, онъ частью утвердилъ прежнихъ, частью назначилъ новыхъ старостъ и бурмистровъ, и опредѣлилъ точный размѣръ повинностей и оброковъ. Въ одномъ селѣ, славившемся конокрадствомъ, Андрей Петровичъ созвалъ сходъ и обратился къ крестьянамъ съ рѣчью, въ которой сказалъ, что они уймутъ озорниковъ сами, а если таковые попадутся въ его руки, то имъ не будетъ пощады. Довольный своимъ объѣздомъ, онъ возвратился въ Щигры, гдѣ былъ казенный управительный домъ съ готовымъ отопленіемъ, освѣщеніемъ и подводами, и гдѣ не подолгу проживала также Софья Трофимовна съ дѣтьми, хотя и не любила этого неудобнаго жилища. Здѣсь же находилась и волостная канцелярія.

Андрей Петровичъ вошелъ въ первую, самую обширную канцелярскую комнату, гдѣ находились столы всѣхъ пяти повытьевъ, на которыя раздѣлялась его волость. При входѣ управителя, всѣ канцеляристы поспѣшно встали, а старшій канцелярист, пожилой губернскій секретарь, съ сизобагровымъ носомъ, угреватымъ лицомъ и вѣчнымъ флюсомъ, подалъ ему пакетъ, запечатанный гербовою печатью князя Юсупова, почти никогда не пріѣзжавшаго въ Щигры и вполнѣ положившагося на управленіе Андрея Петровича. Зная, что князь посылаетъ ему письма лишь въ особо важныхъ случаяхъ, Андрей Петровичъ съ нетерпѣніемъ распечаталъ пакетъ и, прочитавъ первыя строки, поспѣшилъ удалиться въ смежную комнату, гдѣ стоялъ большой столъ, крытый краснымъ сукномъ (тогдашній казенный цвѣтъ) и висѣлъ поясной портретъ императрицы.

Юсуповъ писалъ Андрею Петровичу съ курьеромъ, что во время торжества бракосочетанія наслѣдника-цесаревича Павла Петровича съ принцессою гессенъ-дармштадтскою Наталіею, при дворѣ было получено извѣстіе о появленіи опасной шайки подъ предводительствомъ Емельки Пугачева, которая, по слухамъ, уже достигла нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ и идетъ на Оренбургъ. Въ виду этого, Юсуповъ приказывалъ Андрею Петровичу принять особыя мѣры предосторожности въ подвѣдомственной ему волости, поставить вездѣ рогатки и заставы и образовать изъ волостныхъ крестьянъ стражу, которую вооружить пиками.

Воропоновъ разсудилъ, что подобныя мѣры могутъ только смутить народъ, быть можетъ, ничего еще не подозрѣвавшій, а потому медлилъ приводить ихъ въ исполненіе. Но вскорѣ онъ самъ встревожился, получивъ извѣстіе, что въ одномъ владѣльческомъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

имѣніи, смежномъ съ его волостью, крестьяне отказываются работать на помѣщика, говоря что скоро все будетъ государщина, что не будетъ ни бояръ, ни городовъ, а всѣ крестьяне станутъ казенными. Тревога Андрея Петровича усилилась тѣмъ, что главными подстрекателями оказались крестьяне тѣхъ деревень, которые недавно были куплены отъ владѣльцевъ для присоединенія къ волости.

Андрей Петровичъ поскакалъ въ простой бричкѣ и въ сопровожденіи всего двухъ людей по ухабистой и грязной дорогѣ и, прибывъ въ мѣстность, гдѣ происходили волненія, узналъ, что дѣло еще серьезнѣе, чѣмъ онъ думалъ. Оказалось, что одинъ изъ сельскихъ дьячковъ, вмѣстѣ съ какимъ-то бѣглымъ солдатомъ, распространяютъ слухи, будто государыня больше не царствуетъ, что цесаревичъ Павелъ Петровичъ временно управляетъ государствомъ, ожидая своего отца, который вовсе не умеръ, а находится гдѣ-то, не то въ Казани, не то въ Царицынѣ. Волненіе было уже настолько сильно, что по просьбѣ двухъ сосѣднихъ помѣщиковъ послали за воинской командой, которую ожидали съ часу на часъ. Всѣ окрестные дворяне находились въ состояніи, близкомъ къ паническому страху, одни вооружали свою дворню, другіе не довѣряя даже дворовымъ, укладывались и собирались уѣзжать.

При этомъ случаѣ Андрей Петровичъ, котораго сосѣди до сихъ поръ считали человѣкомъ мягкимъ и черезчуръ кроткимъ, внезапно обнаружилъ большое присутствіе духа и распорядительность. Безстрашно отправился онъ въ то село, откуда начались волненія. Здѣсь передъ церковью собралась огромная толпа мужиковъ и бабъ: бабы стояли впереди всѣхъ и страшно галдѣли. Увидѣвъ «царскаго чиновника», мужики обступили Андрея Петровича, требуя, чтобы онъ прочелъ имъ государевъ указъ.

— Ребята,—спокойно сказалъ Воропоновъ,—не шумите и идите упражняться вашими домашними занятіями. Никакого указа я вамъ не привезъ, ибо царствуетъ у насъ не государь, а государыня, и все что вамъ говорятъ, сущія враки.

Въ толпѣ послышался ропотъ.

— Слушайте, ребята! — взволнованнымъ голосомъ сказалъ Андрей Петровичъ.—Если мнѣ не вѣрите, я поклянусь вамъ надъ крестомъ и евангеліемъ! Я своими глазами видѣлъ, какъ хоронили покойнаго императора. Стану ли я вамъ врать?

Онъ, дѣйствительно, досталъ бывшее при немъ евангеліе и крестъ и произнесъ клятву. Это подѣйствовало на толпу и крестьяне понемногу стали расходиться. Андрей Петровичъ, до окончательнаго успокоенія крестьянъ рѣшился остаться въ господской усадьбѣ: самъ помѣщикъ съ семьею скрылся и здѣсь оставался только дворецкій съ нѣсколькими слугами. Но утромъ, съ прибытіемъ вызванной военной команды, дѣла опять стали хуже. Собравшіеся мужики стали бросать въ солдатъ каменьями, а бабы неистово ругали и солдатъ, и

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

командира. Андрей Петровичъ явился, какъ разъ во время, т. е. когда командиръ, нѣкій маіоръ Щекинъ уже хотѣлъ отдать приказъ стрѣлять. Оказалось, что по рукамъ у крестьянъ уже ходилъ какой-то указъ, о которомъ они и горланили, отказываясь покориться. Уговоривъ командира подождать, Андрей Петровичъ закричалъ, напрягая всѣ силы своихъ легкихъ:

— Чтожъ, ребята, ежели у васъ подлинно есть государевъ указъ, покажите мнѣ: коли вправду государь Петръ Ѳедоровичъ живъ, я первый ему присягнуть готовъ!

Одинъ изъ крестьянъ, побойчѣе, подалъ Андрею Петровичу какую-то бумагу. Тотъ взялъ и громогласно сталъ читать:—«Божіею милостью мы, Петръ Третій, Императоръ и Самодержецъ всея Россіи и прочая. Объявляется всѣмъ городамъ и селамъ и во всенародное извѣстіе. Уповательно всей Россіи небезъизвѣстно, которой уже большая половина подъ скипетръ и корону нашу достопорядочнымъ образомъ склонилась и признавъ насъ, обстоятельно увѣрясь въ точномъ нашемъ имени...»

Андрей Петровичъ не сталъ читать дальше и швырнулъ бумагу въ грязь. Нѣсколько мужицкихъ рукъ бережно подхватили ее, другіе крестьяне съ угрожающими жестами двинулись къ Воропонову.

— Эхъ, ребята, ребята!—сказалъ Воропоновъ.—Ну, не дурачье ли вы послѣ этого! Такой нехитрой выдумкѣ повѣрили! Развѣ такіе государевы указы? Да это, знать полячишки написали, чтобы васъ обмануть! Развѣ вы не знаете, что царскіе манифесты пишутся золотыми буквами и зовутся золотыми грамотами.

Эта невинная выдумка повліяла на толпу сильнѣе всякихъ разумныхъ увѣщаній. Вымыслу всегда вѣрятъ легче, чѣмъ истинѣ. Крестьяне, поговоривъ между собой, пошумѣли еще немного и разошлись. Андрей Петровичъ былъ радъ, что удалось избѣжать кровопролитія.

Въ другихъ селеніяхъ было еще легче усмирить крестьянъ и все обошлось благополучно. Воропоновъ возвратился въ Щигры, написалъ обо всемъ князю Юсупову и, не имѣя яснаго представленія о размѣрахъ пугачевскаго бунта, ожидалъ одобренія и даже награды. Но на него полетѣлъ неизвѣстно кѣмъ писанный доносъ, изобразившій дѣйствія Андрея Петровича въ совершенно извращенномъ видѣ и вмѣсто ожидаемой похвалы явился выговоръ, съ новымъ строгимъ предписаніемъ немедленно поставить заставы и рогатки и организовать команды вооруженныя пиками. По счастью, въ округѣ все оставалось спокойнымъ до самаго конца пугачевскаго бунта. Это крупное событіе, въ связи съ другими, болѣе мелкими, но частыми дрязгами, значительно охладило служебное рвеніе Андрея Петровича.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Особенно много непріятностей и враговъ нажилъ онъ при размежеваніи съ окрестными помѣщиками, изъ которыхъ каждому хотѣлось отхватить какъ можно болѣе казеннаго добра. Были у него хлопоты не только здѣсь, но и въ самой Воропоновкѣ, такъ какъ, подобно всѣмъ помѣщикамъ, Андрей Петровичъ до самаго генеральнаго межеванія не зналъ въ точности сколько у него земли и имѣлъ не мало владѣній черезполосныхъ съ сосѣдями и казною. Все это надо было привести въ порядокъ и извѣстность, что требовало частаго пребыванія въ Воропоновкѣ и еще больше отвлекало его отъ управленія волостью. Прошло то время, когда Андрей Петровичъ мечталъ сдѣлать въ волости Богъ знаетъ что и тѣшился проектомъ обращенія всѣхъ владѣльческихъ крестьянъ въ казенныхъ. И теперь онъ продолжалъ, правда, вѣрить въ теоретическую осуществимость этого проекта; но въ жизни видѣлъ одни только препятствія. Не обладай Андрей Петровичъ огромнымъ самолюбіемъ, онъ давно махнулъ бы рукою на свою службу, давшую такіе малые плоды, не смотря на все его усердіе. Лично онъ не имѣлъ отъ службы никакихъ выгодъ. Жалованья не получалось со всѣмъ, дорожить казеннымъ дѣломъ въ Щиграхъ онъ не могъ; ждать можно было только чиновъ и наградъ. Но чины шли туго, вслѣдствіе непріятностей, денежныхъ наградъ онъ гнушался и когда въ первый же годъ его управленія ему было объявлено, черезъ Юсупова, что онъ можетъ взять отъ казны заимобразно на десять лѣтъ безъ процентовъ три тысячи рублей—сумма весьма значительная для того времени—Андрей Петровичъ даже удивился и отказался. Ему полагался извѣстный процентъ съ урожая, которымъ другой воспользовался бы для своего обогащенія; но Андрей Петровичъ употребилъ всю свою долю на разныя улучшенія въ бытѣ крестьянъ. Вначалѣ Воропоновъ до того занялся волостными дѣлами, не полагаясь ни въ чемъ ни на старосту, ни на бурмистровъ и приказчиковъ, что забылъ совершенно свое собственное хозяйство. Онъ вспомнилъ о воропоновцахъ въ первый разъ по слѣдующему случаю.

Однажды, онъ былъ занятъ счетомъ денегъ въ особой комнатѣ своей волостной канцеляріи, гдѣ стояли большіе сундуки и находилась касса. Пересчитавъ елисаветинскіе крестовики-имперіалы, хранившіеся въ особой шкатулкѣ, онъ занялся серебряными рублями и мѣдяками и, наконецъ, приступилъ къ счету ассигнацій, недавно появившихся въ Россіи въ обращеніи. По окончаніи счета Андрей Петровичъ вышелъ въ комнату, гдѣ усердно писали канцелярскіе служители. Ему доложили, что его спрашиваетъ одинъ изъ его крѣпостныхъ. Этотъ мужикъ оказался посланнымъ старостою съ письмомъ отъ имени всѣхъ воропонцевъ. Въ этомъ письмѣ крестьяне слезно умоляли барина пріѣхать поскорѣе и защитить ихъ отъ новаго буйнаго сосѣда, отставнаго гусара Макова,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

который по смерти своихъ родителей, вернувшись изъ турецкаго похода, самъ вступилъ во владѣніе Алешками, имѣніемъ бывшимъ въ весьма близкомъ сосѣдствѣ съ Воропоновкой. Андрей Петровичъ не любилъ задѣвать другихъ, но и по отношенію къ себѣ не терпѣлъ нахальства. Онъ рѣшилъ немедленно ѣхать въ Воропоновку и, поручивъ дѣла старшему канцеляристу, сталъ собираться со всею семьею въ путь. Софья Трофимовна всегда съ радостью разставалась съ Щиграми. Она терпѣть не могла этой волостной канцеляріи и всей службы Андрея Петровича, не доставлявшей ни особаго почета, ни выгодъ.

Узнавъ о пріѣздѣ господъ, воропоновскіе мужики, по обыкновенію, толпой собрались къ барскому крыльцу.

— Заступись, кормилецъ!—говорили они, кланяясь барину.— Опять алешкинскій баринъ обижаетъ! Пріѣхалъ на Дикое Поле съ своимъ землемѣромъ и ставитъ колья отъ Марьиной Рощи до Антохиныхъ прудковъ. Мы говоримъ, что эта степь наша, еще наши дѣды ее пахали и косили, а онъ своимъ ребятамъ какъ гаркнетъ: «въ колья!» и давай нашихъ бить. Ѳедюхѣ Безпалому поди голову проломили...

Андрей Петровичъ вспыхнулъ, велѣлъ осѣдлать коня, взялъ нагайку, и въ сопровожденіи нѣсколькихъ мужиковъ и дворовыхъ отправился на мѣсто происшествія. Софья Трофимовна, давно не видѣвшая мужа въ такомъ возбужденномъ состояніи и боясь, чтобы не случилось чего, уговаривала его остаться, но онъ сказалъ:

— Эхъ, Софьюшка, не бабье это дѣло! За меня не бойся, съ такимъ я еще могу управиться.

Прискакавъ въ степь, называемую Дикое Поле, Андрей Петровичъ точно увидѣлъ здѣсь землемѣра ставившаго колья, впрочемъ, пока еще не клейменые.

— Постойте, государь мой,—сказалъ ему Воропоновъ,—какъ же это вы мою степь мѣрите безъ спросу?

Землемѣръ сталъ говорить, что его дѣло сторона, что онъ мѣритъ по показаніямъ алешкинскихъ мужиковъ, подтверждаемымъ господиномъ Маковымъ.

— Выбросить эти колья!—скомандовалъ Андрей Петровичъ своимъ людямъ—что и было исполнено.—А на васъ, государь мой, я жалобу подамъ въ межевую канцелярію.

Колья были вынуты. Андрей Петровичъ ожидалъ на слѣдующій день новой выходки со стороны Макова; но, къ немалому своему удивленію, получилъ отъ него приглашеніе на обѣдъ. Онъ не поѣхалъ, отговорившись дѣлами. Этотъ отказъ обидѣлъ Макова гораздо болѣе, чѣмъ если бы Андрей Петровичъ, въ свою очередь, отмежевалъ себѣ его земли или перепоролъ алешкинскихъ крестьянъ. Съ этого времени Воропоновъ нажилъ въ Маковѣ непримиримаго врага.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Занявшись своимъ хозяйствомъ, Андрей Петровичъ пробылъ въ Воропоновкѣ все лѣто и осень, а потомъ рѣшилъ зазимовать, тѣмъ болѣе, что зимою и въ волости дѣлъ было мало.

У себя дома онъ проводилъ длинные зимніе вечера, то въ чтеніи, то въ бесѣдахъ съ Софьей Трофимовной. Жизнь его потекла тихо и мирно. Одно обстоятельство все еще нарушало семейное счастье Воропоновыхъ: не смотря на многократныя попытки, имъ не удалось примириться съ матерью Софьи Трофимовны.

Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда у Софьи Трофимовны родился сынъ-первенецъ, она сдѣлала съ своей стороны рѣшительный шагъ къ примиренію. Она написала письмо, въ которомъ, въ самыхъ теплыхъ словахъ просила Дарью Семеновну пріѣхать и благословить ея первенца. Софья Трофимовна прибавляла, что подождетъ съ крестинами и просила мать приказать какъ назвать внука.

Въ отвѣтъ на это письмо, Софья Трофимовна получила записку, написанную, судя по почерку, ея младшей сестрой Ольгой, писавшею, разумѣется, подъ диктовку матери. Здѣсь было сказано: «Любезная дочь моя, какое дать имя новорожденному, это въ твоей волѣ, ибо и замужъ пошла ты по своей волѣ, не спросясь матери. Поздравляю съ сыномъ и жалую ему на зубокъ пятьдесятъ рублевъ, а пріѣхать не пріѣду, покуда ты сама ко мнѣ не пріѣдешь съ поклономъ просить прощенія. А про мужа твоего приказываю себѣ не писать, и коли я къ тебѣ пріѣду, пусть онъ мнѣ на глаза не показывается».

Софья Трофимовна любила и уважала мать и, по старой памяти, даже побаивалась ея; но это письмо оскорбило и огорчило молодую мать и за себя, и за ребенка, и болѣе всего за мужа, хотя Андрей Петровичъ, прочитавъ его, не сказалъ ни слова.

«Ну, маменька, чтожъ дѣлать!—подумала Софья Трофимовна.— Хотѣла я сама пріѣхать и въ ноги поклониться, а теперь не поѣду. Посмотримъ еще, лучше ли будутъ ваши другіе зятья! Нѣтъ, Андрюша, голубчикъ, тебя я и ради родной матери не разлюблю!»

Она пригласила старшую сестру, Анненкову, въ крестныя матери и назвала сына Андреемъ. Узнавъ объ этомъ, Дарья Семеновна чуть было не поссорилась съ Анненковыми, а о Софьюшкѣ болѣе и слышать не хотѣла.

Послѣ рожденія второго ребенка—дочери, которую Софья Трофимовна назвала Дарьей, она пыталась подѣйствовать на мать черезъ Анненкову, но какъ нарочно въ это время Лизаньку выдали замужъ за дворянина, имѣвшаго помѣстья въ Казанской губерніи, и мать ѣздила туда гостить, а потомъ съ младшею дочерью, Ольгой, надолго поселилась въ Москвѣ; младшіе сыновья были отосланы въ Петербургъ, а въ Дворяниновѣ сталъ хозяйничать старшій братъ, гвардеецъ, недавно женившійся, страшный кутила, ко-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

торый сразу не сошелся съ Воропоновыми и почти не бывалъ у нихъ. Такимъ образомъ, почти всѣ нити, связывавшія Софью Трофимовну съ материнскимъ кровомъ, оборвались. Не удивительно, что она еще болѣе привязалась къ своей милой Воропоновкѣ, гдѣ у нея была теперь своя семья, свои интересы, заботы.

Заботъ было не мало у Софьи Трофимовны. Давно прошло то время, когда она не умѣла даже приказать, что слѣдуетъ, слугамъ. Теперь ея домъ былъ полная чаша. Пахомовна давно перестала думать о хозяйствѣ и окончательно превратилась въ няньку, а старый Митричъ, уже сѣдой какъ лунь, сталъ дядькою маленькаго Андрюши. Всѣмъ домашнимъ хозяйствомъ Софья Трофимовна заправляла лично, безъ чьей-либо помощи и совѣтовъ.

Иногда Воропоновы ѣздили въ Курскъ, гдѣ раза два Софьѣ Трофимовнѣ пришлось быть на балахъ, которые давались по случаю побѣдъ надъ турками; съѣздили они даже въ Москву, но пробыли тамъ не болѣе мѣсяца. Въ деревнѣ къ нимъ часто собирались сосѣди, потому что хотя у Андрея Петровича было много враговъ и завистниковъ, но было также ни мало и доброжелателей.

Между тѣмъ размежеваніе спорныхъ угодій не подвигалось, потому что Маковъ продолжалъ дѣлать всевозможныя непріятности сосѣдямъ. Ему удалось привлечь на свою сторону отставного секундъ-маіора Щекина, человѣка богатаго и большой руки пройдоху. Съ такимъ подкрѣпленіемъ Маковъ становился все болѣе и болѣе дерзкимъ. Противная сторона, человѣкъ шесть дворянъ, выбрала своимъ представителемъ Андрея Петровича и упросила его принять энергическія мѣры для скорѣйшаго окончанія этого интересовавшаго всѣхъ дѣла.

Такимъ образомъ, началась достопамятная борьба Воропонова съ Маковымъ и Щекинымъ. Она длилась долго и раздѣлила почти всѣхъ дворянъ путивльской округи на два непріятельскія лагеря.

Самый рѣшительный моментъ борьбы насталъ въ одинъ жаркій лѣтній день, когда на спорную границу выѣхали всѣ главные соперники съ землемѣрами и цѣлою массою старожиловъ изъ однодворцевъ и даже крестьянъ.

Это были какъ бы два вражескіе стана, расположившіеся въ шатрахъ, на двухъ противулежащихъ холмахъ. Когда Андрей Петровичъ пріѣхалъ, то глазамъ его представилась слѣдующая картина:

Межевщикъ съ астролябіей, въ сопровожденіи солдата, подъячаго и нѣсколькихъ людей, мѣрилъ что-то. Нѣсколько дворянъ изъ «воропоновской партіи» горячо съ нимъ спорили, но онъ хладнокровно повторялъ: «Мое дѣло сторона... меня куда ведутъ, тамъ и мѣрю: я по купчей мѣрю, мнѣ что за дѣло».

— Да послушайте, господинъ землемѣръ,—сказалъ подошедшій Андрей Петровичъ,—что̀ вы это дѣлаете? Вѣдь вы межуете даже не нашу, а государеву землю!

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Межевщикъ опѣшилъ. Въ это время изъ непріятельскаго шатра явился Маковъ, за которымъ слѣдовалъ Щекинъ и другіе его сторонники.

— Какое тутъ государеву!—закричалъ Маковъ, не кланяясь Андрею Петровичу.—Это еще что за выдумка! Объ этой землѣ и спора никогда не было!

Затѣмъ онъ принялся ругаться, какъ бы обращаясь къ однодворцамъ, но ясно мѣтя въ Воропонова.

Андрей Петровичъ потерялъ, наконецъ, терпѣніе.

— Неучтивствомъ вы здѣсь ничего не возьмете,—сказалъ онъ,—а на васъ, господинъ землемѣръ, я сейчасъ же напишу рапортъ въ межевую канцелярію. Я вамъ сто свидѣтелей представлю, что эта земля казенная.

Маковъ, красный какъ ракъ, хотѣлъ что-то отвѣтить, но подоспѣвшій Щекинъ отозвалъ его и сказалъ ему вполголоса:

— Охота тебѣ, братъ, шумъ затѣвать! Я тихимъ манеромъ все устрою.

Затѣмъ, слегка поклонившись Андрею Петровичу, сказалъ, что радъ случаю лично съ нимъ познакомиться и убѣдительно просилъ оказать ему честь пожаловать къ нему и переговорить обо всемъ досконально. Андрей Петровичъ не хотѣлъ дать сопернику поводъ подумать, что боится его и сверхъ того, зная, что Щекинъ пользовался большимъ вліяніемъ и почетомъ, рѣшилъ, что было бы неблагоразумно отвѣтить полнымъ отказомъ и обѣщалъ пріѣхать завтра.

На слѣдующій день, Андрей Петровичъ отправился къ Щекину въ большомъ парадѣ, въ каретѣ, съ двумя людьми на запяткахъ. Въ свою очередь, Щекинъ постарался не ударить въ грязь лицомъ и устроилъ роскошный обѣдъ. Послѣ обѣда, хозяинъ пригласилъ гостя въ кабинетъ, сначала извинился передъ нимъ за буйства Макова, котораго назвалъ своимъ дальнимъ родственникомъ, затѣмъ началъ съ разныхъ подходовъ и, наконецъ, сказалъ:

— И что вамъ за охота, Андрей Петровичъ, такъ стоять за казну. По вашему выходитъ, что вся степь казенная, а я доподлинно знаю, что тамъ есть и ваша земля. Вашъ покойный дядюшка купилъ тамъ отъ однодворцевъ три четверти четвертей земли, но какъ грамотѣ не былъ ученъ, то не подумалъ укрѣпить ее за собою по книгамъ.

Андрей Петровичъ, помня дядю и по личнымъ воспоминаніямъ и по разсказамъ, тотчасъ сообразилъ всю неправдоподобность этого сообщенія, но притворился, будто вѣритъ, желая знать, чего собственно добивается Щекинъ.

— А земля отъ Кривой Балки до самой Крушихи всегда была наша Щекиныхъ, — сказалъ хозяинъ и какъ бы въ шутку прибавилъ,— ну, Андрей Петровичъ, за мою хлѣбъ-соль вы меня не вы-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

дадите. Что вамъ стоитъ дать подписку на счетъ этой земли? Вѣдь все равно всѣ знаютъ, что она моя, хотя она мнѣ и не упрочена.

«Вотъ оно что!—подумалъ Воропоновъ. — Вмѣстѣ предлагаетъ казенную землю обворовать!»

— Кланяюсь вамъ, Ѳедоръ Васильевичъ, — сказалъ онъ, — да только какъ же быть? Я вчера безъ васъ при понятыхъ и многихъ свидѣтеляхъ объявилъ ту землю казенною и засвидѣтельствовалъ своею подпискою, то могу ли я съ здравымъ разсудкомъ теперь сказать, что она ваша?

Щекинъ покраснѣлъ и въ глазахъ его мелькнуло злобное чувство.

— Не хорошо, государь мой,—сказалъ онъ.—Обидѣли старика! Такъ-то вы меня благодарите за мою хлѣбъ-соль.

— Милости прошу ко мнѣ,—отвѣчалъ Воропоновъ.—Угостить васъ буду радъ и тѣмъ взаимнымъ образомъ отплатить вашу хлѣбъ-соль.

Затѣмъ онъ поспѣшилъ проститься и уѣхалъ.

Нѣсколько дней спустя, межеванье было окончено. Воропоновъ, успѣвъ ознакомиться совсѣми документами и настращавъ землемѣра, державшаго сторону его противниковъ, одержалъ полную побѣду: онъ спасъ отъ хищническихъ аппетитовъ Макова и Щекина не только владѣльческія земли, но и до пяти тысячъ казенной земли.

XIII.

По случаю предстоявшаго открытія намѣстничества, въ Курскѣ было необычайное стеченіе дворянства. Всѣ собственные дворянскіе дома были набиты биткомъ, да и въ купеческихъ, нанятыхъ тѣми, у кого не было своего помѣщенія, едва хватало мѣста для пріѣзжихъ господъ и ихъ многочисленной дворни.

Ѳедоръ Васильевичъ Щекинъ пріѣхалъ въ Курскъ однимъ изъ первыхъ и поселился въ своемъ домѣ, небольшомъ, но внутри довольно хорошо обставленномъ и находившемся въ Закурской части, по Херсонской улицѣ, почти у самой рѣки Куры. Щекинъ имѣлъ полное основаніе пріѣхать какъ можно раньше. Ему слѣдовало подготовить себѣ почву, такъ какъ онъ намѣревался баллотироваться въ предводители своего уѣзда и имѣлъ весьма опаснаго соперника въ Андреѣ Петровичѣ Воропоновѣ, которому, какъ зналъ отлично Щекинъ, явно покровительствовалъ князь Юсуповъ. Щекинъ боялся, что вліяніе Юсупова можетъ имѣть значеніе и у графа Румянцева-Задунайскаго, который вскорѣ долженъ былъ прибыть въ Курскъ, такъ какъ уже было извѣстно, что онъ будетъ назначенъ здѣсь намѣстникомъ. Хотя Щекинъ превосходилъ Воропонова и богатствомъ и древностью рода и зналъ, кромѣ того, что отецъ Андрея Петровича былъ за свои поступки сосланъ въ Сибирь, гдѣ и умеръ—но всего этого было не достаточно, чтобы подкопаться

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

подъ Андрея Петровича, имѣвшаго такого сильнаго покровителя въ лицѣ Юсупова.

Щекинъ рѣшился пустить въ ходъ всѣ пружины. Онъ зналъ, что лучшимъ средствомъ повредить сопернику была всегда ябеда, и поэтому старался докопаться въ прошломъ Андрея Петровича какихъ-либо темныхъ пятенъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ придумывалъ различныя средства съ цѣлью заручиться при выборахъ возможно большимъ числомъ голосовъ.

Правою рукою Щекина во всѣхъ подобныхъ дѣлахъ былъ его повѣренный, отставной коммисаръ, губернскій секретарь Рогаткинъ, величайшій плутъ и ученикъ знаменитаго въ своемъ родѣ Ивана Ѳедоровича Коробова, у котораго онъ всегда спрашивалъ совѣта въ особо-важныхъ случаяхъ. За нѣсколько дней до торжества открытія, т. е. вскорѣ послѣ рождественскихъ праздниковъ Щекинъ призвалъ къ себѣ Рогаткина, чтобы передать ему нѣкоторыя распоряженія.

— Ну, что наши запасные?—спросилъ онъ, умываясь, съ помощью двухъ лакеевъ, въ присутствіи Рогаткина. Одинъ изъ лакеевъ держалъ серебрянную лахань, другой лилъ воду и подавалъ полотенце.

— Пріѣхали, ваше превосходительство,—отвѣтилъ Рогаткинъ, величая генеральскимъ титуломъ отставного маіора изъ уваженія къ его лѣтамъ, богатству и будущему предводительскому званію.

— Подавай ихъ сюда... Лей, каналья, повыше, такъ меня всего обрызгаешь,—сказалъ онъ лакею.

— Весьма оборваны, ваше превосходительство,—возразилъ Рогаткинъ,—я сказалъ камердинеру дать имъ переодѣться, какъ вы приказать изволили.

— Лей, лей, еще лей, чурбанъ ты этакой! Будетъ. Теперь вытирай, такъ покрѣпче!.. Что жъ, братецъ, надо имъ сдѣлать смотрины,—обратился онъ опять къ Рогаткину.—Гдѣ они?

— Въ дѣвичьей дожидаются, ваше превосходительство.

Щекинъ съ своимъ стряпчимъ отправился въ дѣвичью, гдѣ впрочемъ не было ни одной дѣвушки. Здѣсь стояли и сидѣли на чемъ попало какіе-то странные субъекты въ балахонахъ, полушубкахъ и въ другихъ подобныхъ одѣяніяхъ. Все это были люди молодые, иные почти мальчишки. Только для посвященнаго въ дѣло было ясно, что весь этотъ сбродъ состоялъ изъ самыхъ мелкопомѣстныхъ дворянъ, которыхъ такъ много было въ Путивльской и смежныхъ округахъ, собранныхъ Щекинымъ при посредствѣ своего повѣреннаго и долженствовавшихъ подать за него голоса на выборахъ. Многіе изъ нихъ едва ли до тѣхъ поръ даже думали, что они благородные. По общественному положенію они стояли не выше однодворцевъ. При входѣ Щекина, всѣ, какъ по командѣ, встали.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Нн... да,—промычалъ Щекинъ.—Филька! Дуракъ! — крикнулъ онъ камердинера.—Что же ты до сихъ поръ не принесъ имъ шляпъ, шпагъ и мундировъ. Вѣдь еще вчера были готовы, а? Поворачивайся живѣе! Пока, господа-дворяне, мое вамъ почтеніе, а погодя приду посмотрѣть на васъ пріодѣтыхъ.

Полчаса спустя, когда Щекинъ опять явился къ «запаснымъ» дворянамъ, они уже переодѣлись.

На этотъ разъ Щекинъ, бѣгло взглянувъ на своихъ «избирателей», остался повидимому доволенъ.

— Смотрите же, господа-дворяне!—сказалъ онъ.—Вы люди молодые, вамъ къ службѣ привыкать надо, такъ и у меня прошу слушать команды! Кто не по командѣ пискнетъ, того пѣшкомъ безъ шубы домой отпущу! Приведутъ васъ въ залу, такъ тамъ прошу сидѣть чинно, ни съ кѣмъ не разговаривать. Когда поднесутъ вамъ шары, встаньте, возьмите бѣлый шаръ правой рукой. Поняли?

— Поняли!—отвѣчали запасные.

— Ну такъ вотъ, правой рукой возьмите шаръ и каждый пусть посмотритъ на меня. Какое я ухо почешу, на ту сторону класть шары. Поняли?

— Поняли!!

— Да вѣрно ли, братецъ, что всѣ они дворяне? — усумнился Щекинъ, обращаясь къ Рогаткину.

— Что вы, ваше превосходительство! Ей-ей, столбовые, истинные дворяне! Оно правда не всѣ нашей округи, да не бѣда, сойдетъ! Смѣлъ ли бы я своему благодѣтелю подлыхъ людей привести! Ей-ей всѣ благородные!

— Ну коли благородные, такъ и ладно,—сказалъ Щекинъ.—Смотри, Рогатка! Тебѣ вѣрю, а коли обманешь, не посмотрю, что ты губернскій секретарь, узнаешь ты у меня, гдѣ Кузькина мать!

— Шутить изволите, ваше превосходительство!

Послѣ осмотра «запасныхъ», Щекинъ опять позвалъ Рогаткина въ кабинетъ.

— Да, братъ, забылъ спросить:—что Маковъ пріѣхалъ?

— Пріѣхалъ, ваше превосходительство. У купца Синебрюхова въ домѣ стоитъ... Силою къ нему въѣхать изволилъ. Ты, говоритъ, борода, мой заимодавецъ, такъ пусть за одно я тебѣ буду и за постой долженъ, когда-нибудь расплатимся... Смѣхъ, да и только!

— Какъ бы онъ тутъ чего не накудесничалъ!—подумалъ Щекинъ.—Послушай, Рогатка поѣзжай къ господину Макову, скажи, что, молъ, Ѳедоръ Васильевичъ проситъ къ себѣ пріѣхать; слава Богу, мѣсто у меня для него найдется, зачѣмъ ему проживать по купеческимъ домишкамъ.

Часъ спустя, Маковъ оглашалъ уже своимъ густымъ смѣхомъ домъ Ѳедора Васильевича, гдѣ шли хлопоты и приготовленія къ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

вечернему столу. Въ буфетной, кромѣ дворецкаго, распоряжалась смазливая дѣвица, бѣдная родственница Щекина, который недавно овдовѣлъ и взялъ ее въ домъ въ качествѣ хозяйки.

— Смотрите же,—приказывала она лакеямъ,—чтобы все въ порядкѣ было! По угламъ поставьте столы съ бутылками и рюмками. Примѣчайте: кого баринъ поласковѣе встрѣчаетъ, да поближе къ себѣ сажаетъ, тому подносите бутылки съ билетиками, съ кѣмъ мало говоритъ, тому вотъ съ этихъ бутылокъ. А кого сѣсть не попроситъ, тому наливку подносите.

— Не извольте безпокоиться, Прасковья Ивановна,—говорилъ дворецкій,—ужъ я присмотрю.

— А пуще всего глядите, чтобъ изъ запасныхъ кто не стянулъ бутылки. А коли случится такой грѣхъ, сейчасъ мнѣ, или Рогаткину скажите!

Въ это время вошелъ Маковъ.

— Что вамъ сказать, прелестница моя!—отвѣчалъ онъ на послѣднія слова Прасковьи Ивановны.—Лучше вы мнѣ скажите, можно ли васъ поцѣловать?

И не дожидаясь разрѣшенія, онъ чмокнулъ дѣвицу въ щеку.

— Ахъ, вы озорники какіе!—сказала ухмыляясь Прасковья Ивановна.—Вотъ пожалуюсь на васъ Ѳедору Васильевичу...

— Что это у васъ тутъ дѣлается?—спросилъ Маковъ.—Какіе это шушеры сидятъ въ дѣвичьей? куда вы своихъ дѣвокъ прогнали?

— Ахъ, Василій Васильевичъ! Вы не повѣрите какой у насъ содомъ! Съ этими запасными бѣда! Кричатъ, шумятъ, всякія невѣжества дѣлаютъ! Тоже дворяне называются, прости Господи!

— Что за глупость,—сказалъ Маковъ.—Какихъ ему еще запасныхъ! Говорилъ я Ѳедору Васильевичу, что онъ пустое затѣялъ! Мы его и такъ выберемъ!

Онъ направился въ кабинетъ къ хозяину.

— Ну что, какъ господинъ Воропоновъ?—спросилъ Маковъ.

— Да что,—сказалъ Щекинъ,—плохо! Юсуповъ стоитъ за него горой, графу Задунайскому, сказываютъ, былъ на него доносъ поданъ, что во время бунта этого проклятаго Пугачева онъ-де сказывалъ, что на престолъ вступилъ Павелъ Петровичъ... Графъ и читать не сталъ...

— Ну чтожъ,—отвѣчалъ Маковъ,—мы и сами прокатимъ на вороныхъ! Зачѣмъ намъ графъ!

— Такъ оно такъ...—задумчиво сказалъ хозяинъ.—Ему, сказать правду, на роду писано на вороныхъ кататься: онъ воронымъ сказываютъ жену увезъ.

— Ужъ будто увезъ?—съ завистью спросилъ Маковъ.

— Какъ же! А ты, сударь, и не зналъ? Ты, впрочемъ, здѣсь не давно, заѣзжій человѣкъ... Укралъ съ Коренной ярмарки! Су-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

щій воръ, не даромъ Воропоновъ! Отца его за воровское дѣло сослали, я тогда въ походахъ былъ... А сынокъ, говорятъ, волостныя деньги раздаетъ по неуказнымъ процентамъ... Не знаю, правда ли?

— Ну воръ онъ, или не воръ, а мы его прокатимъ!—сказалъ Маковъ.—А не удастся прокатить, такъ все же не бывать ему предводителемъ? Не будь я Маковъ, коли допущу! На улицѣ его побью, жену его на балу при всѣхъ обниму и поцѣлую, пускай сатисфакціи требуетъ! Я на шпагахъ гораздъ драться! Могу и на пистоляхъ!

— Полно пѣтушиться, сударь!—сказалъ Щекинъ.—Это все не то! Тутъ надо со смекалкой идти, а не съ палкой!

— Кушанье готово,—доложилъ дворецкій,—прикажете звать гостей? Много ужъ въ угольной дожидается.

— Дуракъ, что же не сказалъ раньше и не звалъ сюда? Бѣда съ этими остолопами! Всегда все переврутъ! Изъ генераловъ никого нѣтъ?

— Генераловъ нѣтъ, а бригадиръ одинъ пріѣхалъ.

— Зови сейчасъ сюда! И полковниковъ зови; маіоры могутъ подождать въ столовой.

Ужинъ былъ обильный, съ огромнымъ количествомъ винъ, такъ какъ имѣлось въ виду привести гостей въ возможно веселое настроеніе духа. Отдѣльно были поставлены столики для «запасныхъ», тогда какъ для другихъ гостей были мѣста за большимъ столомъ. Когда вошелъ хозяинъ въ сопровожденіи бригадира и двухъ полковниковъ, запасные съ шумомъ повскакали съ своихъ мѣстъ, многіе изъ нихъ схватили стулья и понесли хозяину и шедшимъ съ нимъ гостямъ, отчего произошла толкотня и суматоха. За ужиномъ много говорили и еще больше ѣли и пили. Въ концѣ хозяинъ произнесъ краткую рѣчь, въ которой сказалъ, что дворянство, по волѣ мудрой монархини, призвано отнынѣ играть въ государствѣ «первую роль». Соображая наши нужды и пользы общія и каждаго изъ насъ особо, заключилъ ораторъ, надлежитъ намъ подумать кого на какую должность избрать. Начнемъ, господа дворяне, съ предводителя!

— Съ губернскаго, что ли?—кричалъ Маковъ, давно уже пунцовый, какъ маковъ цвѣтъ.

— Нѣтъ, почтенные господа дворяне!—продолжалъ хозяинъ, бросивъ на Макова взглядъ выражавшій досаду за это восклицаніе.—Что намъ нужды заботиться о томъ, что есть дѣло всей губерніи! Позаботимся прежде о своихъ пользахъ! Выберемъ уѣзднаго предводителя!

— Про уѣзднаго и толковать нечего!—снова прокричалъ Маковъ.—Ѳедора Васильевича Щекина, кого же другого!

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Благодарю за честь,—отвѣчалъ Щекинъ,—но простите, господа, здѣсь я вижу многихъ достойнѣйшихъ меня...

— Нѣтъ васъ, Ѳедоръ Васильевичъ! Не откажитесь!—раздались голоса.

— Кромѣ васъ, Ѳедоръ Васильевичъ, некому быть предводителемъ!—сказалъ бригадиръ.—Всѣ наши дѣла вамъ вѣдомы, и бумаги вы не боитесь, она васъ боится... А вотъ хоть бы я... У меня и глаза стали слабы, писать ничего не вижу... И такъ выбираемъ Ѳедоръ Васильевича!.. Согласны, господа?..

— Согласны!—гаркнули запасные, а за ними и другіе дворяне.

Тронутый хозяинъ всталъ и кланялся на обѣ стороны.

— Благодарю васъ, любезнѣйшіе мои друзья! Благодарю, господа дворяне!—говорилъ онъ.—Благодарю за честь и доброе обо мнѣ мнѣніе!

— Выпить за предводителя!—крикнулъ Маковъ.

Началась настоящая попойка. Ѳедора Васильевича принялись качать. Маковъ совсѣмъ охмѣлѣлъ и неистовствовалъ, какъ вдругъ хозяину доложили, что его желаетъ видѣть Рогаткинъ по спѣшному дѣлу. Ѳедоръ Васильевичъ, у котораго не много шумѣло въ головѣ, отправился въ свой кабинетъ. Рогаткинъ былъ блѣденъ и разстроенъ.

— Что скажешь?—спросилъ Ѳедоръ Васильевичъ.

— Плохое дѣло! Иванъ Ѳедоровичъ Коробовъ изъ магистрата поѣхалъ прямо къ господину Воропонову. Я самъ слышалъ, какъ онъ приказывалъ кучеру. Побѣжалъ было за нимъ, да не успѣлъ догнать.

— Ну такъ что же?—встревоженно спросилъ будущій предводитель, который послѣ выпивки не сразу могъ сообразить, въ чемъ дѣло.

— Да видно Иванъ-то Ѳедорычъ ведетъ противъ насъ подвохъ... Ужъ даромъ не поѣдетъ къ Воропонову. Тотъ его не больно прежде жаловалъ...

Въ это время вошелъ камердинеръ и доложилъ, что Ѳедоръ Васильевича желаетъ видѣть какой-то подъячій. Рогаткинъ выбѣжалъ посмотрѣть кто это и съ величайшимъ удивленіемъ увидѣлъ Коробова.

Прибытіе его въ такой неурочный часъ служило доказательствомъ, что знаменитый ябедникъ поймалъ весьма крупную рыбу въ мутной водицѣ.

У Ѳедора Васильевича весь хмѣль прошелъ. До глубокой ночи онъ совѣщался съ старымъ подъячимъ,—о чемъ именно, знали только они двое. Даже Рогаткина Ѳедоръ Васильевичъ выслалъ вонъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

XIV.

Утро морозное, ясное. Софья Трофимовна собралась съ дѣтьми въ церковь. Старая Пахомовна, мамка и дѣвка, одѣвали дѣтей, другая дѣвка помогала одѣваться барынѣ. Наконецъ, дѣти одѣтыя, закутанныя, съ мамкою и нянькою вышли вслѣдъ за матерью и усѣлись въ четырехмѣстномъ возкѣ. Полозья заскрипѣли по твердому, замерзшему снѣгу.

Возвратившись изъ церкви, Софья Трофимовна занялась домашними хлопотами. Пріѣхавъ въ Курскъ, она остановилась не у старшей сестры, а въ наемномъ купеческомъ домѣ. Дѣло въ томъ, что какъ Анненковымъ, такъ и Воропоновымъ, предстояло множество пріемовъ: Анненковъ самъ баллотировался въ предводители Курскаго уѣзда.

Софья Трофимовна была въ самомъ радужномъ настроеніи духа. Давно она не была такъ довольна всѣмъ. Самый тяжелый для нея вопросъ о примиреніи съ матерью былъ близокъ къ разрѣшенію. Недавно Анненковъ получилъ отъ Дарьи Семеновны изъ Москвы письмо: она писала, что скоро пріѣдетъ къ нимъ въ ихъ Курскую деревню. Въ этомъ письмѣ Дарья Семеновна впервые сама освѣдомилась о здоровьѣ Софьюшки и ея мужа. Это такъ тронуло Софью Трофимовну, что она тотчасъ же написала матери самое нѣжное письмо.

Все остальное также шло на ладъ. Дѣти были здоровы, старшій сынъ Андрюша былъ такой умный мальчикъ, умомъ въ Андрея Петровича, а лицомъ похожъ на мать. Онъ давно уже отлично читалъ и писалъ, зналъ наизусть нѣсколько сценъ изъ трагедій Сумарокова и зачитывался «Дѣтскимъ Чтеніемъ» Новикова. Другія дѣти также радовали материнское сердце, и Софья Трофимовна не могла видѣть безъ умиленія, какъ бережно бралъ Андрей Петровичъ на руки самую маленькую Глашеньку. Она и смѣялась его мужской неловкости, и радовалась тому, что онъ такъ любитъ дѣтей.

Въ Софьѣ Трофимовнѣ мужъ нашелъ то, что искалъ: преданнаго и любящаго друга. Она не была образована, не знала языковъ, не болтала по-французски, какъ иныя модницы, но за то была далеко умнѣе ихъ. Не будучи манерницею, она имѣла природный тактъ. Одѣвалась всегда къ лицу, но никогда не бѣлилась, и румянилась развѣ въ особыхъ случаяхъ, напр., выѣзжая на балъ, такъ какъ безъ румянъ явиться на балъ было бы непристойно. Любила она мужа, какъ въ первый годъ супружества, тогда какъ иныя изъ модницъ, искусившіяся въ Москвѣ и Петербургѣ, открыто хвалились своими любовными связями. Неровности и несогласія характеровъ мужа и жены понемногу сглаживались, они успѣли привыкнуть, приспособиться другъ къ другу. Требованія

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

обоихъ были не велики. Софья Трофимовна, побывавъ въ Москвѣ, не рвалась больше туда, а о Петербургѣ и думать забыла. Андрей Петровичъ съ утра былъ въ разъѣздахъ. Ему надо было посѣтить и князя Юсупова, недавно пріѣхавшаго изъ Москвы, и другихъ знакомыхъ. Вдругъ онъ вошелъ въ комнату, гдѣ Софья Трофимовна сидѣла за пяльцами. Онъ положилъ ей руку на плечо. Она не ожидала такого скораго возвращенія, не замѣтила его пріѣзда и отъ неожиданности вздрогнула.

— Ахъ, Андрей Петровичъ испугалъ... Что такъ веселъ?

— Былъ у князя... Знаешь ли, Софьюшка, чему я радуюсь: мой прожектъ о волостныхъ магазинахъ аппробованъ самой государыней. Спасибо князю, не забылъ доложить!

Софья Трофимовна терпѣть не могла всѣхъ этихъ волостныхъ дѣлъ.

— Ну, батюшка,—сказала она,—я и вправду думала, ты скажешь что веселое. Бросилъ бы ты эти прожекты! Охота съ этимъ волостнымъ мужичьемъ возиться!

Со времени пугачевщины, Софья Трофимовна окончательно стала враждебна проектамъ Андрея Петровича и возненавидѣла казенныхъ крестьянъ; что касается своихъ воропоновцевъ, то она, напротивъ, всегда ихъ защищала.

— Да вотъ, Софьюшка, выберутъ меня въ предводители, тогда не по своей волѣ отъ волости откажусь,—сказалъ Воропоновъ.

— Слава тебѣ Господи,—замѣтила Софья Трофимовна, даже перекрестилась.

— Никакой прибыли отъ твоихъ прожектовъ еще не было... Ахти, забыла тебѣ сказать: пріѣзжалъ сейчасъ Коробовъ, тебя спрашивалъ. Онъ еще вчера былъ, да тебя дома не было. Сегодня опять пріѣзжалъ...

— Этотъ ябедникъ? Чего ему надо? Велѣла бы гнать его въ три шеи.

— Я и то сама догадалась,—сказала Софья Трофимовна.—Знала, что ты изволилъ приказать не пускать его на порогъ. Я и велѣла сказать, чтобы убирался по добру по здорову...

Софья Трофимовна не подозрѣвала какую плохую услугу она оказала своему мужу. Если бы она знала, какую бумагу привозилъ Коробовъ, бумагу давно украденную имъ изъ архива, она озолотила бы стараго ябедника, лишь бы купить его молчаніе. Но было поздно. Коробовъ, получивъ такой рѣзкій и обидный отвѣтъ, поѣхалъ къ сопернику Андрея Петровича и на этотъ разъ уже прямо въ роли Іуды предателя.

Наконецъ, насталъ день открытія намѣстничества. Еще съ утра въ городѣ началось необычайное движеніе. То и дѣло мчались кареты, возки и сани. Графъ Румянцевъ поѣхалъ изъ намѣстническаго дворца въ соборъ, въ сопровожденіи блестящаго конвоя. Со

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

всѣхъ сторонъ стекались къ собору дворянскіе экипажи. Послѣ молебствія, всѣ направились къ обширному зданію, гдѣ должны были произойти выборы.

Чтобы сдѣлать торжество открытія какъ можно болѣе великолѣпнымъ, графъ Румянцевъ велѣлъ нанять два купеческіе дома, одинъ каменный, другой деревянный. Въ большомъ каменномъ домѣ выломалъ всѣ внутреннія стѣны, превративъ комнаты въ одинъ огромный залъ. Этотъ домъ получилъ названіе «Дворянскихъ Палатъ». Другой, деревянный домъ, находился подлѣ самаго намѣстническаго дворца и предназначался для маскараднаго бала и театральныхъ представленій послѣ выборовъ. Дворецъ намѣстника былъ также деревянный, но такъ искусно раскрашенъ, что имѣлъ видъ каменнаго.

Огромный залъ въ «Дворянскихъ Палатахъ» былъ уставленъ скамьями, на которыхъ размѣстились дворяне въ мундирахъ курскаго намѣстничества, красныхъ, какъ во всей средней полосѣ Россіи, съ бѣлымъ подбоемъ и воротникомъ и обшивками небесно-голубого цвѣта—отличительный признакъ курскаго мундира. У передней стѣны стоялъ императорскій тронъ, подъ богатымъ балдахиномъ, на которомъ былъ помѣщенъ портретъ императрицы во весь ростъ и красовались гербы—россійскій и курскаго намѣстничества, бѣлый щитъ съ голубыми перекладинами и съ изображеніемъ трехъ куропатокъ.

Минута была торжественная. На ступени трона вошелъ намѣстникъ, графъ Румянцевъ, съ свитою чиновниковъ. У подножья трона размѣстились бѣлгородскій правитель или губернаторъ, генералъ-поручикъ Свистуновъ, и помощникъ правителя, бригадиръ Чаплыгинъ. На переднихъ скамьяхъ сидѣло знатнѣйшее дворянство. Въ первомъ ряду былъ молодой князь Юсуповъ въ мундирѣ, залитомъ золотомъ съ камергерскимъ ключемъ. Рядомъ съ нимъ нѣсколько почтенныхъ генераловъ. Далѣе сидѣли бригадиры и другія чиновныя лица и богатѣйшіе помѣщики, затѣмъ остальные дворяне, кто куда попалъ. Графъ Румянцевъ слегка махнулъ рукою и началъ краткую привѣтственную рѣчь. При первыхъ же словахъ его всѣ встали. Окончивъ рѣчь, выяснявшую значеніе новыхъ учрежденій, графъ предложилъ дворянамъ приступить къ выбору губернскаго предводителя изъ четырехъ названныхъ имъ кандидатовъ. Первымъ онъ назвалъ князя Юсупова. При этомъ имени Андрей Петровичъ, бывшій въ седьмомъ ряду, встрепенулся. Первая мысль, которая пришла ему на умъ, была не въ пользу его патрона и командира.

«Годится ли столь молодой вельможа для такой должности?» подумалъ онъ, вспомнивъ, что даже и дѣлами ввѣренныхъ ему волостей Юсуповъ почти не занимался, предоставляя все управителямъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Недалеко отъ Андрея Петровича помѣщался его соперникъ, Ѳедоръ Васильевичъ Щекинъ; при имени Юсупова онъ такъ тряхнулъ головой, что пудра съ головы посыпалась на его мундиръ.

Выслушавъ намѣстника, дворяне засуетились, стали переглядываться, подходить другъ къ другу, заговаривать вполголоса. Наконецъ, всѣ угомонились и снова усѣлись на своихъ скамьяхъ. Канцелярскіе служители забѣгали и понесли одни шары на блюдахъ, другіе покрытые зеленымъ сукномъ баллотировальные ящики. Всѣхъ обносили четыре раза, по числу кандидатовъ. Церемонія эта длилась весьма долго. Когда очередь впервые дошла до Воропонова, онъ не задумываясь, положилъ бѣлый шаръ князю Юсупову, но тотчасъ же подумалъ:

«Не сдѣлалъ ли я это по лицепріятію, какъ его подкомандующій?»

Андрей Петровичъ успокоивалъ себя тѣмъ, что другіе, названные Румянцевымъ, кандидаты были ему лично неизвѣстны, исключая богатаго помѣщика маіора Ширкова, да и того онъ зналъ мало. Впрочемъ, и ему онъ положилъ бѣлый шаръ.

По окончаніи баллотировки, губернскій прокуроръ Стромиловъ началъ подъ наблюденіемъ намѣстника и губернатора считать шары. Первымъ по числу шаровъ оказался князь Юсуповъ, вторымъ по балламъ былъ Ширковъ.

«Значитъ судьба!» подумалъ Воропоновъ.

Намѣстникъ поздравилъ князя Юсупова, который поклонился и поблагодарилъ курское дворянство. Румянцевъ пригласилъ къ себѣ Юсупова и нѣкоторыхъ именитѣйшихъ дворянъ, не ниже полковничьяго чина, на обѣдъ. Остальные и въ числѣ ихъ Воропоновъ разъѣхались по домамъ. Выборы губернскаго предводителя для большинства были мало интересны: всѣ знали, что на эту должность давало право лишь исключительное богатство или знатность. Страсти должны были разыграться на слѣдующій день. Предстояло выбрать уѣздныхъ предводителей, засѣдателей совѣстнаго и верхняго земскаго суда и въ приказъ общественнаго призрѣнія, уѣздныхъ судей и засѣдателей. Дворянская организація, основанная на выборномъ началѣ, должна была забрать въ свои руки все управленіе губерніей.

До этого времени Андрею Петровичу не случалось видѣть выборовъ, уже бывшихъ въ раньше открытыхъ намѣстничествахъ. Онъ думалъ, что все кончится въ одинъ день и съ его словъ думала тоже и Софья Трофимовна, съ нетерпѣніемъ ожидавшая возвращенія мужа. Увидѣвъ его уставшимъ и какъ будто разстроеннымъ, она встревожилась. Неужели не выбрали? Андрей Петровичъ поспѣшилъ успокоить жену, сказавъ, что уѣздные выборы будутъ только завтра. Вскорѣ стали пріѣзжать дворяне, принадлежавшіе къ партіи Воропонова. Весь день прошелъ въ угощеньяхъ, разговорахъ, хлопотахъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Къ вечеру у Софьи Трофимовны прибавилась новая забота: у маленькаго Коли, младшаго изъ сыновей, что-то разболѣлась голова. Софья Трофимовна стала придумывать отчего бы это? Ужъ не простудился ли утромъ, когда ѣздили въ церковь? Кажется, былъ хорошо закутанъ, въ шубейкѣ и въ шалевомъ платкѣ. Не угорѣлъ ли? Она стала допрашивать дѣвокъ, топившихъ печь соломою; тѣ божились, что закрыли трубу, когда никакого жару уже не было. Не зная настоящей причины, Софья Трофимовна рѣшила, что болѣзнь отъ угара и приложила къ головѣ ребенка черный хлѣбъ, смоченный уксусомъ, и можжевеловыя ягоды. А что, если сохрани Боже, оспа? думала она съ трепетомъ, мало довѣряя пользѣ прививки, хотя, по настоянію Андрея Петровича, указывавшаго на примѣръ самой государыни, всей семьѣ его была привита оспа хорошимъ лекаремъ. Къ полуночи ребенокъ какъ будто успокоился и уснулъ.

На слѣдующее утро, Андрей Петровичъ, прежде чѣмъ ѣхать на выборы, заѣхалъ въ домъ князя Юсупова, но здѣсь ему сказали, что князь полчаса тому назадъ укатилъ въ Москву.

Воропоновъ поѣхалъ въ «Дворянскія Палаты», подлѣ которыхъ уже стояло множество экипажей. Выходя изъ саней, Андрей Петровичъ замѣтилъ у подъѣзда какого-то человѣка въ ватномъ картузѣ, который, увидя его, снялъ картузъ, и поспѣшно юркнулъ въ сторону. Воропоновъ узналъ Ивана Ѳедоровича Коробова.

Войдя въ залъ, онъ увидѣлъ, что переднія скамьи всѣ уже заняты и помѣстился на одной изъ боковыхъ. Намѣстника не было и Андрей Петровичъ узналъ, что руководить сегоднишними выборами будетъ губернскій прокуроръ Петръ Александровичъ Стромиловъ, котораго Воропоновъ зналъ лично и который былъ къ нему очень расположенъ.

Андрей Петровичъ, хотя и не былъ суевѣренъ, подумалъ, что это обстоятельство является хорошимъ предзнаменованіемъ.

Стромиловъ заявилъ, что выборы произойдутъ по уѣздамъ въ алфавитномъ порядкѣ; по этому, путивльскимъ дворянамъ пришлось бы долго ждать и многіе изъ нихъ стали разъѣзжаться. Андрей Петровичъ досидѣлъ до выборовъ по курскому уѣзду и былъ очень радъ, когда здѣсь избрали Анненкова. Поздравивъ родственника, онъ съ этой хорошей вѣстью поѣхалъ къ женѣ, но засталъ ее въ горѣ и слезахъ. Она даже не спросила его, выбранъ ли онъ самъ въ предводители.

— Коля у меня совсѣмъ расхворался! — сказала она. — Я ужъ послала за лекаремъ, да что-то не пріѣзжаетъ!

Наконецъ, явился нѣмецъ-лекарь и, осмотрѣвъ малютку, сказалъ по-нѣмецки Андрею Петровичу, что болѣзнь не опасна и прописалъ какую-то микстуру.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Андрей Петровичъ поспѣшилъ опять въ «Дворянскія Палаты».

Наконецъ, настала очередь его уѣзда. Было уже довольно поздно, часа четыре по-полудни, и въ огромномъ залѣ многія скамьи опустѣли. Только путивльскіе были всѣ на лицо и на заднихъ скамьяхъ сидѣли какіе-то молодые дворяне въ плохо и не по росту сшитыхъ мундирахъ: это были «запасные», привезенные его соперникомъ. Обозрѣвъ поле битвы, Андрей Петровичъ убѣдился въ томъ, что врагъ не опасенъ. Не смотря на «запасныхъ», его партія оказалась гораздо многочисленнѣе противной партіи, и Воропоновъ заранѣе предвкушалъ побѣду. Страннымъ ему показалось лишь то обстоятельство, что самъ Щекинъ все еще не пріѣзжалъ, а между тѣмъ часъ, назначенный для путивльскихъ выборовъ, давно уже насталъ. Губернскій прокуроръ уже началъ терять терпѣніе и, наконецъ, объявилъ, что сейчасъ будетъ приступлено къ выборамъ.

Служители поставили столъ для счета шаровъ и стали укладывать шары на блюда и бѣгать съ ящиками.

Сторонники Щекина съ безпокойствомъ оглядывались, не понимая, въ чемъ дѣло, а Маковъ даже бормоталъ себѣ подъ носъ:

— Розиня, рохля, своихъ пользъ нн понимаетъ! Лучше бы я вмѣсто его баллотировался! Помогутъ ему его дураки запасные! Воропоновъ самъ не простъ! Ну только пусть меня назначутъ въ исправники, я ему стану поперекъ горла.

Вдругъ посреди всеобщаго недоумѣнія и нетерпѣнія въ залъ вошелъ Щекинъ.

Онъ выступалъ какъ-то медлительно важно, съ особою торжественностью, держа въ рукѣ свертокъ бумагъ. Проходя мимо Воропонова, онъ отвернулся и поспѣшилъ сѣсть на скамью.

Губернскій прокуроръ, въ роли предсѣдателя собранія, пригласилъ приступить къ выборамъ и назвалъ кандидатовъ. Ихъ оказалось всего двое — Воропоновъ и Щекинъ.

Вдругъ Щекинъ всталъ съ своего мѣста и сдѣлалъ рѣшительный жестъ правою рукою, продолжая держать въ лѣвой рукѣ свертокъ бумагъ.

Не поднимая глазъ и не смотря ни на кого изъ окружающихъ, Щекинъ произнесъ неровнымъ голосомъ, то вскрикивая, то какъ будто задыхаясь:

— Господа! Мы поступаемъ вопреки точнаго смысла закона. Между нами есть дворянинъ, который не только не имѣетъ права искать какой-либо должности, но и недостоинъ находиться въ нашемъ благородномъ собраніи, какъ человѣкъ подсудимый и опороченный судомъ. Я протестую и требую вывести этого дворянина вонъ!

Многіе дворяне, ошеломленные этими словами, повскакивали съ мѣстъ.

— Кто бы это былъ, Ѳедоръ Васильевичъ...—началъ было гу-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

бернскій прокуроръ, но его прервалъ чей-то голосъ, похожій на крикъ раненаго.

— Недостойно дворянина клеветать такъ, не называя при томъ имени!—воскликнулъ этотъ голосъ. — Это восклицаніе неудержимо вырвалось изъ груди Андрея Петровича: онъ выдалъ самого себя.

Щекинъ, къ которому уже вернулось его обычное хладнокровіе, язвительно отвѣтилъ:

— Есть пословица: на ворѣ шапка горитъ! Объявляю всѣмъ присутствующимъ господамъ дворянамъ; между нами находится господинъ Воропоновъ, который, хотя и носитъ имя дворянина, но неправильно, ибо онъ еще въ малолѣтствѣ былъ ошельмованъ, будучи включенъ по дѣлу отца своего о смертоубійствѣ! Угодно господамъ дворянамъ, чтобы я прочиталъ въ этомъ благородномъ собраніи выпись по дѣлу, изъ коего все сіе станетъ очивиднымъ?

— Читайте! — закричали сторонники Щекина.

— Это ябеда! Мы не вѣримъ! — закричало нѣсколько дворянъ противной партіи.

Воропоновъ стоялъ блѣдный, сжавъ кулаки и стиснувъ зубы, съ видомъ человѣка приговореннаго къ смерти. Онъ не говорилъ ни слова. Въ залѣ поднялся страшный гвалтъ и шумъ. Губернскій прокуроръ, смущенный, растерянный, нервно звоня въ колокольчикъ, просилъ господъ дворянъ успокоиться и потребовалъ, чтобы Щекинъ, не читая вслухъ, показалъ ему свои бумаги. Прочитавъ одну изъ нихъ, онъ грустно покачалъ головою и сказалъ:

— Господа дворяне! Въ справедливости словъ Ѳедора Васильевича не смѣю болѣе усумниться, и не смѣю думать, чтобы выпись была подложная... Господинъ Воропоновъ точно опороченъ по суду и по смыслу закона не имѣетъ права даже присутствовать на выборахъ. Я господа, думаю, что въ дѣлѣ семъ судъ поступилъ не весьма справедливо, включивъ малолѣтняго сына въ дѣло отца. Въ просвѣщенный вѣкъ мудрой Екатерины такое рѣшеніе было бы не возможнымъ, и господинъ Воропоновъ не приминетъ обратиться къ милосердію и правосудію монархини. Не менѣе того, долгъ службы и мое предсѣдательство въ настоящемъ собраніи, къ моему прискорбію, обязываютъ меня просить господина Воропонова удалиться изъ мѣста, гдѣ, по закону, онъ не имѣетъ права болѣе оставаться...

Андрей Петровичъ какъ-то безучастно выслушалъ всю эту тираду и встрепенулся лишь тогда, когда одинъ изъ клевретовъ Щекина вдругъ закричалъ:

— Что жъ онъ не уходитъ? Вывести его вонъ!

— Посмѣй только меня коснуться, бездѣльникъ!—задавленнымъ голосомъ произнесъ Андрей Петровичъ.—Я задушу тебя!

Сказавъ это, онъ схватился за голову и быстрыми шагами удалился изъ залы. Въ передней служитель едва успѣлъ накинуть

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ему на плечо шубу. Андрей Петровичъ машинально вышелъ на лѣстницу и остановился. Холодный зимній воздухъ освѣжилъ его и вернулъ ему разсудокъ. Онъ понялъ, что съ нимъ произошло нѣчто ужасное, нѣчто такое, чего онъ давно, хотя и смутно боялся...

Лакей, ожидавшій у подъѣзда, закричалъ, «воропоновскіе подавай!» Подкатили щегольскія сани, запряженныя парою вороныхъ: это не были знаменитые шереметевскіе кони, давно сослужившіе свою службу, но все же и эти кони были хороши. Андрей Петровичъ имѣлъ пристрастіе къ лошадямъ черной масти и смѣялся надъ Пахомовной, которая сказала ему однажды: «не къ добру, батюшка, что ты ѣздилъ вѣнчаться на вороныхъ». Теперь это предсказаніе вспомнилось Андрею Петровичу.

«Да Пахомовна сказала правду. Видно, въ самомъ дѣлѣ, не къ добру. Надо ѣхать. Куда? Домой? Зачѣмъ? Жена сразу догадается, увидя мой разстроенный видъ. А она, бѣдная, и безъ того встревожена болѣзнью ребенка. Положимъ, лекарь сказалъ, что болѣзнь пустая, да вѣдь врутъ лекаря — вотъ у Анненковыхъ залечилъ лекарь ребенка. А тутъ я пріѣду съ такимъ извѣстіемъ. Что я скажу женѣ?»

Андрей Петровичъ рѣшилъ, что ничего не скажетъ. «Скажу, что выборы по нашему уѣзду будутъ завтра»,—придумывалъ онъ.

XV.

Возвратившись домой, Воропоновъ прежде всего спросилъ попавшуюся ему навстрѣчу Пахомовну, что дѣлаетъ Софья Трофимовна и получивъ въ отвѣтъ, что сидитъ за пяльцами, подумалъ:

— «Значитъ, Колѣ легче... Слава Богу!..»

Вмѣсто того, чтобы отправиться сейчасъ же къ женѣ, Андрей Петровичъ не велѣлъ ей говорить, что пріѣхалъ и вошелъ въ свой кабинетъ.

На столѣ лежала толстая тетрадь, куда онъ записывалъ разныя соображенія по дѣламъ ввѣренной ему волости.

Надо привести въ порядокъ всѣ дѣла... Вѣдь скоро придется сдать ихъ другому. А впрочемъ, почему же? Вѣдь его не избрали предводителемъ, а онъ только потому хотѣлъ отказаться отъ управительской должности, что считалъ ее несовмѣстной съ должностью предводителя. Да, все же придется отказаться. Опороченный по суду не можетъ занимать никакой должности. Андрей Петровичъ сталъ припоминать нѣкоторые указы и законы и соображалъ обстоятельства. Еще въ первый годъ женитьбы онъ не мало рылся въ законахъ, читалъ Уложеніе, изучалъ указы и регламенты. Не помня въ точности приговора, когда-то прочитаннаго ему, совмѣстно съ отцомъ, не рѣшаясь и думать о томъ, чтобы возбудить вопросъ о пересмотрѣ своего дѣла, тщательно скрывая даже что зналъ отъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

всѣхъ не исключая жены, Андрей Петровичъ хотѣлъ знать все для себя самого—и не нашелъ иного средства, какъ только изучать указы. Ничего опредѣленнаго онъ не вынесъ изъ множества сложныхъ и часто противорѣчныхъ законовъ, исключая того, что предвидѣлъ возможность ужасной развязки... И вотъ теперь она настала... Онъ снялъ съ полки воинскій уставъ Петра Перваго и отыскалъ статьи, въ которыхъ красовалось страшное слово шельма. Это грубое, отвратительное слово обожгло его; Андрей Петровичъ захлопнулъ книгу и поставилъ ее на мѣсто.

«Нѣтъ,—подумалъ онъ,—этотъ законъ не подходитъ къ дѣлу». Онъ силился припомнить всѣ подробности жестокаго наказанія, понесеннаго его отцомъ, и дѣлалъ страшныя усилія, чтобы вспомнить, что именно прочелъ подъячій о немъ самомъ. Но какъ ни силился Андрей Петровичъ выжать что-нибудь изъ своей памяти, въ ней оставались лишь слова: «по малолѣтству» и «матернее милосердіе». Очевидно, что онъ былъ прощенъ... Значитъ, все что говоритъ Щекинъ, есть, въ самомъ дѣлѣ, низкая ябеда?

— Трусъ я, трусъ! Сущій трусъ!—вскричалъ Андрей Петровичъ, ударивъ кулакомъ по столу.—Испугался за себя постоять, не съумѣлъ... Поѣду назадъ, всѣхъ ихъ назову бездѣльниками. Пускай покажетъ свою воровскую бумагу!

Онъ вскочилъ и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ двери, но вдругъ вспомнилъ о поведеніи губернскаго прокурора, человѣка, который всегда былъ къ нему лично расположенъ. Неужели же онъ могъ быть въ стачкѣ съ Щекинымъ? Не вѣрится! Значитъ, въ этой проклятой бумагѣ было что-нибудь важное! Надо было самому потребовать, чтобы ее прочли, по крайней мѣрѣ зналъ бы въ чемъ дѣло.

Андрей Петровичъ вынулъ ключъ и открылъ одинъ изъ ящиковъ своего стола, гдѣ лежали послѣднія еще неразсмотрѣнныя дѣла управленія волостью. Снявъ верхнія бумаги, онъ на днѣ ящика увидѣлъ пистолетъ и вспомнилъ, что вчера положилъ его сюда второпяхъ, вмѣсто того, чтобы спрятать въ чехолъ и повѣсить на стѣну.

«Послѣ повѣшу»—подумалъ онъ и теперь только вспомнилъ, почему онъ спряталъ въ столъ: пистолетъ былъ заряженъ, а въ кабинетъ Андрея Петровича иногда приходили дѣти, и онъ боялся, что кто-нибудь изъ нихъ схватитъ пистолетъ и надѣлаетъ бѣды.

Андрей Петровичъ взялъ пистолетъ и посмотрѣлъ, хорошо ли ввинченъ кремень.—«Осѣчки не дастъ»—подумалъ онъ и, повернувъ дуло ко рту, слегка подулъ туда, причемъ холодное дуло коснулось его губъ. Андрей Петровичъ слегка вздрогнулъ, поморщился, положилъ пистолетъ въ столъ и снова заперъ ящикъ на ключъ.

Желая отогнать отъ себя тяжелыя мысли, онъ сѣлъ писать. Вдругъ скрипнула дверь. Андрей Петровичъ вздрогнулъ и обернулся. Въ дверяхъ стояла Софья Трофимовна въ только-что при-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

мѣренномъ ею красномъ мундирномъ платьѣ, какія тогда были придуманы для дамъ по случаю открытія намѣстничествъ.

— Андрей Петровичъ, какъ же это? Ты пріѣхалъ, а мнѣ никто ничего не сказываетъ? Да на тебѣ лица нѣтъ! Неужто не выбрали!

Онъ хотѣлъ солгать, но не могъ.

— Щекинъ выбранъ,—глухо проговорилъ онъ.

— А я-то думала...—сказала Софья Трофимовна.—Андрей Петровичъ, голубчикъ мой, да что съ тобой, милый мой! Ну не выбрали, не велика бѣда! Досадно только... Щекинъ какой-нибудь будетъ теперь въ чести. А что въ немъ? Мошна съ деньгами и больше ничего! Хороши же здѣшніе дворяне, коли для нихъ Щекинъ лучше тебя! Не тужи, Андрей Петровичъ! Можно ли по пустякамъ такъ убиваться?

Андрей Петровичъ сидѣлъ, низко, низко склонивъ свою кудрявую голову.

«Для нея это пустяки»,—подумалъ онъ, забывая, что жена не знаетъ самаго главнаго.

— А я тебя порадовать хотѣла,—продолжала Софья Трофимовна.—Вотъ мундирное платье примѣрила... Какъ будто къ лицу мнѣ... Ну да вѣдь я у тебя плохая модница!.. Колюшкѣ-то лучше, играетъ, забавляется, совсѣмъ веселъ сталъ, у меня было совсѣмъ отъ души отлегло, а тутъ новое горе! Андрей Петровичъ!

— Что, Софьюшка?

— Голубчикъ мой, неужто тебѣ такая большая обида? Ужъ не случилось ли еще чего? Скажи ради Бога, я ужъ, право, ни вѣсть что готова думать...

— Ничего, Софьюшка... Ну не выбрали, досадно мнѣ, вотъ и все... Такъ просто голова болитъ.

— Ягодъ можжеловыхъ не приложить ли? Колюшкѣ помогло.

— Нѣтъ не надо...—Андрей Петровичъ махнулъ рукою.—Я просто съ утра мало ѣлъ...

Воропоновъ нарочно сказалъ это, зная что Софья Трофимовна сейчасъ пойдетъ хлопотать объ обѣдѣ, а ему хотѣлось остаться одному. Онъ не ошибся, жена поспѣшила распорядиться.

«Ну теперь успокоится, — подумалъ онъ. — Бѣдная, бѣдная Софьюшка! А вѣдь узнаетъ! Не отъ меня такъ отъ другихъ—еще хуже будетъ! Придется самому сказать...»

Вдругъ ему пришла мысль: не вызвать ли Щекина на поединокъ?

«Потребую сатисфакціи!»—подумалъ онъ.—Но черезъ минуту онъ отбросилъ эту мысль, какъ нелѣпую. Развѣ такой низкій человѣкъ приметъ вызовъ? Онъ способенъ только на ябедническія дѣла... Проклятая бумага! И что было не попросить самому, чтобы губернскій прокуроръ прочиталъ ее вслухъ! По крайней мѣрѣ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

зналъ бы. Можетъ быть тамъ ничего особеннаго. Включенъ въ дѣло о смертоубійствѣ. Ну что жъ, что включенъ? Включили, а потомъ по причинѣ малолѣтства и по милосердію покойной государыни Елисаветы Петровны простили. Да безъ сомнѣнія, былъ прощенъ. Иначе, какъ же могли его отвезти къ дядѣ безъ всякаго наказанія?

Размышленія Андрея Петровича были прерваны приходомъ камердинера, который подалъ ему письмо.

— Отъ кого?—спросилъ Воропоновъ.

— Господина Щекина человѣкъ принесъ. Сказалъ, отвѣта не велѣно дожидаться и ушелъ,—доложилъ камердинеръ.

— Ступай.

Когда камердинеръ вышелъ, Андрей Петровичъ съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ распечаталъ письмо. Щекинъ писалъ, что такъ какъ Воропоновъ назвалъ его при всѣхъ дворянахъ уѣзда ябедникомъ, то онъ Щекинъ докажетъ ему, Воропонову, что ничего не дѣлаетъ на вѣтеръ. «Дѣло ваше, писалъ Щекинъ, по настоянію моему будетъ вынуто изъ архива и справедливое наказаніе будетъ вами понесено». «Впрочемъ, прибавлялъ онъ въ концѣ письма, для вящшаго собственнаго вашего вразумленія прилагаю при семъ списокъ съ выписи, представленной мною господину губернскому прокурору, а также и его сіятельству графу Петру Александровичу, дабы изъ онаго списка и вы убѣдиться могли, что ваши дѣла мнѣ извѣстны не по пустымъ бабьимъ толкамъ». Подписался Щекинъ предводителемъ дворянства, и эта подпись какъ ножомъ кольнула Андрея Петровича. Но онъ не сталъ задумываться надъ письмомъ и быстро развернулъ приложенную къ нему бумагу.

Буквы запрыгали въ глазахъ у Андрея Петровича.

— Нѣтъ, это ябеда! Быть того не можетъ!—проговорилъ онъ, задыхаясь отъ охватившихъ его чувствъ.

Какъ! Неужели это возможно! Столько времени прошло съ тѣхъ поръ, когда онъ былъ мальчишкой немного постарше маленькаго Андрюши, теперь онъ человѣкъ всѣми уважаемый, отецъ семейства, дворянинъ, имѣющій чины, и съ нѣкоторымъ достаткомъ, наконецъ человѣкъ просвѣщенный, даже ученый по сравненію съ огромнымъ большинствомъ... И вдругъ эти низкіе ябедники, изъ жалкаго соперничества и вражды, выкопали изъ архива полуистлѣвшее дѣло. Добыли рѣшеніе, которое слишкомъ двадцать пять лѣтъ не приводилось въ исполненіе! Какое ужасное рѣшеніе! Простить малолѣтняго, но не совсѣмъ простить, а только отложить позорное наказаніе плетьми до наступленія совершеннолѣтія. Возможно ли это? А если и было возможно двадцать пять лѣтъ тому назадъ, если тогда судьи были такъ грубы и имѣли такое низкое понятіе о чести дворянина и достоинствѣ человѣка,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

то развѣ возможно что-либо подобное въ вѣкъ Екатерины? Андрей Петровичъ вспомнилъ слова губернскаго прокурора и теперь только вполнѣ уяснилъ себѣ ихъ смыслъ. Онъ швырнулъ бумагу на столъ, потомъ вспомнилъ, что кто-нибудь можетъ прочесть ее и заперъ на ключъ въ тотъ самый ящикъ, гдѣ былъ пистолетъ. Андрей Петровичъ всталъ и быстро зашагалъ по комнатѣ. Нѣтъ, все происшедшее такъ гнусно и нелѣпо, что даже тревожиться нечего. Все уладится самымъ отличнымъ образомъ. Стоитъ поѣхать къ намѣстнику—человѣку просвѣщенному и человѣколюбивому, объясниться съ нимъ откровенно, да еще, пожалуй, написать князю Юсупову: досадно, что онъ такъ скоро уѣхалъ въ Москву! Князю стоитъ сказать слово государынѣ и вся мерзостная, подлая, низкая ябеда разлетится въ прахъ, всѣ эти жалкіе интриганы будутъ посрамлены. Мало ли къ чему приговаривали въ старину. Андрей Петровичъ подошелъ къ столу, на которомъ лежалъ экземпляръ «Наказа» и постучалъ пальцемъ по переплету. Вотъ въ этой книгѣ, подумалъ онъ, содержатся такія разсужденія, о которыхъ забыли всѣ низкіе соперники. Здѣсь изложены начала милости и истиннаго правосудія. Здѣсь торжественно съ высоты престола сѣверная Минерва подтвердила естественныя права человѣка, исполнивъ то, о чемъ только мечталъ его любимый философъ Руссо.

Онъ опять отомкнулъ ящикъ и вновь сталъ перечитывать зловѣщую бумагу.

— Что ты читаешь, Андрей Петровичъ? Полно себя утруждать, ты самъ приказалъ обѣдъ скорѣе готовить, идемъ же, столъ накрытъ,—вдругъ раздался голосъ вошедшей Софьи Трофимовны.

Андрей Петровичъ поспѣшно сталъ прятать бумагу.

— Что читалъ?—переспросила жена.

— Такъ, все дѣла волостныя. Ты правду говорила, Софьюшка, пора отказаться... Усталъ.

— То-то, родимый, сама вижу, уморили тебя эти дѣла! Кабы не эта проклятая волость, ты могъ бы больше съ нашими дворянами хлѣбъ-соль водить, тебя бы и выбрали... Вотъ Щекинъ, сказываютъ, три дня угощалъ дворянъ, а мы съ тобой только разъ на обѣдъ позвали... Такъ дѣла не дѣлаются! Назвался груздемъ—полѣзай въ кузовъ.

Андрей Петровичъ почти не слышалъ словъ жены. Мысли его блуждали далеко. За обѣдомъ онъ, къ величайшему огорченію Софьи Трофимовны, почти ни до чего не дотронулся.

Послѣ обѣда Андрей Петровичъ опять принялся за бумаги, что-то писалъ, сводилъ счеты и работалъ далеко за полночь. На слѣдующее утро, онъ надѣлъ мундиръ, велѣлъ запречь возокъ и поѣхалъ къ намѣстнику.

Новый ударъ: намѣстникъ его не принялъ. Андрей Петровичъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

долго ждалъ, наконецъ, вошелъ поручикъ правителя и сказалъ, что вслѣдствіе заявленій губернскаго прокурора и предводителя дворянства, намѣстникъ велѣлъ вынуть изъ архива дѣло его отца и что впредь до пересмотра этого дѣла его сіятельство не можетъ принять Андрея Петровича, который считается состоящимъ подъ судомъ. Тотъ же чиновникъ, отнесшійся къ Андрею Петровичу вообще вѣжливо и сочувственно, сообщилъ Воропонову, что еще раньше его сіятельство получилъ нѣсколько доносовъ на Андрея Петровича, которымъ не придалъ никакой вѣры, но теперь, по измѣнившимся обстоятельствамъ, велѣлъ пересмотрѣть и эти бумаги, которыя пріобщены къ дѣлу.

Едва сдерживая овладѣвшія имъ чувства, Андрей Петровичъ сказалъ:

— Смѣю ли спросить, государь мой, извѣстно ли вамъ какія еще ябеды взводятъ на меня мои враги и недоброжелатели?

Поручикъ правителя оглянулся по сторонамъ и почти на ухо сказалъ Андрею Петровичу, что его обвиняютъ, между прочимъ, въ тайномъ масонствѣ, въ предосудительныхъ сношеніяхъ съ цесаревичемъ Павломъ Петровичемъ и въ распространеніи недозволенныхъ и вредныхъ масонскихъ книгъ.

— Богъ свидѣтель, — сказалъ Андрей Петровичъ, — что масономъ я никогда не былъ!

Чиновникъ успокоивалъ его, совѣтуя ждать и надѣяться на милосердіе и правосудіе государыни.

Совсѣмъ разстроенный и убитый, возвратился домой Андрей Петровичъ. Войдя въ кабинетъ, онъ засталъ здѣсь жену и только теперь съ ужасомъ вспомнилъ, что второпяхъ забылъ ключъ въ ящикѣ стола. Софья Трофимовна сидѣла за столомъ и читала роковую бумагу.

— Софьюшка!.. Оставь... Тебѣ не надо... — растерянно сказалъ онъ, стараясь выхватить у нея изъ рукъ этотъ листъ.

— Я прочла...—медленно и съ усиліемъ выговорила Софья Трофимовна.

Она подошла къ печи, которая топилась. Здѣсь весело трещалъ огонь, бросая красныя пятна на полъ и на стѣну. Софья Трофимовна сунула туда бумагу дрожащею рукою и такъ неловко, что обожгла палецъ объ накалившуюся дверцу; но она даже не вскрикнула.

— Софьюшка... Ты прочла... все?

— Все,— какъ-будто спокойно сказала она.— Андрей Петровичъ,—спросила она укоризненно и грустно,—зачѣмъ же ты меня обманывалъ, а я тебѣ, какъ Богу, вѣрила?

Рыданія душили ее. Андрей Петровичъ былъ уничтоженъ. Онъ молчалъ.

— Лучше бы все сказалъ съ перваго дня свадьбы... Даже до

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

свадьбы. Развѣ ты боялся, что я разлюблю тебя? Да я бы всегда съ тобою на край свѣта ушла! Что̀ мнѣ до людей? Пусть, что хотятъ, думаютъ! Я матери родной не побоялась, разсердила ее, огорчила, не знаю еще, проститъ ли теперь, когда пріѣдетъ! А ты... Ахъ, Андрей Петровичъ! Что бы было раньше сказать! Умъ хорошо, а два лучше, вдвоемъ бы, можетъ, что и придумали! Чего ты стыдился?

— Софьюшка, да я и самъ всего не зналъ,—пытался онъ оправдаться...—Зналъ, что отца судили, а про себя... не все зналъ...

Но Софья Трофимовна теперь ничему не хотѣла вѣрить. Это оправданіе показалось ей новой ложью.

— Ужъ не говорилъ бы лучше, Андрей Петровичъ... Все равно теперь все знаю... Что̀ же теперь дѣлать? Что̀ же дѣлать?

Она ломала руки.

— Андрей Петровичъ!

— Что̀, Софьюшка?

— Я поѣду къ государынѣ. Брошусь ей въ ноги.

— Что ты, Софьюшка! Можно ли тебѣ уѣхать!

— Поѣду, одна поѣду! Сестру Анненкову попрошу дѣтей взять' а сама поѣду...

Она быстро вышла изъ кабинета, одѣлась и поѣхала къ Анненковымъ. Оказалось, что и тамъ уже знали о происшествіи въ «Дворянскихъ Палатахъ», которое Софьѣ Трофимовнѣ еще было не извѣстно. Анненковы, противъ обыкновенія, приняли ее довольно сухо. Разстроенная этимъ пріемомъ и новымъ доказательствомъ неискренности мужа, скрывавшаго отъ нея подробности рокового для него событія во время выборовъ, Софья Трофимовна, возвратилась домой, не зашла къ мужу и, запершись въ своей спальнѣ, долго и горько плакала.

Андрей Петровичъ не выходилъ изъ своего кабинета. Онъ опять что̀-то писалъ и сводилъ какіе-то счеты.

Съ распухшимъ отъ слезъ лицомъ и красными глазами вышла, наконецъ, Софья Трофимовна изъ своей спальни, такъ какъ услышала въ дѣтской шумъ и какія-то, поразившія ее, восклицанія.

— Что̀ за возня?—спросила она.

— Бабушка пріѣхала! Бабушка!—кричали дѣти, обступивъ мать.

Не успѣла опомниться Софья Трофимовна, какъ увидѣла передъ собою значительно постарѣвшую, совсѣмъ уже сѣдую, но еще вполнѣ бодрую Дарью Семеновну.

— Матушка!..—могла только сказать Софья Трофимовна.

— Постойте, постойте, озорники,—говорила между тѣмъ, обступившимъ ее внукамъ, Дарья Семеновна,—дайте прежде на вашу мать погляжу. Ну, здравствуй, Софьюшка! Не стоило бы мнѣ, старухѣ, къ тебѣ пріѣзжать, да ужъ видно дѣлать нечего!

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Софья Трофимовна бросилась на колѣни передъ матерью и стала цѣловать ея руки и ноги.

— Встань, Софьюшка... Богъ проститъ! Что же ты мужа своего не показываешь?

— Дѣти, позовите батюшку!—надломленнымъ голосомъ сказала Софья Трофимовна.

Дѣти взапуски побѣжали къ отцу.

— Софьюшка,—сказала Дарья Семеновна.—Я отъ Анненковыхъ... Не говори про мужа... Знаю все. Сказывали мнѣ какъ этотъ христопродавецъ Щекинъ его осрамилъ передъ людьми... Я этого Щекина ужъ лѣтъ тридцать знаю: всегда былъ бездѣльникъ, бездѣльничествомъ тысячу душъ нажилъ... Ну хоть страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ! Онъ поможетъ и ничего изъ этой ябеды не выйдетъ. Тутъ ужъ навѣрное безъ Ваньки Коробова не обошлось!

— Ахъ, матушка! Дорогая моя! Хоть бы вы что присовѣтовали!

Софьюшка опять стала цѣловать руки матери.

— Да, ужъ безъ Коробова не сплести бы имъ этой ябеды,— задумчиво повторила Дарья Семеновна.

— Маменька, голубушка моя! А вѣдь Коробовъ-то приходилъ къ намъ, да мы его на порогъ не пустили... Андрей Петровичъ не приказалъ.

— И хорошо сдѣлалъ. Молодецъ зятюшка!—похвалила Дарья Семеновна.—Я сама этого подъячаго въ три шеи прогнала!

Дѣти возвратились.

— Что же батенька? — встревоженно спросила Софья Трофимовна.

— Двери заперъ, мы боимся стучать...

— Э, какой у меня зять,— сказала Дарья Семеновна. — Тещи испугался! Дѣлать нечего, идемъ, его вытащимъ.

— Что вы, матушка! Я сама его позову!—сказала Софья Трофимовна.

Она поспѣшила къ мужу и сильно постучала въ дверь.

Андрей Петровичъ, глубоко погруженный въ свои думы, услышавъ стукъ, встрепенулся.

— Кто бы это былъ? — подумалъ онъ. И ему пришла мысль, что, вѣроятно, пришли изъ суда съ сыскной грамотой, потребовать его явки.

— Андрей Петровичъ, да отворяй же, маменька пріѣхала!

— А!

Онъ отперъ дверь и вышелъ. Машинально пошелъ онъ за женой, повидимому, даже не обрадовавшись и не изумившись неожиданному пріѣзду тещи.

— Ну, молодецъ, показывайся,—сказала Дарья Семеновна, стараясь казаться веселой и въ то же время соблюсти все свое до-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

стоинство.—Хорошъ ты, нечего сказать! За столько лѣтъ прощенья не могъ попросить!

«Надо попросить прощенья»—рѣшилъ Андрей Петровичъ. Теперь для него это былъ вопросъ настолько маловажный, что ему было все равно, унизитъ ли онъ этимъ свое достоиство или нѣтъ. Какъ просить? И объ этомъ онъ не подумалъ и сдѣлалъ первое, что пришло ему на умъ,—поклонился тещѣ въ поясъ и поцѣловалъ ея руку. Дарья Семеновна поцѣловала его въ лобъ, посмотрѣла на внуковъ, посадила Колю къ себѣ на колѣни.

Нѣсколько времени всѣ молчали.

«Знаетъ ли она, или не знаетъ?»—думалъ Андрей Петровичъ и, посмотрѣвъ украдкой на Софью Трофимовну, прочелъ въ ея глазахъ, что мать знаетъ все...

— Ничего, Андрей Петровичъ, Богъ милостивъ,—сказала Дарья Семеновна, какъ бы угадывая его мысли.

Но не выдержала и эта крѣпкая струна. Крупная слеза покатилась по ея щекѣ.

— Вотъ какъ Богъ привелъ свидѣться!—сказала она, выславъ старшихъ внуковъ и оставивъ одного Колю.—А вить и я передъ Богомъ и передъ вами грѣшна, дѣти мои! Вотъ Ванька Коробовъ давнымъ давно мнѣ все сказалъ, а я сердилась, вамъ ничего не передала! Знай вы раньше, всежъ было бы лучше... А теперь и васъ осрамили и меня! При всѣхъ честныхъ дворянахъ моего зятя изъ палаты выгнали! И за что? Развѣ сынъ за отца долженъ отвѣтъ держать! Душегубы окаянные!..

Въ тотъ же вечеръ Андрей Петровичъ получилъ записку отъ Анненкова, въ которой тотъ, въ довольно сухихъ выраженіяхъ (такъ показалось, по крайней мѣрѣ, Андрею Петровичу), предостерегалъ его и совѣтовалъ лучше поскорѣе уѣхать изъ Курска, такъ какъ, по дошедшимъ до него свѣдѣніямъ, дѣлу данъ законный ходъ. Анненковъ совѣтовалъ Андрею Петровичу скрываться гдѣнибудь, а тѣмъ временемъ обѣщалъ хлопотать за него всѣми силами.

«Спасибо на добромъ словѣ!—подумалъ Андрей Петровичъ.—Хочетъ выгнать меня изъ Курска, боится, что я и его осрамлю. Такъ нѣтъ же останусь!»

Не успѣлъ онъ написать отвѣтъ Анненкову, какъ явился посланный отъ губернскаго прокурора, также съ письмомъ. Прокуроръ выражалъ свое соболѣзнованіе по поводу всего происшедшаго, но прибавлялъ, что можетъ сочувствовать Воропонову только какъ приватный человѣкъ, а по долгу службы долженъ былъ дать дѣлу законный ходъ.

«Часъ отъ часу не легче»,—подумалъ Воропоновъ.

Нѣсколько дней прошло въ самомъ томительномъ, неопредѣленномъ положеніи. Все это время Андрей Петровичъ жилъ ка-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

кой-то странной жизнью. Онъ много работалъ, иногда былъ даже какъ-будто веселъ, даже шутилъ.

Между тѣмъ, Софья Трофимовна, посовѣтовавшись съ матерью, рѣшилась обратиться къ намѣстнику съ ходатайствомъ о мужѣ и стала готовиться къ этому визиту. Она пересмотрѣла весь свой гардеробъ и долго не могла ни на чемъ остановиться. Одно платье казалось ей слишкомъ свѣтлымъ и совершенно несоотвѣтствовавшимъ ея душевному настроенію; другое—слишкомъ простымъ. Наконецъ, все было обдумано и рѣшено и въ одно прекрасное утро Софья Трофимовна, съ замираніемъ сердца, вошла въ намѣстническую пріемную, гдѣ уже было много просителей. Какъ только о ней доложили, графъ Задунайскій велѣлъ немедленно, не въ очередь, позвать ее въ свой кабинетъ.

Благородная, открытая наружность героя турецкой войны, его привѣтливыя, вполнѣ вельможественныя, манеры сразу ободрили Софью Трофимовну.

— Не тревожьтесь, сударыня,—сказалъ онъ.—Милосердіе и правосудіе государыни всему свѣту извѣстны и сомнѣваться въ томъ не можно, что если мужъ вашъ точно ни въ чемъ не виновенъ, то никакіе навѣты враговъ ничего ему не повредятъ... По многочисленнымъ занятіямъ своимъ, я не могъ разсмотрѣть еще всего дѣла, но обѣщаю вамъ, что самъ напишу докладъ къ ея величеству...

Софья Трофимовна сказала, что сама хочетъ ѣхать въ Петербургъ броситься въ ноги государынѣ.

— Сударыня,—сказалъ Румянцевъ,—ѣзда въ Петербургъ въ зимнюю стужу не шутка, да и была бы для васъ безполезна. Все, что вы могли бы сказать въ оправданіе вашего мужа отъ взводимыхъ на него извѣтовъ, скажите мнѣ. Не тревожьтесь и оставайтесь: у васъ есть дѣти, да и мужу вашему совѣтъ и ваше утѣшеніе не безполезны... Черезъ три дня я самъ ѣду въ Петербургъ и доложу обо всемъ ея величеству.

Софья Трофимовна возвратилась отъ намѣстника облегченная, успокоенная. Но ея чувства не передались Андрею Петровичу. Въ немъ стала обнаруживаться страшная подозрительность, недовѣріе ко всѣмъ, даже къ женѣ. Ему казалось, что Софья Трофимовна нарочно успокоиваетъ его, скрываетъ отъ него настоящій отвѣтъ графа, смягчаетъ его выраженія... Женщины вообще мало смыслятъ въ дѣлахъ. Ужъ лучше бы поѣхала въ Петербургъ, вѣдь въ концѣ концовъ все зависитъ отъ государыни. Но уговаривать жену къ поѣздкѣ въ Петербургъ и даже напоминать о ея прежнемъ намѣреніи онъ не сталъ. Не хочетъ, пусть не ѣдетъ. Поѣдетъ съ неохотою, можетъ еще хуже выдетъ. И притомъ ему казалось невозможнымъ остаться одному. Къ тещѣ Андрей Петровичъ относился почтительно, но скрытно. Вѣдь и она во многомъ виновата:

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

столько лѣтъ знать о продѣлкахъ Коробова и не сказать ни слова, и изъ-за чего — изъ-за глупой ссоры съ дочерью, которая, если правду сказать, ни въ чемъ передъ нею не была виновата! Вѣдь онъ увезъ ее почти силою.

Кромѣ подозрительности и затаеннаго озлобленія противъ всѣхъ, у Андрея Петровича стали проявляться разныя странности.

Онъ, напримѣръ, прежде никогда не препятствовалъ дѣтямъ играть, какъ имъ угодно, теперь вдругъ увидя, какъ старшій Андрюша подгонялъ въ дѣтской кнутикомъ волчокъ, Андрей Петровичъ разсердился, отнялъ кнутикъ и бросилъ его въ печку, сказавъ, что это глупая игра для такого большого мальчика.

Вообще, онъ не могъ теперь видѣть, чтобы что-нибудь били, хотя бы это была неодушевленная вещь, и, увидѣвъ разъ въ окно, какъ дѣвки выбивали коверъ, тотчасъ послалъ лакея запретить имъ это дѣлать, кучеру же строго настрого приказывалъ ѣздить, не употребляя кнута.

Андрей Петровичъ всегда былъ довольно религіозенъ и не заразился моднымъ тогда вольтеріанствомъ. Теперь, по случаю наступившихъ праздниковъ Новаго года и Крещенія, казалось, слѣдовало бы побывать въ церкви, но Андрей Петровичъ въ церковь ни разу не съѣздилъ, а горячо молился дома. За то Софья Трофимовна съ матерью то и дѣло ѣздили по церквамъ и служили молебны. Вмѣсто обычнаго праздничнаго веселья, у Воропоновыхъ въ домѣ было тихо, скучно. Даже слуги, глядя на господъ, пріуныли.

Прошли праздники, будничная жизнь всюду пошла своимъ чередомъ. Андрей Петровичъ жилъ все это время, не отдавая себѣ яснаго отчета въ своихъ дѣйствіяхъ. Наконецъ, онъ спохватился, что пора же ѣхать въ Воропоновку. Сборы и поѣздка нѣсколько развлекли его. Дарья Семеновна, чтобы не обидѣть Анненковыхъ, осталась у нихъ на нѣсколько дней, обѣщая потомъ пріѣхать въ Воропоновку.

У себя дома Андрей Петровичъ, какъ будто, нѣсколько ожилъ духомъ. Онъ даже сталъ, по-старому, заниматься съ старшими дѣтьми, замѣняя имъ учителя, опять принялся чертить, рисовать и писать какіе-то проекты. Но вскорѣ новый ударъ поразилъ его: пришелъ пакетъ съ извѣщеніемъ о томъ, что онъ отрѣшенъ отъ должности управителя волости. Въ другое время Софья Трофимовна обрадовалась бы такому извѣстію, но теперь, понявъ его, какъ слѣдствіе удачныхъ интригъ враговъ, она также крайне встревожилась.

XVI.

Прошло болѣе мѣсяца со дня выборовъ... Андрей Петровичъ сидѣлъ за своимъ письменнымъ столомъ, который всюду возилъ съ собою и гдѣ все было положено въ прежнемъ порядкѣ, такъ какъ онъ отличался большою аккуратностью.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Не смотря на крайне угнетенное душевное состояніе, Андрей Петровичъ по немногу старался входить въ обычную колею своихъ занятій и желая отвлечь свои мысли отъ страшныхъ, мучившихъ его думъ, сталъ читать французскихъ философовъ, но вскорѣ перешелъ къ книгамъ совсѣмъ противоположнаго, мистическаго направленія, такъ какъ философы мало гармонировали съ его нынѣшними мыслями и скорѣе раздражали его, чѣмъ успокоивали.

На этотъ разъ онъ читалъ какую-то «физикотеологію» и дѣлалъ карандашемъ замѣтки, какъ вдругъ на дворѣ послышался звонъ колокольчика, и Андрей Петровичъ увидѣлъ въ окно тройку, лихо подкатившую въ крыльцу. Изъ широкихъ саней выскочилъ молодцоватый господинъ въ шубѣ. Присмотрѣвшись, Андрей Петровичъ обомлѣлъ: онъ узналъ Макова, и вспомнилъ, что его давнишній соперникъ попалъ въ капитанъ-исправники.

«За мной пріѣхалъ! Везти въ городъ! Ну это бабушка еще на двое сказала!» Андрей Петровичъ съ лихорадочной поспѣшностью вынулъ пистолетъ, положилъ его передъ собою на столъ и заперъ дверь на ключъ.

Между тѣмъ, Маковъ вошелъ въ домъ и, увидѣвъ лакея, крикнулъ:

— Доложи барину, что капитанъ-исправникъ пріѣхалъ. Солдата моего накорми... Живо, братецъ, мнѣ не досугъ!

Лакей слегка постучалъ къ Андрею Петровичу, но не получая отвѣта и думая, что онъ спитъ, пошелъ доложить барынѣ.

Софья Трофимовна, не имѣя даже точнаго понятія о должности капитанъ-исправника, заранѣе перепугалась и бросилась къ мужу.

— Андрей Петровичъ!

— Знаю, слышалъ, — рѣзко отвѣтилъ онъ.—Маковъ пріѣхалъ; пусть убирается къ чорту!

— Да отвори же, Андрей Петровичъ!

— Не могу, занятъ... Не вели принимать...

Софья Трофимовна рѣшилась выйти сама.

Новоиспеченный исправникъ съ развязнымъ видомъ расхаживалъ по комнатѣ; но когда вышла вмѣсто Андрея Петровича его жена, онъ смутился.

— Сударыня,—сказалъ онъ.—Простите, мнѣ надо побесѣдовать съ вашимъ супругомъ.

— Онъ боленъ, не можетъ выйти,—сказала Софья Трофимовна.

— Сударыня!—вдругъ съ какимъ-то паѳосомъ сказалъ Маковъ,—скажите за кого вы меня почитаете?

Софья Трофимовна, изумленная этимъ вопросомъ, отвѣчала:

— Вы господинъ Маковъ, за кого же я васъ почитать должна?

— Нѣтъ, я вижу, вы меня почитаете, сказать просто, за бездѣльника... Извините, сударыня! Я дворянинъ и мнѣ честь дороже всего! Вѣрьте, что я не похожъ на тѣхъ дворянъ, которые, пока

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

вашъ супругъ былъ въ почетѣ, въ поясъ ему кланялись, а теперь его вездѣ хулятъ направо и налѣво! Нѣтъ, сударыня! Я не пріятель, не другъ вашего мужа, онъ меня обидѣлъ, моимъ хлѣбомъ-солью брезгалъ, а къ Щекину поѣхалъ... А Щекинъ, хоть онъ мнѣ и другъ, скажу вамъ по чести, извините, скотомъ оказался!

Софья Трофимовна не могла придти въ себя отъ изумленія и молча слушала Макова.

— Такъ вотъ сударыня... По долгу службы я пріѣхалъ, чтобы везти вашего супруга въ городъ, ибо надъ нимъ назначенъ судъ... Но я знаю, что все это ябедническая штука! Мало ли чьи отцы подъ судомъ были! А сынъ-то чѣмъ виноватъ, коли не имѣлъ еще своего разумленія? Такъ вотъ, судя по совѣсти, я считаю, что вашъ мужъ правъ, а Щекинъ—скотъ! Такъ осрамить дворянина ни за что̀ ни про что̀. Вотъ я пріѣхалъ къ вамъ, а теперь поѣду восвояси и заявлю, что супруга вашего не отыскалъ, что онъ уѣхалъ, а куда—никому не вѣдомо... А тѣмъ временемъ, сударыня, пусть вашъ мужъ похлопочетъ. Не такъ страшенъ чортъ, какъ его малюютъ! Жаль, что намѣстника нѣтъ!.. Вамъ къ нему бы съѣздить, да онъ укатилъ въ Питеръ...

Софья Трофимовна благодарила и усаживала гостя, хотѣла пойти къ мужу и заставить его выйти; но Маковъ заявилъ, что сейчасъ ѣдетъ дальше, даже закусить не хотѣлъ и только согласился выпить вина, налитаго ему собственноручно Софьей Трофимовной. Поцѣловавъ на прощанье ручку хозяйки, Маковъ расшаркался, сѣлъ опять въ тройку и вскорѣ снова раздался и постепенно замолкъ вдали звонъ колокольчика...

Софья Трофимовна съ трудомъ достучалась къ Андрею Петровичу и передала ему содержаніе бесѣды съ Маковымъ. Не смотря на очевидное доказательство отъѣзда капитанъ-исправника, Андрей Петровичъ не повѣрилъ разсказу жены и только притворился, что вѣритъ. Онъ во всѣхъ людяхъ сталъ предполагать лишь самое худшее. Возможно ли подобное великодушіе со стороны какого-нибудь Макова? Да если бы даже половина изъ того, что говорила жена, была правдой, онъ не воспользовался бы великодушіемъ татакого человѣка...

Софья Трофимовна ушла. Вечерѣло. Андрей Петровичъ велѣлъ лакею подать свѣчи, снова заперся въ своемъ кабинетѣ и сѣлъ у стола. Онъ долго размышлялъ.

«Пріѣзжалъ за мной... Опять пріѣдетъ съ солдатами... Схватятъ, повезутъ въ городъ, — подумалъ Андрей Петровичъ, всталъ и началъ быстро ходить по комнатѣ.—Судить будутъ меня мои враги»...

Вдругъ ему пришла на умъ мысль простая и отчетливая, отъ которой онъ вздрогнулъ. Она и раньше являлась ему, но смутно и неясно. Андрей Петровичъ быстро открылъ ящикъ, досталъ пи-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

столетъ и, убѣдившись, что онъ заряженъ и въ полной исправности, приложилъ дуло къ виску.

«Такъ лучше,—подумалъ онъ.—Тогда всему конецъ!» Испугавшись своей собственной рѣшимости, онъ поспѣшно спряталъ пистолетъ и, осмотрѣвшись, нѣтъ ли кого въ комнатѣ, тщательно замкнулъ ящикъ.

«Ужъ не безумный ли я?»—подумалъ онъ, и, чтобы прогнать назойливую мысль, пошелъ посмотрѣть, что дѣлаютъ дѣти и жена.

Софья Трофимовна сидѣла въ своей спальнѣ съ двумя проживавшими въ ея домѣ бѣдными дѣвицами и играла въ карты.

— Дѣтей спать уложили, Софьюшка?—спросилъ Андрей Петровичъ.

— Давно спятъ, только Андрюша не давно легъ, твердилъ урокъ,—сказала Софья Трофимовна.

— Зайду, посмотрю...

— Только не разбуди Колю, онъ что-то опять не здоровъ... Глашенька хоть и меньше, та спитъ крѣпко, ее не разбудишь.

— Нѣтъ, ничего, я тихонько...

Андрей Петровичъ на цыпочкахъ вошелъ въ дѣтскую, гдѣ теплилась лампада у иконы и царилъ мягкій полусвѣтъ.

Всѣ его дѣти спали въ одной дѣтской, кромѣ Андрюши, который былъ въ особой горенкѣ съ дядькой—только не Митричемъ, а другимъ: старикъ Митричъ не давно умеръ, что очень огорчило искренно любившаго его Андрея Петровича. Андрей Петровичъ тихонько подошелъ къ каждому изъ дѣтей и, стараясь не разбудить не только ихъ, но и громко храпѣвшихъ здѣсь нянекъ и мамку, перекрестилъ каждаго.

Маленькій Коля, мальчикъ слабый и часто хворавшій, спалъ очень чутко. Онъ проснулся, раскрылъ глазки и проговорилъ:

— Папа, папа, боюсь!

— Не бойся, маленькій мой, Господь съ тобою,—прошепталъ Андрей Петровичъ, чувствуя, что у него сжимаетъ въ горлѣ.

— Господи!—подумалъ онъ.—Не ужели нельзя иначе?

Внутренній голосъ шепталъ: нельзя, иди, куда тебѣ велятъ! Повинуясь этому властному безмолвному приказанію, Андрей Петровичъ вышелъ изъ дѣтской и также осторожно вошелъ въ горенку, гдѣ спалъ его первенецъ.

Андрей Петровичъ гордился старшимъ сыномъ и мечталъ, что изъ него выйдетъ чуть ли не великій человѣкъ. Мальчикъ спалъ крѣпкимъ, невиннымъ сномъ юности. Дядька лежалъ на полу у дверей. Андрей Петровичъ долженъ былъ переступить черезъ него. Старикъ, крехтя, привсталъ, протеръ глаза, но опять свалился и заснулъ. Андрей Петровичъ перекрестилъ и крѣпко поцѣловалъ сына.

— Поддержи и утѣшь мать, Андрюша,—прошепталъ онъ.—Ты уже великъ, все поймешь! Бѣдный мальчикъ!

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Онъ снова перешагнулъ черезъ спящаго дядьку и быстрыми, твердыми шагами возвратился въ свой кабинетъ и сѣлъ въ кресло у письменнаго стола.

Опустивъ голову на руки, онъ сидѣлъ въ глубокомъ раздумьи.

«Надо будетъ завтра еще написать Юсупову, подумалъ онъ. Сегодня не успѣю... Можетъ быть мое письмо не дошло. Что еще надо завтра сдѣлать?»

Онъ вспомнилъ, что обѣщалъ подарить телку мужику, у котораго пала корова.

«Да, да какъ бы завтра не забыть... скажу старостѣ...»

Онъ кликнулъ лакея и велѣлъ завтра пораньше позвать старосту и бурмистра, затѣмъ выслалъ слугу вонъ и подумалъ: запереть дверь на ключъ? Нѣтъ не надо.

Снова сѣлъ Андрей Петровичъ и досталъ изъ кармана ключъ отъ стола.

Казалось, что его толкала какая-то невидимая сила. Онъ отперъ, досталъ пистолетъ и положилъ его передъ собою на столъ.

«Зачѣмъ я это дѣлаю?—подумалъ онъ.—Вѣдь это смертный грѣхъ! Но и жить такъ нельзя. Развѣ это жизнь? Вѣчный позоръ... Надежды на правосудіе нѣтъ... Монаршая милость? Но и тамъ враги и завистники. Вездѣ интриги, вездѣ гадость, низость...»

Софья Трофимовна единственная живая душа, которая пожалѣетъ о немъ... Но и она теперь не любитъ его, а только жалѣетъ... Гдѣ прежнія ласки? Развѣ теперь она, видя какъ онъ разстроенъ, убитъ, спросила его о чемъ-нибудь? Ни слова не сказала объ немъ, только позаботилась о дѣтяхъ, чтобъ онъ не разбудилъ ихъ... Она въ карты играетъ... Жалѣетъ, это правда... И тогда будетъ жалѣть. Разницы никакой. Ну, поплачетъ, потомъ утѣшится: она мать, у нея дѣти. Матери дѣти всегда дороже мужа... Жаль ее, но я-то, я,—подумалъ Андрей Петровичъ,—я большей жалости достоинъ... У нея дѣти... А у меня что? Также дѣти? Да я имъ не могу даже передать своего имени, ибо оно и мною и отцомъ моимъ опозорено! Ошельмовано!

И вдругъ онъ ясно увидѣлъ не то человѣка, не то призракъ. Кто это? Андрей Петровичъ вскочилъ, махнулъ рукою передъ глазами... Свѣча мерцала, догорая: собственный портретъ Андрея Петровича, висѣвшій надъ его столомъ, при красноватомъ свѣтѣ загорѣвшейся бумаги, въ которую была обернута свѣча, принялъ въ его больномъ воображеніи фантастическіе размѣры.

Онъ взялъ со стола пистолетъ, и медленно, но твердою рукою, приставилъ дуло къ виску.

«Если дастъ осѣчку, другой разъ стрѣлять не стану,—подумалъ онъ.—Значитъ не судьба умереть!»

Андрей Петровичъ старался побороть эту силу, покорявшую мало-по-малу его волю, заставлявшую его дѣйствовать безсозна-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

тельно, какъ бы по чужому приказанію. Онъ чувствовалъ, что борьба неравна и сталъ бояться самаго себя, бояться того, что въ немъ можетъ исчезнуть чувство самоохраненія.

«Надо спрятать пистолетъ или выбросить въ окно»,—подумалъ онъ.

Было такъ тихо, что Андрей Петровичъ слышалъ каждое біеніе своего сердца. Гдѣ-то въ дальней комнатѣ скрипнула дверь.

«Идутъ!—подумалъ онъ.—Увидятъ, помѣшаютъ—и тогда никогда уже не рѣшусь... Такъ нѣтъ же! Лучше сразу... Матушка! Благослови твоего сына! Я къ тебѣ иду, матушка!»

Андрей Петровичъ вдругъ зарыдалъ, бросилъ пистолетъ и судорожно схватился за голову.

Идутъ... Помѣшаютъ...

Онъ нагнулся и поднялъ пистолетъ съ ковра, еще разъ посмотрѣлъ, все ли въ порядкѣ, насыпалъ еще пороху. Кремень хорошо ввинченъ.

«Какое холодное дуло! Непремѣнно надо въ високъ»,—подумалъ онъ.—Ему почему-то казалось, что только въ високъ убьетъ сразу. Андрей Петровичъ сдѣлалъ судорожное движеніе рукою, приблизилъ пистолетъ къ виску...

— Андрюша!.. Что ты, побойся Бога, Андрюша!..

Раздался выстрѣлъ... Что-то тяжелое, какъ полный мѣшокъ, грохнулось объ полъ. Затѣмъ послышался страшный, нечеловѣческій крикъ Софьи Трофимовны, и она упала на теплое окровавленное тѣло мужа. Прибѣжали люди...

Вопли, причитанья, наполнили комнату...

— Дѣти! Гдѣ дѣти!—какъ безумная закричала вдругъ Софья Трофимовна и бросилась въ дѣтскую.

Ея страхъ за дѣтей былъ не напрасенъ. Всѣ они смертельно испугались выстрѣла, а съ маленькимъ Колей сдѣлались жестокія судороги...

На слѣдующій день отецъ Степанъ, уже сгорбленный, ветхій старецъ, отпѣвалъ раба Божія Андрея...

Софья Трофимовна совсѣмъ окаменѣла отъ горя. Она выплакала уже всѣ свои слезы и неподвижно стояла у стола, на которомъ лежалъ покойникъ.

Послѣ погребенія, совершеннаго по христіанскому обряду (самоубійство приписали несчастному случаю), Софья Трофимовна, войдя въ опустѣвшій кабинетъ мужа, въ изнеможеніи упала на канапе. Съ нею, въ первый разъ въ жизни, сдѣлался истерическій припадокъ. На другой день маленькому Колѣ стало худо. Послали въ городъ за лекаремъ.

Нарочный возвратился съ лекаремъ и привезъ письма отъ Анненкова и отъ губернскаго прокурора. Собравшись съ силами, Софья Трофимовна прочла ихъ, хотя въ глазахъ у нея туманилось.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Анненковъ писалъ Андрею Петровичу, что изъ конторы князя Юсупова полученъ отвѣтъ: князь уѣхалъ въ Туринъ и вернется не скоро. Отъ губернскаго прокурора было получено письмо въ самыхъ доброжелательныхъ выраженіяхъ. Онъ писалъ, что по ходатайству одного вельможи (Румянцева, подумала Софья Трофимовна), государыня лично пересмотрѣла дѣло Воропонова и хотя нашла, что судъ не могъ отмѣнить высочайшей конфирмаціи, но выразила удивленіе, что такіе приговоры могли существовать въ старину. Государыня повелѣла дѣло прекратить...

Но смертный приговоръ былъ уже исполненъ.

М. Филипповъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ПО ЛЕДОВИТОМУ ОКЕАНУ [1].

(Изъ путевыхъ замѣтокъ).

IV.

Возвращеніе изъ Архангельска.—Въ Еретикахъ.—Посѣщеніе Колы.—Отъ Ерётиковъ до норвежской границы.—Городъ Вардэ.—Встрѣча съ датской полярной экспедиціей.

ВОЗВРАЩЕНІЕ изъ Архангельска въ Петербургъ я избралъ не сухимъ путемъ, а моремъ, вокругъ Скандинавскаго полуострова, черезъ Голландію, Данію и Германію. Въ послѣднихъ числахъ сентября, передъ самымъ окончаніемъ навигаціи въ Бѣломъ морѣ, изъ Архангельска уходилъ на зимовку въ Петербургъ пароходъ Архангельско-Мурманскаго товарищества «Архангельскъ» (нынѣ погибшій). На немъ я отправился въ путь, разсчитывая высадиться въ Копенгагенѣ, единственномъ пунктѣ остановки, а оттуда ѣхать въ Амстердамъ. Но, случайно, мой первоначальный маршрутъ совершенно измѣнился.

На этотъ разъ въ каютъ-кампаніи «Архангельска» собралось значительное общество пассажировъ; здѣсь были члены администраціи китобойныхъ заводовъ, кольскій исправникъ, вновь назначенный кольскій уѣздный врачъ и нѣсколько другихъ лицъ. Разставаясь съ сѣверомъ, можетъ быть навсегда, я испытывалъ стран-

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XLII, стр. 392.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ное, щемящее сердце, чувство и грустное настроеніе усугублялось еще болѣе мрачной осенней погодой. Въ этомъ отношеніи Сѣверъ обладаетъ какимъ-то совершенно непонятнымъ свойствомъ — привязывать къ себѣ людей, не смотря ни на суровую природу, ни на отсутствіе тѣхъ жизненныхъ удобствъ, какія во всякомъ другомъ мѣстѣ добываются несравненно легче, чѣмъ тамъ, за полярнымъ кругомъ. Мнѣ почти не приходилось встрѣчать людей, побывавшихъ, конечно добровольно, на Сѣверѣ и, такъ сказать, въ его нѣдрахъ, которые не вспоминали бы о немъ съ удовольствіемъ и которыхъ не тянуло бы туда снова, не говоря уже о такихъ энтузіастахъ, какъ участники разныхъ полярныхъ экспедицій, или капитаны промысловыхъ судовъ, десятки лѣтъ сряду посѣщающіе арктическія воды.

Часъ отплытія «Архангельска» не былъ точно опредѣленъ; все зависѣло отъ окончанія погрузки отправляемыхъ въ Петербургъ товаровъ, а потому всѣ пассажиры собрались на пароходѣ рано утромъ. Довольно обширная каютъ-кампанія перваго класса была переполнена нами, пассажирами, и многими друзьями и знакомыми, прибывшими проводить насъ въ далекое плаваніе. На верху гремѣли цѣпи паровыхъ лебедокъ и шла торопливая догрузка трюмовъ. Внизу, въ каютъ-кампаніи, царило не меньшее оживленіе; все общество, раздѣлившись на отдѣльныя группы, вело оживленныя прощальныя бесѣды; отъ времени до времени пароходная прислуга разносила шампанское, еще болѣе оживлявшее собравшееся общество. Но вотъ, въ каютъ-кампанію вошелъ капитанъ парохода Д. Е. Броунъ и объявилъ, что черезъ десять минутъ «Архангельскъ» отваливаетъ. Начались прощанія, всевозможныя добрыя пожеланія и отплывающимъ, и остающимся, а затѣмъ, когда черезъ открытый люкъ каютъ-кампаніи влетѣли рѣзкіе звуки третьяго пароходнаго свистка, мы всѣ высыпали на палубу и въ послѣдній разъ простились съ провожавшими. Датчанинъ Броунъ нетерпѣливо суетился на капитанскомъ мостикѣ, торопя постороннюю публику скорѣе сходить на берегъ; у траповъ наготовѣ стояли матросы, ожидая команды. Черезъ двѣ-три минуты, когда всѣ провожавшіе были уже на пристани, раздалась команда капитана; трапы убраны, носовые и кормовые концы отданы, и «Архангельскъ» плавно понесся внизъ по теченію величавой Сѣверной Двины.

Не смотря на позднее время года, Бѣлое море, какъ бы на прощаніе, встрѣтило насъ довольно привѣтливо; по выходѣ изъ устьевъ Сѣверной Двины, мы встрѣтили полнѣйшій штиль, хотя небо хмурилось все больше и больше и барометръ начиналъ значительно опускаться. На пути мы обогнали нѣсколько поморскихъ судовъ, возвращавшихся изъ Архангельска. Чѣмъ ближе «Архангельскъ» подходилъ къ выходу въ Ледовитый океанъ, тѣмъ Бѣлое море становилось пустыннѣе и пустыннѣе, а въ самомъ океанѣ мы не встрѣ-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

чали уже ни одного паруснаго судна, ни одного парохода. Подходя къ Святому Носу, погода значительно засвѣжѣла и начала ощущаться качка; женщины исчезли въ своихъ каютахъ, а вслѣдъ за ними и у нѣкоторыхъ изъ мужчинъ начали обнаруживаться признаки морской болѣзни. Въ океанѣ началась уже серьезная трепка; общее оживленіе каютъ-кампаніи исчезло: каждый думалъ о томъ, какъ бы удобнѣе устроиться гдѣ-нибудь на диванѣ или на койкѣ и поскорѣе уснуть, мѣрно качаясь на грандіозномъ океанскомъ волненіи.

На «Архангельскѣ» вмѣстѣ со мной плылъ директоръ перваго китобойнаго товарищества Г. Ф. Гебель, и, благодаря этому обстоятельству, мнѣ пришлось измѣнить свой первоначальный маршрутъ. Г. Гебель предложилъ мнѣ высадиться на Мурманскомъ берегу и черезъ нѣсколько дней отправиться вмѣстѣ съ нимъ на его пароходѣ «Вельда» въ Гамбургъ, куда онъ намѣревался идти для продажи груза китоваго жира, чтобы избѣгнуть рукъ норвежскихъ посредниковъ, черезъ которыхъ китовые продукты поступаютъ на гамбургскій и лондонскій сальные рынки. «Вельда» должна была идти норвежскими шхерами до Христіаніи, а оттуда прямо въ Гамбургъ. Не смотря на весь рискъ путешествія на крошечномъ китобойномъ пароходѣ въ такую позднюю пору и въ такихъ бурныхъ водахъ, я съ охотой согласился на это заманчивое предложеніе, прельстясь предстоявшимъ плаваніемъ живописными шхерами и возможностью познакомиться со многими норвежскими портовыми городами, въ которыхъ «Вельда» должна была высаживать заводскихъ рабочихъ-норвежцевъ и принимать уголь, тогда какъ «Архангельскъ» съ Мурманскаго берега шелъ открытымъ моремъ прямо въ Копенгагенъ, минуя всѣ норвежскіе порты. Въ настоящій, послѣдній, и при томъ не обязательный, рейсъ «Архангельска» вдоль Мурманскаго берега, по просьбѣ китобоевъ, онъ предполагалъ остановиться только въ двухъ становищахъ: Еретикахъ и въ Арской губѣ.

Рано утромъ, подъ проливнымъ дождемъ, «Архангельскъ» входилъ въ Еретикскую бухту, гдѣ я и г. Гебель должны были высадиться. На рейдѣ становища стоялъ, подъ парами, пароходъ «Вельда», только-что возвратившійся изъ Вардэ, куда онъ доставилъ часть китовыхъ продуктовъ, добытыхъ за промысловый сезонъ. Пользуясь готовностью паровъ на «Вельдѣ», г. Гебель рѣшилъ слѣдовать за «Архангельскомъ» въ Арскую губу, чтобы взять со строившагося тамъ китобойнаго завода кое-какія вещи, принадлежавшія еретикскому заводу. Пассажиры, ѣхавшіе въ Колу, должны были слѣдовать съ нами, такъ какъ «Архангельскъ» туда не заходилъ, а г. Гебель обѣщалъ доставить ихъ изъ Еретиковъ на своемъ пароходѣ, на которомъ возвратятся въ Колу, нанятые оттуда, заводскіе рабочіе.

Сойдя съ «Архангельска», мы пробыли на берегу всего нѣсколько

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

минутъ, затѣмъ сѣли на «Вельду» и вышли въ море. «Архангельскъ» шелъ немного впереди насъ и «Вельда» не смотря на значительное океанское волненіе, безъ особаго труда вскорѣ его нагнала и одновременно съ нимъ бросила якорь въ Арской губѣ.

Работы по постройкѣ китобойнаго завода были уже окончены и всѣ зданія заколочены на зиму. Съѣхавъ на берегъ, мы нашли управляющаго заводомъ уже совершенно готовымъ къ отъѣзду; оставалось только погрузить вещи на пароходъ. Все наше пребываніе въ Арской губѣ заняло не больше получаса. Покончивъ дѣла на заводѣ, мы снова переѣхали на «Архангельскъ», чтобы проститься съ нашими спутниками и пожелать имъ счастливаго плаванія. Вскорѣ на «Архангельскѣ» загремѣла цѣпь выхаживаемаго якоря, громкій прощальный свистокъ огласилъ, покидаемую до будущаго года, бухту и много разъ повторился въ окрестныхъ дикихъ скалахъ. Шлюпка съ «Вельды» все время держалась у трапа «Архангельска», и мы сошли въ нее какъ разъ въ то время, когда «Архангельскъ» далъ ходъ. На «Вельдѣ» якорь также уже былъ поднятъ, и мы почти тотчасъ же послѣдовали за «Архангельскомъ», обмѣниваясь салютомъ флагами и свистками. Съ берега напутствовало насъ семейство сторожа, оставшагося на зиму при заводѣ и нѣсколько финляндцевъ, пріѣзжавшихъ на заводъ изъ колоніи, находящейся въ глубинѣ Арской губы. Пройдя нѣсколько времени рядомъ съ «Архангельскомъ», мы, наконецъ, разстались, повернувъ въ различныя стороны — «Архангельскъ» на западъ, «Вельда» — на востокъ и вскорѣ изъ-за пѣнящихся бѣлыхъ гребней океанскихъ волнъ виднѣлись рангоутъ и черная труба «Архангельска», отъ которой тянулась къ востоку, какъ бы догоняя насъ, длинная полоса дыма. Черезъ полчаса мглистая даль океана совершенно скрыла отъ нашихъ глазъ очертанія «Архангельска».

На переходѣ изъ Арской губы въ Еретикскую бухту «Вельда» выдержала жестокую качку, особенно сильно подѣйствовавшую на молодого кольскаго доктора, почти прямо изъ аудиторіи Кіевскаго университета попавшаго въ Ледовитый океанъ, и притомъ на миніатюрномъ пароходѣ. Особенно сильно смущало новичка отсутствіе на «Вельдѣ» бортовъ; зарывшись носомъ въ волну «Вельда» свободно пропускала ее вдоль всей палубы, и бѣдный молодой эскулапъ, зеленый отъ страха и дрожа отъ холодныхъ душей, тѣсно прижимался къ дымовой трубѣ, крѣпко держась обѣими руками за поручни машиннаго люка. При поворотѣ въ Еретикскую бухту «Вельдѣ» пришлось идти нѣсколько времени поперекъ волненія, здѣсь докторъ доходилъ до отчаянія; волны совершенно свободно вкатывались съ боковъ на палубу «Вельды» и сильно накреняли ея корпусъ. Выдерживать несносную боковую качку пришлось недолго и черезъ нѣсколько минутъ «Вельда» входила уже въ спокойную бухту и стала на якорь противъ завода. Факторія

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

и самый заводъ уже значительно опустѣли и нигдѣ не было замѣтно лѣтней оживленной дѣятельности, какъ бы замершей вмѣстѣ съ природой; судовъ на рейдѣ уже не было, а на берегу заводскіе рабочіе запаковывали бочки съ китовымъ жиромъ, назначенныя къ отправкѣ за-границу. Заводъ уже прекратилъ дѣйствія и въ немъ разбирались машины и дѣлались всѣ приготовленія къ близкой зимѣ. Въ домѣ управляющаго намъ былъ поданъ незатѣйливый завтракъ изъ остатковъ припасовъ.

Кромѣ перечисленныхъ выше лицъ, ѣхавшихъ въ Колу и оставшихся на еретикскомъ заводѣ, находился тотъ самый капитанъ Нейманъ, подъ командой котораго «Георгій» плавалъ въ Югорскій Шаръ. Какъ только «Георгій» возвратился въ Архангельскъ, владѣлецъ его, Геллерманъ, тотчасъ уволилъ Неймана за ненадобностью и ему бѣдному пришлось, на собственный счетъ, отправиться на родину въ Виндаву. Видя его стѣсненныя обстоятельства, г. Гебель предложилъ ему безплатный проѣздъ на «Вельдѣ» до Христіаніи. Присутствіе Неймана на «Вельдѣ», какъ потомъ оказалось, было нетолько не лишнее, но безъ него «Вельда» навѣрное была бы на днѣ морскомъ, такъ какъ настоящій ея капитанъ, норвежецъ Ф—ъ, оказался такимъ профаномъ въ морскомъ дѣлѣ, что г. Гебель, придя въ городъ Намсосъ, вынужденъ былъ передать команду Нейману. Невѣжество Ф—а въ дѣлѣ кораблевожденія доходило до чудовищныхъ размѣровъ и подчасъ сопровождалось курьезами, невольно возбуждавшими смѣхъ даже въ самыя критическія минуты.

Послѣ завтрака, мы съ Нейманомъ, взявъ ружья и собакъ, отправились бродить по окрестностямъ. Заводскій сторожъ сообщилъ мнѣ, что на противоположной сторонѣ бухты, въ томъ заливчикѣ, куда отведены китовые остовы, въ послѣднее время появилось много волковъ. Мы переплыли въ лодкѣ къ указанному мѣсту. Дѣйствительно, на берегу, въ разныхъ мѣстахъ, виднѣлись китовыя туши и другіе отбросы, не идущіе въ салотопные котлы. Волковъ мы не видали, но по всѣмъ признакамъ они здѣсь водятся и въ не маломъ количествѣ. Какъ только мы высадились на берегъ, мои двѣ собаки, сетеръ и самоѣдка, тотчасъ же бросились въ разныя стороны и съ лаемъ остановились у большихъ щелей въ скалахъ; по оторваннымъ отъ тушъ кускамъ китоваго мяса, можно было заключить, что только наше приближеніе прервало волчую трапезу, и они поспѣшили скрыться между скалъ. Нейманъ не удержался и выстрѣлилъ въ щель; выстрѣлъ гулко раздался по пустынной бухтѣ, но послѣ него не вспорхнула ни одна птичка, а скрывшійся волкъ, постоянный обитатель дикихъ мурманскихъ скалъ, вѣроятно еще глубже зарылся въ своей норѣ. Пробродивъ, совершенно безполезно, по скаламъ бухты, я съ трудомъ собралъ своихъ собакъ, не отрывавшихся отъ многочисленныхъ волчьихъ норъ, и мы возвратились на заводъ, гдѣ насъ уже давно ожидали

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

къ обѣду. Не смотря на истощеніе запасовъ заводской провизіи, при заботливости любезнаго хозяина, обѣдъ вышелъ на славу; вѣроятно, были обшарены всѣ углы заводской кладовой и все найденное было приготовлено къ столу умѣлыми руками опытной кухарки; не было также недостатка и въ напиткахъ. Послѣ обѣда все общество отправилось на прогулку, хотя погода и не особенно ей благопріятствовала; вскорѣ начался дождь и, мало-по-малу, всѣ гости снова собрались въ уютныхъ комнатахъ управляющаго.

Между тѣмъ, подъ навѣсами завода, шла дѣятельная укупорка боченковъ съ китовымъ жиромъ. Въ заводской конторѣ г. Гебель производилъ расчетъ съ рабочими изъ Колы, которые на другой день должны были возвратиться въ Колу. Вечеръ прошелъ въ веселой бесѣдѣ и за картами. Спать пришлось на чемъ Богъ послалъ, такъ какъ на новомъ заводѣ еще не было достаточно мебели и мы расположились на полу, на шубахъ, пальто и пледахъ.

На слѣдующій день, уже съ ранняго утра, на заводѣ закипѣла дѣятельность, но теперь весь заводскій людъ уже не копошился у трупа убитаго кита и у салотопенныхъ котловъ, а всюду были видны спѣшныя приготовленія къ зимѣ и къ предстоящему отъѣзду норвежскихъ рабочихъ на родину. Погода нисколько не улучшилась и дождь не переставалъ лить, какъ изъ ведра. Впрочемъ, въ концѣ сентября, отъ этихъ широтъ и трудно было требовать лучшей погоды и высокой температуры. Нашъ докторъ съ ужасомъ помышлялъ о новыхъ испытаніяхъ, предстоявшихъ ему въ этотъ же день на переходѣ отъ Еретиковъ до Колы. Послѣ завтрака всѣ сборы были окончены, «Вельда» уже стояла подъ парами, а на берегу рабочіе грузили свои пожитки на листерботъ, который мы должны были взять на буксиръ, если въ океанѣ не будетъ особенно бурно. Мы перешли на пароходъ, а черезъ нѣсколько минутъ и листерботъ принялъ буксиръ. «Вельда» снялась съ якоря и направилась къ выходу изъ бухты. Не смотря на проливной дождь, большинство нашего общества находилось на палубѣ, такъ какъ въ крошечной каюткѣ было и тѣсно, и душно. Съ шедшаго у насъ за кормой листербота, слышалась веселая пѣсня подвыпившихъ пассажировъ, не обращавшихъ вниманія ни на дождь, ни на брызги, отъ разбивавшихся о борты листербота, волнъ. По выходѣ въ океанъ, оказалось, что дальнѣйшая буксировка листербота немыслима, такъ какъ при сильномъ волненіи, буксиръ то напрягался, то ослабѣвалъ, чѣмъ и повредило форштевень листербота. Къ счастію, это поврежденіе было во-время замѣчено и съ листербота раздались крики, предупредившіе капитана о грозившей бѣдѣ; форштевень началъ отдѣляться отъ бортовыхъ досокъ, а потому сейчасъ же отдали буксиръ и листерботу было приказано идти въ Кольскую губу на парусахъ. Казалось, что этого приказанія только и ждали смѣлые поморы; какъ только отдали съ парохода буксиръ, на ли-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Видъ Вардэ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

стерботѣ мигомъ поднялся парусъ и маленькое суденышко, легши на правый бокъ, быстро понеслось за нами. Но вскорѣ разстояніе между пароходомъ и листерботомъ все болѣе и болѣе увеличивалось, такъ такъ «Вельда», независившая отъ вѣтра, хотя и, зарываясь въ волны, быстро двигалась впередъ, а листерботъ началъ отставать, задерживаемый ослабѣвавшимъ, по временемъ, вѣтромъ, то отбрасываемый въ сторону боковой волной. Любо было смотрѣть, какъ эта, хотя и полупьяная, команда листербота лихо правила парусами на океанской волнѣ, при свѣжемъ вѣтрѣ. Впереди насъ все болѣе и болѣе выдѣлялся изъ туманной мглы островъ Кильдинъ, и вскорѣ мы были уже въ Кольской губѣ. Для проводки «Вельды» по губѣ (на всемъ своемъ протяженіи не имѣющей никакихъ предостерегательныхъ знаковъ, ограждающихъ фарватеръ), были взяты два кольскихъ рабочихъ. Въ губѣ, защищенной высокими скалистыми берегами отъ вѣтровъ и океанскаго волненія, было совершенно тихо и къ вящшему удовольствію пассажировъ, «Вельда» не испытывала никакой качки. Все наше общество тѣснилось за чаемъ въ крошечной каюткѣ. Было около девяти часовъ вечера, какъ вдругъ пароходъ задрожалъ, раздался какой-то странный стукъ и черезъ переборку, отдѣляющую каюту отъ машины, была слышна команда: «стопъ!» и тотчасъ же: «задній ходъ!». Между пассажирами произошелъ страшный переполохъ; всѣ бросились на верхъ узнать въ чемъ дѣло. Оказалось, что импровизированные кольскіе лоцмана прозѣвали одну, извѣстную въ губѣ, банку, и «Вельда» вскочила на нее. Не смотря на полный задній ходъ, пароходъ стоялъ на мѣстѣ неподвижно. Первымъ дѣломъ было тщательно осмотрѣть трюмы — нѣтъ ли течи. Дно парохода не было повреждено и можно было предположить, что «Вельда» выскочила на гладкую поверхность банки, что и подтвердилось сдѣланнымъ промѣромъ. Возможность пробоины озабочивала всѣхъ; случись это несчастіе, намъ пришлось бы, вмѣсто пріятнаго заграничнаго путешествія, плыть въ Норвегію на какой-нибудь парусной шлюпкѣ, или оставаться на Мурманскомъ берегу и ожидать пока промерзнутъ лапландскія тундры, чтобы по нимъ возвратиться въ Архангельскъ, на оленяхъ. Но счастливая случайность избавила насъ отъ этой далеко не отрадной перспективы. Хотя на «Вельдѣ» течи и не оказалось, тѣмъ не менѣе тогда же явилось сомнѣніе въ возможности плаванія въ Гамбургъ, безъ предварительно тщательнаго осмотра подводной части «Вельды», гдѣнибудь въ докѣ. Когда прошла первая тревога и выяснилось что ни экипажу, ни самому пароходу не угрожаетъ никакая опасность, приступили къ снятію «Вельды» съ камня. Чтобы облегчить пароходъ, обѣ шлюпки были спущены на воду и машинѣ снова былъ данъ полный задній ходъ, но это не помогло, и «Вельда» ни на вершокъ не подавалась назадъ. Тогда завезли якорь съ кормы и

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

надѣялись стянуться при его помощи и эта попытка не имѣла желанныхъ результатовъ. Кто-то придумалъ еще одинъ способъ: весь экипажъ и пассажировъ расположили по обѣимъ бортамъ парохода и заставили перебѣгать съ борта на бортъ, чтобы раскачать «Вельду»; въ это же время машина усиленно работала. Но этотъ своеобразный контрадансъ только вызвалъ шутки и смѣхъ, но ни чуть не помогъ дѣлу. Испробовавъ всѣ средства къ снятію «Вельды» съ камня, рѣшили ожидать прилива и тогда уже снова начать попытки сняться.

Между тѣмъ, время шло и было уже далеко за полночь. Часовъ около трехъ утра къ намъ подошелъ и листерботъ, благополучно совершившій свое плаваніе. По распоряженію г. Гебеля, больше всѣхъ озабоченнаго участью «Вельды», листерботъ съ рабочими былъ оставленъ на мѣстѣ катастрофы, въ помощь экипажу, а мы—пассажиры, пересѣли въ шлюпку и на веслахъ отправились въ Колу. Плаваніе было не изъ легкихъ; выгребать противъ отливного теченія стоило чрезвычайныхъ усилій; темнота ночи и значительная пасмурность также задерживали наше плаваніе. Наконецъ, около восьми часовъ утра мы, прозябшіе и промокшіе отъ сильной утренней росы, пристали къ берегу Колы. Пристани здѣсь никакой не имѣется и при малой водѣ приходится перескакивать съ камня на камень, а иногда брести по водѣ, чуть не по колѣна. Кое-какъ выбравшись на берегъ, мы поспѣшили въ ближайшую квартиру одного изъ нашихъ спутниковъ, гдѣ отогрѣлись и нѣсколько обсушили платье. Долго оставаться въ Колѣ намъ было неудобно, чтобы не задерживать пароходъ, да и самый городокъ не имѣетъ ровно ничего такого, чтобы располагало къ продолжительному пребыванію въ немъ.

Кола, преобразованная недавно въ уѣздный городъ (Кольскій уѣздъ, вѣрнѣе не вновь образованъ, а только возстановленъ), во многомъ уступаетъ любой даже средней руки деревнѣ во внутренней Россіи. Находясь вдали отъ океана, въ глубинѣ длинной и притомъ неудобной губы, Кола не имѣетъ никакихъ шансовъ на развитіе и процвѣтаніе въ будущемъ. Административный центръ такого обширнаго уѣзда, какъ Кольскій, слѣдовало помѣстить въ какомъ-либо удобномъ пунктѣ у самаго океана, какъ напримѣръ, на островѣ Кильдинѣ, о чемъ уже и возникало предположеніе, почему-то не приведенное въ исполненіе, и тогда можно было бы разсчитывать на появленіе и на нашемъ угрюмомъ Мурманскомъ берегу такого цвѣтущаго уголка, какіе на каждомъ шагу встрѣчаются у нашего сосѣда—норвежскаго Финмаркена. Ни одно мурманское становище, какъ бы оно мало не было, не производитъ на пріѣзжаго такого тяжелаго впечатлѣнія, какъ городъ Кола. Здѣсь все, какъ будто постоянно живетъ подъ какимъ-то гнетомъ не то природы, не то сознанія полнѣйшей изолированности отъ остального міра. Это сознаніе, вѣ-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

роятно, особенно тягостно въ концѣ осени, когда прекращаются почтово-пассажирскіе рейсы пароходовъ Архангельско-Мурманскаго товарищества, навѣщающихъ также и Колу. Послѣ этого, заброшенный городишка со всѣмъ его населеніемъ на нѣсколько мѣсяцевъ лишается всякаго сообщенія, такъ что сгори городъ, или перемри всѣ его обитатели, въ Архангельскѣ узнали бы объ этомъ только мѣсяца черезъ три.

На «Вельду» мы возвратились тѣмъ же порядкомъ, то-есть, въ шлюпкѣ и опять-таки противъ теченія, но теперь уже приливного, подававшаго намъ надежду на благополучное снятіе парохода съ камня. День былъ очень холодный, такъ что я, чтобы согрѣться, охотно смѣнялъ матросовъ на веслахъ. Моросилъ мелкій дождь, но вѣтра совсѣмъ не было. Послѣ продолжительной усиленной гребли, впереди насъ въ туманѣ показался корпусъ «Вельды»; всѣ горѣли нетерпѣніемъ скорѣе узнать, чѣмъ окончилось ночное приключеніе и каковы его послѣдствія. Черезъ четверть часа мы уже ясно видѣли якорную цѣпь, спускавшуюся съ носа «Вельды» въ воду; вздохнули свободнѣе — значитъ «Вельда» сошла съ камня и стоитъ на свободной водѣ. Матросы дружно налегли на весла и минутъ черезъ пять мы были уже у борта «Вельды». Предположенія наши оправдались дѣйствительно; съ приливомъ «Вельда» начала покачиваться и еще черезъ нѣсколько времени уже могла свободно двигаться. Импровизированные кольскіе лоцмана, ночью оказавшіеся не на высотѣ своего призванія, теперь, при дневномъ свѣтѣ, могли свободно оріентироваться и поспѣшили отвести «Вельду» въ безопасное мѣсто. Пары на пароходѣ не прекращались всю ночь, и какъ только мы возвратились съ берега, г. Гебель отпустилъ листерботъ въ Колу, снабдивъ рабочихъ, за ночную случайную работу, водкой, а мы поспѣшили засвѣтло выбраться изъ губы и попасть въ Еретики. Обратное плаваніе обошлось безъ всякихъ приключеній; океанъ былъ спокоенъ, только незначительная зыбь пріятно убаюкивала насъ въ койкахъ, которыми мы поспѣшили воспользоваться, чтобы вознаградить себя за проведенную безъ сна прошлую ночь. Вечеромъ насъ разбудилъ пароходный свистокъ и шумъ каната отданнаго якоря; мы уже были въ Еретикахъ. Теперь насъ было всего лишь трое: г. Гебель, капитанъ Нейманъ и я; въ этомъ сообществѣ мы и должны были пуститься въ далекій путь.

На берегу продолжались сборы норвежцевъ, возвращавшихся во-свояси; назначенныя къ погрузкѣ на «Вельду» бочки съ китовымъ жиромъ были уже готовы и лежали на пристани. Мой багажъ, кромѣ ручныхъ вещей, все время оставался на пароходѣ, такъ что мнѣ не предстояло никакихъ хлопотъ по сборамъ въ плаваніе; на долю же г. Гебеля приходилось не мало заботъ, какъ по наблюденію за нагрузкой «Вельды», такъ и по разсчетамъ съ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

норвежскими рабочими. Съ утра слѣдующаго дня начали грузить бочки и эта работа заняла почти весь день. Выходъ въ море предполагался на слѣдующее утро, но разсчеты съ берегомъ удалось окончить только къ полудню, и «Вельда» снялась съ якоря, оглашая пустынную бухту частыми громкими свистками; завернули за мысокъ и за нимъ скрылись заводъ и факторія. Вышли въ океанъ и снова несчастную «Вельду» начали трепать непривѣтливыя океанскія волны. На этотъ разъ приходилось выдерживать сильную качку, не безъ тревоги, такъ какъ никто навѣрно не зналъ и не могъ поручиться за вполнѣ исправное состояніе подводной части «Вельды». Хотя по осмотру и оказалось, что ея пребываніе на камнѣ въ Кольской губѣ не причинило ей никакихъ поврежденій, тѣмъ не менѣе въ голову невольно лѣзли всякія подозрѣнія о возможности очень серезныхъ поврежденій, усмотрѣть которыя могли только опытные техники. Наша тревога была тѣмъ болѣе справедлива, что «Вельда» пустилась въ океанъ съ полнымъ грузомъ и пассажировъ на ней было, вѣроятно, не меньше чѣмъ сельдей въ любой бочкѣ. Постоянная команда «Вельды», всѣ заводскіе рабочіе — норвежцы, г. Гебель, Нейманъ и я, буквально переполнили всѣ помѣщенія крошечнаго парохода. Въ жиломъ помѣщеніи матросовъ негдѣ было упасть яблоку, такъ что часть рабочихъ помѣстилась на палубѣ, подъ открытымъ небомъ, а четверо насъ, съ грѣхомъ пополамъ, пріютились въ кормовой каютѣ. Часть пассажировъ-рабочихъ должна была остаться въ Вардэ, такъ что въ дальнѣйшемъ плаваніи такой тѣсноты не предвидѣлось и, кромѣ того, имѣлось въ виду оставить часть груза въ Вардэ и въ освободившуюся часть трюма погрузить весь скарбъ рабочихъ, загромождавшій почти всю палубу.

Рано начало темнѣть и къ ночи волненіе усилилось. Нѣкоторые рабочіе, отвыкшіе отъ моря, страдали морскою болѣзнью. Буря была не изъ послѣднихъ и если бы мы не были на половинѣ пути до Вардэ, то было бы гораздо благоразумнѣе возвратиться обратно, но въ данномъ случаѣ не было другого исхода, какъ продолжать идти впередъ. Особенно жутко становилось, когда приходилось подниматься на верхъ; вокругъ непроницаемый мракъ; нигдѣ ни одного огонька проходящаго судна, только изъ мрака выдѣляются сѣдые гребни ближайшихъ къ пароходу грандіозныхъ волнъ. Чтобы отрѣшиться отъ всякихъ мрачныхъ мыслей, невольно навѣваемыхъ грозной обстановкой бушующаго океана, я счелъ за лучшее попрочнѣе устроиться въ койкѣ и уснуть. Сонъ сдѣлалъ свое дѣло: невеселыя думы исчезли, и я проспалъ вплоть до самаго прихода въ Вардэ. Наши опасенія относительно благополучнаго перехода, къ счастію, не оправдались, и «Вельда» отдѣлалась только жестокой качкой, тѣмъ не менѣе было рѣшено ввести «Вельду» въ докъ и осмотрѣть подводную часть.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Какъ только «Вельда» стала на якорь, къ нашему борту подошла шлюпка съ однимъ гребцомъ и съ однимъ пассажиромъ на рулѣ; шлюпку прикрѣпили за поданный съ парохода конецъ, а оба прибывшіе взошли на палубу; это были чины таможни. Сидѣвшій на рулѣ оказался управляющимъ вардэской таможней, а гребецъ— не то его помощникомъ, не то простымъ досмотрщикомъ. Первымъ дѣломъ прибывшіе обратились къ намъ, пассажирамъ, съ вопросомъ: не имѣемъ ли съ собой чего-либо, подлежащаго оплатѣ пошлиной? Одинъ нашъ отрицательный отвѣтъ совершенно удовлетворилъ норвежскихъ таможенныхъ чиновниковъ, и управляющій, не требуя даже предъявленія къ досмотру нашего багажа и паспортовъ, тотчасъ любезно предложилъ намъ свободный съѣздъ на берегъ. Затѣмъ, провѣривъ судовые и грузовые документы и исполнивъ еще кое-какія таможенныя обрядности, чиновники сейчасъ же уѣхали съ парохода. Здѣсь, само собой, напрашивалось сравненіе нашихъ таможенныхъ порядковъ съ норвежскими. Невольно припомнились наши таможенные катера съ цѣлымъ штатомъ чиновниковъ разныхъ ранговъ и съ дессантнымъ отрядомъ вооруженныхъ досмотрщиковъ и пограничныхъ стражниковъ. Вспомнилось тщательное перетряхиваніе грязнаго бѣлья, паспортная волокита и неизбѣжныя пререканія по поводу всякой книжки даже самаго невиннаго содержанія, найденной въ вашемъ багажѣ [1]). Это только неудобства таможенной формалистики для пассажировъ, а сколько препонъ она ставитъ капитанамъ коммерческихъ судовъ, грузоотправителямъ и грузополучателямъ? Въ Норвегіи всѣ таможенныя обрядности оканчиваются быстро, безъ всякихъ излишнихъ формальностей и неизбѣжныхъ проволочекъ. Сперва я думалъ, что всѣ эти норвежскія таможенныя любезности допускаются, исключительно, по отношенію къ русскимъ судамъ, но впослѣдствіи убѣдился, что норвежская таможня относится совершенно одинаково къ судамъ всѣхъ націй. Правда, не однѣ русскія таможни испытываютъ терпѣніе пассажировъ; германскія таможни въ этомъ отношеніи идутъ еще дальше. Такъ, въ это же путешествіе, на одной изъ германскихъ таможень усердные чиновники не только перепотрошили все содержимое моихъ чемодановъ, но довольно долго изслѣдовали пуговицы, пріобрѣтеннаго въ Германіи же, платья, заподозривая его негерманское происхожденіе; а за три баночки отъ пикулей, наполненныхъ китовымъ жиромъ, безпошлинно проѣхавшія три государства, съ меня была взыскана пошлина, чуть не втрое превышающая ничтожную стоимость, содержавшихся въ нихъ нѣ-

[1]) На одной изъ русскихъ таможень мнѣ пришлось вести съ таможеннымъ чиновникомъ продолжительный дебатъ по поводу имѣвшихся у меня нѣсколькихъ книгъ, изданныхъ обществомъ для содѣйствія русскому торговому мореходству и печатанныхъ въ Москвѣ. Чиновнику онѣ почему-то казались лейпцигскаго происхожденія.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

сколькихъ фунтовъ китоваго жира, взятыхъ мною, какъ проба. Что также заслуживаетъ подражанія въ норвежскихъ таможенныхъ порядкахъ, такъ это, такъ сказать, публичная повѣрка судовыхъ документовъ, чего, къ сожалѣнію, нѣтъ у большинства другихъ государствъ. Норвежскіе таможенные чиновники исполняютъ свои обязанности на виду у всѣхъ пассажировъ и судовыхъ служащихъ; въ другихъ же государствахъ это дѣлается келейно, преимущественно, въ капитанскихъ каютахъ, гдѣ на столѣ, кромѣ документовъ и письменныхъ принадлежностей, неизбѣжно присутствуютъ заморскія вина, закуски и дорогія сигары, часть которыхъ нерѣдко увозится чиновниками съ собой, въ воспоминаніе о любезности капитана [1]).

Рейдъ Вардэ уютный и совершенно защищенный отъ вѣтровъ, особенно нордъ-остовыхъ. Самый городокъ Вардэ расположенъ на двухъ, соединенныхъ перешейкомъ, островахъ, или, вѣрнѣе, на самомъ перешейкѣ. Для большей обезпеченности городской гавани со стороны сѣверо-запада, приступлено къ сооруженію мола. На рейдѣ, благодаря позднему времени года, мы застали очень мало судовъ; было нѣсколько промысловыхъ яхтъ, одинъ большой почтовый пароходъ, два или три пассажирскихъ парохода, совершающихъ рейсы между ближайшими городами и факторіями Финмаркена и нѣсколько ёлъ, листерботовъ и другихъ мелкихъ судовъ. На берегу, вытащенный на стапель, стоялъ большой трехмачтовый пароходъ, типа шпицбергенскихъ. Почти всѣ норвежскіе, шведскіе и датскіе пароходы, отправляющіеся на промыслы морскихъ звѣрей во льды Шпицбергена, обыкновенно строятся по одному типу. Всѣ они деревянные, съ особенно прочными, для плаванія въ полярныхъ льдахъ, крѣпленіями носа; имѣютъ по три мачты, вооруженныя парусами, на средней (гротъ-мачтѣ) мачтѣ, обыкновенно, укрѣпляется бочка, изъ которой спеціальный часовой слѣдитъ за появленіемъ звѣрей и за состояніемъ льдовъ. Машины этихъ пароходовъ слабосильны и употребляются, какъ вспомогательные двигатели, только въ тѣхъ случаяхъ, когда паруса бываютъ не въ состояніи выдерживать борьбу со льдами, или же

[1]) На эти вынужденныя угощенія я насмотрѣлся лѣтъ двадцать тому назадъ, когда будучи еще гимназистомъ младшихъ классовъ, проводилъ лѣто въ одномъ изъ значительныхъ черноморскихъ портовъ. Благодаря знакомству съ сыновьями мѣстныхъ таможенныхъ чиновниковъ, мнѣ приходилось часто дѣлать прогулки на таможенномъ катерѣ на рейдъ, гдѣ родители моихъ товарищей досматривали иностранныя суда. Боже, что пилось, ѣлось и увозилось съ собой. Помню, какъ теперь, однажды, катеръ проходилъ мимо турецкой кочермы, нагруженной орѣхами. Старшій изъ чиновниковъ приказалъ придержать къ кочермѣ и, подавъ находившемуся на палубѣ турку, фуражку досмотрщика, велѣлъ ему наполнить орѣхами. Турокъ, не говоря ни слова, швырнулъ фуражку за бортъ. Чиновникъ разразился бранью, но злоба была безсильна, такъ какъ кочерма оказалась уже досмотрѣнной другихъ катеромъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

во время штилей, которые, впрочемъ, весьма рѣдко бываютъ въ тѣхъ широтахъ Ледовитаго океана, куда отправляются эти пароходы. При постройкѣ промысловыхъ шпицбергенскихъ пароходовъ, главнымъ образомъ, имѣется въ виду обширность трюмовъ, въ которыхъ устанавливаются желѣзныя цистерны для промышляемаго сала, и просторъ провизіонныхъ кладовыхъ, такъ какъ нерѣдко случается, что пароходы подолгу остаются затертыми льдами. Лучшей постройкой пароходовъ этого типа славится судостроительная верфь Nyland et Comp., въ Христіаніи, на которой строится и большинство китобойныхъ пароходовъ, какъ норвежскихъ, такъ и русскихъ.

Воспользовавшись разрѣшеніемъ таможни съѣхать на берегъ, я тотчасъ же на шлюпкѣ отправился въ городъ. Шлюпка пристала къ заводу Гольмбоа и мнѣ пришлось подниматься наверхъ по крутой просаленной лѣстницѣ. Вардэ я посѣщалъ и раньше, а потому, отказавшись отъ предложенія лодочника—проводить меня по городу, я прямо отправился въ единственную въ Вардэ гостинницу, съ цѣлью занять для себя номеръ и провести въ немъ, съ возможнымъ удобствомъ, все время стоянки «Вельды» на здѣшнемъ рейдѣ, а главное хотѣлось поспать ночь или двѣ, безъ опасенія вылетѣть изъ койки, что ежеминутно угрожало въ тѣсной каюткѣ «Вельды». Плаваніе на ней предстояло еще длинное и не мало тревогъ и опасностей ожидало насъ впереди, такъ что все это еще болѣе усиливало желаніе, хотя короткое время, провести на сушѣ, въ уютномъ уголкѣ, и не чувствовать подъ собой вѣчно качающуюся палубу.

По дорогѣ въ гостинницу, я встрѣтилъ нѣсколькихъ матросовъ датскаго военнаго флота; присутствіе ихъ въ Вардэ меня нѣсколько удивило. Придя въ гостинницу, мнѣ пришлось разочароваться въ сладкихъ мечтаніяхъ объ уютномъ уголкѣ и спокойномъ ночлегѣ. Оказалось, что почти всѣ номера заняты членами датской полярной экспедиціи, недавно возвратившейся изъ Карскаго моря. Тогда я вспомнилъ о видѣнномъ на стапелѣ шпицбергенскомъ пароходѣ и о встрѣченныхъ на улицѣ датскихъ морякахъ. Такимъ образомъ, вмѣсто льдовъ Югорскаго Шара, мнѣ предстояла возможность познакомиться съ датчанами подъ гостепріимной кровлей норвежской гостинницы.

Прежде чѣмъ продолжать свои воспоминанія, я познакомлю читателей съ Вардэ—этимъ городкомъ, достойнымъ полнаго вниманія, особенно насъ, русскихъ.

Вардэ пріютился за полярнымъ кругомъ, подъ 70°, сѣверной широты, и считается самымъ сѣвернымъ городомъ Европы. Не смотря на свое исключительное географическое положеніе и крайне неблагопріятныя климатическія условія, Вардэ можетъ служить завиднымъ образцомъ для нашихъ мурманскихъ становищъ. Постоян-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ное населеніе Вардэ крайне ограниченно и въ зимнее время едва ли превышаетъ 2,000 душъ обоего поля. Но за то лѣтомъ, въ промысловый сезонъ, сюда стекаются тысячи промышленниковъ изъ Финмаркена и изъ другихъ провинцій Норвегіи [1]); сотни русскихъ судовъ, изъ архангельскаго поморья, наполяютъ рейдъ этого незначительнаго городка. Въ это время въ вардэской гавани можно встрѣтить бо̀льшее оживленіе, нежели въ иномъ болѣе южномъ и болѣе значительномъ порту. Наши поморы везутъ изъ Архангельска въ Вардэ мукў, лѣсъ, мясо, масло и другіе продукты, въ которыхъ нуждается какъ коренное, такъ и пришлое населеніе города. Здѣсь происходитъ обмѣнъ русскихъ произведеній, исключительно на норвежскую рыбу, при чемъ ни русскіе, ни норвежцы, не остаются въ убыткѣ. За сравнительно дешевые въ Архангельскѣ продукты, въ Вардэ поморы получаютъ рыбу, по цѣнѣ значительно превосходящей стоимость обмѣниваемыхъ продуктовъ. Въ свою очередь, не остаются въ накладѣ и норвежцы. Все то, что̀ они обмѣниваютъ у нашихъ поморовъ за малоцѣнную рыбу, обходилось бы для нихъ несравненно дороже, если бы всѣ эти продукты доставлялись въ Вардэ изъ западныхъ европейскихъ портовъ. Кромѣ перечисленныхъ продуктовъ, поморы доставляютъ въ Вардэ и другіе порты Финмаркена, также и сѣно изъ болѣе западныхъ пунктовъ Мурманскаго берега, и сбываютъ его также далеко не убыточно. Сѣно въ прессованномъ видѣ отправляется въ Норвегію и изъ Архангельска на срочныхъ пароходахъ Архангельско-Мурманскаго товарищества. Благодаря установившимся постояннымъ торговымъ сношеніямъ поморовъ съ жителями Финмаркена, курсъ нашего рубля не подвергается здѣсь такимъ колебаніямъ, какъ въ другихъ мѣстахъ Европы. Отъ поморовъ норвержскіе купцы принимаютъ кредитный рубль за двѣ кроны, тогда какъ случается, что курсовая цѣна кроны достигаетъ семидесяти копѣекъ. Рубли принимаются въ Вардэ за двѣ кроны не отъ однихъ поморовъ, но и отъ пріѣзжихъ русскихъ, при мелкихъ покупкахъ, или при разсчетахъ въ гостинницѣ. Эта сравнительно высокая цѣнность рубля объясняется легкой возможностью сейчасъ же сбыть наши рубли обратно поморамъ. Не знаю какъ цѣнится въ Финмаркенѣ нашъ кредитный рубль въ настоящее время, но такъ было во время моихъ посѣщеній Вардэ въ 1882 и 1883 годахъ.

Мѣновая торговля съ Норвегіей очень выгодна для нашихъ поморовъ, этимъ и объясняется, то обстоятельство, что многіе поморы совершенно оставили собственные рыбные промыслы на Мурманскомъ берегу, а завели морскія (исключительно парусныя) суда и занялись мѣновой торговлей съ норвежскими портовыми городами. Поморы

[1]) Бываютъ годы, когда въ Вардэ скопляется до 12,000 пришлыхъ рыбопромышленниковъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

совершенно освоились съ Норвегіей и идутъ туда, какъ въ русскій портъ, и тамъ чувствуютъ себя, какъ дома. Многіе шкипера поморскихъ судовъ прекрасно владѣютъ норвежскимъ языкомъ, даже многіе матросы довольно свободно говорятъ по-норвежски. Въ свою очередь и въ Финмаркенѣ можно встрѣтить многихъ норвежцевъ, хорошо объясняющихся по-русски. Нѣкоторые поморы, вмѣсто того, чтобы идти въ покрутченники къ русскимъ хозяевамъ промысловъ на Мурманскомъ берегу, предпочитаютъ отправляться на заработки въ норвержскіе порты, гдѣ обыкновенно нанимаются на гуанные заводы и на салогрѣйки, вытапливающія тресковый жиръ. Хотя работа, при производствѣ гуано и трескового жира, грязна до невозможности, за то трудъ русскихъ рабочихъ оплачивается довольно хорошо. Все продовольствіе рабочіе получаютъ отъ хозяевъ и, кромѣ того, каждый получаетъ до 25 рублей ежемѣсячнаго жалованья. Имѣя обозпеченное содержаніе и не спаиваемые хозяевами (какъ это практиковалось прежде на Мурманскомъ берегу), рабочіе, въ большинствѣ случаевъ, къ концу срока найма, дѣлаютъ хорошія сбереженія, дающія имъ возможность, по возвращеніи въ родное поморье, безбѣдно существовать съ семьей въ теченіе зимы, до новыхъ заработковъ.

Мѣстность, на которой расположенъ Вардэ и его окрестности, довольно красива, особенно лѣтомъ, когда покрывается зеленью. Самый же городокъ хотя и не особенно привлекателенъ, но много выигрываетъ въ глазахъ пріѣзжающихъ въ него прямо съ Мурманскаго берега. Лѣтомъ рейдъ и городъ чрезвычайно оживляются. Взадъ и впередъ снуютъ большіе и маленькіе пароходы; на якорѣ стоитъ масса грузовыхъ и промысловыхъ судовъ; всюду идетъ оживленная дѣятельность. Къ концу осени жизнь въ Вардэ начинаетъ замирать и къ зимѣ окончательно вступаетъ въ мертвый періодъ. Въ мартѣ мѣсяцѣ снова начинается оживленіе; открывается промысловый сезонъ, снова дымятъ заводскія трубы и снова парусныя суда и пароходы начинаютъ наполнять вардэскій рейдъ. Ранней весной начинается пароходное сообщеніе Вардэ съ становищами Мурманскаго берега. Въ это время Вардэ играетъ незамѣнимую роль для становищъ западной части Мурманскаго берега. Отрѣзанные отъ Архангельска еще скованнымъ льдомъ Бѣлымъ моремъ и тысячеверстной лапландской тундрой, весенніе промышленники достаютъ въ Вардэ все необходимое какъ для промысла, такъ и для собственныхъ нуждъ. Кромѣ того, промышленники пользуются въ это время услугами норвежскихъ почтъ и телеграфовъ. Вардэ нерѣдко посѣщаютъ также, кромѣ грузовыхъ и пассажирскихъ пароходовъ, и любительскія яхты, преимущественно англійскія, совершающія далекія морскія прогулки.

Всѣ постройки въ Вардэ почти исключительно деревянныя, на каменныхъ фундаментахъ, и сооружены изъ архангельскаго лѣса.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Архитектура домовъ некрасива, а улицы чрезвычайно неправильны. Изъ выдающихся зданій — это кирка, единственная въ городѣ, и гимнастическій залъ, въ которомъ также даются представленія и концерты заѣзжими артистами. Всѣ дома въ Вардэ отапливаются исключительно привознымъ каменнымъ углемъ, дрова же и вообще лѣсной матеріалъ здѣсь цѣнится чуть не на вѣсъ золота. Въ каждой комнатѣ установлены не большія желѣзныя печи; въ комнатахъ домовъ менѣе прочной постройки и обращенныхъ къ сѣверу и сѣверо-востоку, такихъ печей ставится по двѣ. Не смотря на свое географическое положеніе, въ Вардэ почти никогда не бываетъ сильныхъ морозовъ, благодаря благодѣтельному вліянію Гольфстрема. По словамъ жителей, самые лютые морозы у нихъ никогда не превышаютъ 20 градусовъ по Цельзію, тогда какъ на болѣе южныхъ пунктахъ, находящихся на восточной части сѣвероокеанскаго побережья, морозы доходятъ до 40 градусовъ и свыше по Реомюру. Рейдъ Вардэ въ теченіе всего года остается свободнымъ для навигаціи.

Обстановка квартиръ даже самыхъ зажиточныхъ вардэскихъ комерсантовъ и заводчиковъ чрезвычайно проста; предметы роскоши совершенно отсутствуютъ, но за то чистота доведена до совершенства. Примѣрной чистотой могутъ похвастаться и жилища самыхъ бѣдныхъ рыбаковъ.

Питается вардэское населеніе исключительно рыбой, добываемой въ океанѣ въ изобиліи. Мясо составляетъ уже предметъ роскоши и является лишь достояніемъ зажиточнаго класса. Цѣна за пудъ мяса доходитъ до 17 кронъ и больше. Зелени никакой нѣтъ, а если и находится, то только въ консервахъ. Коровье масло также, какъ и мясо, высоко цѣнится и иногда за пудъ масла платятъ до 48 и даже до 50 кронъ. Норвежскія кухарки, не смотря на недостатокъ въ выборѣ провизіи, умѣютъ чрезвычайно разнообразить столъ и обѣдъ, составленный только изъ одной рыбы, очень вкусенъ и ѣдятъ его съ аппетитомъ даже и непривыкшіе къ исключительной рыбной пищѣ. Дороговизна хлѣба весьма ощутительна для недостаточнаго населенія. Фунтъ выпеченнаго ржаного хлѣба продается по 6 коп., а иногда и по 8-ми. Мука привозится только изъ Архангельска. Вардэ имѣетъ массу всевозможныхъ магазиновъ, въ которыхъ можно достать все необходимое, какъ для промысловъ и морского дѣла, такъ и для обыкновеннаго домашняго обихода. Если въ первый разъ попадешь въ Вердэ осенью, то невольно недоумѣваешь—для кого здѣсь существуетъ столько магазиновъ и кто въ нихъ покупаетъ? но за то лѣтомъ это недоумѣніе не имѣетъ мѣста, такъ какъ всякій пріѣзжій видитъ, какъ съ утра до ночи въ магазинахъ толпятся массы самой разношерстной публики. Не смотря на то, что Вердэ не производитъ никакой ману-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

фактуры, а всѣ товары привозные, цѣны спрашиваются сравнительно не высокіе и товары отпускаются очень хорошаго качества. Вообще, видно, что вся торговля ведется весьма добросовѣстно.

Почта и телеграфъ соединены въ одно учрежденіе и помѣщаются въ одномъ и томъ же домѣ. Особенно много работы приходится на ихъ долю во время промысловаго сезона. На телеграфѣ не принято выдавать квитанцій въ пріемѣ депеши, и не смотря на это, еще не было ни одного случая, чтобы телеграмма, сданная на станцію, безъ квитанціи, не дошла по назначенію. Мнѣ объяснили, что этотъ порядокъ установился, чтобы не осложнять работы телеграфистовъ писаніемъ квитанцій. Если же кому необходима квитанція, какъ оправдательный документъ, то таковая немедленно выдается. Нигдѣ въ Норвегіи мнѣ не приходилось слышать жалобъ на неисправность почтъ или телеграфовъ. Въ быстротѣ же передачи и доставки телеграммъ мнѣ пришлось не разъ убѣдиться лично.

Телефонъ въ Вардэ не новость; почти всѣ болѣе или менѣе значительныя конторы заводовъ и магазины соединены телефонными проволоками съ кабинетами ихъ владѣльцевъ. Въ это же время (въ 1883 году) въ Архангельскѣ мѣстный комерсантъ г. Шмидтъ задумалъ соединить телефономъ городъ съ Соломболой, но это новшество было неодобрительно встрѣчено мѣстной администраціей и по поводу устройства въ Архангельскѣ телефона возникла обширная переписка. Вообще, по всѣмъ удобствамъ жизни крошечный Вардэ стоитъ несравненно выше не только всѣхъ уѣздныхъ городовъ Архангельской губерніи, но и самого Архангельска, считающагося однимъ изъ важнѣйшихъ портовыхъ городовъ. Богъ вѣсть для чего въ Вардэ существуетъ не большая крѣпость. Это скорѣе игрушка, нежели сколько-нибудь надежная твердыня. Гарнизонъ крѣпости не превышаетъ двадцати пяти человѣкъ нижнихъ чиновъ съ двумя офицерами—комендантомъ и его помощникомъ. Нижніе чины крѣпостнаго гарнизона большею частью времени проводятъ на рыбной ловлѣ и въ занятіяхъ различными ремеслами, не имѣющими ни чего общаго съ артилерійскимъ дѣломъ. Солдаты одѣты довольно неряшливо и не имѣютъ никакой военной выправки. Существуетъ особое положеніе о занятіяхъ гарнизона рыбными промыслами, по которому извѣстная доля съ доходовъ поступаетъ въ пользу коменданта и его помощника.

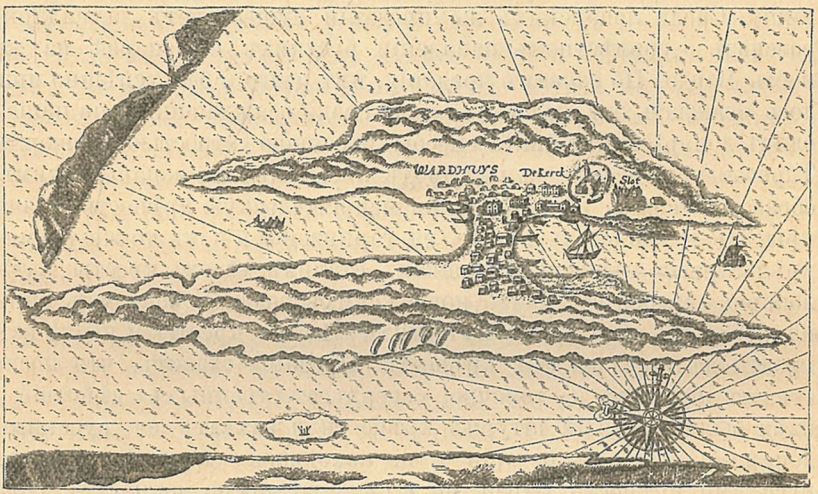
Исторія заселенія норвежцами этой мѣстности и возникновенія въ Финмаркенѣ укрѣпленнаго пункта находятся между собой въ тѣсной связи и относятся къ эпохѣ царствованія датскаго короля Гако (Haakon), т. е. къ началу XIV столѣтія. По свѣдѣніямъ норвежскихъ историковъ, крѣпостца Вардэ построена по повелѣнію короля Haakon'а въ 1310 году и предназначалась для защиты про-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

мышлявшихъ въ водахъ Финмаркена датчанъ и норвежцевъ отъ безпрестанныхъ набѣговъ русскихъ и шведовъ [1]).

Почти одновременно съ появленіемъ въ столь близкомъ сосѣдствѣ съ Россіею датскаго укрѣпленія и у насъ на Мурманскомъ берегу былъ построенъ Кольскій острогъ, преобразованный затѣмъ въ уѣздный городъ.

Первоначально крѣпость Вардэ была построена на сѣверо-западной сторонѣ острова Wardehus и, очевидно, защищала островъ со стороны Мурманскаго берега, откуда русскіе, главнымъ образомъ, направляли свои разрушительные набѣги въ предѣлы Финмаркена. На прилагаемомъ дальше рисункѣ «Русской баттареи» изображены, съ норвежской фотографіи, остатки первоначальной крѣпости. Сохра-



Вардэ въ 1594 году.

нившееся до сихъ поръ самое названіе этого упраздненнаго укрѣпленія и расположеніе его какъ разъ противъ нашего Мурманскаго берега ясно доказываютъ его первоначальную цѣль и дальнѣйшее назначеніе. По повелѣнію того же короля Haakon'a, на островѣ Wardehus, близъ крѣпости была построена церковь (одна изъ древнѣйшихъ во всемъ Финмаркенѣ), освященная епископомъ Ioerund'омъ, для этой цѣли, по желанію короля Haakon'a, лично посѣтившимъ далекій Финмаркенъ [2]).

Такимъ образомъ, еще въ началѣ XIV столѣтія въ Финмаркенѣ былъ уже созданъ надежный оплотъ противъ нашей и шведской вольницы, которому впослѣдствіи суждено было пересоздаться въ

[1]) Illustreret Norges Historie af O. A. Oevrland. Kristiania. 1888.
[2]) Тамъ же.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

прекрасно благоустроенный норвежскій торгово-промышленный пунктъ, какимъ въ настоящее время, безспорно, является нашъ ближайшій сѣверный сосѣдъ—городъ Вардэ съ его крѣпостью, теперь утратившею, конечно, всякое стратегическое значеніе и поддерживаемую норвежскимъ правительствомъ только какъ историческій памятникъ. Артилерія вардэской крѣпости служитъ въ наше время исключительно для салютаціонной пальбы въ дни различныхъ національныхъ празднествъ.

Говоря о былыхъ набѣгахъ на Финмаркенъ русскихъ и шведовъ, нельзя не упомянуть о сохранившемся у современныхъ лопарей преданіи о томъ, что эти набѣги были насколько стремительны и часты, что ихъ предки, въ промемутки между этими внезапными погромами, даже не успѣвали варить себѣ горячую пищу. Среди лопарскихъ же преданій существуетъ легендарный разсказъ о совмѣстномъ нападеніи русскихъ и лопарей на крѣпость Вардэ. По словамъ преданія, имъ долго и безъуспѣшно пришлось осаждать эту крѣпость, пока среди осаждающихъ не нашелся одинъ лопарь отличайшійся необыкновенною хитростью и ловкостью. Тароватый на всевозможныя продѣлки, смѣльчакъ-лопарь, какимъ-то образомъ, успѣлъ пробраться въ непріятельскую крѣпость и началъ прыгать и танцовать передъ ея гарнизономъ и въ то же время на крѣпостныхъ стѣнахъ и пушкахъ ставилъ мѣломъ кресты. Затѣмъ лопарю удалось заставить норвежскихъ солдатъ обнажить спины, на которыхъ онъ также начертилъ мѣломъ кресты и послѣ всѣхъ продѣлокъ скрылся изъ крѣпости. Преданіе гласитъ, что послѣдствіемъ смѣлыхъ и, конечно, «сверхъестественныхъ» дѣйствій лопаря былъ удачный штурмъ крѣпости и захватъ ея русскими и лопарями. Хотя въ исторіи и не находится указаній на захватъ русскими крѣпости Вардэ, но весьма возможно допустить, что эта крѣпость иногда и переходила въ временное владѣніе русскихъ, набѣгавшихъ въ Финмаркенъ, а затѣмъ снова возвращалась обратно или силой, или же добровольно. Изъ другихъ лопарскихъ преданій, подтверждаемыхъ также и норвежскими историками, видно, что съ постройкой церкви на островѣ Wardehus начались преслѣдованія и притѣсненія лопарей со стороны мѣстнаго духовенства, послѣдствіемъ чего была поѣздка лопарскаго короля («Finnenkongen») Мартына къ датскому королю Haakon'у, резиденція котораго въ то время была въ норвержскомъ городѣ Бергенѣ, съ жалобою на притѣсненія мѣстнаго епископа. Поѣздка короля Мартына въ Бергенъ имѣла для лопарей благопріятные результаты и лопари тогда же получили отъ датскаго правительства различныя вольности и льготы. По свѣдѣніямъ нѣкоторыхъ норвежскихъ историковъ, упоминаемый лопарской король Мартынъ былъ бѣглый русскій монахъ.

Вообще же, на существованіе лопарскихъ королей указываютъ многія преданія, живо сохранившіяся до настоящаго времени среди

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

населенія какъ русской, такъ и норвежской Лапландіи. Нашъ почтенный консулъ въ Сѣверной Норвегіи, Д. Н. Островскій, объѣхавшій Лапландію въ разныхъ направленіяхъ и глубоко изучившій бытъ, нравы и преданія ея обитателей, въ своемъ докладѣ Императорскому Географическому Обществу о лопаряхъ и ихъ преданіяхъ, приводитъ слѣдующее, записанное имъ на мѣстѣ, преданіе: «Разъ Лопскій король былъ въ тундрѣ около Каутойкейно и встрѣтился съ Чудью, которая его не узнала и спросила, знаетъ ли онъ, гдѣ живетъ Лопскій король. Когда онъ отвѣтилъ утвердительно, Чудь обѣщала ему большую награду, если онъ сведетъ ихъ къ нему. «Это опасно,—отвѣчалъ король,—у него съ собой много народу, а я лучше приведу его къ вамъ сюда на озеро и вы встрѣтитесь съ нимъ какъ разъ посединѣ на льду и ему некуда будетъ убѣжать».

«По заключеніи такого условія, король ушелъ въ свой погостъ, собралъ людей и велѣлъ имъ надѣть кумачи (башмаки шерстью вверхъ, въ которыхъ можно также твердо ходить по льду, какъ и по землѣ) и вырубить каждому по дубинѣ. Самъ онъ, кромѣ того, взялъ бревно, гладкое, безъ сучьевъ. Когда лопари пришли къ озеру и увидѣли, что съ противоположнаго берега къ нимъ навстрѣчу идетъ Чудь, они положили бревно на ледъ и покатили его прямо подъ ноги Чуди, которая была въ обыкновенныхъ сапогахъ и попадала, а лопари напали на нее и перебили дубинами»[1]).

Далѣе Д. Н. Островскій говоритъ, что преданія о набѣгахъ Чуди такъ еще живы среди лопарей, «что когда пасторъ Stockfleth, въ 1841 году, пріѣхалъ на Чалмо озеро, то лопари разбѣжались, думая, что пришла Чудь. Разсказываютъ, что въ 1884 году два туриста, говорившіе по-фински, заблудились въ Шведской Лапландіи и у истоковъ Kalikselven были застрѣлены лопарями, принявшими ихъ за Чудь»[2]).

Вотъ что передаетъ Д. Н. Островскій о притѣсненіяхъ лопарей Чудью: «Хорошо жилось,—разсказываютъ лопари,—въ старые годы у озера Энаре, но пришла Чудь и жить стало опасно, такъ опасно, что люди не смѣли жить на землѣ, а хоронились въ ямахъ и въ амбарахъ. Ямы эти были круглыя и четыреугольныя и во множествѣ оказываются по рѣкѣ Пасвигу, въ Эльвенесѣ, Южномъ Варангерѣ, Киркенесѣ и по Мурманскому берегу. Діаметръ ихъ около четырехъ метровъ, глубина до двухъ. Полъ и стѣны выстланы берестомъ, на днѣ до сихъ поръ видны остатки рыбьихъ и звѣриныхъ костей.

«Но даже и въ этихъ ямахъ они не могли быть покойны. Выходилъ изъ ямы дымъ, сидѣли тамъ неспокойно, слышался шо-

---

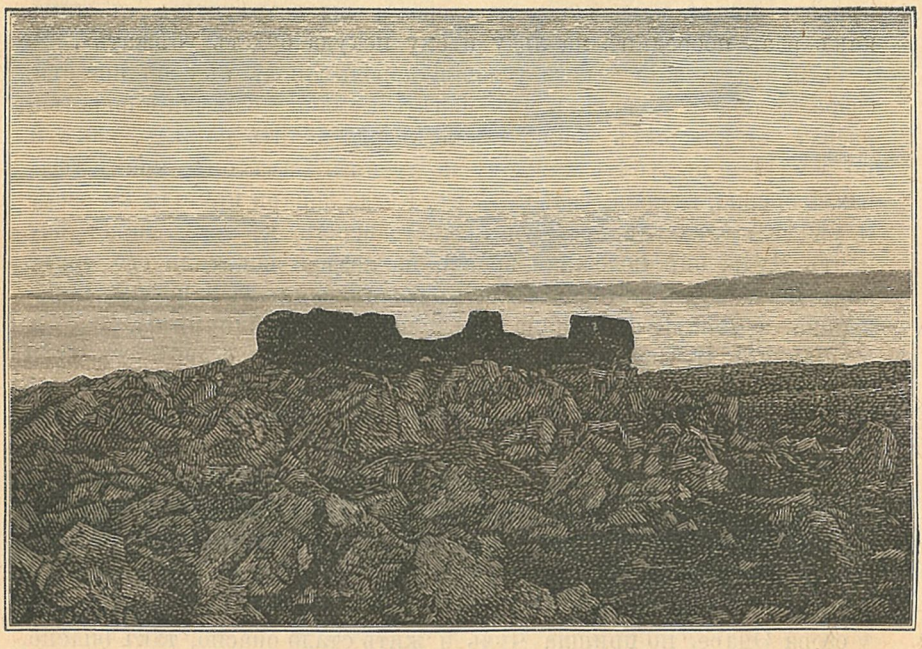
[1]) Д. Н. Островскій. «Лопари и ихъ преданія». Сообщеніе, читанное въ Отдѣленіи Этнографіи, 4-го ноября 1888 года.

[2]) Тамъ же.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

рохъ, трава была кругомъ помята. Чудь тотчасъ открывала лопарей и убивала. Разсказываютъ, что одна лопарка, желая спрясти подвязки для кумачъ (башмаки), привязала основу къ маленькой березѣ и, сидя въ ямѣ, начала плести, но шедшая мимо Чудь тотчасъ замѣтила качаніе березки и открыла убѣжище лопарей»[1]).

Не безъинтересны также преданія лопарей объ ихъ герояхъ, мстившихъ и губившихъ полчища Чуди. Въ этихъ преданіяхъ о подвигахъ лопарскихъ героевъ главную роль играетъ не сила, а свойственная лопарямъ хитрость и находчивость. Выдающимся легендарнымъ героемъ является лопарь Лаурекашъ (Laurekadsj). О



Русская баттарея въ Вардэ.

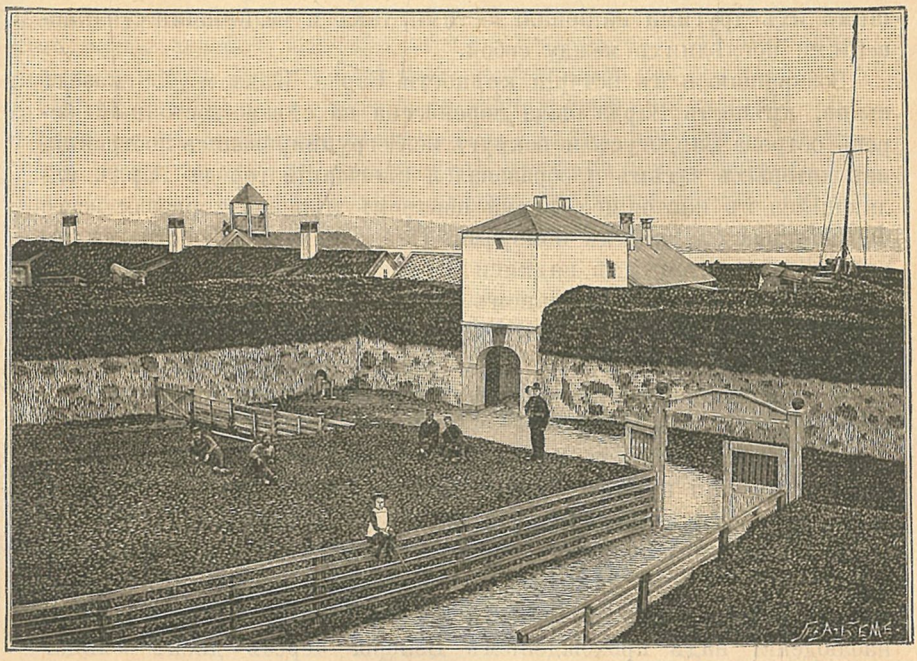
немъ преданіе говоритъ слѣдующее: «Однажды Лаурекашъ (служившій проводникомъ у Чуди) привелъ Чудь на островъ Tsjuôtboets-Suoeloi («Сто сосновый»), при истокѣ Пазрѣки изъ Энарэ, гдѣ росла морошка. Чудь наѣлась и улеглась спать, а одного оставили сторожить лодки. Сторожу также захотѣлось спать; онъ связалъ лодки вмѣстѣ и веревку, или лыко, отъ послѣдней обвязалъ вокругъ пояса и заснулъ. Лаурекашъ подкрался къ нему, перерѣзалъ веревку, вскочилъ въ лодку и уплылъ со всѣми лодками прочь отъ острова. Черезъ недѣлю приходитъ Лаурекашъ на островъ посмотрѣть Чудь.

[1]) Д. Н. Островскій. «Лопари и ихъ преданія».

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Почти всѣ они лежали мертвые и только иные едва поднимали головы.

«Другой разъ, Лаурекашъ также былъ проводникомъ и осторожно провелъ Чудь черезъ всѣ опасные водопады на рѣкѣ Пазѣ. Когда они стали приближаться къ послѣднему «падуны» Gouevnjes, Чудь заслышала шумъ, пришла въ безпокойство, но Лаурекашъ успокоилъ ихъ, говоря, что никакого водопада больше нѣтъ, а шумъ идетъ отъ встрѣчи прѣсной воды съ соленою, такъ какъ они приближаются къ морю, и что теперь отъ него требуется особое искусство направить лодки. Онъ связалъ лодки вмѣстѣ и велѣлъ



Крѣпость Вардэ.

Чуди лежать лицомъ внизъ, не двигаться. Когда струя водопада захватила и понесла лодки, Лаурекашъ успѣлъ выскочить на берегъ, но въ то же время чудскій атаманъ бросилъ въ него копье и ранилъ его въ ногу. Окровавленный приходитъ онъ въ «восточный» русскій погостъ и застаетъ лопарей играющими въ мячъ. Они, видя на немъ кровь, приняли его за разбойника и хотѣли убить, но онъ разсказалъ имъ свой подвигъ, повелъ ихъ къ рѣкѣ и указалъ на массу чудскихъ тѣлъ, плывущихъ по теченію. Рука атамана съ мечемъ была выброшена на мель противъ Эльвенеса, отчего и мель эта до сихъ поръ называется Miennelajse (Svoerdskjoeret).

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Другое лопарское преданіе о подвигахъ Лаурекаша говоритъ слѣдующее: «Лаурекашъ ночью связалъ Чудь въ «райду» (рядъ оленей, запряженныхъ въ нульки) и ѣхалъ самъ впереди съ зажженнымъ берестомъ, указывая дорогу. Въѣхавъ на высокую гору Gevisbahut, около Учьока, онъ бросилъ свой факелъ внизъ и вслѣдъ за факеломъ вся райда сверглась въ пропасть».

Изъ приведенныхъ выше указаній норвежскихъ историковъ и лопарскихъ преданій, нельзя не заключить, что нынѣ мирный и чисто промысловый Финмаркенъ былъ нѣкогда широкой ареной безпрерывныхъ и постоянныхъ кровопролитій, происходившихъ какъ между аборигенами тамошняго сѣвера лопарями и тѣснившими ихъ другими національностями, такъ и взаимными столкновеніями послѣднихъ между собой.

Возвращаюсь къ исторіи крѣпости Вардэ. Какъ я уже сказалъ выше, крѣпость Вардэ была перенесена на сѣверо-восточный берегъ острова Вардэгусъ и вокругъ нея сгруппировались постройки, изъ которыхъ затѣмъ и образовался нынѣшній городъ Вардэ, являющійся въ настоящее время центромъ мѣновой торговли всего Финмаркена съ нашими поморами. На древнихъ крѣпостныхъ воротахъ находятся двѣ надписи о посѣщеніяхъ крѣпости Вардэ датскимъ королемъ Христіаномъ IV въ 1599 году и шведско-норвежскимъ королемъ Оскаромъ II въ 1873 году. Въ описаніи путешествія датскаго короля Христіана IV крѣпость Вардэ называется «Misirissima piscatrum tuguria» (бѣднѣйшее рыбачье жилище).

Въ исторіи крѣпость Вардэ упоминается еще какъ важнѣйшій астрономическій пунктъ, откуда производились наблюденія надъ первымъ прохожденіемъ Венеры черезъ дискъ солнца въ 1769 году. Въ церковныхъ лѣтописяхъ Вардэ существуютъ записи, изъ которыхъ видно, что въ 1769 году, по приглашенію датскаго короля, въ Вардэ пріѣзжалъ австрійскій астрономъ Hell и производилъ наблюденія надъ прохожденіемъ Венеры черезъ дискъ солнца. Обсерваціоннымъ пунктомъ служилъ перешеекъ, соединяющій обѣ части острова Вардэгусъ. По мнѣнію астрономовъ, наблюденія, произведенныя въ Вардэ астрономомъ Hell'емъ, были самыми цѣнными для науки изъ всѣхъ, произведенныхъ въ другихъ пунктахъ.

Составъ полиціи въ Вардэ чрезвычайно ограниченъ и, кажется, весь ея персоналъ состоитъ всего изъ четырехъ человѣкъ высшихъ и низшихъ агентовъ. Полицейскіе чины не имѣютъ форменной одежды, а отличаются отъ остальныхъ обывателей только форменными фуражками. Полицейскіе также не имѣютъ ни холоднаго, ни огнестрѣльнаго оружія; единственное ихъ вооруженіе состоитъ изъ особаго желѣзнаго браслета, который они надѣваютъ на руку буйствующаго, или препровождаемаго арестанта. Не мало заботы доставляютъ чинамъ вардэской полиціи матросы нашихъ поморскихъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

судовъ, падкіе на водку, подъ вліяніемъ которой не прочь и отъ безобразій.

Какъ-то разъ матросы съ нѣсколькихъ поморскихъ судовъ обратились къ одному изъ мѣстныхъ купцовъ съ просьбою истопить, за плату, построенную имъ русскую баню. Купецъ согласился; баня была предоставлена въ распоряженіе поморовъ. Пока баню топили, поморы успѣли перепиться и баню сожгли до тла. Владѣлецъ потребовалъ отъ нихъ уплаты половины стоимости сгорѣвшей постройки; пьяные поморы заупрямились и наотрѣзъ отказались удорлетворить эту справедливую и скромную претензію. Споры ни къ чему не привели и пьяная ватага съ шумомъ и гамомъ повалила прямо къ русскому консулу, требуя отъ послѣдняго якобы защиты противъ неосновательныхъ притязаній норвежскаго купца. Энергичный консулъ заставилъ пьяную толпу возвратиться на суда, а владѣлецъ сгорѣвшей бани впослѣдствіи былъ удовлетворенъ самими же виновниками пожара. Былъ даже случай, когда нашъ консулъ въ Финмаркенѣ, прибывъ по служебнымъ дѣламъ на одно изъ поморскихъ судовъ, былъ оскорбленъ грубой бранью самого судовладѣльца. Оскорбившій консула поморъ понесъ строгую уголовную кару.

Для пріѣзжающихъ въ Вардэ имѣется единственная гостинница съ нѣсколькими довольно удобными и очень чистенькими небольшими номерами. Такъ какъ нашъ консулъ въ Финмаркенѣ большую часть лѣта проводитъ въ Вардэ (постояннымъ мѣстопребываніемъ консула считается городъ Гаммерфестъ) и квартируетъ въ этой гостинницѣ, то владѣлецъ наименовалъ ее: «Hôtel de Russie». Какъ номера, такъ и столъ въ гостинницѣ очень дешевы; послѣдній разнообразенъ и сытенъ. Прислуга, хотя и не такъ выдрессирована, какъ въ столичныхъ отеляхъ, тѣмъ не менѣе усердная и услужливая. Вся прислуга женская. Рано утромъ въ номеръ входитъ горничная (номера почти никогда и никѣмъ не запираются на ключъ) и ставитъ у постели большую чашку кофе со сливками и съ сухарями, намазанными масломъ, а сама забираетъ обувь и платье и черезъ нѣсколько минутъ приноситъ ихъ обратно уже вычищенными. Съ утра въ столовой накрывается большой столъ съ большимъ выборомъ разныхъ соленыхъ закусокъ и холодныхъ кушаній; это завтракъ, который не убирается со стола до полудня. Всякій желающій можетъ, совершенно безконтрольно, ѣсть сколько ему заблагоразсудится и затѣмъ уже платитъ за него всего нѣсколько ёръ. Въ третьемъ часу начинаются обѣды. Ни вино, ни водка въ гостинницѣ не продаются; желающіе выпить могутъ приносить напитки съ собой, или посылать за ними изъ гостинницы въ общественный погребъ—единственное въ Вардэ мѣсто, въ которомъ продаются на выносъ водки и виноградныя вина; впрочемъ, послѣднія можно достать и изъ аптеки. Нѣкоторые посѣти-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

тели приносятъ въ гостинницу вино и водку и оставляютъ ихъ въ столовой, въ особомъ буфетѣ. Насколько мнѣ помнится, пиво дозволяется продавать и въ гостинницѣ. Если собирающаяся компанія желаетъ подольше пображничать, то напитки запасаются заранѣе, такъ какъ общественный винный складъ закрывается довольно рано, а помимо него нигдѣ, ни за какія деньги ничего нельзя достать. Для распивочной продажи въ Вардэ имѣется нѣчто въ родѣ трактира, также общественнаго. Здѣсь вина и водки продаются всевозможныя, но только распивочно; закусокъ нѣтъ никакихъ, нѣтъ также ни столовъ, ни стульевъ, ни скамеекъ. Пьяныхъ въ трактиръ вовсе не впускаютъ. Появившіеся на улицѣ въ безобразно-пьяномъ видѣ, или поднятые въ состояніи полнаго опьяненія, забираются въ полицейское управленіе для вытрезвленія, а затѣмъ съ нихъ взыскивается денежный штрафъ, который, при несостоятельности, или нежеланіи платить, замѣняется назначеніемъ на нѣкоторыя общественныя работы. Столовая комната въ гостинницѣ почти никогда не бываетъ пустой; съ утра въ ней можно застать мѣстныхъ или пріѣзжихъ посѣтителей, кого за ѣдой а кого и за дѣловой бесѣдой. Здѣсь же, въ столовой, нерѣдко совершаются коммерческія сдѣлки. Словомъ «Hôtel de Russie» замѣняетъ для жителей Вардэ клубъ. Кромѣ консула, въ гостинницѣ всегда проживаетъ лѣтомъ еще кто-нибудь изъ русскихъ.

Водныя богатства Ледовитаго океана составляютъ житницу всей Сѣвернсй Норвегіи; она сама ими существуетъ и снабжаетъ другія государства Европы, не исключая и Россіи. Попадая въ Вардэ, сразу чувствуешь себя въ царствѣ трески, палтусины и другой сѣверной рыбы. При береговомъ вѣтрѣ это царство даетъ себя знать еще въ морѣ. Я говорю о зловоніи, стоящемъ надъ Вардэ и распространяемомъ милліонами сушащихся тресковыхъ головъ, гуанными заводами и множествомъ паровыхъ чановъ и простыхъ салогрѣекъ, вытапливающихъ жиръ изъ тресковой печени. Эта вонь, особенная, специфическая, присущая только рыболовнымъ пунктамъ. Вонь мурманскихъ промысловыхъ становищъ — ничто въ сравненіи съ зловоніемъ, по временамъ заражающимъ воздухъ Вардэ. Для непривычнаго человѣка, въ первый разъ пріѣзжающаго въ Вардэ лѣтомъ, тамошній воздухъ положительно нестерпимъ. Въ Вардэ, куда не взглянешь—всюду масса жердей, на которыхъ сушится треска и отдѣленныя отъ туловища тресковыя головы; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ тресковыя головы навалены въ огромныя кучи. Мнѣ не пришлось видѣть, но мнѣ говорили, что, когда лѣтомъ, въ жаркую погоду, эти кучи подолгу остаются неразобранными, то изъ нихъ выползаютъ цѣлыя массы бѣлыхъ червяковъ. Тресковыя головы сушатся, а затѣмъ поступаютъ на гуанные заводы. На заводахъ головы превращаютъ въ мелкій порошокъ и въ такомъ видѣ онѣ поступаютъ въ продажу и употребляются для удобренія полей и подмѣшиваются къ корму скота.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Въ Вардэ находятся также нѣсколько китобойныхъ заводовъ. Описывать ихъ не стану, такъ какъ наши мурманскіе заводы устроены по типу норвежскихъ Точно также самый промыселъ и обработка китовыхъ продуктовъ производятся совершенно одинаковыми способами. Гуанные заводы обширны и хорошо устроены; но посѣтивъ ихъ въ первый разъ, оставаться въ нихъ долго нельзя— до того тамъ удушливо-смрадная атмосфера. Рабочіе же привыкли къ этому зловонію и, какъ ни въ чемъ не бывало, проводятъ въ этой атмосферѣ цѣлые дни.

Еще одинъ источникъ вардэскаго зловонія — это многочисленные салогрѣйные чаны, устроенные въ разныхъ мѣстахъ города. Салогрѣинь два сорта: паровыя и обыкновенныя; послѣднія-то и распространяютъ отчаянную вонь. Добываніе тресковаго жира чрезвычайно не сложно. Паровыя салогрѣйни производятъ лучшіе сорта жира и въ томъ числѣ и медицинскій, извѣстный подъ названіемъ рыбьяго жира. Подъ вліяніемъ пара, жиръ изъ печени добывается очень скоро и затѣмъ сортируется. Остающаяся масса волоконъ и другихъ твердыхъ веществъ также эксплоатируется и идетъ на удобреніе полей. Паровой способъ добыванія жира сравнительно опрятенъ и не такъ зловоненъ, какъ обыкновенный—добывающій жиръ при помощи солнечныхъ лучей. Деревянные чаны съ тресковою печенью встрѣчаются буквально всюду: и на берегу, и во дворахъ, и на улицѣ. Наполненные печенью, чаны стоятъ по нѣсколько недѣль, а иногда и мѣсяцевъ, смотря по погодѣ. Если лѣто жаркое и уловъ трески позволяетъ сразу наполнять доверху многочисленные чаны печенью, то это еще благо; но если лѣто ненастное и треска плохо ловится, то чаны наполняются медленно и вся эта смрадная масса мѣсяцами не перестаетъ заражать воздухъ. Послѣдній способъ добыванія изъ тресковой печени жира практикуется и у насъ на Мурманскомъ берегу, причемъ не рѣдко случается, что пустующіе чаны служатъ «кутузкой» для бушующихъ пьяныхъ поморовъ, куда хозяева становищъ прячутъ ихъ для вытрезвленія. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ становищахъ Мурманскаго берега, еще въ 1883 году, уже дѣйствовали паровыя салогрѣйни. Тресковый жиръ, особенно его высшій сортъ, цѣнится довольно дорого. Цѣна медицинскаго жира иногда достигаетъ до 13—15 кронъ за пудъ; прочіе сорта жира продаются по цѣнѣ отъ 2-хъ до 8-ми кронъ за пудъ. Отбросы этого производства, идущіе на удобреніе полей, продаются около кроны за пудъ и находятъ хорошій сбытъ.

Хотя портовые города Стараго и Новаго Свѣта и не славятся строгостью нравовъ ихъ обитателей, тѣмъ не менѣе Вардэ, въ этомъ отношеніи, составляетъ рѣдкое, завидное исключеніе, и репутація его населенія почти идеально безупречна. О воровствѣ, грабежахъ и убійствахъ съ корыстной цѣлью здѣсь не имѣютъ понятія; пос-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

лѣднія, если и случаются (крайне рѣдко), то только въ запальчивости, свойственной всѣмъ скандинавскимъ народамъ, или въ состояніи афекта, или же по мотивамъ, неимѣющимъ ничего общаго съ корыстными цѣлями. Здѣсь также нѣтъ того безшабашнаго разгула и разврата, какіе можно встрѣтить въ притонахъ любого приморскаго города. Въ Вардэ нѣтъ не только домовъ терпимости, но, положительно, не существуетъ и тайной проституціи. Семейный очагъ для вѣчно трудящагося населенія Вардэ дороже всего. Весь заработокъ отъ труднаго и опаснаго промысла идетъ исключительно на улучшеніе благосостоянія семьи каждаго промышленника, и ни куда больше. Нѣтъ словъ, что и здѣсь можно отыскать бобылей-пропойцъ, но они будутъ крайне рѣдкимъ исключеніемъ изъ общей массы населенія. Чрезвычайно симпатична домашняя обстановка норвежской семьи и на маленькихъ факторіяхъ, гдѣ все дышетъ еще большей патріархальностью.

Все вышеизложенное—возможно краткая характеристика крайняго сѣвернаго городка Вардэ и его жизни. Не имѣя возможности распространяться здѣсь о многихъ частностяхъ и подробностяхъ жизни сѣверныхъ норвежцевъ, скажу только, что наше архангельское поморье много выиграло бы, подражая, если не во всемъ, то, по возможности, во многомъ, своимъ ближайшимъ сосѣдямъ, съ бытомъ и благосостояніемъ которыхъ, отлично знакомъ каждый поморъ. Нѣтъ сомнѣнія, что со временемъ и на Мурманскомъ берегу появятся городки, подобные Вардэ, но вопросъ въ томъ, уживутся ли въ нихъ симпатичная простота и строгость нравовъ съ плодами современной цивилизаціи?

V.

Знакомство съ К. Ховгардомъ и прочими членами датской экспедиціи. — Завтракъ на «Димфнѣ».—Краткая біографія Ховгарда.—Разсказъ Ховгарда о пребываніи во льдахъ Карскаго моря «Димфны» и «Варны». — Послѣдній вечеръ въ Вардэ. — Отплытіе въ Тромзё.

Я былъ очень обрадованъ вѣстью о благополучномъ возвращеніи датской полярной экспедиціи и пребыванію ея въ Вардэ и поспѣшилъ познакомиться съ ея начальникомъ, лейтенантомъ Ховгардомъ. Хозяинъ гостинницы указалъ мнѣ комнату, занятую Ховгардомъ. Я постучалъ въ дверь. Получивъ приглашеніе войти, я увидѣлъ передъ собой высокаго, худощаваго блондина, очень симпатичной наружности; это и былъ самъ Ховгардъ. Онъ былъ одѣтъ въ датскую морскую форму и занимался составленіемъ какихъ-то счетовъ. Ховгардъ встрѣтилъ меня очень привѣтливо и любезно предложилъ свою комнату на время моего пребыванія въ Вардэ. Но, не желая стѣснять хозяина, я отказался отъ этой любезности.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Изъ бесѣды съ Ховгардомъ я узналъ, что «Димфна» прибыла въ Вардэ всего за два дня до прихода нашей «Вельды» и пробудетъ здѣсь еще нѣсколько дней для исправленія винта, сломаннаго льдами, при выходѣ изъ Карскаго моря. Вскорѣ въ номеръ Ховгарда вошелъ одинъ изъ членовъ экспедиціи, молодой офицеръ итальянскаго флота Rensis, съ которымъ Ховгардъ меня сейчасъ же познакомилъ. Во время моего визита, Ховгарду было доставлено нѣсколько телеграммъ съ привѣтствіями по случаю благополучнаго возвращенія «Димфны» изъ полярныхъ льдовъ. Подобныя телеграммы Ховгардъ не переставалъ получать изъ всѣхъ концовъ Европы, отъ разныхъ ученыхъ учрежденій и отдѣльныхъ личностей, привѣтствовавшихъ энергичнаго молодого изслѣдователя.

Приближался адмиральскій часъ, и мы втроемъ отправились въ столовую, куда почти вслѣдъ за нами вошелъ еще одинъ участникъ экспедиціи, лейтенантъ датскаго флота Ульсенъ, бывшій старшимъ офицеромъ на «Димфнѣ». За столомъ уже было много публики и общее вниманіе было обращено на героя дня Ховгарда и его достойныхъ сотрудниковъ. Вскорѣ въ гостинницу пришелъ и г. Гебель, все время хлопотавшій по своимъ дѣламъ, и присоединился къ нашему обществу. Завтракъ и пріятная бесѣда тянулись долго и Ховгардъ былъ душой общества. Послѣ завтрака, мы разошлись, условившись вечеромъ снова встрѣтиться въ гостинницѣ. Я съ г. Гебелемъ возвратился на «Вельду», а датчане отправились по своимъ дѣламъ. Съ «Вельды» уже выгружали бочки съ китовымъ жиромъ. Оказалось, что, по различнымъ обстоятельствамъ, «Вельда» не могла идти въ Гамбургъ, а оставивъ грузъ въ Вардэ, должна была слѣдовать въ Христіанію и остаться тамъ на зиму. Самому же г. Гебелю было необходимо торопиться также въ Христіанію, куда его вызывали по дѣлу о заказѣ товариществомъ новаго китобойнаго парохода на судостроительной верфи Nyland'a. Поэтому программа нашего дальнѣйшаго плаванія опредѣлилась слѣдующимъ образомъ: «Вельда» должна была идти въ Тромзё, оттуда въ Дронгеймъ, гдѣ г. Гебель намѣревался высадиться и уже по желѣзной дорогѣ ѣхать въ Христіанію [1]). Изъ Дронтгейма «Вельда» должна идти въ Христіанію, посѣщая попутные портовые города, для высадки рабочихъ и пополненія запасовъ угля и провизіи. Выгрузку и окончаніе другихъ разсчетовъ въ Вардэ предполагалось произвести въ теченіе двухъ сутокъ. На пароходѣ мы застали норвежскаго капитана Циммермана, судно котораго погибло близь Вардэ. Циммерманъ, не имѣя средствъ возвратиться въ Христіанію, просилъ г. Гебеля разрѣшить ему отправиться на

[1]) Ураганъ, настигшій «Вельду» на переходѣ изъ Тромзё въ Дронтгеймъ, вынудилъ насъ нѣсколько измѣнить этотъ маршрутъ, и мы, вмѣсто Дронтгейма, зашли въ небольшой портовый городокъ Намзосъ, а оттуда въ Бергенъ.

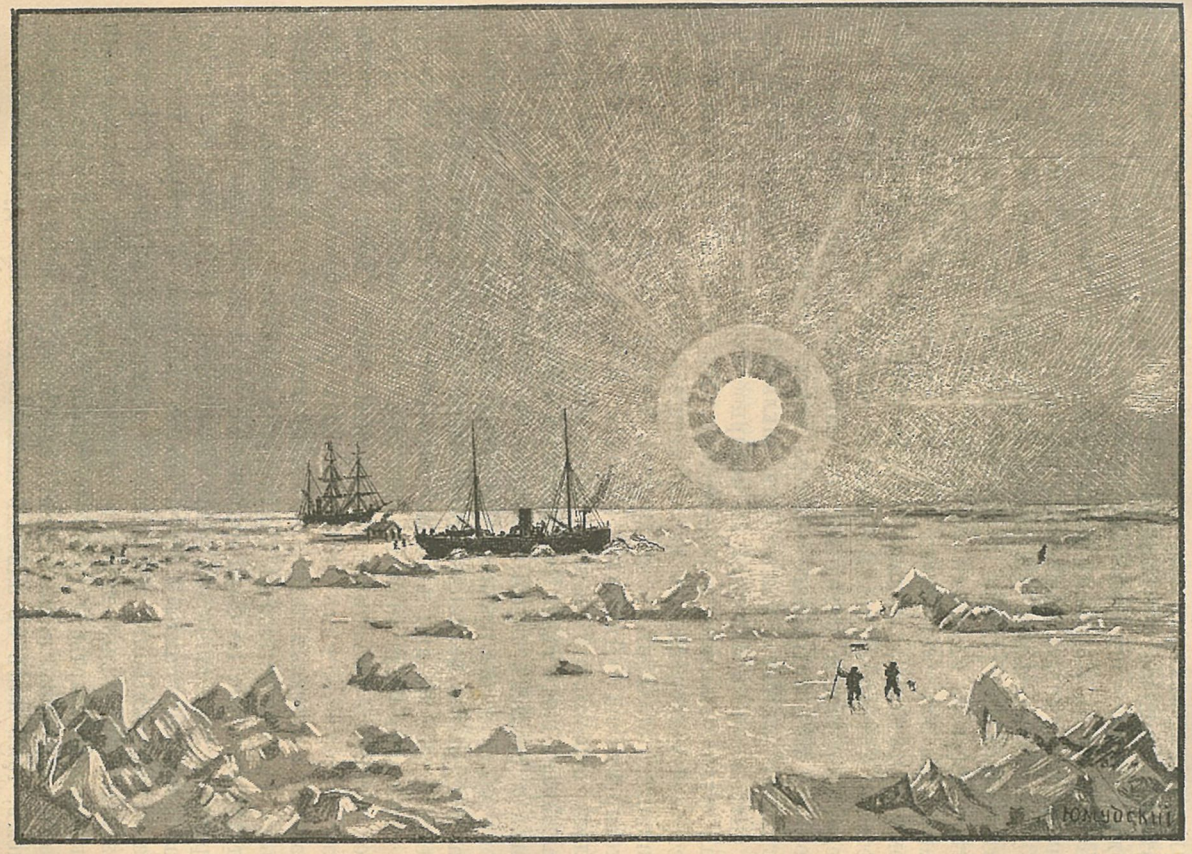
НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

«Вельдѣ». Просьба его была удовлетворена, но г. Гебель предупредилъ его, что за тѣснотой нашей каюты, онъ можетъ помѣститься только съ командой; бѣднякъ, понятно, былъ радъ и этому. Тутъ же явился на «Вельду» и лоцманъ Андерсенъ, выписанный изъ Бергена, для проводки «Вельды» по шхерамъ. Атлетическаго сложенія, съ громовымъ голосомъ, Андерсенъ представлялъ собою настоящій типъ морского волка.

Вечеромъ мы снова были въ номерѣ Ховгарда, гдѣ уже собрались всѣ члены экспедиціи; кромѣ уже мною названныхъ, здѣсь были докторъ и натуралистъ. Вечеръ прошелъ въ оживленной бесѣдѣ, причемъ мы доставили, вѣроятно, не малый доходъ и городскому акцизу. На этотъ разъ говорили о Россіи и русскихъ больше, нежели о льдахъ Карскаго моря. Ховгардъ также говорилъ о своихъ прежнихъ плаваніяхъ и, между прочимъ, о своемъ участіи въ извѣстной экспедиціи профессора Норденшильда на пароходѣ «Вега». Особенно интересовался Россіей молодой итальянскій офицеръ Rensis; я едва успѣвалъ отвѣчать на массу предлагаемыхъ имъ вопросовъ о разныхъ сторонахъ русскаго быта. Вечеринка затянулась на долго и было уже далеко за полночь, когда мы оставили комнату Ховгарда. Ночевать остались въ гостинницѣ, такъ какъ, къ нашему удовольствію, освободился одинъ изъ номеровъ. Утромъ слѣдующаго дня мы съ Ховгардомъ гуляли по городу, а къ полудню, были уже на «Димфнѣ», куда еще наканунѣ Ховгардъ пригласилъ на завтракъ г. Гебеля и меня.

Передъ завтракомъ я осмотрѣлъ «Димфну» во всѣхъ подробностяхъ. «Димфна» ничѣмъ особеннымъ не отличалась отъ другихъ промысловыхъ пароходовъ, типъ которыхъ я описалъ выше. Трюмы парохода, вмѣсто цистернъ, были наполнены провизіей, которой, при отправленіи экспедиціи изъ Копенгагена, было запасено столько, что, по разсчету, должно было хватить на продовольствіе экипажа въ теченіе двадцати шести мѣсяцевъ. Команда «Димфны» состояла изъ шестнадцати человѣкъ матросовъ, частью военно-служащихъ, частью вольнонаемныхъ. На пароходѣ отведено особое отдѣленіе для собакъ, которыхъ экспедиція взяла съ собой изъ Копенгагена. Во время пребыванія экспедиціи во льдахъ Карскаго моря, число собакъ значительно увеличилось новымъ приплодомъ. Для продовольствія собакъ на «Димфнѣ» было запасено также значительное количество особыхъ хлѣбовъ, или большихъ галетъ, спеціально приготовленныхъ для этой цѣли. Ховгардъ предложилъ мнѣ обмѣнять любого изъ датскихъ договъ на мою самоѣдскую собаку «Бѣлку». Но и мои собаки были для меня значительной помѣхой въ плаваніи, поэтому я, отказавшись отъ обмѣна, подарилъ «Бѣлку» Ховгарду. Въ своихъ письмахъ ко мнѣ Ховгардъ и до сихъ поръ, между прочимъ, извѣщаетъ о здоровьѣ «Бѣлки».

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ



Голландская и датская полярныя экспедиціи во льдахъ Карскаго моря.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Помѣщеніе членовъ экспедиціи и каютъ-кампанія передѣланы изъ трюма и представляютъ собою цѣлую выставку всевозможныхъ астрономическихъ, физическихъ и другихъ приборовъ. Каютъ-кампанія «Димфны» довольно просторна и, вмѣстѣ съ тѣмъ, уютна и свѣтла. Отопленіе устроено также вполнѣ удовлетворительно, благодаря чему, члены экспедиціи не испытывали холода въ жестокіе морозы въ Карскомъ морѣ. Стѣны каютъ-кампаніи, кромѣ различныхъ научныхъ приборовъ, увѣшаны также разнымъ оружіемъ и теплымъ платьемъ. Въ помѣщеніи команды также просторно и свѣтло; эти два условія необходимо должны быть соблюдаемы на всѣхъ судахъ, идущихъ въ продолжительное полярное плаваніе, какъ одна изъ серьезныхъ гарантій противъ заболѣванія скорбутомъ и другими болѣзнями, свирѣпствующими въ полярныхъ широтахъ. Аптека «Димфны» обильно снабжена всѣми необходимыми медикаментами и находится въ завѣдываніи опытнаго доктора. Вообще, изъ подробнаго осмотра всѣхъ помѣщеній «Димфны» и всѣхъ ея запасовъ, можно было заключить, что приспособленіемъ и снаряженіемъ парохода въ полярное плаваніе руководила опытная рука бывалаго мореплавателя. Въ особомъ отдѣленіи была устроена мастерская съ массою всевозможныхъ слесарныхъ, плотничьихъ, столярныхъ и другихъ инструментовъ. Плотникомъ и столяромъ на «Димфнѣ» состоялъ матросъ датскаго военнаго флота, поражавшій своимъ гигантскимъ ростомъ и колосальными размѣрами всего тѣла. Весь экипажъ «Димфны» состоялъ изъ крѣпкихъ и рослыхъ людей; плотникъ же больше чѣмъ на цѣлую голову былъ выше прочихъ. Во время моего посѣщенія «Димфны», на ней работы по исправленію винта приходили къ концу и вечеромъ того же дня долженъ былъ состояться спускъ ее на воду.

Завтракъ былъ приготовленъ исключительно изъ провизіи, какой питалась экспедиція въ Карскомъ морѣ. Хотя онъ состоялъ изъ консервовъ, тѣмъ не менѣе былъ разнообразенъ и вкусенъ. Запасы напитковъ также не были истощены до конца и столъ былъ обильно уставленъ различными водками и винами. Въ тостахъ, конечно, не было недостатка; пили за благополучное возвращеніе экспедиціи, за наше знакомство, за Россію, за Данію, за присутствующихъ и проч. Послѣ завтрака Ховгардъ показывалъ намъ альбомы различныхъ полярныхъ видовъ, набросковъ разныхъ эпизодовъ зимовки экспедиціи, а также составленныя экспедиціей карты и другія научныя работы. Очень хорошъ альбомъ набросковъ карандашемъ, сдѣланныхъ лейтенантомъ Ульсеномъ; такъ какъ въ альбомѣ нашлось нѣсколько дубликатовъ, то Ховгардъ, съ согласія владѣльца альбома, любезно предположилъ ихъ мнѣ на память о «Димфнѣ». Отчеты метеорологическихъ, магнитныхъ и другихъ научныхъ наблюденій, произведенныхъ членами экспедиціи во время двѣнадцати мѣсячнаго пребыванія въ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

полярныхъ льдахъ, также составляли объемистые томы различныхъ таблицъ, испещренныхъ массою цифръ. Натуралистъ экспедиціи возратился тоже съ немалымъ запасомъ разнообразныхъ экземпляровъ полярной флоры и фауны. Словомъ, видно было, что если экспедиціи и не удалось достигнуть прямой цѣли своего плаванія, то, все-таки, труды ея членовъ сдѣлали цѣнный вкладъ въ сокровищницу науки естествознанія и отчасти гидрографіи арктическихъ морей.

Я обратился къ Ховгарду съ просьбой сообщить мнѣ, послѣдовательно, всѣ подробности плаванія и совмѣстнаго пребыванія въ карскихъ льдахъ обѣихъ экспедицій на пароходахъ «Димфна» и «Варна». Ховгардъ охотно согласился исполнить мою просьбу и пригласилъ меня въ 5 часовъ къ себѣ, въ гостинницу, обѣщая, при помощи своего дневника, изложить мнѣ всѣ перепетіи обѣихъ экспедицій, случайно почти бортъ о бортъ зазимовавшихъ въ полярныхъ льдахъ. Поблагодаривъ Ховгарда и его спутниковъ, мы разстались. Выгрузка «Вельды» приходила къ концу и на слѣдующій день было назначено отплытіе изъ Вардэ въ Тромзё. За время нашего пребыванія на «Димфнѣ» погода успѣла окончательно испортиться. Утро было совершенно ясное, а теперь шелъ сильный дождь и сѣверо-восточный вѣтеръ крѣпчалъ все больше и больше. Когда я сходилъ съ «Димфны», на ней начались приготовленія къ спуску на воду. Имѣя около двухъ часовъ свободнаго времени, я ими воспользовался, чтобы посѣтить моихъ прежнихъ вардэскихъ знакомыхъ и въ условленное время быть у Ховгарда. Свои визиты я успѣлъ окончить очень скоро и, сдѣлавъ еще кое-какія покупки, возвратился на «Вельду». У борта «Вельды» стояла ёла, въ которую выгружались послѣднія бочки китоваго жира и тутъ же находилась и другая ёла, доставившая на «Вельду» уголь. Гебеля я не засталъ на пароходѣ, а капитанъ сообщилъ мнѣ, что онъ встрѣтится со мной въ гостинницѣ, и что «Вельда» выйдетъ въ море на слѣдующій день, рано утромъ. Было уже около пяти часовъ, и я торопился снова возвратиться на берегъ, чтобы не опоздать къ Ховгарду. Съ шлюпки я видѣлъ, какъ приступили къ спуску «Димфны», но она все еще продолжала оставаться на стапелѣ. Дождь не переставалъ и вѣтеръ продолжалъ свѣжѣть.

Ховгардъ и его спутники были заняты спускомъ «Димфны», а я, въ ожиданіи ихъ, отправился обѣдать въ столовую гостинницы. Столовая была переполнена посѣтителями. Здѣсь я встрѣтилъ своего стараго знакомаго, капитана К—ъ, только-что возвратившагося изъ Дронтгейма, гдѣ онъ оставилъ, приведенный имъ изъ шпицбергенскихъ водъ, пароходъ, въ пріобрѣтеніи котораго онъ самъ имѣетъ извѣстную долю участія [1]). Капитанъ К—ъ довольно

[1]) Въ Норвегіи, Швеціи и Даніи пріобрѣтеніе промысловаго парохода или паруснаго судна товариществомъ мелкихъ пайщиковъ не составляетъ исключи-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

хорошо владѣетъ русскимъ языкомъ и на немъ мы съ нимъ объяснялись. Во время обѣда, съ противоположнаго конца стола, какой-то сѣдой норвежецъ обратился къ К. съ вопросомъ:

— Вашъ собесѣдникъ русскій? и не изъ Архангельска ли?

— Да, русскій, и изъ Архангельска,—отвѣтилъ К. сѣдому незнакомцу.

Тогда незнакомецъ, отрекомендовавшись, началъ справляться у меня о шведско-норвежскомъ консулѣ въ Архангельскѣ, Бодомѣ. Этого уважаемаго консула, весьма популярнаго не только во всей Норвегіи, но и пользовавшагося симпатіями архангельскаго общества, я зналъ лично и объ этомъ знакомствѣ до сихъ поръ вспоминаю съ особеннымъ удовольствіемъ.

— Такъ вы Бодома знаете?—обратился уже ко мнѣ почтенный норвежецъ.

— Да, знаю,—отвѣчалъ я,—и считаю его однимъ изъ самыхъ уважаемыхъ людей въ Архангельскѣ.

Этотъ мой искренній отзывъ о дѣйствительно достойномъ человѣкѣ [1]) привелъ въ восторгъ старика и онъ съ паѳосомъ воскликнулъ:

— Да, Бодомъ истинный сынъ Норвегіи, онъ товарищъ по морской службѣ нашего короля и мой, но только судьба меня бросила на иной путь—торговый, о которомъ я, впрочемъ, не жалѣю.

Нашъ новый собесѣдникъ еще долго повѣствовалъ о товарищѣ дѣтства, консулѣ Бодомѣ.

Уже въ восьмомъ часу вечера, Ховгардъ и его помощники, окончивъ спускъ «Димфны» со стапеля, возвратились въ гостинницу. Проголодавшіеся датчане потребовали обѣдъ, что не мало затруднило кухарку, израсходовавшую всю суточную провизію. Нечего было дѣлать, имъ пришлось ожидать, пока не изготовятъ заказанныя блюда. Ховгардъ извинился, что не исполнилъ своего обѣщанія быть въ пять часовъ дома, да кстати въ это время пришелъ въ гостинницу и Гебель и объявилъ, что «Вельда» остается еще на сутки въ Вардэ. Искренно или нѣтъ, но видимо, датчане порадовались возможности провести съ нами еще сутки. Наскоро состряпанный обѣдъ былъ съѣденъ съ завиднымъ аппетитомъ.

тельнаго явленія. Иногда паи товарищества, содержащаго небольшую промысловую яхту, стоятъ не болѣе 5-ти или 10-ти рублей. Подобныя мелкія товарищества чаще всего встрѣчаются въ портахъ Сѣверной Норвегіи, гдѣ почти все населеніе участвуетъ паями въ томъ или другомъ промысловомъ предпріятіи, почти всегда дающемъ хорошіе барыши.

[1]) Генеральный шведско-норвежскій консулъ въ Архангельскѣ, Х. И. Бодомъ, много лѣтъ провелъ въ этомъ званіи и за время своего пребыванія въ Архангельскѣ пріобрѣлъ общія симпатіи населенія. Недолюбливала его лишь высшая администрація, за настойчивость, съ которою онъ охранялъ интересы и справедливыя требованія норвежскихъ подданныхъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

«Вельду» задерживало въ Вардэ неполученіе отвѣта изъ Петербурга на посланную г. Гебелемъ телеграмму въ правленіе товарищества.

На этотъ разъ мы въ гостинницѣ долго не засиживались и къ одиннадцати часамъ вечера уже были на «Вельдѣ». Пріѣхали мы измокшіе подъ проливнымъ дождемъ, смѣнявшимся по временамъ мокрымъ снѣгомъ. Нашъ придурковатый «кокъ», или «стюартъ» [1]), живо приготовилъ намъ чай, и мы обсушились и согрѣлись. На палубѣ команда еще возилась съ погрузкой угля и выгрузкой бочекъ. Въ кубрикѣ слышалась какая-то заунывная скандинавская пѣсня, которую нескладно тянули подгулявшіе рабочіе, поспѣшившіе возвратиться съ берега, въ ожиданіи отплытія «Вельды». Къ полуночи на пароходѣ все затихло, команда улеглась спать и только надъ нашими головами раздавались мѣрные шаги вахтеннаго матроса. На слѣдующее утро, въ шесть часовъ, въ каютѣ, по обыкновенію, появился «стюартъ» съ кофе. Хотя никакихъ дѣлъ и не было, тѣмъ не менѣе, волей-неволей, пришлось вставать, такъ какъ упрямый «стюартъ» въ точности и съ упорствомъ исполнялъ, данный ему, разъ навсегда, приказъ—будить въ шесть часовъ утра. За ночь погода нисколько не улучшилась, дождь не переставалъ и сдѣлалось еще холоднѣе. Написавъ на пароходѣ нѣсколько писемъ, я съѣхалъ на берегъ и, побывавъ еще кое у кого изъ вардэскихъ знакомыхъ, направился въ гостинницу. Въ столовой капитаны двухъ норвежскихъ китобойныхъ пароходовъ, отправлявшихся въ этотъ день на зимовку въ Южную Норвегію, справляли «отвальную»; шелъ пиръ горой; густые клубы трубочнаго и сигарнаго дыма наполняли небольшую комнату и дѣлали непріятнымъ продолжительное пребываніе въ ней. Наскоро позавтракавъ, я отправился къ Ховгарду. Его не было дома, но вѣстовой матросъ сообщилъ мнѣ, что онъ скоро возвратится и просилъ меня подождать. Минутъ черезъ двадцать, дѣйствительно, Ховгардъ былъ уже въ своемъ номерѣ и встрѣтилъ меня съ обычной привѣтливостью. Исправленіе сломаннаго винта «Димфны» было совершенно окончено и она была спущена съ стапеля, оставалось только принять грузъ угля. Прежде чѣмъ возвратиться въ Копенгагенъ, Ховгардъ предполагалъ посѣтить нѣкоторые порты Норвегіи и Швеціи и въ Готенборгѣ, принявшемъ участіе въ снаряженіи экспедиціи, сдѣлать сообщеніе о плаваніи «Димфы». Ховгардъ разсчитывалъ оставить Вардэ дня черезъ два или три. Былъ поданъ пуншъ и Ховгардъ началъ свой въ высшей степени интересный разсказъ.

Прежде чѣмъ передать здѣсь разсказъ Ховгарда, я сообщу нѣкоторыя біографическія данныя о самомъ разсказчикѣ, заслужившемъ,

[1]) «Стюартами» называютъ пароходныхъ поваровъ, прислуживающихъ также и въ каютахъ грузовыхъ пароходовъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

не смотря на свою молодость, репутацію опытнаго полярнаго мореплавателя, имѣющаго серьезную научную подготовку.

А. Ховгардъ родился въ 1853 году и первоначальное образованіе получилъ въ Копенгагенскомъ морскомъ училищѣ, а затѣмъ продолжалъ изученіе морскихъ наукъ въ датской морской академіи, которую окончилъ съ званіемъ подлейтенанта. Получивъ высшее морское образованіе, А. Ховгардъ совершилъ нѣсколько плаваній на судахъ датскаго военнаго флота въ европейскихъ моряхъ и Индійскомъ океанѣ. При прохожденіи высшихъ курсовъ морской академіи, А. Ховгардъ съ особымъ усердіемъ занялся изученіемъ географіи и физическихъ наукъ. Двадцати трехъ лѣтъ отъ роду, онъ поступилъ слушателемъ академіи главнаго штаба датской арміи. Военную академію А. Ховгардъ окончилъ также съ успѣхомъ и былъ награжденъ чиномъ лейтенанта флота. Вскорѣ, послѣ окончанія академіи, имя Ховгарда встрѣчается въ спискѣ славныхъ участниковъ знаменитой экспедиціи профессора Норденшильда, на пароходѣ «Вега», въ которой онъ принималъ участіе въ качествѣ завѣдывающаго физическими и астрономическими наблюденіями. Ховгардъ благополучно совершилъ на «Вегѣ» плаваніе вокругъ береговъ Азіи и Европы и, по окончаніи экспедиціи, возвратился въ Копенгагенъ. Вскорѣ послѣ возвращенія въ Данію, были получены извѣстія о гибели парохода «Жаннета», на которомъ находилась американская полярная экспедиція. Для спасенія экипажа «Жаннеты», лейтенантъ Ховгардъ предложилъ снарядить экспедицію, которая должна была отправиться изъ одного изъ европейскихъ портовъ и, войдя въ Карское море, слѣдовать вдоль береговъ Сибири. Ховарду удалось запастись въ Даніи нѣкоторою суммою денегъ, необходимыхъ для снаряженія, предположенной имъ экспедиціи, и онъ отправился въ Америку. Но за два дня до пріѣзда его въ Нью-Іоркъ, тамъ было получено извѣстіе съ «Жаннеты», разстроившее всѣ планы Ховгарда. По возвращеніи въ Копенгагенъ, лейтенантъ Ховгардъ опубликовалъ брошюру, въ которой изложилъ свои предположенія о существованіи, неизвѣстныхъ доселѣ, материковъ противъ сѣвернаго побережья Сибири. Доводы Ховгарда, подкрѣпленные научными данными, добытыми имъ во время экспедиціи Норденшильда, обезпечили успѣхъ брошюры и вскорѣ послѣ ея появленія, датское правительство и нѣкоторыя частныя лица согласились осуществить идею Ховгарда и подъ его начальствомъ была снаряжена полярная экспедиція на пароходѣ «Димфна». Благополучно окончивъ и эту экспедицію, Ховгардъ снова возвратился въ ряды датскаго флота. Онъ и по настоящее время постоянно плаваетъ на военныхъ судахъ и два года тому назадъ посѣтилъ Кронштадтъ, на учебномъ корветѣ, вмѣстѣ съ гардемаринами копенгагенскаго морского училища.

Теперь я изложу подробности пребыванія датской и голланд-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ской экспедиціи во льдахъ Карскаго моря. Разсказъ Ховгарда я дополню свѣдѣніями, полученными мною также и отъ членовъ голландской полярной экспедиціи, во время моего пребыванія въ Амстердамѣ, который я посѣтилъ въ томъ же, 1883 году.

Какъ я уже говорилъ выше, датская экспедиція отправилась на собственномъ пароходѣ «Димфна», а голландская на наемномъ норвежскомъ пароходѣ «Варна», подъ командой норвежскаго же капитана Кнюдсена. Составъ датской экспедиціи извѣстенъ; голландская же—состояла изъ начальника экспедиціи, члена утрехтскаго метеорологическаго института, доктора Снеллена, его помощника, лейтенанта Лами, натуралиста Руи, доктора Крамера и завѣдывающаго физическими обсерваціями Экама. «Димфна», руководимая Ховардомъ, вышла изъ Копенгагена и, побывавъ въ нѣкоторыхъ портахъ Норвегіи, посѣтила Новую Землю и затѣмъ, черезъ Югорскій Шаръ проникла въ Карское море. Читателямъ также уже извѣстны подробности пребыванія «Димфны» въ Югорскомъ Шарѣ, въ становищѣ Хабарово и о высадкѣ тамъ промышленника Бабикова, взятаго экспедиціей съ Новой Земли. Голландская экспедиція на пароходѣ «Варна» была снаряжена для производства метеорологическихъ, магнитныхъ и другихъ наблюденій, по программѣ, выработанной на международномъ метеорологическомъ конгресѣ. Экспедиція должна была устроить станцію въ портѣ Диксонъ. Согласно постановленію международнаго конгреса, подобныя экспедиціи, въ томъ же году, были снаряжены разными государствами, причемъ русская экспедиція была отправлена на Новую Землю. «Варна», принявъ въ Дронтгеймѣ деревянные срубы, предназначавшіеся для постройки въ портѣ Диксонъ жилого помѣщенія и обсерваціонныхъ павильоновъ, побывала еще въ Гаммерфестѣ и оттуда, вмѣстѣ съ пароходомъ барона Кнопа «Луиза», шедшимъ къ берегамъ Сибири, отправилась къ проходамъ въ Карское море. Датской экспедиціи удалось проникнуть въ Карское море восьмого сентября; но здѣсь она встрѣтила непроходимые льды, вмѣстѣ съ которыми «Димфну» носило вѣтромъ взадъ и впередъ. «Варна» вмѣстѣ съ «Луизой» дѣлали попытки проникнуть въ Карское море черезъ всѣ три существующіе прохода: Маточкинъ Шаръ, Карскія Ворота и Югорскій Шаръ. Третьяго августа «Варна» была у западнаго входа въ Маточкинъ Шаръ, но войти въ него не рискнула, такъ какъ плывшія по проливу мелкія льдинки служили признакомъ значительнаго скопленія льдовъ на восточной сторонѣ пролива. Чтобы увѣриться въ этомъ предположеніи, начальникъ экспедиціи лично отправился ознакомиться съ состояніемъ льдовъ. Въ результатѣ поѣздки доктора Снеллена было то, что «Варна» и «Луиза» оставили попытку проникнуть въ Карское море черезъ Маточкинъ Шаръ и оба парохода спустились къ югу и только тридцатаго августа вошли въ Карское Море черезъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Югорскій Шаръ. Между тѣмъ «Димфна» не подвинулась впередъ, а окруженная ледяными массами, плавала вмѣстѣ съ ними. Встрѣча «Варны» съ «Димфной» произошла въ Карскомъ морѣ 18-го сентября и въ этотъ же день «Луиза», потерявъ надежду пройти въ устья Енисея, возвратилась обратно. Пароходы обѣихъ экспедицій находились на разстояніи нѣсколькихъ саженей другъ отъ друга. Въ такомъ положеніи пароходы были затерты льдами [1]).

Наступилъ октябрь, начались морозы и для начальниковъ экспедицій стало ясно, что нечего было и думать о продолженіи плаванія, а было необходимо принять мѣры предосторожности, въ виду всякихъ случайностей. Пароходы стояли подъ 70° сѣверной широты и 60° 36′ восточной долготы. Во второй половинѣ октября, льды, окружавшіе пароходы, начали двигаться, увлекая и ихъ вмѣстѣ съ собой. Впрочемъ, движеніе льдовъ было незначительное. Самое опасное время для обѣихъ экспедицій началось съ конца октября, когда начали надвигаться новыя ледянныя массы, нагромождавшіяся вокругъ пароходовъ. Положеніе экспедицій было критическое; съ минуты на минуту можно было ожидать, что льды раздавятъ пароходы. Чтобы не быть застигнутыми врасплохъ, часть провизіи была перенесена на льдину. Ночь со 2-го на 3-е ноября была роковая для обоихъ пароходовъ. Льды со всѣхъ сторонъ напирали на пароходы и ихъ экипажи вынуждены были искать спасенія на льду и перешли на Санъ-Сальвадоръ, куда раньше была выгружена провизія. Утромъ, когда напоръ льдовъ прекратился, экспедиціи съ тревогой отправились осматривать состояніе пароходовъ. «Димфна» оказалась цѣлою, за то «Варна» сильно пострадала и дала течь. Состояніе ея было таково, что экипажу немыслимо было на ней оставаться. Въ трюмахъ воды было почти на четыре фута и большая часть провизіи оказалось подмоченной. Съ «Варны» снесли все, что только было возможно и голландская экспедиція расположилась на льду. Въ теченіе всей зимы обѣ экспедиціи продолжали производить различныя наблюденія. Началась длинная полярная ночь. Все, что находилось въ распоряженіи начальниковъ обѣихъ экспедицій, было употреблено для доставленія возможныхъ развлеченій матросамъ и самимъ членамъ экспедицій. Устроивались прогулки по безконечнымъ, окружавшимъ пароходы ледяннымъ полямъ, охоты, спектакли и другія импровизированныя празднества. Особенно торжественно встрѣтили экспедиціи 1-е января 1883 года, съ которымъ были связаны ихъ надежды на возвращеніе. Никогда прежде тѣ широты не видывали такой блестящей иллюминаціи и фейерверка и такого многолюднаго и шумнаго карнавала, какіе датчане и голландцы устроили на льду, на далекомъ сѣверѣ, въ канунъ новаго года. Зима была

[1]) Самую большую льдину назвали «Санъ-Сальвадоръ».

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

очень холодная и случалось, что въ термометрахъ ртуть замерзала. Скрывшееся солнце показалось надъ горизонтомъ только 19-го января. Въ теченіе зимы экспедиціямъ нѣсколько разъ пришлось выдерживать жестокія снѣжныя бури. Больныхъ въ обѣихъ экспедиціяхъ почти не было; смертный случай былъ только одинъ— умеръ отъ чахотки голландскій матросъ, страдавшій ею еще до отправленія экспедиціи. Къ концу апрѣля температура начала возвышаться, а въ маѣ стало замѣтно таянье снѣга и льды снова начали приходить въ движеніе, причиняя не мало тревогъ экспедиціямъ. «Димфна» все время благополучно выдерживала напоры, «Варна» же получила еще большія поврежденія и въ концѣ іюля погрузилась подъ ледъ. Экспедиціи пришлось пережить въ высшей степени тягостныя минуты при видѣ этихъ похоронъ въ невѣдомыя воды, корабля, съ которымъ, какъ и всякій морякъ, сроднились и они.

Потерявъ судно, голландцамъ не оставалось ничего болѣе, какъ попытаться достигнуть берега по льду. И вотъ, экспедиція съ нагруженными санями и лодками, 1-го августа распростилась съ датчанами, остававшимися еще въ Карскомъ морѣ, и тронулась въ путь. Двадцать пять дней экспедиціи пришлось совершать чрезвычайно трудный путь по льду. Лодки и сани они тащили на себѣ, что еще больше задерживало ихъ путешествіе и только 25-го августа они достигли Вайгача, близъ котораго были приняты пароходами Сибирякова, доставившими ихъ въ Норвегію. «Димфна» же продолжала оставаться во льдахъ въ теченіе всего августа и только въ сентябрѣ ей удалось освободиться отъ льдовъ и выбраться въ Ледовитый океанъ. Здѣсь я привелъ разсказъ Ховгарда въ самомъ сжатомъ видѣ.

Поблагодаривъ почтеннаго разсказчика, я отправился отыскивать Гебеля, чтобы узнать о времени отплытія «Вельды». Ожидаемая телеграмма изъ Петербурга была получена и отходъ «Вельды» былъ назначенъ рано утромъ на слѣдующій день.

Вечеръ мы провели съ датчанами и уже поздно, послѣдній разъ простившись съ Ховгардомъ и его спутниками, возвратились на «Вельду». Съ четырехъ часовъ утра начали разводить пары, а въ восьмомъ часу «Вельда» снялась съ якоря.

На «Димфнѣ» былъ поднятъ международный сигналъ, означавшій пожеланіе благополучнаго плаванія; на это послѣднее привѣтствіе датчанъ мы отвѣчали троекратнымъ спускомъ кормового фрага.

Вскорѣ Вардэ и его рейдъ съ «Димфной» скрылись изъ виду, а сбоку и впереди выднѣлись угрюмыя скалы Финмаркена.

М. Робушъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ЖИЗНЬ И ЛЮДИ БЫЛОГО ВРЕМЕНИ[1]).

(Воспоминанія, наброски, переписка).

Посвящается Аннѣ Валеріановнѣ Назарьевой.

IV.

Профессора Казанскаго университета моего времени и попечитель Мусинъ-Пушкинъ.

УНИВЕРСИТЕТСКІЕ нравы и порядки моего времени, въ сущности, недалеко ушли отъ порядковъ, съ которыми познакомилъ насъ профессоръ Казанскаго университета Буличъ въ своей книгѣ «Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго университета». Въ стѣнахъ университета все еще жили воспоминанія о Магницкомъ, а большинство профессоровъ, въ особенности юридическаго факультета, состояло изъ нѣмцевъ, водворенныхъ первыми попечителями округа, Румовскимъ и Салтыковымъ. Но мнѣніе Салтыкова, высказанное имъ въ письмѣ къ графу Разумовскому, что «нѣмецкіе профессора превосходятъ нашихъ, какъ познаніями, такъ и нравственностью», не имѣло уже смысла, такъ какъ въ мое время выдающихся профессоровъ изъ нѣмцовъ не было, между тѣмъ какъ университетъ съ полнымъ основаніемъ имѣлъ право гордиться именами Лобачевскаго, Симонова, Зинина, Котельникова и мно-

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XLII, стр. 424.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

гихъ другихъ. Самымъ же слабымъ по составу профессоровъ былъ юридическій факультетъ, долгое время служившій убѣжищемъ для будущихъ гусарскихъ корнетовъ и богатыхъ, что называется «порядочныхъ молодыхъ людей», самою судьбою предназначенныхъ для того только, чтобы пріятно и беззаботно прожить свой вѣкъ.

Всегда неразборчивый въ своихъ выраженіяхъ, попечитель Казанскаго университета, Мусинъ-Пушкинъ, во всеуслышаніе говаривалъ «что ни юристъ—то дуракъ». И такое мнѣніе, не взирая на его излишнюю рѣзкость, имѣло нѣкоторое основаніе. Обыкновенно на юридическій факультетъ поступала масса студентовъ, изъ числа коихъ только ничтожная часть благополучно оканчивала курсъ. Мнѣ помнится, что въ мое время первокурсниковъ было до 88 человѣкъ, во второй курсъ перебралось 15, а кончившихъ курсъ и получившихъ дипломы оказалось всего восемь.

Выдающаяся слабость юридическаго факультета моего времени, прежде всего, объясняется составомъ профессоровъ, точно за выслугу лѣтъ и для почета занимавшихъ свои каѳедры. Нужно еще удивляться тому, что при такихъ условіяхъ, когда студенты обязательно являлись на лекціи для того только, чтобы дремать, слушая какую-то безсвязную болтовню на мало понятномъ, исковерканномъ русскомъ языкѣ, рисовать карикатуры на профессоровъ, или читать тщательно прикрытую книжку, не имѣющую ничего общаго съ римскимъ или уголовнымъ правомъ,—университетъ все-таки давалъ полезныхъ людей, во всякомъ случаѣ далеко возвышавшихся надъ общимъ уровнемъ.

Съ ранняго утра всѣ юристы на лицо, застегнутые на всѣ пуговицы и обстриженные подъ гребенку, ждутъ профессора международнаго права и декана юридическаго факультета Винтера.

Сильно хлопнула стеклянная дверь, сторожъ едва успѣлъ подхватить шубу, сброшенную съ плечъ декана, павшаго на ноги подагрика. Высоко поднявъ голову, съ театральнымъ величіемъ, ничего не видя и не желая видѣть, шествуетъ онъ по коридору въ профессорскую комнату. Но его давно уже поджидаютъ два отъявленныхъ шалуна и, ставши другъ противъ друга, разомъ отвѣшиваютъ такой низкій поклонъ, что головы ихъ соединяются вмѣстѣ и образуютъ нѣчто въ родѣ тріумфальной арки. Съ минуту топчется на мѣстѣ недоумѣвающій деканъ, а потомъ стремглавъ кидается къ инспектору съ жалобой на то, что студенты кланяются ему «на турецкій манеръ».

Поднимается общій сдержанный хохотъ: хохочутъ кочующіе по коридору студенты, хихикаютъ профессора, собравшіеся въ голубой комнатѣ, съ гравюрами библейскаго содержанія, даже инспекторъ и тотъ не въ состояніи выдержать роли блюстителя порядка, напрасно розыскивая виновныхъ. А между тѣмъ оскорбленный и выжившій изъ ума старецъ уже успѣлъ взобраться на

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

каѳедру и, на непонятномъ для большинства французскомъ языкѣ, начинаетъ лекцію о морскихъ салютахъ. Начинается невѣроятное въ храмѣ наукъ представленіе. Для наглядности, деканъ вынимаетъ изъ кармана засыпанный табакомъ платокъ и то свертываетъ, то распускаетъ его, представляя салюты флагомъ, а потомъ переходитъ къ салютамъ пушечными выстрѣлами и, надувая щеки, усиливается какъ можно натуральнѣе изобразить кононаду. Дошло до того, что на одной изъ своихъ лекцій, рисуя намъ картину вступленія союзниковъ въ Парижъ, въ 1813 году, и желая запечатлѣть ее въ памяти слушателей, почтенный деканъ нѣсколько разъ проскакалъ по комнатѣ, изображая, то прусскаго короля, то австрійскаго императора.

На первыхъ лекціяхъ профессора мы буквально задыхались отъ приступавшаго смѣха, дѣлая неимовѣрныя усилія, чтобы овладѣть собой и не попасть въ бѣду, а потомъ привыкли и уже равнодушно смотрѣли на представленіе. Но за то, во время повѣрочныхъ испытаній, наше положеніе становилось невозможнымъ, такъ какъ мы должны были объясняться на русскомъ языкѣ, непонятномъ для профессора.

Въ эти достопамятные дни, аудиторія переполнялась студентами другихъ факультетовъ, являвшимися, какъ на спектакль.

Обыкновенно, вызванный къ отвѣту студентъ, начиналъ городить, что приходило въ голову, между тѣмъ какъ ученый мужъ впивался въ него недовѣрчивымъ, испытующимъ взоромъ и только ждалъ малѣйшаго признака улыбки, чтобы поставить дурную отмѣтку. Такимъ образомъ, въ аудиторіи устроивалась своего рода борьба,—побѣдителемъ выходилъ только человѣкъ, способный владѣть собой и не сморгнуть глазомъ.

Но вотъ терпѣніе лопнуло... Разомъ прыснула вся аудиторія, а побагровѣвшій отъ злобы деканъ бѣжитъ за инспекторомъ и проситъ его защиты.

— Это лучше всякой комедіи...—толкуютъ студенты другихъ факультетовъ, расходясь послѣ лекціи декана, между тѣмъ, какъ его мѣсто уже занято профессоромъ уголовнаго права, престарѣлымъ нѣмцемъ, съ розовымъ, чисто выбритымъ лицомъ, въ облакѣ взъерошенныхъ сѣдыхъ волосъ. Онъ тотчасъ же впадаетъ въ меланхолическое настроеніе духа и въ аудиторіи въ теченіе цѣлаго часа слышится какой-то лепетъ только-что начинающаго говорить ребенка въ такомъ родѣ: «если кто-либо, когда-либо, гдѣ-либо, кого-либо ранитъ пулею» и т. д., и т. д.

Ничего не понимая, студенты, при всемъ томъ, сохраняютъ наружное уваженіе къ профессору, за которымъ остается слава знаменитаго въ свое время бурша и рубаки одного изъ первыхъ германскихъ университетовъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Раздается звонокъ... студенты переходятъ въ другую аудиторію, а за ними стрѣлой влетаетъ третій нѣмецъ, профессоръ римскаго права, или, какъ выражался ученый мужъ, «рымскаго права». Это былъ кривой на одинъ глазъ, сгорбленный, сухой какъ щепка, но при всемъ томъ, необычайно юркій и проворный старикъ. Удрученный большимъ семействомъ, онъ лѣзъ изъ кожи, чтобы заработать свой хлѣбъ и потому вѣчно торопился. Издали, на улицѣ, его можно было принять за летящую птицу, а прилетая въ аудиторію, онъ быстро развертывалъ когда-то, съ расчетомъ на сбытъ между студентами, скомпилированный съ большихъ нѣмецкихъ курсовъ, учебникъ римскаго права и, отвернувшись къ стѣнѣ, немилосердно ломая русскій языкъ, читалъ по книгѣ. Съ своей стороны, одна половина студентовъ углублялась въ чтеніе послѣдняго журнала, а другая, нисколько не стѣсняясь, располагалась съ бумагой и карандашами, чтобы въ сотый разъ рисовать портретъ профессора.

На смѣну профессора римскаго права, едва передвигая ногами, подавленный собственной тяжестью, движется профессоръ естественнаго права, настоящій помѣщикъ, въ концѣ излѣнившійся въ деревнѣ. Опустившись въ кресло, толстякъ вынимаетъ изъ бокового кармана тощую книжку естественнаго права, собственнаго приготовленія по Смайльсу, зажмуриваетъ глаза и буквально шепчетъ что-то непонятное въ теченіе часа. Вся аудиторія погружается въ дремоту, а нѣкоторые изъ числа слушателей съ тѣмъ уже и шли на лекцію естественнаго права, чтобы выспаться послѣ безсонной ночи.

Апатія и невообразимая скука, водворившаяся въ аудиторіяхъ, въ нѣкоторой степени разгонялась желчнымъ профессоромъ исторіи, дѣйствовавшимъ на нервы, также точно какъ гроза въ удушливый лѣтній день.

Высокаго роста, худой, съ блѣднымъ болѣзненнымъ лицомъ и умными, но злыми глазами, профессоръ исторіи держалъ себя съ напускной важностью, относясь къ студентамъ, особенно къ тѣмъ изъ нихъ, которые отличались склонностью къ франтовству и развлеченіямъ, какъ къ заклятымъ врагамъ. Рѣчь его была всегда одинаково плавная, жесты округленные, но это не мѣшало ему отталкивать слушателей какой-то удручающей монотонностью и дѣланнымъ паѳосомъ.

Въ заключеніе повторялось новое, невѣроятное въ наши дни, потѣшное зрѣлище. Въ большой залѣ, на лекціяхъ богословія, существовавшихъ для одной проформы, собирались студенты четырехъ факультетовъ, между которыми замѣчались даже инородцы. Законоучитель, представительной наружности монахъ съ докторскимъ наперстнымъ крестомъ, усѣлся за каѳедрой. Это былъ извѣстный архимандритъ Зилантіева монастыря, авторъ «Исторіи

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

философіи», не взирая на гоненія, поднятыя на него митрополитомъ Филаретомъ, до старости лѣтъ сохранившій невозмутимо веселый характеръ и имѣвшій репутацію буфона и отчасти циника.

Богословіе читалось ученымъ архимандритомъ только въ присутствіи начальства, изрѣдка навѣщавшаго его лекціи, но лишь только начальство скрывалось за дверью, монахъ снималъ свой черный клобукъ и въ аудиторіи поднимался дымъ коромысломъ... Студенты на перерывъ сообщали смѣшные и даже скандальные анекдоты и городскія новости. Гдѣ-то въ углу раздавался звукъ охотничьяго рожка.

— А поди это все А—въ прокуратитъ,—нисколько не возмущаясь такой неожиданностью, говорилъ монахъ, утирая слезы, выступавшія отъ не удержимаго хохота.—А ну-ка, покажи, покажи свое искусство.

На сцену выступалъ извѣстный въ то время забубенный малый А—въ и безцеремонно показывалъ свой инструментъ, который постоянно носилъ на лекціи, а потомъ, по просьбѣ монаха, изображалъ передъ публикой субъ-инспекторовъ университета.

— Вотъ такъ мастеръ, мастеръ перваго сорта! — одобрительно повторялъ монахъ, колыхаясь всѣмъ грузнымъ тѣломъ — между тѣмъ, какъ многочисленные зрители только-что не валились съ своихъ мѣстъ, заливаясь дружнымъ хохотомъ и припадая грудью къ партамъ.

Затѣмъ студенты расходились по своимъ квартирамъ, унося съ собой пріобрѣтенныя въ теченіе дня умственныя сокровища.

Кромѣ упомянутыхъ выше профессоровъ, студенты перваго курса юридическаго факультета обязаны были посѣщать лекціи нѣмецкаго и латинскаго языковъ, хотя въ сущности никто не занимался этими предметами, надѣясь на снисходительность экзаменаторовъ. Нѣмецъ Нордманъ, для своего собственнаго удовольствія, читалъ на лекціяхъ тридцатилѣтнюю войну Шиллера, а семидесятилѣтній классикъ Лукашевскій, воспитанникъ іезуитовъ, ссыльный полякъ, находившійся при университетѣ на положеніи блаженнаго, которому все сходило съ рукъ, все извинялось, скорѣе пѣлъ, нежели читалъ намъ Горація, уносясь въ иной міръ и забывая, гдѣ онъ находится. Онъ требовалъ одного, чтобы его слушатели не мѣшали его блаженному настроенію и всѣмъ безъ разбора ставилъ хорошія отмѣтки. Никогда въ теченіе всей остальной жизни не встрѣчалъ я потомъ человѣка способнаго увлекаться до такой степени, какъ увлекался старый профессоръ при чтеніи классиковъ. Его голосъ то звучалъ, какъ труба, то постепенно ослабѣвалъ, переходя въ какой-то шопотъ, между тѣмъ, какъ крупныя слезы, одна за другой, падали изъ-подъ синихъ очковъ.

Однажды, въ самый разгаръ патетическаго настроенія, въ коридорѣ, нежданно-негаданно, грянулъ громъ, т. е. раздался голосъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Мусина-Пушкина. Двери аудиторіи быстро распахнулись, всѣ вздрогнули и вытянулись въ струну.

Невозможно забыть послѣдовавшую затѣмъ сцену.

— Садитесь!—прогремѣлъ попечитель, вооружился лорнетомъ и, скрестивъ руки на груди, неподвижно, какъ монументъ, всталъ противъ каѳедры. Но старый латинистъ ни сколько не потерялся, не измѣнилъ себѣ и, одушевляясь все болѣе и болѣе, еще выше воспарилъ надъ землей.

Наступила мертвая тишина, среди которой раздавался, то трогательный, умиленный, то, угрожающій голосъ профессора, между тѣмъ, какъ грозный попечитель продолжалъ стоять передъ каѳедрой, видимымъ образомъ недоумѣвая, какъ объяснить себѣ восторженное настроеніе старика—притворствомъ, или, можетъ быть, оно такъ и слѣдуетъ при чтеніи классиковъ. Вѣроятно, онъ такъ и унесъ съ собой это недоумѣніе, тотчасъ же разразившись новыми громами въ коридорѣ. Съ своей стороны, старый классикъ, пробужденный отъ своего упоенія звонкомъ сторожа, возвѣстившаго конецъ лекціи, спокойно, не торопясь, снялъ очки, взялъ подъ мышку Горація и, высоко поднявъ голову, вышелъ вонъ, а потомъ, какъ увѣряли достовѣрные люди, наткнувшись у подъѣзда на экипажъ попечителя, самымъ добродушнымъ голосомъ посовѣтывалъ его кучеру какъ можно лучше исполнять свою обязанность и помнить, что баринъ во всякое время можетъ пересадить его съ козелъ на каѳедру.

Говоря это, безстрашный классикъ намекалъ на назначеніе танцмейстера при дѣтяхъ попечителя, учителемъ латинскаго языка въ одну изъ казанскихъ гимназій.

Въ своихъ бѣглыхъ воспоминаніяхъ мнѣ не разъ пришлось коснуться Мусина-Пушкина, въ скоромъ времени назначеннаго попечителемъ петербургскаго учебнаго округа. Но его характеристика была бы не полной, безъ нѣкоторыхъ добавленій, рисующихъ грознаго попечителя въ иномъ свѣтѣ. Такимъ образомъ справедливость требуетъ добавить, что не смотря на панику, вызываемую однимъ появленіемъ его, на манеру всѣмъ и каждому изъ своихъ подчиненныхъ говорить—«ты», а при малѣйшемъ безпорядкѣ гремѣть и распекать, не стѣсняясь въ выборѣ выраженій, въ запальчивости доходившихъ до обѣщанія обстричь студента на барабанѣ, или выкинуть въ форточку громаднаго роста надзирателя гимназіи; не взирая на все это, тотъ же сильный Мусинъ-Пушкинъ способенъ былъ принять самое живое участіе въ судьбѣ бѣднаго учителя, отъ имени неизвѣстнаго, помогать семьѣ, оставшейся въ безпомощномъ положеніи, и, вообще, отозваться на всякое доброе дѣло. Этого мало, онъ высоко цѣнилъ искренность и прямое обращеніе къ нему. Мнѣ извѣстно нѣсколько случаевъ, когда студенты шли прямо къ попечителю, чтобы объяснить свои нужды, или откро-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

венно признаться въ своихъ проказахъ, и всегда находили помощь и защиту, тѣмъ болѣе, что Мусинъ-Пушкинъ не терпѣлъ ничьего вмѣшательства въ дѣла университета и горой стоялъ за своихъ.

V.

Дмитрій Ивановичъ Мейеръ.

Возвратившись съ ваката, послѣ перехода во второй курсъ мы узнали, что въ Казань пріѣхало нѣсколько новыхъ профессоровъ, бывшихъ воспитанниковъ педагогическаго института, побывавшихъ за границей для усовершенствованія въ наукахъ. Одинъ изъ новыхъ профессоровъ, Мейеръ, долженъ былъ читать гражданское право, другой, Осокинъ, теорію финансовъ.

Никто изъ насъ не подозрѣвалъ, что съ пріѣздомъ молодыхъ профессоровъ связанъ настоящій переворотъ и пробужденіе юридическаго факультета отъ продолжительнаго сна.

Наступила первая лекція профессора Мейера. Въ аудиторію, въ которую собралось пятнадцать человѣкъ всякими правдами и неправдами перебравшихся во второй курсъ юридическаго факультета, вошелъ маленькій, худенькій человѣкъ, съ блѣднымъ выразительнымъ лицомъ. Вся фигура его, въ новомъ съ иголочки ученомъ мундирѣ, отличалась мягкостью и благородствомъ. Онъ началъ тихимъ взволнованнымъ голосомъ, но вскорѣ овладѣлъ собой, рѣчь становилась громче и выразительнѣе, щеки вспыхнули яркимъ румянцемъ.

Говоря по совѣсти, мы мало понимали изъ того, что говорилъ новый профессоръ, но его горячность, невиданное одушевленіе, поразили слушателей. Всѣ поняли желаніе профессора передать намъ свои знанія, вложить душу въ свою лекцію, и тотчасъ же встрепенулись, а перья съ небывалой быстротой забѣгали по бумагѣ и каждое слово записывалось не только съ буквальной точностью, но съ какимъ-то благоговѣніемъ. Дома студенты сейчасъ же принялись переписывать первую лекцію Мейера набѣло, а нѣкоторые, болѣе усердные, заучивать ее наизусть.

Съ первой же лекціи гражданскаго права, мы всѣ почувствовали сильный толчекъ, измѣнившій, въ нѣкоторой степени, наше ребяческое отношеніе къ наукѣ, а въ самомъ непродолжительномъ времени Д. И. Мейеръ уже пользовался небывалымъ авторитетомъ между студентами, особенно съ того дня, какъ одинъ изъ насъ рискнулъ зайти къ нему и откровенно признаться, что не вполнѣ понялъ его лекцію о владѣніи. На другой же день смѣльчакъ восторженно разсказалъ товарищамъ о радушномъ пріемѣ, о готовности, съ которой профессоръ разъяснилъ непонятное. Такимъ образомъ, отрѣшившись отъ привычной недоступности своихъ коллегъ,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

относясь тепло и участливо къ своимъ слушателямъ, профессоръ Мейеръ съ первыхъ же дней сдѣлался предметомъ обожанія студентовъ.

Съ своей стороны, увлеченный общимъ настроеніемъ, я рѣшился во что бы то ни стало проникнуть къ Мейеру, побесѣдовать съ нимъ, или хотя бы только подышать ученымъ воздухомъ его кабинета. Мое желаніе исполнилось... Я взбираюсь по крутой лѣстницѣ, ведущей на мезонинъ маленькаго домика на Грузинской улицѣ, гдѣ обиталъ профессоръ. Вся квартира его заключалась въ одной комнатѣ, до такой степени заваленной книгами, что у меня зарябило въ глазахъ. Около большого стола, придвинутаго къ полукруглому венеціанскому окну, сидѣлъ хозяинъ, облеченный въ бѣлый фланелевый халатъ, и, по случаю болѣзни горла, съ компресомъ вокругъ шеи. Вся фигура молодого ученаго, среди массы книгъ, на пріобрѣтеніе коихъ уходило все его жалованіе, скорѣе напоминала аскета и уже вовсе не походила на его цвѣтущихъ здоровьемъ собратовъ, въ синихъ мундирахъ съ бѣлыми пуговицами.

Я смутно понялъ, что передо мною человѣкъ не отъ міра сего и что его жизнь одинока и сурова. Замѣтивъ мое смущеніе, хозяинъ поспѣшилъ ободрить меня, усадить и завязать разговоръ. На вопросъ о томъ, что я читаю, чѣмъ интересуюсь, я откровенно признался, что меня болѣе всего занимаютъ журналы, а въ особенности критическій отдѣлъ «Отечественныхъ Записокъ». Затѣмъ разговоръ перешелъ къ Бѣлинскому, его значенію, его прошлому и настоящему. До ближайшаго знакомства съ Д. И. Мейеромъ, мы всѣ почему-то приписывали критическія статьи «Отечественныхъ Записокъ» ихъ редактору Краевскому.

Наконецъ, узнавъ много новаго и интереснаго, я откланиваюсь, беру предложенную мнѣ книгу по исторіи русскаго права, внимательно прочитываю, отношу обратно, а всегда радушный хозяинъ, какъ будто случайно, выспрашивалъ какого я мнѣнія о прочитанномъ и что извлекъ полезнаго. Затѣмъ, онъ переходилъ къ разсказамъ о своей заграничой жизни, представлявшей величайшій интересъ уже потому, что въ то время знакомство съ Западомъ выпадало на долю не многихъ избранныхъ, а Германія и Франція представлялись чѣмъ-то таинственнымъ, недоступнымъ, а потому еще болѣе увлекательнымъ. Но болѣе всего врѣзались въ моей памяти воспоминанія Мейера объ Остзейскомъ краѣ и раздраженіе съ которымъ онъ говорилъ о жалкомъ положеніи крестьянъ, ихъ невѣжествѣ и бѣдности полуразвалившихся избушекъ рядомъ съ грандіозными замками бароновъ. Обладая рѣдкимъ въ то время чутьемъ, Мейеръ ясно видѣлъ отрицательныя, вырощенныя вѣками стороны русской жизни и не мирился съ ними. Такой искренній, правдивый, впервые встрѣченный протестъ откры-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

валъ глаза на многое, что не замѣчалось до того времени, и я уходилъ домой подавленный массой новыхъ никогда не приходившихъ въ голову мыслей и вопросовъ.

Въ это время Мейеръ былъ уже вполнѣ опредѣлившійся, прямолинейный человѣкъ, прежде всего убѣжденный въ томъ, что вся суть жизни заключается въ неустанной работѣ и трудѣ на общую пользу. Въ высшей степени нервный и болѣзненный, онъ былъ однимъ изъ тѣхъ мечтателей, которыхъ не исправляютъ неудачи и жизненный опытъ. Его вѣра въ лучшее, въ торжество правды, доходившая до фанатизма, была искренна и не лишена какого-то поэтическаго оттѣнка. Въ этомъ хиломъ тѣлѣ жила сильная и выносливая натура, рѣшительно не способная отдѣлять свое личное благо, отъ блага общаго. Онъ жилъ ожиданіемъ близкаго обновленія нашей общественной жизни, неизбѣжной полноправности милліоновъ русскихъ людей и пророчилъ множество благъ отъ свободнаго труда и упраздненія крѣпостного права.

Трудно выразить, какъ велико было наше наслажденіе видѣть и слышать Мейера, но ничего, кромѣ безотчетнаго, институтскаго обожанія мы дать не могли, такъ какъ большинство вовсе не было способно раздѣлять его розовыя надежды и сочувствовать его убѣжденіямъ. Такое ребяческое, легкомысленное отношеніе студентовъ къ ихъ кумиру не замедлило обнаружиться при первомъ удобномъ случаѣ.

Наступила весна, а вмѣстѣ съ ней и тяжелые дни испытаній. Между студентами нашего курса составились отдѣльные кружки, проводившіе цѣлые дни и ночи на пролетъ за повтореніемъ лекцій: одинъ читаетъ, другіе слушаютъ и то и дѣло пьютъ крѣпкій чай, способный разогнать дремоту.

Вскорѣ распространился слухъ, что нашъ кумиръ пригласилъ одного студента, отличавшагося канцелярскимъ почеркомъ, и попросилъ его написать билеты. Всѣ тотчасъ же припомнили извѣстный фокусъ, зачастую практиковавшійся при экзаменахъ, и безъ малѣйшаго колебанія примѣнили его къ дѣлу, т. е. розыскали бумагу съ одной стороны глянцовитую, съ другой шороховатую, и на этой-то шороховатой сторонѣ написали всѣ головоломные вопросы изъ гражданскаго права, которыхъ мы боялись какъ огня.

Обманъ открылся и мнѣ до сихъ поръ мерещится прискорбная сцена, разыгравшаяся въ актовой залѣ: блѣдное, взволнованное лицо Мейера, виноватыя фигуры студентовъ и страшный, тянувшійся цѣлое утро экзаменъ изъ гражданскаго права уже безъ всякихъ билетовъ.

Всѣ ожидали, что послѣ такой неблаговидной продѣлки Мейеръ круто повернетъ съ того пути, на который всталъ въ своихъ отношеніяхъ къ студентамъ, запретъ дверь и сдѣлается такимъ же недоступнымъ, какъ его товарищи, но, возвратившись съ ваката, мы

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

убѣдились въ противномъ: отношенія нисколько не измѣнились, а къ бывшему обожанію присоединилось чувство самаго искренняго уваженія. Поддѣлка билетовъ не имѣла уже смысла, такъ какъ студенты нашего курса съ одинаковымъ рвеніемъ относились къ лекціямъ профессора Мейера.

Пролетѣли еще два года, въ теченіе коихъ отношенія нашего курса къ Мейеру оставались неизмѣнно хорошими, а въ апрѣлѣ 1849 года, мы уже въ послѣдній разъ сошлись на его заключительную лекцію.

Раздался звонокъ... послѣдній звонокъ, возвѣщавшій закрытіе лекцій передъ выпускнымъ экзаменомъ.

Мейеръ поднялся съ мѣста, уложилъ свои бумаги въ портфель и, сдѣлавъ общій поклонъ, собирался уходить. Но сойдя съ каѳедры, онъ остановился и послѣ минутнаго колебанія обратился къ намъ съ прощальнымъ словомъ.

Прежде всего онъ пожелалъ, чтобы живая связь, существующая между нами, никогда не охладѣла, чтобы она не перешла въ іерархическую лѣстницу, гдѣ верхнимъ нѣтъ дѣла до нижнихъ, а нижніе думаютъ только о томъ, чтобы попасть на верхнія ступени.

«Предчувствіе не обманываетъ меня,—возвысился голосъ профессора,—я вѣрю въ близость переворота во внутренней жизни нашего отечества. Каждый, въ комъ есть человѣческое сердце, невольно сознаетъ всю нелѣпость крѣпостного права... надѣюсь, что и вы, милостивые государи, въ глубинѣ души, носите это сознаніе, чувствуете какую-то тяжесть, мѣшающую жить по-человѣчески. Вникните глубже и вы увидите, что васъ смущаютъ ненормальныя отношенія къ крѣпостнымъ: вы переросли такое положеніе вещей, вы уже не въ состояніи примириться съ этимъ.

«Для васъ должно быть ясно, что крѣпостнымъ необходимо дать свободу, но одного сознанія и чувства еще мало,—на васъ, на васъ первыхъ лежитъ обязанность облегчить участь вашихъ крестьянъ, а если сбудется мое предчувствіе и, наконецъ, поднимется вопросъ о крѣпостныхъ, вы первые должны стать въ ряды ихъ защитниковъ и каждый на своемъ мѣстѣ дружно помогать торжеству справедливаго дѣла.

«Существуетъ другая язва, позорящая русскую жизнь—это взяточничество. Я не допускаю даже мысли, чтобы вы, питомцы университета, когда-нибудь оказались сообщниками постыдной торговли правосудіемъ, но это еще не все, чего въ правѣ ожидать отъ васъ общество... Мало одного пассивнаго отношенія къ злу, вы обязаны бороться съ нимъ на каждомъ шагу, въ каждый моментъ своей жизни, не останавливаясь ни передъ какими затрудненіями или жертвами. Пусть же сопутствуютъ вамъ слова мои на трудномъ пути жизни, пусть живетъ въ васъ любовь къ справедливости и къ студенческому братству».

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Онъ сказалъ то, что считалъ нужнымъ, и, взволнованный, блѣдный, какъ полотно, вышелъ изъ аудиторіи, а мы все еще неподвижно стояли на своихъ мѣстахъ и даже отъявленные тупицы только о томъ и мечтавшіе, чтобы какъ можно скорѣе надѣть модный фракъ и яркій жилетъ, и тѣ на минуту призадумались, точно ослѣпленные лучемъ свѣта неожиданно брошеннымъ въ темное царство, считавшееся царствомъ науки.

Можно съ увѣренностью сказать, что никогда еще съ самаго основанія Казанскаго университета въ стѣнахъ его не было произнесено такой честной, правдивой рѣчи, какъ напутственное слово профессора Мейера, почти дословно записанное мною по возвращеніи въ свою квартиру.

Наступилъ послѣдній, ни для кого не страшный, всегда веселый и шумный, экзаменъ изъ исторіи русской церкви... Вмѣстѣ съ пѣтухами поднялся неугомонный, никогда не унывавшій, архимандритъ Зилантіевскаго монастыря и на парѣ маленькихъ, пузатенькихъ монастырскихъ лошадокъ, съ долговязымъ, косматымъ послушникомъ на козлахъ, объѣхалъ студентовъ четвертаго курса, отчаянно стучалъ въ запертыя двери, покатываясь со смѣху, обливалъ холодной водой тѣхъ, кого заставалъ въ постели, и каждому изъ своихъ слушателей вручилъ билетъ и тетрадку, которую тотъ долженъ былъ вызубрить къ предстоящему экзамену.

Подготовившись какъ слѣдуетъ, студенты четвертаго курса смѣло становились передъ цѣлымъ сонмищемъ строгихъ монашескихъ фигуръ, собравшихся на испытаніе, съ ловкостью фокусниковъ подмѣнивали за спиной взятый билетъ на заранѣе приготовленный и отличались на славу.

Опустѣла актовая зала... захлопнулась тяжелая дверь парадnаго подъѣзда и тутъ же, не помня себя, не чувствуя подъ собою ногъ отъ радости, разлетѣлись студенты въ разныя стороны и здѣсь же за порогомъ святилища наукъ навсегда порвалась всякая связь между ними, существовавшая въ одномъ воображеніи идеальнаго профессора. Записные франты и такъ называемые аристократы поскакали къ моднымъ портнымъ Любимцеву и Банарцеву, сгорая отъ нетерпѣнія какъ можно скорѣе облечься въ модный костюмъ и не теряя времени показаться въ немъ дамамъ своего сердца, между тѣмъ, какъ будущіе корнеты кавалерійскихъ полковъ, заклятые враги «штафирокъ», бросились собирать свѣдѣнія о самыхъ красивыхъ формахъ и гусарскихъ стоянкахъ, и только одни бѣдняки, не торопясь, задумчиво поднимались на свои чердаки съ смутнымъ сознаніемъ, что тамъ, за дверями университета, покинули они свою юность, свои золотыя мечты, чтобы волей или неволей выступить на трудный путь борьбы за существованіе.

Въ непродолжительномъ времени профессоръ Мейеръ былъ переведенъ въ Петербургскій университетъ, но при всемъ томъ его

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

первые ученые труды долго оставались въ неизвѣстности и никто особенно не интересовался ни его личностью, ни его неутомимой дѣятельностью. Объ немъ и его значеніи заговорили только тогда, когда его не стало.

Въ Петербургѣ Мейеръ, съ своимъ обычнымъ рвеніемъ, занимался всесторонней практической разработкой права и въ то же время, больной, изнуренный учеными трудами, безвозмездно бралъ на себя ходатайство по интересовавшимъ его гражданскимъ процессамъ. Его квартиру то и дѣло осаждали люди всѣхъ сословій, съ неотступными просьбами совѣта, и ему не разъ приходилось просиживать цѣлыя ночи за разборомъ тяжебныхъ дѣлъ и писаніемъ просьбъ и докладныхъ записокъ. Затѣмъ быстро распространился слухъ, что озабоченный успѣхомъ одного особенно интересовавшаго его и вопіющаго гражданскаго дѣла, профессоръ Мейеръ, вопреки настойчивыхъ требованій врача, собралъ послѣднія силы и отправился въ Сенатъ, чтобы присутствовать при докладѣ, а возвратившись, слегъ въ постель, чтобы не покидать ее до самой кончины.

Смерть безжалостно и преждевременно подкосила жизнь необыкновеннаго человѣка, замѣчательнаго ученаго и настоящаго апостола правды и труда.

VI.

Студенческая жизнь.

(1846—1849 гг.).

Казалось бы нѣтъ, и не можетъ быть, чувства болѣе отраднаго какъ, переживая суровую зиму, еще разъ оглянуться назадъ на свою такъ называемую «весну жизни». Но какъ на зло, воспоминанія о моей студенческой жизни, даже въ настоящую минуту, когда съ такимъ увлеченіемъ хватаешься за все, что было свѣтлаго въ прошломъ—представляютъ мало отраднаго и интереснаго.

Отъ тупыхъ учебниковъ Кайданова, Кошанскаго, Арсеньева и др. мы прямо перешли къ снотворнымъ и зачастую непонятнымъ для насъ лекціямъ профессоровъ изъ нѣмцевъ на изломанномъ русскомъ языкѣ, а при такихъ условіяхъ едва ли можно было ожидать серьезнаго отношенія къ наукѣ и общенію съ ней. Что же касается до возвышенныхъ стремленій къ труду, на пользу общую, до гражданскихъ чувствъ и скорбей, солидарности между студентами, до упованія, что свѣтъ побѣдитъ тьму, то обо всемъ этомъ никому и въ голову не приходило.

Каждый изъ насъ думалъ только о себѣ, жилъ для себя; въ извѣстные часы, точно по службѣ, являлся на лекцію, съ нетерпѣніемъ ожидая звонка, чтобы стремглавъ броситься внизъ, наки-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

нуть шинель и бѣжать во-свояси—въ Горшечную или Засыпкинъ переулокъ, набитые студентами. Никакой связи, ни товарищества, не было. Мы сходились туго и, можетъ быть, благодаря слишкомъ рѣзкой разности положеній и царившему въ то время барству, не существовало даже возможности пониманія другъ друга при самой безкорыстной, честной готовности къ сближенію. Одни изъ насъ поступили въ университетъ, сами не зная и не думая, что выйдетъ изъ этого; другіе, болѣе практичные, мечтали только о карьерѣ, о томъ, чтобы какъ можно скорѣе узрѣть себя въ числѣ кандидатовъ съ дипломомъ въ карманѣ, и только меньшинство искало свѣта и увлекалось наукой... Ко всему этому, житье наше было до такой степени сѣренькое, что въ настоящее время даже не вѣрится въ возможность существовавшихъ тогда порядковъ и самый громовержецъ Мусинъ-Пушкинъ, въ продолженіе семнадцати лѣтъ безгранично властвовавшій надъ казанскимъ учебнымъ округомъ, представляется мнѣ какимъ-то полумиѳомъ, созданнымъ воображеніемъ. Тогда, то-есть, въ мое время, еще держался такой порядокъ, что не только передъ попечителемъ и ректоромъ, но и передъ инспекторомъ приказано было, не взирая на погоду, стоять безъ фуражки, а въ праздники вытягиваться съ рукой у кокарды смѣшной и неудобной треуголки.

Крѣпко засѣло и чуть ли не до настоящей минуты живетъ во мнѣ чувство какой-то вѣчной тревоги и томительнаго ожиданія, что вотъ-вотъ кто-нибудь остановитъ, накричитъ и оборветъ за такіе пустяки, какъ растегнутый крючекъ, или пуговица, не своевременную отдачу чести, или за длинные волосы, считавшіеся несомнѣннымъ признакомъ вольнодумства. Вездѣ и всюду, на улицѣ, въ стѣнахъ университета, даже въ театрѣ, студентъ волей или неволей изображалъ какого-то напуганнаго зайца и прежде всего думалъ о томъ, чтобы какъ-нибудь не попасться на глаза начальства, а въ особенности попечителя округа, наводившаго настоящую панику. Идешь по улицѣ и съ замираніемъ сердца ожидаешь, что раздастся повелительный и гнѣвный голосъ Мусина-Пушкина: «студентъ, стой!—обстригу на барабанѣ» и т. д. Попадешь въ театръ, но не успѣешь еще осмотрѣться и занять кресло, какъ возлѣ, точно изъ земли, выростаетъ ненавистная фигура инспектора или его помощника, и уже напоминаетъ, что во время антрактовъ студентамъ строго воспрещается оборачиваться спиной къ губернаторской ложѣ, а главнымъ образомъ, хлопать и вызывать актеровъ. Избѣгая такого неловкаго и стѣснительнаго положенія, студенты перерядившись кучерами, или просто облекшись въ халаты, направлялись въ «рай» и зачастую поднимали такой шумъ, что требовалось вмѣшательство полиціи. Такимъ образомъ, въ разгарѣ зимнихъ праздниковъ рѣдкій спектакль проходилъ безъ крупнаго скандала, въ такъ называемомъ «раю», переполненномъ замаски-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

рованными студентами, что не только не смущало зрителей, но даже вызывало нѣкоторое оживленіе въ скучающемъ городскомъ обществѣ.

Единственнымъ мѣстомъ, гдѣ студентъ могъ отдохнуть отъ неусыпнаго надзора, была его квартира, но тамъ, въ четырехъ стѣнахъ, обыкновенно, мрачной и крохотной комнатки, его ожидало полное одиночество. Никого, кромѣ хозяйки, какой-нибудь ворчливой мѣщанки, или хозяина мелкаго чиновника, исправно напивавшагося послѣ полученія жалованья и всячески старавшагося увлечь за собою своего квартиранта, между тѣмъ какъ молодость требовала разнообразія, сочувствія и простора, а извѣстная степень развитія не уживалась съ окружающей пошлостью.

Въ концѣ концовъ, студентъ напускалъ на себя вовсе неподходящую суровость, упорно молчалъ и ни съ кѣмъ не кланялся на лекціяхъ, сходился съ квартирнымъ хозяиномъ, или примыкалъ къ шайкѣ кутилъ и, такимъ образомъ, постепенно формировался типъ «погибшаго человѣка». Сколько даровитыхъ и симпатичныхъ юношей пропало на моихъ глазахъ, подъ гнетомъ одуряющихъ условій жизни.

Помню плотнаго, нѣсколько взъерошеннаго, съ синими очками на носу, студента словеснаго факультета, бывшаго семинариста Р—ва, впослѣдствіи времени прославившагося своими стихотвореніями, напоминавшими Полежаева, въ которыхъ воспѣвались геройскіе подвиги первыхъ кутилъ и буяновъ того времени. Въ началѣ Р—въ былъ степенный, работящій студентъ, одаренный блестящими способностями; его, можетъ быть, ожидала каѳедра; но замкнутая жизнь, нужда, отсутствіе уроковъ и обуявшая хандра взяли свое: онъ ни съ того ни съ сего запилъ горькую, попалъ въ кружокъ «отпѣтыхъ» и вскорѣ прогремѣлъ своими подвигами за рѣкой Булакомъ. Подъ его предводительствомъ «отпѣтые» въ одну ночь сломили крышу маленькаго домика въ Мокрой улицѣ и даже, отступая съ поля сраженія, къ удивленію полиціи, унесли съ собою ворота. Въ этомъ достопамятномъ побоищѣ Р—въ потерялъ капишонъ своей форменной шинели, но, нисколько не смущаясь, изъ ея остатковъ сшилъ себѣ широкіе, какъ Черное море, шаровары, и нѣкоторое время, какъ ни въ чемъ не бывало, съ задорнымъ, вызывающимъ видомъ являлся на лекціи. Все разступалось, чтобы дать дорогу еще недавно смиренному словеснику, въ невиданномъ костюмѣ, а побагровѣвшій въ безсильной злобѣ субъ-инспекторъ Зоммеръ поспѣшно ретировался въ профессорскую комнату. Но вотъ снова затихла и замерла на мигъ всколыхнувшаяся поверхность стоячей воды, а Р—ва точно никогда и не было въ университетѣ.

Такое было время; въ высшей степени монотонная и безсодержательная студенческая жизнь не могла удовлетворить пылкую,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

требовавшую дѣятельности, натуру, а потому весь избытокъ жизни зачастую обращался на кутежи и удальство.

Лучшими факультетами по составу профессоровъ были математическій и словесный, куда въ большинствѣ случаевъ поступали бѣдняки, только что не съ колыбели предназначенные занимать мѣста учителей гимназій и ничего, кромѣ учительства, не ожидавшіе впереди. Они отличались солидностью, подъ гребенку обстриженными волосами и мундирами дешеваго свѣтло-зеленаго сукна.

Самыми же слабыми и только выдающимися по количеству слушателей были факультеты юридическій и вскорѣ открывшійся камеральный, переполненные счастливыми обладателями рысаковъ, бобровыхъ воротниковъ и золотыхъ цѣпочекъ. Изъ нихъ выдѣлялся замкнутый кружокъ, такъ называемыхъ, «аристократовъ». Они развозили по городу визитныя карточки, бывали въ «хорошихъ домахъ», разыгрывали роль первыхъ кавалеровъ на балахъ, а въ аудиторіяхъ, собравшись у окна, въ ожиданіи профессора, громко разговаривали на французскомъ языкѣ, невыносимо рѣзавшемъ уши остальныхъ студентовъ, не принадлежавшихъ къ аристократіи, молча, но съ большимъ любопытствомъ и съ нескрываемой насмѣшкой наблюдавшихъ ихъ съ верхнихъ партъ.

Выдающимся типомъ «студентовъ хлыщей» и будущихъ карьеристовъ, крайне убогихъ по части знаній и ловкихъ на паркетѣ, былъ, вѣроятно, сохранившійся въ памяти моихъ сверстниковъ, высокій, красивый брюнетъ, пользовавшійся привилегіей носить длинные вьющіеся волосы и извѣстный между студентами подъ именемъ «графа Чичикова». Еще юношей онъ уже находился въ полномъ распоряженіи сварливыхъ и чопорныхъ старухъ высшаго общества, втихомолку заводилъ связи и высматривалъ выгодныхъ невѣстъ.

Нѣчто таинственное, ни для кого недоступное, представлялъ факультетъ восточный, имѣвшій столько подраздѣленій, что по монгольскому отдѣлу нашелся только одинъ слушатель, котораго постоянно розыскивалъ профессоръ Поповъ. Когда поиски профессора, наконецъ, удавались, то онъ, вмѣстѣ съ своимъ единственнымъ слушателемъ, запирался въ аудиторіи и поднималъ такой дикій, ни для кого непонятный крикъ, что профессора, читавшіе въ сосѣднихъ, отдѣленныхъ только дверью, аудиторіяхъ, протестовали и обращались къ дежурному субъ-инспектору. За исключеніемъ незначительнаго числа спеціалистовъ, предназначенныхъ состоять при нашихъ посольствахъ и миссіяхъ въ Персіи, или Китаѣ, остальные студенты поступали на восточный факультетъ съ надеждой послѣ первыхъ двухъ курсовъ, гдѣ царилъ неумолимый и желчный профессоръ исторіи, заниматься съ прохладой, мечтая о гусарскихъ ментикахъ, всячески спасая свои длинные волосы отъ преслѣдованія начальства. Въ послѣднемъ случаѣ нѣко-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

торые изъ праздношатающихся восточниковъ доходили до такой виртуозности, что передъ начальствомъ являлись въ прилизанномъ видѣ, а на балѣ или гостяхъ съ пышно взбитой куафюрой на головѣ. Большинство такихъ спеціалистовъ занимали цѣлый этажъ въ квартирѣ декана восточнаго факультета профессора Э—на.

Особнякомъ отъ всѣхъ остальныхъ факультетовъ стояли медики, въ большинствѣ случаевъ отличавшіеся кутежами, буйствомъ, отступленіемъ отъ формы и напускнымъ цинизмомъ. При всемъ томъ среди жиденькихъ и франтоватыхъ малолѣтокъ юристовъ и камераловъ, они пользовались особеннымъ уваженіемъ за предполагаемую, въ сущности же весьма не важную, ученость.

Въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, ни стипендій, никакихъ сборовъ въ пользу недостаточныхъ студентовъ, ни студенческой кассы—ничего этого не было и въ поминѣ, а недостаточные студенты принимались на казенное содержаніе и въ самомъ зданіи университета получали столъ и квартиру. Утро казеннокошныхъ студентовъ проходило на лекціяхъ, а остальную часть дня, послѣ обѣда въ общей столовой, они проводили на второмъ этажѣ, въ маленькихъ неопрятныхъ комнаткахъ, гдѣ каждый занимался, чѣмъ хотѣлъ, мѣшая товарищамъ дѣлать свое дѣло: одинъ, не обращая ни на кого вниманія, стоя передъ пюпитромъ игралъ на флейтѣ, другой пѣлъ, третій, заткнувъ уши, читалъ лекціи, четвертый описывалъ своимъ гостямъ только-что совершившійся погромъ гостинницы «Константинополь». Ночевали студенты въ общихъ спальняхъ и, къ довершенію благъ, носили мѣшковатую, точно по одной мѣркѣ сшитую, казенную обмундировку, дѣлавшую ихъ до такой степени похожими другъ на друга, что издали трудно было различать одного отъ другого.

Единственнымъ развлеченіемъ казенныхъ студентовъ были танцовальные вечера, раза два въ недѣлю происходившіе въ просторной, низкой и грязноватой комнатѣ, безъ всякой мебели, находившейся рядомъ съ шинельной. Въ назначенный часъ, въ этой, наводящей унынiе, залѣ, слабо освѣщенной двумя лампами, собиралась масса студентовъ, за исключеніемъ такъ называемыхъ «аристократовъ», смотрѣвшихъ свысока на танцовальные вечера. Но вотъ расхаживавшій между студентами французъ-танцмейстеръ, точно щеголявшій своими вывороченными ногами, поднялъ руки въ бѣлыхъ перчаткахъ и захлопалъ въ сторону двухъ гарнизонныхъ солдатъ, вооруженныхъ скрипкой и флейтой,—грянулъ польскій, все засуетилось, студенты съ перевязью на лѣвой рукѣ, закатываютъ глаза, дѣлаютъ реверансы и всячески стараются копировать свѣтскихъ барынь, къ нимъ со всѣхъ сторонъ подкатываются щеголеватые юристы и камералы, солидные математики и словесники, гордые своими великолѣпными прическами восточники и размашистые медики съ выпущенными бѣлыми и розовыми воротничками, и вдоль

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

когда-то выбѣленныхъ стѣнъ движется длинный шумный рядъ синихъ воротниковъ. Вслѣдъ за польскимъ грянулъ вальсъ, все скрылось въ облакѣ пыли и кружится съ такой силой, что французъ-танцмейстеръ вскочилъ на подоконникъ, чтобы не потерпѣть крушенія, а въ ушахъ стоитъ какой-то шумъ, напоминающій разыгравшуюся зимнюю мятель. Въ настоящее время даже не вѣрится, чтобы питомцы науки когда-нибудь съ такимъ увлеченіемъ предавались столь невиннымъ удовольствіямъ, какъ танцы—да еще при такой обстановкѣ. Наконецъ, скрипка и флейта умолкаютъ, утомленные руки музыкантовъ падаютъ, какъ плети, и наступаетъ короткій перерывъ. Улеглась пыль, поднятая неистовымъ вальсомъ, комнаты переполнены красными вспотѣвшими фигурами, съ мокрыми волосами и платками въ рукахъ, но вскорѣ неутомимые солдаты грянули галопъ—длинный, сухопарый математикъ, съ старообразнымъ лицомъ и уже слегка посѣдѣвшими волосами, схватилъ маленькаго, похожаго на ребенка, камерала и, изобразивъ лѣвой рукою острый уголъ, съ отчаяннымъ видомъ выскочилъ на середину залы и завертѣлся турманомъ; за нимъ, толкая и сбивая другъ друга съ ногъ, понеслись и остальныя пары.

Кромѣ танцовальныхъ уроковъ, казенные студенты, какъ мнѣ помнится, пользовались еще уроками верховой ѣзды въ манежѣ, долгое время обитавшаго въ Казани Генриша. Еще бывши 14-лѣтнимъ мальчикомъ, я сталкивался съ студентами на этихъ урокахъ, которые бралъ по желанію отца.

Особнякомъ держались помѣщавшіеся въ зданіи университета пѣвчіе, почему-то пользовавшіеся извѣстными привилегіями, а именно: правомъ спать въ отдѣльныхъ комнатахъ, а не въ общихъ спальняхъ, возвращаться на ночевку не къ извѣстному часу, а какъ придется, являться въ церковь въ растегнутомъ мундирѣ безъ шляпы и шпаги и даже, особенно во время великаго поста, пропускать лекціи, для такъ называемыхъ «спѣвокъ». Нѣкоторые изъ числа болѣе усердныхъ, до такой степени входили во вкусъ и проникались страстью къ церковному пѣнію, къ напѣвамъ Кіевскому, Симоновскому и т. д., къ великолѣпнымъ концертамъ, къ тому, чтобы вдругъ хватить «Взбранной воеводѣ» и оглушить молящихся, что отъ нихъ и послѣ окончанія курса, только-что не до конца жизни, за версту отдавало семинаристомъ. При всемъ томъ, пропуски лекцій нерѣдко вызывали негодованіе профессоровъ, и въ особенности желчнаго профессора исторіи, и когда во время полугодичныхъ репетицій онъ вызывалъ какого-нибудь студента Поликарпова и получалъ въ отвѣтъ «на спѣвкѣ», то приходилъ въ негодованіе и шипѣлъ: «посмотримъ что-то онъ запоетъ на экзаменѣ». Но не взирая на это, благодаря особому покровительству университетскаго начальства, «пѣвчіе»—съ грѣхомъ пополамъ, а

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

все подвигались впередъ и если не за успѣхи, то за благонравіе награждались степенью дѣйствительнаго студента, или кандидата.

Своекошные студенты-бѣдняки, какъ мы уже сказали выше, ютились въ самыхъ убогихъ кварталахъ города, гдѣ-нибудь подъ крышей, въ крошечной комнаткѣ, куда обыкновенно вела крутая лѣстница, по которой непривычному человѣку и ходить было страшно. Такъ называемые «аристократы» проживали въ собственныхъ домахъ, или большихъ квартирахъ, занимаемыхъ ихъ родителями. При нихъ, зачастую, состояли бѣдняки изъ числа «зубрилъ-мучениковъ», помогавшіе имъ готовиться къ экзаменамъ и составлять лекціи. При всемъ этомъ, отношенія были чисто товарищескія безъ малѣйшей тѣни прислужничества. Попадались квартиры, имѣвшія особую спеціальность, такъ, напримѣръ, квартиры съ бывшимъ тогда въ большомъ ходу французскимъ языкомъ, или роялью, то есть съ музыкой для практическихъ занятій; были квартиры съ протекціей у профессоровъ университета, особенно юридическаго и восточнаго факультетовъ, набитыя добродушными степнячками, или «широкими натурами», мечтавшими только о томъ, чтобы скорѣе вырваться на свободу и, какъ дикіе кони долго томившіеся въ заключеніи, не зная удержу, носиться по привольному захолустью, отъѣзжимъ полямъ и нескончаемымъ праздникамъ. Никогда не разлучаясь, они кочевали по трактирамъ и другимъ увеселительнымъ мѣстамъ, упражняясь въ томъ, какъ бы выкинуть что-нибудь удивительное, или разсказать что-нибудь совсѣмъ уже невѣроятное изъ похожденій своихъ дядюшекъ и старшихъ братьевъ, разъѣзжавшихъ на жидахъ по польскимъ мѣстечкамъ, о борзыхъ въ одиночку бравшихъ волка и прославившихъ по всему Поволжью имена ихъ отцовъ—знаменитыхъ псовыхъ охотниковъ.

Между широкими натурами особенно выдавался замѣчательно красивый, способный, но необузданно дикій князь Ч—евъ, дивное произведеніе Симбирской губерніи, между прочимъ, развлекавшійся тѣмъ, что, вооружившись духовымъ ружьемъ, съ чердака профессорскаго дома обстрѣливалъ и держалъ въ постоянномъ осадномъ положеніи всю, если не ошибаюсь, поперечную Красную улицу. Онъ упражнялся такимъ образомъ до тѣхъ поръ, пока не сшибъ цилиндра съ головы проѣзжавшаго мимо правителя канцеляріи Казанскаго губернатора Г—вича, поднявшаго на ноги всю полицію. Такимъ образомъ, дикій князь былъ привлеченъ къ отвѣтственности вмѣстѣ съ своимъ крѣпостнымъ слугой Филькой, котораго онъ однажды, не имѣя денегъ и уѣзжая на вакатъ, оставилъ въ залогъ содержателю гостинницы «Одесса». Князь, по обыкновенію, вышелъ сухъ и невредимъ изъ непріятной исторіи, но вѣрный Филька получилъ должное внушеніе въ полиціи за то собственно, что не давалъ прохода ни одной собакѣ и, по приказу барина, ни

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

на минуту не покидалъ своего поста у воротъ профессорскаго дома, тотчасъ же спускалъ свору борзыхъ и начиналъ травлю. Отдѣлавшись отъ непріятной исторіи, князь не только не унялся, но на прощанье съ университетомъ, въ которомъ съ грѣхомъ пополамъ пробылъ два года, устроилъ такой скандалъ, о которомъ долго говорили въ городѣ. Въ послѣдній день масляницы, онъ нанялъ десятка полтора извозчиковъ-татаръ, обыкновенно съѣзжавшихся на это время въ городъ, разукрасилъ лошадей лентами и бубенчиками и, посадивъ въ сани неизбѣжнаго Фильку въ вывороченной медвѣжьей шубѣ, своего кучера переодѣтаго деревенской старухой и еще десятка два какой-то, неизвѣстно какъ и гдѣ, набранной и замаскированной, челяди, вооруженной скрипками, балалайками, гармониками, рожками и бубнами, разъѣзжалъ по городу, останавливаясь на перекресткахъ самыхъ многолюдныхъ улицъ и устроивая нѣчто въ родѣ дорового спектакля при звукахъ дикаго, одуряющаго оркестра. Вокругъ, къ великому соблазну полиціи, быстро собиралась толпа зрителей, все увеличиваясь и ни на шагъ уже не отставая отъ табора. Длинный поѣздъ съ пѣснями и музыкой, не давая никому проходу, проѣхалъ весь городъ до самой заставы. Невѣроятно пошлымъ кажется все это въ настоящее время, а тогда—ничего, всѣ удивлялись дикому князю и покатывались со смѣху.

Помнится еще квартира съ невѣстами, въ семействѣ одного комисаріатскаго чиновника, надѣленнаго красивыми и бойкими дочками, которыя, точно беззаботныя нарядныя птички, порхали по комнатамъ. Пѣніе, музыка, танцы и любительскіе спектакли, не прекращались въ этомъ патріархальномъ домѣ, всегда переполненномъ студентами; жильцы смѣнялись жильцами: женихъ камералъ, франтъ первой руки, въ бѣломъ галстукѣ и жилетѣ, уступалъ свое мѣсто юристу, тоже большому щеголю, но уже на военный манеръ ухитрившемуся превратить свой скромный сюртукъ въ какой-то уланскій съ голубыми отворотами и кантами на синихъ рейтузахъ, его оттѣснялъ кудрявый восточникъ, а ему подставлялъ ногу обстриженный подъ гребенку серьезный, но весьма практичный, математикъ; наскоро устроивались помолвки съ тостами и поздравленіями, приглашались шафера, даже назначался день свадьбы тотчасъ же послѣ окончанія курса, а женихи все смѣнялись и исчезали какъ дымъ.

Женатыхъ студентовъ не полагалось, а въ мое время никто бы не повѣрилъ, что когда-нибудь въ томъ же Казанскомъ университетѣ поднимется вопросъ не только о возможности, но даже необходимости жениться въ первый же день совершеннолѣтія. Эта невообразимая манія на женитьбы, съ особенной силой проявилась въ семидесятыхъ годахъ, то есть въ самый разгаръ быстро смѣнявшихся увлеченій.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Сталкиваясь со студентами, случайно занесенными въ нашу глушь, я молча, въ недоумѣніи, выслушивалъ все одни и тѣ же доказательства и тирады въ защиту раннихъ браковъ. Припоминается такой годъ, что, казалось, вотъ-вотъ не останется ни одного неженатаго студента. Вожаки неутомимо ораторствовали, озаренные счастливой и совершенно новой мыслью, болѣе скромные и безхарактерные раболѣпно подчинялись ихъ авторитету и точно по приказу, на скорую руку, подыскивали себѣ подругу жизни.

Въ ближайшемъ къ моему хутору селеніи проживала учительница, представлявшая общій типъ безотвѣтной труженицы, хорошо знакомый кореннымъ обитателямъ захолустья. Вся ея жизнь была какимъ-то вѣчнымъ постомъ, такъ какъ большая часть жалованья уходила на содержаніе брата, бывшаго гимназиста, а потомъ студента Казанскаго университета. Перебиваясь изо дня въ день, замкнутая, вѣчно сосредоточенная на мысли о томъ, чтобы какъ-нибудь обойтись безъ того или другого предмета первой необходимости, учительница, много напоминавшая преждевременно состарившагося ребенка, жила только надеждой когда-нибудь сбросить непосильную ношу: братъ кончитъ курсъ, получитъ мѣсто земскаго врача, и они заживутъ вмѣстѣ, даже не заживутъ, а будутъ блаженствовать вмѣстѣ. Блаженство приближалось, братъ перешелъ въ четвертый курсъ, но роковое письмо разомъ перевернуло вверхъ дномъ мечты и надежды. Братъ писалъ, что онъ уже женатъ, такъ какъ это необходимо чуть ли даже не съ научной точки зрѣнія, потому и потому именно... О любви, о взаимности, не было ни слова въ этомъ длинномъ посланіи, болѣе похожемъ на какой-то запутанный рефератъ.

Учительница была убита наповалъ и съ растерянным видомъ, конфузясь за свои несбывшіяся мечты, говорила:—«ему, ну самое большое двадцать второй годъ... такой слабый, болѣзненный и туда же, вслѣдъ за другими женится... такую же какъ и самъ беретъ—безъ всякихъ средствъ... какъ же они жить-то будутъ?»

При отсутствіи солидарности и товарищества, студенты только въ рѣдкихъ случаяхъ дѣйствовали сообща и дружной стѣной шли на проломъ. Помню три подобныхъ случая, вызванныхъ требованіемъ объ исключеніи изъ университета бывшаго чиновника Б—цева, послѣ поступленія въ университетъ открывшаго нѣчто въ родѣ негласной кассы ссудъ подъ залогъ вещей; исключеніе студента З—ва и столкновеніе съ полиціей въ послѣдній день масляницы, если не ошибаюсь, 1849-го года. И это за всѣ четыре года моего пребыванія въ университетѣ. Не привыкшее къ такимъ бурнымъ натискамъ начальство, всегда придирчивое, грубое, но въ то же время болѣе всего боявшееся огласки, спѣшило потушить дѣло и уступить справедливымъ требованіямъ студентовъ. Вообще, не взирая на неутомимость надзора, на то, что въ нашихъ ушахъ то

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

и дѣло раздавались угрозы обстричь на барабанѣ и напоминанія о красной шапкѣ и бѣломъ ремнѣ, то-есть о возможности прямо изъ храма науки попасть въ солдатскую казарму, за все время моего студенчества, такія угрозы никогда не приводились въ исполненіе: никого на барабанѣ не стригли, въ солдаты не отдавали и даже не исключали изъ университета по иниціативѣ начальства. Но не одно только противорѣчіе между грозными пріемами и отсутствіемъ крупныхъ мѣръ, поражаетъ человѣка, безпристрастно относящагося къ былому времени; несравненно болѣе изумляетъ то обстоятельство, что Казанскій университетъ, вынесшій на своихъ плечахъ тиранію извѣстнаго Магницкаго, яростно преслѣдовавшаго болѣе способныхъ профессоровъ, воспрещавшаго имъ пользованіе не только книгами, казавшимися ему зловредными, но даже одобренными цензурой, по собственному усмотрѣнію, безъ всякаго суда, сдававшаго студентовъ въ солдаты и запиравшаго ихъ, въ такъ называемую, «комнату уединенія», то-есть въ карцеръ съ безобразной картиной страшнаго суда на стѣнѣ, предварительно одѣвши заключеннаго въ крестьянскій кафтанъ и лапти, всячески поощрявшаго возмутительное ханжество и систему тайныхъ доносовъ, въ подражаніе іезуитскимъ школамъ—университетъ послѣ шестилѣтнаго, деморализующаго гнета Магницкаго, на цѣлыхъ 17 лѣтъ попавшій подъ команду Мусина-Пушкина, находившаго какую-то особенную пріятность въ томъ, чтобы быть грубымъ со всѣми, оборвать, оглушить своимъ крикомъ и при всѣхъ своихъ добрыхъ порывахъ, создавшаго цѣлую армію Держимордъ въ мундирахъ учебнаго вѣдомства, этотъ самый университетъ, волею судебъ принимавшій характеръ, то іезуитской школы, то кадетскаго корпуса стараго времени, при всемъ томъ сослужилъ свою службу и выпустилъ цѣлый рядъ замѣчательныхъ, въ высшей степени полезныхъ дѣятелей на поприщѣ государственной службы и въ области науки.

Очевидно, что въ самомъ прошломъ Казанскаго университета, въ обычной, вошедшей въ привычку, безтактности и казарменныхъ пріемахъ начальства, въ возмутительной неспособности и отсталости нѣкоторыхъ профессоровъ, неизвѣстно почему и зачѣмъ терпимыхъ въ университетѣ, во всемъ этомъ уже таился зародышъ волненій, съ страшной силой разразившихся въ 60-хъ и 70-хъ годахъ и поглотившихъ столько прискорбныхъ жертвъ.

Теперь, когда все это миновало, невольнымъ образомъ приходитъ въ голову мысль, что все это было неизбѣжно, а можетъ быть и необходимо, какъ бываетъ необходима гроза для очищенія воздуха.

Въ неприглядныхъ сумеркахъ, тяготѣвшихъ надъ университетомъ моего времени, особенно ярко выступали даровитые студенты, на перекоръ всему всецѣло преданные наукѣ. Какъ живая встаетъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

передо мной типичная фигура Ч—ва, съ откинутыми назадъ русыми волосами, умными и добрыми сѣрыми глазами и неправильной отъ природы ногой, на которую онъ постояннно прихрамывалъ.

Благодаря необычайной легкости, съ которой все давалось ему, Ч—въ, съ какимъ-то страннымъ для насъ равнодушіемъ, относился къ экзаменамъ и въ самое горячее время, когда мы дни и ночи зубрили лекціи, прогуливался въ Русской Швейцаріи, наслаждаясь прелестью первыхъ весеннихъ дней. Но обладая большимъ по тому времени образованіемъ, пользуясь уваженіемъ профессоровъ и своими замѣчаніями и вопросами приводя въ смущеніе преподавателя эстетики, онъ, въ то же время, по самой натурѣ своей, способенъ былъ увлекаться: мечталъ о военной служаѣ, о Кавказѣ, бранныхъ подвигахъ и приходилъ въ отчаяніе отъ своего физическаго недостатка. Онъ имѣлъ неотразимое вліяніе на небольшой кружокъ студентовъ, въ который ввелъ меня мой однокурсникъ Ч—ковъ. Чаще и чаще собирались мы въ крошечной квартирѣ Ч—ва и, цѣлыя ночи на пролетъ, распивая жидкій чай съ лимономъ, восторженно внимали хозяину. Рѣчь лилась у него свободно, отличалась красотою чисто русскихъ оборотовъ и ее можно было прямо печатать. Иной разъ онъ фантазировалъ, заносился на седьмое небо, или разсказывалъ что-нибудь смѣшное, а подъ конецъ, принявъ вовсе неидущій къ нему геройскій видъ—затягивалъ хоровую пѣсню.

Вскорѣ Ч—ву пришла мысль устроить литературные вечера съ тѣмъ, чтобы въ теченіе зимы каждый изъ насъ приготовилъ что-нибудь и прочелъ свое сочиненіе. Просидѣвъ нѣсколько ночей, я съ величайшимъ трудомъ написалъ длинное разсужденіе «О значеніи Гоголя въ современной литературѣ», и когда пришла моя очередь, сконфуженный, съ замирающимъ сердцемъ постучался въ низенькую дверь квартиры Ч—ва. Собралось человѣкъ пять студентовъ, въ густомъ облакѣ табачнаго дыма мигали все тѣ же сальныя свѣчи и пыхтѣлъ все тотъ же маленькій самоваръ изъ дорожнаго погребца, но все это двоилось и троилось въ глазахъ моихъ. Наконецъ, преодолѣвъ свою робость, я приступилъ къ чтенію... За тѣмъ послѣдовало нѣсколько минутъ неловкаго молчанія, а потомъ на мою голову разомъ посыпалась такая масса возраженій, что я окончательно растерялся и пришелъ въ себя только тогда, когда дебаты были кончены, а хозяинъ, отъ полноты чувства сбросившій форменный сюртукъ, всталъ посреди комнаты, откинулъ назадъ голову и, отчаянно взмахнувъ рукою, затянулъ, «Ой ты, Днѣпръ, ты нашъ широкій и глубокій»...

«Ты, кормилецъ, нашъ родной!..» подхватили собесѣдники... Тутъ только я пришелъ въ себя и съ небывалымъ ожесточеніемъ присоединился къ общему хору.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Въ этихъ сходкахъ, продолжавшихся только одну зиму, заключаются, едва ли не всѣ свѣтлыя воспоминанія мои изъ студенческой жизни. Ч—въ, какъ мы уже сказали выше, перешелъ въ Московскій университетъ и, странное дѣло, онъ точно унесъ съ собой только-что вспыхнувшій огонекъ, освѣтившій нашу неприглядную, сѣрую жизнь. Послѣ его отъѣзда все вошло въ свою обычную колею, а о сходкахъ и литературныхъ вечерахъ не было ни слуху ни духу.

Жизнь уходила въ ожиданіи чего-то новаго, чего-то лучшаго... Наконецъ и со мной совершился тотъ неизбѣжный переворотъ, когда человѣкъ перестаетъ ожидать, надѣяться, думать о собственномъ счастьи, начинаетъ понимать, что ожидать нечего, что все лучшее осталось гдѣ-то позади въ далекомъ прошломъ. Все чаще отдаваясь воспоминаніямъ объ этомъ прошломъ, о такъ называемой «веснѣ жизни», я рѣшилъ, что мнѣ необходимо съѣздить въ Казань пройтись по знакомымъ улицамъ, поклониться университету, навести справки о бывшихъ товарищахъ. Я даже удивился, какъ эта счастливая мысль не пришла мнѣ раньше въ голову. Рѣшено! я ѣду, завтра же сажусь на пароходъ и пускаюсь въ путь.

На дворѣ май, но холодъ стоялъ нестерпимый... Послѣ долгаго ожиданія, раздался пронзительный свистокъ, пароходъ слегка пошевелился и какъ будто нехотя тронулся вверхъ по Волгѣ. Холодъ все усиливался... Завернувшись во что̀ попало, точно замерли, пріютившіеся на палубѣ, пассажиры третьяго класса. Капитанъ парохода въ мѣховой шапкѣ и тяжелыхъ медвѣдяхъ стоитъ неподвижно на своемъ посту, точно примерзъ къ своему мѣсту. Окрестныя горы и необъятные лѣса праваго берега все еще покрыты остатками снѣга. Родныя картины... Невеселыя картины... Невеселую пѣсню напѣваетъ вѣтеръ, и быстро несетъ одну за другой тяжелыя, снѣговыя тучи. Впереди опустилось и заколыхалось громадное бѣлое покрывало, скрылось зачернѣвшееся вдали селеніе, съ кучей опрокинутыхъ лодокъ, и суетившимся около нихъ народомъ, скрылся полуразвалившійся монастырь, окруженный старыми кривыми березами, уныло глядѣвшій съ противоположнаго берега; скрылся только-что показавшійся вдали пароходный дымокъ. Громадное покрывало приближалось все ближе и ближе, и уже подъ бѣлымъ покровомъ лежатъ бѣдняги на палубѣ, и быстро заходившій капитанъ несетъ цѣлую гору снѣга на медвѣдяхъ своихъ и мѣховой шапкѣ. Наконецъ-то глянуло солнышко,—тучъ и снѣгу какъ не бывало. Красноватая глина холмовъ ярко выступила изъ-за покрывавшаго ихъ кустарника. Конца не имѣющіе лѣса стушевались въ одну черную, неопредѣленную массу. Поверхность рѣки, какъ будто, просвѣтлѣла, заодно съ лицами пассажировъ. Всѣ высыпали на палубу погрѣться на солнышкѣ. Вдали показались колокольни и минареты Казани.

Нѣсколько часовъ спустя, въ густыхъ сумеркахъ, на извозчичьихъ дрожкахъ, ежеминутно готовыхъ разсыпаться, по убійствен-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ной дорогѣ, приближался я къ цѣли своего путешествія, растерявъ по пути большую часть своихъ иллюзій и ожиданій.

Проснувшись рано, взволнованный ожиданіемъ, наслушавшись преувеличенныхъ похвалъ «неузнаваемой Казани», я наскоро одѣлся и вышелъ на хорошо знакомую, все еще великолѣпную въ моемъ воображеніи, Воскресенскую улицу. Пыль такая ѣдкая, что глазамъ больно... Сѣро, безжизненно вокругъ, извозчичьи клячи, забрызганныя грязью дрожки съ заплатаннымъ верхомъ, по большей части двухъ-этажные, какъ двѣ капли воды похожіе другъ на друга, дома, насквозь промокшіе отъ снѣга и дождя, тусклыя окна, длинное зданіе университета, съ рядами тяжелыхъ облупившихся колонъ, на всемъ печать неряшливости и скудости. Внутреннее устройство университета осталось все то же; только бѣлые бюсты великихъ людей, украшавшіе парадный входъ, вымазаны черной краской и имѣютъ какой-то мрачный, недовольный видъ. Часть тѣнистыхъ березъ, украшавшихъ Черное Озеро, вырублена и замѣнена группами чахлаго кустарника, а возлѣ самаго озера очищено цѣлое поле, усыпанное пескомъ. Вмѣсто уютнаго сѣринькаго домика, гдѣ обиталъ Ч—въ, стоялъ безобразный двухъ-этажный домъ изъ краснаго кирпича и вся, когда-то утопавшая въ садахъ, улица, съ низкими деревянными домиками, сплошь застроена неуклюжими ящиками, невиданными въ городахъ остальной Европы и сто лѣтъ тому назадъ измышленными нашими архитекторами.

Чувство недовольства во мнѣ росло и росло.

Добравшись до почтамта, я неожиданно очутился противъ маленькаго каменнаго домика въ три окна на улицу, съ мезониномъ, украшеннымъ единственнымъ венеціанскимъ окномъ, и тотчасъ же узналъ бывшую квартиру Мейера.

Я невольно остановился... Усиленная дѣятельность воображенія съ поразительной ясностью рисовала картины прошлаго... забыты путевыя невзгоды, пропало тоскливое настроеніе... Вспомнились думы и мечты, впервые заговорившія во мнѣ въ этомъ самомъ крохотномъ домикѣ съ сидѣвшимъ на немъ мезониномъ, точно чудомъ какимъ, все въ томъ же видѣ сохранившимся до настоящаго времени. Слово въ слово, повторилась въ моихъ ушахъ прощальная рѣчь Мейера, призывавшая насъ на служеніе правдѣ и вселявшая ту вѣру, безъ которой мертвы дѣла.

Мнѣ не хотѣлось уходить... душа была переполнена благоговѣніемъ къ идеальному профессору, среди общей вялости, дикости, безжалостной сухости, или напускного смиренія былого времени, смѣло будившаго мысль и предсказавшаго намъ близость великихъ реформъ, совершившихся на глазахъ моихъ.

Я точно помолодѣлъ и былъ вполнѣ доволенъ своей поѣздкой.

В. Назарьевъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

СОВРЕМЕННЫЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ДѢЯТЕЛИ.

V.

Всеволодъ Владиміровичъ Крестовскій.

1.

Ъ ПРЕДИСЛОВІИ къ одному изъ своихъ «романовъ», желая «установить для читателя ту точку зрѣнія, съ которой должно смотрѣть» на него, В. В. Крестовскій категорически заявляетъ: «Я никакъ не исключаю мою хронику изъ числа произведеній тенденціозныхъ; напротивъ, она имѣетъ самую опредѣленную политическую тенденцію». Такимъ образомъ, Крестовскій самъ устанавливаетъ одну изъ основныхъ сторонъ своей литературной дѣятельности, одно изъ главнѣйшихъ свойствъ своихъ произведеній. Дѣйствительно, главнѣйшія произведенія его: «Петербургскія трущобы», «Кровавый пуфъ» (представляющій собою соединеніе двухъ романовъ: «Панургово стадо» и «Двѣ силы»), «Тьма египетская» и наконецъ «Тамара Бендавидъ», равно какъ и историческій романъ «Дѣды»—проникнуты недвусмысленными и строго опредѣленными тенденціями. Но къ этому необходимо, только, прибавить, что Крестовскій, тѣмъ не менѣе, принадлежитъ къ писателямъ, одареннымъ замѣчательнымъ, сильнымъ, чисто «художественнымъ» талантомъ. Въ наши дни, когда тенденціозность искусства признается и проповѣдуется, когда въ ней хотятъ видѣть свойство, не вредящее достоинству произведенія, а скорѣе украшающее это послѣднее, придающее ему смыслъ и значеніе, недостижимое при объективности и полной свободѣ выбора сюжета, за произведеніями В. В. Крестовскаго, казалось бы, должно было

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

быть признано особое преимущество. На самомъ дѣлѣ случилось нетакъ. Таково ужъ свойство тенденціозныхъ произведеній, что они не даютъ распознать истинныя свойства и качества авторскаго дарованія, потому что противникамъ проводимыхъ въ нихъ тенденцій, естественно, не могутъ нравиться произведенія, опровергающія ихъ мнѣнія, и притомъ такъ, что чѣмъ лучше, чѣмъ совершеннѣе эти произведенія, а потому и доказательнѣе и вліятельнѣе, тѣмъ большій отпоръ они должны вызывать со стороны противниковъ; а сторонниковъ тенденціи подкупаютъ въ такой степени, что даже и ничтожныя въ художественномъ смыслѣ произведенія возвеличиваются. Обычное и понятное дѣло, поэтому, что критика подобныхъ произведеній превращается въ споръ о достоинствахъ тенденцій, объ ихъ истинности или ложности. А такъ какъ нѣтъ такого критика и нѣтъ такой критики, которымъ бы авторъ угодилъ вполнѣ своими воззрѣніями, то самымъ возможнымъ случаемъ будетъ тотъ, что разборъ тенденціознаго произведенія всегда превращается въ наставленіе автору, въ указаніе, какъ онъ долженъ былъ мыслить, приступая къ своему сочиненію. Напрасное и безплодное дѣло! Человѣкъ, особенно человѣкъ самостоятельный и самобытно-мыслящій, не нуждается въ такихъ указаніяхъ, какія доступны тенденціозной критикѣ литературнаго произведенія, или же разборъ долженъ превратиться въ трактатъ, въ самой глубокой сущности обнаруживающій воззрѣнія автора, преподающаго свои тенденціи, и опровергающій ихъ.

Мы не сторонники тенденціознаго искусства въ его настоящемъ значеніи, въ томъ именно значеніи, когда для доказательства предвзятой мысли, не изъ фактовъ истекающей, а подъ нихъ подставляемой, авторъ подбираетъ образы. Можно что̀ угодно «провести» и доказывать такимъ образомъ, потому что для обоснованія любой мысли найдутся факты, доказывающіе ее. Хотите ли вы доказать, что міръ полонъ зла и обмана, смѣло берите факты злые, умалчивая о добрыхъ, и ваша мысль доказана. Хотите, наоборотъ, влить въ читателя оптимистическія воззрѣнія на жизнь, предъ вами огромный выборъ сторонъ жизни, которыя подтвердятъ ваши мысли. Если вы желаете доказать, что человѣкъ есть зло,—злыхъ людей передъ вами сколько угодно; найдете и добрыхъ людей, если хотите доказать противное. Примѣры эти грубы, но они обнаруживаютъ всю возможность злоупотребленія искусствомъ, въ случаѣ тенденціозности. Во всякомъ случаѣ они показываютъ, что истина, истина жизни, должна быть на первомъ планѣ въ произведеніи художника; а если онъ изобразитъ намъ жизнь безъ намѣреннаго подбора явленій для доказательства своихъ воззрѣній, то не получится той односторонности, которая указана въ приведенныхъ примѣрахъ; жизнь предстанетъ передъ нами характерной смѣсью добра и зла, какою она и есть въ дѣйствительности. Пусть въ этомъ истин-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

номъ, правдивомъ, изображеніи скажется ясно и отчетливо та или другая мысль,—это будетъ уже не тенденція, а «идея», не мысль навязываемая читателю авторомъ, а дѣйствительное значеніе изображаемыхъ явленій жизни. Въ этомъ случаѣ не авторъ будетъ говорить вамъ, а сама жизнь, сама правда жизни. Пусть авторъ и предположилъ доказать ту самую мысль, которая естественно вытекаетъ изъ правдиво-изображенныхъ явленій жизни, пусть онъ «тенденціозенъ» въ этомъ смыслѣ; насъ это не касается, и первое, что вы должны искать, это то, правдиво ли изображена жизнь, какъ и въ логическихъ построеніяхъ вы должны искать не мнѣній автора просто, а смотрѣть, вѣрны ли посылки, изъ которыхъ онъ выводитъ свои заключенія и достовѣрны ли факты, которые онъ приводитъ. Художественныя произведенія суть не изложенія мнѣній автора, а изображенія такихъ явленій, въ которыхъ отражаются законы человѣческой жизни; въ этомъ смыслѣ они далеко не такъ отличны отъ научныхъ сочиненій, и какъ зоологія или ботаника не могутъ, не должны быть тенденціозны, такъ и романъ или повѣсть не имѣютъ права не стоять на почвѣ обобщеній, типическихъ представленій жизненныхъ явленій. И если они допускаютъ субъективность, извѣстную свободу воззрѣній на жизнь, извѣстнаго обнаруженія мнѣній автора объ изображаемомъ, то, вѣдь, и изложеніе ботаники и зоологіи, не говоря уже о такихъ наукахъ, какъ исторія и т. п., допускаютъ такую субъективность. Но возможно ли, чтобы для проведенія извѣстной мысли извращались, или, по меньшей мѣрѣ, подбирались единичные факты жизни природы или исторической жизни человѣчества односторонним образомъ, вопреки общимъ извѣстнымъ законамъ, дѣйствующимъ въ этихъ сферахъ?..

Относясь въ принципѣ отрицательно къ тенденціозности въ искусствѣ, мы, однако же должны признать, что не рѣдко величайшія произведенія искусства не чужды того элемента, который носитъ названіе тенденціозности, и особенно произведенія литературно-художественныя. Кто станетъ отрицать, что въ «Донъ-Кихотѣ» Сервантесъ имѣлъ прямое намѣреніе, «тенденцію», представить всю неестественность, всѣ смѣшныя, нелѣпыя стороны существовавшихъ въ его время мечтаній объ отжившемъ рыцарствѣ, находившемъ выраженіе въ массѣ рыцарскихъ романовъ! Въ нашей литературѣ, напр. въ «Запискахъ охотника» Тургенева, легко видѣть намѣреніе показать, что за люди эти мужики, этотъ народъ, который истощалъ свои силы въ крѣпостной зависимости, поставить обществу въ упрекъ ненормальныя отношенія, не оправдываемыя духомъ и свойствами русскаго народа. Величайшій изъ послѣгоголевскихъ русскихъ писателей, гр. Левъ Толстой, какъ извѣстно, далеко не чуждъ открытой тенденціозности. Но дѣло въ томъ, что эти тенденціи, эти мысли, руководившія названными

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

писателями, играли роль только, такъ сказать, побужденій къ творчеству, къ созданію извѣстныхъ образовъ, но не вліяли на самое изображеніе жизни. Такъ, Сервантесъ, каковы бы ни были его намѣренія, оставался глубоко вѣренъ человѣческой природѣ и правдѣ современной ему жизни, и потому-то въ своемъ героѣ онъ отразилъ съ великою силою одно изъ главнѣйшихъ свойствъ человѣческой души, создалъ безсмертный образъ, типъ, ничего общаго въ сущности неимѣющій съ тенденціею, руководившею имъ по его же собственному сознанію; намѣреніе его, имѣвшее смыслъ для своего времени, чуждо для насъ, значеніе его образа велико для насъ, какимъ и останется для вѣковъ. Неменѣе ясно третьестепенное значеніе тенденціи «Записокъ охотника». Крѣпостного права не существуетъ болѣе, а развѣ цѣнность и поучительность такихъ образовъ, какъ «Хорь и Калинычъ», «Гамлетъ Щигровскаго уѣзда», дѣтей въ «Бѣжиномъ лугѣ» пр. и проч., стали отъ того меньше. Въ томъ-то и дѣло, что тенденція только тогда не вредитъ художественному произведенію, когда она не участвуетъ въ процессѣ художественнаго творчества, когда авторъ не нарушаетъ ею вѣрности образовъ, когда желаніе пользы читателю, желаніе повліять на него, служитъ только стимуломъ, а не исходною точкою. Подобная тенденціозность, которая, впрочемъ, не дѣлаетъ произведенія тенденціознымъ, составляя въ немъ незначительный элементъ, естественна и часто неизбѣжна. Литература—живое дѣло, поэтъ—живой человѣкъ. Вѣдь въ обществѣ существуютъ извѣстныя распространенныя мнѣнія объ извѣстныхъ явленіяхъ жизни, и зная, что его личный опытъ, облекшійся, съ помощью художественной фантазіи, въ стройные типическіе образы, противорѣчитъ этимъ мнѣніямъ, поэтъ получаетъ стремленіе подѣлиться съ читателями выводами своего ума и воображенія, опровергнуть заблужденія. Но, повторяемъ, онъ ничѣмъ не долженъ жертвовать изъ того, что говоритъ ему его фантазія, ничего не долженъ ни прибавить, ни убавить. На старинномъ языкѣ эстетиковъ это значитъ, что онъ долженъ слѣпо повиноваться своему вдохновенію, ничего не сочинять, не выдумывать, а только выражать вовнѣ результаты своихъ внутреннихъ душевныхъ процесовъ. Тогда только въ его произведеніи будутъ не холодныя страницы, а полныя жизни, огня и убѣдительности—образы.

Есть, правда, другого рода тенденціозныя произведенія, въ примѣръ которыхъ можно представить «Кандида» и вообще всѣ произведенія Вольтера, которымъ придана только одна форма беллетристическая. Авторъ въ нихъ не заботится о «вдохновеніи», а въ умышленно карикатурной формѣ изображаетъ явленія жизни, нарочно придумывая ихъ, чтобы произвести большее впечатлѣніе. Но это не произведенія искусства, они лишены поэзіи и художественности, это суть памфлеты, которымъ случайна и не неизбѣжна форма беллетристическая. И авторъ знаетъ это всегда самъ, онъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

не убѣждаетъ васъ, что имъ изображается дѣйствительность, настоящая жизнь въ ея цѣлостности, онъ даетъ вамъ прямо понять, что онъ просто подбираетъ примѣры для выясненія своей мысли, которая въ подобныхъ произведеніяхъ составляетъ главный элементъ. Въ нихъ, въ этихъ памфлетахъ въ беллетристической формѣ, нѣтъ глубокаго психологическаго анализа, авторъ довольствуется внѣшностью всѣмъ видимой, онъ не заботится объ изученіи душевной жизни, законовъ, управляющихъ ею, между тѣмъ какъ въ истинно-художественномъ произведеніи внутренняя, душевная жизнь, обнаруживаемая сильнымъ воображеніемъ поэта, не такъ-то легко понимается, смотритъ загадочно, какъ напр. въ образѣ Гамлета, вызвавшаго многоразличныя толкованія и разъясненія. Потому-то сатира въ ея чистомъ видѣ, всегда тенденціозная, непретендующая изображать жизнь, какъ она есть, а подвергающая осмѣянію пороки и слабости людскія, никогда не причислялась къ художественной литературѣ, а составляла особый родъ литературы. Въ наше время смѣшенія литературныхъ формъ, когда даже научныя сочиненія получаютъ форму беллетристическую, это понятіе о сатирѣ уже не можетъ быть во многихъ случаяхъ примѣнимо, но въ принципѣ старинное мнѣніе имѣло серьезнѣйшія и неоспоримыя основанія.

Вотъ принципы, которыя лягутъ въ основаніе нашего сужденія о литературной дѣятельности и литературной физіономіи В. В. Крестовскаго, открыто становящагося въ рядъ писателей тенденціозныхъ. Намъ предстоитъ рѣшить, представляютъ ли его сочиненія чисто тенденціозныя произведенія, разсмотрѣть характеръ и значеніе его тенденцій и насколько создаваемыя имъ картины жизни вѣрны дѣйствительности и художественнымъ требованіямъ, насколько, поэтому, его тенденціи приближаются къ «идеямъ», служатъ выраженіемъ поучительныхъ уроковъ жизни самой, а не выраженіемъ только личныхъ мнѣній автора.

2.

Въ теченіе тридатипятилѣтней литературной дѣятельности, В. В. Крестовскій успѣлъ обнаружить разнообразныя стороны своего таланта. Талантъ этотъ не принадлежитъ къ первостепеннымъ, но во всякомъ случаѣ онъ достаточно силенъ, чтобы оправдать тотъ значительный успѣхъ, который скоро достался молодому тогда писателю. Было время, когда г. Крестовскій обнаруживалъ въ своихъ произведеніяхъ черты настоящаго художника-писателя, не думающаго о тенденціяхъ, а создающаго очень живыя характеристики жизненныхъ явленій, далеко не лишенныя силы психологическаго анализа. Стоитъ только взять, напр., его очеркъ «Буяновъ—мой сосѣдъ», чтобы убѣдиться въ этомъ. Корнетъ Буяновъ—фигура характерная и живая, ярко освѣщающая одну изъ сторонъ старин-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ной военной русской жизни, характеръ цѣлостный и психологически послѣдовательный. Нѣсколько чудаковатый субъектъ, онъ, въ качествѣ «бобыля», находитъ въ полку «прочное убѣжище», по выраженію автора, «пристанище мирное и тихое, въ которое человѣкъ можетъ уйти и спрятаться, какъ улитка въ свою скорлупу». И полкъ для него все: предметъ идеализированія и поклоненія, честью котораго онъ дорожитъ больше, чѣмъ собственною жизнью. Какъ истый идеалистъ, онъ не заботится ни объ успѣхахъ по службѣ, ни счета денегъ не знаетъ, товарищамъ преданъ безмѣрно и всякому радъ оказать услугу. Все это изображено авторомъ очень симпатично и характерно.

Прочтите, напр., вотъ эту сцену: — «Буяновъ, у тебя есть деньги?» бывало, спроситъ его кто-нибудь изъ товарищей.—Есть. А что? — «Да такъ.... Сколько у тебя денегъ?» — Да не особенно того... десятка два рублишекъ найдется. — «И тебѣ онѣ нужны?» — Немножко нужны. — «Да зачѣмъ тебѣ деньги? Это вовсе нейдетъ къ тебѣ! Ей Богу! Деньги тебѣ не къ лицу»—Нельзя, братъ, и безъ оныхъ; чаю-сахару закупить, да билетовъ взять на мѣсяцъ у кухмистерши,—вотъ и все.—«А я у тебя хотѣлъ было денегъ взять».—Чтожъ, бери, съ удовольствіемъ! Сколько тебѣ?—«Да надо шестьдесятъ».—Ну шестидесяти нѣту. Возьми двадцать.—«А самъ-то съ чѣмъ же останешься? Вѣдь это послѣднія?»—Ничего, какъ-нибудь выкрутимся! Богъ не выдастъ, свинья не съѣстъ. А тебѣ непремѣнно шестьдесятъ нужно? Неменѣе?—«Никакъ не менѣе».—Гм!.. Ну, постой, сейчасъ поправимъ дѣло. Эй, Огневъ! позови сюда закладчика Шмура. Живѣе!—И денщикъ Огневъ бѣжитъ за Шмуромъ.—«Что ты хочешь дѣлать, Буяновъ?»—Часы заложить... да вотъ пальто лишнее, пожалуй.—«Это для чего же?»—Да вѣдь тебѣ деньги нужны?—«Ха, ха, ха!.. Я пошутилъ только... хотѣлъ удостовѣриться, всегда ли твой карманъ играетъ роль всеобщей кассы; а мнѣ, въ сущности, не нужно»,—Буяновъ хмурится.—Такъ что же, чортъ возьми! что я тебѣ кукла или шутъ гороховый дался, чтобы ты надо мной шутки шутить вздумалъ!—съ неудовольствіемъ ворчитъ онъ.—«Да я по-товарищески...»—Гм.... по-товарищески!.. Ты, по-товарищески, что-нибудь умнѣе выдумалъ бы, чѣмъ шутить надо мною!»

Не весь ли человѣкъ въ этой сценѣ, съ его добродушіемъ и готовностью на помощь товарищу, съ неблестящимъ умомъ, но честнымъ сердцемъ, при комической серьезности. И этотъ человѣкъ не одинъ разъ дерется на дуэли, мня защитить честь полка и портя свою жизнь. Особенно любопытенъ случай, когда Буяновъ не стерпѣлъ дружескихъ совѣтовъ знакомаго офицера гвардейскаго полка перейти въ гвардію, съ присовокупленіемъ, что охота-де ему, Буянову, «служить чортъ знаетъ гдѣ, въ какомъ-то уланскомъ полку»... Буяновъ, повторяемъ, фигура типическая и характерная,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

обнаруживающая въ авторѣ живой и впечатлительный талантъ. Знакомый близко съ военнымъ бытомъ, нашъ авторъ написалъ нѣсколько очень любопытныхъ и характерныхъ очерковъ военнаго быта. Картинки подъ заглавіемъ «Отъ штаба до зимнихъ квартиръ» рѣшительно блещутъ живыми красками и глубокимъ знаніемъ быта, который авторъ взялся описать. Солдаты и крестьяне, дѣйствующіе въ этихъ очеркахъ, являются передъ вами вполнѣ естественными и простыми. Авторъ, конечно, по ходу разсказа видитъ крестьянъ на короткое время въ походѣ, можетъ отмѣтить лишь случайныя подмѣченныя черты, ими онъ и ограничивается; и это производитъ пріятное впечатлѣніе, впечатлѣніе истины.

Замѣчательною чертою очерковъ автора, какъ, впрочемъ, и большихъ его произведеній, является совершеннѣйшая простота, отсутствіе всякой вычурности и стремленій изобразить изъ себя нѣчто серьезное, глубокомысленное, полное исключительнаго пониманія. Съ полной безпретенціозностью разсказываетъ авторъ свои наблюденія. Въ его распоряженіи есть поэтическія струны, и, напримѣръ, отъ разсказа «Пчельникъ» вѣетъ дикою поэзіею лѣснаго затишья и безлюдья, а своеобразные обитатели пчельника гармонируютъ своими воззрѣніями и повѣрьями съ окружающею таинственностью лѣсной жизни.

Въ началѣ своей дѣятельности авторъ прошелъ, какъ это обыкновенно бывало въ то время, въ сороковые и пятидесятые годы, такъ сказать черезъ стихотворный періодъ. И если поэтическая, въ смыслѣ стихотворной, дѣятельность не была настоящей дорогой нашего автора, то во всякомъ случаѣ не лишне отмѣтить, что онъ шелъ по ней въ томъ направленіи, которое свидѣтельствуетъ о чуткости автора къ возникавшимъ движеніямъ. Прочтите, напр., его стихотворный разсказъ «Изъ былого», написанный въ 1859 году:

«Я проѣзжалъ дорогой невеселой:
«Все ширь да дичь, да снѣжная поляна;
«Порой мелькнетъ скелетъ березы голой
«Иль глянетъ лѣсъ изъ мглистаго тумана
«И только... къ ночи слышенъ вой лишь волчій...
«И все сулитъ хандру, и сердитъ все до желчи...
«Не весело...
«И помню въ той полянѣ
«Я рядъ штыковъ и звукъ цѣпей гремучихъ...
«И «не бѣлы-снѣги» звучатъ въ туманѣ,
«А въ звукахъ тѣхъ и тайныхъ, и пѣвучихъ
«Все чудилось гнетущее родное...»

Эти стихи написаны, какъ видитъ читатель, въ духѣ Некрасова,—вообще въ духѣ тогдашняго времени. А дальше въ этомъ разсказѣ повѣствуется исторія о томъ, какъ нѣкій студентъ «и рьяный, и свободный», «частью Рудинъ и частью Донъ-Кихотъ» пламенными рѣчами увлекаетъ дѣвушку; какъ мать прокляла дѣ-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

вушку; какъ молодые люди были счастливы трудовымъ счастіемъ, пока, наконецъ, этотъ отчасти Рудинъ, а частью Донъ-Кихотъ не

«Исчезъ какъ-то вдругъ, и какъ ужъ мы не бились
«Узнать, куда и какъ—но все напрасно!..»

послѣ чего уже «студенты не сходились»..., а «по городу ходили смутные слухи, что будто бы его схватили злые духи...» Заключеніе разсказа, однако, въ томъ, что авторъ встрѣтилъ послѣ того дѣвушку въ положеніи ужасномъ, въ какомъ-то вертепѣ. Здѣсь мы видимъ, что авторъ, при всемъ вліяніи на него господствовавшаго настроенія, продиктовавшаго ему тему и пріемы, обнаруживаетъ извѣстную самостоятельность. Симпатія его на сторонѣ, главнымъ образомъ, дѣвушки, жизнь которой такъ безпощадно и легкомысленно разбита и искалѣчена. Невольно слышится въ разсказѣ протестъ не противъ только проклинающей матери и не противъ только «злыхъ духовъ», а противъ этой удивительной легкомысленности, рудиновской и донъ-кихотской, съ которою примѣнена была молодыми людьми «свобода чувства», очень ужь расходившаяся съ неизбѣжностью думать о будущемъ, которое виднѣлось вдали изъ-за «благородныхъ стремленій» полюбившаго юноши. Любопытнѣйшею чертою является въ разсказѣ то, что авторъ видитъ всю безрадостную дѣйствительность, всю страшную обстановку, среди которой сложилась эта исторія. Не пользуются его симпатіями ни проклинающая мать, деспотически мечтавшая устроить судьбу дочери съ «женихомъ со звѣздой и лентой», ни уѣздные франты, которые «молчали въ танцахъ и играли въ фанты, ни, наконецъ, миѳическіе «злые духи», такъ страшно вмѣшавшіеся въ судьбу просто болтливаго Рудина и Донъ-Кихота, ни кому не опаснаго и обѣщавшаго въ будущемъ, всего вѣроятнѣе, довольно пустого человѣка. Но къ этой не лишенной мрачности, тяжелой картинѣ авторъ прибавляетъ новую печальную черту, которой по господствовавшему настроенію принято было не видѣть. Въ томъ, что принято было противопоставлять окружающему безмыслію въ качествѣ идеальнаго и протестующаго, авторъ успѣлъ разсмотрѣть свои рѣзко отрицательныя стороны, черты не вызывавшія въ немъ ничего, кромѣ сожалѣній и сомнѣній. Авторъ не выражаетъ ни малѣйшей рѣзкости, не говоря уже о злобѣ, по поводу затрогиваемаго имъ вопроса, имъ владѣетъ не негодованіе даже, а именно только грусть и сожалѣніе. И это обстоятельство должно было защитить его отъ включенія въ «обскуранты» и «ретрограды», не понимающіе всей великости и обаянія новѣйшихъ прогрессивнѣйшихъ стремленій. Добростовѣстностью и убѣжденіемъ, желаніемъ близко приглядѣться къ возникшимъ явленіямъ, понять ихъ безпристрастно и полно—дышатъ эти первоначальные литературные опыты В. В. Крестовскаго, а въ то же время въ нихъ сказывается самостоятельность и независимость, свобода пониманія вещей.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Среди повѣстей Крестовскаго найдутся и такія, которыя преслѣдуютъ цѣли чисто психологическія, но найдутся и другія, въ которыхъ замѣтна смягченная тенденціозность въ духѣ времени. Къ послѣднимъ можно отнести, напримѣръ, разсказы «Торныя дороги», «Погибшее, но милое созданье» и проч. Во всѣхъ подобныхъ разсказахъ авторъ является обличителемъ разврата, распущенности нравовъ, которая сдѣлалась постоянною темою его произведеній. Такъ, въ «Торныхъ дорогахъ» авторъ разсказываетъ исторію двухъ бѣдныхъ дѣвушекъ, съ наивными мечтами оставившихъ институтъ и потомъ, подъ вліяніемъ общественнаго разврата, гибнущихъ — одна нравственно, а другая физически. Первая не устояла передъ оскорбительнымъ положеніемъ наемной учительницы и передъ наглымъ, безцеремоннымъ предложеніемъ развратнаго негодяя, брата ея учениць, манившаго ее роскошью жизни, и сдѣлалась дамой полу-свѣта. Вторая пала жертвой невыносимой бѣдности и сожалѣнія къ больной матери и вышла на торную дорогу Невскаго проспекта, сохранивъ душевную чистоту и уступая каждый разъ только необходимости не умереть съ голоду. Въ концѣ концовъ первая торжествуетъ вполнѣ, выходя замужъ «за статскаго совѣтника Отлукавскаго», а послѣдняя, случайно видѣвшая приготовленія къ вѣнчанью, вспоминаетъ слова умершей матери: «ужъ будто честному человѣку и мѣста нѣтъ на землѣ! будто только одна подлость да низость, да развратъ благоденствуетъ и живетъ въ довольствѣ», и внутренно говоритъ себѣ: «видно, что такъ!» — болѣзненная и истощенная своей печальной жизнью. Тема та же, что въ «Убогой и нарядной» Некрасова, только болѣе подробно разработанная, будучи написана въ формѣ прозаической, не стихотворной.

Такъ складывался литературный характеръ нашего автора. Между тѣмъ жизненный опытъ и наблюденія привели В. В. Крестовскаго къ изображенію выводовъ въ болѣе широкой картинѣ. И первое, что представилось ему на этомъ пути, была именно картина бѣдствій людскихъ, происходящихъ отъ развращенности общественныхъ нравовъ, которая, какъ мы замѣтили выше, завладѣла съ особенною силою вниманіемъ его. Впослѣдствіи, роковыя событія польскаго возстанія и вопросъ еврейскій, по ихъ жгучести живо заинтересовавшіе автора, побудили его высказать въ беллетристической формѣ свои взгляды на нихъ. Появились большія произведенія г. Крестовскаго: «Петербургскія трущобы», доставившія ему широкую извѣстность, а затѣмъ «Панургово стадо» и «Двѣ силы» («Кровавый пуфъ» вмѣстѣ) и «Тьма египетская», вызвавшія противъ автора многочисленныя нападенія по поводу ихъ смысла и цѣлей. Къ разсмотрѣнію этихъ произведеній, составляющихъ самое важное и значительное въ томъ, что̀ написано нашимъ авторомъ, мы и должны теперь перейти.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

3.

«Петербургскія трущобы», «книга о сытыхъ и голодныхъ», какъ справедливо называетъ ее самъ авторъ, занимаетъ въ русской литературѣ очень своеобразное положеніе. Написанныя въ манерѣ «Парижскихъ тайнъ» Евгенія Сю, подобно этому послѣднему роману, они разсматриваются обыкновенно, какъ легкое, немного рискованное чтеніе, интересно написанное беллетристическое произведеніе, къ серьезнымъ произведеніямъ литературы не причисляемое. Въ этомъ взглядѣ есть крупная и грубая ошибка. Въ литературѣ нашей есть, конечно, произведенія, трактующія приблизительно ту же тему съ полной художественностью образовъ, какъ напримѣръ, «Записки изъ мертваго дома» Достоевскаго. Но Достоевскій—величайшій талантъ, и психологическій анализъ, свойственный ему, представляетъ явленіе по истинѣ изумительное и рѣдчайшее. Притомъ онъ рисуетъ намъ душевную жизнь людей уже окончившихъ свою жизнь и преступную дѣятельность, а г. Крестовскій изображаетъ самыя дѣйствія преступныхъ элементовъ Петербурга. «Петербургскія трущобы» произведеніе единственное въ своемъ родѣ въ русской литературѣ и имѣетъ серьезнѣйшій смыслъ. Авторъ изображаетъ въ нихъ такой сложный и знаменательный міръ явленій, который только потому не даетъ въ глазахъ нѣкоторыхъ людей огромное значеніе роману, что онъ чуждъ читающему слою общества, стоитъ вдали отъ него—кажущаяся даль!— и интересуетъ немногимъ больше, если не меньше иной разъ, чѣмъ описаніе жизни дикарей Австраліи. Книга г. Крестовскаго, конечно, не можетъ быть дана всякому въ руки, и подростающее поколѣніе, которое всегда и составляетъ у насъ настоящій контингентъ читателей, не включается естественно въ число возможныхъ читателей «Петербургскихъ трущобъ»; въ этомъ быть можетъ причина, почему обширный романъ нашего автора не ставится въ число тѣхъ произведеній, которыя изучаются и считаются достояніемъ общественной мысли. При реальномъ взглядѣ на дѣло, романъ этотъ представится огромной, хотя и односторонней картиной, картиной жизни, заглядывающей въ самые скрытые углы общественныхъ отношеній, разсматриваемыхъ не съ точки зрѣнія правовыхъ нормъ и теоретическихъ политическихъ воззрѣній, а съ точки зрѣнія грубыхъ страстей, дѣйствующихъ въ обществѣ, порождающихъ развратъ и преступленія. Картина, нарисованная авторомъ есть, конечно, односторонняя картина, она представляетъ «обратную сторону медали» общественной жизни Петербурга, и не одного Петербурга. Она старается выяснить причины разврата и «нарядныхъ» и «убогихъ», и выясняетъ ихъ, какъ увидимъ, въ смыслѣ весьма справедливомъ и гуманномъ. Передъ вами неотвратимо становится ясный выводъ, что личность въ своей развратной и преступной жизни повинна

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

не болѣе, чѣмъ все общество, чѣмъ обычаи, привычки и страсти тѣхъ, кто избѣгаетъ правосудія.

Въ романѣ г. Крестовскаго есть одно свойство, одинъ общій большой недостатокъ, лишающій его, съ кажущимся правомъ, художественнаго значенія. Недостатокъ этотъ въ томъ, что самыя первенствующія лица романа, какъ семья князей Шадурскихъ, обращены къ читателю только одной стороной разврата и безсердечнаго легкомыслія, порождающаго кругомъ несчастія и бѣдствія. Личности эти, какъ и многія другія, лишены вполнѣ живого изображенія, они не смотрятъ индивидуальными людьми,—условіе необходимое для полной художественности иллюзіи,—представляютъ собою олицетворенія извѣстныхъ свойствъ, нужныхъ для цѣлей автора. Но, помимо того, что это положеніе можетъ быть признано только условно, что и въ психологической обрисовкѣ дѣйствующихъ лицъ сказывается тотъ талантъ, который проявлялъ себя въ повѣстяхъ автора, этотъ недочетъ понятенъ и почти неизбѣженъ при цѣляхъ и задачахъ, принятыхъ на себя авторомъ. Герои романа г. Крестовскаго— не люди, не князья Шадурскіе и ихъ жертвы, не петербургскіе обитатели «трущобъ», а развращенность, страсти этихъ людей, и на нихъ онъ естественно останавливаетъ вниманіе почти исключительно. Не душевныя свойства развратниковъ и преступниковъ интересовали автора, а тѣ формы, которыя принимаютъ ихъ развратъ и преступныя стремленія, дѣйствительная внѣшняя жизнь съ ея причинами и послѣдствіями, и авторъ, конечно, всего болѣе останавливается на внѣшности. Но эта внѣшность не можетъ быть постигнута никакимъ «поэтическимъ прозрѣніемъ», никакимъ художественнымъ чувствомъ; она требуетъ непосредственнаго наблюденія и изученія, и передача ея частностей, ея многосложныхъ формъ, требуетъ не одного художественнаго таланта, а въ еще большей степени внимательности и правдивости, чтобы не увлечься въ сторону созданія, хотя бы и художественныхъ и возможныхъ, но не существующихъ на простомъ фактѣ явленій дѣйствительности. Изучая же романъ, вы невольно отдадите дань справедливости автору, который съ большой простотой и ясностью, съ присутствіемъ живого таланта разсказа и группированія фактовъ, передаетъ суть печальныхъ явленій, подпавшихъ его наблюденію. При всѣхъ этихъ условіяхъ, романъ г. Крестовскаго принимаетъ характеръ этнографическій, но съ присутствіемъ художественнаго элемента и психологическаго освѣщенія. Да и нельзя сказать, чтобы, напримѣръ, молодой Шадурскій былъ олицетвореніемъ исключительно развратныхъ и легкомысленныхъ свойствъ избалованнаго и совершенно нравственно невоспитаннаго барина. Много найдется совершенно такихъ характеровъ, какъ онъ, добрыя девяносто девять сотыхъ своей жизни проживающихъ безъ размышленія и вопросовъ: хорошо ли онъ поступаетъ?—и слѣдующихъ исключительно за сво-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ими плотскими вожделѣніями. А съ этой стороны онъ ясенъ и психологически характеренъ. Есть въ немъ, конечно, иныя, болѣе человѣчныя черты, которыя глубокій художникъ могъ бы выяснить рядомъ съ его распущенностью и безпринципностью. Но вѣдь авторъ нашъ и не имѣлъ въ виду открыть въ немъ «душу живу», какъ нѣкогда выражались, и въ чемъ преувеличенно видѣли единственное призваніе художника.

Изъ вышеизложеннаго ясно, что̀ въ романѣ г. Крестовскаго имѣетъ существенную роль, что̀ изобразилъ онъ, что̀ сказалъ своими картинами. Но пусть самъ авторъ скажетъ намъ это. «Есть въ мірѣ царь—незримый, неслышимый, но чувствуемый, царь грозный, какъ едва ли былъ грозенъ кто изъ владыкъ земныхъ. Царь этотъ старъ; годы его считаютъ не десятками и не сотнями; годы его—тысячелѣтія. Онъ столь же старъ, сколь старо то, что зовутъ цивилизаціею человѣческою. Есть преданіе, что народился онъ въ ту самую ночь, какъ люди, дотолѣ дикіе, выйдя изъ лѣсовъ своихъ, сошлись всѣ вкупѣ, и положили краеугольный камень перваго человѣческаго города... Онъ злой, тираническій деспотъ, и трудно отъ него укрыться и спастись. Годы только усиливаютъ его злобную грозу и лютость. Царствіе его—отъ міра сего, и предѣлу царствія—нѣсть конца.... Будетъ ли конецъ его царствію—невѣдомо. Та же самая цивилизація ведетъ съ нимъ вѣковую, упорную борьбу, а межъ тѣмъ, порфира грознаго царя все-таки всевластно простирается надъ міромъ.... Онъ гордъ и надменъ и гнусно-пресмыкающъ въ одно и то же время! онъ подлъ и мерзокъ, какъ сама мерзость запустѣнія. Его царственныя прерогативы—порокъ, преступленіе и рабство—рабство самое мелкое, но чуть ли не самое подлое изъ всѣхъ рабствъ, когда-либо существовавшихъ на землѣ... Его дѣти—Болѣзнь и Несчастіе. Іуда тоже былъ его порожденіемъ, и самъ онъ сынъ ужасной матери. Отецъ его—Дьяволъ, мать—Нищета. Имя ему—Развратъ».

Вотъ нравственныя представленія автора о жизни, изображенной имъ въ «Петербургскихъ трущобахъ» И развратъ является ужаснымъ героемъ этой длинной эпопеи. Передъ вами проходятъ картины поражающія своимъ нравственнымъ безобразіемъ, и это нравственное безобразіе находитъ самое большее выраженіе въ тѣхъ «сытыхъ», которые представлены въ образѣ Шадурскихъ и имъ подобныхъ. Въ жизни этихъ сытыхъ героевъ снаружи все такъ благопристойно, а внутри гнусная грязь, прикрываемая богатствомъ. Въ жизни истинныхъ трущобъ, напротивъ, снаружи все въ высокой степени безобразно и безнравственно, а внутри еще теплится огонь человѣческаго чувства и человѣческой мысли, воспитанный и поддерживаемый ужасными несчастіями и бѣдствіями, которыя испытываютъ эти паріи человѣчества. Для сытыхъ, бездумно и легко совершающихъ свои гнусныя дѣянія,—

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

нѣтъ ни въ чемъ извиненія; голодные возбуждаютъ не одно только чувство отвращенія, а и безмѣрной жалости. Таково впечатлѣніе отъ цѣлаго романа г. Крестовскаго, и одно оно уже искупаетъ недочеты художественности изображенія. И авторъ самъ высказываетъ прямо эти мысли, онъ положилъ ихъ въ основаніе романа—въ этомъ «тенденціозность» этого послѣдняго. Но если все, что̀ онъ изображаетъ, вѣрно дѣйствительности, если онъ ничего не извращаетъ и ничего не выдумываетъ, если эта тенденція является простымъ выводомъ изъ общихъ фактовъ, то она приближается по своему значенію къ тому, что называется «идеею», что составляетъ небходимую принадлежность каждаго литературнаго произведенія, претендующаго на значеніе, на смыслъ, на полезность для читателей.

Было бы излишне и несправедливо умолчать, что иногда тенденціозность и литературные пріемы, не истекающіе изъ «вдохновенія», говоря старымъ терминомъ, заводятъ автора на нежелательные пути. Въ видахъ «интересности» романа, авторъ допускаетъ такія приключенія, какъ чуть не воскресеніе изъ мертвыхъ Бероевой, и тому подобное. Придумываетъ онъ и другіе эфекты, присочиненность которыхъ очевидна. Но какъ мы показываемъ, это эфекты, придающіе роману несерьезный характеръ, играютъ слишкомъ незначительную роль въ немъ, въ виду значительности мысли и правдивыхъ картинъ разврата и преступности. А правдивость эта несомнѣнна, относительно чего авторъ въ предисловіи считаетъ нужнымъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній очень убѣдительныхъ. Когда онъ читалъ романъ нѣкоторымъ друзьямъ и знакомымъ, его спрашивали: да неужели все это такъ, все это правда? И авторъ поясняетъ, что все написанное имъ вынесено изъ непосредственнаго наблюденія, изъ ознакомленія съ судебными дѣлами и т. п. И онъ замѣчаетъ: «Многимъ изъ читателей многое, быть можетъ, покажется въ немъ (въ романѣ) страннымъ, преувеличеннымъ и даже невѣроятнымъ; но это оттого, что мы не привыкли еще къ гласному, публичному обсужденію такого рода фактовъ и обстоятельствъ. Открытыя судебныя камеры не замедлятъ познакомить насъ со множествомъ неизвѣстныхъ еще большинству явленій»; отстраняетъ онъ и возможность отыскивать въ романѣ затаенныя мысли, грубыя тенденціи. «Я—говоритъ онъ:—остаюсь совершенно чуждъ въ моей книгѣ какихъ бы то ни было сословныхъ пристрастій, симпатій и антипатій. Я беру только то, что̀ мнѣ даетъ жизнь»... Наконецъ, авторъ предусматриваетъ и возможные упреки въ циничности изображаемыхъ имъ явленій жизни. «Быть можетъ, кто-либо найдетъ, что изображеніе... язвъ слишкомъ цинично и даже неблагопристойно.—Что же дѣлать, таковъ ужъ предметъ, избранный мною. Да притомъ, книга вѣдь и не предназначается къ чтенію въ пансіонахъ и институтахъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

для благородныхъ дѣвицъ. Въ этомъ случаѣ я могу отвѣтить только словами покойнаго Помяловскаго: «если читатель слабъ на нервы и въ литературѣ ищетъ развлеченія и элегантныхъ образовъ, то пусть онъ не читаетъ мою книгу».... Все это совершенно справедливо. И романъ г. Крестовскаго имѣетъ очень серьезное общественное, если не художественно-литературное, значеніе, раскрывая картину несчастій и преступленій, порождаемыхъ въ обществѣ отсутствіемъ нравственнаго воспитанія однихъ и безсиліемъ передъ гнетомъ порока другихъ, болѣе слабыхъ.

4.

«Кровавый пуфъ»,—«хроника о новомъ смутномъ времени государства Россійскаго», по характеристикѣ автора, принадлежитъ, при открытой въ немъ политической тенденціи, къ самымъ, на первый взглядъ, рискованнымъ литературнымъ произведеніямъ. Касаясь самой болѣзненной и печальной стороны русской государственной жизни, она естественно должна вызывать самыя различныя отношенія со стороны различно думающихъ о предметѣ людей. За авторомъ, однако, нужно признать право думать такъ, какъ диктуютъ ему его умъ и его чувство, и если тенденція романа не сходится съ вашими мнѣніями, можете опровергать ее, но не грязнить романъ подозрительными характеристиками. Единственное требованіе, которое мы имѣемъ право предъявить автору, чтобы онъ честно высказывалъ свои искреннія мнѣнія. Если онъ и ошибается, то всегда за нимъ остается заслуга освѣщенія предмета хоть съ одной стороны. И смѣлое, открытое заявленіе своихъ мнѣній, при господствѣ мнѣній противоположныхъ, должно заслуживать уваженія и при полномъ несогласіи съ ними.

Къ счастію для насъ, авторъ самъ категорически высказалъ устами своихъ героевъ и своимъ перомъ тѣ мысли, тѣ тенденціи, которыя руководили имъ при писаніи хроники, и намъ остается только посмотрѣть, на сколько изображенные имъ факты подтверждаютъ эти мысли. Приведемъ сначала главныя мысли автора.

Что думаетъ авторъ о стремленіяхъ Польши къ независимости? «Хвалынцевъ,—пишетъ онъ:—какъ честный человѣкъ, не могъ не придти къ одному достопримѣчательному сознанію, которое въ тотъ же день, подъ свѣжимъ неизгладившимся впечатлѣніемъ (отъ Варшавы), занесъ въ свою записную книжку. «Да! здѣсь есть за что встать и за что побороться! съ глубокимъ убѣжденіемъ писалъ онъ тамъ: всѣ эти монастыри, костелы и колонны, историческія площади, мѣста и улицы, историческіе дома и зданія,—со всѣмъ этимъ соединяется здѣсь столько славныхъ, свѣтлыхъ и и столько горькихъ воспоминаній, что они не скоро изгладятся изъ памяти народнаго сердца!... Это такой же славянскій центръ,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

какъ наша Москва, какъ чешская Прага; здѣсь вѣками прошла цѣлая жизнь, своеобразная, богатая и характерная. Здѣсь легъ въ основаніе быта совсѣмъ особый, нимало не похожій на нашъ, культъ жизни, понятій, вѣрованій, стремленій, политики, государства, что нѣтъ ничего мудренаго, если и до сихъ поръ невозможно забыть этотъ культъ! Всѣ эти мѣста для поляка то же самое, что для насъ московскій Кремль съ его святынями. Отъ всего этого не легко.... даже нельзя, невозможно отказаться, потому что всѣ эти памятники стародавней жизни просто мозолятъ глаза собою; они кричатъ, они вопіютъ о прошломъ и требуютъ его возвращенія! Надо одно изъ двухъ: либо сполна отдать ихъ полякамъ, либо уничтожить ихъ въ три часа грозными пушками Александровской цитадели! Иначе же, пока существуютъ на глазахъ у всѣхъ эти историческіе памятники прошлой независимости и славы—здѣсь никогда не будетъ ни полнаго мира, ни полнаго покоя, ни полнаго счастія». Къ этому авторъ могъ бы прибавить, что помимо памятниковъ вещественныхъ, существуютъ еще памятники иные, самыя формы быта, приноровленныя къ духу народному, противъ которыхъ безсильны и грозныя пушки цитадели. Очевидно, что авторъ влагаетъ въ уста Хвалынцева мысли, которыя онъ раздѣляетъ, впечатлѣнія, которыя самъ испыталъ. И единственное рѣшеніе тяжелаго вопроса онъ видитъ, если ужъ не возвратить Польшѣ прошлое, то «во имя свѣтлаго настоящаго заставить ее забыть историческое прошлое», что можетъ быть совершено «если не вѣками, то долгими и долгими годами неуклонной, твердой и честной русской политики». Что можно видѣть въ этихъ полныхъ ума и справедливости строкахъ, кромѣ искренняго убѣжденія?

Извѣстно, какъ вызывающе вели себя поляки передъ возстаніемъ относительно русскихъ. И вотъ вамъ картина, поясняющая то чувство, которое, при существованіи вышеприведенныхъ обстольтельствъ, двигало поступками ихъ. Хвалынцевъ заходитъ въ костелъ, и передъ нимъ совершается знаменательная сцена. «Передъ глазами его былъ высокій, свѣтлый храмъ, биткомъ наполненный народомъ, и весь этотъ народъ стоялъ на колѣняхъ; но передъ авторомъ не было замѣтно ни одного священнодѣйствующаго лица. Впереди виднѣлась группа черныхъ, колѣнопреклоненныхъ женщинъ. На всѣхъ лицахъ лежала печать выразительной, озлобленной скорби, взоры горѣли молитвой, фанатизмомъ, отчаяніемъ, религіознымъ экстазомъ и ненавистью... Вверху гудѣлъ органъ, но аккомпанирующіе звуки его почти заглушались: вся эта плотная, колѣнопреклоненная масса, какъ одинъ человѣкъ полною грудью, въ весь голосъ издавала страшные, морозомъ подирающіе вопли, которые были мрачнымъ гимномъ отчаянія, ропота и укоризны, обращенныхъ къ Богу..... Хвалынцевъ весь находился подъ страшно-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

гнетущимъ и потрясающимъ впечатлѣніемъ этихъ какъ бы изстрадавшихся, отчаянно-рѣшительныхъ и могильно-грозныхъ звуковъ: ни одной свѣтлой, умиляющей ноты—одна только скорбь, одно лишь отчаяніе и горькій, изступленный упрекъ да сѣтующая жалоба звучали въ этихъ аккордахъ»... И Хвалынцевъ,—«человѣкъ, чуждый этому міру, человѣкъ иной національности, въ эту минуту живо и глубоко почувствовалъ и позналъ ту страшную силу, которая можетъ и должна электризировать и фанатически подымать цѣлыя массы народа, настроеннаго подобнымъ образомъ»... Кто не согласится съ нами, что эти строки продиктованы совсѣмъ не тенденціей, а глубокимъ художественнымъ чувствомъ?

Но тогда—на какой же точкѣ зрѣнія стоитъ нашъ авторъ въ сложномъ вопросѣ и въ чемъ сознаваемая имъ самимъ тенденціозность его «хроники». Да, авторъ признаетъ то, что онъ высказываетъ о Польшѣ и невозможности для нея забыть въ настоящее время прошлое. Но въ сложныхъ политическихъ обстоятельствахъ междуплеменной борьбы, господствующей въ Европѣ, — фактъ, сколько ни отрицай его во имя отвлеченной идеи человѣчества, существующій,—по автору, славянскія племена должны быть вмѣстѣ, единою силой; иначе имъ грозитъ неизбѣжная опасность слабости, усложняемой вѣковой борьбой славянъ между собою. Это опять предметъ спорный, если хотите, но на который авторъ имѣетъ право и основаніе смотрѣть такъ, какъ онъ смотритъ. И потому-то онъ съ сожалѣніемъ смотритъ на историческую судьбу Польши и требуетъ честной относительно ея политики русской. Почему же, однако, Польша должна быть насильственно вмѣстѣ и Россіей? Эту сторону дѣла авторъ выясняетъ историческимъ характеромъ Польской государственной и общественной жизни, которая въ «неравномъ спорѣ» неизбѣжно обрекла Польшу къ зависимости отъ Россіи, а не наоборотъ, какъ Польша стремилась. Авторъ опирается на безпристрастное мнѣніе Прудона, который говоритъ: «Польша идетъ наперекоръ всѣмъ соображеніямъ. Ея мнимая цивилизація въ средніе вѣка есть не болѣе, какъ восточная роскошь... Дворянскіе предразсудки доведены до ребячества, до безумія; отсутствіе дисциплины возведено въ требованіе чести; всѣ понятія извращены... Вы и теперь остаетесь дворянами. Вы и теперь точно такъ же, какъ и прежде, хотите властвовать и распоряжаться другими... Вы хотите возродиться, но возродиться внѣ условій новѣйшей жизни». Словомъ, исторически окрѣпшій «шляхетскій» характеръ стремленій Польши сдѣлалъ ее слабою и не способною отстоять свою самостоятельность. Онъ же былъ причиною и ея вѣчной вражды къ русскому государству, онъ же сказался въ исторіи польскихъ отношеній къ Украйнѣ и пр., и пр. Вотъ воззрѣнія, которыя проводитъ авторъ. Въ историческомъ соперничествѣ двухъ славянскихъ племенъ лежалъ неизбѣжный исходъ. «Мы

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

съ вами—говоритъ одинъ изъ персонажей г. Крестовскаго честному поляку о Россіи и Польшѣ—это два зерна, брошенныя въ общую почву, слишкомъ близко одно къ другому. И тому, и этому надо жить, но чтобы жить, надо пускать въ почву глубже и шире свои корни, а вмѣстѣ намъ тѣсно, мы мѣшаемъ другъ другу, одинъ изъ насъ затрудняетъ естественный ростъ другого. Отсюда невольная борьба—борьба за существованіе, гдѣ играютъ роль не одни политическіе вопросы, а всѣ, рѣшительно всѣ жизненныя условія наши и ваши». Строки эти, конечно, грустны, но, быть можетъ, авторъ и правъ, допуская, конечно, споръ противъ себя.

Такова основанная мысль хроники г. Крестовскаго, облекаемая имъ, какъ ясно изъ приведенныхъ примѣровъ, въ формы живыя и значительныя по большей части. Частною тенденціею автора было показать, что Западный край, безъ котораго самостоятельное существованіе Польши было бы слишкомъ проблематично и призрачно и на который она претендуетъ, не есть польскій край по своему народу, по коренному населенію, презираемому шляхетствомъ, а есть русскій край. Это, собственно и доказывать было не трудно: авторъ просто беретъ народъ, который онъ прекрасно знаетъ, и мѣстное шляхетство, которое онъ знаетъ не меньше, и разсказываетъ объ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ весьма живыми образами. Художественный элементъ здѣсь выступаетъ весьма сильно у нашего автора, и напр., панъ Котырло, изображающій собою польскихъ дворянъ Западнаго края, съ своими гостями, изображенъ съ замѣчательною психологическою глубиною.

Справедливость опять требуетъ сказать, что тенденціозность автора, до сихъ поръ не переходящая за предѣлы дозволительные въ беллетристическомъ произведеніи, идетъ нѣсколько дальше, чѣмъ бы слѣдовало, вредя, конечно, силѣ и вліятельности произведенія, не укрѣляя, а подрывая вѣру въ мысли автора. Особенно ясно это въ первой части хроники, въ «Панурговомъ стадѣ». Авторъ всюду во всѣхъ умственныхъ направленіяхъ и увлеченіяхъ шестидесятыхъ годовъ даетъ чувствовать «польскую интригу», какъ это принято называть. Конечно, частію это фактъ историческій, но авторъ даетъ ему столь широкіе размѣры, что онъ ясно смотритъ преувеличеніемъ несомнѣннымъ и большимъ. Нужно правду сказать, что авторъ держится въ описаніи разныхъ смутныхъ событій почвы дѣйствительныхъ фактовъ, еще не забытыхъ, но подставленіе подъ каждый изъ нихъ «польской интриги» только роняетъ значеніе фактовъ, говорящихъ сами за себя.

Общимъ выводомъ о «Кровавымъ пуфѣ» будетъ тотъ, что авторъ вообще хотѣлъ быть безпристрастнымъ и проводилъ не голыя тенденціи, а свои мнѣнія основывалъ на большомъ знакомствѣ съ вопросомъ и народомъ Польши и Западнаго края, которые являются у него большею частію въ изображеніи художественномъ,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

въ образахъ яркихъ и значительныхъ. Въ его хроникѣ есть «новые люди» русскіе. Но онъ и здѣсь остался на почвѣ справедливости: между ними изображаются и прекрасные и нелѣные люди, какъ это и естественно; а если авторъ не сочувствуетъ ихъ мечтаніямъ, то это право его мысли и совѣсти.

5.

Романъ г. Крестовскаго «Тьма египетская» имѣетъ тенденціею показать значеніе еврейства въ русской жизни и, такъ сказать, въ самомъ себѣ. И авторъ берется за дѣло съ очевидно глубокимъ изученіемъ еврейскаго характера и стремленій, по крайней мѣрѣ, фанатическихъ представителей племени. Передъ нами семья Бендавидовъ, обрисованная художественными чертами и съ присутствіемъ серьезнаго психологическаго анализа. И что всего любопытнѣе, эти евреи, хотѣлъ ли того авторъ или нѣтъ, рисуются обладающими огромными достоинствами въ сравненіи съ выводимыми авторомъ русскими, какъ, кстати здѣсь замѣтить, и въ хроникѣ «Панургово стадо» и «Двѣ силы» поляки являются тоже превосходящими русскихъ. Худые люди или нѣтъ эти поляки и евреи, но въ нихъ вы чувствуете присутствіе силы, опредѣленности стремленій, жизни сознательной и строго направленной, тогда какъ русскіе представляютъ изъ себя что-то такое не опредѣленное и безформенное. Полякъ—патріотъ, еврей—узкій націоналистъ подъ флагомъ космополитизма; а русскій—теоретикъ, словно бы лишенный живого чувства родины и способности пытливо вглядываться въ жизнь съ ея задачами, только мечтающій о будущихъ кисельныхъ берегахъ на молочныхъ рѣкахъ и озерахъ. И эти такъ называемые тенденціозные романы г. Крестовскаго всего скорѣе написаны, съ желаніемъ или безъ желанія автора, противъ русскихъ, которымъ какъ бы дается совѣтъ не спать и не мечтать, а изучать жизнь и входить въ нее не для обиды другихъ, а что бы самимъ не даваться въ обиды. Тенденціозность г. Крестовскаго обоюдуострая въ этомъ смыслѣ; и это свойство ея намекаетъ, что талантъ автора и при тенденціозности пробиваетъ себѣ широкіе пути, обнаруживая въ изображаемыхъ явленіяхъ справедливыя свойства, для тенденцій автора не совсѣмъ пригодныя, если ихъ понимать узко, какъ обыкновенно и понимаютъ ихъ.... Но возвратимся къ «Тьмѣ египетской» и къ персонажамъ этого интереснаго романа.

Въ первыхъ главахъ романа авторъ рисуетъ подробно и съ большимъ знаніемъ дѣла еврейскую семью въ праздничный день, въ вечеръ на субботу. Среди пиршества съ религіознымъ характеромъ, гдѣ присутствуетъ и дорогой гость, знаменитый рабби Іонафанъ, съ нѣкоторыми другими гостями, рѣчь естественно заходитъ о значеніи еврейства въ человѣчествѣ. И вотъ знамени-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

тый рабби говоритъ цѣлую проповѣдь, въ которой вся національная гордость и надежды рисуются въ сильныхъ и яркихъ краскахъ. Авторъ тутъ ни мало не фантазируетъ, каждое слово раввина подтверждается ссылкою на законъ, на тотъ Ветхій Завѣтъ, который у всѣхъ можетъ быть въ рукахъ для провѣрки словъ автора, а не на что-либо менѣе извѣстное. Рабби Іонафанъ говоритъ о своемъ народѣ, конечно, какъ объ избранномъ народѣ, которому всѣ другія племена неоднократными обѣщаніями Іеговы отданы на служеніе; онъ напоминаетъ факты разрѣшенія и даже повелѣнія обобрать другіе народы (напр., при исходѣ евреевъ изъ Египта), потому что вѣдь въ сущности все принадлежитъ избранному народу, для котораго проклятые «гоимъ» должны быть рабами... и пр. и пр. И какою силою и убѣжденіемъ дышетъ эта фанатическая рѣчь, вся основанная на текстахъ закона! Она, конечно, льститъ племенному самолюбію присутствующихъ, которые и проникаются мыслью о господствѣ надъ міромъ, путемъ сосредоточенія богатства въ еврейскихъ рукахъ. Мысль эта, конечно, не новая въ еврействѣ, но рабби Іонафанъ является достойнымъ ея проповѣдникомъ, рѣшительно электризуя слушателей. И хотя, конечно, передъ нами исключительный фанатикъ, но мысли его такъ естественны и просты въ устахъ человѣка изъ избраннаго народа, что и всѣ должны быть не чужды его фанатизма. Рабби Іонафанъ, между тѣмъ, мизерная фигурка, «жидкій, какъ гнуткая жердинка» и хромой. Но это жидкая фигура—сила, съ которой нужно считаться; онъ, очевидно, обладаетъ и умомъ и знаніемъ, и знаніемъ не одного только еврейскаго талмуда. Читатель невольно долженъ почувствовать къ нему инстинктивое уваженіе, и уваженіе и ненависть, потому что сила эта, положительная для еврейства, является для читателя отрицательною и злою. Онъ въ своемъ правѣ, за него его законъ, на которомъ онъ основывается. И если вы хотите не дасться ему въ руки, вы должны обладать тоже силою.

Но это, конечно, теоретикъ и фанатикъ. Бендавидъ, принимающій его у себя въ гостяхъ, практикъ, но результаты не многимъ отличны и въ его лицѣ. Онъ тоже сила. Посмотрите, какой онъ строгій и выдержанный блюститель закона—своего, конечно, а не той страны, гдѣ онъ живетъ среди «гоимъ». Какой онъ прекрасный семьянинъ и дѣловой человѣкъ, какъ онъ знаетъ жизнь и слабости людскія! Въ качествѣ человѣка изъ избраннаго народа, чуть не обязаннаго вредить человѣку другого племени, «ненавидѣть врага своего», онъ, конечно, не приминетъ воспользоваться знаніемъ людей, хотя онъ человѣкъ очень добрый, и онъ уже богатъ, а родомъ знатенъ, ибо онъ—изъ рода царя Давида. Въ семьѣ его, между тѣмъ, возникло явленіе, совершенно чуждое ему и непонятное. Его родная внучка, получившая образованіе въ гимназіи

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

и начитанная, къ тому же видѣвшая свѣтъ, поняла всю ложь и суетность мечтаній о господствѣ надъ міромъ, все зло отчужденности и ненависти къ народамъ не «избраннымъ». Случайно полюбивши христіанина, она, ознакомившись съ умиротворяющимъ ученіемъ Евангелія, рѣшилась сдѣлаться христіанкою и бѣжала изъ дома дѣда въ монастырь. Тогда все еврейство города чуть не приступомъ пошло на монастырь, обнаруживая новую силу еврейства въ солидарности и строгой дисциплинѣ племени. Печально все это окончилось,—еврейскимъ погромомъ, который, впрочемъ, по результатамъ былъ печальнѣе для дѣятелей его, чѣмъ для еврейства города. Авторъ далъ живую и яркую картину еврейской жизни, идей и стремленій. Но средѣ, въ которой дѣйствуетъ эта сплоченная и серьезная сила, авторъ отводитъ печальную роль. Ничего непонимающіе администраторы, продажные чиновники, наконецъ самъ просвѣтитель Тамары Бендавидъ, простой проходимецъ съ графскимъ титуломъ, только потому и хлопотавшій объ обращеніи ея въ христіанство, чтобы воспользоваться ея солиднымъ состояніемъ—вотъ кто является на другой сторонѣ, противъ еврейства, которое въ сущности и распоряжается этими элементами, какъ хочетъ. Тенденція автора имѣетъ, какъ видитъ читатель, особый характеръ, который лишь относительно неблагопріятенъ для еврейства. Въ этомъ романѣ тенденціозность принадлежитъ къ тѣмъ, которые связаны только внѣшнимъ образомъ съ внутреннимъ содержаніемъ. Романъ самъ по себѣ представляетъ собою, въ дѣйствительности, только въ высокой степени талантливо написанную картину еврейства въ его внутреннемъ смыслѣ и въ его отношеніяхъ къ окружающему его народу.

Въ повѣсти «Дѣды», которая представляетъ собою характеристику времени императора Павла, авторъ, оставаясь на почвѣ фактовъ, хочетъ сказать, что мрачныя представленія объ этой эпохѣ преувеличны. Въ дѣятельности нашего автора эта повѣсть не занимаетъ большого мѣста. Но среди его произведеній нелишнее упомянуть о рядѣ сочиненій характера прозаическаго, о путевыхъ замѣткахъ и запискахъ, о впечатлѣніяхъ, которыя онъ началъ писать еще въ давнюю пору своей дѣятельности (напр., «По дорогѣ», «На Востокѣ», «Катакомбы Фары», «Подземный ходъ» и проч.). Между такими сочиненіями его особенно любопытны «Двадцать мѣсяцевъ въ дѣйствующей арміи» и «Въ гостяхъ у эмира Бухарскаго». Въ нихъ авторъ не задается никакими особыми цѣлями, но, впечатлительный и наблюдательный, онъ придаетъ интересъ самымъ простымъ вещамъ, попадавшимся подъ его наблюденіе.

Въ нашемъ очеркѣ мы представили характернѣйшія черты литературной дѣятельности В. В. Крестовскаго, задачъ и цѣлей,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

которыя онъ преслѣдовалъ. И наша задача будетъ исполнена, если мы успѣли убѣдить читателя въ серьезномъ значеніи этой дѣятельности, которая могла быть недостаточно цѣнима только въ силу жгучести и современности темъ, которыя г. Крестовскій затрогивалъ,—въ жгучести и современности, мѣшавшихъ безпристрастному отношенію къ произведеніямъ его.

Арс. Введенскій.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ВОСПОМИНАНІЕ О ХУДОЖНИКѢ А. Д. ЛИТОВЧЕНКО.

ВЪ МОИХЪ воспоминаніяхъ о знакомствѣ съ кружкомъ русскихъ художниковъ покойный Александръ Дмитріевичъ Литовченко занимаетъ очень видное мѣсто. Какъ теперь помню мое первое посѣщеніе его мастерской—кажется, въ ноябрѣ или декабрѣ 1882 года. Литовченко жилъ тогда, какъ и до конца жизни, въ общемъ убѣжищѣ всѣхъ художниковъ—въ домѣ Елисѣева, на углу Биржевой линіи и набережной Невки. Квартирку онъ занималъ небольшую, на одной площадкѣ съ Крамскимъ, у котораго бывалъ постояннымъ, каждодневнымъ гостемъ.

Когда я позвонилъ, мнѣ отперла дверь какая-то чистенькая, благообразная старушка и тотчасъ куда-то скрылась изъ прихожей. Пришлось войти безъ доклада изъ прихожей въ комнату, которая замѣняла художнику и кабинетъ, и пріемную. Помню, что при входѣ въ эту пріемную, меня, прежде всего, поразила та чрезвычайная, педантическая чистота и удивительный порядокъ, которые должны были броситься въ глаза каждому свѣжему человѣку, вступавшему въ эту комнату. Нигдѣ ни лоскутка бумажки, ни пылинки, ни даже слѣда какой бы то ни было житейской суеты... Такую чистоту во время своихъ долгихъ и частыхъ переѣздовъ по Россіи я встрѣчалъ только въ избахъ у старообрядцевъ Новгородской и Тверской губерній, да въ иноческихъ кельяхъ немногихъ женскихъ монастырей... Но тутъ были не только чистота и порядокъ, а даже какая-то суровая неподвижность, какое-то полное отсутствіе жизни во всей обстановкѣ! Мебель массивная, тяжелая, украшенная вели-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

колѣпной рѣзьбой:—диваны, стулья, кресла, письменный столъ—все рѣзное, тяжелое, дубовое и вѣковое, такое, что съ мѣста не сдвинуть. При взглядѣ на эту мебель казалось, что она тутъ стоитъ около стѣны уже много десятковъ лѣтъ, и, съ тѣхъ поръ какъ поставлена, ни разу не сдвигалась и не отодвигалась отъ стѣны. Казалось, что никто, никогда на нее и не садился, чтобы не осквернить ее своимъ нечистымъ прикосновеніемъ—а хозяинъ все только пыль съ нея сдувалъ и обмахивалъ... Оглядѣлъ я и стѣны этой суровой и безжизненной кельи: и отъ стѣнъ вѣяло тѣмъ же самымъ порядкомъ... Симметрично и скупо были на нихъ развѣшаны пять-шесть этюдовъ въ скромныхъ золоченыхъ рамкахъ, непривлекавшіе взгляда ни богатствомъ содержанія, ни роскошью красокъ.

Но вотъ, наконецъ, въ сосѣдней комнатѣ послышались чьи-то шаги и въ комнату вошелъ человѣкъ сухощавый, пониже средняго роста,—на видъ лѣтъ сорока пяти. Вся его внѣшность, по первому впечатлѣнію, вполнѣ соотвѣтствовала той обстановкѣ, которая такъ поражала своею суровостью и отсутствіемъ жизни въ кабинетѣ художника. Лицомъ, худощавымъ и желтымъ, при густыхъ черныхъ волосахъ и густой длинной бородѣ, Литовченко чрезвычайно живо напоминалъ типы суровыхъ отшельниковъ и аскетовъ, замкнувшихся на вѣки въ своей кельѣ и покончившихъ всякіе расчеты съ жизнью. Только глаза, большіе, черные, блестящіе, съ нѣсколько приподнятыми густыми бровями, свѣтились жизнью и придавали пріятность его лицу. Но на этотъ разъ и глаза смотрѣли нѣсколько тревожно и вопросительно на меня, человѣка новаго и незнакомаго... Въ нихъ какъ будто былъ написанъ вопросъ:

— «Что ему нужно? Затѣмъ онъ пришелъ?»

Этотъ вопросъ нѣсколько смутилъ бы меня, если бы я увидѣлъ, что художникъ вышелъ ко мнѣ съ палитрою и пучкомъ кистей въ рукѣ — если бы я увидѣлъ, что я его оторвалъ отъ работы, какъ случалось мнѣ отрывать другихъ художниковъ—Рѣпина, Савицкаго, покойнаго Крамского... Но нѣтъ! Литовченко вышелъ ко мнѣ такой-же чистенькій, опрятный и нарядный, какъ и вся его обстановка. Онъ какъ будто даже для меня нѣсколько принарядился... Видно было, что онъ не работалъ, когда я къ нему пришелъ.

Я поспѣшилъ объяснить ему цѣль моего посѣщенія—и суровая на взглядъ физіономія Литовченки сразу просіяла широкой улыбкой: около большихъ, блестящихъ, черныхъ глазъ появилось множество добрѣйшихъ морщинокъ и складочекъ — и разговоръ завязался какъ-то сразу...

Литовченко усадилъ меня на одно изъ несокрушимыхъ и несдвигаемыхъ креселъ около громаднаго письменнаго стола и самъ сѣлъ къ столу, принялся свертывать и крутить папиросы, и тотчасъ же разразился яростными нападками на Академію Худо-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

жествъ, о которой зашла рѣчь по поводу предстоящей выставки. Нападки — въ общемъ совершенно-справедливые — были чрезвычайно курьезны по своей формѣ. Литовченко горячился, стучалъ кулакомъ по столу, не щадилъ крупныхъ словъ и энергическихъ выраженій и рисовалъ дѣятельность Академіи въ такихъ мрачныхъ, чудовищныхъ, гиперболическихъ размѣрахъ, какъ будто отъ этой дѣятельности зависѣла не только участь русскаго искусства, но, въ нѣкоторомъ смыслѣ, и всей Россіи. Я слушалъ Литовченко, не особенно вникая во внутренній смыслъ его рѣчи, потому-что содержаніе ея было давно мнѣ извѣстно и переслушано поочередно отъ многихъ товарищей Литовченки; но я невольно любовался наивной энергіею и чрезвычайной искренностью моего собесѣдника, который твердо вѣрилъ во все, что̀ высказывалъ и выкрикивалъ передо мною. Мнѣ казалось, что ни въ комъ изъ его товарищей я не видѣлъ ни такой наивности, ни такой искренности.

Еще болѣе пріятное впечатлѣніе произвелъ на меня Литовченко, когда мы отъ Академіи Художествъ перешли на разговоры о русской старинѣ, дорогой и близкой моему сердцу. Оказалось, что она не менѣе дорога и близка и сердцу Литовченки, который говорилъ съ неподражаемымъ восторгомъ и паѳосомъ о всякихъ кафтанахъ, чу̀гахъ, горлатныхъ шапкахъ, ларцахъ, саадакахъ и бахтерцахъ. Оказалось, что богатый запасъ древне-русской утвари, собранный въ Оружейной Палатѣ, извѣстенъ Литовченкѣ до мелочей, что онъ помнитъ каждую вещь въ величайшей подробности—что все это онъ не разъ писалъ на своемъ вѣку и зарисовывалъ на память въ своихъ альбомахъ... Въ доказательство своихъ археологическихъ свѣдѣній, онъ тотчасъ вытащилъ эти альбомы и показалъ мнѣ превосходные этюды древне-русской утвари, нѣкогда писанные имъ въ Оружейной Палатѣ для его «Горсея». Всѣ эти natures mortes были выписаны съ удивительною любовью и тщаніемъ: тонко, изящно, живо! Такъ и горѣли на нихъ рубины и яхонты, такъ и блистало серебро и золото! Когда же, увлекшись нашею бесѣдою, художникъ повелъ меня въ мастерскую — большую свѣтлую и до излишества чистую комнату—и захотѣлъ показать мнѣ свою картину... Увы! Я былъ пораженъ ею очень непріятно: Никонъ и царь Алексѣй Михайловичъ у гроба митрополита Филиппа стояли въ какихъ-то неживыхъ, казенныхъ позахъ; лица ихъ ничего не выражали, и всѣ аксессуары были выписаны съ такою чрезвычайною подробностью, что совсѣмъ убивали главныя фигуры и вредили общему впечатлѣнію [1]).

[1]) В. В. Стасовъ обязательно сообщилъ мнѣ, что онъ самъ служилъ натурою для фигуры «Никона». Литовченко, по крайней мѣрѣ, разъ шесть наряжалъ Владиміра Васильевича въ патріаршее облаченіе и писалъ съ него долго, упорно. Сообщая мнѣ этотъ любопытный фактъ, В. В. Стасовъ называлъ упоминаемую мною картину лучшимъ произведеніемъ Литовченки. Съ этимъ мнѣніемъ я никакъ не могу согласиться. П. П.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Картина, повидимому, застоялась на мольбертѣ именно потому, что художникъ никакъ не могъ въ ней прикрыть бѣдность своего замысла блескомъ обстановки, ни согласовать своей страсти къ археологическимъ подробностямъ съ общимъ впечатлѣніемъ всего произведенія. Мы потолковали объ окнахъ собора, написанныхъ на картинѣ; я выразилъ свое мнѣніе (мнѣ они казались велики и потому невѣрны, въ смыслѣ археологическомъ)—и мы разошлись послѣ двухъ-часовой бесѣды.

Послѣ этого перваго свиданія, Литовченко сталъ бывать у меня и намъ приходилось встрѣчаться довольно часто—то у И. Н. Крамского, то по поводу различныхъ собраній «товарищества», то на выставкѣ «передвижниковъ». Болѣе всего любилъ я видѣть Литовченко у себя, когда мы, окруженные фотографическими снимками съ памятниковъ и археологическими изданіями, могли въ волю потолковать о бытовыхъ подробностяхъ русской старины XVI и XVII вѣковъ. Тутъ Литовченко оживлялся, приходилъ въ восторгъ, вспоминая о какой-нибудь брошкѣ или митрѣ, осыпанной жемчугами, разсказывалъ о своихъ странствованіяхъ по Россіи, о своихъ работахъ въ храмѣ Спасителя и еще гдѣ-то на югѣ, въ Севастополѣ, кажется?... Иногда даже мнѣ удавалось такъ раззадорить Александра Дмитріевича какимъ-нибудь историческимъ сюжетомъ, что онъ приходилъ въ азартъ, начиналъ строить планы—обсуждать, какъ именно слѣдовало бы обработать этотъ сюжетъ, какія внести въ него подробности. При этомъ онъ иногда любилъ и покритиковать другихъ историческихъ живописцевъ, и поставить на видъ свое собственное я, свою художественную дѣятельность... Онъ преувеличивалъ свои силы и значеніе, впадалъ даже въ нѣкоторый гиперболизмъ, начиналъ разсказывать о необычайной быстротѣ, съ которою ему случалось иногда «записывать» цѣлую стѣну или цѣлый сводъ...

— Гдѣ имъ, батюшка, за мною угнаться!—восклицалъ въ подобныхъ случаяхъ Литовченко.—Вѣдь я-то, какъ разойдусь, бывало, въ иконописи—я въ часъ квадратный аршинъ напишу... и больше даже случалось!

Но эти маленькія странности и причудливыя выходки ничуть не вредили общему, чрезвычайно пріятному впечатлѣнію, которое производилъ на меня Литовченко. Онъ представлялся мнѣ простымъ, наивнымъ русскимъ человѣкомъ, нѣсколько способнымъ къ похвальбѣ и преувеличенью (какъ и всѣ истинно-русскіе люди), но чрезвычайно добродушнымъ и симпатичнымъ. Особенно пріятно поражала меня въ Литовченкѣ его любознательность, его желаніе узнать какъ можно больше объ излюбленной русской старинѣ, его жадность въ собираніи и накопленіи о ней свѣдѣній и всякаго рода матерьяловъ. Чуть бывало увидитъ новыя фотографіи, новыя книги по археологіи, сейчасъ ухватится за нихъ, по-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

проситъ дать ему на время—и все выспрашиваетъ меня, и извлекаетъ изъ-подъ спуда неизвѣстное ему и страстно-любимое...

Иногда встрѣтишь его гдѣ-нибудь—на выставкѣ или на улицѣ—и видишь, что онъ какъ-то необыкновенно-оживленъ. Хватаетъ за рукавъ, отводитъ въ сторону и съ нѣкоторою таинственностью заявляетъ:

— Ну, батюшка, поздравьте съ удачею! Такой именно опашень подыскалъ, какой мнѣ былъ нуженъ для картины... Вѣдь, она у меня только изъ-за этого и стала!.. Не люблю я писать по театральнымъ костюмамъ да манекенамъ... Такой именно—понимаете? Ну, я, конечно, сейчасъ же мѣрку съ него—и заказалъ! Ужъ шьютъ! И атласъ подобрался такой удачный—разводами большими... Зайдите-ка, взгляните!

Заходишь, и дѣйствительно, видишь чудесный, богатый опашень, сшитый на славу и очень дорогой... «А возу все нѣтъ ходу!»—задуманная картина все еще не двигается и художникъ, попрежнему, колеблется между своими широкими замыслами и мелкими бытовыми подробностями...

Гораздо менѣе пріятное впечатлѣніе производилъ на меня Литовченко въ кружкѣ «товарищей-передвижниковъ»... Онъ часто являлся тамъ почему-то недовольнымъ собою и другими, желчничалъ, охотно ввязывался въ нескончаемые и обычные въ кружкѣ художниковъ споры объ искусствѣ—и въ нихъ выказывалъ свою крайнюю діалектическую несостоятельность... Доводы его были всегда слабы, аргументація до крайности наивна, кругъ извѣстныхъ ему фактовъ по исторіи искусства—болѣе чѣмъ ограниченъ. Разные остряки и beaux-esprits кружка разбивали Литовченко въ пухъ и прахъ, и онъ, сердитый и ворчливый, уходилъ въ уголъ и мрачно, сосредоточенно молчалъ до конца вечера...

Но болѣе всего я не любилъ встрѣчаться съ Литовченкой у покойнаго И. Н. Крамского, къ которому, если не ошибаюсь, Литовченко являлся аккуратно каждый вечеръ, и потому былъ вполнѣ домашнимъ человѣкомъ въ домѣ Ивана Николаевича. Умный, тонкій, дипломатичный и болѣе другихъ художниковъ образованный, Иванъ Николаевичъ совершенно подавлялъ Литовченко своимъ авторитетомъ. Художникъ-дипломатъ превосходно зналъ характеръ художника-археолога [1]) и владѣлъ имъ въ совершенствѣ. Литовченко не смѣлъ передъ нимъ рта разинуть—смотрѣлъ ему постоянно въ глаза и подобострастно вторилъ каждому слову, каждому мнѣнію, высказанному Иваномъ Николаевичемъ. Со стороны казалось, что еслибы кто-нибудь, въ присутствіи Крамского, спросилъ у Литов-

[1]) Это знаніе выразилось вполнѣ въ томъ превосходномъ портретѣ Литовченки, который былъ написанъ Крамскимъ и постоянно висѣлъ въ его мастерской. Этотъ портретъ—едва ли не лучшее произведеніе Крамского, какъ портретиста. П. П.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ченки, какъ его зовутъ по имени и отчеству, Литовченко, навѣрно, прежде чѣмъ отвѣтить, взглянулъ бы на Крамского... Особенно забавенъ казался намъ Литовченко, когда, въ присутствіи Крамского, вдругъ бывало оживится, начнетъ вспоминать старину и разсказывать про общія съ Крамскимъ иконописныя работы въ храмѣ Спасителя, о которыхъ покойный Крамской не любилъ почему-то распространяться... А Литовченко, въ увлеченіи минуты, вдругъ и припомнитъ изъ этихъ совмѣстныхъ работъ какую-нибудь подробность, непріятную для Ивана Николаевича. Тотъ задвигается на стулѣ, взглянетъ какъ-то особенно въ сторону Литовченки и только скажетъ очень выразительно:

— Ну, это не совсѣмъ такъ было!...

И Литовченко разомъ смолкнетъ, точно воды въ ротъ набралъ! Смолкнетъ, съёжится весь, и уйдетъ въ себя, какъ бы въ ожиданіи предстоящей ему на-завтра дружеской головомойки.

Впрочемъ, бывали случаи, когда и Крамской нуждался въ Литовченкѣ и даже весьма охотно опирался на его авторитетъ. Это бывало обыкновенно тогда, когда художникъ-дипломатъ нуждался въ поддержкѣ хора для своего мнѣнія, или, когда онъ не желалъ высказать свое мнѣніе и предоставлялъ его высказать Литовченкѣ. Очень живо припоминается мнѣ одинъ изъ такихъ именно эпизодовъ.

Рѣпинъ, какъ портретистъ, начиналъ входить въ моду. Его портреты, на выставкахъ товарищества, производили фуроръ — собирали толпу, восхищали всѣхъ... Крамскому это не очень нравилось; но онъ, конечно, не высказывалъ своихъ мнѣній о Рѣпинѣ-портретистѣ и тщательно хранилъ ихъ въ сердцѣ... Какъ разъ около этого времени я прослышалъ, что Рѣпинъ написалъ портретъ Крамского. Понятно, что я имъ заинтересовался, а между тѣмъ этотъ портретъ еще не былъ выставленъ на выставкѣ «товарищества». Встрѣтившись на одномъ изъ вторниковъ у К. В. Лемоха съ Иваномъ Николаевичемъ, я, безъ всякаго затаеннаго умысла, обратился къ нему съ вопросомъ:

— Скажите пожалуйста — удался ли Рѣпину вашъ портретъ? Мнѣ это очень интересно знать... Какъ вы его находите?

Крамской прищурилъ глаза, какъ-то особенно съёжилъ губы и отвѣчалъ мнѣ:

— Не знаю-съ. Вотъ вы лучше у Александра Дмитріевича спросите... Онъ человѣкъ правдивый, безпристрастный...

И Крамской взглянулъ въ сторону Литовченки, который сидѣлъ съ нимъ рядомъ за столомъ и сосредоточенно сосалъ свою крученую папироску. Литовченко вдругъ вскочилъ съ мѣста и, обращаясь ко мнѣ, почти крикнулъ:

— Вы спрашиваете о портретѣ?... Такъ вотъ что я вамъ скажу:— отврати-те-ленъ! Никогда ничего мерзѣе Рѣпинъ не писалъ!...

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

И пошелъ, и пошелъ, ободряемый благосклоннымъ молчаніемъ Крамского.

Когда я, нѣсколько дней спустя, увидѣлъ портретъ Крамского на выставкѣ, я понялъ, почему онъ такъ не нравился Ивану Николаевичу. Рѣпинъ, дѣйствительно, не польстилъ ему и слишкомъ реально передалъ одно изъ тѣхъ выраженій физіономіи Крамского, которое едва ли могло кому-нибудь нравиться...

Года два спустя, покинувъ изданіе журнала, я сталъ рѣже встрѣчаться съ членами «товарищества»... Рѣже встрѣчался я и съ Литовченкой, хотя онъ изрѣдка и заглядывалъ ко мнѣ. Картины, выставленныя имъ на послѣднихъ выставкахъ товарищества, не принадлежали къ числу удачныхъ — не шли съ рукъ, застаивались у него въ мастерской. Литовченко жаловался на равнодушіе публики къ историческому жанру, говорилъ, что все это бросить надо, «на все наплевать»—и оживлялся только при разговорѣ о русской старинѣ... Особенно живо сталъ онъ опять интересоваться сокольничими и ихъ бытомъ, дописывая свою послѣднюю картину.

Только одинъ разъ (это было уже послѣ смерти Крамского), встрѣтивъ его около университета, я увидѣлъ его опять энергичнымъ, оживленнымъ, даже нервно-возбужденнымъ:

— Ну, батюшка! Все на карту ставлю!.. Взялъ мастерскую Ивана Николаевича, все переломалъ—строю громадную! Заходите посмотрѣть... Цѣлое море свѣта—отовсюду свѣтъ! Хоть цѣлый день пиши:—утреннее освѣщеніе... вечернее освѣщеніе! Просто чудо! Что̀ мастерская Рѣпина! Первая мастерская въ Питерѣ будетъ...

Я слушалъ его довольно разсѣянно, ничего новаго не ожидая отъ этого размаха... Литовченко какъ будто замѣтилъ сомнѣніе, невольно выразившееся на моемъ лицѣ, и поспѣшилъ добавить:

— Да! Ужъ если я теперь не напишу чего-нибудь крупнаго, чего-нибудь... такого, что... Ну, тогда ужъ, значитъ, я—дрянь, и точно ни на что̀ не гожусь!

И онъ, поспѣшно пожавъ мнѣ руку, пустился вдоль по Университетской линіи, къ Невѣ.

Мнѣ, однакоже, не удалось зайти къ Литовченкѣ до нынѣшней весны, когда одинъ пріятель захотѣлъ непремѣнно пріобрѣсти отъ него одинъ изъ его этюдовъ или рисунковъ. Я зашелъ къ Литовченкѣ въ концѣ марта или въ началѣ апрѣля—и дѣйствительно былъ пораженъ необычайными размѣрами его мастерской. Онъ просто Оссу на Пеліонъ нагородилъ... Десять художниковъ, самыхъ рьяныхъ и размашистыхъ, свободно могли бы писать одновременно въ этой мастерской десять картинъ! Самъ Рафаэль со всѣми своими учениками могъ бы въ ней работать! Но въ мастерской было, попрежнему, пусто и скучно... На мольбертѣ стоялъ большой холстъ, на которомъ очень незавидно былъ написанъ «Демонъ» съ звѣздою во лбу... Написанъ вяло, безвкусно, невыразительно...

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Вотъ, батюшка, въ фантазіи пустился!—пояснилъ мнѣ Литовченко, и самъ какъ-то поспѣшилъ отвернуться отъ своего холста и перевести разговоръ на другую тему.

— Очень кстати вы зашли!.. Я и самъ къ вамъ собирался! Право, собирался! Дай, думаю, зайду къ Петру Николаевичу—о разныхъ сюжетахъ для будущей картины поговорить... У васъ вѣдь всегда ихъ много въ запасѣ... Да вотъ все недуги разные одолѣваютъ.

И онъ сталъ жаловаться на недуги—и лицо его, желтое, опустившееся, съ потухнувшими черными глазами, слишкомъ ясно подтверждало его слова.

Наша бесѣда была прервана приходомъ какой-то еврейки-торговки, давней знакомой Литовченки. Она принесла ему цѣлый ворохъ бархатовъ, парчей, плюшей... Оказалось, что Литовченко шилъ еще одинъ кафтанъ или охабень, и тщательно подбиралъ къ нему цвѣта и оттѣнки матерій. Онъ хлопотливо отмѣрялъ бархатъ своимъ аршиномъ, суетился, началъ спорить и торговаться съ еврейкой...

Я пожалъ ему руку — и ушелъ. Не прошло и мѣсяца послѣ этого послѣдняго свиданія, какъ я прочелъ въ газетахъ извѣстіе о смерти Литовченки...

Миръ его праху—праху добраго, искренняго и горячаго труженика, — праху художника, умѣвшаго прекрасно воспроизвести нѣкоторые уголки древне-русской жизни, которую онъ любилъ всѣмъ сердцемъ—до гроба.

П. Полевой.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ПОѢЗДКА ВЪ ХОЛМЪ, ПОДОЛІЮ И БЕССАРАБІЮ.

Путевые наброски.

(Посвящается Александру Ивановичу Мироненко).

НЕОБХОДИМОСТЬ собрать нѣкоторые художественно-научные матеріалы, касающіеся памятниковъ древности Подоліи и Бессарабіи, вызвала мою поѣздку, лѣтомъ текущаго года, на югъ. Отъ Петрограда [1]) путь лежалъ на Бѣлостокъ и Брестъ. Я воспользовался этимъ направленіемъ, чтобы побывать въ Холмѣ, центрѣ русскаго православнаго просвѣщенія, сосредоточеннаго здѣсь со времени возсоединенія, въ 1875 году, холмскихъ уніатовъ съ православною церковью.

Съ этого пункта я и начну свои путевые наброски.

---

[1]) Не будетъ никакимъ новшествомъ называть нашу столицу русскимъ именемъ Петроградъ, вмѣсто нѣмецкаго Санктъ-Петербургъ. Объ основательности и справедливости такой замѣны появлялись уже замѣтки въ газетахъ. Нѣкоторыя офиціальныя лица и учрежденія ввели, хотя частнымъ порядкомъ, такую замѣну. Многія частныя лица адресуютъ такъ свои письма; въ Галиціи же иначе не пишутъ и не называютъ русскую столицу, какъ «Петроградъ». Лишь для немногихъ русскихъ это названіе составляетъ новшество. Въ одномъ уѣздномъ городкѣ западной полосы Россіи почтовый чиновникъ постоянно зачеркиваетъ въ принимаемыхъ имъ письмахъ слово «Петроградъ» и надписываетъ «С.-Петербургъ». Въ другомъ городѣ вышло однажды еще курьезнѣе. Почтовый чиновникъ, принимая заказное письмо съ адресомъ на Петроградъ, прежде всего взялъ почтовую книгу и началъ въ ней отыскивать по алфавиту почтовый пунктъ «Петроградъ». М. Г.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

I.

Городъ Холмъ, его прошлое, настоящее и предполагаемое будущее.—Древній соборъ.—Чудотворная икона Божіей Матери.—Встрѣча съ протоіереемъ, отцомъ Г.—Недоступность церковно-археологическаго музея.—Церковные колокола и характерныя надписи на нихъ.—Кирилло-Меѳодіевская церковь.—Архіерейскій домъ съ галлереей портретовъ холмскихъ епископовъ.

Древняя столица князя Даніила Романовича, недоѣзжая нѣсколькихъ верстъ до желѣзнодорожной станціи Холмъ, представилась въ чрезвычайно красивой панорамѣ, въ которой на первомъ планѣ выступала гора или холмъ, нѣкогда привлекшій къ себѣ вниманіе знаменитаго основателя города, и возвышающійся на горѣ православный соборъ съ большой колокольней и другими церковными постройками. На станціи меня ожидалъ пріятель С. А. Л—въ, занимающій въ Холмѣ видный служебный постъ; съ нимъ, послѣ нѣкотораго отдыха въ его радушномъ домѣ, я и отправился въ городъ, чтобы осмотрѣть его достопримѣчательности и, прежде всего, соборъ.

Холмъ—городъ историческій. Въ XIII вѣкѣ онъ былъ столицей русскаго Галицкаго княжества, и неоднократно подвергался нападенію татаръ (въ 1240, 1261 и 1499 гг.); нѣсколько разъ онъ переходилъ отъ польскихъ королей къ литовскимъ князьямъ и обратно, пока не былъ окончательно захваченъ въ 1377 году поляками, владѣвшими имъ до причисленія его, въ 1795 году, къ Австріи, отъ которой Холмъ перешелъ въ 1807 г. къ измышленному Наполеономъ герцогству Варшавскому; наконецъ въ этомъ городѣ, присоединенномъ къ Россіи въ 1812 году, господствовала унія съ самаго своего основанія (1596 года) до возстановленія въ немъ уже въ наше время (1875 году) древняго православія.

Не смотря на такое историческое прошлое, теперь Холмъ въ административномъ отношеніи занимаетъ скромное положеніе. Столица князя Даніила Романовича въ настоящее время ни что иное какъ уѣздный городъ Люблинской губерніи съ 7746 человѣкъ населенія, въ числѣ которыхъ 5083 евреевъ. Впрочемъ, изъ числа остальныхъ уѣздныхъ центровъ Привислинскаго края за Холмомъ все же остается первенство; достаточно указать на существующія въ этомъ городѣ духовную и учительскую семинаріи, духовное училище, мужскую гимназію, женское училище и двѣ начальныя школы, постоянное пребываніе епископа люблинскаго, викарія Холмско-Варшавской епархіи, и нахожденіе здѣсь многочисленнаго служебнаго русскаго персонала. Маленькій нынѣ городокъ служитъ такимъ образомъ средоточіемъ православной вѣры и русской народности, центромъ возстановленія и развитія въ древней русской области всего того, на чемъ лежали долгіе годы густые слои полонизма и католицизма.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Каѳедральный Рождество-Богородичный соборъ, въ г Холмѣ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Въ послѣднее время въ газетахъ прошелъ слухъ объ образованіи изъ Холщины и прилегающаго къ ней Подляшья самостоятельной губеріи, управляемой по общему положенію. Мысль не новая: еще во время управленія административными учрежденіями царства Польскаго княземъ В. А. Черкасскимъ, при новомъ дѣленіи края на губерніи, возникалъ вопросъ объ учрежденіи Холмской губерніи изъ русскихъ мѣстностей Забужной Руси; но почему-то это было признано тогда неудобнымъ. Въ политическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ это было бы вполнѣ справедливо и полезно; но здѣсь явились бы практическія неудобства и затрудненія. Возможно ли сгруппировать въ одно административное цѣлое нѣкоторыя разбросанныя части съ православнымъ населеніемъ, находящіяся въ предѣлахъ 4-хъ губерній—Люблинской, Сѣдлецкой, Сувалкской и Ломжинской, въ то время, когда онѣ территоріально не составляютъ сплошной, правильно очертанной фигуры? Затѣмъ не маловажную роль играетъ въ этомъ дѣлѣ финансовый вопросъ; наконецъ, слѣдуетъ имѣть въ виду, что Холмъ естественно не можетъ расширить свою площадь до предѣловъ, необходимыхъ для губернскаго города, такъ какъ съ одной стороны онъ окруженъ болотами, а съ другой маіоратнымъ имѣніемъ, земли котораго по закону не отчуждаемы.

Въѣзжая въ городъ, я съ любопытствомъ осматривалъ его.

Пригородная часть Холма имѣетъ видъ деревни, съ полувымощенными улицами, безъ тротуаровъ, и малороссійскими хатами, крытыми соломой. Нагорная часть города состоитъ изъ небольшихъ домиковъ или скученныхъ жидовскихъ лачугъ съ мелкими лавчонками, у дверей которыхъ грязныя жидовки съ жидинятами группируются совершенно по-домашнему. Впечатлѣніе, которое оставляютъ по себѣ эти поразиты въ образѣ человѣческомъ, нѣсколько стушевалось, какъ только мы поднялись на соборную гору. На обширномъ плато намъ представились древній, большой храмъ и при немъ высокая колокольня позднѣйшей постройки.

Пречистенскій Рождество-Богородичный соборъ сооруженъ или возстановленъ (въ точности неизвѣстно) княземъ Даніиломъ Романовичемъ около 1235 года и служилъ мѣстомъ погребенія князей Даніила, Романа, Шварна, Михаила и другихъ, а также нѣкоторыхъ изъ кіевскихъ митрополитовъ и холмскихъ епископовъ. Уніаты, за время владѣнія храмомъ, оставили въ немъ слѣды западно-латинской архитектуры въ видѣ контрфорсовъ и башень, сохранившихся до настоящаго времени. Въ остальномъ соборъ ничѣмъ не отличается отъ восточныхъ храмовъ православной церви. Для вящшаго уподобленія съ послѣдними, а вмѣстѣ съ тѣмъ для большей красоты, не достаетъ лишь позолоты на куполѣ, покрытомъ теперь какою-то темнобурою краскою, и стѣнной живописи внутри храма.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

При входѣ въ историческій храмъ, первою мыслію было преклониться предъ другимъ священнымъ памятникомъ православія, главнѣйшею святынею всего Холмскаго края—иконой Божіей Матери. Взирая на древній образъ, сохранившій всю красоту византійской живописи и свѣжесть красокъ, съ величественными ликами пресвятой Дѣвы и Богомладенца, вспомнилъ я поучительную исторію святыни. По сохранившемуся преданію, образъ этотъ писанный евангелистомъ Лукою, привезенъ изъ Царьграда святымъ Владиміромъ. Полчища Бурундая, при нападеніи на Холмъ въ 1261 году, производя грабежъ, не пощадили и святыни холмской: содравъ съ нея золотую ризу, они куда-то забросили икону. Спустя уже сто лѣтъ послѣ того, икона была обрѣтена подъ щебнемъ. Когда Холмскій соборъ перешелъ къ уніатамъ, святая икона сдѣлалась ихъ достояніемъ. Во время войны поляковъ съ казаками икона находилась въ польскомъ лагерѣ, а потомъ была нѣкоторое время въ Варшавѣ, въ королевской часовнѣ, и послѣ битвы подъ Жванцемъ, возвращена въ Холмъ и установлена тамъ въ соборѣ надъ главнымъ престоломъ, по католическому образцу. Теперь икона виситъ надъ царскими вратами и спускается на шнурахъ книзу. Въ день храмоваго праздника, 8 сентября, святыня эта привлекаетъ съ себѣ такое множество богомольцевъ, что они не могутъ размѣститься въ городѣ и остаются на горѣ подъ открытымъ воздухомъ. Теперь возбужденъ вопросъ о сооруженіи для поломниковъ соотвѣтственнаго зданія.

Выходя изъ собора, мы встрѣтились съ соборнымъ протоіереемъ, отцомъ Г., уроженцемъ Галиціи, прибывшимъ въ Холмъ въ эпоху преобразованія уніатской церкви. Я обрадовался такой встрѣчѣ, надѣясь, при содѣйствіи этого духовнаго лица, обозрѣть церковныя достопримѣчательности.

— Отецъ протоіерей, благословите посѣтить вашъ церковно-археологическій музей, — обратился я, послѣ представленія, къ отцу Г.

— Съ удовольствіемъ; но вотъ бѣда: хранитель музея уѣхалъ въ отпускъ.

— Но ключи, надѣюсь, онъ не взялъ съ собой?

— Напротивъ, и ключи увезъ.

— Гмъ! мнѣ очень нужно было видѣть нѣкоторыя рукописи музея, и главнымъ образомъ холмскій синодикъ.

— Къ сожалѣнію, не могу исполнить ваше желаніе. Вотъ не угодно ли посмотрѣть новый колоколъ, недавно пріобрѣтенный для собора?

Дѣлать нечего: пришлось отказаться отъ желанной мысли обозрѣть церковно-археологическій музей, основанный въ 1882 году при Холмскомъ Свято-Богородицкомъ братствѣ, и довольствоваться колоколами, которые, по приказанію почтеннаго протоіерея, загу-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

дѣли одинъ за другимъ. Сначала была сдѣлана проба колокола, оставшагося отъ временъ уніатскаго епископа Якова Суши, холмскаго лѣтописца половины XVII вѣка, а потомъ новаго колокола, повѣшеннаго въ нынѣшнемъ году, 25-го марта. Первый изъ нихъ, вѣсомъ 115 пудовъ, интересенъ по своей характерной надписи: «Этотъ колоколъ на вѣчныя времена (sic!) долженъ оставаться въ уніи съ св. римскою церковью». Новый колоколъ вѣситъ 320 пудовъ. На немъ воспроизведены: изображенія—Холмской иконы Божіей Матери, свв. князей россійскихъ — равноапостольнаго Владиміра и Александра Невскаго, первоучителей славянскихъ Кирилла и Меѳодія и московскихъ святителей Петра, Алексія, Іоны и Филиппа и надпись: «Даръ Москвы и Нижняго-Новгорода въ память чудеснаго спасенія жизни государя императора съ августѣйшимъ семействомъ 17-го октября 1888 года; въ лѣто отъ Р. Х. 1890, при державѣ благочестивѣйшаго государя императора и самодержца всероссійскаго Александра III Александровича, при архіепископѣ Леонтіѣ и викаріѣ его, епископѣ люблинскомъ Флавіанѣ, сооруженъ сей колоколъ къ соборному храму Рождества Пресв. Богородицы въ городѣ Холмѣ, Люблинской губ. Да созываетъ онъ гласомъ своимъ подъ кровъ православной церкви отторгнутыхъ, расточенныхъ и заблудшихъ чадъ ея».

Съ колокольни, на которую мы взобрались не безъ труда, открылся очаровательный видъ на Холмъ и его окрестности.

Въ Холмѣ есть еще семь церквей, изъ которыхъ три остались отъ временъ уніи. Мнѣ хотѣлось всѣ эти церкви обозрѣть, но, по недостатку времени, я ограничился посѣщеніемъ небольшой церкви во имя Кирилла и Меѳодія. Церковь эта, похожая скорѣе на часовню, сооружена въ 1876—1884 гг. на пожертвованіе почетнаго гражданина О. П. Пестрикова, въ память возсоединенія холмскихъ уніатовъ, и составляетъ украшеніе города: стиль ея русско-византійскій, а стѣны украшены живописью и фресковыми орнаментами какъ снаружи, такъ и внутри.

Другимъ украшеніемъ города обѣщаетъ быть только-что оконченное, но еще не открытое зданіе Холмской духовной семинаріи, изящной архитектуры, сооруженное заботливостію высокопреосвященнаго Леонтія.

Не удалось мнѣ также представиться мѣстному викарному епископу: преосвященный Флавіанъ, не задолго предъ тѣмъ, выѣхалъ на родину, въ Орловскую губернію. При содѣйствіи протоіерея Г., я посѣтилъ архіерейскій домъ для обозрѣнія интересной галлереи портретовъ епископовъ. Галлерея эта начинается портретами главныхъ творцовъ уніи, епископовъ Кирилла Терлецкаго и Ипатія Поцѣя и кончается изображеніями нынѣшнихъ владыкъ Холмско-Варшавской епархіи: архіепископа Леонтія и епископа Флавіана.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Холмская чудотворная икона Божіей Матери.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Эта живописная галлерея имѣетъ большое историческое значеніе помимо сохраненія изображеній лицъ, занимавшихъ Холмскую каѳедру, по этому послѣдовательному ряду портретовъ можно прослѣдить постепенность тѣхъ искаженій, какимъ подвергались во времена уніи епископскія облаченія, а искаженія эти доходили до того, что, напримѣръ, въ епископѣ Ростоцкомъ (1784—1790 гг.) мы видимъ латинскаго бритаго патера, но отнюдь не архіерея восточной церкви.

II.

Совмѣстная поѣздка съ профессоромъ Н. И. Петровымъ.—Жиды.—Русскій мороженщикъ. — Проскуровскіе ямщики. — Ярмолинцы. — Отель Пекъ и его хозяйка-венгерка.—Село Смотричевъ.—Гостинница и ея владѣлецъ Э. Пекъ, конкурентъ русскаго заѣзжаго дома.—Кукурузныя поля.—Село Нѣгинъ.

Побывавъ на короткое время въ Кіевѣ и Одессѣ, дальнѣйшее путешествіе я совершилъ вмѣстѣ съ кіевскимъ профессоромъ Н. И. Петровымъ, съ которымъ я съѣхался 5-го іюля на станціи Жмеринка.

Кто не ѣздилъ по нашимъ западнымъ и юго-западнымъ желѣзнымъ дорогамъ, тотъ не испытывалъ всѣхъ неудобствъ и непріятностей, причиняемыхъ жидами. Вагоны даже 2-го класса не избавлены отъ наплыва сыновъ Израиля. Грязные донельзя, смрадные, съ объемистыми саквояжами, мѣшками, узлами, иногда съ грудными дѣтьми, врываются они въ вагоны какъ только поѣздъ остановится у станціи; но отъѣзжающихъ евреевъ оказывается только часть изъ числа прибывшихъ на станцію, большинство же ихъ остается на платформѣ, группируясь въ кучки, ведя шумный разговоръ и заражая окружающій ихъ воздухъ тѣмъ специфическимъ запахомъ, какой присущъ однимъ только жидамъ. Смѣха, улыбки вы не встрѣтите ни на одномъ лицѣ еврея,—каждая группа ведетъ очевидно дѣловой разговоръ, въ которомъ единственная тема, единственный стимулъ — деньги, гешефтъ. Лица, выраженія одно типичнѣе другого. Русскій человѣкъ здѣсь не замѣтенъ. Осмотрѣвшись на платформѣ, вы увидите сквозь толпу семитовъ лишь двухъ-трехъ малороссіянъ въ бѣлыхъ рубахахъ, широкихъ шароварахъ и большихъ соломенныхъ шляпахъ собственнаго производства, съ загорѣлыми и добродушными физіономіями. Скромно стоятъ мужички у рѣшетки, при входѣ на платформу, какъ-будто боясь переступить дальше.

Но вотъ и характерная, веселая и немного улыбающаяся физіономія русскаго человѣка. Это отставной солдатикъ, разъѣзжающій отъ Жмеринки до Проскурова и обратно съ мороженымъ.

— Откуда, любезный?—спрашиваемъ веселаго человѣка.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Въ Проскуровѣ живемъ.
— И мороженое развозишь? самъ его дѣлаешь?
— Такъ точно.
— Гдѣ же научился?
— Въ военномъ клубѣ былъ, тамъ и перенялъ.

Оказалось, что солдатикъ знаетъ по-еврейски; кое-что зналъ и по-французски, но забылъ.

Изъ Проскурова до Каменецъ-Подольска, всего 90 верстъ, нужно ѣхать на лошадяхъ. Предстояло путешествовать или на почтовыхъ, въ бричкѣ, или на вольныхъ—четверней въ коляскѣ. Едва мы вышли на станціонный дворъ, какъ были окружены извозчиками, по бо̀льшей части евреями. Одинъ изъ нихъ—еврей съ больными глазами—убѣдительно доказывалъ намъ, что если мы поѣдемъ на его лошадяхъ до мѣстечка Ярмолинецъ, а потомъ отправимся до Каменца на почтовыхъ, то останемся въ барышахъ на цѣлыхъ $1^1/_2$ рубля, и какъ доказывалъ! онъ и ёжился, и жмурился, и подступалъ къ намъ, и отступалъ, и клялся, и божился, что говоритъ правду; но мы ничего не поняли и, не гонясь за эфемерной выгодой, предпочли взять коляску съ четверней прямо до Каменца.

Ярмолинцы,—первая станція, гдѣ нужно было дать отдыхъ лошадямъ,—небольшое жидовское мѣстечко, до нельзя грязное и неприглядное. Большой костелъ и православная церковь — это все, что выдѣляется среди сплошного ряда жидовскихъ лачугъ. При церкви старая колокольня, конца XVII вѣка. Въ мѣстечкѣ есть и фотографія (Выговскаго), о которой печатное, расклеенное по улицамъ объявленіе гласитъ, что она помѣщается «въ собственномъ домѣ, въ улицѣ, проходящей мимо аптеки».

Возница подвезъ насъ къ большому сараеобразному дому, похожему на жидовскую корчму, на воротахъ котораго намъ сразу бросилась въ глаза вывѣска: «Отель Пекъ». Мы съ Н. И. Петровымъ расхохотались: въ жидовскомъ мѣстечкѣ—отель! Когда мы въѣхали въ «отель», то изъ-подъ воротъ замѣтили рядъ дверей,—это номера для проѣзжающихъ, по-польски—«станціи», одну изъ которыхъ мы и заняли. Нечего говорить, что «станція» неудовлетворяла самому скромному требованію.

Отъ «служонцы» мы узнали, что «Пекъ» — фамилія содержательницы «отеля», а вскорѣ, выйдя изъ номера въ подворотню, мы познакомились и съ madame Пекъ. Полная, красивая дама среднихъ лѣтъ охотно разговорилась съ нами по-русски и разсказала намъ, что она венгерка, вышедшая замужъ за русскаго, отставного гвардейца К., и уже 6 лѣтъ содержитъ «отель» въ Ярмолинцахъ. Словоохотливая венгерка взяла однако съ насъ за три часа, проведенные въ «станціи», 60 коп. и за огарокъ свѣчи 15 коп.; плата, конечно, пустая, хотя бы за трехчасовую стоянку

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

въ лачугѣ; но нѣсколько дней до нашего пріѣзда, во время ярмарки, та же комната, говорятъ, шла по 6 руб. въ сутки!

Проѣхали еще верстъ 30 и нужно было снова сдѣлать остановку. Ночью мы въѣхали въ село Смотричевъ. Такой же типъ заѣзднаго дома, что̀ въ Ярмолинцахъ, былъ нашимъ ночлегомъ. Здѣсь мы замѣтили уже двѣ вывѣски: надъ воротами—«гостинница Эдуарда Пекъ» и надъ дверью—«ресторанъ». Хозяиномъ оказался братъ ярмолинской Пекъ, молодой человѣкъ, огорченный тѣмъ, что его коханка за безпаспортность отвезена властями въ Каменецъ и тамъ арестована. Венгерецъ Пекъ, не смотря на огорченіе, ловко, однако, ведетъ свои дѣла: заманивая къ себѣ извозчиковъ даровымъ постоемъ и уступкою въ цѣнѣ за овесъ, онъ вознаграждаетъ себя за счетъ пассажировъ, и дѣлаетъ все это въ видахъ конкуренціи съ сосѣднимъ заѣзднымъ домомъ, владѣлецъ котораго, русскій человѣкъ, остается такимъ образомъ безъ постояльцевъ. Къ сожалѣнію, мы узнали объ этомъ уже тогда, когда наша копѣйка попала въ венгерскій кошелекъ.

По мѣрѣ приближенія къ Каменцу, предъ нами начали открываться обширныя поля, засѣянныя кукурузой. Привольно и сочно возростаетъ на роскошной почвѣ этотъ продуктъ южанина, широко и красиво раскинулись стебли кукурузы...

На пути къ Каменцу расположено село Нѣгинъ, замѣчательное тѣмъ, что въ его окрестностяхъ, въ скалѣ, находятся пещеры. Происхожденіе пещеръ неизвѣстно; безъ сомнѣнія онѣ относятся къ глубокой древности.

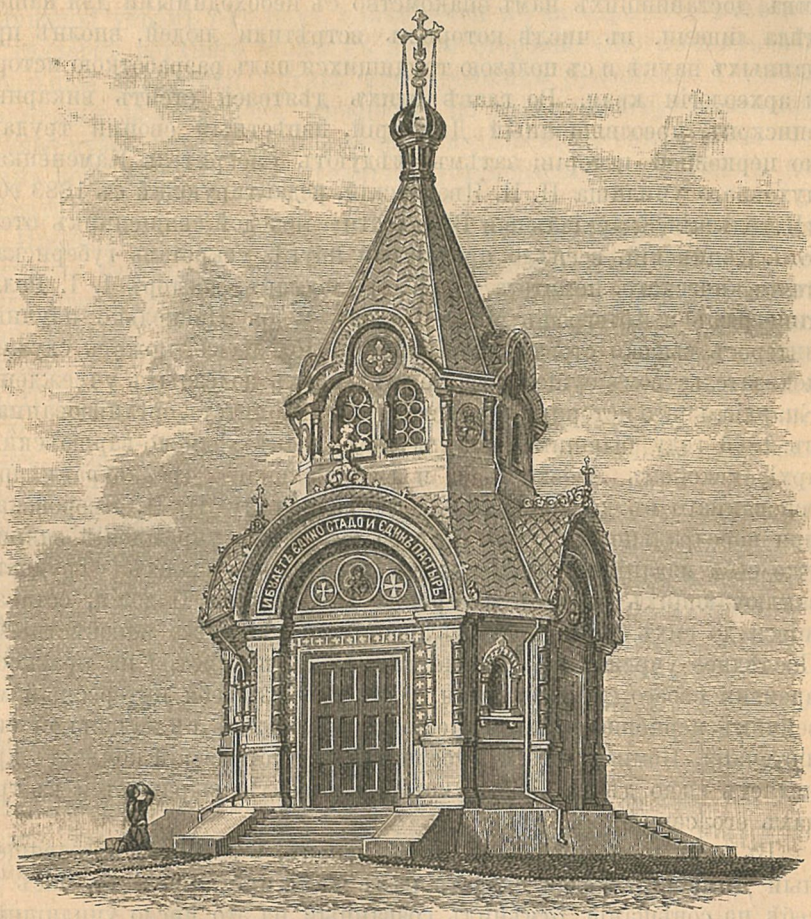
III.

Каменецъ-Подольскъ съ его красивымъ мѣстоположеніемъ и памятниками былой старины.—Господство жидовъ.—Мѣстные дѣятели науки.—Научныя учрежденія Каменецъ-Подольска: Епархіальный историко-статистическій комитетъ, Епархіальное Древнехранилище и Губернскій статистическій комитетъ.—Засѣданіе Епархіальнаго историко-статистическаго комитета и замѣчательный крестъ.—Посѣщеніе археолога-любителя, типографа и фотографа М. О. Грейма.

Каменецъ-Подольскъ принадлежитъ къ числу самыхъ древнѣйшихъ городовъ южной Руси. Много онъ пережилъ, много перестрадалъ. Въ судьбахъ его исторіи отмѣчены и татарскіе погромы, и турецкое владычество, и литовско-польское господство. Екатеринѣ II городъ обязанъ возсоединеніемъ своимъ съ Россіею, а вмѣстѣ съ тѣмъ и возстановленіемъ въ немъ православія, нѣкогда поглощеннаго уніей. Иноземное и иновѣрное владычество надъ Подоліей оставило рѣзкіе слѣды въ вещественныхъ памятникахъ, сохранившихся въ Каменцѣ въ видѣ крѣпостныхъ стѣнъ, башень, церквей, костеловъ и даже минарета.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Городъ представился намъ во всей красѣ всѣхъ этихъ памятниковъ и окружающей его богатой природы, съ скалистыми берегами рѣки Смотричъ, впадающей въ Днѣстръ. Сады, скверы и всякая растительность оставляютъ живое впечатлѣніе среди многочисленныхъ остатковъ минувшей старины.



Кирилло-Меѳодіевская церковь-часовня въ г. Холмѣ, въ память возсоединенія уніатовъ 1875 г.

Городъ содержится безупречно чисто, но кишитъ жидами. Магазины, лавки и лавчонки, за небольшимъ исключеніемъ,—все жидовскіе. Жидъ даетъ о себѣ знать на каждомъ шагу. Еще на пути къ Каменцу спутникъ мой, Н. И. П—въ, такъ сказать, предвкушалъ сцену,—какъ я буду выходить изъ себя отъ еврейской назойливости и предложеній всевозможныхъ услугъ. Но этому опасе-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

нію не пришлось оправдаться: хотя въ гостинницѣ, гдѣ мы остановились, сыны Израиля показались тотчасъ же, какъ только мы заняли помѣщеніе, но они были отражены спокойнымъ разъясненіемъ, что мы пріѣхали въ городъ не для нихъ.

О нашемъ пріѣздѣ въ Каменецъ были предупреждены мѣстныя вліятельныя лица и дѣятели науки. Мы сдѣлали нѣсколько визитовъ, доставившихъ намъ знакомство съ необходимыми для нашего дѣла лицами, въ числѣ которыхъ встрѣтили людей, вполнѣ преданныхъ наукѣ и съ пользою трудящихся надъ разработкою исторіи и археологіи края. Во главѣ этихъ дѣятелей стоитъ викарный епископъ, преосвященный Димитрій, извѣстный своими трудами по церковной исторіи; затѣмъ слѣдуютъ смотритель Каменецкаго духовнаго училища Н. И. Яворовскій, редактирующій съ 1883 года «Подольскія Епархіальныя Вѣдомости», молодой священникъ отецъ Е. І. Сѣцинскій, всецѣло преданный наукѣ, секретарь губернскаго статистическаго комитета В. К. Гульдманъ, докторъ І. І. Ролле, типографъ и фотографъ М. О. Греймъ и др. Насколько научный интересъ высоко стоитъ въ Каменецъ-Подольскѣ, можетъ служить доказательствомъ существованіе тамъ двухъ полезныхъ учрежденій: Епархіальнаго историко-статистическаго Комитета, организованнаго въ 1865 году бывшимъ подольскимъ, нынѣ холмско-варшавскимъ архіепископомъ Леонтіемъ [1]), и Епархіальнаго Древнехранилища, основаннаго въ декабрѣ 1889 года по почину Н. И. Яворовскаго при каѳедральномъ соборѣ. Первое изъ этихъ учрежденій заявило уже себя изданіемъ нѣсколькихъ выпусковъ своихъ «Трудовъ», заключающихъ въ себѣ матеріалы для исторіи Подоліи, остававшіеся до сихъ поръ не изслѣдованными или вовсе неизвѣстными. Послѣднее учрежденіе, Древнехранилище, не смотря на краткость времени своего существованія, составило изъ себя интересный музейчикъ церковно-археологическихъ предметовъ съ маленькой библіотечкой. Помимо того, и губернскій статистическій комитетъ проявляетъ свою дѣятельность, которая наиболѣе выражается въ трудахъ его секретаря.

Въ день нашего пріѣзда въ Каменецъ, 6-го іюля, преосвященный Димитрій, желая оказать намъ честь приглашеніемъ насъ къ себѣ на совѣщаніе, отмѣнилъ созванный на это число училищный совѣтъ и взамѣнъ того назначилъ у себя засѣданіе Епархіальнаго историко-статистическаго комитета. Засѣданіе открылось чтеніемъ полученныхъ корреспонденцій и разсмотрѣніемъ присланныхъ для музея книгъ, актовъ и др. предметовъ. Въ числѣ послѣднихъ об-

[1]) Дѣятельность этого маститаго архипастыря до сихъ поръ памятна въ въ Подольской епархіи. Имъ устроена масса церковныхъ и монастырскихъ школъ, заведены церковныя и благочинническія библіотеки; положено начало лѣтописямъ при церквахъ; открыто 12 церковныхъ братствъ; сооружено много церквей; оживлена проповѣдь и проч., и проч. М. Г.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

щее вниманіе было обращено на кусокъ дерева съ изображеніемъ креста. Въ одномъ селѣ, при расколкѣ дровъ, оказался на внутренной сторонѣ расколотаго полѣна отчетливо начертанный крестъ правильной формы, какъ-бы вызженный, но въ дѣйствительности образовавшійся изъ древесныхъ тканей.

Церковное Древнехранилище, къ обозрѣнію котораго мы были допущены утромъ 7-го іюля, помѣщается въ каѳедральномъ соборѣ, въ галлереѣ верхняго этажа съ лѣвой стороны. Оно состоитъ изъ небольшой библіотеки, архива историческихъ рукописей и актовъ и собранія памятниковъ древности, по преимуществу церковной. Стѣны музея украшены портретами подольскихъ епископовъ. Собрано пока мало, но всѣ предметы установлены тщательно и систематично.

Предварительно обозрѣнія достопримѣчательностей города, мы посѣтили фотографа Грейма. Первое, что мы здѣсь увидѣли, это были превосходныя картины сына г. Грейма, безвременно погибшаго недавно отъ тяжелой болѣзни. Воспитанникъ нашей Академіи Художествъ, онъ скончался въ то время, когда готовился писать картину на золотую медаль. Убитый горемъ отецъ переноситъ вторую уже утрату: незадолго передъ тѣмъ скончался второй его сынъ, окончившій музыкальное образованіе. Почтенный любитель-археологъ, предупрежденный о нашемъ пріѣздѣ членами епархіальнаго статистическаго комитета (въ числѣ которыхъ и онъ состоитъ), съ необычайною любезностію подготовилъ для насъ массу различныхъ фотографическихъ снимковъ, которыми тутъ же и снабдилъ насъ. Это составило цѣлый рядъ изображеній всего интереснаго и рѣдкостнаго изъ каменецкихъ памятниковъ древности, а памятниковъ такихъ, при обзорѣ города, оказалось не мало.

Въ послѣдовательномъ порядкѣ, при содѣйствіи Н. И. Яворовскаго, правителя губернаторской канцеляріи П. Г. Матюнина и М. О. Грейма (распространившаго свою любезность до готовности производить на пути снимки дорожнымъ фотографическимъ аппаратомъ), мы обозрѣли почти всѣ достопримѣчательности Каменецъ-Подольска.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

IV.

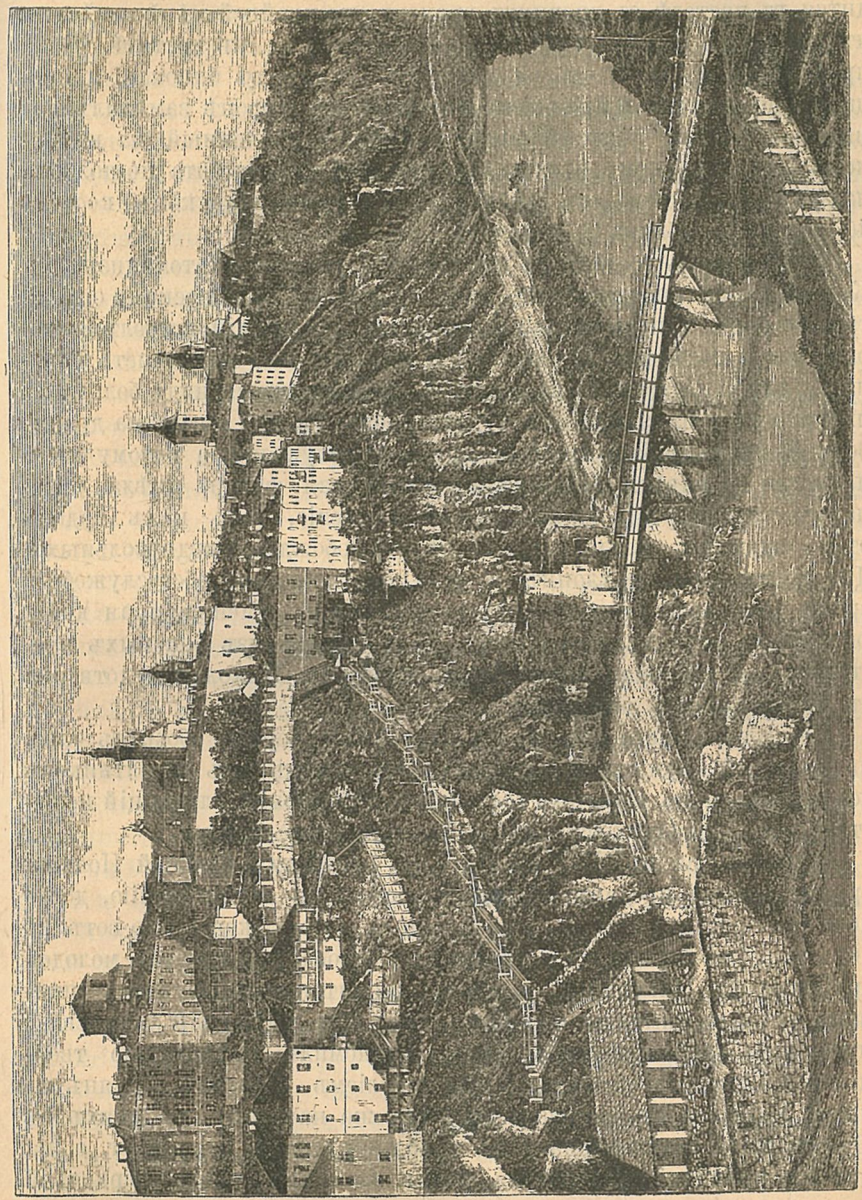
По-доминиканскій костелъ св. Николая, его святыни и древности.—Костелъ потринитарскій.—Бывшій армянскій, нынѣ католическій костелъ съ армянскими памятниками древности и обручальнымъ кольцомъ Богородицы.—Анекдотъ о волосѣ Божіей Матери.—Бывшая армянская, нынѣ православная церковь св. Николая и барельефъ армянскаго архіепископа съ урѣзанными ногами.—Памятникъ неизвѣстнаго латинскаго патера въ городскомъ саду.—Турецкій минаретъ.—Визитъ къ Гогоцкому.—Докторъ Ролле и его любительскій музей.—Мстительная барышня.—Старый Предтеченскій соборъ и его достопримѣчательности.—Церкви Свято-Троицкая и Петропавловская.—Впечатлѣнія при оставленіи Каменца.—Благотворительныя учрежденія въ Каменцѣ.

Отрекомендовавшись настоятелю по-доминиканскаго костела, отцу Дубисѣ-Корчаку, въ его квартирѣ, мы, въ его сопутствіи, посѣтили этотъ храмъ. Костелъ древній: онъ имѣетъ привилегію, данную князьями Коріатовичами и подтвержденную литовскимъ княземъ Свидригайломъ Ольгердовичемъ въ 1405 году. Въ костелѣ, за главнымъ престоломъ во имя святителя Николая, укрѣплена на стѣнѣ большая икона мирликійскаго чудотворца, изображеннаго съ длинной бородой, въ латинской митрѣ, съ посохомъ бискупа, но въ православной архіерейской мантіи, съ омофоромъ [1]). Выдающеюся рѣдкостью костела является амвонъ, привезенный турками въ Каменецъ для мечети. Амвонъ сдѣланъ изъ большихъ цѣльныхъ каменныхъ плитъ съ прекрасною, восточнаго стиля, орнаментаціей и съ турецкою надписью надъ его дверями; на боковой сторонѣ амвона, внизу, оказались выбитые на камнѣ года: 1672—время вступленія турокъ въ Каменецъ, 1699—годъ изгнанія ихъ изъ Каменца и 1862. Когда мы полюбопытствовали узнать о значеніи послѣдней даты, настоятель объяснилъ, что въ этотъ годъ производился ремонтъ костела; но это оказалось не вѣрнымъ—костелъ ремонтировался позже. 1862 годъ памятенъ по событіямъ, имѣвшимъ мѣсто въ нашихъ западныхъ окраинахъ; не имѣетъ ли означенная дата какое-либо отношеніе къ этимъ событіямъ, которыя, какъ извѣстно, не миновали и Каменца? Не есть ли это годъ предполагавшагося изгнанія «москалей» изъ Каменца?

Въ отдѣльномъ придѣлѣ, надъ престоломъ, намъ показали икону Божіей Матери, признаваемую чудотворною. Икона оказалась византійскаго письма, съ православнымъ перстосложеніемъ у Спаси-

[1]) Замѣчательно: во всѣхъ костелахъ Каменецъ-Подольска мы встрѣчали иконы святителя Николая и притомъ, за исключеніемъ только-что упомянутой по-доминиканской иконы, въ совершенно правильномъ облаченіи православнаго архіерея. Этого явленія никто намъ въ Каменцѣ не разъяснилъ; но не служитъ ли оно однимъ изъ доказательствъ, что здѣсь искони царило православіе, царило такъ, что святитель мирликійскій, ревностный защитникъ православія, до сихъ поръ почитается жителями Каменца, принадлежащими къ римской церкви. М. Г.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ



Видъ г. Каменецъ-Подольска.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

теля; она покрыта ризой, на которой къ правой рукѣ Богородицы придѣланъ скипетръ. По словамъ ксендза-настоятеля, икона находится въ костелѣ съ древнихъ временъ, по крайней мѣрѣ извѣстно, что во время пожара 1420 года она была уже въ костелѣ. Пока профессоръ Н. И. П—въ изслѣдовалъ икону въ бинокль, я прошелся по костелу и при этомъ въ лѣвой его сторонѣ замѣтилъ памятникъ особаго рода: большой крестъ, укрѣпленный на каменномъ, пристѣночномъ пьедесталѣ, на которомъ выбита по-польски надпись о бывшемъ въ 1839 году въ доминиканскомъ костелѣ 40 дневномъ юбилеѣ [1]).

Отъ временъ господства въ Подоліи римскаго католицизма въ Каменцѣ сохранился костелъ, принадлежавшій монашескому ордену тринитаровъ. Теперь это обыкновенный приходскій костелъ, который мы и посѣтили. Главнѣйшую его святыню составляетъ большая фигура Спасителя въ темницѣ, установленная надъ большимъ престоломъ и признаваемая чудотворною. Фигура завѣшена драпировкой, открываемой лишь во время богослуженія, а потому мы и не могли ее видѣть. Несомнѣнно священная фигура имѣла у монаховъ-тринитаровъ символическое значеніе, такъ какъ орденъ этотъ задавался цѣлью служить дѣлу освобожденія подневольныхъ. Для желающихъ поклониться этой святыни въ небогослужебное время на правой сторонѣ костела поставлена уменьшенная копія фигуры въ стеклянномъ шкапу. Надъ однимъ изъ боковыхъ престоловъ мы обратили вниманіе на икону св. Николая чудотворца въ православномъ облаченіи.

На пути нашего слѣдованія наступила очередь обозрѣть такъ называемый «армянскій» костелъ. Это—одинъ изъ памятниковъ исчезнувшаго въ Каменцѣ восточнаго вѣроученія, служащій вещественнымъ доказательствомъ латинскаго прозелитизма.

Появившіеся въ XIII столѣтіи въ предѣлахъ бывшей Польши армяне, твердо преданные своему восточному исповѣданію, долго пользовались свободнымъ отправленіемъ богослуженія. Но вотъ въ 1626 году на львовскую армянскую каѳедру вступаетъ молодой архіепископъ Николай Тарасовичъ, воспитанникъ іезуитовъ; принявъ унію съ римскою церковью, онъ, при содѣйствіи латинскаго миссіонера ордена театинъ, Пиду, преломилъ религіозную твердость армянскаго общества и съ насиліемъ обратилъ армянъ въ унію. Унія эта совершилась на тѣхъ же началахъ, на коихъ въ Брестѣ была установлена унія западно-русской церкви, т. е. на условіи признанія главенства папы, съ сохраненіемъ церковной

[1]) Юбилей въ католической церкви — особое празднество, устанавливаемое съ утвержденія папы, каждый разъ по особой программѣ, съ продолжительнымъ моленіемъ, постами, проповѣдями, индульгенціями, процессіями и проч. Главная цѣль такихъ юбилеевъ—упроченіе и возвеличеніе римско-католической церкви, ergo—папства. М. Г.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

обрядности уніонистовъ. Тѣхъ и другихъ унія должна была привести въ концѣ концовъ въ чистый римскій католицизмъ. Задавшись этою цѣлью, паписты постепенно искажали, а потомъ и совсѣмъ уничтожали обряды восточной церкви, сближая богослуженіе съ латинскимъ ритуаломъ. По отношенію къ западно-рускимъ уніатамъ эта іезуитская система достигла немногихъ результатовъ: сравнительно небольшое число приходовъ, путемъ замѣны восточной обрядности латинскою, совратилось въ католицизмъ, большая же ихъ часть осталась вѣрною традиціямъ восточной церкви и впослѣдствіи, въ 1794—1796, 1839 и 1875 годахъ, возсоединилась съ православіемъ. Въ такомъ естественномъ результатѣ насильственно введенной уніи со всею силою сказалась стойкость русскаго народа, дорожившаго вѣрою своихъ предковъ.

Иной результатъ получился отъ введенія уніи среди армянъ-григоріанъ, получившихъ съ того времени названіе «армянъ-католиковъ».

Составля пришлый классъ населенія, удаленные отъ родины и предоставленные въ дѣлахъ вѣры самимъ себѣ, каменецъ-подольскіе армяне не долго оставались въ уніи. Съ одной стороны посредствомъ сближенія обрядности съ латинствомъ, а съ другой путемъ совращенія отдѣльныхъ лицъ ревнители папизма достигли того, что армяне-уніаты были поглощены католицизмомъ. Виновниками совращенія должны быть признаны преемники прозелита Тарасовича включительно до Каетана Вартерисовича, послѣдняго львовскаго армянскаго архіепископа. Эти слуги папства, совращая постепенно свою паству въ латинство, возбуждали въ ней даже ненависть къ Россіи, когда Подолія вошла въ составъ нашего государства. Къ концу XVIII вѣка уже ни одной черты армянской обрядности въ богослуженіи не сохранилось, а теперь вовсемъ Каменцѣ нѣтъ ни одного армянина, сохранившаго свою народность и свою вѣру, и потомки армянъ-уніатовъ считаютъ себя поляками и католиками, а нѣкоторые изъ нихъ даже передѣлали на польскій ладъ свои фамиліи [1]).

Такимъ образомъ іезуитскія стремленія въ отношеніи каменецкихъ армянъ вполнѣ достигли своей цѣли. Вещественнымъ памятникомъ такихъ трудовъ сыновъ Лойлы служитъ армянская церковь, нынѣ римско-католическій костелъ.

Храмъ этотъ сооруженъ въ восточномъ стилѣ и окруженъ съ трехъ сторонъ крытою галлереею, на стѣнахъ которой находятся армянскія надписи.

Первое, на что намъ было указано при входѣ въ этотъ историческій храмъ, была икона Божіей Матери, помѣщающаяся надъ

[1]) Въ первой половинѣ XVII вѣка въ Каменецъ-Подольскѣ считалось 1200 армянскихъ семействъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

главнымъ престоломъ. По обычаю латинянъ, установившихъ тѣмъ меньшую доступность священнаго предмета, чѣмъ большее онъ имѣетъ значеніе, икона оказалась закрытою занавѣсами. Костельный сакристіанъ, [1]) служившій намъ проводникомъ, отказался открыть занавѣсы, ссылаясь на то, что это можетъ сдѣлать только ксендзъ, въ началѣ богослуженія; но потомъ, подумавъ, сказалъ:

— Да, открыть занавѣсы я не могу; но я имѣю право перемѣнить ихъ.

— Отлично, такъ перемѣните занавѣсы,—попросили мы.

Но Н. И. П—въ не выдержалъ и тутъ же въ слухъ сказалъ:

— Вотъ іезуитское-то правило!

Преклонивъ одно колѣно предъ иконой, сакристіанъ отправился за престолъ и, поднявшись къ иконѣ съ задней стороны престола, медленно началъ убирать съ иконы прежнія занавѣсы и навѣшивать новыя. Мы воспользовались этимъ хотя іезуитскимъ, но все же любезнымъ пріемомъ, чтобы разсмотрѣть икону, которая оказалась древнею, восточнаго типа, съ армянскою подписью. Мѣстные жители-католики считаютъ ее чудотворною и увѣшиваютъ ее «вотами» (привѣсками въ видѣ сердецъ, рукъ, ногъ и проч.).

По бокамъ главнаго престола оказались двѣ фигуры святыхъ во весь ростъ, почти въ натуральную величину; одна изъ нихъ латинская, а другая изображаетъ епископа восточной церкви. На боковомъ престолѣ установлена икона св. Николая чудотворца, по образцу православныхъ иконъ.

Когда мы вошли въ ризницу, помѣщающуюся за главнымъ престоломъ, чтобы посмотрѣть портреты армянскихъ епископовъ и священниковъ, кто-то изъ сопутствовавшихъ намъ замѣтилъ, что въ костелѣ хранится много древнихъ рукописей и книгъ, принадлежавшихъ армянамъ. Заинтересовавшись этими памятниками, мы начали просить показать ихъ намъ; но сакристіанъ, все время державшій себя въ мрачномъ настроеніи, выразилъ тутъ на своемъ лицѣ чуть не испугъ, вѣроятно опасаясь за цѣлость драгоцѣнныхъ рукописей и книгъ, и лишь по усиленной просьбѣ нашей повелъ насъ крутымъ и узкимъ ходомъ вверхъ, въ надъалтарную часть. Здѣсь въ особомъ шкапу и на полкахъ полукруглой ниши сакристіанъ показалъ намъ цѣлую библіотеку, состоящую изъ огромныхъ фоліантовъ армянскихъ рукописныхъ и печатныхъ богослужебныхъ книгъ, прекрасно сохранившихся въ прочныхъ кожанныхъ переплетахъ. Рукописныя книги, отлично написанныя, украшены красивыми заставками, инціалами и рисунками. Нѣкоторыя изъ нихъ относятся къ концу XIII вѣка. Полюбопытствовали мы узнать—есть ли кто-нибудь изъ числа духовенства или прихожанъ знающій по-армянски, — оказалось никого! Тутъ же, въ библіотекѣ, среди

[1]) Ризничій.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

разнаго церковнаго хлама, находится большое блюдо-тазъ, служившее армянамъ для крещенія младенцевъ; на немъ сдѣланы чеканныя украшенія, а посрединѣ блюда—рельефное изображеніе Благовѣщенія [1]).

Для чего все это, — подумалъ я, — остается въ польско-латинскомъ костелѣ? священные предметы армянской церкви для ксендза и прихожанъ-поляковъ не имѣютъ рѣшительно никакого значенія, а книгъ и рукописей армянскихъ ни цѣнить, ни читать никто изъ нихъ не можетъ. Не лучше ли было бы сдать все это на храненіе въ какой-либо музей или публичную библіотеку, если нельзя уступить русскимъ армянамъ, не утратившимъ свою народность? По крайней мѣрѣ историческіе памятники бывшей армянской церкви получили бы бо̀льшую сохранность и даже можетъ быть пользу въ практическомъ или научномъ отношеніяхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ посѣтитель церкви не-католикъ не испытывалъ бы того тяжелаго впечатлѣнія, съ какимъ я выходилъ изъ историческаго храма. Вчужѣ было жаль армянъ-уніатовъ, ихъ святынь и осиротѣвшихъ памятниковъ древности. Цѣлый приходъ, когда-то несомнѣнно многочисленный, обладавшій каменною церковью, древнею иконою, обширною библіотекою и проч., исчезъ безвозвратно, утонувъ въ морѣ польско-латинскаго прозелитизма!

Но вотъ еще одна достопримѣчательность, оказавшаяся въ бывшей армянской церкви, но несомнѣнно католическаго происхожденія.

На лѣвой сторонѣ отъ главнаго престола мы замѣтили какой-то предметъ, укрѣпленный у стѣны. И что же оказалось?—по словамъ сакристіана, это—кольцо, которымъ была обручена Пресвятая Богородица...

Что за кощунство! Впрочемъ, удивляться ли этому измышленію папистовъ, когда въ Римѣ до сихъ поръ показываютъ вѣрующимъ доски отъ ясель Христа. Въ средніе же вѣка тамъ царила еще меньшая застѣнчивость. Не могу воздержаться, чтобы не привести здѣсь анекдотъ, о которомъ я вспомнилъ при разсмотрѣніи каменецкаго обручальнаго кольца Богородицы.

Въ числѣ священныхъ реликвій паломникамъ показывали въ римскомъ соборѣ св. Петра волосъ Богородицы: съ распростертыми руками стоялъ патеръ, какъ бы держащій въ пальцахъ священный волосъ; вѣрующіе, подходя къ патеру, падали ницъ предъ святыней; но вотъ изъ числа паломниковъ нашелся однажды скептикъ, который пожелалъ увидѣть волосъ и съ этою цѣлью началъ присматриваться, что̀ патеръ держитъ въ рукахъ. Не видя ничего, скептикъ спрашиваетъ:

---

[1]) Уже впослѣдствіи я узналъ, что въ томъ же костелѣ находятся и другія достопримѣчательности, какъ-то: часть мощей св. Григорія, просвѣтителя армянъ, письма князя Михаила Корыбута, армянскія лѣтописи, итальянскія и латинскія классическія произведенія. М. Г.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Да гдѣ же тутъ волосъ? я его не вижу.

— Невѣрный, — отвѣтилъ ему патеръ, — вотъ столько-то лѣтъ держу я волосъ въ своихъ рукахъ и то еще не удостоился видѣть его, а ты только-что подошелъ къ святыни и захотѣлъ ее видѣть!

Отъ армянъ сохранилась въ Каменцѣ еще одна небольшая церковь во имя св. Николая чудотворца, нынѣ православная. Сооруженная въ XIII вѣкѣ, она досталась православію не въ силу прозелитизма, котораго, къ счастію, наше духовенство не придерживается, а по преемству отъ греко-уніатовъ, къ которымъ церковь перешла въ 1822 году отъ армянъ. Памятникомъ древности въ этомъ небольшомъ храмѣ служитъ каменная плита съ рельефнымъ изображеніемъ эчміадзинскаго армянскаго патріарха Мельхиседека, впослѣдствіи львовскаго армянскаго архіепископа, скончавшагося въ Каменцѣ 18-го марта 1627 г. и погребеннаго въ Николаевской церкви. Рельефъ укрѣпленъ на лѣвой стѣнѣ, у клироса, и отъ времени началъ сглаживаться, а въ послѣднее время подвергся даже искаженію. Дѣло въ томъ, что въ церкви есть большая икона св. Николая, копія съ иконы, находящейся въ старомъ Предтеченскомъ соборѣ и чтимая жителями Каменца, не исключая и католиковъ, болѣе своего оригинала. Въ тѣсненькой церковкѣ не нашлось лучшаго для этой иконы мѣста, какъ у той стѣны, гдѣ находится изображеніе Мельхиседека, а такъ какъ рельефъ препятствовалъ укрѣпленію иконы у стѣны, то почитатели иконы, не долго думая, подрубили ноги армянскому архіерею. Совершилось это всего лѣтъ 10—15 тому назадъ. Свѣжо преданіе, но вѣрится съ трудомъ!

Въ городскомъ саду, надъ самымъ обрывомъ, мы обратили вниманіе на бюстъ какого-то латинскаго прелата, сдѣланный изъ камня и выкрашенный бѣлою краскою. Никто изъ нашихъ спутниковъ не могъ объяснить, кто именно и за какія дѣянія удостоился такой чести, а въ такомъ случаѣ умѣстно ли оставлять этотъ безсодержательный и чуждый намъ памятникъ въ открытомъ публичномъ мѣстѣ русскаго губернскаго города?

Утомленные путешествіемъ по городу и невыносимой жарой, мы лишь мимоходомъ обозрѣли турецкій минаретъ. Тонкая и высокая весьма изящной архитектуры башня, оставшаяся отъ турецкихъ временъ во всей своей цѣлости, составляетъ самую оригинальную и красивую особенность Каменца. Башня находится при каѳедральномъ костелѣ. Турецкая луна замѣнена на ней фигурой Божіей Матери.

Отдохнувши нѣсколько, мы отправились къ одному изъ мѣстныхъ дѣятелей, Н. С. Гогоцкому, сыну каменецкаго каѳедральнаго протоіерея, отца Сильвестра, высокообразованнаго и неутомимаго труженика, скончавшагося въ 1853 году. Сынъ его, Н. С., много потрудившись на поприщѣ народнаго просвѣщенія и между

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Каѳедральный соборъ въ Кишиневѣ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

прочимъ въ Холмщинѣ, занимаетъ теперь въ Каменцѣ мѣсто управляющаго отдѣленіемъ крестьянскаго банка. Онъ живо интересуется исторіей западно-русскаго края и, узнавъ о цѣли нашей поѣздки, снабдилъ профессора Н. И. П—ва своей рукописной статьей о ревизіи Подольской епархіи, произведенной въ 1830-хъ годахъ протоіереемъ Скворцовымъ. Вечеръ мы провели за стакаиомъ чая у преосвященнаго Димитрія, который снабдилъ насъ нѣкоторыми изъ изданныхъ сочиненій своихъ.

Я упоминалъ выше о мѣстномъ любителѣ-археологѣ, докторѣ Ролле. Визитъ къ нему назначенъ былъ на утро 8-го іюля. Его домикъ, съ первой же комнаты, показывалъ, что хозяинъ съ любовію преданъ минувшимъ судьбамъ края. Портреты разныхъ историческихъ лицъ, картины, старинная посуда, статуетки и проч. и проч. размѣщены по всѣмъ комнатамъ археолога-любителя. Въ его собраніи рукописей хранится завѣщаніе Синана Котлубая 1398 г. на имѣющую образоваться армянскую каѳедру въ Подоліи, съ упоминаніемъ о волосскомъ армянскомъ архіепископѣ. Любезный хозяинъ очень заинтересовался нашимъ визитомъ и велъ оживленную бесѣду, изъ которой мы узнали, между прочимъ, что около Балты, въ Казавчинѣ, сохранились гробницы татарскихъ баскаковъ 1377 года съ надписями.

На пути въ городъ намъ пришлось выслушать отъ кого-то изъ мѣстныхъ жителей слѣдующій забавный разсказъ изъ недавняго прошлаго.

Одинъ каменецкій ксендзъ пользовался расположеніемъ красивой барышни, жившей vis-à-vis съ нимъ; но затѣмъ отношенія ихъ измѣнились, и въ разрывѣ барышня винила ксендза. Желая ему отмстить, она изобразила на лицевой сторонѣ своего дома крупнѣйшими буквами: «Za co pan ksiądz gniewa się na mnie?» (за что г. ксендзъ сердится на меня?) По образу жизни своей, барышня ничего не теряла, но для ксендза это было жестокою местью.

Изъ числа православныхъ церквей Каменецъ-Подольска заслуживаетъ особеннаго вниманія Іоанно-Предтеченская церковь. Когда она основана неизвѣстно, но изъ документальныхъ записей видно, что уже въ 1606 году она существовала. Со вступленіемъ въ 1672 году въ Каменецъ турокъ, церковь была обращена въ мечеть великаго визиря и оставалась таковою до времени выхода турокъ въ 1699 году. Въ этомъ году она перешла въ руки уніатовъ, которые владѣли ею до 1795 года. Съ переходомъ въ томъ же году Предтеченской церкви къ православнымъ, она сдѣлалась каѳедральнымъ соборомъ; впослѣдствіи подъ соборъ отведенъ большой костелъ упраздненнаго кармелитскаго монастыря, передѣланный соотвѣтственно потребностямъ православнаго храма. Съ тѣхъ поръ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Предтеченская церковь обратилась въ приходскую, именуясь въ народѣ старымъ соборомъ. Въ этой церкви мы обозрѣли: древнюю славянскую надпись на плитѣ передъ престоломъ, служащей намогильнымъ памятникомъ Николаю Грабовецкому, погребенному здѣсь въ 1609 году; славянскую надпись въ сѣверной алтарной стѣнѣ, гласящую, что въ этой церкви панъ Симеонъ Стрій похоронилъ сына своего Іоанна; гербъ Кантакузиновъ — большой барельефъ, служащій намогильнымъ памятникомъ Іоанну-Рудольфу Кантакузину, скончавшемуся въ 1761 году; мѣстно-чтимыя иконы Іоанна Предтечи и св. Николая. Оригинальную особенность храма составляютъ портреты особъ царской фамиліи на нѣкоторыхъ иконахъ: такъ, небольшой образъ св. Никиты изображаетъ черты Александра I, въ группѣ святыхъ на другой иконѣ не трудно узнать Николая, Константина и Михаила Павловичей; есть портреты Екатерины II и даже Потемкина-Таврическаго. Все это исполнено художественной рукой, конечно, не мѣстнаго производства. Такія иконы, по нашему мнѣнію, должны быть отнесены къ числу историческихъ достопримѣчательностей и, какъ таковыя, храниться не въ церкви, а въ мѣстномъ древнехранилищѣ.

Къ числу древнихъ православныхъ храмовъ Каменецъ-Подольска относятся также церкви: Свято-Троицкаго монастыря, въ которомъ имѣетъ помѣщеніе викарный епископъ, и Петропавловская. Основаніе ихъ восходитъ къ XVI вѣку; но ни по наружному виду, подвергавшемуся частымъ измѣненіямъ, ни по внутреннему содержанію, храмы эти не представляютъ ничего примѣчательнаго.

Выѣзжали мы изъ Каменецъ-Подольска подъ весьма пріятнымъ впечатлѣніемъ. Не говоря о красивой природѣ города и видѣнныхъ нами интересныхъ и характерныхъ памятникахъ древности, отрадно было встрѣтить въ этомъ, отдаленномъ отъ всякихъ центровъ городкѣ людей, живущихъ высшими интересами, трудящихся на пользу науки и просвѣщенія, группирующихся въ научное общество, создающихъ музей древностей, однимъ словомъ людей, проявляющихъ всю полноту умственной жизни, кажный по мѣрѣ силъ, но всѣ съ явною любовью и энергіей. Помимо того, дѣятельность каменецкаго общества выражается еще въ гуманитарномъ отношеніи къ страждущему человѣчеству. Въ Каменецъ-Подольскѣ существуютъ слѣдующія благотворительныя учрежденія: Дѣтскій пріютъ, Убѣжище для взрослыхъ слѣпыхъ, Благотворительное общество для оказанія помощи бѣднѣйшему населенію города Каменца, Православное Іоанно-Предтеченское братство съ состоящими при немъ пріютомъ, ремесленной школой и дамскимъ комитетомъ, Іоанно-Богословское братство для пособія бѣднѣйшимъ воспитанникамъ семинаріи и Общество вспомоществованія нуждающимся ученикамъ и ученицамъ мужской и женской гимназій.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

V.

Путь въ Бессарабію.—Сады, виноградники, винодѣліе, хлѣбопашество и табаководство.—Бендерская крѣпость.—Разношерстность населенія.—Кишиневъ.—Недоразумѣніе на счетъ насъ.—Отсутствіе общественныхъ научныхъ учрежденій.—Дѣятели науки.—Памятники Александру II и Пушкину.—Городской садъ и гулянье въ немъ въ потьмахъ.—Семинарская библіотека.—«Митрополія» (архіерейскій домъ). — Портретъ неизвѣстнаго архіепископа. — Гербовецкая икона Божіей Матери. — Молдаванское церковное пѣніе. — Молдаванская закуска. — Недоступность музея Суручана.—Благотворительныя и общеполезныя учрежденія въ Кишиневѣ.

Изъ Каменца путь намъ лежалъ въ Кишиневъ. Послѣ нѣкотораго размышленія, мы съ Н. И. Петровымъ рѣшили возвратиться въ Проскуровъ на лошадяхъ, а потомъ отправиться въ столицу русской Бессарабіи по желѣзной дорогѣ.

По мѣрѣ въѣзда въ глубь Бессарабіи, все болѣе и болѣе начали появляться виноградныя плантаціи, — цѣлое море садовъ и виноградниковъ, перемежающихся съ кукурузными полями. Для сѣверянина это было интересною новостью. Плодородіе почвы и климатическія условія ставятъ Бессарабію въ весьма выгодныя условія. По всей Бессарабской губерніи подъ фруктовыми садами находится болѣе 30,000 десятинъ, которыя даютъ однихъ сушоныхъ сливъ и грушъ до 250,000 пудовъ. Виноградники занимаютъ еще бо̀льшее пространство—до 50,000 десятинъ; въ годъ получается съ нихъ до 8 милліоновъ ведеръ вина, цѣна которому, въ средней сложности, составляетъ 1 рубль ведро. Хлѣбопашество не играетъ, однако, особой роли: въ годъ собирается пшеницы менѣе $1^1/_2$ милліоновъ четвертей, да ржи и овса съ небольшимъ по 200 тысячъ четвертей, въ то время, какъ одной кукурузы получается 1.300,000 четвертей. Нѣкогда развитое въ Бессарабіи табаководство годъ-отъ-году приходитъ въ упадокъ, становясь менѣе выгоднымъ производствомъ. Такъ, въ послѣдніе годы подъ табакомъ воздѣлывалось съ небольшимъ 3,000 десятинъ, съ которыхъ получалось менѣе 100,000 пудовъ въ годъ табаку, цѣною отъ 1 руб. 25 коп. до 18 руб. за пудъ. Желая испробовать табакъ мѣстнаго производства, я зашелъ въ Кишиневѣ на одну фабрику, но мнѣ предложили, какъ лучшій сортъ спрошеннаго табаку, настоящій турецкій табакъ.

Подъ Бендерами изъ окна вагона мы увидѣли Днѣстръ: рѣка очень мутная, не широкая и съ мелями. Подъѣзжая къ Бендерамъ, мы съ Н. И. П—мъ обратили вниманіе на крѣпость, въ которой останавливался шведскій король Карлъ XII; построенная генуэзцами, она реставрирована въ позднѣйшее время и теперь не представляетъ съ внѣшней стороны никакихъ признаковъ древности.

Отъ станціи до города дорога оказалась чрезвычайно пыльной, не мощеной. Мостовая появилась уже по мѣрѣ приближенія къ центру города, но и въ этихъ улицахъ разносимая вѣтрами пыль стол-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

бомъ стоитъ. Улицы вовсе не поливаются: Кишиневъ городъ безводный, если не считать удаленной отъ центра рѣченки съ солиднымъ названіемъ «Быкъ». Городъ расположенъ правильными квадратами и имѣетъ видъ миніатюрной, но не совсѣмъ удачной копіи съ Одессы: такія же широкія панели, усаженныя бѣлой акаціей, столь же узкое полотно для проѣзда, такой же способъ мощенія улицъ. Исключеніе составляетъ нижняя часть города съ узкими, кривыми и грязными переулками. Жара стоитъ невыносимая и солнце выжгло всякую растительность. Улицы пустынны и извозчики стоятъ безъ дѣла, быть можетъ, отъ жары, а скорѣе отъ конкурирующихъ съ ними желѣзно-конныхъ поѣздовъ; послѣдніе, устроенные также по типу одесскихъ (не большихъ размѣровъ открытые вагоны безъ занавѣсокъ), надоѣдаютъ пронзительными, лаеобразными свистками-сигналами, приводимыми въ дѣйствіе посредствомъ удара колѣномъ въ гутаперчевый шаръ, придѣланный къ мѣдной трубѣ. Болѣе непріятнаго и надоѣдливаго звука представить себѣ невозможно.

И въ Кишиневѣ, какъ въ Каменцѣ, мы начали съ визитовъ. При посѣщеніи одного лица, насъ приняли за вновь назначенныхъ въ Кишиневъ преподавателей духовной семинаріи; недоразумѣніе скоро, однако, разъяснилось, и мы пользовались со стороны недоумѣвающаго полнымъ содѣйствіемъ въ нашемъ дѣлѣ.

Въ старину на мѣстѣ Кишинева было азіатское мѣстечко Кишиноу или Кишланоу (по-русски новый загонъ, зимовка скота); оно сохранилось теперь въ нижней части города и въ археологическомъ отношеніи не представляетъ собою ничего замѣчательнаго. Главная часть города, центральная, совершенно новая и въ ней уже совершенно ничего нѣтъ археологическаго. Понятно, здѣсь мы не только не нашли никакихъ общественныхъ научныхъ учрежденій подобно существующимъ въ Каменецъ-Подольскѣ; но оказалось даже, что и находящійся въ Кишиневѣ губернскій статистическій комитетъ, въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ, ни разу не созывался и бездѣйствуетъ, хотя секретарь его, г. Неручевъ, по отзыву начальствующихъ лицъ,—человѣкъ дѣльный и знающій. Какъ знатоковъ мѣстности и любителей исторіи края, намъ рекомендовали преподавателей мѣстной духовной семинаріи Е. Е. Михалевича и А. Г. Стадницкаго. Оба они посѣтили важнѣйшіе пункты Бессарабіи и производили археологическія изысканія. Въ одну изъ такихъ поѣздокъ первый изъ нихъ, года три тому назадъ, нашелъ въ селѣ Бутученахъ, Оргѣевскаго уѣзда, нѣсколько древнихъ монетъ, а въ томъ числѣ двѣ весьма рѣдкія монеты молдавскаго господаря Стефана Великаго съ славянскою надписью [1]).

[1]) Эти монеты г. Михалевичъ передалъ профессору Н. И. Петрову, какъ даръ Кіевскому церковно-археологическому музею.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Послѣобѣденное время мы употребили на осмотръ монументовъ императору Александру II и поэту Пушкину.

Памятникъ царю-освободителю составляетъ украшеніе главной улицы Кишинева, названной по имени покойнаго императора Александровскою. Памятникъ состоитъ изъ величественной фигуры императора, представленнаго во весь ростъ, въ царской порфирѣ: правая рука держитъ свитокъ, на которомъ вырѣзано: «12-го апрѣля» (день объявленія, въ 1877 году, манифеста о походѣ въ Турцію); лѣвая рука опущена на державу, установленную на пьедесталѣ. На лицевой сторонѣ мраморнаго постамента надписи:

Царю-освободителю
Александру II.
19-го февраля 1855
1-го марта 1881.

У постамента, по угламъ, укрѣплены двуглавые орлы съ распростертыми крыльями. Монументъ окруженъ массивною цѣпью, прикрѣпленною къ гранитнымъ столбамъ.

Постановка въ Кишиневѣ монумента императору Александру II вызвана историческимъ событіемъ. Въ 1877 году вся Россія читала телеграммы изъ Кишинева, гдѣ былъ обнародованъ, 12-го апрѣля, манифестъ о выступленіи русскихъ войскъ въ походъ противъ турокъ. Покойный императоръ пробылъ въ Кишиневѣ съ 12-го по 20-е апрѣля включительно и почти каждый день дѣлалъ тамъ смотры войскамъ, отправлявшимся выручать своею кровью братьевъ славянъ. Какъ оцѣнили «братушки» отеческую о нихъ заботливость русскаго царя, ихъ освободителя,—всѣмъ хорошо извѣстно; но Кишиневъ не забылъ своего державнаго гостя и водрузилъ ему величественный монументъ.

Памятникъ Пушкину установленъ въ городскомъ саду противъ главной аллеи, въ которой поэтъ часто прогуливался и отдыхалъ и которая называется «Пушкинской». О такомъ названіи мы узнали, впрочемъ, отъ мѣстныхъ старожиловъ, но въ самой аллеѣ мы не нашли никакого указанія на то, никакой надписи. Памятникъ имѣетъ видъ весьма скромный: на небольшой колоннѣ изъ отшлифованнаго темнаго гранита установленъ удачно исполненный бюстъ знаменитаго поэта съ обнаженною головою и съ накинутымъ на плечи плащемъ. Внизу колонны вырѣзаны надписи: на лицевой сторонѣ—«Пушкину. 26-го мая 1855 г.» (день установки памятника), а на задней сторонѣ строфы:

«Здѣсь лирой сѣверной пустыни оглашая,
«Скитался я...

1820 1821 1822 1823.

Года означаютъ время пребыванія въ Кишиневѣ поэта, жившаго здѣсь съ послѣднихъ чиселъ сентября 1820 г. по іюнь 1823 г.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Памятникъ Пушкину въ Кишиневѣ.

Время это ознаменовано появленіемъ нѣкоторыхъ высоко-художественныхъ произведеній нашего знаменитаго поэта, какъ, напримѣръ, «Бахчисарайскій фонтанъ», «Братья разбойники» и проч.; въ Кишиневѣ же были начаты «Евгеній Онѣгинъ» и «Цыгане» [1]).

[1]) Нужно отдать честь Бессарабіи: кромѣ только-что упомянутыхъ двухъ памятниковъ, въ декабрѣ 1890 г. будетъ открытъ на берегу Дуная, между Измаиломъ и Рени, памятникъ Николаю I-му въ воспоминаніе перехода чрезъ Дунай въ 1829 году русскихъ войскъ. Въ Бессарабіи же находится памятникъ Потемкину-Таврическому, поставленный на томъ мѣстѣ, гдѣ зарыты его внутренности. М. Г.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Вечеромъ мы еще разъ заглянули въ городской садъ. Мы разсчитывали съ Н. И. Петровымъ полюбоваться тамъ типами южныхъ красавицъ, но цѣли не достигли: публики, и дамской преимущественно, было много, а любоваться ею не пришлось—въ аллеяхъ царила полнѣйшая темнота и все освѣщеніе сада состояло изъ тускло-мелькавшихъ фонарей, разставленныхъ едва ли не на сто саженъ одинъ отъ другого. Такъ мы и не видали ни одной «фрумушуки (прекрасной) молдаванки».

При любезномъ содѣйствіи ректора семинаріи, отца протоіерея А. В. Яновскаго, мы посѣтили на другой день семинарскую библіотеку, довольно богатую по содержанію.

Архіерейскій домъ въ Кишиневѣ извѣстенъ подъ именемъ «митрополіи». Такое названіе онъ получилъ съ самаго основанія своего, какъ сооруженный учредителемъ Кишиневской епархіи Гавріиломъ Банулеско-Бодони, занимавшимъ предъ тѣмъ Кіевскую митрополичью каѳедру и сохранившимъ за собой титулъ митрополита и по вступленіи на Кишиневскую каѳедру, которою онъ управлялъ съ 1813 по 1821 годъ. Въ архіерейскомъ домѣ мы обозрѣли портреты кишиневскихъ владыкъ, начиная съ портрета основателя епархіи; тутъ же намъ показали большое изображеніе, масляными красками, неизвѣстнаго архіерея, хорошей живописи; сначала профессоръ Петровъ предполагалъ, что это портретъ архіепископа Амвросія Серебрякова, бывшаго въ 1789—1792 гг. мѣстоблюстителемъ экзархіи Молдо-Влахійской, къ которой принадлежала и нынѣшняя Кишиневская епархія. Въ такомъ предположеніи съ этого портрета мною была снята фотографическая копія; но впослѣдствіи, когда была получена изъ Полтавы копія съ дѣйствительнаго изображенія Амвросія, догадка не подвердилась.

При архіерейскомъ домѣ находится Крестовая церковь, въ которой намъ показали копію съ мѣстно-чтимой Гербовецкой иконы Божіей Матери. Подлинная икона, относимая къ XVIII вѣку, находится въ Гербовецкомъ Успенскомъ мужскомъ монастырѣ и ежегодно въ октябрѣ приносится въ Кишиневъ съ крестнымъ ходомъ и остается тамъ до 17-го апрѣля, привлекая къ себѣ массы богомольцевъ.

Для переговоровъ объ историческихъ памятникахъ Бессарабіи, мы были приглашены въ домъ Е. Е. Михалевича. Здѣсь, среди разговоровъ по интересовавшимъ насъ предметамъ, мы впервые услышали церковно-молдаванскій напѣвъ. Въ нѣкоторыхъ приходахъ Кишиневской епархіи богослуженіе отправляется на молдаванскомъ языкѣ, причемъ нѣсколько молитвъ поютъ и по-славянски; въ сугубую же эктенію троекратное «Господи помилуй» начинаютъ по-молдавански («Доамне милуешти»), продолжаютъ по-славянски и оканчиваютъ по-гречески. Богослужебныя книги въ такихъ церквахъ по преимуществу молдаванскія, но напечатанныя

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

кириллицей. Нѣкогда на эти книги было воздвигнуто гоненіе, и не мало тогда исчезло ихъ съ лица земли. Къ счастію для прихожанъ, гоненіе это нынѣ не имѣетъ мѣста. Гостепріимный хозяинъ познакомилъ насъ еще съ другою мѣстною особенностію, относящеюся къ кулинарному дѣлу: въ числѣ закусокъ были поданы излюбленныя молдаванами брынза (овечій сыръ), маринованныя перцовыя стручья, икра изъ баклажанъ, а также мѣстное, собственнаго производства, вино. Въ другомъ домѣ намъ потомъ пришлось попробовать еще одно мѣстное кушанье—мамалыгу,—горячее тѣсто изъ кукурузной муки; это блюдо непривычному человѣку можно было только попробовать.

Если въ Кишиневѣ нѣтъ общественныхъ научныхъ учрежденій, подобныхъ каменецъ-подольскимъ, то нашлось частное. Это—«Музей древностей Босфоро-Киммерійскаго царства и поселеній Сѣвернаго Черноморья», основанный въ 1862 году и принадлежащій дворянину И. К. Суручану. Мы намѣревались обозрѣть этотъ музей; но оказалось, что владѣлецъ его выѣхалъ въ свое имѣніе и не оставилъ ключей. Для меня это второй случай недоступности къ древнехранилищу по одной и той же причинѣ—увоза ключей.

Заканчивая путевые наброски, относящіеся къ Кишиневу, съ особеннымъ удовольствіемъ долженъ отмѣтить то филантропическое настроеніе, которое очевидно является преобладающимъ въ общественной жизни кишиневской интелигенціи. Вотъ перечень существующихъ въ Кишиневѣ благотворительныхъ учрежденій: Сиротскій домъ, Дѣтскій пріютъ Бальша (имя основателя), Благотворительное общество съ состоящею при немъ дѣтскою больницею въ память императора Александра II, Общество для пособія лицамъ, освобождаемымъ изъ тюремнаго заключенія, Общество пособія нуждающимся въ образованіи и цѣлыхъ три Общества пособія нуждающимся ученикамъ (при двухъ мужскихъ гимназіяхъ и одномъ реальномъ училищѣ). Наконецъ, здѣсь кстати будетъ упомянуть о другихъ полезныхъ учрежденіяхъ, какъ-то: Православномъ миссіонерскомъ обществѣ, учрежденномъ для обращенія въ христіанство язычниковъ исключительно Бессарабской губерніи, Собраніи сельскихъ хозяевъ, Музыкальномъ обществѣ и Обществѣ драматитескаго искусства.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

VI.

«Южная красавица» въ жидовскихъ рукахъ.—Недоступность Одесской городской публичной библіотеки.—Одесскій музей древностей и немногочисленные въ немъ памятники Бессарабской старины.—А. С. Мацѣевичъ.—Искаженія русской рѣчи.

Съ выѣздомъ изъ Кишинева мы еще не разстались съ Бессарабіей. Какъ моему спутнику, такъ и мнѣ, по цѣли нашей поѣздки, предстояла надобность посѣтить Одесскія публичную библіотеку и музей древностей.

Пріѣхавъ въ «южную красавицу», какъ справедливо называютъ Одессу, я на станціи долженъ былъ временно разстаться съ своимъ спутникомъ: Н. И. Петровъ отправился въ гостинницу, а меня ожидалъ гостепріимный кровъ давнишняго моего доброжелателя, А. И. М., съ которымъ притомъ нужно было отпраздновать двадцатипятиліе нашего близкаго знакомства; но ни этотъ юбилей, ни впечатлѣнія, вынесенныя мною вообще изъ осмотра красотъ и достопримѣчательностей богатаго города, гдѣ жидъ завладѣлъ всѣмъ, рѣшительно всѣмъ: и торговлею, и домами, и землями, и банками, и городскимъ управленіемъ, и даже успѣлъ прихватить, какъ бы кстати, и православную церковь [1]),—не могутъ составлять предмета настоящихъ моихъ замѣтокъ. Послѣ кратковременнаго отдыха въ радушной семьѣ г. М., я сошелся съ Н. И. Петровымъ, 16-го іюля, въ музеѣ древностей; отъ него я узналъ, что еще одно научное учрежденіе,—на пути моего слѣдованія уже третье,—оказалось недоступнымъ: Одесская городская публичная библіотека была временно закрыта по случаю ея ремонта и перестановки книгъ; меня, впрочемъ, интересовалъ, главнымъ образомъ, музей. Познакомившись съ его директоромъ, вице-президентомъ Одесскаго общества исторіи и древностей, заслуженнымъ профессоромъ В. Н. Юргевичемъ, и получивъ отъ него любезное разрѣшеніе не только на обозрѣніе предметовъ древности, но и на пользованіе нѣкоторыми изъ нихъ, я встрѣтилъ здѣсь кое-что изъ относящагося до Бессарабіи, какъ, напримѣръ, видъ Аккерманской крѣпости 1790 г.; портретъ послѣдняго Крымскаго хана Шагинъ-Гирея; мраморную плиту съ молдавскимъ гербомъ и славянскою надписью 1438 года; портретъ измаильскаго героя, полковника Л. Я. Неклюдова. Этимъ черезчуръ краткимъ перечнемъ почти и ограничивается собраніе

[1]) См. «Новое Время» отъ 13-го іюля 1890 г. № 5161. Господствуя въ Одессѣ, евреи соорудили тамъ нѣсколько богатыхъ синагогъ. Въ одну изъ нихъ и я заглянулъ, чтобы послушать пѣвчихъ. Вошелъ и удивился: мраморъ, бронза, необычайная чистота и еще болѣе необычайная для евреевъ вѣжливость и предупредительность, а хоровое пѣніе заставляетъ забывать, гдѣ находишься и кого слушаешь. М. Г.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

предметовъ, касающихся Бессарабіи; остальныя достопримѣчательности Одесскаго музея составляютъ предметы древняго классическаго міра.

Тамъ же, въ музеѣ, мнѣ удалось познакомиться съ Л. С. Мацѣевичемъ, собирателемъ матеріаловъ, относящихся ко времени пребыванія Пушкина на югѣ Россіи. Большой почитатель и знатокъ произведеній нашего поэта, онъ любезно снабдилъ меня матеріалами, касающимися этой спеціальности.

Свои путевые наброски, которымъ я не придаю никакого научнаго интереса и которые не отличаются даже связностью разсказа, мнѣ хотѣлось закончить указаніемъ на одно не совсѣмъ утѣшительное явленіе: на искаженіе русской рѣчи. На югѣ Россіи, гдѣ мнѣ приходилось быть, нѣкоторые изъ русскихъ образованныхъ людей—говорятъ, напр., такъ: мойка бѣлья, мòлодежь, идти тудою или сюдою, «я имѣлъ ѣхать вчера», а на вывѣскахъ въ Кишиневѣ и Одессѣ можно прочитать: «картинная торговля», «наѧимается (т. е. отдается въ наемъ) квартира». Всѣхъ искаженій перечислить не могу, потому что я ихъ не записалъ; но могу удостовѣрить, что искаженія многочисленны. Лингвистическія способности русскаго человѣка извѣстны. Не въ этой ли способности кроется замѣчаемое искаженіе русской рѣчи, подвергающейся на югѣ инородческому вліянію?

М. Городецкій.

15 августа 1890 г.
Петроградъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

МУЗЕЙ А. Н. ПОЛЯ.

ВАДЦАТЬ шестого іюля 1890 года скончался въ городѣ Екатеринославѣ А. Н. Поль, бывшій гласнымъ Екатеринославскаго губернскаго собранія, почетнымъ попечителемъ мѣстнаго реальнаго училища, извѣстнымъ въ свое время дѣятелемъ губернскаго дворянскаго комитета въ Екатеринославѣ для подготовленія вопроса объ освобожденіи крестьянъ, энергичнымъ членомъ редакціонной комиссіи потому же вопросу въ Петербургѣ; онъ обогатилъ весь край южной Россіи открытіемъ ископаемыхъ богатствъ, особенно желѣзныхъ рудъ, положилъ основаніе Каменскому и Брянскому чугуннолитейнымъ и желѣзодѣлательнымъ заводамъ, способствовалъ проведенію линіи Екатерининской желѣзной дороги, былъ главнымъ виновникомъ построенія грандіознаго черезъ Днѣпръ въ Екатеринославѣ желѣзнаго моста, наконецъ, составилъ богатѣйшую и единственную въ своемъ родѣ коллекцію древностей въ частныхъ рукахъ. Оттого жители города Екатеринослава, пораженные внезапнымъ извѣстіемъ о кончинѣ дорогого имъ человѣка, всѣ единодушно, глубоко и искренне оплакивали его, а мѣстные представители города, какъ, напримѣръ, И. И. Шмаковъ, П. З. Веселовскій, священникъ отецъ Василій Разумовъ, почтили его память дорогими воспоминаніями и глубоко-прочувственными словами. Пишущій настоящія строки очень часто сходился съ А. Н. Полемъ на почвѣ исторической и особенно археологической и послѣ продолжительнаго знакомства вынесъ убѣжденіе, что А. Н. Поль представлялъ собой личность благороднѣйшую, гуманную, образованную, личность глубокаго ума, обширныхъ познаній и самыхъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

грандіозныхъ плановъ, особенно по части добыванія горныхъ богатствъ края. Оттого нелишне будетъ помянуть и на страницахъ «Историческаго Вѣстника» нѣсколькими словами этого во многихъ отношеніяхъ замѣчательнаго человѣка, какъ обладателя огромной коллекціи древностей, разнаго рода рукописей, картъ, плановъ, и какъ дѣйствительнаго члена ученаго общества исторіи и древностей въ Одессѣ.

Прошлое А. Н. Поля сложилось слѣдующимъ образомъ. Дѣдъ его Иванъ Ивановичъ фонъ-Поль, былъ нѣмецъ, родился на островѣ Эзелѣ, но былъ шведскимъ подданнымъ; въ качествѣ шведскаго подданнаго онъ поступилъ на русскую службу еще при императрицѣ Екатеринѣ II; во время возникшей тогда второй русско-турецкой войны, Иванъ Ивановичъ Поль участвовалъ въ походѣ противъ турокъ, отличился въ сраженіи и, по окончаніи войны миромъ въ Яссахъ 1791 года, въ награду за военные подвиги, получилъ значительный участокъ земли въ только-что упраздненномъ тогда Запорожьѣ, теперь Екатеринославской губерніи, Верхнеднѣпровскаго уѣзда, близъ рѣчки Мокрой-Суры. Живя въ Новороссіи, И. И. Поль женился на дочери помѣщика Маламы, съ которой прожилъ много лѣтъ мирной и счастливой жизни, оставивъ послѣ себя нѣсколько дочерей и сыновей; изъ послѣднихъ младшимъ былъ Николай Ивановичъ Поль, который выросъ и женился также въ Новороссіи на дочери владѣльца Полетики, приходившейся внучкой извѣстному малороссійскому наказному гетману Павлу Полуботку. Н. И. Поль имѣлъ также нѣсколько человѣкъ дѣтей, изъ коихъ младшій былъ Александръ Николаевичъ. А. Н. Поль первоначально учился въ полтавской классической гимназіи; потомъ, по окончаніи гимназіи, отправленъ былъ отцомъ въ Дерптскій университетъ на естественный факультетъ, въ которомъ и окончилъ курсъ науки со степенью кандидата университета. Находясь, по женской линіи, въ родствѣ съ малороссійскою фамиліей Полуботковъ и оттого постоянно слыша разсказы о прежнихъ славныхъ временахъ, А. Н. Поль, еще будучи мальчикомъ, по его собственнымъ словамъ, лазилъ по всѣмъ чердакамъ и чуланамъ дома своей бабки, вездѣ отыскивалъ разные предметы древности и уже съ тѣхъ поръ сталъ питать къ нимъ особенное пристрастіе. Окончивъ же курсъ университетскихъ наукъ, А. Н. Поль, послѣ смерти отца, рѣшилъ заняться не тѣмъ, къ чему онъ готовился въ университетѣ, естественными науками, а тѣмъ, къ чему влекла его страсть,—исторіей и археологіей. «Окончилъ я курсъ наукъ, вернулся въ родныя степи, взялъ въ руки палочку и пошелъ пѣшкомъ осматривать могилы, городища и урочища». Такъ шелъ онъ по степи, желая найти отвѣты на свои вопросы у древнихъ днями людей и древнихъ тысячелѣтіями могилъ. Много разъ онъ предпринималъ подобнаго рода хожденія и въ одно изъ нихъ зашелъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

въ Дубовую балку, у праваго берега рѣчки Саксагани, близь селенія Кривого-Рога. Мѣстность по Дубовой балкѣ въ высшей степени поразила А. Н. Поля какъ своимъ вѣковѣчнымъ лѣсомъ, такъ и не менѣе того своими громадными скалами и глубокими пещерами съ доисторическими и историческими остатками различныхъ древностей въ нихъ. Осматривая балку съ чисто археологической стороны, А. Н. Поль неожиданно для самого себя наткнулся близь нея на обнаженія желѣзной руды. Знакомый съ минералогіей, онъ тотъ же часъ опредѣлилъ породу открытаго имъ металла. Но, не довѣряя своимъ знаніямъ, собралъ нѣсколько образцовъ руды и съ ними рѣшилъ поѣхать въ Парижъ къ одному изъ лучшихъ въ то время минералоговъ, профессору, фамилію котораго я забылъ. Пріѣхавъ въ Парижъ и представившись знатоку минералогіи, А. Н. Поль просилъ его сдѣлать анализъ найденной руды. Профессоръ сдѣлалъ анализъ и объявилъ, что привезенные куски представляютъ собой образцы превосходнѣйшей желѣзной руды, рѣдчайшей въ Европѣ. Тогда, чтобы убѣдиться, какъ велики залежи этой руды и въ какихъ направленіяхъ идутъ ея жилы, А. Н. Поль пригласилъ знаменитаго профессора проѣхаться вмѣстѣ съ нимъ въ Россію за 1000 франковъ въ мѣсяцъ. Предложеніе было принято, и пріѣзжій спеціалистъ на мѣстѣ убѣдилъ А. Н. Поля въ громадныхъ богатствахъ края. Скоро послѣ этого А. Н. Полемъ куплена была Дубовая балка въ собственность и пріобрѣтены въ аренду на 99 лѣтъ Криворожскіе рудниковые залежи. Открывъ руду и снявъ въ аренду лучшія мѣста ея залежей, А. Н. Поль, разумѣется, долженъ былъ приступить и къ обработкѣ ея, но для этого нужно было имѣть огромный капиталъ, которымъ, однако, А. Н. Поль вовсе не располагалъ. Нужно было обратиться за содѣйствіемъ къ близкимъ людямъ, соотечественникамъ. Но близкіе люди, соотечественники, не только не помогли Александру Николаевичу, а даже открыто всю его затѣю называли пустой выдумкой. Тогда, какъ пророкъ непризнанный на родинѣ, А. Н. Поль обратился въ тотъ же Парижъ... Много ему пришлось вынести всякаго рода испытаній, прежде чѣмъ удалось составить компанію французскихъ капиталистовъ и привлечь ее въ Россію для разработки Криворожскихъ рудъ; только съ тѣхъ поръ, какъ явилась эта компанія, открыла свои дѣйствія, особенно же съ того времени, когда вслѣдъ за французскою компаніей явилась бельгійская, а за бельгійскою компанія англичанина Юза, съ тѣхъ поръ всѣ признали громадное значеніе сдѣланнаго А. Н. Полемъ открытія. Нужно было имѣть непреклонную силу волю, неистощимую энергію и почти нечеловѣческія усилія, чтобы поставить громадное дѣло на надлежащій путь. А. Н. Поль не только съумѣлъ поставить его, но открывъ руду, онъ вслѣдъ затѣмъ открылъ великолѣпный, тонкій, нѣжный и эластичный, горный ленъ; за гор-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

нымъ льномъ открылъ сухіе пласты разноцвѣтныхъ красокъ по берегамъ рѣчки Саксагани; за сухими красками открылъ аспидъ, а подъ конецъ нашелъ крупныя породы граната. Такимъ образомъ, уже изъ этого краткаго очерка видно, какого человѣка лишился городъ Екатеринославъ. Но не для одного Екатеринослава дорогъ былъ А. Н. Поль: мы можемъ съ полнымъ убѣжденіемъ сказать, что А. Н. Поль не только крупная, но и изъ ряда выдающаяся сила всего нашего южнаго края: онъ не только возвысилъ свою губернію на степень первой промышленной губерніи на югѣ и предназначилъ ей роль русскаго Массачусетса, но онъ открылъ громадное будущее для цѣлой половины Россіи, направилъ дѣятельность добывателей горныхъ богатствъ съ Урала ближе къ Днѣпру, ближе къ Черному морю, ближе къ Европѣ, ближе къ прямымъ путямъ сообщенія; онъ поставилъ въ близкія связи, по этому поводу, европейцевъ съ нашимъ отечествомъ; онъ изумилъ ихъ громадными, еще никѣмъ нетронутыми, ископаемыми сокровищами нашей родины. По всему этому, имя А. Н. Поля пребудетъ вѣчнымъ для всего края и безъ сомнѣнія не въ далекомъ будущемъ увѣковѣчится достойнымъ монументомъ [1]). Но помимо сказаннаго, имя А. Н. Поля пребудетъ вѣчно еще и потому, что онъ много, съ знаніемъ и пользой, потрудился для собиранія разнаго рода археологическихъ памятниковъ и остатковъ старины южнаго края. Занимаясь въ теченіе тринадцати лѣтъ собираніемъ древностей, А. Н. Поль составилъ богатѣйшую коллекцію, цѣнимую имъ до 200,000 рублей серебромъ. Уже незадолго до своей смерти, А. Н. Поль, нуждаясь въ деньгахъ, старался продать ее въ Россіи въ какое-либо изъ государственныхъ собраній древностей, но старанія его не привели дѣло продажи ни къ чему; тогда Александръ Николаевичъ обратился въ Англію и, за три мѣсяца до кончины, получилъ изъ Англіи письмо, въ которомъ ему предлагали за всю коллекцію древностей, кромѣ запорожскаго отдѣла, 200,000 серебряныхъ долларовъ. Долго думалъ Александръ Николаевичъ надъ тѣмъ, продать ли ему англичанамъ коллекцію или не продать, и съ тѣмъ умеръ, обремененный страшными долгами, но завѣщалъ драгоцѣнную коллекцію своимъ наслѣдникамъ [2]). Что будетъ съ этой коллекціей, вѣдаетъ Богъ, но печально, даже оскорбительно для чести русскихъ людей, интересующихся прошлымъ своего отечества и своихъ предковъ, если это сокровище попадетъ въ руки иностранцевъ или даже въ руки недостойныхъ невѣждъ, видящихъ въ древностяхъ не предметы для изученія прошлаго во всѣхъ видахъ и родахъ его, а предметы мѣны на деньги и богатой наживы. По

---

[1]) Подписка на памятникъ А. Н. Полю уже открыта въ г. Екатеринославѣ.

[2]) Женѣ, Ольгѣ Семеновнѣ, и единственному больному сыну Борису Александровичу.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

своему составу, коллекція А. Н. Поля раздѣляется: на древности каменнаго, бронзоваго и желѣзнаго вѣка; на древности скиѳскія, запорожскія и екатерининскія; между ними множество стеклянныхъ и керамическихъ издѣлій, еще больше того оружія, драгоцѣнныхъ вазъ, кубковъ, дорогихъ монетъ, рукописныхъ картъ, плановъ, атласовъ, архивныхъ документовъ; особенно цѣнны золотыя вещи скиѳскаго времени; за два мѣсяца до смерти Александра Николаевича, пишущій эти строки видѣлъ изъ коллекціи 50 ящиковъ съ золотыми скиѳскими вещами великолѣпнѣйшей, тончайшей работы греческихъ мастеровъ, преимущественно IV столѣтія предъ Р. Х., времени Перикла, періода полнаго разцвѣта греческаго искусства. Но то была только одна ничтожная доля всѣхъ золотыхъ сокровищъ А. Н. Поля: торопясь навсегда уѣхать изъ Екатеринослава въ еще болѣе южную мѣстность, или даже за границу, Александръ Николаевичъ значительную часть своихъ сокровищъ уложилъ къ тому времени въ ящики и не могъ открыть ихъ для показа. Очевидно, въ то время владѣлецъ драгоцѣнныхъ археологическихъ сокровищъ не подозрѣвалъ, что онъ собирался въ слишкомъ далекій и невозвратный къ настоящей жизни путь.

Д. Эварницкій.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

УКРОЩЕНІЕ СТРОПТИВОЙ [1].

(Повѣсть Мэри Оденъ).

НА БЫЛА КРАСИВА, обаятельна и невольно обращала на себя вниманіе мужчинъ. Она вовсе не походила на остальныхъ французскихъ и нечистокровныхъ дѣвушекъ Кентукки. Подруги не даромъ называли ее королевой, что ей отчасти нравилось, отчасти раздражало. Нравилось потому, что она гордилась этимъ титуломъ, на который, по ея мнѣнію, имѣла полное право, какъ отпрыскъ стариннаго рода мѣстныхъ землевладѣльцевъ или, какъ ихъ называли въ то время, «трапперовъ». Но съ другой стороны она подозрѣвала въ этомъ прозвищѣ легкую насмѣшку надъ ея немного строптивымъ нравомъ.

— Она вспыльчива, настойчива, навлекать на себя ея гнѣвъ не безопасно,—замѣтилъ одинъ изъ ея бывшихъ обожателей.

Товарищи безпрекословно согласились съ этимъ мнѣніемъ и даже добавили отъ себя нѣсколько личныхъ наблюденій, вынесенныхъ ими изъ горькаго опыта.

— Она хорошая дѣвушка, эта Таріасъ,—промолвилъ дядя Джоэ Робиду, старый трапперъ, и первый богачъ въ околоткѣ, обра-

---

[1]) Мы почти совсѣмъ не знаемъ американской литературы и еще менѣе знакомы съ нравами и обычаями разнообразныхъ народностей, населяющихъ Новый Свѣтъ. На этомъ основаніи, мы помѣщаемъ здѣсь въ переводѣ разсказъ миссъ Мэри Оденъ подъ заглавіемъ «Укрощеніе строптивой», рисующій живыми красками старинный бытъ жителей штата Кентукки, потомковъ французскихъ клемистовъ. Какъ разсказъ, такъ и рисунки, заимствованы нами изъ американскаго журнала «The Century Illustrated Monthly Magazin». Ред.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

щаясь къ одному незнакомцу.—Когда она играетъ на арфѣ—она научилась этому въ монастырѣ Sacre Coeur въ Сенъ-Луи—такъ и кажется, что инструментъ тотчасъ же разорвется на части.

Незнакомецъ усмѣхнулся и, погладивъ рукою свою пушистую съ золотистымъ отливомъ бороду, сказалъ рѣшительнымъ тономъ:

— Ее нужно укротить, вашу Таріасъ. Я держу пари на что угодно, что она не скупая и не жестокая, но только немного дикая.

Дядя Джоэ Робиду.

— И вы сдѣлаетесь такимъ же, незнакомецъ, если попробуете поухаживать за ней, у нея дьявольскій характеръ,— замѣтилъ одинъ изъ присутствующихъ.

Замѣчаніе это очень разсмѣшило стоявшую передъ харчевнею толпу. Всѣ вспомнили при этомъ о неудачѣ, которая постигла бѣднаго Жоржа, когда онъ вздумалъ, однажды, во время полевыхъ работъ, объясниться ей въ любви.

Человѣкъ съ золотистой бородой не присоединился къ общему

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

веселью. Онъ пожалъ своими могучими плечами — движеніе, очевидно ему привычное—и, кивнувъ головой, безъ дальнѣйшихъ прощаній, пошелъ по узкой улицѣ, и затѣмъ, выйдя на проселочную дорогу, скоро скрылся изъ виду въ окаймлявшемъ послѣднюю кустарникѣ.

— Я ручаюсь, чѣмъ угодно, что этотъ парень отправился повидаться съ Таріасъ,—шутилъ Жоржъ, прервавъ водворившееся по уходѣ незнакомца молчаніе.—Онъ веселый молодой гусакъ, и если Таріасъ постарается ощипать его, то у старой Ники будетъ хорошее жаркое къ Рождеству.

Толпа снова громко разсмѣялась. Было очевидно, что Жоржъ все еще грустилъ отъ своей неудачной попытки влюбить въ себя Таріасъ, и хотя онъ былъ общимъ любимцемъ, но неудача его все-таки забавляла его товарищей.

— Конечно, мы всѣ его любимъ, нашего Жоржа,— сказалъ одинъ изъ нихъ,— но все-таки очень смѣшно, что такой рослый дѣтина былъ одураченъ такой маленькой дѣвочкой, какъ дочь Бове. Какъ будто она одна на этомъ свѣтѣ! Вѣдь каждый изъ насъ ухаживалъ за ней. Но она увертлива, какъ котенокъ пантеры. Однако, какъ она ни привлекательна, мы всѣ предпочли идти своей дорогой, за исключеніемъ этого молодого незнакомца. Пусть же и онъ въ свою очередь попробуетъ счастья. Мы ему не завидуемъ.

При этихъ словахъ толпа опять разсмѣялась.

Дѣйствительно, она была очень привлекательна, когда золотистая борода или, какъ его звали въ Кентукки, Давидъ Попъ, засталъ ее стоящей на порогѣ одной изъ хижинъ ея отца и оглядѣлъ ее съ головы до ногъ проницательнымъ взглядомъ. Начиная съ самой макушки ея черныхъ волосъ и кончая ея маленькой, обутой въ макассины, ножкой, онъ не нашелъ въ ней ни одного недостатка.

«Юпитеръ, какъ она хороша! Хотѣлъ бы я видѣть ее, когда она откроетъ свои розовыя губки»,—подумалъ онъ, и подойдя поближе спросилъ съ изысканною вѣжливостью, слегка приподнявъ шляпу, какъ будто бы передъ нимъ стояла настоящая королева: можетъ ли она сказать ему, гдѣ живетъ Антуанъ Бове?

— Бове? Его можно видѣть здѣсь, когда онъ дома,—отвѣчала она,—теперь онъ ловитъ рыбу въ притокѣ.

— Въ притокѣ?

— Да, въ притокѣ нашей широкой, мутной Миссури.

— Вотъ какъ, но извините меня, что я такъ недогадливъ и не сразу понялъ, что вы хотѣли этимъ сказать. Я чужой въ этихъ краяхъ.

(«Я боюсь, что останусь здѣсь очень долго, если она будетъ продолжать смотрѣть на меня такими глазами», — добавилъ онъ про себя).

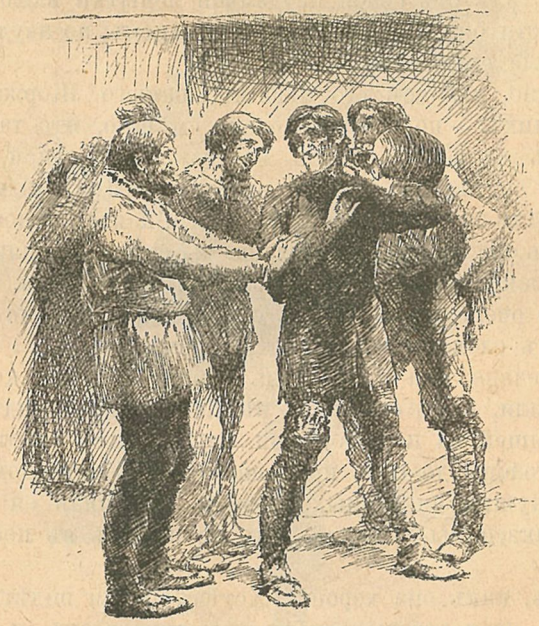
НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Когда же, вы думаете, возвратится мистеръ Бове?

Таріасъ сразу не отвѣчала; она обратила свой блестящій взоръ на западъ въ темную голубую даль лѣсовъ, а затѣмъ задумчиво посмотрѣла на мутныя бурливыя волны Миссури, уже окрашенныя лучами заходящаго солнца въ красный цвѣтъ.

— Онъ скоро придетъ,—сказала она, наконецъ.—Хотите, посидите здѣсь на скамеечкѣ, или войдите въ хижину...

— Благодарю,—отвѣчалъ хитрый кентукіецъ, притворяясь, что онъ спѣшитъ. — Я думаю будетъ лучше, если я зайду завтра утромъ... А какими судьбами вы здѣсь, Джипси Кингъ?



Кутежъ во время танцевъ.

Восклицаніе это было вызвано неожиданнымъ появленіемъ красивой дѣвушки, такой же стройной, какъ Таріасъ, и подобно ей одѣтой въ праздничное платье.

— Добрый вечеръ, Давидъ, какъ это вы?!—воскликнула въ свою очередь миссъ Кингъ,—какъ вы забрели сюда? Вы, вѣроятно, свалились съ неба?

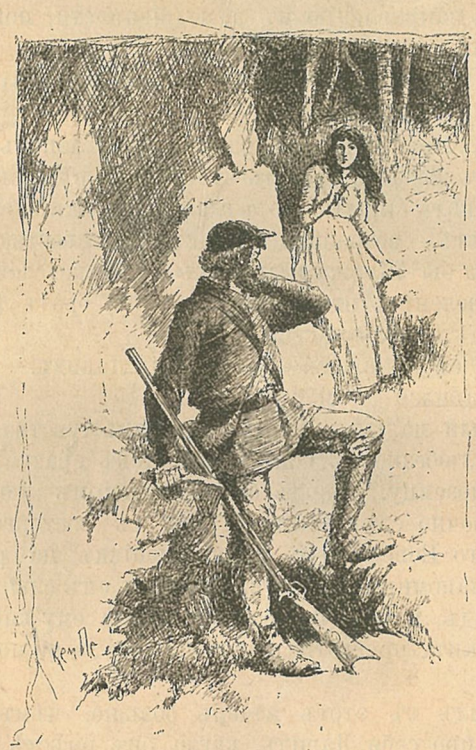
— Не совсѣмъ такъ,— отвѣчалъ Давидъ и, снявъ шляпу, провелъ рукой по своимъ темно-русымъ кудрямъ.—Но я чувствую себя здѣсь какъ дома. А вы что здѣсь дѣлаете?

— Я пришла сюда какъ разъ во-время для посѣва хлопка. Отецъ мой очень любитъ Миссури, а мать предпочитаетъ старую

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Кентукки. Развѣ ты не знаешь, Таріасъ, кто онъ? Онъ кузенъ моей матери по имени Давидъ Попъ.

Таріасъ отнеслась очень серьезно къ этому представленію. Однако, Давиду, какъ тщеславному парню, почему-то показалось, что ея темные глаза неожиданно просвѣтлѣли. И онъ не ошибся. Она съ видимымъ восхищеніемъ внимательно осматривала его статную фигуру, всѣ подробности его костюма, его крѣпкое тѣлосложеніе, гибкость его мускуловъ и красивыя черты лица; его шапку,



Встрѣча Таріасъ съ Давидомъ въ лѣсу.

его темно-синюю охотничью куртку, его полированные сапоги даже серебряную пряжку его кушака и толстое золотое кольцо на его мизинцѣ. «Такой сильный, — Джипси любитъ силу, — думала она про себя; такой красивый, — Джипси любитъ красоту. Увы, онъ веселѣе Луи—Джипси любитъ веселыхъ. Бѣдный Луи!»

— Я только-что хотѣла сказать Давиду, — прервала Джипси размышленія своей подруги, что онъ явился очень кстати.—У насъ сегодня ночью будутъ танцы. Ему нужно видѣть твоего отца, поэтому онъ не можетъ идти со мной далѣе теперь же. Не может, ли вы съ Луи привести его къ намъ?

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Его?—отвѣчала съ нѣкоторымъ колебаніемъ Таріасъ, но немного погодя—очевидно ей пришло что-то въ голову,—поспѣшно добавила: О да, я и Луи будемъ очень рады, если мистеръ пойдетъ съ нами.

— Отлично, будь аккуратна, приходи пораньше и скажи Луи... впрочемъ, нѣтъ, я ему сама скажу, когда увижу его.

При имени Луи, Джипси слегка покраснѣла, но, тотчасъ же оправившись, приняла видъ дѣвушки, знающей себѣ цѣну. Пожавъ обоимъ руку и простившись, она отправилась черезъ хлопчато-бумажное поле по направленію къ возвышенности, покрытой орѣховымъ и дубовымъ лѣсомъ.

— Я живу за этой горой,—закричала она, обернувшись, своему кузену.

— Я боюсь, что причинилъ вамъ много хлопотъ,—началъ Давидъ скорѣе изъ желанія сказать что-нибудь вѣжливое, нежели потому, что онъ хотѣлъ скрыться отъ глазъ обворожившей его дѣвушки.

— Вовсе нѣтъ,—возразила Таріасъ съ живостью, которая навѣрно заставила бы Жоржа и другихъ ея обожателей, если бы они были здѣсь, позеленѣть отъ ревности.—Мой братъ Луи и я будемъ очень рады видѣть васъ у себя.

«Неужели я ей нравлюсь?»—подумалъ Давидъ.—«А почему бы нѣтъ? Вѣдь нравился же я другимъ».

Луи, красивый малый, вполнѣ раздѣлялъ чувства подсказавшее его сестрѣ эту любезность. Они и его отецъ сразу почувствовали довѣріе къ чужеземцу. Давидъ былъ знатокомъ людей. Во время ужина онъ нарочно сдѣлалъ видъ, что съ восторгомъ слушаетъ разсказы стараго Бове о его приключеніяхъ на рыбной ловлѣ. Эти разсказы напомнили ему тѣ, которыя онъ слышалъ двадцать лѣтъ тому назадъ, когда его мать объясняла ему какимъ образомъ случилось, что китъ проглотилъ пророка Іону, а не послѣдній убилъ кита.

«Я проглотилъ въ этотъ вечеръ больше, чѣмъ это сдѣлалъ китъ,—думалъ про себя Давидъ, когда онъ вмѣстѣ съ Таріасъ и Луи ѣхалъ на лѣнивыхъ лошадяхъ Бове къ мѣсту праздника.—Прежде всего Таріасъ проворнѣе своего отца и брата, во-вторыхъ они боятся ее почти въ такой же степени, какъ и тѣ молодые люди, отъ которыхъ я узналъ о ея существованіи. По этому прежде чѣмъ я на ней женюсь, я долженъ укротить ее. А я считаю себя человѣкомъ пригоднымъ для такого предпріятія».

— Мы пріѣхали,—прервала вдругъ его размышленія Таріасъ.

Стая лохматыхъ дворняжекъ подтвердила своимъ лаемъ эти слова, а раздававшіеся изъ дома звуки скрипки не оставляли ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что Давидъ и Таріасъ находились у цѣли своего путешествія. Передъ ними была длинная низкая изба, открытая съ двухъ концовъ ночному вѣтру и свѣту звѣздъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Давиду и прежде не разъ приходилось танцовать на досчатомъ полу, но никогда на такомъ, который бы былъ такъ плохо сколоченъ. Доски плясали подъ ногами и угрожали паденіемъ танцорамъ. Никогда еще сальныя свѣчки не горѣли такъ яростно и не бросали вокругъ себя такихъ темныхъ тѣней. Даже водка, ко-

Таріасъ и Изабелла.

торую пили по первобытному способу прямо изъ увѣсистой глиняной кружки, не прибѣгая къ услугамъ стакановъ и чашекъ, обладала небывалой крѣпостью и совершенно своеобразнымъ вкусомъ.

Онъ посмотрѣлъ на толпившихся вокругъ него гостей и на гордую красавицу рядомъ съ нимъ.

— Что мы будемъ здѣсь дѣлать?—спросилъ Давидъ свою спутницу, замѣтивъ какъ Джипси, протискиваясь сквозь толпу, торо-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

пилась вмѣстѣ съ своими родителями привѣтствовать вновь прибывшихъ...

— Отчего вы такъ поздно?—спросила она новую парочку.— Луи не любитъ танцевъ, а вы Давидъ, надѣюсь, не откажетесь...

— Если миссъ Таріасъ сжалится надо мной,—отвѣчалъ ея кузенъ.

Джипси посмотрѣла на Таріасъ умоляющимъ взглядомъ, но только-что она хотѣла объяснить, что ея другъ презираетъ танцы, называя ихъ увлеченіемъ ранней молодости, какъ снова раздались звуки скрипки и Давидъ съ Таріасъ скрылись изъ ея глазъ въ вихрѣ танцевъ.

— Полюбуйся на нихъ Луи!—воскликнула Джипси.

«Я танцую съ нимъ, чтобы держать его подальше отъ моего брата»,—извиняла себя Таріасъ передъ своей совѣстью.

Однако, увлекшись танцами, Давидъ и Таріасъ и не подозрѣвали, что они сдѣлались предметомъ общаго любопытства и восхищенія. Вдругъ у скрипки порвалась струна и танцы сами собой прекратились.

— Вотъ человѣкъ въ которомъ вы оба нуждаетесь!—закричалъ хриплый голосъ изъ сосѣдней комнаты, гдѣ стояла кружка съ водкой.

— Да, да,—подхватила толпа хоромъ.—Иди сюда, чужеземецъ, иди сюда, Таріасъ. Пусть этотъ господинъ съ нами поговоритъ.

Смѣющаяся, полувеселая, полусерьезная толпа раздвинулась передъ ними и образовала свободный проходъ, понукая ихъ впередъ, пока тѣ, наконецъ, очутились передъ неизвѣстнымъ имъ господиномъ, или какъ его называли сквайромъ. Послѣдній оказался вновь избраннымъ мѣстнымъ старостой.

— Слушайте, Таріасъ—привѣтствовалъ ее сквайръ,—я полагаю вамъ нравится этотъ молодецъ, неправда ли?

— Развѣ я съ нимъ не танцовала?—отвѣчала, смутившись отъ такого неожиданно поставленнаго ей вопроса, Таріасъ.

Она была недовольна и сердита, что тайна ея сердца такъ скоро раскрылась. Она была готова провалиться сквозь землю отъ стыда. Но Таріасъ была слишкомъ горда, чтобы выдать то, что волновало ея душу, въ особенности передъ человѣкомъ, который еще не сказалъ ей ни слова о своемъ чувствѣ къ ней и на взаимность котораго она не могла разчитывать.

— Не смущайтесь, говорите откровенно,—продолжалъ сквайръ.— А вы молодой человѣкъ, я полагаю, вы не сомнѣваетесь въ чувствахъ вашей возлюбленной?

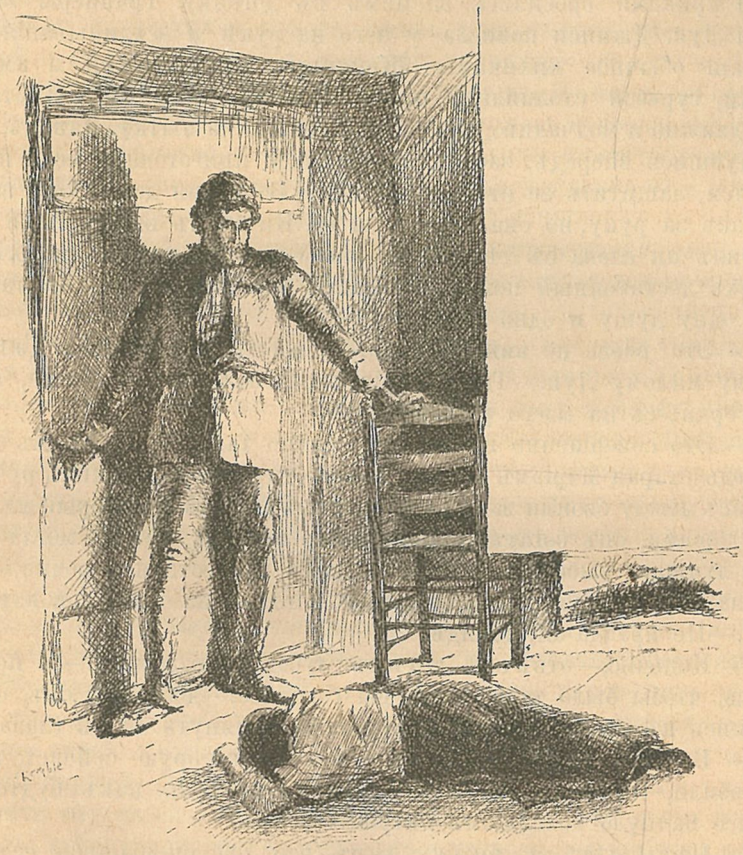
— Не особенно,—пробормоталъ сквозь зубы еще болѣе сконфуженный Давидъ, бросивъ взглядъ на стоявшія въ отдаленномъ углу полдюжины ружей.

— Прекрасно! Отъ имени правительства и на основаніи законовъ штата Миссури я объявляю васъ мужемъ и женой. Выни-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

нимайте долларъ и угостите народъ! — заключилъ свою рѣчь сквайръ.

— Что вы сдѣлали, свайръ!—воскликнулъ протестующимъ тономъ одинъ изъ гостей, присутствовавшій при этой странной, но оправдываемой мѣстными обычаями сценѣ.—Вѣдь Давидъ и Таріасъ знаютъ другъ друга всего только одинъ день, да и того нѣтъ!..



Въ хижинѣ Давида.

— Что сдѣлано—то сдѣлано,—отвѣчалъ равнодушнымъ тономъ сквайръ, вполнѣ увѣренный, что онъ совершилъ доброе дѣло, соединивъ два любящихъ сердца. Подобно многимъ другимъ онъ былъ не прочь увидѣть Таріасъ побѣжденной.—Я знаю, что̀ дѣлаю,—пробормоталъ онъ.—Съ тѣхъ поръ какъ она вернулась изъ Сенъ-Луи, она ни разу не танцовала съ нашими парнями.

— Взгляните на Луи!—вдругъ закричала одна женщина.

— Лучше уходите отсюда,—по добру по здорову, сквайръ,—посовѣтовалъ кто-то этому странному свату.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Въ это время нѣсколько человѣкъ схватили за руки молодого француза и вырвали у него револьверъ.

Главный актеръ этого веселаго фарса, оглядѣвшись вокругъ себя, благоразумно удалился. Во время общаго переполоха, никто не замѣтилъ его отсутствія, но звукъ копытъ его лошади выдалъ, что онъ поспѣшно отправился домой. Нѣсколько человѣкъ съ дикими криками бросились за нимъ въ догонку. Трапперы окружали Луи. Джипси повисла у него на рукѣ и всхлипыванія замѣнили обычное хихиканье. Женщины, француженки и американки, гурьбой столпились около невѣсты. Сама Таріасъ стояла неподвижно и молчаливо, точно осужденная на пытку. Давидъ, выдвинувшись впередъ, заслонилъ ее собой, приготовясь, если понадобится, защитить ее отъ насмѣшекъ. Во время давки онъ взялъ Таріасъ за руку, но она отдернула ее. Ни одинъ изъ нихъ не промолвилъ ни слова съ тѣхъ поръ, какъ сквайръ нашелъ въ ихъ отвѣтахъ достаточный поводъ признать, что отнынѣ они составляютъ одну душу и одно тѣло.

— Это вовсе не вина Давида,—говорила всхлипывая Джипси своему милому Луи.—Ты и Таріасъ совсѣмъ съ ума сошли, если вы сердитесь на моего родственника.

— Это совершенно вѣрно, это именно такъ,—умоляла въ свою очередь старая Маріамъ Кингъ, держа одну изъ маленькихъ ручекъ Таріасъ между своими жесткими ладонями.—Давидъ добрый малый, моя дорогая, онъ богатъ, у него много негровъ. Ты не могла сдѣлать лучшаго выбора, изъ васъ выйдетъ прелестная парочка,—добавила она, бросивъ презрительный взглядъ на толпу своихъ гостей.—Не правда ли, Давидъ?

— Конечно,—отвѣчалъ тотъ съ глубокимъ вздохомъ.—Я постараюсь, чтобы было такъ, какъ вы говорите,—добавилъ онъ, обернувшись къ своей невѣстѣ и стараясь заглянуть ей въ глаза.

— Вы это говорите бѣдной дѣвушкѣ, которую сейчасъ такъ оскорбили,—отвѣчала Таріасъ, дрогнувъ плечами, какъ будто бы на нее пахнуло холоднымъ вѣтромъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, я докажу вамъ, что вы ошибаетесь; если я буду имѣть хоть искру надежды,—продолжалъ онъ съ горячностью, но слова, которыя жгли его губы, замерли на его устахъ, не встрѣтивъ сочувственнаго пламени. Таріасъ была слишкомъ утомлена; она не слушала его и, протянувъ руки своему брату, упала къ нему на грудь.

Бѣдная развѣнчанная королева! Ея скипетръ сломалъ какой-то шутникъ въ образѣ сквайра. Дерзкій взоръ его заглянулъ къ ней въ сердце прежде, чѣмъ оно само успѣло заговорить. Что она отнынѣ связана брачными узами съ Давидомъ въ этомъ она не сомнѣвалась. Насчетъ браковъ Миссури былъ очень покладистымъ штатомъ. Достаточно было мужчинѣ представить женщину своимъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

знакомымъ за свою жену и бракъ становился ipse facto дѣйствительнымъ,—совершенно такъ же, какъ если бы сама церковная или государственная власть способствовала завязыванію узъ Гименея. За то несравненно строже относилось населеніе штата Миссури къ разводамъ. Разводъ считался вѣчнымъ позоромъ для семьи; о ней составлялась такая же нелестная репутація, какъ если бы ее посѣтилъ палачъ.

Таріасъ переступила порогъ своего дома, считая себя оскорбленной и уничтоженной. Ея самолюбіе запрещало ей идти къ супругу, который никогда не думалъ ее сватать. И въ то же время она чувствовала себя не въ силахъ порвать узы, которыя навсегда соединили ее съ нимъ. Она удалилась въ свою комнату, закрыла за собой двери, сказавъ себѣ, что она умерла для всего міра и проситъ только, чтобы о ней забыли.

Тщетно Давидъ стучался въ ея дверь, уговаривая ее помириться съ неизбѣжнымъ; тщетно Бове отецъ и сынъ бранили и стращали ее; тщетно Джипси плакала и умоляла.

— Вы съ ней ничего не подѣлаете, Давидъ,—говорили ему въ отчаяніи ея друзья,—если вы только не захотите выкурить ее оттуда.

— Зачѣмъ этотъ домъ не выстроенъ въ одну комнату, вмѣсто цѣлаго ряда клѣтокъ, точно осиное гнѣздо?—ворчалъ Давидъ.—Мужчину можно убѣдить въ чемъ угодно, разговаривая съ нимъ хоть черезъ щелку въ стѣнѣ. Но урезонить женщину можно только смотря ей прямо въ глаза. А Таріасъ такая же женщина, какъ и всѣ другія.

Въ дѣйствительности Бове очень сердился на свою Таріасъ. По его мнѣнію, каждая женщина должна выйти замужъ, а Таріасъ минуло уже двадцать лѣтъ,—возростъ довольно преклонный для дѣвушки въ странѣ, гдѣ женщины рѣдки, а молодыхъ мужчинъ имѣется въ изобиліи. Прослыть старой дѣвой считалось въ Миссури очень обиднымъ прозвищемъ. Давидъ былъ для нея прекрасной партіей. Отчего бы ей не послушаться голоса разсудка и не выйти изъ своей добровольной тюрьмы? Этимъ она сразу положила бы конецъ глупымъ разговорамъ и толкамъ, на которыя рано или поздно Давиду или Луи пришлось бы отвѣчать ударомъ ножа.

Бѣдная Таріасъ, даже ея арфа, служившая ей прежде утѣшеніемъ, стояла молчаливо въ углу. Съ тѣхъ поръ какъ Ева впервые взглянула въ глаза Адаму и назвала его своимъ господиномъ, въ каждой женщинѣ, слабой или сильной, знатной или простой, хотя бы она была королева, бьется сердце рабыни, ожидающее чтобы его бросили къ ногамъ ея повелителя. Ее любили, но за ней не ухаживали! Это оскорбляло ея природную гордость женщины. Однажды, сидя у окна своей комнаты, въ которой она обрекла себя на добровольное заточеніе, Таріасъ увидѣла, что отецъ и братъ ея отправились съ индѣйцами на большую охоту. Она воспользова-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

лась этимъ случаемъ, чтобы навѣстить давно забытые ею луга и лѣса, окружавшіе домъ ея отца. На одной изъ такихъ уединенныхъ прогулокъ Таріасъ неожиданно встрѣтилась съ Давидомъ.

— Вы еще не ушли?—прошептала она.

— Нѣтъ,—былъ мрачный отвѣтъ.—Я не хочу, чтобы обо мнѣ говорили, что меня прогналъ отсюда смѣхъ вашихъ односельчанъ. Я остался здѣсь и буду ждать мою жену. Вы поступаете неблагоразумно, Таріасъ. Отъ васъ зависитъ положить конецъ насмѣшкамъ этихъ глупцовъ.

Бѣдный Давидъ! съ свойственной всѣмъ мужчинамъ безтолковостью, онъ избралъ самый ложный путь убѣдить Таріасъ въ ея безразсудствѣ. Отчего онъ не сказалъ ей сразу и отъ глубины сердца: «Я васъ люблю»! вмѣсто: «Помогите мнѣ выпутаться изъ положенія, которое дѣлаетъ меня смѣшнымъ».

— Пусть они смѣются,—воскликнула она.—Если вы не хотите сдѣлаться жертвой насмѣшекъ нашихъ односельчанъ, то и я не хочу, чтобы надо мной смѣялись въ хижинѣ человѣка, который не узналъ бы мое лицо, еслибы встрѣтился со мной на большой дорогѣ? Прочь отъ меня!

Давидъ сдѣлалъ шагъ впередъ и протянулъ къ ней руки. Но она оттолкнула его, забывъ, отъ страха очутиться въ его объятіяхъ, что у нея былъ маленькій ножикъ въ рукахъ. Когда онъ наклонилъ голову, чтобы заглянуть въ ея красивые глаза въ надеждѣ найти въ нихъ отвѣтъ на свою любовь, нечаянный ударъ ножа слегка задѣлъ его по щекѣ.

— Если вы женщина, то совершенно особаго рода!— воскликнулъ онъ, прижавъ на одну секунду руку къ своей щекѣ, и отряхивая свои пальцы отъ крови.—Нѣтъ, нѣтъ, не касайтесь меня,— продолжалъ онъ, увидѣвъ протянутый платокъ, который она сняла съ своей шеи, — этотъ платокъ можетъ быть отравленъ. Вы меня пожалуй ударите еще въ другую щеку. Въ вашихъ жилахъ течетъ бѣшеная кровь!

Таріасъ хотѣла что-то отвѣтить, она хотѣла сказать ему, что ненамѣренно нанесла ему ударъ, но слова замерли на ея губахъ

— Я ухожу домой, миссъ Попъ,—сказалъ ей разгнѣванный супругъ, умышленно назвавъ ее такъ, чтобы заставить ее страдать.— Если вамъ это угодно, то я никогда больше не вернусь сюда. Но если вы пожелаете раздѣлить со мной хозяйство, то милости просимъ; я кончилъ.

Послѣ этого они молча разстались.

Съ тѣхъ поръ проходили дни, недѣли, мѣсяцы. Таріасъ была печальнѣе и угрюмѣе чѣмъ когда-либо. Прошло лѣто, наступила осень, но отношенія между ними не измѣнились. Наконецъ, желтая осенняя листва уступила мѣсто снѣжнымъ хлопьямъ и мятелямъ. Иногда миссрисъ Попъ встрѣчалась съ своимъ супругомъ, но Давидъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

нарочно повертывался къ ней оцарапанной щекой, не произнося при этомъ ни слова. Послѣ каждой такой встрѣчи, она каждый разъ горько плакала, но ей послужило бы большимъ утѣшеніемъ, еслибы она узнала, что ея жестокій супругъ каждую ночь стоялъ около ея маленькаго окошка, прислушиваясь, какъ Саулъ къ пѣнію Давида, къ чуднымъ звукамъ ея арфы. Таріасъ чувствовала, что ни Джипси, ни Луи, за котораго та вышла замужъ, въ душѣ не одобряли ея поведенія, хотя и ухаживали за ней, стараясь ее развеселить.

Однажды, въ темный январскій вечеръ, когда отецъ ея куда-то уѣхалъ, Таріасъ осталась одна въ домѣ, наединѣ съ своей кормилицей, старой негритянкой. Послѣдняя, желая чѣмъ-нибудь развлечь свою питомицу, молча и сосредоточенно смотрѣвшую на догоравшій въ очагѣ огонь, неожиданно сказала ей:

— А знаете, Таріасъ, Билль Лангстонъ пошелъ убить его.

— Кого его?—спросила встревоженная ея словами Таріасъ.

— А вотъ того, который тамъ напротивъ живетъ, — отвѣчала негритянка, ткнувъ пальцемъ по направленію къ хижинѣ Давида.— Билль сердитъ на него за ваше супружество и хочетъ покончить съ нимъ. Онъ хотѣлъ сегодня вечеромъ отправиться къ нему.

— Кто это тебѣ сказалъ?!.—воскликнула, вскочивъ, какъ ужаленная, Таріасъ.

— Одноглазый Чарльзъ слышалъ, какъ Билль хвастался.

— О Боже, какъ темно на дворѣ, — кричала, ломая руки въ отчаяніи Таріасъ.—Дай мнѣ мою шаль, Изабелла! И скажи Луи, когда онъ придетъ, пусть поднимется на ноги всѣхъ сосѣдей и какъ можно скорѣй придетъ съ ними въ хижину Давида.

Она выхватила шаль изъ рукъ Изабеллы, и побѣжала что есть мочи сперва по большой дорогѣ, но потомъ раздумала, рѣшивъ, что ближе будетъ черезъ поле и лѣсъ, отдѣлявшій хижину Давида отъ дома ея отца. Она не обращала вниманія ни на сучья, за которые цѣплялись ея волосы и платье, ни на кочки и корни о которыя она поминутно спотыкалась. «Если я поспѣю во время, онъ спасенъ»,—повторяла она всю дорогу. Къ счастью для нея, наканунѣ была оттепель, а потомъ упалъ легкій морозъ, вслѣдствіе чего снѣгъ покрылся твердой корой. Блѣдный свѣтъ новаго мѣсяца озарялъ ей путь.

Она уже прошла болѣе половины дороги и, выйдя изъ лѣса, очутилась въ полѣ. Она ускорила свой бѣгъ, какъ вдругъ раздался протяжный жалобный вой. Менѣе опытная, нежели Таріасъ, немедленно остановилась бы, чтобы прислушаться, не воетъ ли какая-нибудь потерявшаяся охотничья собака; но Таріасъ не даромъ была дочерью траппера. Она сразу смекнула, что имѣетъ дѣло съ волками.

— Святая Дѣва! спаси насъ обоихъ,—молилась она.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Но вой повторился и на этотъ разъ гораздо ближе. Позади ея былъ лѣсъ, а впереди разстилалась гладкая равнина, пересѣченная глубокимъ оврагомъ. Было ясно, что вой раздавался изъ оврага. Вначалѣ она только бѣжала, теперь же она летѣла. «О Боже, если я споткнусь!» Но тщетно! Вся голодная свора, почуявъ добычу, съ дикимъ воемъ мчалась за нею. Еще одно мгновеніе и она спасена. Но дверь хижины оказалась закрытой.

— Отвори, именемъ неба прошу тебя, отвори!

Уже волки были готовы растерзать Таріасъ на порогѣ дома ея супруга, но какъ разъ въ то-время дверь отворилась, и Давидъ показался съ горящей головней въ рукахъ. Онъ ударилъ головней по головѣ предводителя степныхъ разбойниковъ и бросилъ ее въ самую середину голодной стаи. Дверь захлопнулась, и Таріасъ упала къ ногамъ своего супруга. Онъ окинулъ ее строгимъ внимательнымъ взглядомъ.

— Пойдемте къ огню,—сказалъ онъ, послѣ нѣкотораго молчанія.—Вы измучены и прозябли.

Онъ поднялъ ее, посадилъ въ кресло и влилъ въ ротъ нѣсколько капель водки изъ маленькой карманной фляжки.

— Дверь крѣпко заперли?— пролепетала она, боязливо оглядываясь и не успѣвъ еще придти въ себя отъ испуга.

— Конечно, не бойтесь, волки сюда больше не попадутъ...

— Я не волковъ боюсь, — перебила она его,—Билль... Билль Лангстонъ..

— Что такое съ Биллемъ? — спросилъ онъ медленно. — Развѣ у васъ было столкновеніе съ нимъ? — повторилъ онъ еще болѣе серьезнымъ тономъ.

Таріасъ поникла головой, подобно провинившемуся ребенку, котораго только-что побранили. Очевидно, все вниманіе Давида было сосредоточено на ней во время ихъ разлуки. Только теперь поняла она, что онъ ее любитъ и ей стало досадно на себя.

— Что онъ вамъ сказалъ?—продолжалъ разспрашивать Давидъ.

— Онъ? ничего; онъ хочетъ придти сюда сегодня ночью.

— Какъ онъ осмѣлится придти сюда, чтобы повидаться съ вами?—вскричалъ Давидъ, вскочивъ съ мѣста. — Слушайте, Таріасъ, если онъ переступитъ этотъ порогъ, я застрѣлю его, какъ бѣшеную собаку.

— Онъ придетъ сюда съ своей шайкой, чтобы убить васъ,— проговорила она, рыдая.—Держите двери на запорѣ, пока подойдетъ Луи.

Въ одно мгновеніе гнѣвъ Давида исчезъ.

— Вы пришли сюда предупредить меня, Таріасъ, неправда ли?—спросилъ онъ нѣжнымъ голосомъ, положивъ руку на ея голову. — Успокойтесь, Билль никому не причинитъ вреда сегодня.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Два часа тому назадъ я видѣлъ его мертвецки пьянымъ. Но, скажите, Таріасъ, что привело васъ сюда?

Она не могла отвѣчать.

— Что привело васъ сюда?—настаивалъ онъ.

Вмѣсто отвѣта она коснулась рубца на его щекѣ.

— Вознаградитъ ли мой приходъ васъ за это?—прошептала она.

У Давида блеснула въ головѣ мысль.

— Нѣтъ, — сказалъ онъ, — я не хочу вашего отвѣта. Когда я былъ маленькимъ мальчикомъ, всякій разъ какъ у меня что-нибудь болѣло, ничто мнѣ не помогало, если мать не поцѣловала больное мѣсто. И теперь только поцѣлуй можетъ вылечить меня, неправда ли, Таріасъ?

Рубецъ на его щекѣ былъ очень близокъ къ ея губамъ, когда онъ нагнулся надъ ней.

Она колебалась съ минуту, наконецъ, рѣшилась и — рана Давида зажила.

Мэри Оденъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Американская республика Джемса Брайса, автора книги: «Священная римская имперія» и члена палаты депутатовъ отъ Абердина. Въ трехъ частяхъ. Часть I. Національное правительство. Москва. 1889. Часть II. Правительства Штатовъ. Политическія партіи. Москва. 1890. Перевелъ съ англійскаго В. Н. Невѣдомскій. Изданіе К. Т. Солдатенкова.

ДЖЕМСЪ БРАЙСЪ, одинъ изъ выдающихся англійскихъ историковъ и публицистовъ, родился въ Бельфастѣ, въ Ирландіи, въ 1838 г. Онъ учился въ университетахъ Глазговскомъ и Оксфордскомъ, а впослѣдствіи слушалъ лекціи въ Гейдельбергѣ. Въ 1870 г. онъ занималъ каѳедру гражданскаго права въ Оксфордѣ и былъ избранъ членомъ парламента; позднѣе онъ занималъ мѣсто помощника секретаря по иностраннымъ дѣламъ въ кабинетѣ Гладстона и спеціально работалъ надъ Восточнымъ вопросомъ. Его главный историскій трудъ: «The Holy Roman Empire» вышелъ въ 1864 г., а въ 1884 г. достигъ уже 8-го изданія, нѣмецкій переводъ этой книги (Leipzig von Winckler) вышелъ въ 1873 г., итальянскій въ 1886, а французскій (Paris, par E. Domerque) появился только недавно. Брайсъ много путешествовалъ, былъ между прочимъ въ 1876 г. и у насъ въ Россіи и всходилъ на Араратъ. Въ 1877 г. вышла его книга: «Transcaucasia and Ararat, a narrative of a Journey in Asiatic Russia in the autumn of 1876, with an account of the author's ascent of Mount Ararat», (въ 1878 г. было уже 3 изд.). Въ Америку онъ предпринялъ цѣлый рядъ поѣздокъ, начиная съ 1871 г., внимательно изучалъ ея государственное устройство, не упуская изъ виду, по возможности, ни одного изъ полезныхъ пособій, и результаты своихъ многолѣтнихъ наблюденій предлагаетъ теперь публикѣ. Онъ работаетъ, если можно такъ выразиться, патентованнымъ англійскимъ способомъ, т. е. старательно подбираетъ факты и группируетъ ихъ въ систему, предоставляя читателю дѣлать

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

выводы и заключенія. «Я откровенно признаюсь, говоритъ онъ въ первой главѣ, которая у него замѣняетъ предисловіе, что мнѣ было бы пріятнѣе, еслибъ читатель съ философскимъ складомъ ума нашелъ въ моей книгѣ такой матеріалъ, изъ котораго онъ могъ бы съ увѣренностію дѣлать свои теоретическіе выводы, чѣмъ еслибъ онъ заимствовалъ изъ моего сочиненія уже готовыя теоріи».

За этой вводной главой въ первой части слѣдуютъ еще 24 главы, трактующія о происхожденіи американской конституціи (стр. 15—30), о президентѣ республики, о его кабинетѣ, о сенатѣ, о палатѣ представителей, о конгрессѣ, объ устройствѣ судебной части, объ отношеніи національнаго правительства къ правительствамъ отдѣльныхъ штатовъ, о недостаткахъ и достоинствахъ федеральной системы и, наконецъ, о смыслѣ и развитіи конституціи. Затѣмъ слѣдуетъ рядъ разнообразныхъ приложеній и примѣчаній и недурная карта штатовъ.

Вторая часть представляетъ значительно больше общаго интереса: во-первыхъ, потому, что объ управленіи отдѣльныхъ штатовъ писано очень немного; во-вторыхъ, конституція каждаго штата развивалась постепенно и видоизмѣнялась по требованію практической необходимости и, стало быть, «представляетъ неисчерпаемый источникъ поучительныхъ свѣдѣній для исторіи демократическихъ обществъ» (стр. 43). Въ третьихъ, исторія этихъ конституцій поучительна для всякаго, кто интересуется современнымъ состояніемъ человѣчества, которое познается всего лучше черезъ сравненіе съ его прошлымъ (см. напр. интересныя обобщенія Брайса на стр. 49). Опытный историкъ и умный наблюдатель, Брайсъ очень остроумно выводитъ конституцію штатовъ изъ партій торговыхъ компаній (стр. 20 и слѣд.) и съ замѣчательной объективностью разбираетъ ихъ хорошія и дурныя стороны. На примѣрѣ штата Огіо (стр. 90 и слѣд.) авторъ показываетъ, какія правительственныя должности полагаются въ каждомъ изъ штатовъ, каковы ихъ права и обязанности. Кратко, но замѣчательно наглядно объясняетъ онъ различіе въ общинномъ устройствѣ и управленіи сѣверныхъ и южныхъ штатовъ изъ исторіи ихъ возникновенія (стр. 183 и слѣд.). Переходя къ управленію городовъ (стр. 218), Брайсъ признаетъ его наиболѣе слабой стороной въ государственномъ бытѣ штатовъ, и, по его убѣжденію, эта именно сторона особенно терпитъ отъ взяточничества и хищенія; но и здѣсь въ послѣднее время онъ указываетъ замѣтный прогрессъ (стр. 261—262).

Еще интереснѣе второй отдѣлъ этого тома о политическихъ партіяхъ, начинающійся съ гл. LIII. Что въ Соединенныхъ Штатахъ есть двѣ главныя партіи: республиканская и демократическая, которыя находятся въ постоянной борьбѣ, почти всякій знаетъ изъ газетъ; но рѣдко кто имѣетъ понятіе о томъ, откуда произошли онѣ, какъ видоизмѣнялись въ своей довольно долгой жизни и насколько въ настоящее время съ ними связанъ весь политическій бытъ штатовъ. Ихъ запутанную исторію Брайсъ (стр. 268—280) сдѣлалъ совершенно ясною; онъ признаетъ, что въ настоящее время онѣ почти потеряли свой смыслъ и, убѣдительно доказываетъ, что, какъ это часто бываетъ въ дѣлахъ человѣческихъ, ихъ внѣшнее упорядоченіе—извѣстно, что эти партіи признаны офиціально — обратно пропорціонально полнотѣ ихъ внутренняго содержанія; но тѣмъ не менѣе, не считая возможнымъ, чтобы такая умная нація, какъ американцы, жила одною пустою формою, онъ считаетъ республиканцевъ силою центростремительною, а демо-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

кратовъ—центробѣжною и обобщаетъ борьбу ихъ, какъ вѣковѣчную борьбу двухъ враждебныхъ другъ другу принциповъ, которые одинаково сильны во всякомъ благоустроенномъ государствѣ: принципа порядка (республиканцы) и принципа свободы (демократы). Принципы эти достойны полнаго уваженія, но они такъ давно закиданы грудой мелочей и сора, что теперь ихъ носителями являются только худшіе представители американскаго общества, а хорошіе люди, какъ на республиканскомъ сѣверѣ, такъ и на демократическомъ югѣ, занимаются своимъ дѣломъ и всячески сторонятся отъ политики, предоставляя ее спеціалистамъ. Эти спеціалисты-политиканы являются чѣмъ-то въ родѣ паразитовъ и притомъ паразитовъ вредныхъ, отравляющихъ весь государственный механизмъ штатовъ; масса не только должна питать ихъ своими соками, но и оказывается игрушкой въ ихъ рукахъ; право выбора главныхъ общественныхъ дѣятелей принадлежитъ ей, но она выбираетъ не того, кого хочетъ, а того, кого ей навязываютъ политиканы (стр. 371); навязываютъ же они ей тѣхъ, кто покупаетъ свою должность и во время ея недолгаго отправленія заботится не объ общественной пользѣ, а объ интересахъ своей партіи и набиваніи кармана. Другіе чиновники назначаются высшими правительственными лицами, но теряютъ мѣста свои немедленно послѣ смѣны тѣхъ, кто назначилъ ихъ. Что можетъ быть хуже этого? «Можетъ показаться страннымъ, говоритъ Брайсъ (стр. 403), что такой практичный народъ, какъ американцы, могъ допустить существованіе такой системы, при которой отъ должностныхъ лицъ не требуется главнымъ образомъ служенія обществу, ни во что̀ не цѣнится пріобрѣтаемая многолѣтней практикой опытность, и никто не можетъ расчитывать на то, что даже при самомъ добросовѣстномъ исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей получитъ повышеніе или, по меньшей мѣрѣ, сохранитъ занимаемое мѣсто. Это объясняется тѣмъ, что американцы, привыкшіе во всемъ расчитывать на самихъ себя, не ожидаютъ большой пользы отъ дѣятельности своихъ должностныхъ лицъ, что они вовсе не заботятся о назначеніи способныхъ людей на служебныя должности и что они не считаютъ увольненіе отъ должности большимъ несчастіемъ для того класса людей, который привыкъ добывать средства существованія, часто мѣняя одинъ родъ занятій на другой. Но главная причина описываемыхъ нами явленій заключается въ томъ, что не было такой партіи и такого класса людей, которые были бы спеціально заинтересованы въ отмѣнѣ этой системы, а между тѣмъ скоро возникъ такой классъ людей, который былъ спеціально заинтересованъ въ ея поддержаніи». Это и есть тѣ профессіональные политиканы, ради изображенія видовъ и дѣятельности которыхъ объективный наблюдатель и спокойный историкъ Брайсъ превращается въ пылкаго публициста и въ талантливаго художника: такъ живо, напр., изображены у него (стр. 464—465 и далѣе) выборы въ кандидаты отъ партіи на должность президента.

Излагая порядокъ этихъ выборовъ, Брайсъ между прочимъ объясняетъ одно повидимому странное явленіе: часто кандидатомъ отъ партіи, а потомъ и президентомъ, является такое лицо, которое, казалось бы, совсѣмъ не имѣетъ шансовъ на успѣхъ и извѣстно даже въ предѣлахъ штатовъ очень и очень немногимъ. Дѣло происходитъ такимъ образомъ: всѣхъ делегатовъ, положимъ, 800 человѣкъ; одинъ изъ претендентовъ въ кандидаты имѣетъ за себя 300 голосовъ, другой—280; остальные 220 голосовъ разбились на маленькія группы по 60, по 40, по 20 между слабыми и мало кому извѣст-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ными претендентами. Происходитъ цѣлый рядъ баллотировокъ и распредѣленіе голосовъ остается то же самое: агентамъ сильныхъ претендентовъ не удается склонить на свою сторону маленькія группы или удается пріобрѣсти голосовъ поровну. Тогда второй претендентъ (съ 280 голосами) убѣждается, что ему не побѣдить; не желая покоряться сопернику, онъ телеграфируетъ своимъ (приличіе требуетъ, чтобы онъ не былъ на мѣстѣ выборовъ), чтобъ они переходили на сторону такого-то слабаго претендента, имѣющаго, положимъ, 60 голосовъ, черезъ что этотъ претендентъ вдругъ оказывается сильнѣе 40 голосами и послѣ нѣсколькихъ баллотировокъ, если его новые партизаны будутъ держаться стойко, можетъ одолѣть своего противника.

Кандидаты выбраны, и начинается настоящая агитація; вожаки партій интригуютъ, устроиваютъ процессіи и сыпятъ обѣщаніями и деньгами въ особенности въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ населеніе колеблется между партіями. Кандидаты разъѣзжаютъ и говорятъ рѣчи, иногда съ задней платформы вагона, пользуясь для этого десяти-минутной остановкой. Брайсъ приводитъ (стр. 473 и слѣд.) цѣлый рядъ курьозныхъ, а иногда и не красивыхъ средствъ, къ которымъ прибѣгаютъ «комитеты», чтобы увеличить шансы своего кандидата и ослабить противника: печатаютъ и распространяютъ повѣсти, въ которыхъ двое влюбленныхъ при самой романической обстановкѣ ведутъ разговоръ о покровительственномъ тарифѣ; выливаютъ на кандидата противной стороны цѣлые ушаты грязи и не останавливаются передъ самою наглою клеветою и даже передъ подлогомъ (печатаютъ поддѣльныя письма и пр.), если только это обѣщаетъ увеличивать шансы на успѣхъ. Такими-то средствами выбираютъ главу государства.

Какой же общій выводъ дѣлаетъ англійскій государственный человѣкъ и публицистъ изъ всѣхъ этихъ печальныхъ наблюденій? Вовсе не такой ужасный, какъ могли бы ожидать его слишкомъ самодовольные соотечественники: онъ убѣжденъ, что американцы хорошій и умный народъ, и «политиканы» вовсе не такъ ужъ сильно вредятъ его государственной жизни: здравый смыслъ общества и дѣловитость его отдѣльныхъ членовъ въ значительной степени парализуютъ зло, приносимое системой, тѣмъ болѣе, что это зло у всѣхъ на виду и не прикрывается тѣмъ, что американцы (и авторъ, повидимому, не разногласитъ съ ними) называютъ «англійскимъ фарисействомъ».

Книга Брайса переведена очень хорошо. А. К.

Потревоженныя тѣни. С. Терпигорева (Атавы). Т. II. Спб. 1890.

Въ одной изъ немногочисленныхъ, но умныхъ и обстоятельныхъ критическихъ статей «Русскаго Вѣстника», появившихся въ лучшую пору дѣятельности Каткова, была выражена такая особенность въ нашемъ положеніи, что у насъ не художественный писатель можетъ заимствоваться свѣдѣніями у писателя историческаго, и наоборотъ, «будущимъ историкамъ,— чтобы вѣрнѣе понять событія послѣднихъ лѣтъ,—самымъ надежнымъ средствомъ будетъ обратиться къ произведеніямъ нашихъ разсказчиковъ и романистовъ». Это, если не ошибаемся, было высказано или по поводу «Изнанки Крымской войны», или по поводу какого-то другого тожественнаго, однороднаго сочиненія, касавшагося такъ называемой «глухой эпохи». «Глухою» же эпохою тогда въ литературѣ называли «тридцати-лѣтіе, предшествовавшее

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Крымской войнѣ», «Война на полуостровѣ» (какъ выражались въ тогдашнихъ газетахъ) была «вскрытіемъ затяжнаго нарыва и показала: чѣмъ питался организмъ всей страны и каковы его соки».

Въ этомъ же родѣ разсматривалъ «наше положеніе» не одинъ журналъ Каткова, а и большинство другихъ органовъ печати, получившихъ послѣ войны нѣкоторую возможность говорить не исключительно однимъ «рабскимъ языкомъ». Эта «возможность» вывела на свѣтъ много любопытнаго, что и помогло правительству того времени увидѣть ошибки и недостатки прошлаго и многіе изъ нихъ исправить. Но все это по преимуществу касалось только сферъ дѣятельности служебной: «съ изнанки пробирали служебнаго вора», а все прочее, а главное общественный бытъ въ его отношеніяхъ къ событіямъ «крымскаго погрома», до сихъ поръ еще разсматривается съ лицевой стороны и на изнанку не вывернутъ. Оттого вѣроятно и держится въ большинствѣ такое неосновательное мнѣніе, что виною нашихъ крымскихъ несчастій были будто одни «крымскіе воры», а все общество и особенно «благороднѣйшая его часть — дворянское сословіе, обнаруживали высокій подъемъ духа, доходившій до самоотверженія».

На самомъ дѣлѣ, это было не такъ: на дѣлѣ не все дурное дѣлали одни «крымскіе воры» и «благородное дворянство» того времени не все проявляло тогда «высокій подъемъ патріотическаго духа», а напротивъ, многіе его представители совершали тогда очень злыя дѣянія, кощунственно прикрываясь «подъемомъ духа». Эти дѣянія, ни мало не уступающія самымъ дряннымъ дѣламъ заштемпелеванныхъ «крымскихъ воровъ» показываютъ непосредственную связь «воровъ» съ тою общественною средою, изъ которой они дѣйствительно вышли, и съ которою они состояли въ живомъ, кровномъ и духовномъ сродствѣ. Описаніе нравовъ и дѣяній дворянъ, приспособлявшихъ войну къ своимъ корыстнымъ и безчеловѣчнымъ видамъ теперь ужъ запоздало, но и теперь еще оно, и нужно, и полезно, какъ для современниковъ, такъ и для тѣхъ «будущихъ историковъ, которымъ (по словамъ Каткова) придется обратиться къ произведеніямъ беллетристовъ для того, чтобы уловить духъ и настроеніе общества въ послѣдніе годы глухой поры». Во второмъ томѣ разсказовъ г. Терпигорева, выходящихъ подъ общимъ заглавіемъ «Потревоженныя тѣни» представлены характерныя и прекрасно написанныя картины въ этомъ родѣ,—любопытномъ для читателей и пригодномъ для полезной службы будущимъ историкамъ. Въ книжкѣ помѣщены три очерка: «Дядина любовь», «Тетенька Клавдія Васильевна» и «Въ раю». Всѣ они написаны съ присущимъ автору живымъ умомъ и талантомъ, но не всѣ три равнаго достоинства. «Дядина любовь» — разсказъ средняго качества, но за то «Тетенька Клавдія Васильевна» и «Въ раю»,— вполнѣ превосходные литературные этюды, какіе рѣдко доводится читать и... я бы хотѣлъ сказать «наслаждаться ими», если бы только для наслажденія читаемымъ довольно было одного мастерства разсказчика. Со стороны литературной техники, оба названные разсказа написаны безукоризненно, но содержаніе ихъ ужасно по своему трагизму. Весь этотъ міръ отшедшихъ нынѣ дворянъ и «хоръ, подавленныхъ и трепетныхъ людей», которые не могли не «завидовать житью собакъ и лошадей», какъ бы встаетъ и воздымаетъ руки, чтобы, увидя ихъ, люди встрепенулись и вспомнили, что такое было въ томъ ужасномъ прошломъ, въ которомъ иные научаютъ насъ теперь искать идеаловъ для лучшаго будущаго.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Чтеніе этихъ двухъ очерковъ г. Терпигорева вознаградитъ каждаго читателя цѣлымъ рядомъ правдивыхъ указаній на истинные ужасы не отдаленнаго прошлаго, снова теперь находящаго себѣ заступниковъ и хвалителей, и авторъ безъ сомнѣнія прекрасно сдѣлалъ, что далъ свои очерки именно теперь, когда всякое такое напоминаніе особенно цѣнно и очень нужно.

Н. Л—въ.

Собраніе сочиненій Р. А. Фадѣева. Четыре тома. Изданіе В. В. Комарова. Спб. 1890.

Некрасиво и неряшливо изданные, съ массою непозволительныхъ корректурныхъ ошибокъ, мѣстами искажающихъ и повсюду затемняющихъ смыслъ, сочиненія эти, тѣмъ не менѣе, представляютъ большой интересъ, благодаря яркой личности ихъ автора. Р. А. Фадѣевъ, былъ, какъ еще, конечно, не всѣ забыли, въ рядахъ консерваторовъ въ то время, когда все старалось настроить себя на либеральный ладъ. Онъ являлся самымъ опаснымъ противникомъ многихъ реформъ министерства Д. А. Милютина, и безпощадно критиковалъ наши военныя увлеченія сначала французскими округами, а затѣмъ, совершенно противуположными имъ, прусскими побѣдоносными порядками. Фадѣевъ былъ изъ тѣхъ, которые думаютъ, что и мы сами не совсѣмъ же лыкомъ шиты и потому можемъ развиваться и двигаться впередъ къ общей цѣли цивилизаціи человѣческой, никому не подражая. Но такъ какъ подобныя мысли не пользуются у насъ популярностью нигдѣ, и уже, конечно, не могутъ пользоваться вниманіемъ тѣхъ культурныхъ слоевъ общества, которые вѣчно смотрятъ на западъ и не желаютъ видѣть ничего добраго въ Назаретѣ, то Фадѣевъ всю свою жизнь бился и проповѣдывалъ въ пустынѣ. Нынѣ однако многое изъ его мыслей уже осуществлено и получило блестящую санкцію опыта.

Являясь протестантомъ въ средѣ военныхъ увлеченій чужими порядками, Фадѣевъ послѣ сдачи Шамиля и покоренія Кавказа, гдѣ онъ провелъ въ неустанныхъ бояхъ и походахъ двадцать лучшихъ лѣтъ жизни, долженъ былъ выйти въ отставку и посвятить себя дѣятельности публицистической. Но и здѣсь его оригинальный и правдивый умъ не доставилъ ему большихъ успѣховъ, хотя многое изъ высказаннаго имъ отличалось несомнѣннымъ благоразуміемъ и запечатлѣно было талантомъ прирожденнаго публициста. Какъ извѣстно, онъ, ярый ненавистникъ бюрократіи, невольно окрашивался въ краски славянофильства, хотя на самомъ дѣлѣ столь же мало можетъ быть названъ славянофиломъ, какъ и консерваторомъ. Это просто былъ оригинальный умъ, интересный и поучительный, уже самою своей оригинальностью.

Изъ сочиненій его, достаточно извѣстныхъ, замѣчательнѣе другихъ систематическое изложеніе его profesion de foi «Чѣмъ намъ быть» и особенно «Письма о современномъ состояніи Россіи», написанныя послѣ взрыва въ Зимнемъ дворцѣ и напечатанныя по приказанію, въ Бозѣ почивающаго, государя Александра II. Въ наше время, когда консервативные принципы пользуются особеннымъ вниманіемъ, эти оба труда покойнаго публициста пріобрѣтаютъ особенно знаменательный характеръ и могутъ быть очень полезны на столѣ тѣхъ, кто начинаетъ увлекаться идеями, такъ называемаго у насъ, консерватизма, нуждающагося однако не хуже идей

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

либеральныхъ въ значительныхъ разрушеніяхъ уже ранѣе сдѣланнаго. У Фадѣева эти консерваторы могутъ найти много полезныхъ уроковъ и рядомъ съ послѣдними, систематическое и правдивое объясненіе сущности всѣхъ нашихъ переустройствъ на почвѣ дѣйствительно историческаго назначенія, и историческаго же роста Россіи.

При изданіи его сочиненій приложены прекрасныя воспоминанія его сестры, рисующія намъ самую личность покойнаго генерала, а также и ходъ его воспитанія, красками самыми симпатичными. Тутъ же рядомъ помѣщена болѣе общая статья о трудахъ и сочиненіяхъ Р. А. Фадѣева, написанная г. А. Г. **В. П.**

Очерки литературы древнихъ и новыхъ народовъ. Драматическая поэзія. Въ двухъ книгахъ. Составилъ И. Гарусовъ. Спб. 1890.

«Очерки» г. Гарусова представляютъ передѣлку его книги, выпущенной въ свѣтъ 28 лѣтъ тому назадъ подъ тѣмъ же заглавіемъ. Въ настоящемъ своемъ видѣ трудъ г. Гарусова раздѣленъ на 2 тома, изъ которыхъ въ первомъ заключаются: 1) Общій очеркъ поэзіи вообще и драматической въ особенности (подъ такимъ заголовкомъ скрывается теорія поэзіи). 2) Греческая драматическая поэзія. 3) Римская драматическая поэзія. 4) Драматическая поэзія отъ начала христіанства до конца XVI вѣка. 5) Драматическая поэзія съ конца XVI вѣка (драмы англійская, испанская и итальянская). Второй томъ посвященъ остальнымъ новымъ литературамъ, французской, нѣмецкой и русской. Уже изъ этого перечня видно, что авторъ допустилъ въ своемъ трудѣ весьма крупный пробѣлъ: именно, онъ совершенно выпустилъ изъ виду индійскую драму, достигнувшую замѣчательнаго развитія и давшую такого высоко-талантливаго драматурга, какъ Калидаса. Но, если разсмотрѣть книгу г. Гарусова поподробнѣе, то мы найдемъ у него и еще не мало болѣе или менѣе важныхъ упущеній. Возьмемъ, напр., отдѣлъ, посвященный англійской драмѣ. О періодѣ до Шекспира мы находимъ въ «Очеркахъ» чрезвычайно мало: 26 строкъ на 140—141 стр., да 8 строкъ на 143 стр. При такой излишней краткости изложеніе не можетъ быть удовлетворительнымъ; какая, напр., характеристика Марло и его дѣятельности возможна на 10 строчкахъ. Или что вынесетъ читатель изъ такой исторіи драматическаго искусства въ Англіи: «мистеріи на Британскомъ островѣ были извѣстны еще въ XII в. Въ XIII столѣтіи труппы артистовъ ѣздили по городамъ и давали свои представленія (какія?), а въ XIV вѣкѣ правительство стало ихъ преслѣдовать (почему?). Въ XV в. въ Англію пріѣхали австрійскіе и баварскіе пѣвцы. Съ этого времени начались маскированія, а при Генрихѣ VIII вошли въ обычай блестящіе маскарады, на которыхъ и было положено основаніе англійскому театру (какъ?). Въ XVI в. при дворѣ и у многихъ вельможъ появились шуты, которые смѣшили впопадъ и не впопадъ» (стр. 143). Выясненію условій, вызвавшихъ разцвѣтъ англійской драмы, посвящено цѣлыхъ двѣ страницы, но все-таки автору удалось выяснить очень мало, да оно и понятно: онъ обращаетъ вниманіе только на британскихъ королей и королевъ и совершенно забываетъ про возрожденіе искусствъ и наукъ, бывшее однимъ изъ важнѣйшихъ факторовъ въ дѣлѣ развитія новыхъ европейскихъ литературъ, да и вообще эпоха возрожденія

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

и гуманизмъ рисуются авторомъ весьма смутно и, очевидно, смыслъ этихъ движеній не уловленъ имъ (см. II, 73, 199). Отдѣлъ, посвященный Шекспиру, также не можетъ быть названъ удачнымъ: авторъ ограничился разборомъ (да и то весьма слабымъ) «Короля Лира», «Макбета» и «Гамлета», но, по нашему мнѣнію, для полной характеристики Шекспира необходимо еще обратить вниманіе на его хроники и комедіи, да и изъ трагедій не мѣшало бы остановиться еще на двухъ-трехъ, хотя бы на «Юліѣ Цезарѣ», «Ромео и Джульеттѣ» и «Отелло». Что касается до судебъ англійскаго театра послѣ Шекспира, то для г. Гарусова онѣ вовсе не существуютъ, а между тѣмъ было время, когда «англійскіе комедіанты» странствовали по всему континенту и играли далеко не послѣднюю роль въ исторіи развитія драмы хотя бы и у насъ въ Россіи. — Таковъ составъ главы, посвященной англійской драмѣ. Мы нарочно остановились на ней, такъ какъ остальные отдѣлы не полнѣе этого; поэтому мы не будемъ перечислять здѣсь всѣхъ пропусковъ, чтобы не тратить даромъ мѣста, но не можемъ не напомнить г. Гарусову, что Островскій кромѣ «Не въ свои сани не садись» и «Кузьмы Захарьича Минина-Сухорука» написалъ еще «Грозу», «Лѣсъ» и много другихъ хорошихъ драмъ, о которыхъ просто грѣшно умалчивать, говоря про русскій театръ.

Рядомъ съ такими пропусками, мы встрѣчаемъ у г. Гарусова массу совершенно неидущихъ къ дѣлу отступленій и разсказовъ о томъ, что извѣстно чуть не всякому грамотному человѣку. Какъ на примѣръ перваго рода, укажемъ на сообщенія о стоимости таланта у различныхъ древнихъ народовъ (I, 94); примѣромъ второго рода служитъ слѣдующее мѣсто на стр. 210: «Царевна Софья Алексѣевна была дочь царя Алексѣя Михайловича отъ первой его жены, Маріи Ильинишны Милославской, род. въ 1658 г. При малолѣтствѣ Петра I стала во главѣ Милославскихъ; въ маѣ 1682 г. возвела на престолъ вмѣстѣ съ Петромъ и брата Іоанна и стала правительницей. Въ августѣ 1689 г. Петромъ удалена въ Новодѣвичій Московскій монастырь и пострижена подъ именемъ Сусанны. Умерла въ 1704 г.». Жаль, что авторъ еще не сообщилъ, кто такой Петръ I.

Очевидно, что всѣ эти вставки и пропуски проистекаютъ изъ одного и того же свойства г. Гарусова, именно—изъ его неумѣнья отличить важное отъ неважнаго, нужное отъ ненужнаго. Онъ прямо, безъ всякаго разбора, вносилъ въ свою книгу всѣ свѣдѣнія, какія только попадались ему подъ руку: набралось, напримѣръ, у него о Кукольникѣ 40 страницъ, онъ и печатаетъ всѣ 40 страницъ, а объ Островскомъ больше 10 страницъ не нашлось—онъ и довольствуется этими 10-ю страничками. Или еще примѣръ: занимался когда-то г. Гарусовъ изданіями комедіи Грибоѣдова «Горе отъ ума», составилъ ихъ списокъ, такъ вотъ, вѣроятно, чтобъ этотъ списокъ не пропалъ втуне, онъ и его втиснулъ, неизвѣстно для чего, въ свою книгу. И такихъ примѣровъ не мало по всему труду. — Еще хуже дѣлаетъ г. Гарусовъ, что при полнѣйшемъ отсутствіи у него критическаго чутья онъ пытается «свое сужденіе имѣть» о различныхъ писателяхъ. Зато и результаты такихъ потугъ выходятъ удивительные. Не распространяясь много по этому поводу, чтобы не выйти за предѣлы простой библіографической замѣтки, я ограничусь двумя примѣрами, именно — укажу на Виктора Гюго, который, по мнѣнію г. Гарусова, не только «ничего не сдѣлалъ для театра» (II, 42), но даже еще и «съ толку сбился» (ibid), а затѣмъ на Остров-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

скаго, который, если вѣрить тому же г. Гарусову, «вмѣсто живыхъ лицъ вывелъ искусственно оживленные манекены» (II, 456).

Не менѣе критическихъ экспериментовъ г. Гарусова любопытны нѣкоторыя его разсужденія, въ родѣ того, что хорошій стихъ стѣсняетъ поэзію (I, 2) и т. п. Затѣмъ интересно было бы знать, какіе такіе «филологи производятъ Βάκχος отъ βακχέω» (I, 45) и «θέατρον отъ θεατρίζω»? (I, 33). Элементарнѣйшія правила грамматики гласятъ какъ разъ наоборотъ. Да и вообще, какъ кажется, г. Гарусовъ не принадлежитъ къ числу знатоковъ классическихъ языковъ; въ противномъ случаѣ онъ зналъ бы, что Эсхилъ написалъ трагедію «Хоэфоры», а отнюдь не «Каэфоры», какъ неоднократно указано въ «Очеркахъ», и что «Atellana fabula» по-русски надо перевести «Ателланское сценическое представленіе», а никакъ не «Ателланскія басни» (I, 120).

Внѣшнія достоинства труда г. Гарусова вполнѣ соотвѣтствуютъ его внутренней доброкачественности: языкъ «Очерковъ» въ достаточной степени тяжелъ, изобилуетъ неуклюжими періодами и варваризмами. Типографская сторона дѣла также неудовлетворительна, и мы на каждомъ шагу натыкаемся на опечатки. Непріятное впечатлѣніе еще усиливается непослѣдовательностью автора при передачѣ иностранныхъ именъ на русскій языкъ: такъ Diderot фигурируетъ у него то въ видѣ «Дидеро», то въ формѣ «Дидеротъ»; испанскій j передается то посредствомъ ж, то посредствомъ х (Жуанъ, хорнада—Juan, jornada). Однимъ словомъ, съ какой стороны не взглянуть на трудъ г. Гарусова, онъ все-таки оставляетъ желать еще очень и очень многаго.

С. А—въ.

Листочки до вінка на могилу Шевченка. Львів. 1890.

Эта брошюрка содержитъ нѣкоторыя любопытныя данныя объ арестѣ Шевченка (въ 1859 г.), объ его отношеніяхъ къ Залѣсскому и т. д. Причины, вызвавшія арестъ поэта до сихъ поръ не выяснены. Извѣстный біографъ Шевченка, д-ръ Чалый, сообщаетъ два разсказа объ этомъ арестѣ; въ разбираемой брошюркѣ указанъ третій, болѣе правдоподобный варіантъ. Авторъ брошюры указываетъ на письмо И. С. Тургенева къ А. И. Герцену [1]), въ которомъ содержатся слѣдующія строки, писанныя весною 1861 года:

«Скажи два слова въ «Колоколѣ» о смерти Шевченка. Бѣднякъ уморилъ себя неумѣреннымъ употребленіемъ водки. Незадолго передъ смертью съ нимъ случилось замѣчательное происшествіе. Одинъ исправникъ Черниговской (sic) губерніи арестовалъ его и отправилъ какъ колодника, въ губернскій городъ, за то, что Шевченко отказался написать его портретъ масляными красками во весь ростъ.—Это фактъ». (Курсивъ въ подлинникѣ).

Какъ справедливо замѣчаетъ авторъ разбираемой брошюрки, въ письмѣ Тургенева содержатся нѣкоторыя неточности. Во-первыхъ, общеизвѣстно, что Шевченко былъ арестованъ не въ Черниговской, а въ Кіевской губерніи, во-вторыхъ, извѣстіе, что Шевченка везли «какъ колодника», слѣдуетъ принять лишь за фигуральное выраженіе, такъ какъ, на самомъ дѣлѣ, сопро-

[1]) Подлинникъ этого письма находится у А. А. Герцена (сына А. И. Герцена) проф. медицинской академіи въ Лозаннѣ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

вождавшій Шевченка жандармъ былъ съ нимъ весьма любезенъ. Остается, стало быть, послѣдняя подробность относительно исправника, желавшаго имѣть свой портретъ. Въ этомъ случаѣ Тургеневъ сообщаетъ, повидимому, истинный фактъ; но, по всей вѣроятности, Тургеневъ либо слышалъ объ этомъ событіи не изъ перваго источника, либо читалъ объ «исправникѣ» въ «Колоколѣ» и, забывъ объ этомъ, сообщилъ Герцену извѣстіе, которое тотъ зналъ лучше его. Странно, замѣчаетъ авторъ брошюры, что отъ г. Чалаго и отъ другихъ біографовъ Шевченка ускользнуло сообщеніе, помѣщенное въ томъ же «Колоколѣ» (отъ 1 сент. 1860 г.) еще при жизни Шевченка. Вотъ что сказано въ журналѣ Герцена еще задолго до написанія Тургеневымъ упомянутаго письма:

«Извѣстный поэтъ Шевченко, послѣ многолѣтней ссылки на берегахъ Каспійскаго моря, получилъ, наконецъ, позволеніе съѣздить на родину, о чемъ тогда дано было знать губернаторамъ малороссійскихъ губерній для свѣдѣнія. Минуя города и села, Шевченко спѣшилъ въ свою родную, давно невидѣнную Кириловку. Въ м. Межеричи, Черкасскаго уѣзда, онъ натолкнулся на тамошняго исправника Кабашникова (слѣдовало сказать Табашникова), который, какъ и другіе его собратья, имѣлъ отъ Гессе (кіевскаго гражданскаго губернатора) предписаніе неукоснительно наблюдать за такимъ-то и такимъ Шевченкомъ. Встрѣтившись съ послѣднимъ, К(Т)абашникову прежде всего пришло на умъ содрать съ него, въ силу чего онъ и потребовалъ отъ Шевченка снять съ него потретъ во весь ростъ и безошибочно. Тотъ отказался. К(Т)абашниковъ сейчасъ же арестовалъ его, донеся Гессе, что имъ задержанъ отставной рядовой Т. Г. Шевченко, уличенный въ кощунствѣ и богоотступничествѣ. Гессе приказалъ не медля препроводить Шевченка за конвоемъ въ Кіевъ. И если бы не добрые люди, межъ которыми нельзя не назвать жандармскаго генерала Куцинскаго (?), то Шевченко долго бы прогостилъ въ кіевской полиціи».

Здѣсь остается невыясненнымъ лишь одно обстоятельство, а именно, о какомъ такомъ кощунствѣ донесъ Табашниковъ? Авторъ брошюры утверждаетъ, что слышалъ отъ Максимовича разсказъ, отчасти поясняющій это обвиненіе. Въ бесѣдахъ съ народомъ, Шевченко, по увѣренію Максимовича, не разъ пытался реабилитировать типъ, называемый у малороссовъ «покрытками», а у французовъ filles mères. При этомъ онъ выражался такъ неосторожно, что легко могъ дать поводъ къ обвиненію въ богохульствѣ, тѣмъ болѣе, что поэма его, посвященная оправданію дѣвы-матери, называется «Марія» и снабжена эпиграфомъ, взятымъ изъ Апокалипсиса. (Поэма эта впервые напечатана при пражскомъ изданіи Кобзаря). Авторъ разбираемой нами брошюры высказываетъ догадку, что Шевченко читалъ мужикамъ отрывки изъ своей поэмы или говорилъ о своей «Маріи», и что слова его были истолкованы превратно, какъ хула на Пресвятую Дѣву Марію.

Въ дополненіе къ этимъ соображеніямъ, прибавимъ отъ себя, что мы слышали въ началѣ 70-хъ годовъ изъ устъ старожиловъ Звенигородскаго уѣзда Кіевской губерніи (откуда родомъ Шевченко, а также и авторъ настоящей замѣтки), что арестъ Шевченка послѣдовалъ дѣйствительно по случаю какой-то рѣчи, сказанной имъ «на базарѣ въ м. Межеричи, стоя на возу съ сѣномъ». Что касается содержанія словъ Шевченка, о нихъ сообщали намъ различно. Одни говорили, что Шевченко будто бы «бунтовалъ мужиковъ противъ пановъ»; другіе, наоборотъ, утверждали, совершенно со-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

гласно съ вышеприведеннымъ разсказомъ, что онъ произносилъ какія-то богохульства, за которыя и былъ арестованъ исправникомъ Табашниковымъ. Такимъ образомъ, варіантъ, сообщенный Герценомъ въ «Колоколѣ», повидимому, ближе всего къ истинѣ, такъ какъ подтверждается съ разныхъ сторонъ.

Въ той же брошюрѣ находятся весьма любопытныя извлеченія изъ примѣчаній Бронислава Залѣсскаго къ письмамъ, писаннымъ ему Шевченкою. Здѣсь, напр., сказано о ссылкѣ Шевченки:

«Послѣ назначенія Перовскаго генералъ-губернаторомъ и командиромъ корпуса, всѣ ссыльные надѣялись на облегченіе своей участи, также и Шевченко, который попросилъ разрѣшенія нарисовать образъ для церкви въ Новопетровскѣ (ему, какъ извѣстно, было запрещено рисовать и писать стихи). Прошеніе съ наилучшими рекомендаціями мѣстныхъ властей дошло въ Петербургъ къ императору Николаю, но былъ полученъ отказъ, что глубоко огорчило бѣднаго поэта».

Въ другомъ мѣстѣ переданъ отъ имени самого Перовскаго анекдотъ о Шевченкѣ, который, бывъ въ Кіевѣ учителемъ рисованія, надѣвалъ свитку и бесѣдовалъ съ мужиками. Однажды, взявъ кучу зеренъ, Шевченко положилъ рядъ ихъ на столъ, назвавъ ихъ генералами, губернаторами, панами и т. п. Затѣмъ, взявъ полную горсть, онъ засыпалъ этотъ рядъ и сказалъ: «А это мужики. Найдите теперь губернатора и пана». Перовскій добавилъ, что такія бесѣды опасны и что Шевченко опасный человѣкъ. **М. Ф.**

Иллюстрированное собраніе греческихъ и римскихъ классиковъ съ объяснительными примѣчаніями подъ редакціей Льва Георгіевскаго и Сергѣя Манштейна. А. Латинскіе авторы: Ливій XXI кн. Объяснилъ проф. Ѳ. Ф. Зѣлинскій.—Саллюстій. Югуртинская война. Объясн. К. А. Зембергъ.—Вергилій. Энеида I п. Объясн. проф. Д. И. Нагуевскій. — Ливій I кн. Объясн. проф. И. В. Нетушилъ. В. Греческіе авторы: Ксенофонтъ. Анабазисъ кн. I и кн. II. Объясн. Л. А. Георгіевскій.—Платонъ. Апологія Сократа. Объясн. А. О. Поспишиль.—Гомеръ. Иліада I п. объясн. С. А. Манштейнъ. Царское Село. 1890.

Происшедшая въ этомъ году гимназическая реформа предъявила нашей средней школѣ нѣсколько иныя требованія сравнительно съ прежними: въ то время какъ прежде все вниманіе гимназистовъ сосредоточивалось на грамматикѣ древнихъ языковъ, а авторы служили только для болѣе отчетливаго усвоенія грамматическихъ правилъ, теперь наоборотъ—главную роль стало играть именно изученіе классическихъ писателей, а граматикѣ отведена служебная роль. Сообразно съ этой перемѣной въ программѣ, долженъ былъ произойти поворотъ и въ нашей педагогической литературѣ: до нынѣшняго года она старалась выработать возможно лучшіе учебники по грамматикамъ древнихъ языковъ и въ этомъ отношеніи успѣла дѣйствительно дойти до весьма солидныхъ результатовъ въ родѣ, напр., латинскаго синтаксиса проф. Опацкаго и греческой грамматики г. Чернаго, теперь же наши гимназическіе педагоги очевидно должны сосредоточить свое вниманіе на изданіяхъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

классическихъ писателей въ такой формѣ, которая облегчала бы учащимся чтеніе ихъ и давала бы гимназистамъ возможность всесторонне ознакомиться съ читаемыми авторами. Недостатокъ въ подобныхъ трудахъ ощущается у насъ довольно сильно: за исключеніемъ «Метаморфозъ» съ примѣчаніями г. Смирнова, нѣсколькихъ трудовъ Цицерона, комментированныхъ г. Фелькелемъ, да 2—3 греческихъ трагедій, изданныхъ проф. Вейсманомъ, трудно указать на что-нибудь въ этомъ родѣ, подходящее для гимназій; остальные комментаріи къ древнимъ авторамъ или слишкомъ пространны для гимназистовъ, какъ напр. «Лелій» г. Адріанова, или же находятся въ черезчуръ сильной зависимости отъ иностранныхъ трудовъ, какъ напр. «Энеида» въ изданіи проф. Нагуевскаго. Собраніе, выходящее теперь подъ редакціей гг. Георгіевскаго и Манштейна, очевидно и имѣетъ въ виду пополнить этотъ недостатокъ въ нашей учебной литературѣ, и, надо сознаться, дѣло поведено довольно недурно для перваго раза. Текстъ взятъ въ большинствѣ случаевъ изъ лучшихъ заграничныхъ изданій, къ каждому выпуску приложена біографія автора, перечень и оцѣнка его произведеній, реальное введеніе; если данное сочиненіе имѣетъ историческій характеръ, то дается введеніе историческое, примѣчанія составлены въ общемъ довольно толково и цѣлесообразно, наконецъ, каждый томикъ снабженъ иллюстраціями и, гдѣ того требовалъ текстъ, картами. С. А—въ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ИСТОРИЧЕСКІЯ МЕЛОЧИ.

Новыя данныя объ убіеніи шведскаго короля Густава III: наканунѣ катастрофы въ Стокгольмскомъ дворцѣ; письмо къ королю съ предупрежденіемъ о покушеніи; графъ Риббингъ и Армфельдъ; открытіе заговора. — Король Жеромъ, принцъ Плонъ-Плонъ и принцесса Матильда: третій бракъ Жерома съ маркизой Бартолини; жадность принца Плонъ-Плона; ссора принцессы Матильды съ отцомъ изъ-за пенсіи.—Жеромъ и Плонъ-Плонъ въ дѣлѣ декабрьскаго переворота, ихъ республиканство. — Наполеонъ IV по книгѣ графа Эрисона: крещеніе огнемъ принца Люлю; материнское тщеславіе императрицы Евгеніи; гибель принца въ англійской войнѣ съ зулусами.—Дамская война новѣйшаго времени: заговоръ императрицы Евгеніи и княгини Меттернихъ съ цѣлью сдѣлать мексиканскимъ императоромъ эрцгерцога Максимиліана; помѣшательство императрицы Шарлотты въ Сенъ-Клу.—Наполеонъ I на охотѣ.

НОВЫЯ данныя объ убіеніи шведскаго короля Густава III. Въ Парижѣ недавно напечатаны въ двухъ томахъ «Мемуары герцога Карса». Авторъ ихъ при графѣ д'Артуа, Людовикѣ XVI и Людовикѣ XVIII занималъ видные посты и былъ свидѣтелемъ многихъ событій того времени. Въ августѣ 1789 г. Людовикъ XVI отправилъ его въ Германію представителемъ эмигрировавшихъ тогда французскихъ принцевъ. Черезъ два года ему пришлось исполнять ту же миссію при Стокгольмскомъ дворѣ, и страницы мемуаровъ, относящіяся къ этому времени, наиболѣе любопытны. Большинство ихъ посвящено убіенію короля Густава III. Раньше описанія этой катастрофы графъ Карсъ (герцогомъ онъ сдѣлался въ 1816 г.) разсказываетъ, между прочимъ, что однажды онъ былъ у короля въ Дроттингольмскомъ замкѣ. Оба ходили по такъ-называемой генеральской залѣ Карла XII. Густавъ III замѣтилъ, что графъ частенько посматриваетъ на одинъ портретъ. Вдругъ король обратился къ нему съ замѣчаніемъ:—«А знаете ли, кто этотъ генералъ? Это генералъ Кронстедтъ, убившій Карла XII. Историки и Вольтеръ также несправедливо обвиняли французскаго инженера Мэгре. Я вамъ покажу въ своемъ кабинетѣ неопровержимыя доказательства въ пользу моего заявленія, а также и планъ, составленный Карломъ XII

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

вмѣстѣ съ кардиналомъ Альберуи. Этотъ планъ былъ бы выполненъ, если бы Карлъ не былъ убитъ. Онъ намѣревался съ 20,000 чел. отправиться изъ Норвегіи въ Шотландію и посадить претендента на британскій престолъ».

Касательно самаго убійства Густава III, совершоннаго вечеромъ 16 марта 1792 г., Карсъ передаетъ такія подробности. Король вмѣстѣ съ оберъ-шталмейстеромъ Эссеномъ отправился въ оперный театръ, гдѣ происходилъ маскированный балъ. Тутъ въ тѣснотѣ онъ и его проводникъ внезапно были окружены цѣпью 12 черныхъ масокъ и, прежде чѣмъ они успѣли сообразить, что это могло значить, одинъ изъ заговорщиковъ Анкерстремъ всадилъ королю въ бокъ полный зарядъ изъ пистолета. Рана оказалась смертельной и черезъ 12 дней Густавъ III скончался.

Наканунѣ катастрофы, во дворцѣ, въ Стокгольмѣ, давался большой ужинъ, на которомъ былъ и графъ Карсъ. Онъ обратилъ вниманіе на то, что король подробно разспрашивалъ графа Сенъ-Пріеста, бывшаго посланникомъ въ Лиссабонѣ, объ обстоятельствахъ убіенія Іоанна V. На слѣдующій день графъ Карсъ участвовалъ на дипломатическомъ ужинѣ у графа Ревентлова, датскаго посланника. Большинство гостей уже разошлись. Оставался только графъ и англійскій посланникъ. Вдругъ вбѣжалъ въ аппартаментъ, съ измѣнившимся лицомъ, испанскій атташе Морено, который не задолго передъ тѣмъ отправился на балъ въ оперный театръ. Онъ принесъ вѣсть, что всѣ двери театра заперты и ходитъ слухъ, что злоумышленникъ смертельно ранилъ короля. Немедленно графъ Карсъ, англійскій и датскій посланники отправились въ оперный театръ. Ихъ туда пропустили, какъ представителей иностранныхъ державъ. Когда они вошли въ комнату, гдѣ лежалъ на диванѣ тяжко раненый король, Густавъ III протянулъ руку графу Карсу и сказалъ: «вотъ ударъ, который порадуетъ вашихъ якобинцевъ въ Парижѣ. Сообщите принцамъ, королю и королевѣ, что моя преданность и мои взгляды останутся неизмѣнны къ нимъ». Затѣмъ король вынулъ изъ кармана письмо и поручилъ Карсу прочесть его вслухъ. Это письмо безъ подписи король наканунѣ за ужиномъ нашелъ подъ салфеткой своего прибора, но не послушался предостереженія. Письмо было писано участвовавшимъ въ заговорѣ маіоромъ гвардіи Биліегорномъ, который хорошо зналъ, что король не обратитъ вниманія на такія предостереженія, и давалъ ему совѣтъ не ходить въ тотъ вечеръ въ оперный театръ въ тѣхъ видахъ, чтобы въ случаѣ надобности этотъ документъ могъ послужить доказательствомъ невиновности маіора.

Прежде чѣмъ явились доктора, король повелѣлъ впредь до своего распоряженія запереть всѣ ворота столицы и, увѣдомивъ о печальномъ событіи представителей державъ, просилъ ихъ не спѣшить съ оповѣщеніемъ своихъ правительствъ о случившемся. Затѣмъ, послѣ перевязки раны, его перенесли во дворецъ, причемъ его сопровождали множество дворянъ и весь дипломатическій корпусъ.

На слѣдующій день графъ Карсъ, рано утромъ, отправился во дворецъ, чтобы узнать о состояніи здоровья короля. Комната, сосѣдняя съ той, гдѣ лежалъ король, была полна посѣтителями. Въ ихъ числѣ графъ замѣтилъ прислонившагося спиной къ камину графа Риббинга. Въ ту минуту никто еще не зналъ ничего достовѣрнаго о заговорѣ и никому изъ присутствовавшихъ не приходило въ голову, что Риббингъ—одинъ изъ главныхъ участниковъ заговора. Этотъ Риббингъ вдругъ сказалъ громко: «напрасно ста-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

раются найти убійцу среди шведскихъ дворянъ, тогда какъ, вѣроятно, это—какой-нибудь французскій якобинецъ».

— Г. Риббингъ, возразилъ на это старый рубака изъ фамиліи Армфельдъ, я очень опасаюсь за то, что это какой-нибудь негодяй изъ шведской аристократіи.

Какъ разъ въ ту же минуту растворилась дверь и въ залъ вбѣжалъ начальникъ полиціи съ пистолетомъ и кинжаломъ убійцы. «Убійца въ нашихъ рукахъ! воскликнулъ онъ. Это—Анкерстремъ, онъ во всемъ сознался».

— Ну-съ, графъ Риббингъ—сказалъ Армфельдтъ—не правъ ли я былъ?

Риббингъ и послѣ такого рокового для него заявленія начальника полиціи сохранилъ полнѣйшее хладнокровіе. Ни малѣйшей перемѣны въ его лицѣ не было замѣтно.

— Король Жеромъ, принцъ Плонъ-Плонъ и принцесса Матильда. Изъ только-что напечатанныхъ «Souvenirs» барона дю Касса, бывшаго флигель-адъютантомъ вестфальскаго короля Жерома, брата Наполеона I, и зарекомендовавшаго себя въ литературѣ мемуаровъ весьма интересными изданіями касательно первой имперіи во Франціи, узнаемъ не мало любопытнаго какъ о самомъ Жеромѣ въ періодъ его старости, такъ и объ его семьѣ. Жеромъ и въ преклонныхъ лѣтахъ былъ ретивымъ поклонникомъ Амура. Этому не мѣшалъ его бракъ съ маркизой Бартолини. Онъ познакомился съ этой дамой, когда ей было уже 40 лѣтъ, и она, будучи вдовой, жила во Франціи. У нея было много денегъ, а у него—много долговъ. И вотъ эксъ-король вступилъ съ флорентинкой въ морганатическій бракъ. По обычаю коронованныхъ особъ, она за столомъ сидѣла слѣва отъ супруга. Для Жерома же она всегда оставалась «маркизой», титулъ который былъ пожалованъ ей Наполеономъ III, называвшимъ ее тетушкой.

Этотъ бракъ Жерома казался счастливѣе прежнихъ двухъ его браковъ (съ Паттерсонъ и съ принцессой Екатериной Виртембергской). Но маркиза встрѣтила себѣ опаснаго соперника въ сынѣ Жерома. Пока у Плонъ-Плонъ или, какъ его называли еще, «Краснаго принца» ничего не было и онъ могъ наполнять свои пустые карманы изъ неисчерпаемаго кошелька своей мачихи, до тѣхъ поръ онъ обращался съ ней весьма мягко. Но когда эксъ-король при второй имперіи опять сколотилъ себѣ капиталъ, Плонъ-Плонъ, одержимый необычайной жадностью, сталъ опасаться, какъ бы маркиза или кто-либо изъ ея потомства не посягнули на его наслѣдство. Онъ и задумалъ удалить маркизу отъ отца. При посредствѣ одного довѣреннаго лица онъ пригрозилъ ей, что, если она добровольно не удалится, онъ сообщитъ отцу объ ея связи съ незаконнымъ сыномъ Жерома отъ жены живописца Давида. Такъ какъ это утвержденіе было клеветой, то угроза не подѣйствовала и маркиза осталась. Тогда Плонъ-Плонъ подыскалъ себѣ желаннаго союзника въ новой страсти Жерома. Этой страстью принцъ воспользовался, какъ искуснымъ орудіемъ, чтобъ добиться изгнанія маркизы во Флоренцію.

Та же жадность, дѣлавшая принца совершенной противоположностью въ сравненіи съ расточительнымъ и щедрымъ отцомъ, вызывала въ Плонъ-Плонѣ озлобленіе на расходы Жерома. Онъ осуждалъ отца за посѣщеніе ресторановъ и парижскихъ театровъ мелкаго разбора, опасаясь его наклонности къ швырянью денегъ.

Вообще въ «Souvenirs» дю Касса Плонъ-Плонъ рисуется весьма анти-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

патичнымъ. Онъ хвастается своей смѣлостью, пока не предвидится никакой опасности, и впадаетъ въ малодушіе, когда приходится дѣйствительно чего нибудь опасаться. Онъ безсердеченъ, безчеловѣченъ и недоступенъ никакимъ великодушнымъ побужденіямъ.

Дю-Кассъ знакомитъ читателя и съ дочерью Жерома, принцессой Матильдой, которая въ его характеристикѣ представляется весьма умной женщиной и артистической натурой. Она была замужемъ за Демидовымъ, который назначилъ ей ежегодную ренту въ 200,000 франковъ. По повелѣнію императора Николая Павловича, она выдавала изъ этой ренты ежегодную пенсію въ 40,000 франковъ своему отцу, когда тотъ прожилъ свои средства. Но принцесса была скупа не менѣе своего брата. Она не могла примириться съ необходимостью платить отцу пенсію и всячески старалась освободить себя отъ такого обязательства. Предлогомъ для этого послужило назначеніе Жерома маршаломъ Франціи съ соотвѣтственнымъ окладомъ. Какъ только удалось ей склонить на это тогда еще (1 января 1849 г.) принца-президента Луи-Бонапарта, она на другой же день дала знать отцу черезъ своего повѣреннаго, что пенсія ему прекращена. Это повело къ ссорѣ отца съ дочерью. Только въ 1855 г. послѣдовало примиреніе. Въ салонѣ Наполеона III, кажется, по высочайшему повелѣнію, сошлись одновременно отецъ и дочь. Принцесса Мюратъ подвела принцессу Матильду къ отцу, который обнялъ свою дочь. Принцесса Матильда не преминула розыграть оскорбленную. «Я—сказала она—охотно все забуду, что сдѣлалъ мнѣ отецъ».

— Кстати о королѣ Жеромѣ. Слѣдующій эпизодъ, почерпнутый изъ-за кулисъ всемірной исторіи, можетъ иллюстрировать характерныя черты личности его, достойнаго его сына принца Плонъ-Плонъ или, какъ его окрестили солдаты послѣ Крымской войны, «Craint-plomb». Дѣло идетъ о декабрьскомъ переворотѣ Наполеона III. Старикъ Жеромъ, отставной король, стоялъ въ главѣ дома Инвалидовъ. Получивъ извѣстіе о переворотѣ, онъ сталъ проклинать этотъ «дурацкій переворотъ» своего племянника и трепеталъ отъ боязни утратить свое значительное жалованье и спокойное мѣсто. Жерома пугала возможность неудачи смѣлаго предпріятія. И онъ принялся розыгрывать преданнаго конституціи республиканца, завѣряя депутатовъ краснаго знамени, что будто бы никакая власть въ мірѣ не можетъ заставить его примкнуть къ неслыханной измѣнѣ принца-президента. Отъ него потребовали, чтобъ онъ открыто заявилъ объ этомъ императору. Но лукавая старая лиса съ глубокими вздохами скорбѣла о томъ, что онъ своему племяннику долженъ частнымъ образомъ 200,000 франковъ и не можетъ съ нимъ не знаться, пока не уплатитъ долга. Одинъ изъ красныхъ депутатовъ не безъ улыбки предложилъ Жерому эту сумму, чтобы уже ничто не мѣшало его разрыву съ императоромъ и чтобъ онъ могъ дать полный просторъ своимъ республиканскимъ чувствамъ. Не понявъ этого «coup de théâtre» со стороны депутата, старый Жеромъ, сердечно поблагодаривъ депутата за такое великодушное предложеніе, отказался, однако, принять послѣднее раньше, чѣмъ не посовѣтуется съ сыномъ, который въ качествѣ его наслѣдника пожелаетъ, быть можетъ, принять на себя его долгъ. Подъ такимъ нѣжнымъ предлогомъ Жеромъ немедленно уѣхалъ изъ дома Инвалидовъ къ Плонъ-Плонъ, который уже нѣсколько мѣсяцевъ по распоряженію военнаго министра былъ выселенъ изъ отцовской казенной квартиры. Его скандальный образъ жизни возбудилъ негодованіе въ обществѣ и министръ при всей

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

своей снисходительности не могъ допустить, чтобъ домъ Инвалидовъ служилъ филіальнымъ отдѣленіемъ jardin Mabile или главной квартирой для самыхъ красныхъ комунаровъ. Невдалекѣ отъ площади Инвалидовъ Жеромъ встрѣтилъ своего адъютанта, спѣшившаго къ нему съ послѣдними извѣстіями и ведшаго осѣдланную для парада лошадь принца. Впослѣдствіи Жеромъ утверждалъ, что будто бы онъ приказалъ адъютанту вернуться къ Наполеону III и объявить ему, что онъ, Жеромъ, остается вѣренъ своей присягѣ. На это молодой адъютантъ со вздохомъ сказалъ будто бы слѣдующее: «императоръ рискуетъ своей головой на смотру, надо думать, что часъ опасности соединитъ всѣхъ Наполеонидовъ». Эти слова тронули «сердце стараго солдата» (!) и Жеромъ быстро надѣлъ мундиръ и черезъ десять минутъ, къ общему удивленію, появился на конѣ рядомъ съ императоромъ. Болѣе достовѣрные свидѣтели утверждаютъ, однако, что адъютантъ не напоминалъ Жерому объ его фамильномъ долгѣ и не аппелировалъ къ героическому сердцу, а просто передалъ ему запечатанный пакетъ, содержимое котораго—значительная сумма денегъ—превратило республиканскую вѣрность Жерома въ энтузіазмъ къ императору.

Въ то время, какъ эта комедія разыгрывалась въ домѣ Ивалидовъ, принцъ Плонъ-Плонъ находился у Эмиля де-Жирардена. Еще нерѣшительнѣе своего отца, Плонъ-Плонъ совсѣмъ потерялъ голову и въ бѣшенствѣ шагалъ по картинной галлереѣ Жирардена, умоляя своего вѣрнаго ментора помочь ему выйти изъ этой засады. Жирарденъ, по его собственному увѣренію, отвѣтилъ взволнованному принцу: «Вы или должны явиться рядомъ съ императоромъ, или противъ его войскъ, на баррикадахъ (гдѣ, кстати сказать, каждому баррикадному герою платилось по 18 франковъ въ день). Середины нѣтъ, и вы, какъ и я, знаете, на чьей сторонѣ можно найти масло для хлѣба». Принцъ, какъ извѣстно, не избралъ стороны съ сухой коркой и, не смотря на свои вольныя мечтанія и кокетничанье съ красными фракціями, вдоволь смаковалъ императорское масло въ Palais Royal.

— Наполеонъ IV. Всемірная исторія знаетъ только Наполеона I и Наполеона III. Два другіе Наполеона, II-й и IV-й, представляютъ для нея третьестепенный интересъ. Въ Вѣнѣ въ Капуцинскомъ склепѣ покоится прахъ Наполеона II, котораго нѣкогда называли римскимъ королемъ и потомъ герцогомъ Райхштадтскимъ, а въ мавзолеѣ, въ Чайльгёрстѣ, въ Англіи находятся останки Наполеона IV, сына и наслѣдника Наполеона III. Ему суждено было погибнуть отъ африканскихъ дикарей, въ войнѣ съ зулусами. Исторія этого несчастнаго принца до сихъ поръ оставалась невыясненной и недавно вышедшая книга вѣрнаго слуги второй имперіи графа Эрисона «Le Prince Impérial» впервые знакомитъ съ трагическою судьбою Наполеона IV, прозывавшагося «Люлю». Эрисонъ состоялъ при императорскомъ принцѣ съ его дѣтства и разсказываетъ его біографію ab ovo.

Эрисонъ заглядываетъ прежде всего въ тѣ времена, когда еще сынъ Гортензіи только-что началъ свою карьеру претендента на французскій престолъ. Понятно, дѣло не обходится безъ любовныхъ романовъ, въ которыхъ героемъ является Луи-Наполеонъ, а героинями — разныя англійскія миссъ: Говардъ, Эмили Роболесъ, лэди Клементина Уиллисъ и, наконецъ, знаменитая филантропка Бёрдкутсъ. Всѣ эти звѣзды, однако, вскорѣ померкли передъ блескомъ новой звѣзды, взошедшей на парижскомъ небосклонѣ,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Евгеніи Монтихо. Эта дщерь Гренады вмѣстѣ съ матерью привѣтливо принималась при дворѣ новаго французскаго императора въ Компьенѣ. Молодая испанка понесла тутъ кровное оскорбленіе отъ одной дамы дипломатическаго корпуса, г-жи Фурту (Fourtou). Евгенія со слезами на глазахъ пожаловалась императору, который только-что получилъ отказъ отъ принцессы Каролы Вазы (теперешней саксонской королевы). Евгенія рѣшилась покинуть Компьенъ, такъ какъ ей нельзя разсчитывать на удовлетвореніе, но Наполеонъ III заклинаетъ ее остаться, увѣряя: «съ завтрашняго дня никто не осмѣлится оскорбить васъ». И онъ сдерживаетъ свое слово. На слѣдующій день «Moniteur» возвѣщаетъ, что Евгенія Монтихо дѣлается императрицей французовъ. Съ сказочнымъ блескомъ празднуется свадьба.

Но быстро проходятъ радости медовыхъ мѣсяцевъ и на блестящую картину жизни двора «выскочки» начинаютъ падать глубокія тѣни. Многія удовольствія молодой красавицы-императрицы, повелительницы модъ, также доставляютъ не мало непріятностей. Наконецъ, приходитъ время, когда она даритъ Франціи наслѣдника престола. Для устраненія недовѣрчивости со стороны партій, императоръ повелѣваетъ, чтобъ при разрѣшеніи отъ бремени императрицы у ложа ея находились высшіе сановники имперіи, въ томъ числѣ Фульдъ и хранитель печати Абатуччи. Они обязаны были констатировать полъ новорожденнаго. По рѣдкой игрѣ случая вышло, что оба доктора, оказывавшіе Евгеніи медицинскую помощь въ эти часы, носили тѣ же имена, какъ и доктора, присутствовавшіе при родахъ императрицы Маріи Луизы. Докторъ Корвисаръ и баронъ Дюбуа находились при рожденіи римскаго короля, докторъ Корвисаръ и баронъ Дюбуа были при рожденіи принца Луи Наполеона. 101 выстрѣлъ возвѣстилъ Парижу утромъ 16 марта 1856 года о рожденіи «ребенка Франціи». Черезъ три мѣсяца торжественно совершены были крестины. Воспріемниками были папа Пій IX, прославшій за себя кардинала Патричи, и шведская королева. Эрисонъ воздававшій военныя почести императорскому «bébé» у купели, разсказываетъ, какъ императоръ со слезами на глазахъ показывалъ новорожденнаго толпѣ. Религіозный обрядъ совершалъ парижскій архіепископъ Сибуръ, тотъ самый, который годъ спустя былъ убитъ фанатическимъ священникомъ Верже.

Едва минуло 8 мѣсяцевъ ребенку Наполеону, его уже зачислили капраломъ въ списки перваго гренадерскаго полка. Еще не сняли съ него пеленокъ, а «Люлю» показывался парижанамъ въ военной формѣ. Не разъ императоръ на смотрахъ бралъ «Люлю» къ себѣ на лошадь и войска дефилировали передъ нимъ. Маленькій принцъ росъ, но духовное развитіе его не шло рука объ руку съ физическимъ. Но вотъ насталъ 1870-й годъ, потрясшій престолъ Наполеонидовъ и обманувшій надежды молодаго принца. Графъ Эрисонъ разсказываетъ тутъ объ историческомъ крещеніи принца огнемъ при Заарбрюкенѣ. Онъ утверждаетъ, что только материнское тщеславіе Евгеніи наложило на ея сына клеймо насмѣшки. Императоръ прибавилъ къ своему бюллетеню раньше не предназначавшееся къ обнародованію описаніе того эпизода, въ которомъ «Люлю» самъ подбиралъ вражескія пули и приносилъ ихъ отцу. Придворные восторгались отвагою ребенка, а внѣ двора судили объ этомъ иначе. Черезъ два дня послѣ Заарбрюкенскихъ военныхъ операцій, разбитыя французскія войска въ смятеніи бѣжали внутрь Франціи. Императоръ теперь сталъ опасаться за участь

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

единственнаго сына и настаивалъ, чтобъ государственный совѣтъ отозвалъ его въ Парижъ. Но на этотъ разъ «государственная мудрость» Евгеніи пересилила материнскую любовь. Императрица телеграфировала своему супругу: «По соображеніямъ, излагать которыя не мѣсто въ этой телеграммѣ, я признаю желательнымъ, чтобъ Луи оставался при арміи», и 14-ти-лѣтнему мальчику пришлось остаться при арміи. Затѣмъ изъ Верденя въ Шалонъ императоръ съ сыномъ ѣдетъ въ купе третьяго класса; 27-го августа отецъ отправляется къ Седану, а сынъ—въ Мезьеръ. Едва принцъ успѣлъ отдохнуть отъ тягостной дороги, какъ получилась страшная вѣсть: «Непріятель въ 10 километрахъ отсюда», и Луи, разбуженный ночью, полуодѣтый, снова обращается въ бѣгство.

Потомъ настаютъ дни Чайльзгерстскаго изгнанія отца, матери и сына. Въ январѣ 1873 года Наполеонъ III умираетъ. Его завѣщаніе, составленное въ 1865 году, дѣлаетъ Евгенію полной наслѣдницей всего и сынъ совершенно устраняется отъ наслѣдства. Наполеонъ III тогда разсчитывалъ, что его сыну достанется престолъ Франціи и «liste civile» въ 40 милліоновъ франковъ. Принцъ Луи поступаетъ англійскимъ кадетомъ въ Вульвичъ, выдерживаетъ экзамены съ отличіемъ, считается джентльмэномъ въ кругу своихъ товарищей, но все еще страдаетъ отъ укоровъ ихъ въ томъ, что у него нѣтъ личнаго мужества.

Тутъ вскорѣ ему представился случай показать міру, что онъ обладаетъ военными доблестями и что въ жилахъ его течетъ кровь Наполеонидовъ. Поднимается война въ странѣ зулусовъ. Многіе изъ товарищей принца Луи идутъ подъ знаменемъ лорда Чельмсфорда на поле битвы противъ кафрскаго короля Четевайо и принцъ получаетъ дозволеніе отъ матери показать свою храбрость въ дебряхъ Африки. Его путь лежалъ мимо того острова, къ которому британцы приковали заживо Прометея XIX-го столѣтія, и не безъ основанія Эрисонъ замѣчаетъ, что если бы старая скала острова св. Елены могла говорить, она сказала бы: «Люди забываютъ легче, чѣмъ мы, камни». Спустя нѣсколько недѣль—1-го іюля 1879 года—принцъ подвергся нападенію зулусовъ. Его конвой подъ начальствомъ Каррея обратился въ бѣгство и послѣ геройской обороны «дитя Франціи» былъ убитъ зулусами, нанесшими ему 18 ранъ.

— Дамская война новѣйшаго времени. Пьеръ де Лано, печатающій въ «Figaro» своего рода исторію бывшей императрицы Евгеніи, въ послѣднемъ этюдѣ очерчиваетъ роль ея относительно трагически окончившейся мексиканской экспедиціи. Онъ утверждаетъ и можетъ доказать, что война съ Мексикой и отправка императора Максимиліана были дѣломъ Евгеніи и княгини Меттернихъ. Финансовый вопросъ и честолюбіе, конечно, играли тутъ роль, но руководящей личностью была Евгенія. Уже давно, разсказываетъ де Лано, императрица и княгиня Меттернихъ придумывали способъ заставить Австрію позабыть о войнѣ 1859 года и наложить пластырь на итальянскую рану. Наконецъ, онѣ напали на мысль сдѣлать брата австрійскаго императора императоромъ Мексики. Евгенія при этомъ мечтала сразу убить двухъ зайцевъ, ибо, какъ истая испанка, она ненавидѣла мексиканцевъ. Въ заговорѣ участвовали князь и княгини Меттернихъ, мексиканскій посланникъ Гидальго, г-жа д'Арко и другіе. «Заговорщики» совѣщались въ одной виллѣ близъ Парижа, куда императрица каждый разъ отправлялась въ домино. Всѣ они были воодушевлены мыслью доставить императорскую

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

корону рыцарскому эрцгерцогу и его плѣнительной супругѣ Шарлоттѣ. Гидальго увѣрялъ непрестанно, что мексиканцы восхищены этимъ планомъ. Князь Меттернихъ поставилъ себѣ задачей побѣждать какое бы то ни было противодѣйствіе со стороны Австріи въ данномъ случаѣ, а ужъ склонить на сторону проекта императора Наполеона III Евгенія взяла на себя. О французскихъ министрахъ она мало заботилась, когда рѣчь шла о выполненіи ея воли. Какъ видно изъ напечатаннаго въ «Figaro» письма князя Меттерниха, вѣнскій дворъ очень холодно отнесся къ этой затѣѣ, но князь увѣрялъ, что онъ не успокоится, пока не достигнетъ своей цѣли. И дѣйствительно, «заговорщики» въ концѣ концовъ добились своего. Двѣ дамы добились войны съ Мексикой, а Максимиліанъ и Шарлотта сдѣлались императоромъ и императрицей. Финалъ извѣстенъ. 19 іюня 1867 г. Максимиліанъ былъ разстрѣленъ мексиканскими республиканцами. Объ этомъ финалѣ де Лано разсказываетъ слѣдующій эпизодъ, до сихъ поръ оставшійся неизвѣстнымъ.

Императрица Шарлотта поспѣшила въ Парижъ, чтобъ вымолить помощь своему супругу, заключенному въ Кверетарѣ. Она явилась въ Сенъ-Клу къ Наполеону III и Евгеніи. Весь дворъ былъ налицо. Она имѣла жалкій видъ. Вдругъ она встала съ своего мѣста, и съ нерѣшительнымъ жестомъ попросила пить. Наполеонъ самъ поспѣшилъ подать стаканъ воды съ примѣсью оранжеваго сиропа. Шарлотта схватила стаканъ и пристально посмотрѣла на него. Затѣмъ она устремила свой взоръ на того, кто поднесъ ей стаканъ. Судорожная дрожь пробѣжала по ея тѣлу и съ миной ужаса и отвращенія она отстранила стаканъ. Затѣмъ она сдѣлала шагъ назадъ, и, какъ бы разгоняя воздухъ руками, произнесла глухимъ голосомъ: «вы хотите меня отравить; вы хотите меня отравить!» Всѣ оцѣпенѣли. Это былъ первый припадокъ помѣшательства, поразившаго красавицу Шарлотту. Затѣмъ она опять пришла въ себя и могла успокоиться. Помощи ей не подалъ никто. Изъ Сенъ-Клу она поспѣшила къ папѣ въ Римъ. Тамъ съ нею случился второй припадокъ. Ея «idée fixe» опять вернулась къ ней: «меня хотятъ отравить». Папа былъ вынужденъ пробовать всѣ кушанья, подававшіяся ей. Однажды, ночью, Шарлотта пыталась силой ворваться къ кардиналу Антонелли. Мало-по-малу припадки стали повторяться чаще и продолжительнѣе, и наконецъ, полное безпросвѣтное помѣшательство овладѣло несчастной, которая явилась одной изъ несчастнѣйшихъ жертвъ этой злополучной «дамской войны», какъ можно назвать мексиканское приключеніе, на основаніи разоблаченій де Лано.

— Наполеонъ I на охотѣ. Наполеонъ I, такъ хорошо умѣвшій обращаться съ оружіемъ въ чужихъ рукахъ, самъ былъ весьма плохимъ стрѣлкомъ. Увѣряютъ, что изъ ружья онъ въ тридцати шагахъ не могъ попасть въ быка. Тѣмъ не менѣе онъ ѣздилъ на охоту, такъ какъ считалъ ее царственнымъ развлеченіемъ, полезнымъ для здоровья. Самъ онъ галопировалъ, а егеря его травили звѣря. Императоръ подъѣзжалъ рѣдко подстрѣливать загнаннаго въ засаду звѣря. Однажды, близъ Фонтэнбло, собаки аттаковали оленя. Императора и его свиты не было вблизи. Собаки стали уже выбиваться изъ силъ, и егеря находились въ большомъ затрудненіи. Если бы они убили оленя, императоръ навѣрное остался бы недоволенъ, а за обезсиливаніе собакъ пришлось бы поплатиться передъ оберъ-егермейстеромъ.

— Не видали императора? Гдѣ императоръ?—спрашивали другъ друга охотники.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Онъ уѣхалъ, сказалъ кто-то изъ нихъ. Я видѣлъ, какъ онъ галопировалъ по направленію къ Фонтэбло.

Тутъ старшій егерь рѣшился убить оленя. Но едва это было сдѣлано, какъ въ концѣ аллеи показалась группа всадниковъ.

— Вотъ те и на! вскликнулъ одинъ изъ егерей, вѣдь это императоръ съ свитой.

— Постойте-ка, нашелся старый егерь, онъ вѣдь ничего не понимаетъ въ охотѣ.

Съ этими словами онъ прыгнулъ въ кусты, срѣзалъ двѣ вѣтви въ видѣ вилъ, воткнулъ ихъ въ землю и поставилъ между ними оленя такъ, что онъ казался живымъ. Собаки съ лаемъ окружили убитаго оленя, и въ это время Наполеонъ появился на площадкѣ. Онъ слѣзъ съ лошади, взялъ ружье и выстрѣлилъ. Лучшая собака изъ свиты упала замертво.

— Государь, олень убитъ!—сообщилъ егерь.

— Еще бы! Объ этомъ и докладывать нечего, — гордо отвѣтилъ Наполеонъ, сѣлъ на коня и поскакалъ обратно въ Фонтэнбло.

Примѣчаніе. Г. Губастовъ прислалъ намъ изъ Вѣны указанія на маленькія неточности въ замѣткѣ «Новѣйшая Антигона», помѣщенной въ «Историческихъ мелочахъ» въ ноябрьской книжкѣ. Охотно печатаемъ указанія г. Губастова, хотя неточности принадлежатъ не намъ, а тому французскому источнику, изъ котораго мы заимствовали эту замѣтку.

«Утвержденіе, что дочь Маріи Антуанеты до сихъ поръ не имѣетъ своей біографіи, невѣрно (пишетъ г. Губастовъ). Во французской біографической литературѣ существуетъ слѣдующее сочиненіе: «A. Nettement. Marie-Therese de France. 2 vol. Paris. 1864. 2-me edit. (первое изданіе этой книги появилось въ концѣ 40-хъ годовъ). Сочиненіе это очень полная, обстоятельная и прекрасно составленная біографія несчастной принцессы.

«Кромѣ того, въ замѣткѣ говорится, что послѣдней резиденціей дочери Маріи Антуанеты былъ Фросдорфскій замокъ близъ новой части Вѣны. Здѣсь она умерла 15 октября, 1851 года.

«Принцесса умерла 28-го октября 1851 года. Маленькая деревня Фросдорфъ и замокъ того же имени находятся въ провинціи Нижняя Австрія (Nieder Osterreich) въ 8 километрахъ разстоянія отъ большого города Wiener Neustadt, который лежитъ въ 50 километрахъ отъ Вѣны. Въ замкѣ этомъ жила нѣкоторое время вдова Мюрата. Въ 20-хъ годахъ этого столѣтія замокъ былъ пріобрѣтенъ бывшимъ фаворитомъ Екатерины II, Александромъ Петровичемъ Ермоловымъ, который, перейдя въ католичество, проживалъ въ Австріи и умеръ здѣсь въ 1836 году. Въ 1842 году герцогиня Ангулемская купила Фросдорфскій замокъ у наслѣдниковъ Ермолова. Въ стѣнахъ охотничьяго дома, близъ замка, есть доска, на которой еще сохранилось имя его русскаго владѣльца».

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Критическое отношеніе французскихъ писателей къ русскимъ.—Эпикуреизмъ и пессимизмъ, какъ два направленія французской литературы.—Аскетизмъ гр. Толстого и Достоевскаго. — Новый разсказъ Л. Н. Толстого въ англійскомъ журналѣ. — Послѣсловіе къ «Крейцеровой сонатѣ» въ оцѣнкѣ нѣмецкой критики.— Три русскихъ грамматики на англійскомъ языкѣ.—Неаполитанская героиня. — Бразильскій императоръ въ гостяхъ у Виктора Гюго.

МЫ ГОВОРИЛИ уже въ іюльской книжкѣ «Историч. Вѣстника» о статьѣ Жана Гонсе, отъискавшаго въ современной русской литературѣ преобладающее понятіе о грѣхѣ и о страданіи человѣчества. Причину этого страданія писатели наши, по мнѣнію французскаго критика, видятъ въ антагонизмѣ голоса совѣсти и фатализма, въ противорѣчіи естественныхъ или соціальныхъ условій жизни и невозможности осуществить идеалъ справедливости и счастія. Эту борьбу стремленій духа съ реализмомъ ни одна литература не изобразила съ такою правдою, съ такимъ драматическимъ интересомъ и гуманнымъ чувствомъ, какъ современная русская беллетристика. Поэтому ее встрѣтили съ такимъ энтузіазмомъ во Франціи, мало склонной къ моральному анализу. Но теперь Гонсе находитъ, что энтузіазмъ этотъ значительно охладѣлъ, критика обратилась къ другимъ источникамъ и «Ибсенъ готовъ замѣнить Толстого». Причину этого Гонсе видитъ въ плохихъ переводахъ слабыхъ произведеній Достоевскаго и Толстого и во второй статьѣ своей «Филантропическій аскетизмъ въ русской литературѣ» (L'ascetisme philantropique dans la littérature russe) говоритъ прямо: французы начали теперь понимать, что существуетъ несовмѣстимость (incompatibilité) между ихъ національнымъ характеромъ, быстрымъ въ дѣйствіи, стремящемся къ ясности, и между утопическимъ, химерическимъ и смутнымъ умомъ этихъ болѣе или менѣе явныхъ апостоловъ гуманитарнаго нигилизма. Они не довольствуются тѣмъ, что изучаютъ человѣка и сострадаютъ объ немъ: они хотятъ излечить его, а лекарство это очень горь-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

кое и пользы не приноситъ. Гонсе и доказываетъ это въ своей статьѣ, но нельзя сказать, чтобы доводы его были ясны и убѣдительны. Но все, что онъ говоритъ о французской литературѣ нашего времени совершенно вѣрно. Онъ видитъ въ ней два направленія: эпикуреизмъ, открыто проповѣдуемый Мопассаномъ и пессимизмъ, представителемъ котораго является Зола. «Умъ нашъ, говоритъ Мопассанъ, не можетъ ничего ни знать, ни понимать, ни открывать, иначе какъ посредствомъ чувствъ, единственныхъ посредниковъ между нами и вселенной». Изъ этого слѣдуетъ, что долгъ, совѣсть — слова, неимѣющія значенія, такъ какъ въ чувствѣ нѣтъ ихъ источника. Человѣкъ долженъ пользоваться всѣми наслажденіями, какія существуютъ въ природѣ. Другой любви, кромѣ физической, Мопассанъ не понимаетъ. Конечно его эпикуреизмъ помрачается по временамъ мыслями о страданіяхъ старости, конечномъ уничтоженіи, но онъ относится къ нимъ съ юмористическимъ пренебреженіемъ или пантеистическою философіей. Совсѣмъ иначе смотритъ на человѣчество Зола. Онъ впадаетъ мѣстами въ идеалы только въ своихъ первыхъ романахъ, но въ послѣднихъ—проклинаетъ физическую любовь и всѣ тѣлесныя побужденія, какъ гр. Толстой въ своей «Крейцеровой сонатѣ». Главное свойство человѣка все-таки — звѣрство, животненность, что такъ логично доказываетъ Зола въ своемъ, «Bête humaine». Въ «Жерминалѣ» онъ говоритъ прямо: «эти нигилисты могутъ разрушить общество и устроить новое, но они не прибавятъ ни одной радости человѣчеству, не избавятъ его ни отъ одного страданія». Дальше онъ говоритъ уже совершенно въ духѣ Гартмановскаго ученія о нирванѣ: «лучше всего не быть вовсе, а ужъ если быть, то скорѣе деревомъ, камнемъ, даже песчинкой, которую не можетъ раздавить нога прохожаго». И такъ съ одной стороны аристократическій эпикуреизмъ, замѣняющій нравственность гигіеной, а этику эстетикой, съ другой—пессимизмъ, все презирающій и безнадежный,—такова современная литература во Франціи по сознанію самихъ французовъ. Обратить человѣчество на лучшій путь задумали русскіе писатели. Избавить человѣчество отъ страданій они думаютъ посредствомъ отреченія отъ земныхъ благъ, аскетизмомъ. Главный проповѣдникъ этого ученія Достоевскій. Въ своихъ произведеніяхъ онъ не разъ заявляетъ въ высокопарныхъ фразахъ, что физическое страданіе, добровольно на себя принятое, имѣетъ мистическое дѣйствіе, заставляя забыть страданіе душевное: оно закаляетъ человѣка, дѣлаетъ его недоступнымъ требованіямъ невозможнаго идеала и упрекамъ совѣсти. Въ «Мертвомъ домѣ», въ «Преступленіи и Наказаніи», въ «Идіотѣ» физическое страданіе является искупительнымъ элементомъ. У Л. Толстого, во всѣхъ его романахъ, проведена идея добровольнаго отреченія отъ всѣхъ благъ жизни; надо отказаться отъ всѣхъ завоеваній разума, отъ цивилизаціи, наукъ, искусства, прогреса. Только слѣпая вѣра простодушныхъ, необразованныхъ дѣтей природы даетъ смыслъ существованію. Надо отказаться отъ судовъ, потому что всякое наказаніе есть насиліе, а зло нельзя излечить зломъ («Моя религія»), отказаться отъ богатства, потому что собственность порождаетъ кражу, бѣдность, убійство, удалиться въ деревню, самому печь хлѣбъ и шить себѣ сапоги («Что дѣлать?») отказаться отъ отечества, такъ какъ раздѣленіе на національности ведетъ за собой войну, наконецъ въ «Крейцеровой сонатѣ» онъ требуетъ отреченія отъ брака, такъ какъ сближеніе между разными полами ведетъ къ безнравственности. Французскій критикъ считаетъ излишнимъ опровергать этотъ мистическій бредъ романиста,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

считающаго себя апостоломъ и заимствовавшаго свои идеи у пессимиста Шопенгауера и раскольниковъ Сутаева и Бондарева. Цитаты, взятыя у нѣмецкаго философа, доказываютъ тожество его взглядовъ съ теоріями Л. Толстого. Прогресъ вовсе не ведетъ къ страданію; въ людскихъ бѣдствіяхъ виновато неустройство нашихъ общественныхъ условій, еще далеко не установившихся. Въ любви есть чувственная сторона, но есть и сторона идеальная. Цвѣтокъ живетъ не однимъ корнемъ погруженнымъ въ грязную землю, для развитія его нуженъ солнечный свѣтъ, роса, чистый воздухъ. Аскетизмъ Толстого сходится съ эпикуреизмомъ Мопассана: одинъ уничтожаетъ душу, другой тѣло. Пессимизмъ дѣлаетъ человѣка—звѣремъ, аскетизмъ—машиной. Если дерево не приноситъ хорошихъ плодовъ, его не срубаютъ, а стараются искусною прививкою сдѣлать его плодотворнымъ.

— Общее осужденіе идей, высказанныхъ гр. Толстымъ въ его «Крейцеровой сонатѣ» было такъ единодушно, что авторъ отступился отъ крайнихъ выводовъ относительно брака и въ октябрьской книжкѣ журнала «Forthnightly Review» напечаталъ новый разсказъ подъ заглавіемъ «Трудись, такъ какъ вамъ данъ свѣтъ» («Work, while you have light»), гдѣ приводитъ исторію изъ царствованія Траяна. Въ городѣ Тарсѣ живетъ молодой римлянинъ Юлій. Воспитанный въ языческихъ понятіяхъ, онъ проводитъ время въ пьянствѣ, игрѣ и развратѣ. Все это скоро ему надоѣдаетъ и онъ по совѣту философа женится на богатой и красивой дѣвушкѣ. Сдѣлавшись примѣрнымъ и всѣмъ уважаемымъ гражданиномъ, онъ недолго ведетъ и этотъ родъ жизни. Старый товарищъ—Памфилій уговариваетъ его принять христіанство. Юлій не соглашается, потому что «христіанство отвергаетъ бракъ, любовь и распространеніе рода». Памфилій отвѣчаетъ, что хотя христіане не имѣютъ прямой цѣлью распространеніе человѣческаго рода, но любовь краеугольный камень ихъ ученія и они не запрещаютъ бракъ, а напротивъ поощряютъ его. Только ихъ бракъ основанъ на братской любви, а не на плотскомъ чувствѣ. Юлій замѣчаетъ, что такая теорія противорѣчитъ человѣческой природѣ, а Памфилій доказываетъ, что она соотвѣтствуетъ раціональной природѣ человѣка, и совершенно возможно, подчинивъ животные инстинкты высшимъ стремленіямъ, воспитать въ себѣ такое чувство къ женщинамъ, какое люди питаютъ къ своимъ сестрамъ. Въ этихъ словахъ видна прямая уступка противобрачнымъ теоріямъ «Сонаты». Но и тутъ, создавая условную теорію любви, Толстой думаетъ перевоспитать человѣчество и весь строй его не только соціальной, но и духовной жизни. Болѣзненный духъ писателя, потерявшаго подъ собою почву, не понялъ, что духовная жизнь создается не только волею и разумомъ человѣка, но и инстинктами человѣческой природы, а ее переработать нельзя. Человѣкъ, воспитанный въ отвлеченныхъ тенденціяхъ, руководящихъ имъ вмѣсто естественныхъ побужденій натуры, былъ бы механической машиной. Человѣкъ можетъ мѣнять свои убѣжденія, но природа остается неизмѣнной, и не онъ даетъ ей законы, а она ему. Профильтрованная любовь, рекомендованная Толстымъ, также противоестественна, какъ и безбрачіе. Внѣ плотской любви не можетъ быть ни брака, ни распространенія рода, потому что это законъ природы и его не уничтожатъ никакіе софизмы.

— Въ Германіи выходитъ уже 59-ый годъ еженедѣльный критическій журналъ «Магазинъ для внутренней и иностранной литературы». Долгое время онъ занимался только послѣднею, такъ какъ для анализа отечествен-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ныхъ произведеній существуетъ много другихъ періодическихъ изданій, но потомъ какой-то патріотъ расширилъ программу журнала, не сдѣлавшагося однако отъ этого лучше. Въ послѣднее время были въ немъ большія перемѣны. Много лѣтъ выходилъ онъ въ Лейпцигѣ подъ редакціею какого-то Германа Фридрихса, но въ 1888 году редакторомъ явился даровитый, хотя эксцентрическій публицистъ Карлъ Блейбтрей и журналъ былъ перенесенъ въ Дрезденъ. Въ прошломъ году его редактировалъ Вольфгангъ Кирхбахъ, въ нынѣшнемъ — мало извѣстная личность Шлибенъ, затѣмъ короткое время — Штёссель и Рейсвицъ. Наконецъ, съ октября нынѣшняго года журналъ совершенно преобразовался подъ новою редакціей Нейманнъ-Гофера, сдѣлался просто «Магазиномъ литературы» (Das Magazin für Litteratur) и переѣхалъ изъ Дрездена въ Берлинъ. О послѣдней перемѣнѣ нельзя не пожалѣть, такъ какъ въ Саксоніи еще можно было высказывать кое-какую опозицію прусскимъ тенденціямъ, а въ Берлинѣ объ этомъ нечего и думать. Но и подъ новою, какъ подъ старою редакціею, журналъ относится всегда съ интересомъ къ Россіи, сообщая довольно вѣрныя свѣдѣнія о ея выдающихся литературныхъ явленіяхъ. Такъ въ первомъ же № 40, вышедшемъ въ Берлинѣ, редакторъ Н. Гоферъ написалъ статью «Послѣсловіе Толстого къ Крейцеровой сонатѣ» («Tolstojs Nachwort zur Kreutzer-Sonate»), носящую еще и другой заголовокъ «Самооправданіе» («Selbstrechtfertigung») Авторъ говоритъ прямо, что произведеніе достопочтеннаго русскаго апостола возбуждавшее такое впечатлѣніе въ Европѣ, доставило ему гораздо болѣе противниковъ чѣмъ приверженцевъ. Нѣмецкій критикъ приводитъ даже не совсѣмъ учтивое мнѣніе Зола, сказавшаго, что у русскаго писателя «маленькая трещина въ головѣ» (une petite fêlure à la tête). Но осужденіе европейской критикою его произведенія не понравилось Толстому, и онъ объявилъ, что представилъ не «ѣдкую сатиру» и не «циническую карикатуру» брака, а исповѣдь истиннаго христіанина. Самозащита была однако весьма неудовлетворительна. Въ графѣ Толстомъ, прославлявшемъ въ своихъ романахъ любовь и семейную брачную жизнь, а теперь подъ старость называющемъ любовь нехристіанскимъ чувствомъ, а бракъ грѣховнымъ учрежденіемъ, всѣ видятъ по меньшей мѣрѣ отступника, если не тронувшагося, озлобленнаго пессимиста. И все-таки, заканчиваетъ Гоферъ: надо уважать человѣка, не принимая его теорій и не раздѣляя ихъ. Въ такомъ случаѣ уваженіе можетъ относиться къ прошлому писателя, но не къ его настоящему, къ романисту и великому художнику, а не къ «пророку Ясной Поляны» и апостолу неосуществимыхъ теорій.

— Англичане повидимому принялись очень усердно за изученіе русскаго языка. Въ одно время появилось четыре новыхъ русскихъ граматики. Одна изъ нихъ составлена извѣстнымъ Морфилемъ (A grammar of the russian language) и критикъ «Атенеума» сравниваетъ съ открытіемъ Америки появленіе законовъ языка, обладающаго самыми богатыми, идіоматическими формами. Ни въ какомъ европейскомъ языкѣ, неисключая нѣмецкаго, нѣтъ такого правильнаго, научнаго синтаксиса, какъ въ русскомъ. Критикъ упрекаетъ Ломоносова за составленіе русской граматики по образцу латинской (буквальный переводъ этой фамиліи, прибавляетъ съ важностью авторъ, значитъ: сынъ ломателя носовъ. Откуда онъ взялъ такую этимологію? тогда какъ наши Кривоносовы и Ломоносовы обладали просто не прямыми носами). Въ видахъ нашихъ глаголовъ критикъ видитъ величайшую трудность

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

для изученія, отсутствіе правилъ, даже безсмыслицу, и находитъ, что граматика Морфиля для самихъ русскихъ доступнѣе и яснѣе граматикъ Кирпичникова и Говорова. Другую разговорную граматику (Russian conversation grammar) составилъ Александръ Кинлохъ. Здѣсь помѣщены общеупотребительныя фразы, діалоги, словарь обыденныхъ словъ. Но странно, что главные разговоры касаются военныхъ дѣлъ: будетъ ли война, сколько убито солдатъ, гдѣ непріятель, куда направился отрядъ? и т. п., точно книга издана не съ мирною цѣлью изученія языка, а для похода въ непріятельскую землю.—Какой-то Піетро Мотти издалъ разомъ двѣ граматики: одну разговорную, для общаго употребленія (Russian conversation grammar for general use) другую—элементарную (Elementary russian grammar) обѣ книги составлены не съ научной, а съ практической цѣлью: въ нихъ много переводовъ съ русскаго на англійскій языкъ и обратно, изъ Тургеневскихъ «Записокъ охотника», книги Мекензи Уоллеса о Россіи и др. Но и здѣсь, въ разговорахъ преобладаютъ фразы о военномъ дѣлѣ: добываніе лоцмановъ и проводниковъ для отрядовъ, отъисканія лазутчиковъ и т. п. Любопытно, что даже въ своихъ учебникахъ англичане настраиваются на воинственный тонъ, какъ только дѣло касается Россіи.

— Италія очень усердно изучаетъ свою исторію и въ особенности эпизоды борьбы съ иноземнымъ владычествомъ, въ лицѣ австрійскихъ эрцгерцоговъ и своихъ собственныхъ домашнихъ тирановъ, въ родѣ неаполитанскихъ Бурбоновъ. Молодой писатель Бенедетто Кроче, переводчикъ Эразма Роттердамскаго и авторъ критическаго этюда «Гётевскіе образы» (Figurine goethiane) издалъ монографію «Луиза Санфеличе и заговоръ Беккеровъ» (Luisa San Felice et la congiura dei Baccher). Объ этой героинѣ неаполитанской революціи съ восторгомъ отзывался Коллета, авторъ исторіи Неаполя, самъ участвовавшій въ послѣднихъ возстаніяхъ противъ Бурбонскаго владычества. Адольфъ Шакъ сдѣлалъ ее героинею своего романа «Неаполитанскіе республиканцы». Рихардъ Фоссъ написалъ изъ ея жизни трагедію, получившую даже премію въ Германіи. О Луизѣ писалъ и Дюма-отецъ, но Кроче доказываетъ, что всѣ эти историки и романисты представили не совсѣмъ вѣрную характеристику героини. Луиза Санфеличе не была вдохновенной воительницей за свободу и не принимала особенно дѣятельнаго участія въ попыткахъ своего отечества освободить его отъ ненавистнаго ига Бурбоновъ, какъ Элеонора Фонсека Пиментель, издательница «Monitore Napolitano», павшая первою жертвою мстительности Бурбоновъ. Луиза Молина была замужемъ за Санфеличе, отраслью дома герцоговъ Агрополи, но не жила съ мужемъ. 35-ти лѣтъ, она была еще красавицей и у нея было много поклонниковъ. Между ними капитанъ Баккеръ былъ членомъ заговора, имѣвшаго цѣлью вернуть Бурбоновъ въ Неаполь. Луиза знала о заговорѣ и сообщила объ немъ республиканцамъ. Элеонора Пиментель называла ее, въ своемъ журналѣ, матерью и спасительницею отечества. Этого было достаточно для Бурбоновъ, когда они вернулись въ Неаполь подъ защитою Нельсона и англійскаго флота и принялись казнить своихъ противниковъ. Луизу приговорили къ смерти. Докторъ Виллари хотѣлъ спасти ее и объявилъ, что она беременна, но казнь только отложили, такъ какъ король Фердинандъ считалъ Луизу главною виновницею того, что заговоръ Баккеровъ не удался и самъ капитанъ погибъ въ возстаніи. Напрасны были просьбы Маріи Клементины, жены наслѣдника престола о

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

помилованіи. Луизу отвезли въ цѣпяхъ въ Палермо, гдѣ продержали нѣсколько мѣсяцевъ въ тяжеломъ заключеніи. Наконецъ 11-го сентября 1799 года ей отрубили голову на Торговой площади города. Палачъ только-что положилъ голову своей жертвы подъ топоръ гильотины, когда въ толпѣ окружавшей эшафотъ раздался выстрѣлъ. Испугавшись народнаго возстанія, палачъ опустилъ топоръ, разрубившій плечо и половину шеи несчастной. При яростныхъ крикахъ возмущеннаго народа, палачъ бросился къ Луизѣ и своимъ ножемъ отрѣзалъ остальную часть шеи у головы. Солдатъ, выстрѣлившій нечаянно у эшафота, былъ приговоренъ къ наказанію шпицрутенами, восемь разъ сквозь строй и затѣмъ къ 15-ти лѣтней каторгѣ, но ни одинъ изъ сослуживцевъ его не захотѣлъ быть палачомъ своего товарища — черта любопытная, если вспомнить, что еще полвѣка спустя шпицрутены процвѣтали во всѣхъ арміяхъ.

— Бывшій бразильскій императоръ домъ-Педро д'Алькантара повидимому окончательно поселился въ Парижѣ, который онъ очень любитъ, и часто посѣщалъ во время своего царствованія. По поводу одного изъ такихъ посѣщеній Даніель Белле разсказываетъ, въ «Revue bleue», любопытный анекдотъ о сношеніяхъ императора съ Викторомъ Гюго (L'empereur du Bresil chez Victor Hugo). Домъ-Педро всегда высоко цѣнилъ покойнаго поэта и желалъ съ нимъ познакомиться лично, что и исполнилъ въ 1877 году. Обстоятельства этихъ свиданій никогда не были обнародованы, и поэтъ не хотѣлъ, чтобы они явились въ печати при его жизни. Теперь вотъ какъ сообщаютъ объ нихъ по разсказу Луи Блана. Въ маѣ 1877 года въ домѣ поэта, на Эйлауской аллеѣ, явился адъютантъ императора и, послѣ первыхъ комплиментовъ, объявилъ, что Педро II желалъ бы видѣть поэта и прислалъ узнать, не можетъ ли Гюго явиться въ отель, гдѣ остановился императоръ. Гюго отвѣчалъ, что онъ польщенъ желаніемъ, выраженнымъ его величествомъ, но сожалѣетъ, что не можетъ исполнить этого желанія, такъ какъ принялъ за правило не ходить ни къ кому, не имѣя возможности видѣть всѣхъ, кого бы онъ хотѣлъ. Отказъ былъ категорическій и адъютанту оставалось только удалиться, но онъ вернулся на другой же день съ вопросомъ: Въ случаѣ, если императоръ первый сдѣлаетъ визитъ Виктору Гюго, возвратитъ ли поэтъ этотъ визитъ?—Мнѣ право совѣстно, возразилъ поэтъ, отвѣчать такъ дурно на такое лестное вниманіе. Поблагодарите его величество за честь, которую онъ хотѣлъ оказать моему дому, но передайте ему, что недавно у меня былъ баварскій король и я не отдалъ ему визита— по принципу я считаю невозможнымъ сдѣлать исключеніе для Донъ Педро. Послѣ такого недипломатическаго отказа казалось должны были кончиться всѣ попытки личнаго сближенія поэта съ императоромъ, но Педро II былъ настойчивъ и адъютантъ явился опять черезъ нѣсколько дней. «Императоръ, сказалъ онъ, не хочетъ уѣхать изъ Парижа, не увидя перваго поэта Франціи. Нельзя ли устроить встрѣчу на нейтральной почвѣ? Гюго бываетъ въ сенатѣ; его величество отправится въ Версаль — и они могутъ встрѣтиться гдѣ-нибудь въ коридорахъ, или въ залахъ.— На этихъ условіяхъ свиданіе совершенно возможно, отвѣчалъ поэтъ: пусть его величество назначитъ день и часъ и я встрѣчу его въ Версали». Казалось, все устроилось къ лучшему, но тутъ произошелъ правительственный переворотъ 16-го мая, засѣданія палаты и сената были закрыты на время. Поэтъ, не считая возможнымъ свиданіе въ пустыхъ залахъ Версаля, думалъ, что оно

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

уже не состоится, но явился опять адъютантъ съ вопросомъ: «Когда можно будетъ видѣть завтра поэта, которому одно лицо желаетъ сдѣлать визитъ?» Гюго отвѣчалъ, что онъ съ 9-ти часовъ утра будетъ къ услугамъ посѣтителя и на другой день, ровно въ 9 часовъ, посѣтитель явился. Поэтъ провелъ его въ свой кабинетъ и они провели утро въ самой интимной бесѣдѣ, какъ старые друзья. Императоръ отдѣлалъ Мак-Магона, сбиравшагося произвести переворотъ въ пользу легитимизма. Отъ политики перешли къ семейнымъ дѣламъ; у обоихъ были внуки. Донъ-Педро захотѣлъ видѣть маленькую Жанну. Гюго привелъ ее и императоръ попросилъ ее поцѣловать его, какъ цѣлуетъ своего дѣда. Потомъ, онъ взялъ на колѣни Жоржа. — «Припомни, сказалъ ему поэтъ, что тотъ, кто теперь ласкаетъ тебя, государь огромной имперіи и носитъ титулъ его величества». — «Нѣтъ, мой мальчикъ, возразилъ императоръ, припомни лучше то, что я скажу тебѣ: гдѣ бы и съ кѣмъ бы ты ни былъ вмѣстѣ съ твоимъ дѣдомъ, знай, что нѣтъ другого величія кромѣ его генія». Гюго хотѣлъ поднести ему свою послѣднюю книгу: «Искусство быть дѣдомъ»; императоръ остановилъ его и прочелъ наизустъ первое стихотвореніе изъ этого сборника, но принялъ съ тѣмъ книгу, чтобы поэтъ написалъ на ней: «Викторъ Гюго — своему другу, донъ-Педро д'Алькантара». Потомъ онъ распросилъ поэта о его образѣ жизни и узнавъ, что онъ свободенъ только во время обѣда, къ которому собираются всегда нѣсколько человѣкъ близкихъ друзей, просилъ позволенія явиться когда-нибудь, въ числѣ ихъ къ 8-ми часамъ, что и исполнилъ дня черезъ три. Обѣдъ прошелъ очень весело и непринужденно, въ обществѣ Вакери, Эдуарда Локруа, Камилля Пеллетана, Эрнеста Лефевра. Прощаясь съ императоромъ, поэтъ сказалъ ему: «мнѣ и моимъ друзьямъ, остается только пожелать, чтобы остальные государи не походили на ваше величество». — «Отчего же это?» спросилъ донъ-Педро. — Оттого, что тогда мы не могли бы осуждать ихъ и они только замедлили бы наступленіе эпохи всемірной республики».

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Разрывъ-трава [1]).

ВЪ КАНЦЕЛЯРІЮ Сенатскаго Правленія въ Москвѣ 15-го іюня 1715 года явился, Воротынскаго уѣзда, деревни Орѣшковой, монастырскій крестьянинъ Ларіонъ Ѳедотовъ и подалъ начальнику канцеляріи, стольнику Юрію Ѳедоровичу Шишкину, доносъ, въ которомъ заявилъ, что нѣсколько времени тому назадъ ему пришлось слышать отъ одного крестьянина, будто онъ знаетъ погребъ, а въ погребѣ сокровища. По словамъ доноса, крестьянинъ самъ видѣлъ сквозь рѣшетчатую дверь, «прильня на посохъ свѣчу», четыре бочки большихъ сороковыхъ, да четырнадцать среднихъ и малыхъ, «и изъ тѣхъ большихъ бочекъ одна развалилась, и деньги лежатъ грудою, да въ томъ же погребу стоитъ котелъ большой, желѣзный, а что въ немъ, про то-де несвѣдомо, только знатно въ томъ котлѣ наверху посуда—блюда и тарелки, да на томъ же котлѣ стоитъ, наверху, кадочка мѣдная, а на ней икона въ окладѣ, по сторонь-де того котла стоятъ два куба винныхъ съ жемчугомъ, а погребъ запертъ замкомъ и залитъ оловомъ, и приняться-де подъ страхомъ ни за что не дастъ». Въ заключеніе доноса Ѳедотовъ заявилъ, что свидѣтелей у него три попа, дьяконъ, три пономаря и одиннадцать человѣкъ крестьянъ. Въ тотъ же день пришелъ въ канцелярію Воротынскаго уѣзда Спасскаго монастыря бѣлый попъ Симонъ Захарьевъ и подтвердилъ доносъ Ѳедотова, при чемъ сказалъ, что крестьянина, который «погребъ знаетъ и поклажу смотрѣлъ» зовутъ Василій Кирилловъ Аринниковъ (Боровскаго уѣзда, Карамышевской волости, деревни Ѳроловой, Льва Кирилловича Нарышкина). Началось слѣдствіе, къ которому было привлечено немало людей.

Изъ показаній, данныхъ на допросѣ, видно, что слухъ о таинственномъ погребѣ съ сокровищами, которыя можно добыть только при помощи «разрывъ-травы», уже лѣтъ шесть, какъ носился въ Воротынскомъ и сосѣднихъ

[1]) Московскій Архивъ Министерства Юстиціи. Изъ дѣлъ Прав. Сената, вязки № 1/266, д. 8.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

съ нимъ уѣздахъ. По секрету слухъ передавался отъ одного къ другому каждый совѣтовалъ разузнать, розыскать нужной травы, обѣщая въ свою очередь «довести» до погреба. Дошли слухи и до мѣстнаго духовенства, которое не оставило ихъ безъ вниманія, и трое изъ поповъ, Масальскаго уѣзда, села Берны, Сава Ѳедоровъ, Мещовскаго уѣзда, села Гаврикова, Матвѣй Осиповъ и Воротынскаго уѣзда, села Ворнакина, Максимъ Анисимовъ, принялись энергично отыскивать таинственной травы, которая могла сдѣлать ихъ обладателями несмѣтныхъ богатствъ. Попы объѣзжали свою братью, разспрашивали, писали письма...

Наконецъ послѣ долгихъ поисковъ, трава отыскалась; по письму попа Савы, попъ Воротынскаго Спасскаго монастыря Симонъ (доноситель) заявилъ, что «разрывъ-трава» у него есть... Между тѣмъ слухъ облетѣлъ сотни людей, и когда, наконецъ, нашелся счастливый обладатель «разрывъ-травы», то никто уже не былъ въ состояніи «довести» до таинственнаго погреба, затерялся и первый источникъ слуха; смутно передавали только, что кладъ показывался кому-то въ Мещовскомъ уѣздѣ, около деревни Городища, гдѣ-то, недалеко отъ церкви Николы Бышковъ, но и только. Попъ Симонъ Захарьевъ, какъ увидимъ ниже изъ его показаній, былъ ловкій человѣкъ, и, конечно, заявилъ о томъ, что у него имѣется искомая трава, единственно съ цѣлью развѣдать о сокровищахъ и ими поживиться, когда же эта надежда его была обманута, и искатели «разрыва» не съумѣли «довести» его до погреба, то онъ подалъ доносъ и постарался довести ихъ до застѣнка и кнута.

На другой день послѣ подачи доноса, канцелярія Сенатскаго Правленія командировала въ Мещовскій уѣздъ поручика князя Василія Макулова, вмѣстѣ съ доносителями, «для сыску и подлиннаго осмотру поклажи». Ровно черезъ мѣсяцъ, 16-го іюля, князь Макуловъ вернулся, привезъ съ собой 3-хъ поповъ и 9 человѣкъ крестьянъ, но поклажи не отыскалъ [1]).

Подвергнутый допросу въ канцеляріи, Василій Кирилловъ Арининковъ показалъ, что «лѣтъ съ шесть, сказывалъ ему Мещовскаго уѣзда, вотчины генералъ-маіора князя Александра Волконскаго, села Чемоданова, крестьянинъ Дементьевъ, что есть-де погребъ со многимъ сокровищемъ подлѣ Юхнова монастыря, а гдѣ не сказалъ; а тотъ погребъ каменный, а выходъ деревянный, дверь желѣзная рѣшетчатая, и запертъ замкомъ вислымъ, и тотъ-де замокъ залитъ оловомъ. А въ томъ погребу стоитъ котелъ большой, а въ котлѣ-де лежатъ блюда бѣлыя, да четыре бочки сороковыя, и одна-де бочка развалилась, и подлѣ той бочки лежатъ деньги, да кадка стоитъ мѣдная, а на той-де кадкѣ стоитъ Спасовъ образъ. И тотъ Дементьевъ велѣлъ ему, Василью, искать травы разрыву, и съ тою травою велѣлъ пріѣзжать къ себѣ и подлинно до того погреба довести его хотѣлъ, и въ томъ цѣловалъ образъ [2]). Съ этого-то времени Арининковъ и принялся за поиски травы.

Въ 1715 году, въ великій постъ, будучи въ Калугѣ, на торгу, Арининковъ «по знакомству спрашивалъ о той травѣ» у крестьянина князя Егупова-Черкасскаго села Утѣшева, Кондратья Житка, который однако въ то

[1]) Мы не будемъ приводить подробностей допроса, такъ какъ показанія большинства не отличаются интересомъ, ограничиваясь передечей слуха, приведемъ только показанія попа Симона и оговореннаго имъ крестьянина Василія Арининкова.

[2]) На допросѣ Дементьевъ сказалъ, что слышалъ о погребѣ отъ крестьянина Тараса Павлова, Тарасъ Павловъ—отъ Іова Васильева, Васильевъ—отъ Антона Киселева и т. д.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

время сказалъ, что такой травы не знаетъ. Только передъ Вознесеньемъ явился къ нему Кондратій и сказалъ, что «онъ такую траву «разрывъ» нашелъ Воротынскаго уѣзда Спасскаго монастыря у бѣлаго попа Симона Захарьева, и взялъ его съ собой, и пошли къ тому попу, Симону, а на дорогѣ онъ, Кондратій, далъ ему замо̀къ русскій, большой руки, старый, замкнутъ, только душка у того замка̀ была надломлена». Кондратій по дорогѣ остался у попа Максима, а Арининковъ одинъ пришелъ къ Симону, который взглянувъ на замо̀къ, сказалъ, что «тотъ замо̀къ трава «разрывъ», которая есть у него, разорветъ розно», послѣ чего положилъ замо̀къ на полку за образъ. Затѣмъ они вмѣстѣ сходили въ кабакъ, выпили, а вернувшись, уснули въ сараѣ и проспали, пока ихъ не разбудилъ крестьянинъ Л. Ѳедотовъ.

Вставъ, они всѣ, втроемъ, пошли въ избу, «и говорилъ онъ, попъ Симонъ, съ нимъ, Ларіономъ, «станемъ-де свое дѣло дѣлать», и, говоря такія слова, вышли оба изъ избы вонъ, и бывъ на дворѣ малое время, пришли въ избу, и принесъ попъ въ рукахъ кувшинчикъ маленькій и сказалъ ему попъ, что въ томъ кувшинчикѣ трава «разрывъ». И тотъ замо̀къ онъ, попъ, съ полки взялъ и отдалъ своему товарищу, Ларіону, а кувшинчикъ съ травою поставилъ на столъ, и изъ того кувшинчика траву вынулъ онъ, Ларіонъ, и вмѣстѣ съ замко̀мъ положилъ себѣ на руку, а ему, Василью, онъ, попъ Симонъ, велѣлъ молиться Богу, и онъ, по его приказу, положилъ три поклона, и какъ всталъ, въ то самое время замо̀къ съ руки его, Ларіонова, бросило на столъ, а со стола на полъ, и вырвало изъ того замка̀ душку, чѣмъ замыкается, да полку, а трава осталась у него, Ларіона, на рукѣ, и онъ тое траву положилъ въ кувшинчикъ и понесъ на дворъ, а гдѣ дѣвали, не знаетъ...» Попъ Симонъ въ своемъ показаніи откровенно разъяснилъ, какъ все было подготовлено, что̀бы обморочить Арининкова и увѣрить его въ силѣ «разрывъ-травы», причемъ попъ старался убѣдить, что все это онъ устроилъ единственно «хотя такова̀ сокровища видѣть и великому государю донесть», почему онъ и сказалъ, что у него есть трава, которая можетъ отпереть погребъ. «Мая 30-го, показывалъ Симонъ Захарьевъ, пришелъ къ нему, попу, Василій Арининковъ и принесъ съ собой замо̀къ висльій, и отдалъ ему, попу, одному въ избѣ, а крестьянина Ларіона въ то число въ избѣ не было, а былъ онъ у него, попа, въ домѣ, лежалъ въ сараѣ, и онъ, попъ, тотъ замо̀къ, взявъ у него, положилъ передъ иконы. Послѣ этого пошли на Угорскій перевозъ, на кружало, пить вино, и послѣ-де ихъ крестьянинъ Ларіонъ, вшедъ изъ сарая въ избу, тотъ замо̀къ изъ передъ-иконъ взялъ, и, насыпавъ пороху, зажегъ трутомъ, и тотъ замо̀къ разорвало. И онъ, Ларіонъ, тотъ замо̀къ, собравъ, положилъ на то-жъ мѣсто, гдѣ его взялъ». Когда, выспавшись, Симонъ и Арининковъ вернулись въ избу, то послѣдній, по словамъ попа, «учалъ у него просить надъ тѣмъ замко̀мъ объяву, чтобъ его разорвать травой разрывомъ». Вслѣдствіе этой просьбы онъ, попъ Симонъ, взялъ въ чуланѣ кувшинчикъ съ крапивою и поставилъ на столъ, а его, Арининкова, заставилъ молиться Богу и класть поклоны земные, въ это время Ларіонъ взялъ крапиву и замо̀къ на руку, и затѣмъ бросилъ замо̀къ, развалившійся при паденіи на куски, сказавъ, что его разорвало травой. «А разрыву-де травы, заключаетъ попъ Симонъ свое показаніе, онъ не знаетъ, и нигдѣ ни видалъ, и въ домѣ у него нѣтъ». Доноситель Ларіонъ Ѳедотовъ показалъ то же, что и его соучастникъ.

На очной ставкѣ, данной попу Симону съ Арининковымъ, каждый остался при своихъ показаніяхъ, первый, что въ кувшинѣ была крапива и

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

замокъ заранѣе былъ разорванъ порохомъ, второй,—что трава на крапиву не похожа, «сиза, а листомъ узенька», и что «въ замкѣ пороху не было и огнемъ не зажигали».

Для рѣшенія этого дѣла въ канцеріи Сенатскаго Правленія не нашлось подходящаго дѣла изъ прежней практики, въ Уложеніи же «такой статьи, которые люди будутъ въ приводехъ съ травами, и тѣми травами производили дѣла, что имъ чинить, не напечатано». Въ виду этого, стольникъ Ю. Ѳ. Шишкинъ сдѣлалъ постановленіе (августа 2-го), запросить Московскую губернскую канцелярію и Преображенскій Приказъ, нѣтъ ли у нихъ въ числѣ «вершенныхъ» такого рода дѣлъ. 10-го августа губернская канцелярія, справившись съ Земскимъ Приказомъ, отвѣтила, что подобнаго рода дѣлъ не было, что же касается до Преображенскаго, то страшный глава этого Приказа, князь Ѳедоръ Юрьевичъ Ромодановскій, почему-то совсѣмъ не принялъ указа и не захотѣлъ на него отвѣчать.

Приходилось рѣшать дѣло самостоятельно, и, 19-го августа, стольникъ Шишкинъ съ товарищи, слушавъ допросныхъ рѣчей, приказалъ: 1) поповъ Матвѣя Осипова и Максима Анисимова отослать къ преосвященному Крутицкому, а попа Савву Ѳедорова въ Патріаршій духовный приказъ, «написавъ все ихъ дѣло, для учиненія имъ указа по правиламъ святыхъ отецъ» [1]). 2) попа Симона Захарьева оставить въ канцеляріи до указа, 3) доносителя Ларіона Ѳедотова и крестьянина Василія Арининкова «распросить съ пристрастіемъ, въ застѣнкѣ, а буде они будутъ говорить въ застѣнкѣ прежнія рѣчи, и ихъ въ томъ и пытать, и 4) крестьянамъ разныхъ помѣщиковъ Тарасу Павлову (и другимъ, всего 6 человѣкъ) «учинить наказанье, бить кнутомъ, за то что они про погребъ съ сокровищами и про траву-«разрывъ» другъ другу сказывали, а подлинно до того погреба не довели, и отдать ихъ помѣщикамъ съ росписью» [2]). 2-го сентября «доноситель» и Арининковъ были подвергнуты пыткѣ, дано по 15 ударовъ, но они не прибавили ничего новаго, это ускорило окончаніе дѣла и сентября 9-го было постановлено окончательное рѣшеніе. Спасскаго монастыря попа Симона Захарьева велѣно отослать къ епископу Крутицкому съ указомъ, въ которомъ написать все его дѣло, для учиненія ему указа по правиломъ святыхъ отецъ, 5) «крестьянамъ доносителю Ларіону Ѳедотову и Василью Арининкову учинить наказанье, бить кнутомъ, для того, что онъ, Василій, за цѣлованіемъ святыя иконы, погреба съ сокровищемъ нигдѣ не указалъ, а Ларіонъ, въ распросѣ и съ пытки говорилъ, что онъ замокъ, который принесъ къ попу Симону Василій Арининковъ, разорвалъ порохомъ, а не травою, и травы разрыву онъ не знаетъ, а ему, Василью, говорилъ онъ подлогомъ, будто травою разрывомъ, хотя про тотъ погребъ съ сокровищемъ вѣдать, а учиня наказанье свободить на росписки».

Согласно этого рѣшенія, сентября 10-го, попъ Симонъ отправленъ съ указомъ къ епископу Сарскому и Подонскому Алексію, а крестьяне Ларіонъ Ѳедотовъ и Василій Арининковъ «биты кнутомъ, у столба и отданы на росписки». Такъ окончилось это дѣло о таинственномъ погребѣ съ несмѣтными сокровищами, соблазнившими столь многихъ.

Сообщено **А. А. Голомбіовскимъ.**

---

[1]) Отосланы съ указами 22-го и 23-го августа.
[2]) Крестьянамъ прочитанъ приговоръ и наказаніе учинено.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

СМѢСЬ.

ТКРЫТІЕ памятника императрицѣ Екатеринѣ II въ Симферополѣ. Въ 1883 году таврическое дворянство, празднуя столѣтіе присоединенія Крыма къ Россіи, рѣшило соорудить памятникъ императрицѣ Екатеринѣ. Открыта была подписка по всей имперіи и скоро Симферополь ознакомился съ ея блестящимъ результатомъ. Звонъ соборнаго колокола возвѣстилъ городу вечеромъ 17-го октября, о канунѣ долгожданнаго событія. Въ каѳедральномъ соборѣ и приходскихъ церквахъ были совершены торжественныя всенощныя. Весь городъ былъ илюминованъ. Особенно же красиво убранъ былъ стоящій противъ главныхъ дверей каѳедральнаго собора обелискъ первому воителю Крыма князю В. М. Долгорукову-Крымскому, воздвигнутый въ 1842 году. Гирлянды, флаги и красиво задрапированные щиты съ вензелями державнаго имени украшали этотъ монументъ. Насталъ и самый день торжества. Въ 10 часовъ утра гласные думы, мѣщанской и ремесленной управы, поспѣшили въ свои учрежденія, чтобы оттуда двинуться въ каѳедральный соборъ. Весь городъ съ утра былъ на ногахъ. Всюду ходили оживленныя, нарядныя толпы. Войска расположились шпалерами по пути слѣдованія крестнаго хода и на соборной площади; тутъ же стояли строемъ и гимназисты съ оркестромъ своей музыки. Въ 10 часовъ началась литургія, по окончаніи которой совершена панихида по императрицѣ Екатеринѣ II. Въ соборѣ присутствовали начальникъ губерніи, придводитель дворянства, представители общественныхъ и сословныхъ учрежденій, учебныя корпораціи, начальники отдѣльныхъ частей, два представителя печати и приглашенные изъ другихъ губерній почетные гости. Подойдя къ помятнику Долгорукова-Крымскаго, крестный ходъ повернулъ въ городской садъ, гдѣ высился, закутанный полотномъ, десяти-саженный монументъ. Предсѣдатели и члены земскихъ управъ, городской голова, мѣщанскій староста, шли съ своими асистентами-гласными, членами управъ. Духовенство шло по-парно, неся крестъ и евангеліе, пожалованные императрицей Екатериною каѳедральному собору, во время государыни бывшему еще лишь проэктомъ. Несли въ крестномъ ходѣ позолоченную мѣдную доску съ спискомъ грамоты, высочайше дарованной кн. Долгорукову-Крымскому въ 1771 году. Доска эта хранится обыкновенно въ главномъ храмѣ собора. Крестный ходъ замыкали начальникъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

губерніи, губернскій предводитель дворянства, другія высшія военныя и гражданскія власти и приглашенные почетные гости. Въ самомъ же хвостѣ шли гимназисты высшихъ классовъ съ своимъ оркестромъ. Воспитанники другихъ учебныхъ заведеній въ крестномъ ходѣ не участвовали, за исключеніемъ пѣвчихъ семинаристовъ, пѣвшихъ поперемѣнно съ архіерейскимъ хоромъ. Съ западной стороны памятника была устроена палатка, надъ входомъ въ которую красовались золотая русская хоругвь съ вензелемъ высочайшаго имени. Въ этой палаткѣ былъ приготовленъ налой, и началось служеніе молебна съ водосвятіемъ. Глаза всѣхъ были обращены къ закутанному полотномъ монументу. Но вотъ пелены заколыхались и передъ строемъ войскъ, передъ массою народа, высоко врѣзываясь въ голубое крымское небо, явилась мощная фигура царственной жены. Длинное одѣяніе пышными складками спадаетъ къ подножію, одна рука простерта, другая—держитъ скипетръ. Лицомъ фигура смотритъ на югъ. У ногъ Екатерины—ея вѣрные слуги и помощники въ дѣлѣ присоединенія къ Россіи Крымскаго ханства: Потемкинъ и Долгоруковъ-Крымскій. Тутъ же бюсты Суворова и Булгакова. Основаніемъ памятнику служитъ пьедесталъ, къ которому ведутъ широкія ступени изъ краснаго и сѣраго сердобольскаго гранита, остальное все—бронза. Стоимость монумента 92 тысячи рублей. Эта сумма собрана подпиской, открытой по почину таврическаго дворянства по всей Росссіи. Памятникъ сдѣланъ по рисункамъ проф. Лаверецкаго. Работами руководилъ архитекторъ А. Вольфъ, каменныя же сооруженія въ памятникѣ производилъ подрядчикъ Бариновъ. Памятникъ обнесенъ невысокою, около пол-аршина, рѣшеткою замѣчательно изящнаго вида. По четыремъ угламъ поставлены массивныя пяти-фонарныя канделябры, увѣнчанные короною. На лицевой сторонѣ памятника надпись: «Екатеринѣ II въ царствованіе Императора Александра III», а ниже подъ фигурами сподвижниковъ императрицы: «Свѣтлѣйшій князь Григорій Александровичъ Потемкинъ-Таврическій, князь Василій Михайловичъ Долгоруковъ-Крымскій». По бокамъ подъ бюстами справа: «Суворовъ», слѣва: «Булгаковъ». На задней сторонѣ памятника бронзовый барельефъ, изображающій татарскихъ мурзъ и беевъ, склоняющихся передъ Екатериною, сзади которой виднѣется фигура Потемкина. Ниже этого барельефа надпись: «Таврическое дворянство при участіи всей Россіи, въ память столѣтія присоединенія Крыма 1783—1883 гг.». Надпись эта окружаетъ барельефный гербъ Таврической губерніи. Когда упали пелены съ памятника, раздался троекратный салютъ изъ ружей и пушекъ. Въ воинскомъ парадѣ участвовали и ополченцы. Съ удивленіемъ смотрѣли на это войско, одѣтое въ партикулярное платье, но съ крестами на шапкахъ (у магометанъ и евреевъ, вмѣсто креста, четыреугольникъ съ надписью: «За Царя и отечество»).

Оркестръ заигралъ «Боже, Царя храни» и весь строй учениковъ спѣлъ народный гимнъ. Послѣ окропленія св. водою памятника, крестный ходъ возвратился въ соборъ. Таврическое дворянство предложило всей учащейся молодежи (свыше 1,000 человѣкъ) лакомства, а городъ угостилъ войска на базарной площади водкою, пивомъ и пирогами. Затѣмъ состоялся во вновь ремонтированномъ дворянскомъ дворцѣ торжественный обѣдъ таврическаго дворянства. Празднество продолжалось цѣлый день. Весь городъ былъ убранъ зеленью и флагами, а вечеромъ илюминованъ. За городомъ на полѣ, близъ лагерей былъ сожженъ фейерверкъ. Хоры музыки гремѣли на улицахъ. Магазины были заперты весь день. Вообще городъ имѣлъ рѣдкій праздничный видъ. Порядокъ былъ образцовый на всѣхъ пунктахъ. Въ соборной мечети, за упокоеніе великой государыни молились крымскіе мурзы, беи и простые татары.

Шестое присужденіе Пушкинскихъ премій. 19-го октября въ малой конференцъ-залѣ Академіи Наукъ былъ прочитанъ отчетъ о результатахъ конкурса на соисканіе ежегодной преміи Пушкина за ученыя сочиненія по исторіи рус-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ской литературы въ XVIII и XIX вѣкахъ, за произведенія изящной словесности и за критическій разборъ выдающихся произведеній изящной словесности. Въ малую конференцъ-залу собрались академики: А. А. Штраухъ, М. И. Сухомлиновъ, Л. Н. Майковъ, Н. Н. Бекетовъ и др., лейбъ-медикъ Н. Ф. Здекауеръ, члены-кореспонденты Академіи и посторонніе гости. Въ 1 часъ прибылъ августѣйшій президентъ Академіи великій князь Константинъ Константиновичъ и засѣданіе было открыто. За почетнымъ столомъ заняли мѣста по бокамъ президента вице-президентъ Я. К. Гротъ и директоръ Публичной Библіотеки А. Ѳ. Бычковъ. Предсѣдательствующій во II отдѣленіи Я. К. Гротъ прочелъ отчетъ о присужденіи премій, на соисканіе которыхъ въ текущемъ году было представлено семь трудовъ, въ томъ числѣ три стихотворные перевода произведеній англійской, нѣмецкой и французскихъ литературъ. Одно изъ сочиненій было изъято изъ конкурса, другое разсмотрѣно въ средѣ самаго отдѣленія. Затѣмъ къ участію въ оцѣнкѣ остальныхъ пяти трудовъ приглашены били: Ѳ. Д. Батюшковъ, П. И. Вейнбергъ, Ал. Ник. Веселовскій, А. И. Кирпичниковъ и Н. И. Стороженко. Въ комиссіи по присужденію премій предсѣдательствовалъ августѣйшій президентъ Академіи и участвовали пять членовъ отдѣленія русскаго языка и словесности и Ѳ. Д. Батюшковъ, П. И. Вейнбергъ, графъ А. А. Голенищевъ-Кутузовъ, Я. П. Полонскій и А. Н. Пыпинъ. Премій удоотоились слѣдующія сочиненія:

I. «Пѣснь о Нибелунгахъ» въ переводѣ М. И. Кудряшева. Разборъ былъ сдѣланъ профессоромъ новороссійскаго университета А. И. Кирпичниковымъ. Этого перевода русское общество ожидало чрезвычайно долго. Уже съ 40-хъ годовъ эта великая эпопея становится извѣстной всѣмъ образованнымъ людямъ по хорошимъ журнальнымъ статьямъ. Полный переводъ явился только теперь. Онъ сдѣланъ спеціалистомъ, съ оригинала, очень хорошо обставленъ съ ученой стороны. Говоря о главной части труда г. Кудряшева—переводѣ поэмы, авторъ рецензіи заявляетъ, что рѣдко приходится встрѣчать книги, въ которыхъ намѣреніе автора такъ близко сходилось бы съ исполненіемъ: г. Кудряшевъ, дѣйствительно, перевелъ «Пѣснь о Нибелунгахъ», какъ только возможно близко, и при этомъ съумѣлъ выразить стиль и духъ нѣмецкаго текста, не насилуя языка русскаго, который у него, правда, мѣстами тяжеловатъ, но чистъ и правиленъ, а часто силенъ и поэтиченъ, Задача была не изъ легкихъ. «Нибелунги»—произведеніе такого свойства что передающему его на другой языкъ постоянно приходится балансировать между двумя видами эпической поэзіи, по тону почти противоположными. Переводчикъ вполнѣ удовлетворительно выполнилъ свой трудъ старательнымъ изученіемъ памятника и вѣрнымъ до мелочей воспроизведеніемъ каждой строфы въ отдѣльности. Въ виду такого отзыва Академіей Наукъ присуждена половинная премія въ 500 р.

II. Трагедія Шекспира: «Антоній и Клеопатра» и «Ричардъ II» въ переводахъ Д. Л. Михаловскаго. Разборъ П. И. Вейнберга. По мнѣнію рецензента, въ числѣ тѣхъ немногихъ русскихъ писателей, которые имѣютъ право на названіе переводчиковъ въ лучшемъ значеніи этого слова и заслуживаютъ самаго серьезнаго и сочувственнаго отношенія къ нимъ какъ критики, такъ и читателей—Дмитрій Лаврентьевичъ Михаловскій занимаетъ одно изъ выдающихся мѣстъ. У него понятіе о хорошемъ переводѣ совершенно правильное, ибо онъ всюду въ своихъ работахъ старается сохранить внутренній смыслъ подлинника, его общій, а также мѣстный и временный колоритъ, характеристическія частности, поэтичность; при этомъ онъ не упускаетъ изъ виду условій русскаго языка сравнительно съ языкомъ подлинника, вслѣдствіе этого не ломаетъ его насильственно для соблюденія точности чисто внѣшняго свойства, но вмѣстѣ съ тѣмъ и не позволяетъ себѣ злоупотреблять этимъ обстоятельствомъ. Стихъ его тоже заслуживаетъ серьезнаго одобренія. Игра словъ въ оригиналѣ передана въ переводѣ умѣло. Оба перевода соста-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

вляютъ, по мнѣнію рецензента, капитальное пріобрѣтеніе въ нашей поэзіи вообще и относительно Шекспира въ частности. Академія удостоила переводчика половинной преміей въ 500 р.

III. Комедія Мольера «Школа женъ» въ переводѣ В. С. Лихачова. Разборъ Ѳ. Ц. Батюшкова. Языкъ Мольера считается во Франціи образцовымъ и съ литературной точки зрѣнія; онъ болѣе близокъ къ нынѣшнему языку, чѣмъ слогъ многихъ произведеній его современниковъ, и переводчики Мольера должны стараться по возможности приблизиться къ тому, что въ данное время считается образцовымъ литературнымъ языкомъ. Г. Лихачовъ справился весьма удовлетворительно съ большинствомъ тѣхъ трудностей, которыя ему пришлось преодолѣть при переводѣ комедіи. Его работа имѣетъ огромныя преимущества предъ переводомъ той же пьесы, исполненной покойнымъ Дм. Дм. Минаевымъ, который, кстати сказать, невѣрно и озаглавилъ комедію «Школою женщинъ» (рѣчь въ ней идетъ именно о женахъ, а не о женщинахъ вообще). Въ отношеніи точности передачи французскаго текста Минаевымъ слѣдуетъ признать, что его переводъ лишенъ всякой художественности выполненія уже потому, что онъ слишкомъ далекъ отъ оригинала по отсутствію живописи и правдивости стиля и характера рѣчей. Переводъ г. Лихачева мѣстами идетъ почти вровень съ подлинникомъ. Промахи и недостатки есть, но они не имѣютъ особеннаго значенія и не вліяютъ на достоинство работы. Академіею присуждена, по недостатку ея средствъ лишь поощрительная премія въ 300 р.

IV. Полное собраніе сочиненій А. С. Грибоѣдова подъ редакціей приватъ-доцента Императорскаго С.-Петербургскаго университета И. А. Шляпкина. Спб. 1888 г., два тома. Разборъ Алексѣя Ник. Веселовскаго. Типъ образцоваго изданія полнаго собранія сочиненій классическаго автора достаточно выработанъ въ настоящее время. Два тома, изданные г. Шляпкинымъ производятъ на первый взглядъ благопріятное впечатлѣніе. Число произведеній сатирика умножено здѣсь двумя драматическими пьесами, нѣсколькими стихотвореніями, прозаическими и письмами. Примѣчанія, обширный указатель литературы о Грибоѣдовѣ, особый указатель собственныхъ именъ и непонятныхъ словъ, алфавиты къ этимъ указателямъ, нѣсколько портретовъ, факсимиле почерка, музыкальное приложеніе, — все это доводитъ полноту собранія даже до роскоши. Очевидно издатель знакомъ съ тѣми требованіями, которыя наше время предъявляетъ къ предпріятіямъ подобнаго рода, и старался осуществить ихъ на дѣлѣ. Тѣмъ не менѣе въ новомъ собраніи сочиненій исторія текста мало подвинута впередъ. Однако, комиссія нашла, что изданіе г. Шляпкина, не смотря на указанные въ немъ недостатки, безспорно составляетъ не лишенный достоинствъ вкладъ въ литературу изученія одного изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ писателей и потому опредѣлила, на основаніи § 4 положенія о пушкинскихъ преміяхъ, выразить редактору свое одобреніе почетнымъ отзывомъ.

Академія, въ полной мѣрѣ цѣня трудъ, который названные выше ученые и литераторы съ такою готовностью приняли на себя и исполнили такъ добросовѣстно, съ такимъ знаніемъ дѣла и талантомъ, не можетъ отказать себѣ въ удовольствіи публично выразить имъ здѣсь свою живѣйшую благодарность, въ ознаменованіе которой и присудила золотую пушкинскую медаль гг. Ѳ. Д. Батюшкову, П. И. Вейнбергу, Алексѣю Ник. Веселовскому, А. И. Кирпичникову и Н. И. Стороженко.

Историческое Общество. Засѣданіе Общества 10-го октября привлекло многочисленныхъ посѣтителей. Аудиторія университета была переполнена учащеюся молодежью. Н. И. Карѣевъ сообщилъ о послѣднихъ трудахъ по исторіи Франціи въ XVII вѣкѣ. Готовясь къ торжественному празднованію столѣтія революціи, французскіе ученые (Тэнъ, Сорель, Рамбо, Шампиньонъ, Голяръ, Эрнестъ Додэ и друг.) занялись выясненіемъ эпохи революціи

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

1789 года, ея причинъ и вліянія революціонныхъ идей на государства Европы. Къ изысканіямъ французскихъ ученыхъ присоединились изысканія правительства, парижскаго муниципалитета, историческаго Общества и сотрудниковъ историческаго журнала, посвященнаго почти всецѣло революціонной эпохѣ. Изученіе революціи велось научнымъ путемъ. Разрабатывались архивные матеріалы, мемуары, письма частныхъ лицъ, жившихъ въ 1789 году и рисовавшихъ нравы и образъ жизни парижанъ и провинціальныхъ городовъ за время политическаго переворота. Эпоха революціи дала богатый матеріалъ не для памфлетовъ, а для исторической критики. Историческій журналъ въ числѣ своихъ организаторовъ имѣлъ Ипполита Карно, отца президента республики. И. Карно основалъ и историческое Общество, съ цѣлью бо́льшаго выясненія революціи, сближенія между собою лицъ, работавшихъ надъ этимъ вопросомъ, и изданія архивныхъ матеріаловъ на общія средства. Работы надъ выясненіемъ историческаго прошлаго велись съ замѣчательною обстоятельностью. Число опубликованныхъ историческихъ документовъ, найденныхъ въ архивахъ, превысило 5,230. Несомнѣнно, что французы соединенными усиліями освѣтятъ со всѣхъ сторонъ Францію въ концѣ XVIII вѣка. По мнѣнію Н. И. Карѣева, наиболѣе значенія имѣютъ сочиненія Сореля. Этотъ ученый съ полнымъ безпристрастіемъ выясняетъ отношеніе Франціи того времени къ сосѣднимъ государствамъ и вліяніе революціонныхъ идей на другія государства.

Археологическій институтъ. 25-го октября состоялось торжественное засѣданіе въ память годовщины кончины основателя института, профессора Калачова. Была отслужена панихида по покойномъ. На панихидѣ присутствовали: директоръ института И. Е. Андреевскій, профессоры института, члены Археологическаго Общества, управляющій дѣлами комитета министровъ статсъ-секретарь А. Я. Куломзинъ, сенаторы Н. Н. Селифонтовъ, Гагаринъ и много другихъ лицъ. Въ засѣданіи предсѣдатель Общества, И. Е. Андреевскій, сказалъ небольшую рѣчь, въ которой охарактеризовалъ дѣятельность покойнаго основателя института. Затѣмъ онъ же сдѣлалъ сообщеніе — «О трудахъ губернскихъ архивныхъ комиссій въ 1889 г.». Комиссіи эти были основаны по иниціативѣ покойнаго профессора Н. В. Калачова. Несомнѣнно, что архивныя губернскія комиссіи принесли значительную пользу наукѣ. Ими составлено уже не мало губернскихъ архивовъ, археологическихъ музеевъ и библіотекъ. Къ сожалѣнію, труды комиссіи не могутъ быть собраны въ одно самостоятельное цѣльное изданіе, по причинѣ недостаточности средствъ, которыми располагаютъ эти комиссіи. Кромѣ того, въ историческіе архивы, составляемые комиссіями, многіе весьма важные иногда историческіе документы не попадаютъ совсѣмъ. Послѣдняя причина мѣшаетъ составленію общаго изданія трудовъ комиссій еще болѣе, чѣмъ недостаточность средствъ. Археологическій съѣздъ прошлаго года просилъ институтъ ходатайствовать передъ министромъ народнаго просвѣщенія о введеніи во всей имперіи однородной формы управленія архивами. Эта однородность имѣетъ громадное значеніе въ дѣлѣ составленія архивовъ и ихъ систематизаціи. Въ настоящее время Археологическій институтъ выработалъ проектъ подобнаго управленія. М. И. Семевскій прочелъ сообщеніе «о могилѣ сподвижника Екатерины II, И. И. Михельсона, († 1807 г.) побѣдителя Пугачева. Путешествуя по западной Россіи настоящимъ лѣтомъ, М. И. Семевскій посѣтилъ, между прочимъ, имѣніе покойнаго Михельсона въ Невельскомъ уѣздѣ. Здѣсь и его могила.

Археологическія раскопки, нынѣшнимъ лѣтомъ въ окрестностяхъ Симферополя, обогатили науку цѣнными владами. Профессоромъ Веселовскимъ была найдена золотая, около двухъ вершковъ, фигура льва. Сначала думали, что это плечевая застежка отъ тоги, но величина фигурки и отсутствіе приспособленій для застегиванія заставили отказаться отъ этого пред-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

положенія. Работа этого золотого льва носитъ характеръ «варварскій», а не строго античный. Такимъ же «варварскимъ» стилемъ отличается работа золотыхъ ноженъ и рукоятки меча, найденныхъ при тѣхъ же раскопкахъ. Въ Тепе-Керменѣ, найдена платиновая монета съ прекраснымъ изображеніемъ и надписью царя Антіоха. Тамъ же найдена мѣдная монета съ изображеніемъ свиньи и трехъ поросятъ. Въ Магнупъ-Кале найденъ камень, или, вѣрнѣе, обломокъ камня съ греческою надписью. Г. Костюшко, въ окрестностяхъ Херсонскаго монастыря открыта древняя стѣна, нѣкогда отдѣлявшая Трахейскій или Ираклейскій полуостровъ отъ страны Тавро-скиѳовъ. Въ засѣданіи отдѣленія русской и славянской археологіи Археологическаго Общества, подъ предсѣдательствомъ графа А. А. Бобринскаго, Ѳ. А. Браунъ сдѣлалъ сообщеніе «объ археологическихъ поискахъ въ Манкупъ-Кале». Въ поискахъ за вещественными памятниками быта древнихъ готовъ Ѳ. А. Браунъ лѣтомъ этого года произвелъ археологическія раскопки и изслѣдованія въ Крыму. Докладчикъ представилъ описаніе развалинъ древняго замка (XV в. по Р. Х.), сохранившихся здѣсь, на мѣстѣ бывшей столицы готскихъ князей, планъ уцѣлѣвшаго среди древняго кладбища фундамента алтарной абсиды и греческую надпись на мраморной надгробной плитѣ съ именемъ хана Тохтамыша. Въ томъ же засѣданіи Д. В. Айналовъ прочиталъ рефератъ «о трехъ древне-христіанскихъ сосудахъ изъ Керчи». На одномъ изъ нихъ, относимомъ референтомъ къ V в. Р. Х., въ рѣзьбѣ по слоновой кости представлено Благовѣщеніе по апокрифическому евангелію. Остальные два представляютъ стеклянные сосуды, одинъ въ формѣ штофа, другой въ формѣ патеры; по орнаменту и надписи на первомъ изъ нихъ, они относятся къ VI в.

Конкурсъ на составленіе памятника при деревнѣ Лѣсной. Въ 1708 году, 28-го сентября, какъ извѣстно, Петръ I разбилъ шведскій корпусъ Левенгаупта при дер. Лѣсной. Деревня эта находится въ Могилевской губерніи, близъ извѣстнаго мѣстечка Пропойска, въ Быховскомъ уѣздѣ. Возобновляемъ въ памяти читателей нѣкоторыя подробности этого дѣла. Теряя во множествѣ солдатъ отъ повальныхъ болѣзней и сильно нуждаясь въ продовольственныхъ и, въ особенности, въ боевыхъ припасахъ, Карлъ XII приказалъ Левенгаупту двинуться изъ Риги на соединеніе съ нимъ въ Могилевскую губернію. Но, призываемый въ то же время Мазепою въ Украйну, Карлъ не дождался Левенгаупта и ушелъ изъ предѣловъ Могилевской губерніи, оставивъ, такимъ образомъ, послѣдняго съ громаднымъ транспортомъ подъ незначительнымъ прикрытіемъ (около 15,000 чел.), лицомъ къ лицу съ русскими войсками. Петръ I, разумѣется, воспользовался такимъ положеніемъ отряда Левенгаупта и пошелъ ему на встрѣчу. Непріятель былъ настигнутъ при селѣ Долгій-Мохъ, Быховскаго уѣзда. Но осторожный Левенгауптъ не рѣшился принять битву, и дефилеями, по лѣсамъ и непроходимымъ, повидимому, захолустнымъ тропамъ, двинулся дальше къ юго-востоку. Въ то же время проводникъ русскаго войска, жидъ, подкупленный шведами, повелъ царя въ противоположную сторону отъ шведовъ, утверждая, что они еще на правомъ берегу у Днѣпра. Къ счастію шляхтичъ Петроковичъ во время открылъ обманъ, и Петръ двинулся на перерѣзъ шведамъ. Встрѣча произошла у деревни Лѣсной, гдѣ непріятель долженъ былъ переправляться чрезъ болотистую рѣчку Титовку. Раздѣливъ свои войска (около 12-ти тыс.) на двѣ колонны, Петръ напалъ на шведовъ съ тыла и лѣваго фланга, распорядившись въ то же время устроить засѣку въ лѣсу за рѣчкою, на единственной дорогѣ, ведшей отъ мѣста переправы далѣе, къ Пропойску и въ Черниговскую губернію. Шведамъ, такимъ образомъ, были преграждены всѣ пути, и на склонѣ находящейся здѣсь небольшой покатости, на берегу рѣчки Титовки, они, послѣ жаркаго боя, продолжавшагося съ полудня до сумерекъ, понесли полное пораженіе: 8,000 труповъ устлали сравнительно небольшое поле сра-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

женія. Остальныя войска, кромѣ множества раненыхъ, разбѣжались по окрестнымъ лѣсамъ и были переловлены, и только немногіе вмѣстѣ съ Левенгауптомъ явились къ Карлу бѣглецами, дѣлая исключительно ночные марши по непроходимымъ мѣстамъ, подлѣ Пропойска и села Полѣсья. Въ руки побѣдителей достался весь боевой и провіантскій транспортъ въ 5,000 повозокъ, а также 42 знамени и 16 пушекъ. Такимъ образомъ, благодаря этой побѣдѣ, Карлъ XII остался безъ подкрѣпленій, что конечно, не могло не вліять на дальнѣйшій ходъ войны и, весьма вѣроятно, отразилось на исходѣ славнаго полтавскаго боя. Но, помимо крупнаго матеріальнаго ущерба, нанесеннаго непріятелю, битва при деревнѣ Лѣсной, чрезвычайно важна по громадному моральному впечатлѣнію, произведенному на воюющія стороны: шведы убѣдились, что времена Нарвы миновали безвозвратно; русскіе увидѣли, что, предводимые своимъ геніальнымъ царемъ, они въ состояніи побѣждать своихъ «учителей». Самъ Петръ Великій придавалъ этой побѣдѣ важное значеніе и впослѣдствіи говорилъ о ней: «сія у насъ побѣда можетъ первая назваться, понеже надъ регулярнымъ войскомъ никогда такой не бывало, къ тому-жъ еще гораздо меньшимъ числомъ будучи предъ непріятелемъ»... Между тѣмъ, мѣстный изслѣдователь, членъ Витебскаго Статистическаго Комитета Е. Р. Романовъ, посѣтивъ, при производствѣ этнографическихъ и археологическихъ изслѣдованій, въ 1888 г. поле сраженія, не нашелъ на немъ ничего напоминающаго великое событіе, и не могъ даже опредѣлить мѣста братской могилы доблестно здѣсь павшихъ русскихъ воиновъ. У крестьянъ деревни Лѣсной имѣются ядра, круглыя свинцовыя пули особаго устройства, съ продѣтою чрезъ нихъ щетиною, обломки штыковъ, ружей и. п. Но ядрами крестьянки бучатъ бѣлье, пули разсѣкаются на картечь для мѣстныхъ охотниковъ, а обломки оружія идутъ на сталенье косъ, топоровъ и т. п. Громадное собраніе остатковъ битвы имѣлось, много лѣтъ тому назадъ, у мѣстной помѣщицы, но и оно исчезло безслѣдно послѣ ея смерти. А вмѣстѣ съ исчезновеніемъ вещественныхъ памятниковъ исчезаетъ у мѣстнаго бѣлорусскаго населенія и память объ этомъ событіи въ исторіи русскаго народа. Въ виду всего вышеизложеннаго, Е. Р. Романовъ, убѣдившись въ невозможности увѣковѣчить событіе мѣстными средствами, счелъ своимъ непремѣннымъ долгомъ возбудить въ высшихъ сферахъ ходатайство о постановкѣ на мѣстѣ битвы, при деревнѣ Лѣсной, подобающаго памятника. На дняхъ имъ получено извѣщеніе, что Державный Вождь всероссійскаго воинства снизошелъ къ этому ходатайству скромнаго провинціальнаго дѣятеля и, къ радости всѣхъ русскихъ людей, всемилостивѣйше, въ 10 день февраля сего 1890 года, повелѣлъ объявить конкурсъ на составленіе проекта памятника при деревнѣ Лѣсной, въ Быховскомъ уѣздѣ Могилевской губерніи, каковой конкурсъ объявленъ военнымъ министерствомъ.

Двадцатипятилѣтіе служебной дѣятельности по Привислинскому краю д. с. с. М. И. Городецкаго, сотрудника многихъ историческихъ изданій, исполнилось 30 октября 1890 г. Начавъ службу въ г. Орлѣ, онъ 30 октября 1865 г. перешелъ въ Варшаву подъ высшее начальство кн. В. А. Черкасскаго, а въ 1868 г. поступилъ въ Учредительный Комитетъ и съ тѣхъ поръ до настоящаго времени занимается дѣлами по устройству привислинскихъ крестьянъ. Научно-литературная дѣятельность его началась съ 1878 года въ «Древней и Новой Россіи», куда онъ присылалъ историческіе и этнографическіе матеріалы за время бытности своей въ должности комиссара по крестьянскимъ дѣламъ въ Ломжинской губерніи. Въ «Историческомъ Вѣстникѣ» онъ сотрудничаетъ съ самаго его основанія. Помѣщалъ, кромѣ того, статьи и замѣтки въ «Русской Старинѣ», «Новомъ Времени», «Игрушечкѣ», «Всемірной Иллюстраціи», «Сѣверѣ», «Русскомъ Паломникѣ», «Художественныхъ Новостяхъ». Участвовалъ и въ отдѣльныхъ изданіяхъ: въ «Памятникахъ русской старины въ западныхъ губерніяхъ», издаваемыхъ съ высочайшаго соизволенія

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

П. Н. Батюшковымъ, «Холмская Русь», «Волынь», «Бѣлоруссія и Литва», въ которыхъ ему принадлежитъ общая редакція и объяснительный текстъ къ рисункамъ. Онъ помѣщаетъ также статьи, въ «Энциклопедическомъ Словарѣ» Андреевскаго и въ «Критико-біографическомъ словарѣ» Венгерова. Состоитъ дѣйствительнымъ членомъ Кіевскаго церковно-археологическаго общества и Холмскаго Свято-Богородицкаго братства и пожизненнымъ членомъ Владиміро-Волынскаго братства.

† Лѣтомъ, въ окрестностяхъ Петербурга, въ глубокой старости **Порфирій Никитичъ Бѣлоха.** Рѣдко кто не знакомъ съ учебникомъ географіи покойнаго педагога: кто самъ учился по этому учебнику, кто училъ своихъ дѣтей географіи, пользуясь хорошо составленнымъ руководствомъ. Оно имѣло 17 изданій (первое вышло въ 1862 году) и разошлось въ количествѣ 200 тысячъ экземпляровъ. Бѣлоха, не окончивъ курса въ университетѣ, началъ свою педагогическую дѣятельность преподаваніемъ русскаго языка въ Торопецкомъ уѣздномъ училищѣ. Затѣмъ сталъ преподавать географію, полюбилъ этотъ предметъ и началъ заботиться о болѣе легкомъ и совершенномъ усвоеніи учениками знаній своей родины. Въ 1845 г. покойный былъ приглашенъ преподавать географію въ первомъ кадетскомъ корпусѣ. Съ этого года П. Н. Бѣлоха служилъ въ военномъ вѣдомствѣ: сперва преподавателемъ, затѣмъ наблюдателемъ за преподаваніемъ географіи и инспекторомъ корпуса. Принадлежа къ числу дѣятельныхъ педагоговъ, П. Н. требовалъ, чтобы каждый учитель одновременно былъ и хорошимъ воспитателемъ, и ратовалъ за устройство особаго учрежденія для подготовленія воспитателей. Покойный сердечно и сочувственно относился къ молодежи и молодымъ учителямъ. Слабость зрѣнія — результатъ усиленныхъ и многолѣтнихъ занятій — помѣшала П. Н — чу до конца жизни быть преподавателемъ.

† въ Кіевѣ 31-го іюля скоропостижно скончался одинъ изъ знатоковъ исторіи Юго-Западнаго края **Иванъ Петровичъ Новицкій.** Покойный родился въ 1844 г. въ г. Таращѣ, гдѣ его отецъ служилъ въ уѣздномъ судѣ. Первоначальное образованіе получилъ во 2-й Кіевской гимназіи, которую, впрочемъ, по неблагопріятнымъ для него обязательствамъ, долженъ былъ оставить, окончивъ только пять классовъ. Спустя нѣкоторое время онъ поступилъ въ Кіевскій университетъ, гдѣ съ особенной любовью началъ заниматься исторіей южно-русскаго края. Любовь къ наукѣ, а также психо-физическая болѣзнь, которой онъ былъ подверженъ, дѣлала невыносимымъ для него канцелярскій трудъ и мѣшала поступить на какую-нибудь службу. Свои досуги онъ посвящалъ занятіямъ исторіей и плодомъ этихъ занятій была масса статей и замѣтокъ, которыя въ первое время были помѣщаемы въ «Кіевлянинѣ» и собрать которыя въ настоящее время почти невозможно. Особенно плодотворна была его дѣятельность въ періодъ его занятій въ Центральномъ Архивѣ при университетѣ, куда онъ былъ назначенъ по указанію архиваріуса К. А. Царевскаго въ 1868 году. Собравъ здѣсь массу документовъ по исторіи крестьянъ Юго-Западнаго края, покойный написалъ «Очеркъ исторіи крестьянскаго сословія въ XV—XVIII вв.». Ему же принадлежитъ «Словарь древняго акроваго языка» («Универ. Извѣст.» 1871 г.), представляющій собой и до настоящаго времени необходимое и почти единственное пособіе въ этомъ дѣлѣ. Въ 1874 г. вмѣстѣ съ извѣстнымъ этнографомъ Чубинскимъ работалъ въ экспедиціи, назначенной императорскимъ географическимъ обществомъ для изученія юго-западнаго края. Въ это время онъ собралъ для V-го тома «Трудовъ экспедиціи» 5,000 малорусскихъ пѣсенъ, на основаніи которыхъ въ 1884 г. написалъ прекрасный трудъ «Женщина и ея положеніе въ малорусскихъ народныхъ пѣсняхъ», напечатанный въ художественно-литературномъ альманахѣ «Кіевлянка». Съ 1882 г. принималъ дѣятельное участіе въ начавшемъ издаваться въ это время журналѣ «Кіевская Старина», гдѣ, кромѣ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

массы мелкихъ замѣтокъ и рецензій, обнаружившихъ въ немъ большія познанія, были помѣщены его статьи «Князья Ружинскіе» (1882 года, № 4) и «Адамъ Кисель» (1885 года, № 9 и 12). И. П. Новицкій представлялъ собой рѣдкій примѣръ самоучки, всецѣло посвятившаго себя служенію наукѣ.

† Ученый и отважный путешественникъ по Средней Азіи **Петръ Александровичъ Чихачевъ**, во Флоренціи, 1-го (13-го) октября, отъ воспаленія легкихъ. Чихачевъ состоялъ почетнымъ членомъ Петербургской Академіи Наукъ, почетнымъ членомъ берлинской и мюнхенской академій и членомъ-корреспондентомъ парижской вкадеміи наукъ (L'Institut de France), которой онъ оставилъ по завѣщанію 100,000 франковъ для выдачи премій за лучшія сочиненія по Средней Азіи. Онъ неоднократно посвящалъ свой личный трудъ и средства обширнымъ естественно-историческимъ изслѣдованіямъ. Особенное научное значеніе имѣютъ труды Чихачева «Voyage scientifique dans l'Altaï» etc. (1845) и «Asie Mineur» (1853—1867), доставившіе автору званіе почетнаго члена Академіи Наукъ: петербургской и др Научно-литературная дѣятельность Чихачева не прекращалась до самой его кончины и выразилась еще недавно цѣлымъ томомъ мелкихъ статей разнороднаго содержанія. Онъ писалъ больше по-французски, жилъ за границей и умеръ 78 лѣтъ.

† Въ Лугѣ 5-го октября, заслуженный профессоръ Петербургскаго университета, тайный совѣтникъ **Иванъ Яковлевичъ Горловъ**. Онъ родился въ Рязанской губерніи въ 1814 году и, окончивъ курсъ въ мѣстной гимназіи, поступилъ на отдѣленіе нравственно-политическихъ наукъ Московскаго университета. 19-ти лѣтъ онъ уже былъ кандидатъ правъ. Желая продолжать свое научное образованіе, И. Я. отправился въ Дерптъ и поступилъ въ профессорскій институтъ при Дерптскомъ университетѣ. Защитивъ въ 1838 г. диссертацію «De valoris natura», онъ пріобрѣлъ званіе доктора философіи и былъ приглашенъ профессоромъ политической экономіи и статистики сперва Казанскимъ университетомъ, а въ 1847 году — Петербургскимъ. Въ Казани И. Я. былъ виднымъ дѣятелемъ. Не смотря на свою молодость, профессоръ Горловъ руководилъ педагогическимъ институтомъ при Казанскомъ университетѣ и состоялъ членомъ комитета для испытанія кандидатовъ университета, желавшихъ быть учителями гимназій и уѣздныхъ училищъ и домашними наставниками. Въ 1839 г. онъ сдѣлалъ статистическое изслѣдованіе губерній Пермской, Оренбургской, Астраханской, Тамбовской, Пензенской, Нижегородской, областей Кавказской и Войска Донскаго. Занимаясь чтеніемъ лекцій въ университетѣ И. Я. былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ «Москвитянина», «Отечественныхъ Записокъ» и Библіотеки для Чтенія». Его критическія статьи о разныхъ русскихъ и иностранныхъ произведеніяхъ изъ области политической экономіи и статистики въ 50—60 годахъ обращали на себя вниманіе общества. Кромѣ того, онъ издалъ два тома «Началъ политической экономіи», написалъ рядъ статей по финансовымъ вопросамъ. Въ 1863 году, по выслугѣ 25-ти-лѣтняго срока, Горловъ одновременно съ профессоромъ И. І. Ивановскимъ получилъ титулъ «заслуженнаго». Вскорѣ по избраніи въ почетные члены Петербургскаго университета (въ 1873 г.), И. Я. вышелъ въ отставку.

† 6-го октября въ Царскомъ Селѣ, на 39-мъ году, одинъ изъ видныхъ нашихъ юристовъ—**Василій Фердинандовичъ Гельбке**. Онъ родился въ С.-Петербургѣ. По окончаніи въ здѣшнемъ университетѣ, въ 1874 г., курса юридическихъ наукъ съ награжденіемъ медалью за сочиненіе о теоріи поземельнаго кредита, В. Ф. отправился для довершенія образованія за границу, гдѣ слушалъ лекціи въ Лейпцигѣ, Геттингенѣ, Страсбургѣ и Парижѣ. Отдавая должное трудамъ германскихъ юристовъ, В. Ф. относился, однако критически къ выводамъ нѣмецкой юриспруденціи по многимъ принципіальнымъ во-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

просамъ исторіи и догмы римскаго права. Доказательствомъ тому является, написанная имъ въ Страсбургѣ статья по вопросу о рискѣ при договорѣ купли-продажи, помѣщенная въ спеціальномъ юридическомъ журналѣ — «Archiv für civilistische Praxis» за 1876 г. По возвращеніи въ Россію, В. Ф. примѣнялъ пріобрѣтенныя имъ теоретическія познанія, состоя на службѣ сначала въ сенатѣ, потомъ членомъ палатъ уголовнаго и гражданскаго суда оренбургской и кіевской, а въ послѣдніе годы жизни дѣлопроизводителемъ комиссіи, составляющей новое гражданское уложеніе, и юрисконсультомъ государственнаго банка. Болѣзнь легкихъ, которою покойный страдалъ въ теченіе многихъ лѣтъ, лишала его возможности содѣйствовать разработкѣ нашего права въ той мѣрѣ, какъ представлялось бы желательнымъ въ интересахъ отечественной науки. Тѣмъ не менѣе, напечатанная В. Ф. въ «Журн. гражд. и уголовн. права» статья подъ заглавіемъ — «Торговое право и гражданское уложеніе» (книга 7 означеннаго журнала за 1884 г.), въ которой доказывается, что существующее нынѣ между гражданскимъ и торговымъ правомъ имѣетъ лишь историческое, а не раціональное основаніе, составляетъ цѣнный вкладъ въ нашу юридическую литературу.

† 12-го октября, въ своемъ имѣніи, близъ Пскова, поэтъ и превосходный переводчикъ драмъ и классическихъ произведеній Гете, а также одинъ изъ почтенныхъ земскихъ дѣятелей, бывшій уѣздный предводитель псковскаго уѣзда, **Александръ Николаевичъ Яхонтовъ**. Онъ родился въ 1820 году и дѣтство свое провелъ въ родовомъ имѣніи, гдѣ получилъ первоначальное воспитаніе. Одиннадцати лѣтъ поступилъ онъ въ благородный пансіонъ при Петербургскомъ университетѣ (нынѣ 1-я гимназія) и черезъ годъ переведенъ былъ въ числѣ лучшихъ 25 учениковъ, на казенный счетъ, въ Царскосельскій лицей, который и окончилъ въ 1838 году съ чиномъ IX класса. Подъ вліяніемъ лицейскихъ преданій о Пушкинѣ, онъ началъ писать стихи въ этомъ заведеніи, перевелъ отрывокъ изъ первой части «Фауста» Гете и начало драмы Лессинга «Эмилія Галлоти» и, вмѣсто обычнаго сочиненія передъ выпускомъ, подалъ къ публичному экзамену отрывокъ изъ «Метаморфозъ» Овидія — «Коллистана», переведенный гекзаметрами. Въ 1839 году онъ поступилъ на службу въ 1-й департаментъ государственныхъ имуществъ и оставался здѣсь до выхода въ отставку въ 1842 году. Послѣ пятимѣсячнаго заграничнаго путешествія, въ концѣ того же года, онъ поступилъ въ департаментъ желѣзныхъ дорогъ столоначальникомъ, потомъ чиновникомъ для иностранной переписки и переводчикомъ. Въ 1851 году оставилъ Петербургъ и переселился въ Псковъ, гдѣ опредѣлился на службу совѣтникомъ палаты государственныхъ имуществъ. Спустя семь лѣтъ, по приглашенію попечителя петербургскаго учебнаго округа П. А. Плетнева, перешелъ на должность директора псковской гимназіи. Выйдя въ 1867 г. въ отставку съ полной пенсіей, онъ тогда же сталъ служить по выборамъ, три трехлѣтія былъ избираемъ уѣзднымъ предводителемъ, въ почетные мировые судьи и въ губернскіе гласные. Два трехлѣтія состоялъ (1877—1883) предсѣдателемъ псковской уѣздной земской управы, а позднѣе, до самой почти кончины, былъ членомъ уѣзднаго училищнаго совѣта и попечителемъ школы, основанной въ Псковѣ въ память Царя-Освободителя. Интересуясь дѣломъ народнаго образованія, А. Н. Яхонтовъ составилъ для комитета грамотности книжку «Приключенія Робинзона Крузое», выдержавшую до шести изданій, а для постоянной комиссіи народныхъ чтеній—три чтенія о «Народной войнѣ 1812 года». Стихотворенія его относятся преимущественно къ 50—60 годамъ и, кромѣ лирическихъ пьесъ, оригинальныхъ, заключаютъ въ себѣ переводы изъ Гете, Гейне, Шиллера, Шекспира, Мицкевича, и друг. Изъ крупныхъ произведеній иностранныхъ поэтовъ онъ перевелъ «Ифигенію въ Тавридѣ» Гете, «Эмилію Галлоти» Лессинга, «Торквато Тассо», Гете. Участвовалъ А. Н. во многихъ журналахъ: «Вѣстникѣ Европы», «Отечественныхъ Запискахъ» (Не-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

красова), «Искрѣ»; въ послѣднемъ журналѣ онъ помѣстилъ нѣсколько сатирическихъ стихотвореній подъ псевдонимомъ Сельскаго Жителя. Въ началѣ 1884 г. вышли въ свѣтъ «Стихотворенія А. Н. Яхонтова». Хотя онъ мало отзывался на разные современные вопросы и болѣе всего воспѣвалъ красоты природы, но по направленію своей поэтической дѣятельности принадлежалъ къ школѣ Некрасова, духъ и даже манеру котораго онъ весьма сильно усвоилъ. Послѣднее время Яхонтовъ совсѣмъ не писалъ стиховъ и посвящалъ свои досуги статьямъ серьезнаго содержанія. Одна изъ такихъ статей: «Французское общество и народъ въ періодъ первой революціи» помѣщена въ сентябрьской и октябрьской книжкахъ «Наблюдателя» за текущій годъ. Всѣ сколько нибудь знавшіе Яхонтова отзываются о немъ, какъ о человѣкѣ прекрасной души и благороднаго ума, сохранившемъ лучшія традиціи людей сороковыхъ годовъ, къ которымъ принадлежалъ и покойный.

† 20-го октября, главный врачъ Общины св. Георгія, на Выборгской сторонѣ, докторъ-медицины **Николай Петровичъ Богоявленскій.** Покойный происходилъ изъ духовнаго званія, родился въ 1843 г., въ Калужской губерніи. По окончаніи курса въ Медико-Хирургической Академіи, занялъ должность военнаго врача въ Новочеркасскомъ полку. Черезъ три года—прикомандированъ къ Медико-Хирургической Академіи. Во время русско-турецкой войны находился въ числѣ врачей на полѣ битвъ и схватокъ. По возвращеніи оттуда, защитилъ въ академіи дисертацію и въ 1881 г. признанъ заслуживающимъ званія доктора медицины. Состоя врачемъ при главномъ военно-медицинскомъ управленіи, покойный одновременно былъ главнымъ врачемъ Общины св. Георгія. Трудясь на этомъ поприщѣ въ продолженіи 8 лѣтъ, онъ былъ неутомимымъ дѣятелемъ. Когда въ баракахъ общины были помѣщены пострадавшіе при крушеніи императорскаго поѣзда 17-го октября 1888 года, Н. П. съ заботливостью пользовалъ ихъ. Нѣкоторые изъ пострадавшихъ своимъ полнымъ излеченіемъ всецѣло обязаны покойному. Онъ принадлежалъ къ числу терапистовъ и написалъ рядъ статей научнаго содержанія. Изъ нихъ заслуживаетъ вниманія его изслѣдованіе о фармакологическомъ и клиническомъ вліяніи цвѣтовъ ландыша на сердце. Богоявленскій скончался отъ тифа, осложнившагося другими болѣзнями. Мѣсяцъ тому назадъ онъ обходилъ тифозныхъ больныхъ, пожелалъ выслушать одного больного, приложилъ къ его груди ухо, которое и прилипло, благодаря потному выдѣленію больного. Вечеромъ въ тотъ же день Н. П. слегъ въ постель и болѣе не вставалъ съ нея.

† Въ ночь на 27-е октября, въ поѣздѣ Николаевской желѣзной дороги, **Николай Петровичъ Кичеевъ,** журналистъ, давно уже работающій въ московской печати и хорошо извѣстный тамошней публикѣ. Въ семидесятыхъ годахъ, въ теченіе довольно продолжительнаго времени, онъ посвящалъ свои труды журналу «Будильникъ», издававшемуся тогда г-жею Уткиной. Въ послѣднее время Кичеевъ работалъ въ ежедневныхъ московскихъ изданіяхъ и, между прочимъ, принималъ ближайшее участіе въ газетѣ «Нижегородская Почта», издающейся въ Нижнемъ-Новгородѣ ежегодно, въ періодъ ярмарки. Живо интересуясь театромъ, Кичеевъ постоянно слѣдилъ за дѣятельностью московскихъ сценъ и часто помѣщалъ въ тамошнихъ газетахъ театральныя статьи и рецензіи. Кичеевъ умеръ всего 42 лѣтъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

УКАЗАТЕЛЬ

ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ,

УПОМИНАЕМЫХЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ

„ИСТОРИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА“

1890 г.[1])

А.

Аали-паша, турецкій дипломатъ, т. XL, 272, 284, 515, 521, 526, 529.

Аарифъ-Эффенди, турецкій дипломатъ, т. XL, 267, 271, 272, 282.

Аббасъ-Мирза, персидскій полководецъ, т. XLI, 168, 171, 177.

Аберкромби. *Замѣтка* о соч. его: A trip through the eastern Caucasus, with a chapter on the languages of the country. Т. XL, 231, 232.

Августа-Каролина, принцесса брауншвейгская, супруга принца виртембергскаго Фридриха. *Статья* объ ней (Зельмира). Т. XLI, 277—303, 550—572.

Августъ II Фридрихъ, король польскій, электоръ саксонскій, т. XLII, 521.

Ага-Мухаммедъ-Али, стойкій послѣдователь секты бабидовъ, т. XL, 658, 659.

Аданъ, Жульета. *Замѣтка* о соч. ея: Святая Россія, ея дворъ, армія, духовенство, буржуазія, народъ. Т. XLI, 469, 470.

Адашевы:

— Алексѣй Ѳедор., любимецъ Ивана Грознаго. *Статья* о происхожденіи его. Т. XL, 378—392.

— Анна Алексѣев., по мужу Головина, т. XL, 384.

— Данило Ѳедор., т. XL, 381, 384.

— Ѳедоръ Григ., воевода казанскій, въ иночествѣ Арсеній, т. XL, 380, 386, 387, 392.

Адріановъ, С. *Библіографическія замѣтки его:* Ф. Ленорманъ. Руководство къ древней исторіи Востока до персидскихъ войнъ. Переводъ Н. Каманина. Индійцы. Тома II-го выпускъ III. Индійцы, арабы, мидяне и персы. Исторія происхожденія и цивилизаціи древняго Востока. Ф. Ленорманъ. Переводъ И. Каманина. Изданіе книжнаго магазина М. И. Карповича. Т. XL, 227. (*Поправку* къ этой замѣткѣ см. т. XLI, 240). Библейская исторія при свѣтѣ новѣйшихъ изслѣдованій и открытій. Составилъ А. П. Лопухинъ. Томъ первый. Отъ сотворенія міра до пророка Самуила. Томъ второй. Отъ пророка Самуила до Р. Х. Т. XLI, 463—466. Исторія христіанскаго просвѣщенія въ его отношеніяхъ къ древней греко-римской образованности. Составилъ ректоръ Кіевской духовной семинаріи архимандритъ Борисъ. Періодъ второй (313—529 г.). Т. XLI, 685—687. Очерки литературы древнихъ и новыхъ народовъ. Драматическая поэзія въ двухъ книгахъ. Т. XLII, 820—822. Иллюстрированное собраніе греческихъ и римскихъ классиковъ, подъ редакціей Л. Георгіевскаго и С. Манштейна. Т. XLII, 824—825.

Айналовъ, Дмитр. Власьев. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Императорское Одесское Общество Исторіи и Древностей и юбилейный XV томъ его Записокъ. Т. XXXIX, 457—460.

Акимовъ, Семенъ, священникъ-грабитель, т. XL, 577.

---

[1]) Въ «Указатель» не включены личныя имена, упоминаемыя въ историческихъ романахъ, беллетристическихъ статьяхъ и въ приложеніяхъ къ «Историческому Вѣстнику».

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Аксаковы:
— Ив. Серг., публицистъ, т. XXXIX, 166.
— Константинъ Серг., писатель, т. XXXIX, 232.
— Серг. Тимоѳ., т. XXXIX, 642.
Аксель, псевдонимъ. См. Линдорфсъ.
Акуто (Гауквудъ), Джіовани, кондотьеръ. *Замѣтка* о вышедшемъ сочиненіи о немъ. Т. XXXIX, 477.
Александра Ѳедоровна (Шарлотта-Фредерика-Луиза-Вильгельмина, принцесса прусская), императрица, т. XL, 614.
Александренко, В. Н., профессоръ Варшавскаго университета. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Англійскій тайный совѣтъ и его исторія. Часть вторая. Т. XLII, 237—242. *Замѣтка* по поводу статьи его о русскихъ ученыхъ въ Англіи. Т. XXXIX, 713, 714.
Александровичъ:
— Дѣдъ дѣвицы-кавалериста Н. А. Дуровой, т. XLI, 587.
— Марѳа Тим. См. Дурова.
Александровскій, флигель-адъютантъ, адъютантъ Бебутова, т. XXXIX, 92.
Александровы:
— Надежда Андреевна, дѣвица-кавалеристъ, писательница. См. Дурова.
— Сергѣй, ольшанскій воевода, т. XLI, 431, 433—444.
Александръ I Павловичъ, императоръ, т. XXXIX, 50, 615; т. XL, 186—191, 615; т. XLI, 105, 150—152, 623, 624, 707—709; т. XLII, 46, 56—59, 64, 69, 137.
Александръ II Николаевичъ, императоръ. *Черта* изъ жизни его. Т. XXXIX, 481—485. *Замѣтка* о монументѣ въ с. Звѣринцѣ, Люблин. губ. Т. XXXIX, 488. Открытіе памятника въ Ростовѣ-на-Дону. Т. XL, 705, 706. *Упомин.* т. XXXIX, 96, 97, 309, 310, 398, 400—404; т. XL, 114, 115, 266, 276—278; т. XLI, 114, 178, 306; т. XLII, 788.
Александръ III Александровичъ, императоръ, т. XXXIX, 229, 230, 561.
Алексѣевы:
— В. *Библіографическая замѣтка* о его переводахъ: Гипполитъ, трагедія Еврипида. Ифигенія въ Авлидѣ, драма Еврипида. Ифигенія въ Тавридѣ, драма Еврипида. Т. XL, 677—679.
— Г. П., владѣлецъ собранія каменныхъ бабъ, т. XLI, 188.
— Марья Ив., старшая сестра Крестовоздвиженской общины сестеръ милосердія, т. XXXIX, 646, 647, 650—652.
Алексѣй Алексѣевичъ, московскій царевичъ, т. XLI, 49, 53, 56.
Алексѣй Михайловичъ, царь московскій, т. XL, 561, 562, 575.
Али-Мухаммедъ, прозванный **Бабомъ**, основатель секты бабидовъ, т. XL, 651—661.
Алланъ, артистка, т. XXXIX, 564, 565.
Алтухова, Марія, дѣвица, льговская дворянка, убитая помѣщикомъ Ширковымъ, т. XLI, 136—164.
Алфераки, А. *Замѣтка его:* Надгробная плита Я. Корнаро 1362 года, найденная подъ Азовомъ. Т. XLI, 716—720.
Альбертини, Никол. Викент., писатель. *Некрологъ его.* Т. XLI, 716.
Альбертъ, супругъ англійской королевы Викторіи, т. XL, 527.
фонъ-**Альвенслебенъ**, Густавъ, прусскій генералъ, т. XXXIX, 401.
Алявдинъ, Василій, епископъ. См. Владиміръ.
Андерсенъ, норвежскій лоцманъ, т. XLII, 107.
д'Андре, секретарь воен. министерства, т. XXXIX, 33.
Андреевскій, Ив. Еф., директоръ археологич. института, профессоръ. *Библіографическая замѣтка* объ издаваемомъ подъ его редакціей Энциклопедическомъ словарѣ. Томъ первый. А. Алтай. Т. XL, 454—457.
Андреевы:
— А., сотрудникъ Справочнаго Энциклоп. словаря, т. XLI, 529.
— *Библіографическая замѣтка* о переводѣ Всеобщей исторіи Георга Вебера, томъ двѣнадцатый. Т. XLI, 458, 459.
— К. П., лейтенантъ, начальникъ экспедиціи Рус. Географ. Общества, т. XLII, 83, 114, 116.
Андреянова, петербургская балерина, т. XXXIX, 41, 42.
Андріяшевъ, Ив. Вас., управляющій Екатеринославскимъ отдѣленіемъ дворянскаго банка, сотрудникъ „Кіевлянина". *Некрологъ его.* Т. XLII, 277.
Анненковы:
— Ив. Александр., поручикъ кавалерг. полка, декабристъ, впослѣд. нижегородскій уѣзд. предвод. дворянства, т. XXXIX, 121, 736.
— Никол. Никол., генералъ-адъютантъ, кіевскій генералъ-губернаторъ, т. XXXIX, 32, 36; т. XL, 545—547, 552.
— Праск. Егор., рожд. Поль, т. XXXIX, 736.
Антоній (Смолинъ), епископъ пермскій, т. XXXIX, 723, 724.
Антоновичъ, Владим. Бонифат. *Библіографическая замѣтка* объ изданныхъ подъ его редакціей Мемуарахъ, относящихся къ исторіи Южной Руси. Т. XLII, 248, 249.
Антонскій, ректоръ Московскаго университета, т. XLII, 54.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Анучинъ, Д. Г. *Статья его:* Къ исторіи Императорскаго военно-сиротскаго дома и Павловскаго кадетскаго корпуса. Т. XLI, 614—620.

Апраксинъ, Степ. Ѳедор., генералъ-фельдмаршалъ, т. XXXIX, 594—596.

Аракчеевъ, гр. Алексѣй Андреев., генералъ-отъ-артиллеріи, военный министръ, т. XXXIX, 239, 240; т. XL, 343—347, 614—616; т. XLI, 82, 134, 619, 620.

Арапова, Александ. Петр., урожд. Ланская, дочь Н. Н. Пушкиной, т. XXXIX, 653.

Ардашевъ, Н. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Регламентъ вотчинной коллегіи въ проектахъ 1723, 1732 и 1840 годовъ. Т. XLI, 454—456.

Арнимъ, графъ, прусскій дипломатъ, т. XL, 519.

Арсеньевы:

— Никита Вас., генералъ-маіоръ, директоръ Императорскаго Военно-Сиротскаго дома, т. XL, 351, 354; т. XLI, 99.

— Констан. Констант., юристъ, публицистъ и критикъ, т. XXXIX, 231.

Артемовскій, ректоръ Харьков. университета, т. XL, 149—151.

Артемовскій-Гулакъ, Петръ Петр., профессоръ Харьковскаго университета, писатель, т. XL, 127—130, 141.

Артемьевъ, Александ. Ив., старшій редакторъ статистическаго комитета, писатель. *Воспоминанія о немъ.* Т. XLII, 429—435.

Арто, скрипачъ, т. XLI, 36.

Асботъ, членъ венгерскаго парламента. *Замѣтка* о соч. его: Офиціальная поѣздка по Босніи и Герцеговинѣ. Т. XXXIX, 216.

Ахвердовъ, Егоръ Никол., поручикъ, т. XXXIX, 318.

Ахматовъ, цензоръ, т. XL, 539; т. XLI, 535, 536.

Аѳанасій, епископъ, ректоръ Петербургской духов. академіи, т. XL, 98.

Аѳанасьевы:

— Никол. Яков. *Воспоминанія его.* Т. XLI, 23—48, 255—275. *Поправки* къ этимъ воспоминаніямъ. Т. XLI, 720; т. XLII, 235, 236.

— Яковъ Ив., отецъ предыдущаго. Т. XLI, 24, 26, 32.

Аюкъ, калмыцкій ханъ, т. XL, 574.

Б.

Бабъ, основатель секты бабидовъ. См. Али-Мухаммедъ.

Багалѣй, Д. И., профессоръ Харьковскаго университета. *Библіографическая замѣтка его:* Дм. Цвѣтаевъ. Протестанство и протестанты въ Россіи до эпохи преобразованій. Т. XLII, 529—533.

Багратіонъ, кн. Петръ Ив., генералъ, герой Бородинской битвы, т. XLI, 93; т. XLII, 146.

фонъ-Базедовъ, Гансъ. *Замѣтка* о соч. его: Neues von Fedor Dostoyewski. Т. XLI, 228, 229.

Бакрадзе, Дм. Захар., изслѣдователь кавказской старины. *Некрологъ его.* Т. XL, 246.

Балакиревъ, М. А., композиторъ, т. XLI, 273.

Балашовъ, Александ. Дмитр., министръ полиціи, а потомъ рязанскій, тамбовскій, воронежскій, орловскій и тульскій генералъ-губернаторъ, т. XXXIX, 232.

Бантышъ-Каменскій, Никол. Никол., писатель, т. XXXIX, 232.

Банулеско-Бодони, митрополитъ. См. Гавріилъ.

Бапстъ, Жерменъ. *Замѣтка его* о панорамахъ Наполеона I. Т. XLII, 552.

Барановъ, Н. М., архангельскій, потомъ нижегородскій губернаторъ, т. XLII, 95.

Барентсъ, Вильямъ, знаменитый голландскій мореплаватель, т. XLII, 400.

Барингъ-Гоульдъ. *Замѣтка* о книгѣ его: Историческія странности и странныя приключенія. Т. XXXIX, 718, 719.

Барклай-де-Толли, кн. Мих. Богданов., генералъ-фельдмаршалъ, военный министръ, т. XLII, 154, 155.

Барсовы:

— Н. И., профессоръ. *Замѣтка его:* Къ біографіи В. Н. Татищева. Т. XXXIX, 720—722.

— Никол. Пав., профессоръ Варшавскаго университета. *Некрологъ его.* Т. XXXIX, 734.

Барсуковъ, Никол. Платон. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Жизнь и труды М. П. Погодина. Книга третья. Т. XL, 465, 466.

Бартолини, маркиза, морганатическая супруга Жерома-Наполеона, т. XLII, 828, 829.

Барятинскій, кн. Александ. Ив., генералъ-фельдмаршалъ, намѣстникъ Кавказскій, т. XXXIX, 307, 310—313.

Баташевы:

— Андрей Родіон., владѣлецъ Шепелевскихъ заводовъ и имѣній, самодуръ, т. XLI, 43, 44, 255—258.

— Ив. Родіон., братъ предыдущаго, т. XLI, 255, 257.

Батюшковъ, Помпей Никол., дѣйств. тайный совѣтникъ, почетный опекунъ. *Статья* по поводу изданія его: „Бѣлоруссія и Литва, историческія судьбы Сѣ-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

веро-Западнаго края". Т. XXXIX, 406—429.

Бауеръ, Эрвинъ. *Замѣтка* о его книгѣ Натурализмъ, нигилизмъ и идеализмъ въ русскомъ творчествѣ. Т. XL, 469, 470.

Бауманъ, Алексѣй Осиповъ., издатель „Иллюстраціи" и др. иллюстрированныхъ журналовъ, т. XLII, 508.

Баумгартенъ, Александ. Карлов., генералъ, т. XXXIX, 37.

Башкирцева, Марія. *Замѣтка* объ изданномъ ея „Журналѣ" на англійскомъ языкѣ. Т. XLI, 703—705.

Баязитовъ, А., петербургскій магометанскій ахунъ-мударрисъ. *Библіографическая замѣтка его:* Очеркъ развитія религіозно-философской мысли въ Исламѣ. С. Уманца. Т. XL, 668—673.

Бедряга, Николай, ветеранъ 1812 г., т. XLI, 79.

Безакъ, Александ. Пав., полковникъ, начальникъ штаба артиллеріи, т. XL, 617, 618, 621, 624.

Безобразовы:

— Владим. Пав., академикъ, сенаторъ, писатель, т. XL, 552.

— Пав. В. *Статья его:* Рукописи А. Н. Островскаго. Т. XXXIX, 344—373. *Поправка* къ этой статьѣ. Т. XXXIX, 734.

Безсоновы, тобольскіе купцы-милліонеры, т. XLI, 25.

фонъ-Бейстъ, гр. Фридрихъ-Фердинандъ, австрійскій государств. канцлеръ, т. XXXIX, 392.

Бекетовы, Дмитр. Апполонов. и Елена Петров., опекуны сиротъ горно-заводчика, милліонера Баташова, т. XXXIX, 86—88.

Беккеръ, К. Ф. *Библіографическая замѣтка* о его Древней исторіи, обработанной Вильгельмомъ Мюллеромъ. Часть первая. Т. XXXIX, 691, 692.

Беклемишевъ, Алексѣй, воевода г. Усерда, т. XLI, 435, 443.

Белле, Даніель. *Замѣтка* о его разсказѣ: L'empereur du Bresil chez Victor Hugo. Т. XLII, 840, 841.

Бенескриптовъ, Ев. А., профессоръ Петерб. духов. академіи, т. XLI, 529.

Бени, Артуръ, авторъ записокъ, т. XXXIX, 233.

Бенкендорфъ, графы:

— Александ. Христофоров., генералъ-адъютантъ, шефъ корпуса жандармовъ. *Замѣтка* объ отношеніяхъ къ нему императора Николая I. Т. XXXIX, 479—481. *Упомин.* т. XXXIX, 233; т. XLI, 167, 168.

— Доротея. См. кн. Ливенъ.

Беннигсенъ, гр., Леонтій Леонтьев., генералъ-отъ-кавалеріи, т. XLII, 141, 163.

Бентковскій, Іосифъ Викент., статистикъ и этнографъ. *Некрологъ его.* Т. XLII, 276.

Березины:

— Илья Никол., профессоръ, писатель. *Замѣтка* о его 50-ти-лѣтнемъ юбилеѣ. Т. XXXIX, 729, 780.

— Леонидъ Вас., цензоръ Петербургскаго почтамта, писатель. *Некрологъ его.* Т. XXXIX, 733.

Беринда, Памва, составитель лексикона словенороссkаго, т. XLI, 513.

Берль, Альфредъ. *Замѣтка* о статьѣ его: О попыткѣ императора. Т. XL, 474.

Бестужевъ, Никол. Александ., капитанъ-лейтенантъ, декабристъ, т. XXXIX, 233.

Бестужевъ-Рюминъ, гр. Алексѣй Петр., генералъ-фельдмаршалъ, государствен. канцлеръ, т. XXXIX, 584, 586, 588, 590, 594—596.

Бибиковъ, Дмит. Гавр., генер.-адъют., кіевскій, подольскій и волынскій генералъ-губернаторъ, т. XLI, 263, 524.

Бильбасовъ, В. А., профессоръ. *Статья* по поводу соч. его: «Исторія императрицы Екатерины Второй». Т. XXXIX, 573—597. *Библіографическая замѣтка* объ этомъ сочиненіи. Т. XXXIX, 678—683.

фонъ-Бисмаркъ-Шенгаузенъ, Отто, прусскій государственный человѣкъ. *Карикатуры на него.* Т. XLII, 205—234. *Упомин.* Т. XXXIX, 388, 391, 392, 399, 401—405; т. XL, 32, 472, 473, 530, 532; т. XLI, 229—231.

Бичеръ-Стоу, Гаріетъ, англійская романистка. *Замѣтка* объ изданной біографіи ея. Т. XL, 698, 699.

Бобровскіе:

— П. О. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Русская греко-уніатская церковь въ царствованіе императора Александра I. Историческое изслѣдованіе по архивнымъ документамъ. Т. XLI, 214—218.

— Старшій врачъ Полтавскаго кадетскаго корпуса. Т. XLI, 320, 329.

Богдановичи:

— Иппол. Ѳедор., писатель. *Замѣтка* о памятникѣ на его могилѣ. Т. XLI, 180—183.

— Поручикъ, офицеръ Полтавскаго кадетскаго корпуса. Т. XLI, 314.

Богдановъ, Мих. Гавр., мастеръ, поднимавшій большой колоколъ Ивана Великаго. Т. XLII, 189, 190.

Боголюбовы:

— Алексѣй Петр., профессоръ живописи, т. XXXIX, 176—178, 181—183, 185.

— Ив. Ал., директоръ Оренбургскаго кадетскаго корпуса, т. XLII, 449.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Н. П., т. XXXIX, 180—182.
— Ѳекла Александр., т. XXXIX, 181.
Богоявленскій, Никол. Петр., докторъ медицины. *Некрологъ его.* Т. XLII, 856.
Бодомъ, Х. И., генеральный шведско-норвежскій консулъ въ Архангельскѣ, т. XLII, 704.
Бодянскій, редакторъ Полтавскихъ губ. вѣдомостей и инспекторъ классовъ Полтавскаго кадет. корпуса, т. XLI, 307, 309—311.
Бореніусъ, Г. *Библіографическая замѣтка* о его сборникѣ: Акты для выясненія политическаго положенія великаго княжества Финляндскаго. Т. XLI. 682—685.
Борзенковъ, человѣкъ помѣщика Ширкова, мнимый убійца дѣвицы Алтуховой, т. XLI, 139, 143—145, 147, 148, 156.
Борисовы:
— Александ. Ив., поручикъ артиллеріи, декабристъ, т. XXXIX, 123.
— Петръ Ив., подпоручикъ 8-й артил. бригады, декабристъ, т. XXXIX, 123.
Борисъ (В. В. Плотниковъ), архимандритъ, ректоръ Кіевской духовной семинаріи. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Исторія христіанскаго просвѣщенія въ его отношеніяхъ къ древней греко-римской образованности. Періодъ второй (313—529). Т. XLI. 685—687.
Бороздинъ, Корн. Александр. *Воспоминанія его* о Н. Н. Муравьевѣ-Карскомъ. Т. XXXIX, 86—101, 307—323. *Замѣтка его:* По поводу біографіи Н. И. Хмельницкаго. Т. XXXIX, 237, 238.
Боткинъ, Серг. Петр., лейбъ-медикъ, профессоръ. *Некрологъ его.* Т. XXXIX, 234, 235. *Упомин.* т. XLII, 340.
де-Бофранше д'Аайя, графъ Людовикъ-Карлъ-Антонъ, бригадный генералъ. *Замѣтка* о его происхожденіи. Т. XLII, 546—549.
Боцяновскій, В. Ѳ. *Библіографическія замѣтки его:* Тверь въ XVII вѣкѣ. Историческій и археологическій путеводитель по г. Твери. Изслѣдованіе Н. Н. Овсянникова. Т. XXXIX, 190—192. Памятники древняго православія въ г. Владимірѣ-Волынскомъ. Составилъ и издалъ Е. Н. Дверницкій. Т. XXXIX, 207—209. Д. И. Эварницкій. Очеркъ по исторіи запорожскихъ казаковъ и Новороссійскаго края. Т. XXXIX, 463—466. Н. Бѣляшевскій. Монетные клады Кіевской губерніи. Т. XXXIX, 468. Извѣстія Общества археологіи, исторіи и этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ. Т. VIII, вып. 2. Вотяки. Историко-этнографическій очеркъ И. Н. Смирнова. Т. XXXIX, 218—221. В. Гошкевичъ. Замокъ князя Симеона Олельковича и лѣтописный городецъ подъ Кіевомъ. Т. XXXIX, 224. Житомирскій могильникъ. Археологическое изслѣдованіе житомирской группы кургановъ. Сергѣя Гамченко. Т. XXXIX, 692—694. А. М. Сементовскій. Бѣлорусскія древности. Т. XXXIX, 707, 708. Инн. Кузнецовъ. Древнія могилы Минусинскаго округа. Т. XLI, 459—461. Мемуары, относящіеся къ исторіи Южной Руси. Выпускъ I (XLI ст.). Переводъ К. Мельникъ подъ редакціей В. Б. Антоновича. Т. XLII, 248, 249. Очерки изъ исторіи литовско-русскаго права. Вып. I. Помѣстья Литовскаго государства. Вып. II. Черты семейнаго права XLI в. Соч. проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова. Т. XLII, 538—540.
Бошнякъ, сотрудникъ адм. Невельскаго въ покореніи Приамурскаго края, т. XL, 586—588.
Брадлей, миссъ. *Замѣтка* о составленной ею біографіи леди Арабеллы Стюартъ. Т. XL, 697, 698.
Брайсъ, Джемсъ, англійскій историкъ и публицистъ. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Американская республика, ч. I и II, въ переводѣ Невѣдомскаго. Т. XLII, 814—817.
Бранденбургъ, графъ, прусскій министръ-президентъ, т. XXXIX, 384—387.
Брандесъ, Георгъ. *Замѣтка* о соч. его: Impressions of Russia. Т. XL, 468.
Браницкіе, польскіе графы, т. XL, 647, 649.
Браунъ, Александръ. *Замѣтка* объ изслѣдованіи его: «Der russische Bauer». Т. XXXIX, 472.
Брикнеръ, Алекс. Густавов., дѣйствит. стат. совѣтникъ, профессоръ Дерптскаго университета. *Статья его:* Зельмира. Эпизодъ изъ исторіи царствованія императрицы Екатерины II. Т. XLI, 277—303, 551—572.
Брискорнъ, директоръ канцеляріи воен. министерства, т. XXXIX, 31, 32.
Бродовскій, М. М. *Библіографическая замѣтка* о его календарѣ для писателей, литераторовъ и издателей и Справочной книжкѣ для писателей, литераторовъ и издателей. Т. XXXIX, 703—705.
Броунъ, Д. Е., капитанъ парохода „Архангельскъ", т. XLII, 672.
Бруккъ, Карлъ-Людвигъ, австрійскій министръ торговли, т. XL, 49.
Брунновъ, гр. Эрнстъ-Филиппъ Иванов., русскій посолъ при великобританскомъ дворѣ, т. XL, 115.
Брунсъ, льговскій лекарь, т. XLI, 144.
Брюловъ, Карлъ, художникъ, т. XLII, 81, 82.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Брянскіе:
— Анна Матв., артистка, т. XL, 95.
— Анна Яков. См. Краевская.
Будбергъ, баронъ, русскій посолъ въ Берлинѣ, т. XL, 531.
Будиловичи:
— Александръ, магистръ, священникъ. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Историческій очеркъ Милеевской св. Параскевіевской церкви, въ связи съ обзоромъ окатоличенія и ополяченія Заверянской Руси (до рѣки Быстрицы). Т. XL, 690, 691.
— П. С., профессоръ Варшавскаго университета, т. XXXIX, 668, 669.
Бузольтъ, Георгъ. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Очеркъ государственныхъ и правовыхъ греческихъ древностей. Переводъ студентовъ Императ. Харьковск. университета. Т. XLII, 535.
Буксгевденъ, гр., петербургскій военный губернаторъ, т. XLI, 619, 620.
Булгаковы:
— Констант. А., офицеръ, т. XLI, 269, 720.
— Павелъ А., проказникъ, т. XLI, 720.
— Ѳ. И., писатель. *Статьи его:* Рембрандтъ. Т. XL, 192—209. Бисмаркъ въ карикатурахъ. Т. XLII, 205—234. *Статьи* по поводу изданія его: „Наши художники". Т. XXXIX, 626—640; т. XLI, 641—664. *Замѣтка его:* Памятникъ Вольтеру въ Фернеѣ. Т. XLI, 671—675. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Иллюстрированная исторія книгопечатанія и типографскаго искусства. Т. I. Съ изобрѣтенія книгопечатанія по XVIII вѣкъ включительно. Т. XLI, 213, 214. *Историческія мелочи,* т. XLII, 253—262, 541—544, 826—834.
Булгаринъ, Ѳадей Венедикт., писатель и журналистъ, т. XXXIX, 571; т. XL, 101, 102, 303, 304; т. XLI, 530, 531; т. XLII, 72—77.
Бунзенъ:
— Баронъ, руссофобъ, т. XXXIX, 390.
— Прусскій посолъ въ Лондонѣ, т. XL, 531.
Буняковскій, Викт. Яков., вице-президентъ Академіи Наукъ. *Некрологъ его.* Т. XXXIX, 493, 494.
Буоль-Шауэнштейнъ, гр. Карлъ-Фердинандъ, австрійскій министръ иностран. дѣлъ, т. XXXIX, 392—394, 396—398; т. XL, 23 — 28, 31, 33 — 39, 41, 43 — 47, 266—271, 274—281, 287—289, 515, 517—519, 521—527, 529, 530.
Бурачекъ, С., редакторъ журнала „Маякъ", т. XXXIX, 333.
де-Буркеней, французскій дипломатъ, т. XL, 23—30, 37, 39, 40, 43, 266—268, 271, 280, 281.
Бурковскій, графъ, староконстантиновскій помѣщикъ, владѣлецъ фальшивой библіотеки, т. XLI, 577.
Буташевичъ-Петрашевскій, Мих. Вас., помѣщикъ и петербургскій домовладѣлецъ, организаторъ тайнаго общества, т. XL, 536, 537, 539—545; т. XLI, 537.
Бутлеровъ, Александ. Мих., профессоръ Петерб. университета, академикъ. *Воспоминанія о немъ.* Т. XLII, 424—428.
Бутурлины:
— Дмит. Петр., дѣйств. тайн. совѣт., сенаторъ, директоръ публич. библіотеки, т. XL, 307.
— Иванъ, стольникъ и воевода, т. XLI, 63, 67.
Бухананъ, Андрьюзъ, англійскій дипломатъ, т. XXXIX, 401, 402.
Быковъ, А. А. *Библіографическія замѣтки его:* Великіе и удѣльные князья сѣверной Руси въ татарскій періодъ, съ 1238 по 1505 г., біографическіе очерки А. В. Экземплярскаго. Томъ первый. Т. XXXIX, 188—190. Изъ исторіи Угріи и славянства въ XII вѣкѣ (1141—1173), изслѣдованіе Константина Грота. Т. XXXIX, 200—202. Исторія города Касимова съ древнѣйшихъ временъ; соч. Н. И. Шишкина. Т. XXXIX, 205, 206. Около трона, романъ изъ жизни современныхъ нѣмецкимъ аристократовъ. Н. А. Попова. Т. XXXIX, 209—211. Исторія Кіевскаго института благородныхъ дѣвицъ (1838—1888), сост. М. М. Захарченко. Т. XXXIX, 211. Этнографическое Обозрѣніе, періодическое изданіе этнографическаго отдѣла Императорскаго Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, состоящаго при Московскомъ университетѣ. Двѣ книги: май и октябрь. Т. XXXIX, 464. 465. Кама и Уралъ, очерки и впечатлѣнія В. Немировича-Данченко. Т. XXXIX, 688, 689. Сборникъ матеріаловъ для исторіи С.-Петербургскаго Коммерческаго училища. Три тома. Т. XXXIX, 708, 709. Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Выпускъ девятый. Т. XL, 459—461. Черногорскія царствующія династіи, историко-гинеалогическая справка И. Я. Вацлика. Т. XL, 689, 690. И. И. Неплюевъ и Оренбургскій край въ прежнемъ его составѣ до 1758 г. Историческая монографія В. Н. Витевскаго. Вып. 2-й. Т. XLI, 690—692.
Бычковы:
— Аѳан. Ѳедор., дѣйствит. тайн. совѣт., академикъ, директоръ Императорской публичной библіотеки, членъ государств. совѣта. *Статья и замѣтка* о пятидесятилѣтней дѣятельности его. Т. XLII, 275, 477—487. *Упомин.* т. XLI, 528.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Ѳедоръ Ник., генералъ-лейтенантъ, т. XLII, 478.

Бюлеръ, баронъ, Ѳедоръ Андреев., д. тайн. сов., почетный опекунъ, т. XXXIX, 196.

Бѣгичевы:

— Александра Вас., урожд. Давыдова, т. XLI, 71, 78.

— Екат. Ник., вдова генералъ-маіора, т. XL, 341—343.

Бѣлозерскій, В. М., преподаватель Полтавскаго кадет. корпуса, впослѣд. членъ Варшавск. судебн. палаты, т. XLII, 472, 473.

Бѣлокурова, М. Д., распорядительница пріюта „Ясли“, т. XXXIX, 653.

Бѣлоха, Порф. Никит., педагогъ, авторъ учебниковъ по географіи. *Некрологъ его.* Т. XLII, 853.

Бѣляшевскій, Н. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Монетные клады Кіевской губерніи. Т. XXXIX, 468, 469.

В.

Вагнеръ, Карлъ Богд., полковникъ, т. XL, 620—622, 624.

Валори, князь. *Замѣтка* о его статьѣ: Цари и Франція. Т. XLII, 553, 556.

Валуевъ, гр. Петръ Александр., предсѣдатель комитета министровъ, членъ госуд. совѣта. *Некрологъ его.* Т. XXXIX, 734. *Упомин.*, т. XLI, 346.

Валькеръ, знаменитый фабрикантъ органовъ, т. XLII, 517.

Ванновскій, Петръ Семен., ген.-адъютантъ, военный министръ, т. XLI, 614.

Варгунинъ, Александ. Ив., писчебумажный фабрикантъ, т. XLI, 517—520, 532, 534, 538—546, 549, 550.

Варпаховскій, генералъ, дивизіонный командиръ, т. XLI, 305.

Васильевскій, экзархъ Грузіи. См. Іона.

Васильевы:

— И. И. *Библіографическая замѣтка* о его сборникѣ: Пензенскія губернскія вѣдомости. Первое пятидесятилѣтіе 1838 по 1888 г. Отдѣлъ неофиціальный: систематическій сводъ статей, относящихся къ Пензенскому краю, хронологическій и алфавитный указатель. Т. XXXIX, 206, 207.

— Графъ, министръ финансовъ, т. XLII, 132—134.

Василько-Петровъ, Вас. Петров., учитель драматич. искусства и писатель, т. XXXIX, 233.

Васильчиковъ, Александ. Алексѣев., гофмейстеръ, директоръ Эрмитажа. *Некрологъ его.* Т. XLI, 237, 238.

Васьяновъ, Ив. Вас., членъ отъ правительства при Курскомъ мировомъ съѣздѣ, т. XLI, 361.

Ватсонъ, М. В., либреттистка, т. XLI, 276.

Вахрамѣевъ, И. А. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Городъ Любимъ и упраздненныя обители въ Любимѣ и его уѣздѣ. Матеріалы для исторіи русской іерархіи. Т. XLI, 692—694.

Вацликъ, И. Я. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Черногорскія царствующія династіи, историко-генеалогическая справка. Т. XL, 689, 690.

Введенскій, Арс. Ив. *Статьи его:* Николай Семеновичъ Лѣсковъ. Т. XL, 393—406. Николай Александровичъ Лейкинъ. Т. XL. 634—643. Безвременно-угасшій талантъ (Н. А. Добролюбовъ). Т. XLI, 115—133. Графъ Евгеній Андреевичъ Саліасъ. Т. XLI, 380—399. Всеволодъ Владиміровичъ Крестовскій. Т. XLII, 734—754. *Библіографическія замѣтки его;* Сочиненія Скабичевскаго. Критическіе этюды, публицистическіе очерки, литературные характеристики. Въ 2-хъ томахъ. Т. XLI, 456—458. Русскіе писатели послѣ Гоголя. Чтенія, рѣчи и статьи Ореста Миллера. Въ 2-хъ частяхъ. Изд. 4-е, исправленное и дополнен. Т. XLI, 461—463.

Веберъ, Георгъ, историкъ. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Всеобщая исторія. Переводъ со второго изданія, пересмотрѣннаго и переработаннаго при содѣйствіи спеціалистовъ. Томъ двѣнадцатый. Переводъ Андреева и В. Невѣдомскаго. Т. XLI, 458, 459.

Веймарнъ, маіоръ, директоръ Дома военнаго воспитанія, т. XLI, 619, 620.

Вельяшевъ-Волынскій, Д. И., писатель, т. XXXIX, 233.

Венгеровъ, С. А. *Библіографическая замѣтка* объ изд. его: Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ (отъ начала русской образованности до нашихъ дней). Томъ I. Т. XXXIX, 460—463.

Венявскій, польскій артистъ, т. XLI, 272, 720.

Вергуэль, адмиралъ, отецъ Наполеона III, т. XLII, 550.

Веревкинъ, А. М., курскій губернаторъ, т. XLI, 183.

Вержбицкій, Т. І. *Замѣтка его:* Памятникъ на могилѣ И. Ѳ. Богдановича. Т. XLI, 180—183.

Верстовскій, Алексѣй Никол., инспекторъ московскаго театра, композиторъ, т. XLI, 37.

Вертеймеръ, вѣнскій профессоръ. *Замѣтка* о составленной имъ біографіи

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Маріи-Терезіи, герцогини Ангулемской. Т. XLII, 543, 544.

Вестмореленъ, англійскій дипломатъ, т. XL, 23, 24, 26, 266—268, 271.

Викторія (Александрина), королева Великобританіи и Ирландіи, императрица Индіи, т. XL, 532.

Вильгельмъ:

— I, король виртембергскій, т. XLI, 284.

— I (Фридрихъ-Людвигъ), король прусскій и императоръ германскій, т. XXXIX, 378—380, 390, 392, 399.

— II, король прусскій и императоръ германскій, т. XL, 473—475.

Виницкая, А. А., писательница. *Воспоминанія ея* о Н. Д. Хвощинской. Т. XXXIX, 146—155. *Упомин.* т. XXXIX, 275.

Винтеръ, деканъ юрид. факультета Казанскаго университета, т. XLII, 711, 712.

Висленевъ, Вас. Никит., новгородскій помѣщикъ, т. XL, 339—343.

Витгенштейнъ, Петръ Христіановъ., гр. **Зейнъ фонъ-Берлебургъ**, свѣтлѣйшій князь, генералъ-фельдмаршалъ, т. XLI, 169, 175.

Витевскій, В. Н. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: И. И. Неплюевъ и Оренбургскій край въ прежнемъ его составѣ до 1758 г. Историческая монографія. Вып. второй. Т. XLI, 690—692.

Витнивицкій, пчеловодъ, т. XLI, 530.

Віардо, Полина, рожд. Гарсіа, пѣвица, т. XXXIX, 48, 51.

Вельегорскіе, графы:

— Матв. Ю., т. XLI, 273.

— Мих. Ю., т. XLI, 272, 273.

Владиміровъ, Петръ Влад., профессоръ, т. XLII, 560, 561.

Владимірскій-Будановъ, М. Ф., профессоръ. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Очерки изъ исторіи Литовско-русскаго права. Вып. I. Помѣстья литовскаго государства. Вып. II. Черты семейнаго права XVI в. Т. XLII, 537—540.

Владиміръ (Василій Алявдинъ), епископъ тобольскій, т. XXXIX, 233.

Владиславлевъ, Мих. Ив., ректоръ Петербургскаго университета, профессоръ философіи. *Некрологъ его.* Т. XL, 711, 712.

Боейковы:

— А., профессоръ, писатель, т. XXXIX, 233; т. XL, 100—102.

— Владѣлецъ историческаго Бородина, т. XLI, 78.

Вознесенскій, студентъ-озорникъ Тамбов, дух. семинаріи, т. XLI, 425.

Волковъ, А. П., полтавскій губернаторъ, т. XLI, 319.

Волконскіе, князья:

— Петръ Мих., свѣтлѣйшій князь, генералъ-фельдмаршалъ, министръ двора, т. XXXIX, 51, 52, 561; т. XLII, 156, 160.

— Сергѣй Григ., флигель-адъютантъ, генералъ-маіоръ, декабристъ, т. XXXIX, 119, 120, 123.

Володковскій, Д. А., мичманъ, членъ экспедиціи Рус. Географ. Общества, т. XLII, 114, 116, 117.

Вольтеръ, Франсуа-Мари, французскій писатель и энциклопедистъ. *Замѣтка* о памятникѣ ему въ Фернеѣ. Т. XLI, 671—675. *Письмо его* о тщеславіи. Т. XLII, 261, 262.

Вольфъ:

— Полковникъ генеральнаго штаба, т. XXXIX, 37.

— Австрійскій историкъ. *Замѣтка* о его книгѣ „Josephina“. Т. XLII, 541—543.

Воронинъ, Ѳедоръ Ив., поморскій промышленникъ, т. XLII, 117.

Воронцовы:

— Мих. Семенов., свѣтлѣйшій князь, фельдмаршалъ, кавказскій намѣстникъ, т. XXXIX, 88 — 90, 92, 93, 308 — 311, 560; т. XLI, 266, 269, 525, 618, 619.

— Супруга предыдущаго, т. XLI, 266.

— Семенъ Роман., полномочный посолъ при великобританскомъ дворѣ, т. XLI, 279—284.

Воротынцевъ, полковой командиръ, т. XLII, 453.

Востоковъ, А. А. *Статья его*: Петрушка Герцикъ. Очеркъ изъ быта первой четверти XVIII столѣтія. Т. XLI, 628—640.

Врангель, Егоръ Петр., генералъ-маіоръ, директоръ Полтавскаго кадет. корпуса, т. XLI, 111—114, 307, 308.

Вратиславъ, А. *Замѣтка* объ изданіи его: Шестьдесятъ народныхъ сказокъ исключительно изъ славянскихъ источниковъ. Т. XL, 230, 231.

Вревскій, баронъ, Павелъ Александр., смертельно раненый на Черной рѣчкѣ, т. XXXIX, 31.

Всеволодовичъ. *Замѣтка* о его статьѣ: Нѣсколько словъ о русской колонизаціи. Т. XXXIX, 715, 716.

Вьетанъ, скрипачъ, т. XLI, 263, 264, 272.

Вырезубовъ, Онуфрій, ольшанскій подъячій, т. XLI, 434, 436—438.

Вышнеградскій, директоръ 1 Петерб. гимназіи, т. XLI, 529.

Вяземскій, кн., Петръ Андреев., поэтъ и критикъ, т. XLI, 81; т. XLII, 53.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Г.

Гавріилъ:

— (Банулеско-Бодони), митрополитъ, основатель Кишиневской епархіи, т. XLII, 790.

— (Петровъ), митрополитъ новгородскій и петербургскій, т. XLI, 400—407.

— **Гагаринъ**, кн. Александ. Ив., командиръ отряда, впослѣд. кутаисскій губернаторъ, т. XXXIX, 100, 101; т. XLI, 269.

Гаевскій, Пав. Ив., цензоръ, т. XLI, 336, 337.

Гайе, Латуръ. *Замѣтка* о соч. его: Антонинъ благочестивый и его время. Т. XXXIX, 217.

Галанинъ, Ив. Дм., помощникъ редактора «Ж. М. Н. Просв.», т. XLI, 529.

Галкинъ-Врасскій, Мих. Никол., саратовскій губернаторъ, впослѣд. начальникъ глав. тюремнаго управленія, т. XXXIX, 177.

Гальбе, Максъ. *Замѣтка* о соч. его: Фридрихъ II и папскій тронъ до коронаціи императора. Т. XXXIX, 218, 219.

Гальперинъ-Каминскій. *Замѣтка* по поводу отзыва его о соч. гр. Л. Н. Толстого. Т. XL, 694, 695.

Гамченко, Сергѣй. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Житомирскій могильникъ. Археологическое изслѣдованіе житомирской группы кургановъ. Т. XXXIX, 692—694.

Гарденъ, Максимиліанъ. *Замѣтка* о соч. его: Der Nazarener von Tula. Т. XLI, 227, 228.

Гарновскій, повѣренный по дѣламъ Потемкина-Таврическаго, т. XLI, 297.

Гарусовъ, И. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Очерки литературы древнихъ и новыхъ народовъ. Драматическая поэзія. Въ двухъ книгахъ. Т. XLII, 820—822.

Гаршины:

— Всев. Мих., писатель, т. XXXIX, 274—276.

— Евг. Мих., писатель. *Замѣтка его:* Одинъ изъ русскихъ Гракховъ прошлаго столѣтія. Т. XLI, 621—628. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Новгородскія древности. Третье исправленное и дополненное изданіе, съ рисунками З. П. Ахочинской. Т. XXXIX, 709, 710. *Библіографическая его замѣтка:* Отчетъ Императорской публичной библіотеки за 1887 годъ. Т. XL, 686—688.

Гаттонъ, Джозефъ. *Замѣтка* о его романѣ: По царскому указу. Т. XL, 468.

Гвоздевъ - Голембіовскій, А. А., референтъ Московскаго археологическаго съѣзда, т. XXXIX, 669.

Гебель, Г. Ф., директоръ - распорядитель китобойнаго завода Еретики, т. XLII, 90 — 92, 97—100, 106, 673, 675, 679—681, 699, 703, 704.

Гедеоновы:

— Ив. Мих., генералъ-отъ-инфантеріи, т. XLI, 517, 518, 521, 522, 528, 530, 533, 534, 539—542, 544, 546, 549, 550.

— С. А., директоръ театровъ, т. XXXIX, 735; т. XLI, 271.

Гейденъ, графъ, т. XXXIX, 320, 321; т. XL, 248.

Гейдъ, Вильгельмъ. *Замѣтка* объ изслѣдованіи его: „Исторія левантской торговли въ средніе вѣка". Т. XXXIX, 472, 473.

Геллерманъ, англійскій консулъ въ Архангельскѣ, т. XLII, 394, 396, 401.

Гельбке, Вас. Фердинандов., русскій юристъ. *Некрологъ его.* Т. XLII, 854, 855.

Генъ, Викторъ, главный библіотекарь публичной библіотеки. *Некрологъ его.* Т. XL, 484.

Георгіевскій, Л. А. *Библіографическая замѣтка* объ изданномъ подъ его редакціей Иллюстрированномъ собраніи греческихъ и римскихъ классиковъ. Т. XLII, 824, 825.

Георгій Михайловичъ, великій князь. *Библіографическая замѣтка* объ изданіи его: Монеты царствованія императора Николая I. Т. XLI, 445—449.

Герасимъ, тобольскій архіепископъ, т. XLI, 204, 205.

Герлахъ, прусскій генералъ, т. XL, 534.

Герценъ, Александ. Ив., русскій писатель-эмигрантъ, т. XL, 113, 114.

Герцикъ, Петрушка, мазепинецъ. *Очеркъ* А. А. Востокова. Т. XLI, 628—640.

Гессе, австрійскій генералъ, т. XL. 528.

Геттунъ, слѣдователь по дѣлу объ убійствѣ льговской дворянки Алтуховой, т. XLI, 142—147, 149, 150, 157, 158.

Гильдебрантъ, Мартинъ. *Замѣтка* о соч. его: Безъ Бисмарка. Трезвое обсужденіе положенія. Т. XL, 472, 473.

Гильотенъ, Жозефъ, Игнасъ, французскій докторъ медицины, т. XLII, 259, 260.

Гиренко, гофъ-медикъ, т. XLI, 429.

Глаголевскій, митрополитъ. См. Серафимъ.

фонъ-Глазенапъ:

— Богд. Александ., генералъ - адъютантъ, т. XLII, 568.

— С., профессоръ. *Замѣтка его:* Окончаніе исторіи о русскихъ путешественницахъ въ Италію въ телѣгѣ. Т. XLII, 568.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Глазуновъ, Ив. Ильичъ, тайн. сов., директоръ Петербургскаго дома милосердія, книгопродавецъ и издатель. *Некрологъ его.* Т. XXXIX, 495, 496.

Глардонъ, Огюстъ, швейцарскій писатель. *Замѣтка* о соч. его: „La position religieuse en Russie". Т. XL, 229.

Глинка:

— Мих. Ив., композиторъ, т. XLII 515, 516.

— Ѳ. С. *Сообщилъ* поправку къ воспоминаніямъ Н. Я. Аѳанасьева. Т. XLI, 720.

Глинскій, Борисъ Борисов. *Статьи его:* Александръ Дмитріевичъ Градовскій. Опытъ характеристики. Т. XXXIX, 156—170. Два съѣзда. Т. XXXIX, 430—440. Великодушное покореніе. Т. XL, 176—191. *Библіографическія замѣтки его:* Польскія реформы XVIII вѣка. Н. Карѣева. Очерки изъ исторіи европейскихъ народовъ. Т. XL, 217—220. Матеріалы для изученія экономическаго быта государственныхъ крестьянъ и инородцевъ Западной Сибири. Выпуски I—V. Т. XL, 225 — 227. Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе императора Александра II. Н. П. Семенова. Т. II. Т. XL, 458, 459. Жизнь и труды М. П. Погодина. Николая Барсукова. Книга третья. Т. XL, 465, 466.

Глѣбовъ, М. П., другъ и секундантъ Лермонтова, т. XXXIX, 726, 727.

Гоголь:

— Марья Ив., рожд. Косяровская, мать писателя, т. XXXIX, 641.

— Никол. Вас., писатель. *Замѣтка* о портретахъ его. Т. XXXIX, 641—645, *Новый его портретъ.* Т. XLI, 233, 234.

Гогоцкій, Н. С., управ. Каменецъ-Подольскимъ отдѣленіемъ крестьян. позем. банка, любитель старины, т. XLII, 782, 784.

Годжетсъ, миссъ. *Замѣтка* о ея сборникѣ: Сказки и легенды изъ страны царей. Т. XL, 467, 468.

Годфрей. *Замѣтка* о переводѣ его на англійскій языкъ Капитанской дочки, Пушкина. Т. XXXIX, 214.

Голенищевы-Кутузовы:

— Логинъ Ив., генералъ-лейтенантъ, т. XLII, 139.

— Пав. Вас., генералъ-отъ-инфантеріи, главный директоръ кадетскихъ корпусовъ, впослѣд. петерб. ген.-губернаторъ, т. XL, 352.

— Пав. Ив., попечитель Московскаго учебн. округа, т. XLII, 50—53, 55.

Голенищевъ-Кутузовъ-Смоленскій, Мих. Иларіон., свѣтлѣйшій князь, генералъ-фельдмаршалъ, генералъ-отъ-инфантеріи, т. XLII, 139, 141—146, 149, 150, 152, 154—166.

Голицыны, князья:

— А. Д., рожд. Шепелева. *Сообщила* поправку къ воспоминаніямъ Аѳанасьева. Т. XLII, 235, 236.

— Левъ Григ., т. XLII, 236.

— Мих. Алексѣев., шутъ Анны Ивановны. *Замѣтка* о его могилѣ. Т. XXXIX, 171—174.

— Мих. Мих., генералъ-фельдмаршалъ, т. XL, 590, 591.

— Княгиня, рожд. Шепелева, т. XLI, 39.

— Княгиня, рожд. Злотницкая, супруга Петра Александ., т. XLI, 80, 82.

Головачевы:

— Генералъ-маіоръ, начальникъ Охтенскаго порохового завода, т. XXXIX, 49.

— П. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Сибирь въ Екатерининской комиссіи. Этюдъ по исторіи Сибири XVIII вѣка. Т. XL, 223, 224.

— (Панаева), А. Я., рожд. Брянская. *Библіографическая замѣтка* объ изданныхъ воспоминаніяхъ ея. Т. XLI, 694—696.

Головинскій, М. В. *Сообщилъ* пять неизданныхъ писемъ декабриста, кн. Е. П. Оболенскаго, и нѣкоторыя о немъ свѣдѣнія. Т. XXXIX, 115—145. Поправка къ этому сообщенію. Т. XXXIX, 736.

Головины, дворянскій родъ, т. XL, 389, 390.

Головкинъ, гр. Юрій Александр., дѣйств. тайн. совѣт., членъ госуд. совѣта, попечитель Харьков. учебн. округа, т. XL, 150—152.

Голомбіовскій, А. А. *Сообщилъ* замѣтку: Разрывъ-трава. Т. XLII, 842—844.

Голубцовъ, министръ финансовъ, т. XLII, 132—135.

Гомбоевъ, Данпилъ Гомбоевичъ, бандидо-хамбо-лама Гусино-Озерскаго дацана. Составленная имъ молитва за царя въ память событія 17-го октября 1888 г. Т. XXXIX, 220, 221.

Гомзагурдій, кадетъ Полтавскаго корпуса. Т. XLI, 109, 110; т. XLII, 458—460.

Гонсе, Жанъ. *Замѣтки* о соч. его: Понятіе о грѣхѣ въ русской литературѣ. Т. XLI, 226, 227. Филантропическій аскетизмъ въ русской литературѣ. Т. XLII, 835—837.

Горголи, Ив. Савичъ, петербургскій оберъ-полиціймейстеръ, т. XXXIX, 233.

Горемыкины:

— Ив. Дм., помѣщикъ села Бѣлаго, Новгород. губ., т. XL, 338, 339.

— Ѳедоръ Ив., военный писатель, т. XL, 338.

Горетовскій, Вас. Ив., протоіерей, ректоръ Рязан. дух. семинаріи, т. XL, 486.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Горкинъ, подмосковный разбойникъ, т. XL, 237.

Горловъ, Ив. Яков., тайн. сов., заслуженный профессоръ Петербургскаго университета, писатель. *Некрологъ его.* Т. XLII, 854.

Городецкій, Митр. Ив. *Статьи его:* Ясли, пріютъ для дѣтей рабочаго класса. Къ исторіи благотворительныхъ учрежденій. Т. XXXIX, 646—654. Поѣздка въ Холмъ, Подолію и Бессарабію. Путевые наброски. Т. XLII, 763—793. *Сообщилъ* анекдоты о В. И. Назимовѣ. Т. XXXIX, 725, 726. *Библіографическая статья* объ изданной подъ его редакціей книгѣ: „Бѣлоруссія и Литва, историческія судьбы Сѣверо-Западнаго края". Т. XXXIX, 406—429. *Библіографическія замѣтки его:* Историко-статистическое описаніе церквей и приходовъ Волынской епархіи. Составилъ преподаватель Волынской духовной семинаріи Н. И. Теодоровичъ. Т. II. Уѣзды Ровенскій, Острожскій и Дубенскій. Т. XL, 685. Историческій очеркъ Милеевской св. Параскевіевской церкви, въ связи съ обзоромъ окаголиченія и ополяченія Завепрянской Руси (до р. Быстрицы). Магистра, священника Александра Будиловича. Т. XL, 690, 691. Двинскіе или Борисовы камни. Изслѣдованіе А. Сапунова. Изданіе Витебскаго губернскаго статистическаго комитета. Т. XLI, 223, 224. *Замѣтка* по поводу двадцатипятилѣтія служебной дѣятельности его по Привислинскому краю. Т. XLII, 852, 853.

Гортензія (Богарне), королева голландская, т. XLII, 549, 550.

Горчаковы:

— Свѣтлѣйшій князь Александ. Мих., государственный канцлеръ, т. XXXIX, 395—398, 400—402, 404; т. XL, 23—50, 266—289, 514—530, 534.

— Кн. Мих. Дмитр., ген.-отъ-артиллеріи, ген.-адъют, намѣстникъ въ цар. Польскомъ, т. XL, 620, 622.

Гоувортъ, филологъ. *Замѣтка* о его изслѣдованіи происхожденія и этнологическаго значенія имени болгаръ. Т. XL, 232.

Гофманъ, Амедей (Эрнстъ-Теодоръ-Вильгельмъ), поэтъ и музыкантъ, т. XLII, 60—62, 66.

Гошкевичъ, В. *Библіографическая замѣтка* о брошюрѣ его: Замокъ князя Симеона Олельковича и лѣтописный городецъ подъ Кіевомъ. Т. XLI, 224.

Гравертъ, петербургская балерина, т. XXXI, 41.

Градовскій, Александ. Дмитр., профессоръ Петербург. университета. *Опытъ характеристики его.* Т. XXXIX, 156—170. *Чествованіе* памяти его въ Юридическомъ обществѣ. Т. XXXIX, 230, 231. *Некрологъ его.* Т. XXXIX, 235, 236.

Градовъ-Саковичъ, Ромуальдъ Романовичъ, основатель „Самарской Газеты". *Некрологъ его.* Т. XL, 712.

Граль, Ѳедоръ Христоф., пермскій докторъ-благодѣтель, т. XLI, 28, 29.

Граммонъ, Аглая. См. Давыдова.

Гранъ, Люсиль, балерина, т. XXXIX, 42.

Гранъ-Картрэ, французскій собиратель карикатуръ. *Статья* по поводу соч. его: Bismark en caricatures. T. XLII, 205—234.

Грей, графъ. *Замѣтка* объ изданной перепискѣ его съ княгинею Ливенъ, т. XXXIX, 711, 712.

Грейгъ, графъ, поручикъ, т. XL, 248.

Греймъ, М. О., каменецъ-подольскій типографъ и фотографъ, т. XLII, 774, 775.

Грекъ, Ал. Петр., д. с. с., переводчикъ мин. иностр. дѣлъ, т. XLI, 529, 530.

Грессеръ, генералъ-лейтенантъ, главный инспекторъ военно-учебныхъ заведеній, т. XLI, 329, 331.

Греффе, Альбертъ, берлинскій профессоръ, окулистъ. *Воспоминаніе объ немъ.* Т. XLII, 119—129.

Гречъ, Никол. Ив., писатель, т. XXXIX, 571, 572.

Грибоѣдова, Нина Александ., рожд. княж. Чавчавадзе, т. XXXIX, 94, 319.

Григоровичъ, Никол. Ив., дѣлопроизводитель и членъ комиссіи по разбору дѣлъ синодальнаго архива. *Некрологъ его.* Т. XXXIX, 237.

Григорьевы:

— АполонъАлександровичъ, писатель, т. XXXIX, 337, 566—568.

— 2-й, актеръ, т. XL, 99.

Гриневецкій, Л. Ф., докторъ экспедиціи Рус. Географ. Общества, т. XLII, 112, 114, 116.

Гриневы, Богданъ и Ѳома, братья, претенденты на воеводство въ Ольшанскѣ, т. XLI, 437—439.

Гроотъ, Іосифъ-Эммануилъ. *Замѣтка* о его Исторіи духовной и гражданской Новой Гренады. Т. XXXIX, 718.

Гротъ:

— Константинъ. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Изъ исторіи Угріи и славянства въ XII вѣкѣ (1141—1173). Т. XXXIX, 200—202.

— Н. Я., профессоръ. *Библіографическія замѣтки* объ издаваемомъ подъ его редакціей журналѣ: «Вопросы философіи и психологіи». Годъ I. Книга 1. Т. XXXIX, 192—195. Книга 2. Т. XL, 224, 225.

Груберъ, Вячеславъ Леоп., докторъ медицины и хирургіи. *Некрологъ его.* Т. XLII, 566, 567.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Губастовъ. *Сообщилъ* поправку къ замѣткѣ „Новѣйшая Антигона“. Т. XLII, 834.

Гудовичъ, графъ, т. XLI, 34.

Гузіевъ, Иванъ, виновникъ крестьянскихъ волненій въ Козьмодемьянской слободѣ, Курской губ., т. XLI, 352—355.

Гульдманъ, В. К., секретарь Каменецъ-Подольскаго губ. статист. комитета, т. XLII, 774.

Гурьевъ, графъ Дм. Александр., министръ финансовъ, т. XLII, 131—136.

Гурьели, князь Дмитрій, гуріецъ, т. XXXIX, 319.

Густавъ III, шведскій король. *Замѣтка* объ убійствѣ его по новымъ даннымъ. Т. XLII, 826—828.

Гюго, Викторъ-Мари, французскій поэтъ. *Замѣтка* о свиданіи его съ императоромъ Педро II. Т. XLII, 840. 841.

Д.

Давидсонъ, Робертъ. *Замѣтка* о книгѣ его: Филиппъ-Августъ, король Франціи и Ингеборги. Т. XXXIX, 217, 218.

Давыдовы:

— Аглая, рожд. Граммонъ, во второмъ бракѣ гр. Себастіани, т. XLI, 77.

— Александра Вас. См. Бѣгичева.

— Александ. Льв., т. XLI, 71, 77.

— Вас. Денис., командиръ Полтавскаго легко-коннаго полка, т. XLI, 71—73.

— Вас. Львов., полковникъ, декабристъ, т. XXXIX, 122, 123; т. XLI, 72, 82.

— Денисъ Васильевичъ, поэтъ-партизанъ. *Статья объ немъ.* Т. XLI, 71—93, 78.

— Евдокимъ Вас., т. XLI, 71.

— Екатер. Никол., рожд. гр. Самойлова, по первому браку Раевская, т. XLI, 71.

— Елена Евдок., рожд. Щербинина, т. XLI, 72.

— Левъ Вас., т. XLI, 71.

— Назорей, русскій ученикъ въ Англіи, т. XXXIX, 713.

— Софья Никол., рожд. Чиркова, т. XLI, 80.

Дадіани, князья:

— Екатерина Александровна, рожд. княж. Чавчавадзе, свѣтлѣйшая княгиня, правительница Мингреліи, т. XXXIX, 94, 95, 98, 100.

— Николай Давидовичъ, владѣтель Мингреліи, т. XXXIX, 86, 94, 99, 100.

Даль, Владим. Ив. (казакъ Луганскій), писатель, лексикографъ, т. XL, 308; т. XLI, 275.

Данилевскій, Григ. Петр., писатель. *Статья* о немъ. Т. XL, 154—170.

Даргомыжскій, А. С., композиторъ, т. XLI, 273.

Дашкевичъ, И. П. *Библіографическая замѣтка* объ изданной подъ его редакціею четвертой книгѣ Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора лѣтописца. Т. XLII, 242—244.

Дверницкій, Емеліанъ Никол. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Памятники древняго православія въ г. Владимірѣ-Волынскомъ. Т. XXXIX, 207—209.

Дегай, юристъ, т. XL, 307.

Дейкъ, Ф. П., преподаватель нѣмецк. яз. въ Полтав. кадет. корпусѣ, т. XXII, 451, 472.

Деклозо. *Замѣтка* о составленной имъ монографіи: „Габріель д'Эстре“. Т. XXXIX, 476, 477.

Дельбордъ, гр. Юлій. *Замѣтка* о составленной имъ біографіи Шарлоты Бурбонъ. Т. XXXIX, 717.

Демидовы:

— Матильда, принцесса. *Замѣтка* о ней. Т. XLII, 828, 829.

— Никол. Ив., ген.-ад., главный директоръ кадетскихъ корпусовъ, XL, 350, 352—354, 611, 612.

— П. Н., курскій губернаторъ, т. XLI, 181.

Демьяновъ, поручикъ, измученный Шамилемъ, т. XXXIX, 560.

Денисьева, Марья Мих., рожд. Соболевская, мать писателя Перовскаго (Погорѣльскаго), т. XLII, 46, 47.

Денъ, В. И., курскій губернаторъ, т. XLI, 345—379.

фонъ-Дервизъ, строитель желѣзныхъ дорогъ, т. XXXIX, 516—521, 528.

Деревицкій, А. Н. *Библіографическая замѣтка его*: Георгъ Бузольтъ. Очеркъ государственныхъ и правовыхъ греческихъ древностей. Т. XLII, 535—537.

Деропъ, „маіорша“, т. XLI, 620.

Дёфферинъ, леди. *Замѣтка* о соч. ея: Наша вице-королевская жизнь въ Индіи. Т. XLII, 557, 558.

Джунковскій, ректоръ Харьков. университета, т. XLII, 70.

Ди, докторъ, магикъ, т. XLII, 557.

Дибичъ-Забалканскій, гр. Ив. Ив., генералъ-фельдмаршалъ. *Письма его* къ кн. П. Н. Оболенскому. Т. XXXIX, 129, 130. *Упомин.* т. XLI, 82—86; 173, 175, 176.

Димитрій, епископъ балтскій, викарій Подольской епархіи, т. XLII, 774.

Дингельштедтъ, сотрудникъ Справочнаго энцикл. словаря, т. XLI, 530.

Діонисій:

— Святой, архіепископъ суздальскій и нижегородскій, т. XLII, 489, 490.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— (Омачкинъ), келарь Нижегородскаго Печерскаго монастыря, т. XLII, 492—494.

Дмитріевы:

— Александръ *Библіографическая замѣтка* о его изданіи: Пермская старина. Сборникъ историческихъ статей и матеріаловъ преимущественно о Пермскомъ краѣ. Вып. I. Древности бывшей Перми Великой. Т. XXXIX, 686—688.

— О. Д., петербургскій типографъ, т. XLI, 546, 547.

Добролюбовы:

— Александръ Ив., протоіерей, отецъ критика, т. XLI, 116.

— Николай Александровичъ, критикъ. *Статья объ немъ*: Безвременно-угасшій талантъ. Т. XLI, 115—133.

Доброславинъ, Алексѣй Петр., профессоръ военно-медицинской академіи. *Некрологъ его*. Т. XXXIX, 492, 493.

Добротворскій, Н. А, *Замѣтка* къ его статьѣ о Н. И. Хмельницкомъ. Т. XXXIX, 237, 238.

Долгоруковы, князья:

— Александръ Ив., т. XLI, 24, 33.

— Алексѣй Вас., т. XLI, 629—640.

— Алексѣй Ив., т. XLI, 24.

— Ив. Мих., владимірскій губернаторъ, писатель и поэтъ, т. XLI, 23, 24.

— Настасья Владим., рожд. Шереметева, т. XLI, 629—639.

— Пав. Ив., т. XLI, 24, 33, 34.

— Юрій, усмиритель бунта Стеньки Разина, т. XLI, 69, 70.

Долино-Добровольскій, графъ, подполковникъ, т. XXXIX, 319—322.

Домонтовичъ, Мих. Алексѣев. *Статья его*: Полтавскій кадетскій корпусъ въ первые годы его существованія. Т. XLII, 444—476.

Дона, графъ Фридрихъ, командиръ прусскаго армейскаго корпуса, т. XXXIX, 380, 390.

Достоевскій:

— А. *Библіографическія замѣтки его:* Воспоминанія А. А. Головачевой-Панаевой. Русскіе писатели и артисты. 1824—1870. Т. XLI, 694—696. Е. Щепкина. Старинные помѣщики на службѣ и дома (1578—1762). Т. XLI, 699, 700.

— Ѳедоръ Мих., писатель. *Замѣтка* о соч. Ганса фонъ-Базедова; Neues von Fedor Dostoyewski. T. XLI, 228. *Упомин.* т. XXXIX, 167, 168.

Дохтуровъ, генералъ, т. XLII, 145.

Дрейфусъ, *Замѣтка* о соч. его: La guerre nécéssaire. Paroles d'un français. Т. XLI, 470, 471.

Дружинины:

— А. В., писатель, т. XXXIX, 33.

— Никол. Петр. *Библіографическая замѣтка его*. Курсъ гражданскаго права Соч. К. Побѣдоносцева. Части первая, вторая и третья. Т. XXXIX, 701—703.

Друэнъ, французскій критикъ. *Замѣтка* объ отзывѣ его о книгѣ А. Маркова объ арзакидскихъ и другихъ монетахъ. Т. XLI, 702, 703.

Друэнъ-де-Люисъ, французскій дипломатъ, т. XL, 43, 284—287, 515—418, 520, 527, 533.

Дубасовъ, И. И. *Статья его*. Первые тамбовскіе опыты церковно-приходскаго учительства и его дѣятели. Т. XLI, 416—427.

Дубельтъ, Леонтій Васильев., генералъ-отъ-кавалеріи, управляющій III Отдѣленіемъ, т. XXXIX, 48, 233; т. XL, 94, 307, 549—551.

Дубровины:

— Н. Ѳ. *Статья* по поводу сочин. его Н. М. Пржевальскій. Т. XL, 407—523.

— Ф. Н. баталіонный командиръ Полтавскаго кадетскаго корпуса, т. XLI, 322, 323; т. XLII, 463.

Дубянскій, Ѳ. Я., придворный духовникъ, т. XXXIX. 596.

Дудышкинъ, В. И., подполковникъ, воспитатель Полтав. кадет. корпуса, т. XLI, 316; т. XLII, 466, 467.

Дуровы:

— Андрей Вас., коллеж. совѣтн., сарапульскій городничій, т. XLI, 587—589, 591—593, 595—597.

— Вас. Андреев., елабужскій городничій, т. XLI, 611, 612.

— Марѳа Тимоѳ., урожд. Александровичъ, т. XLI, 587—589, 591, 592, 596.

— Надежда Андреевна, по мужу Чернова, дѣвица-кавалеристъ (подъ именемъ А. В, Соколова), писательница (Александрова). *Біографія ея*. Т. XLI, 581—583.

— Николай Вас., коллеж. совѣтн., т. XLI, 596, 602.

— С. Ѳ., петрашевецъ, писатель, т. XL, 314.

Дучичъ, Никифоръ, архимандритъ сербскій, ученый, т. XLII, 564.

Дьяконовъ, М. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Власть московскихъ государей; очерки изъ исторіи политическихъ идей древней Руси, Т. XXXIX, 452—457.

Дюкло, архитекторъ, т. XLI, 530.

Е.

Евгеніевъ, Андрей Ив., преподаватель пѣнія. *Некрологъ его*. Т. XLII, 276.

Евгенія-Марія де-Гусманъ (донна де-Монтихо), императрица французская. *Изъ писемъ ея* о франко-прусской войнѣ. Т. XLII, 256, 257. *Политика ея*. Т.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

XLII, 549. *Упомин.* Т. XLII, 831, 832, 833.

Егоровы:

— Ев. Евгр., ст. сов., т. XLI, 530.

— Никиф. Алферьев., русскій ученикъ въ Англіи, т. XXXIX, 713.

— П. А., физикъ, т. XLI, 529.

Екатерина II Алексѣевна (Софія-Августа-Фредерика, принцесса ангальтъ-цербстская), русская императрица. *Статья* по поводу сочиненія Бильбасова: «Исторія императрицы Екатерины Второй». Т. XXXIX, 573—597, 617, 624, 625. *Библіографическая замѣтка* объ этомъ сочиненіи. Т. XXXIX, 678—683. *Эпизодъ* изъ исторіи царствованія ея: Зельмира. Т. XLI, 277—303, 550—572. *Замѣтка* объ открытіи памятника въ Симферополѣ. Т. XLII, 846, 847. *Упомин.* т. XXXIX, 694—697; т. XL, 184, 185; т. XLI, 400—407, 710.

Екунинъ, актеръ александринскаго театра, т. XL, 312, 313.

Елагинъ, цензоръ, т. XXXIX, 340; т. XL, 310, 539.

Елена Павловна (Фредерика-Шарлота-Марія, принцесса виртембергская), супруга вел. кн. Михаила Павловича, т. XXXIX, 647, 648, 651, 652.

Елисавета Петровна, императрица, т. XXXIX, 576, 577, 583—585, 589, 590, 596, 597; т. XL, 301, 302; т. XLI, 402.

Енгалычева, кн. Марья Алексѣев., помѣщица-грабительница, т. XL, 576, 577.

Ермоловы:

— Александръ Петров., фаворитъ Екатерины II, т. XLII, 834.

— Алексѣй Петр., генералъ-отъ-артиллеріи, членъ госуд. совѣта. *Статья*: Осада Ермолова. Т. XLI, 165—179. *Упомин.* т. XXXIX, 307—310; т. XLII, 164.

Еропкинъ, Вас. Мих., старѣйшій л.-гв. гренадеръ. *Некрологъ его.* Т. XLI, 715, 716.

Ефимовичъ, Кондр. Дмитр., артиллерійскій офицеръ, писатель, т. XL, 311, 312.

Ефремъ, строитель Саровской пустыни, т. XL, 577.

Ж.

Жебелевъ, Григ. Ив., актеръ, т. XXXIX, 233.

Жернаковъ, типографъ, издатель газеты „Сынъ Отечества“, т. XL, 558.

Жеромъ-Наполеонъ Бонапартъ, король вестфальскій. *Судьба* его библіотеки. Т. XLII, 261. *Замѣтка* о немъ. Т. XLII, 828—830.

Жилей, полковой командиръ, т. XL, 626.

Житецкій, П., авторъ Очерка исторіи малорусскаго нарѣчія, т. XLII, 561, 562.

Жихаревы:

— С. С. *Сообщилъ* шуточное стихотвореніе: Портретъ. Т. XXXIX, 225, 226.

— Степ. Петр., т. XXXIX, 233.

Жолкѣвичъ, Ант. Осип., сотрудникъ Справочнаго Энцикоп. Словаря, т. XLI, 528, 530.

Жолобовъ, инженеръ корпуса путей сообщенія, т. XLI, 530.

Жуковскіе:

— Андр. Тим., архитекторъ, т. XLI, 530.

— Вас. Андреев., поэтъ, т. XLII, 54, 146.

— Ив. Тим., докторъ; т. XLI, 530.

З

Забѣлинъ, И. Е., историкъ и археологъ, т. XXXIX, 669.

Завадовскій, генералъ, начальникъ Сѣвернаго Кавказа, т. XLI, 304—306.

Загоскинъ, Мих. Никол., драматургъ и романистъ, директоръ московскаго театра, т. XLI, 37.

Заіончковская, писательница (В. Крестовскій). См. Хвощинская.

Заремба, директоръ Петерб. консерваторіи, т. XLI, 530.

Захарченко, М. М. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Исторія Кіевскаго института благородныхъ дѣвицъ (1838—1888). Т. XXXIX, 211.

Званцовъ, Конст. Ив., любитель музыки, писатель. *Некрологъ его.* Т. XLII, 567, 568.

Звенигородскій, князь, воевода, т. XL, 563.

Зеринъ-Таджъ, персидская миссіонерка. См. Хуретъ-ул-уйунъ.

Зибель, Генрихъ, прусскій историографъ. *Статья* по поводу соч. его: «Dis Begründung des deutschen Reiches durch Wilgelm I. Vorneħmlich nach den preussischen Staatsacten». Т. XXXIX, 374—405.

Зизаній, Лаврентій, протопопъ, т. XLI, 510.

Злотницкая. См. княг. Голицына.

Значко-Яворская, тетка дѣвицы-кавалеристы, т. XLI, 589, 590.

Золотарева, Евгенія Дм. См. Мацнева.

Зотовы:

— Владим. Раф., писатель. *Воспоминанія его.* Петербургъ въ сороковыхъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

годахъ. Т. XXXIX, 29—53, 324—343, 553—572; т. XL, 93—115, 290—319, 535—559. *Пятидесятилѣтіе* литературной дѣятельности его. Т. XLII, 505—513. *Библіографическія замѣтки его.* Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ (отъ начала русской образованности до нашихъ дней). С. А. Венгерова. Томъ I. Т. XXXIX, 460—463. Календарь для писателей, литераторовъ и издателей. Составилъ М. М. Бродовскій. Справочная книжка для писателей, литераторовъ и издателей. Т. XXXIX, 703—705. An essay on the importance of the study of the slavonic language, by W. R. Morfill. Т. XL, 215—217. Энциклопедическій словарь, подъ редакціей профессора И. Е. Андреевскаго. Томъ первый. А—Алтай. Т. XL, 454—457. Всеобщая исторія литературы: начата подъ редакціей В. Ѳ. Корша, продолжается подъ редакціей проф. А. Кирпичникова, вып. XXIV. Т. XLII, 533—535. *Заграничныя историческія новости.* Т. XXXIX, 212—219, 470—478, 711—719; т. XL, 228—236, 467—475, 692—700; т. XLI, 225—231, 467—473, 701—706; т. XLII, 263—269, 553—559, 835—841. *Мелкія замѣтки его* въ отдѣлѣ „Смѣсь“; т. XXXIX, 227—237, 486—496, 728—735; т. XL, 240—246, 478—485, 704—712; т. XLI, 232—240, 474—480, 710—716; т. XLII, 270—278, 560—568, 846—856.

— Уральскій заводчикъ, т. XLI, 32, 33.

И.

Ивановы:

— Асинкритъ, темниковскій протоіерей, т. XLI, 426, 427.

— М. М. *Библіографическая замѣтка его:* Гусли, русскій народный музыкальный инструментъ. Историческій очеркъ съ рисунками и нотными примѣрами. Ал. С. Фаминцына. Т. XLI, 696—698.

— Профессоръ Казанск. университета, т. XLII, 433.

— Танцовщица-красавица, т. XLI, 81.

Иванъ Васильевичъ IV Грозный, царь московскій, т. XL, 378, 382, 383, 391.

Ивашевы:

— Вас. Петр., ротмистръ кавалерг. полка, декабристъ, т. XXXIX, 736.

— Камилла Петр., рожд. Леданту, т. XXXIX, 121, 736.

Иверсенъ, Юлій Богданов., старшій хранитель эрмитажа. *Статья его.* Сатирическія медали на Сѣверную войну. Т. XLII, 519—528.

Игнатій, тамбовскій епископъ, т. XL, 571.

Игнатьевъ, гр. Пав. Никол., петербургскій генералъ-губернаторъ, т. XXXIX, 554—556.

Излеръ, содержатель увеселительнаго заведенія въ Петербургѣ, т. XL, 314, 315.

Измайловъ, Влад. Васильев., т. XXXIX, 233.

Изъѣдиновъ, В. Л., членъ курскаго губ. по крест. дѣламъ присутствія, т. XLI, 364, 365.

Икскуль-фонъ-Гильдебрандтъ, А. А., баронъ, ген.-маіоръ, директоръ Полтавскаго кадетскаго корпуса, т. XLI, 332, 333.

Ильдомскій, Никол. Александр., протоіерей, инспекторъ Рязанской духов. семинаріи, т. XXXIX, 724, 725.

Ильинъ, Алексѣй Аѳиногенов., генералъ-лейтенантъ, картографъ. *Некрологъ его.* Т. XXXIX, 236.

Ильминскій, Н. *Сообщилъ* некрологъ А. П. Сердобольскаго. Т. XLII, 278—280.

Истомина, (Екунина), А. С., балерина, т. XL, 312.

Исѣевъ, П. Ѳ., конференцъ-секретарь академіи художествъ, т. XXXIX, 232.

І.

Іеремія (Соловьевъ), епископъ нижегородскій, т. XLII, 500, 502.

Іоасафъ, подвижникъ Нижегородскаго Печерскаго монастыря, т. XLII, 496.

Іоганна-Елисавета, принцесса ангальтъ-цербстская, мать Екатерины II, т. XXXIX, 576, 577, 579, 583—586.

Іона (Васильевскій), епископъ тамбовскій, впослѣдствіи экзархъ Грузіи, т. XLI, 423—427.

Іосифъ:

— Игуменъ Раковскаго монастыря, Старицкаго уѣзда, т. XXXIX, 720.

— II, императоръ австрійскій. Къ характеристикѣ терпимости его. Т. XLII, 541—544.

К.

Кавелины:

— Петербургскій генер.-губернаторъ, т. XXXIX, 52.

— Конст. Дмитр., профессоръ. *Замѣтка* о постановкѣ бюста его въ конференцъ-залѣ военно-юридич. академіи. Т. XL, 480, 481.

Каверинъ, Пав. Ник., московскій оберъ-полиціймейстеръ, т. XXXIX, 233.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Казанскій, протопопъ, своеобразный миссіонеръ, т. XL, 577.

Казиміръ III Великій, польскій король-т. XLI, 665, 668.

Кайсаровы:

— Андрей, писатель, т. XLII, 142, 150.

— Дежурный генералъ, т. XLII, 142, 143, 146, 150, 155, 156.

Калидасъ, древній поэтъ Индіи. Сравнительная характеристика его героинь съ героинями Шекспира. Т. XXXIX, 598—610.

Калугинъ, Сергѣй Ѳедор., сотрудникъ «Гражданина». *Некрологъ его.* Т. XL, 485.

Каманинъ, И. *Библіографическая замѣтка* о переводахъ его сочиненій Ленормана: Руководство къ древней исторіи Востока до персидскихъ войнъ. Индійцы. Тома II, выпускъ III. Индійцы, арабы, мидяне и персы. Исторія происхожденія и цивилизаціи древняго Востока. Т. XL, 227. *Замѣтка* его по поводу этой рецензіи. Т. XLI, 240.

Каменскіе:

— Гр. Мих. Ѳедот., генералъ-фельдмаршалъ, т. XLI, 75.

— Д. П., писатель, членъ глав. управленія по дѣламъ печати, т. XXXIX, 33.

Канарскій, польскій заговорщикъ 1839 года, т. XLI, 580, 581.

Кантакузинъ, князь, Іоаннъ-Рудольфъ, господарь Валахіи и Бессарабіи, т. XLII, 785.

Капустины:

— Сибирскій разбойникъ, т. XL, 237—239.

— Унтеръ-офицеръ. *Письмо его* къ сестрамъ Кресговоздвиженской общины, 1856 г. Т. XXXIX, 651, 652.

Каразинъ, Вас. Назарьев, т. XXXIX, 233.

Карамзинъ, Андрей Никол., т. XLI, 521.

Каратыгинъ, Петръ Андреев., артистъ. т. XXXIX, 51.

Карауловъ, Тимоѳей, касимовскій воевода, т. XLI, 50.

Карловъ, сотрудникъ справочнаго энциклопедическаго словаря, т. XLI, 530.

Карлъ XII, шведскій король, т. XLI, 670; т. XLII, 526, 528, 851, 852.

Карлъ-Великій, римскій императоръ. *Замѣтка* объ изданной исторіи его царствованія. Т. XL, 699, 700.

Карповъ, Геннадій Ѳедор. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Въ защиту Богдана Хмельницкаго. Т. XXXIX, 674—678. *Некрологъ его.* Т. XL, 710.

Карсъ, герцогъ. *Замѣтка* объ изданныхъ мемуарахъ его. Т. XLII, 826—828.

Картальякъ, Эмиль. *Замѣтка* о его исторіи доисторической Франціи по ея погребальнымъ и другимъ памятникамъ. Т. XXXIX, 717, 718.

Карцевъ, Александ. Петр., ген.-адъют. помощникъ главнокомандующаго Кавказскою арміей, т. XLI, 95.

Карѣевы:

— Н. И., профессоръ. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Польскія реформы XVIII вѣка. Очерки изъ исторіи европейскихъ народовъ. Т. XL, 217—220.

— Тамбовскій помѣщикъ - грабитель, т. XL, 576.

дю-**Кассъ**, баронъ. *Замѣтка* о его «Souvenirs». Т. XLII, 818, 829.

Катковъ, Мих. Никиф., издатель-редакторъ «Московскихъ Вѣдомостей», т. XXXIX, 166, 262; т. XL, 144.

Кауфманъ, изслѣдователь экономическаго быта Сибири, т. XL, 225—227.

Квитко, Г. Ѳ., харьков. губ. предводитель дворянства, т. XLI, 105.

Келль-Блейтъ, *Замѣтка* о соч. его: Жизнь Вильяма Элиса. Т. XLI, 472.

Кинлохъ, Александръ. *Замѣтка* о его русской грамматикѣ. Т. XLII, 839.

Кипіани, Д. И., директоръ канцеляріи кавказскаго намѣстника, т. XXXIX, 313.

Кирилинъ, Андрей Никол., директоръ канцеляріи императорскаго двора, т. XXXIX, 33.

Кириловъ, Н. С., преподаватель второго кадетскаго корпуса, т. XLI, 536, 537.

Кирпичниковъ, Александ. Ив., докторъ всеобщей литературы, профессоръ Новороссійскаго университета. *Статья его:* Былыя знаменитости русской литературы. II. Антоній Погорѣльскій (А. А. Перовскій). Т. XLII, 45—82. *Библіографическія замѣтки его:* Учебникъ исторіи профессора А. Трачевскаго. Древняя исторія. Второе, исправленное изданіе. Съ 52 рисунками, 3 планами и 4 картами. Т. XXXIX, 197—200. Списокъ историческихъ, археографическихъ и библіографическихъ сочиненій и изданій И. Ѳ. Токмакова. Т. XXXIX, 684—688. Русскій флотъ въ царствованіе императрицы Екатерины II съ 1772 по 1783 г. Капитана 2 ранга А. Кроткова. Т. XL, 461, 462. Сборникъ матеріаловъ для историческаго и церковно - археологическаго описанія Вологодской губерніи. Выпускъ I. Сборникъ историческихъ матеріаловъ для составленія лѣтописей по Калужской епархіи. Выпускъ I. Составилъ И. Токмаковъ, библіотекарь Московскаго главнаго архива М. И. Д., почетный и дѣйствительный членъ разныхъ статистическихъ комитетовъ и многихъ ученыхъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

обществъ. Т. XL, 675—677. Гипполитъ, трагедія Еврипида, съ греческаго перевелъ В. Алексѣевъ. Съ введеніемъ и примѣчаніями. (Дешевая библіотека изд. Суворина; № 99). Ифигенія въ Авлидѣ, драма Еврипида, пер. В. Алексѣева (тоже № 101). Ифигенія въ Тавридѣ, драма Еврипида, пер. В. Алексѣева (тоже, № 102). Т. XL, 677 — 679. Всеобщая исторія Георгія Вебера. Переводъ со второго изданія, пересмотрѣннаго и переработаннаго при содѣйствіи спеціалистовъ. Томъ XII. Переводъ Андреева и В. Невѣдомскаго. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Т. XLI, 458, 459. *Библіографическая замѣтка* объ издаваемой подъ его редакціей Всеобщей исторіи литературы, вып. XXIV. Т. XLII, 533 — 535. *Упомин.* т. XXXIX, 671.

Киселевъ, В. В., докторъ, воронежскій земскій врачъ. *Некрологъ его.* Т. XLI, 239, 240.

Кичеевъ, Никол. Петр., писатель. *Некрологъ его.* Т. XLII, 856.

Клейнмихель, гр. Петръ Андреев., генералъ-адъютантъ, главноуправляющій путей сообщенія, т. XXXIX, 32; т. XL, 99; т. XLI, 525.

Клименко, Вас. Семен., воспитатель Полтав. кадет. корпуса, т. XLII, 467—469.

Клингенбергъ, Карлъ Ѳедор., директоръ Павловскаго кадет. корпуса, т. XL, 610—613; т. XLI, 94, 95, 102.

Клоссовскій, А., профессоръ Новороссійскаго университета, т. XXXIX, 438.

Клугенъ, Ив. Яков., полковникъ, преподаватель Дворянскаго полка, т. XLII, 453.

Ключаровъ, полковникъ, бригадный командиръ, т. XL, 631, 632.

Кнюдсенъ, капитанъ норвежскаго парохода „Нарва“, т. XLII, 707.

Кожуховъ, А. С., курскій губернаторъ, т. XLI, 152, 158, 159, 163.

Козодавлевъ, Осипъ Петр., министръ внутр. дѣлъ, писатель. *Замѣтка объ немъ:* Одинъ изъ русскихъ Гракховъ прошлаго столѣтія. Т. XLI, 621—628.

Кокошкинъ, генералъ-адъютантъ, петербургскій оберъ-полиціймейстеръ, т. XXXIX, 51.

Коловскій, Степанъ, ротмистръ, т. XLI, 201.

Кологривовъ, А., инспекторъ театральныхъ оркестровъ, т. XLI, 274.

Кольцовъ, А. В. поэтъ. *Замѣтка* объ изданіи его стихотвореній на нѣмецкомъ языкѣ. Т. XXXIX, 470, 471.

Колюбакинъ, Никол. Петр., кутаисскій губернаторъ, впослѣд. генералъ-губернаторъ и сенаторъ, т. XXXIX, 100, 101.

Конарскій, эмигрантъ, возмутившій кіевскихъ студентовъ, т. XL., 120.

Конде, принцъ Луи-Генрихъ-Жозефъ, герцогъ Бурбонскій. *Замѣтка* о его смерти и наслѣдствѣ. Т. XLII, 253—256.

Кони:

— Анат. Ѳедор., оберъ-прокуроръ правит. сената, писатель. *Замѣтка* о 25-тилѣтіи юридической дѣятельности его. Т. XLII, 565, 566. *Упомин.* т. XXXIX, 231.

— Ѳед. Алексѣев., редакторъ журнала „Пантеонъ“, т. XXXIX, 336; т. XL, 315—319.

Коновницыны, графы:

— Елизав. Петр. См. Нарышкина.

— Петръ Петр., подпоручикъ, декабристъ, т. XXXIX, 116, 117.

— Петръ Петр., генералъ-отъ-инфантеріи, генералъ-адъютантъ, т. XLII, 156—158, 161, 164—166.

Константинъ Николаевичъ, великій князь, т. XLII, 516.

Константинъ Павловичъ, цесаревичъ, т. XXXIX, 615; т. XL, 345, 352, 611, 612; т. XLII, 140, 141.

Контскій, Аполлинарій, композиторъ, т. XLI, 720.

Кораблевъ, художникъ-декораторъ, т. XLI, 40, 41.

Корвинъ-Крюковскій, *Замѣтка* о соч. его: Le théatre en Russie depuis ses origines jusqu'à nos jours. Т. XLI, 470.

Корженевскій, Л. О., преподаватель Полтав. кадет. корпуса, т. XLII, 471.

Коркуновъ, Н. М., профессоръ Петербургскаго университета, т. XXXIX, 230.

Корнаріо, Яковъ, венеціанскій дипломатъ XIV в. *Замѣтки* объ открытіи надгробной плиты его въ Азовѣ. Т. XXXIX, 490; т. XLI, 716—720.

Корнѣевъ, А. Д., референтъ Московскаго археологическаго съѣзда, т. XXXIX, 672.

Коробьинъ, Г. *Сообщилъ* замѣтку къ біографіи М. Ю. Лермонтова. Т. XXXIX, 726, 727. *Замѣтка его:* Рѣдкій подарокъ. Т. XL, 476, 477.

Корсаковъ, Петръ Александр., цензоръ, писатель, т. XXXIX, 39, 331—335.

Корфъ, бар. Мод. Андреев., президентъ публич. библіотеки, членъ госуд. совѣта, т. XL, 307.

Костомаровъ, Никол. Ив., историкъ, писатель. *Воспоминанія* о немъ Ф. К. Неслуховскаго. Т. XL, 116—153.

Костровъ, Мих. Алексѣев., учитель, а потомъ зять Н. А. Добролюбова, т. XLI, 116.

Кохановскій, предводитель дворянства Староконстантиновскаго у., Волын. губ., т. XLI, 576—579.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Коцебу, сотрудникъ Справочнаго Энциклоп. словаря, т. XLI, 530.

Краевскіе:

— Андрей Александ., редакторъ-издатель газеты „Голосъ“ и журнала „Отечественныя Записки“, т. XXXIX, 335, 514, 515, 517—530; т. XL, 95, 96, 100, 101, 308; т. XLI, 516.

— Анна Яковлевна, рожд. Брянская, т. XL, 95.

Край, Карлъ Карлов., петербургскій типографъ, т. XLI, 516—519, 530—534, 538—542, 546.

Крамеръ, голландскій докторъ, членъ экспедиціи въ Ледовитый океанъ, т. XLII, 707.

Крамской, Ив. Никол., художникъ, т. XLII, 759—761.

Краушаръ, А. *Замѣтка* о соч. его: Волшебство при дворѣ Баторія, страница изъ исторіи мистицизма XVI вѣка, какъ объясненіе характеристики короля Стефана. Т. XLII, 556, 557.

Крейцъ, баронъ, генералъ-отъ-кавалеріи, командиръ 2 армейскаго корпуса, т. XL, 347, 625.

Кресинъ, писатель, т XL, 313.

Крестовскіе:

— В., псевдонимъ писательницы. См. Н. Д. Хвощинская.

— Всев. Владим., писатель. *Статья о немъ.* Т. XLII, 734—754.

Крешевъ, Ив. Пет., поэтъ и писатель, т. XLI, 522, 529, 530.

Кривенко, Серг. Никол. *Статьи его:* Изъ литературныхъ воспоминаній. Т. XXXIX, 260—286. Воспоминанія о М. Е. Салтыковѣ. Т. XLII, 318—342, 603—631.

Кривошея, Н. В., натуралистъ, членъ экспедиціи Рус. Географ. Общества, т. XLII, 112, 116.

Кронебергъ, профессоръ Харьковскаго университета, т. XL, 133, 134.

Кроссаръ, португалецъ, т. XLII, 149.

Кротковъ, А., капитанъ 2 ранга. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Русскій флотъ въ царствованіе императрицы Екатерины II съ 1772 по 1783 г. Т. XL, 461, 462.

Кроче, Бенедетто, италіанскій писатель. *Замѣтка* о его монографіи: Луиза Санфеличе и заговоръ Беккеровъ. Т. XLII, 839, 840.

Крузенштернъ, Алексѣй Ѳедор., директоръ канцеляріи кавказскаго намѣстника, т. XXXIX, 313, 317, 318.

Крутицкій, чиновникъ театральной конторы, т. XXXIX, 44.

Крыловы:

— Викт. Алекс., драматургъ. *Статья его:* Святыня города Лурда. Т. XL, 424—453. *Замѣтка его:* Памятникъ Понятовскому въ Гомелѣ, Могилев. губ. Т. XL, 647—649. *Поправка* къ этой замѣткѣ. Т. XLI, 480.

— Ив. Андреев., баснописецъ, т. XXXIX, 572; т. XL, 302.

— Цензоръ, т. XL, 310; т. XLI, 536—538.

Крымъ-Гирей, крымскій ханъ, т. XL, 323—331.

Кудряшевъ, М. И., переводчикъ Пѣсни о Нибелунгахъ, т. XLII, 848.

Кузнецовъ, Инн. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Древнія могилы Минусинскаго округа. Т. XLI, 459—461.

Кукольникъ, Несторъ Вас., писатель, т. XXXIX, 562.

Куланчакъ-Еникеевъ, князь, помѣщикъ-татаринъ, т. XL, 567.

Куликовъ, Н. И., режиссеръ Александринскаго театра, т. XXXIX, 44, 338.

Кулишъ, Пантелеймон. Александр., писатель, т. XXXIX, 674—677.

Кульневъ, Яковъ Петр., ген.-маіоръ, т. XLI, 77.

Кульчицкій, писатель, т. XXXIX, 33.

Кунъ, подполковникъ, офицеръ Полтавскаго кадет. корпуса, т. XLI, 110, 111; т. XLII, 459, 461, 462.

Купріяновъ, полковникъ, т. XL, 615, 616.

Курзонъ, Георгъ. *Замѣтка* о соч. его: Россія въ центральной Азіи въ 1889 г. и южно-русскій вопросъ. Т. XXXIX, 213, 214.

Курръеръ, Ш. *Замѣтка* о его этюдѣ: „Tourgénief et sa famille“. Т. XL, 230.

Кутайсовъ, гр. Ив. Пав., т. XLII, 235, 236.

Кутейниковъ, Никол. Степан. *Статья его:* Изъ историческихъ судебъ Западнаго края. По поводу изданія П. Н. Батюшкова: „Бѣлоруссія и Литва, историческія судьбы Сѣверо-Западнаго края“. Т. XXXIX, 406 — 429. *Библіографическія замѣтки его:* Н. Любовичъ. Начало католической реакціи и упадокъ реформаціи въ Польшѣ. По неизданнымъ источникамъ. Т. XL, 673, 674. Русская грекоуніатская церковь въ царствованіе императора Александра I. Историческое изслѣдованіе по архивнымъ документамъ. Т. XLI, 214—218.

Куторга, цензоръ, т. XL, 307.

Кушелевъ-Безбородко, Александ. Андр., свѣтлѣйшій князь, дѣйств. тайн. сов., государств. канцлеръ, т. XXXIX, 612, 613; т. XLI, 297.

Кушыревъ, распространитель ложныхъ слуховъ среди крестьянъ Курской губ., т. XLI, 367.

Кущъ, А. Л. *Статья его:* Радищевскій музей въ Саратовѣ. Т. XXXIX, 175—185.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Л.

Леваль, гр. Екат. Ив. См. кн. Трубецкая.

Лавежи. *Замѣтка* о соч. его: Соціализмъ германскаго императора и нѣмецкій соціализмъ. Т. XL, 473, 474.

Лаврентьевъ, Владим. Григ., издатель и редакторъ нѣсколькихъ органовъ страхованія. *Некрологъ его.* Т. XLI, 715.

Ладегастъ, Фридрихъ, знаменитый саксонскій фабрикантъ органовъ, т. XLII, 514, 515, 517, 518.

Лазаревскій, Александ. Матв., членъ Кіевской судебн. палаты, писатель, т. XLII, 561.

Лами, голландскій лейтенантъ, членъ экспедиціи въ Ледовитый океанъ, т. XLII, 707.

Ланге, Ник. Ив., сотрудникъ Справочнаго энцикл. словаря, т. XLI, 530.

де-Лано, Пьеръ. *Замѣтки:* Объ открытыхъ имъ письмахъ императрицы Евгеніи. Т. XLII, 256, 257. О его этюдѣ объ императрицѣ Евгеніи. Т. XLII, 549. Объ этюдѣ его о мексиканской экспедиціи. Т. XLII, 832, 833.

Лапозъ, Генрихъ. *Замѣтка* о статьяхъ его о гр. Л. Н. Толстомъ. Т. XL, 693, 694.

Лаппо-Данилевскій, А. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Организація прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ со временъ смуты до эпохи преобразованій. Т. XLI, 449—454.

Ларуссъ, французскій лексикографъ. *Замѣтка* о дополненіи къ его Словарю. Т. XL, 692, 693.

Ласкарисъ, древній знатный родъ, т. XXXIX, 658.

де-Лассель, баронъ, баденскій подполковникъ, т. XL, 701—704.

Латкинъ, В. Н., професс. *Библіографическія замѣтки его:* М. Дьяконовъ. Власть московскихъ государей; очерки изъ исторіи политическихъ идей древней Руси. Т. XXXIX, 452—457. Ѳ. И. Леонтовичъ. Старый земскій обычай. Т. XXXIX, 697—701. Наказы малороссійскимъ депутатамъ 1767 г. и акты о выборахъ депутатовъ въ коммиссію сочиненія Уложенія. Изд. „Кіевской Старины". Т. XXXIX, 705, 706. П. Головачевъ. Сибирь въ Екатерининской комиссіи. Этюдъ по исторіи Сибири XVIII вѣка. Т. XL, 223, 224. В. И. Сергѣевичъ. Русскія юридическія древности. Т. I. Территорія и населеніе. Т. XL, 662—668. Н. Ардашевъ. Регламентъ вотчинной коллегіи въ проектахъ 1723, 1732 и 1840 годовъ. Т. XLI, 454—456. Г. Бореніусъ. Акты для выясненія политическаго положенія великаго княжества Финляндскаго. Т. XLI, 682—685. В. Н. Александренко. Англійскій тайный совѣтъ и его исторія. Часть вторая. Т. XLII, 237—242.

Лаурекашъ, легендарный герой лопарей, т. XLII, 692—694.

Лачиновъ, Елисей, пензенскій воевода, т. XLI, 55.

Лашкевичъ, Александ. Степан., редакторъ-издатель „Кіевской Старины". *Некрологъ его.* Т. XXXIX, 236.

Лебедевъ, Петръ Семен., генералъ, редакторъ «Русскаго Инвалида», т. XLI, 528.

Лебединскій, Ив. Алексѣев., архіепископъ. См. Леонтій.

Левинъ, С. (псевдонимъ). *Статья его:* Современные литературные дѣятели. Григорій Петровичъ Данилевскій. Т. XL, 154—170.

Левкѣева, актриса, т. XXXIX, 42; т. XL, 94.

Леданту, Камилла Петр. См. Ивашева.

Леже, Луи, французскій профессоръ. *Замѣтка* о соч. его: Русскіе и славяне. Т. XLI, 225, 226.

Ленорманъ, Ф. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Руководство къ древней исторіи Востока до персидскихъ войнъ. Переводъ И. Каманина. Индійцы. Тома II вып. III. Индійцы, арабы, мидяне и персы. Исторія происхожденія и цивилизаціи древняго Востока. Переводъ И. Каманина. Т. XL, 227.

Ленскій, актеръ, т. XL, 148.

Леонтій:

— (Ив. Алексѣев. Лебединскій), холмско-варшавскій архіепископъ, т. XLII, 768, 774.

— Тамбовскій епископъ, т. XL, 571.

Леонтовичъ, Ѳ. И., профессоръ. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Старый земскій обычай. Т. XXXIX, 697—701.

Леонтьевы:

— Владим. Никол., сотрудникъ А. А. Краевскаго, т. XXXIX, 520, 526.

— Марья Петр., рожд. княж. Оболенская, т. XXXIX, 125.

— Сергѣй Борис., т. XXXIX, 117.

Лермонтовъ, Мих. Юрьев., поэтъ. *Къ біографіи его.* Т. XXXIX, 726, 727. *Могила его* въ Тарханахъ. Т. XLII, 562.

Леруа-Болье, Анатоль, французскій экономистъ и публицистъ. *Замѣтка* о его соч. „Исторія царей и русскіе", т. III. Т. XL, 228, 229.

Леръ, Алек. Ив., дѣйств. ст. сов., командоръ Яхтъ-клуба, т. XLI, 528, 530.

Лестранжъ, Гюи. *Замѣтка* объ изданной имъ перепискѣ княгини Ливенъ и графа Грея. Т. XXXIX, 711, 712.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Либровичъ, Сигизмундъ. *Библіографическая замѣтка* о его изданіи: Пушкинъ въ портретахъ. Исторія изображеній поэта въ живописи, гравюрѣ и скульптурѣ. Т. XL, 688, 689.

Ливенъ, князья:

— Доротея, рожд. Бенкендорфъ, супруга русскаго посланника въ Лондонѣ. *Замѣтка* объ изданной перепискѣ ея съ гр. Греемъ. Т. XXXIX, 711, 712.

— Карлъ Андреевъ., ген. отъ инфантеріи, министръ народн. просвѣщенія, т. XLI, 337.

Лиловъ, Александ. Ильичъ, директоръ 2-й тифлисской классич. гимназіи, писатель. *Некрологъ его.* Т. XLI, 237.

Линдорфсъ, гвардейскій офицеръ, писатель (Аксель), т. XL, 311.

Линевичъ, Вас. Никол., ротный командиръ Полтавск. кадет. корпуса, т. XLII, 464.

Листъ, Францъ, композиторъ и поэтъ, т. XXXIX, 47; т. XLI, 36, 263.

Литке, гр. Ѳед. Петр., президентъ Академіи наукъ, ген.-адъют., адмиралъ, т. XLI, 525.

Литовченко, Александ. Дмитр., художникъ. *Воспоминанія о немъ.* Т. XLII, 755—762.

Лихачевы:

— В. С., писатель, т. XLII, 859.

— Е. *Библіографическая замѣтка* о соч. ея: Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи (1086—1796). Т. XXXIX, 694—697.

— Н. П., приватъ-доцентъ Петербургскаго университета. *Статья его:* Происхожденіе А. Ѳ. Адашева, любимца Ивана Грознаго. Т. XL, 378—392. *Библіографическія замѣтки его:* Геннадій Карповъ. Въ защиту Богдана Хмельницкаго. Т. XXXIX, 674 — 678. Великій князь Георгій Михайловичъ. Монеты царствованія императора Николая I. Т. XLI, 444—449. М. Пинегинъ. Казань въ ея прошломъ и настоящемъ. Очерки по исторіи, достопримѣчательностямъ и современному положенію города, съ приложеніемъ краткихъ адресныхъ свѣдѣній. Т. XLII, 244 — 248. Потревоженныя тѣни. С. Терпигорева (Атавы). Т. II. Т. XLII, 817—819. *Упомин.* т. XLII, 561.

Лобановъ, Захаръ, человѣкъ помѣщика Ширкова, мнимый убійца дѣвицы Алтуховой, т. XLI, 139, 140, 143—148, 156.

Ломоносовъ, Мих. Вас., академикъ, писатель, т. XLI, 402.

Лонгиновы:

— Мих. Никол., писатель, начальникъ главн. управленія по дѣламъ печати, т. XXXIX, 33, 332; т. XL, 106, 107, 537—539.

— Марія Александр., мать предыдущаго, т. XL, 537.

— Никаноръ Мих., дѣйств. стат. сов., екатеринославскій гражд. губернаторъ. *Замѣтка* изъ его бумагъ: Исторія одного нѣмецкаго пожалованія. Т. XL, 701—704.

— Н. Н. *Сообщилъ* предыдущую замѣтку.

— Никол. Мих., статсъ-секр., членъ госуд. совѣта, т. XL, 703.

Лопухинъ, А. П. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Библейская исторія при свѣтѣ новѣйшихъ изслѣдованій и открытій. Томъ I. Отъ сотворенія міра до пророка Самуила. Томъ II. Отъ пророка Самуила до Р. Х. Т. XLI, 463—466.

Лористонъ, Александръ-Жакъ-Бернардъ Лау, маркизъ, т. XLII, 160.

Лохвицкій, Кондратій Андреев., авторъ записокъ, т. XXXIX, 233.

Лузановъ, П. Ѳ., полковникъ, профессоръ военно-юридической академіи, т. XXXIX, 653.

Луи, непремѣнный секретарь французской хирургической академіи, изобрѣтатель орудія казни, т. XLII, 260.

Лукашевскій, профессоръ Казанскаго университета, т. XLII, 714.

Лукашъ, тифлисскій губернаторъ, т. XXXIX, 317.

Лукьяновъ, сотрудникъ „Литературной Газеты“, т. XL, 313, 314.

Лунинъ, Алек. Мих., т. XXXIX, 234.

Лучицкіе, И. В. и М. В. *Библіографическая замѣтка* о переводѣ ихъ Исторіи Европы XIX вѣка, Ч. А. Файфа. Томы I и II. Т. XL, 210—213.

Львовы:

— Алексѣй Ѳедор., дѣйств. тайн. совѣтн., композиторъ, т. XXXIX, 666; т. XLI, 35, 272—274, 525.

— Прасковья Агеевна, урожденная Абаза, т. XXXIX, 666.

Львовъ, К. Н. *Сообщилъ* Повѣсть о судѣ Шемяки. Т. XXXIX, 102—114.

Лѣсковъ, Никол. Семенов., писатель. *Статья о немъ.* Т. XL, 393—406. *Библіографическая замѣтка* о его романѣ „Гора“. Т. XL, 679, 680.

Лѣствицынъ, Вадимъ Ив., археологъ. *Некрологъ его.* Т. XXXIX, 733.

Любовичъ, Н. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Начало католической реакціи и упадокъ реформаціи въ Польшѣ. По неизданнымъ источникамъ. Т. XL, 673, 674.

Любомировъ, Вас. Ив., преподаватель Рязан. дух. семинаріи, т. XL, 486, 487.

Людвигъ, принцъ виртембергскій, т. XLI, 564.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Людовикъ-Филиппъ, король французскій. *Замѣтка* о его алчности. Т. XLII, 253—256.

Лягушкинъ, человѣкъ помѣщика Ширкова, мнимый убійца дѣвицы Алтуховой, т. XLI, 139, 147, 148.

М.

Магазикеръ, Маркъ Яков., докторъ медицины, т. XLI, 529.

Маганъ, капитанъ сѣверо-американскаго флота. *Замѣтка* по поводу изслѣдованія его о вліяніи морской силы на исторію. Т. XLII, 558, 559.

Майковы:

— Аполлонъ Александ., директоръ театровъ, т. XLI, 81.

— Валер. Ник.; писатель, т. XLI, 517, 522.

— Г. П. *Сообщилъ* поправку къ некрологу Д. С. Михайлова. Т. XL, 488.

Макарій:

— Архіепископъ тобольскій, т. XLI, 199, 200, 203.

— Епископъ, начальникъ алтайской миссіи. *Замѣтка* его объ изданіи „Лепта“, т. XLI, 234, 235.

— Архимандритъ, настоятель Нижегородскаго Печерскаго монастыря, т. XLII, 492.

Мак-Край. *Замѣтка* о составленной имъ біографіи Гаріеты Бичеръ-Стоу. Т. XL, 698, 699.

Маковъ, Левъ Сав., министръ внутр. дѣлъ, т. XLII, 342.

Максимиліанъ I (Фердинандъ-Іосифъ), мексикинскій императоръ, т. XLII, 832, 833.

Мале, Альбертъ. *Замѣтка* о соч. его: Les interviews de M-Bismarck. Т. XLI, 229, 230.

Малиновскій, Алексѣй Ѳодоров., управ. Москов. архивомъ госуларств. коллегіи иностр. дѣлъ, т. XXXIX, 239, 240.

Малышевскій, Ив. Игнат., дѣйств. ст. совѣтникъ, ординарный профессоръ Кіевской духов. академіи, т. XXXIX, 407.

Мамышевъ, Всев. Ник., минералогъ, т. XLI, 529, 530.

Мандрыкинъ, полковникъ, т. XXXIX, 50.

фонъ-Мантейфель, прусскій министръ иностранныхъ дѣлъ, т. XXXIX, 387, 388, 390; т. XL, 32, 531, 532—534.

Манштейнъ, С. А. *Библіографическая замѣтка* объ изданномъ подъ его редакціей Иллюстрированномъ собраніи греческихъ и римскихъ классиковъ. Т. XLII, 824, 825.

Марія-Терезія, герцогиня Ангулемская. *Замѣтка* о ея біографіи. Т XLII, 543, 544, 834..

Марія Ѳеодоровна) Доротея-Софія-Августа-Луиза, принцесса виртембергская)-вторая супруга императора Павла I. *Замѣтка* о предположенномъ изданіи біографіи ея. Т. XL, 708. *Упомин.* т. XXXIX, 654; т. XL, 348, 351; т. XLI, 288, 293, 300, 302, 553, 561, 615.

Марковъ, А., консерваторъ эрмитажнаго музея. *Отзывъ* французскаго критика Друэна о соч. его объ арзакидскихъ и другихъ монетахъ. Т. XLI, 702, 703.

Мароне, Джироламо. *Замѣтка* о вышедшей біографіи его. Т. XLII, 559.

Марсо, Серженъ, членъ француз. націон. конвента. *Замѣтка* объ изданныхъ запискахъ его. Т. XLII, 257—259.

Мартыновъ, Д. К., козловскій комерсантъ, т. XXXIX, 525.

Мартынъ, король лопарей, т. XLII, 690.

Марченко, Алек. Роман., государств. секретарь, т. XXXIX, 234.

Масловъ, Дмитр. Никол., директоръ департамента м—ва фин., т. XL, 551.

Матильда, принцесса. См. Демидова.

Маторинъ, Ив. Ѳедор., артиллеріи колокольныхъ дѣлъ мастеръ, творецъ царь-колокола, т. XLII, 186.

Матюшкинъ, Ѳедор. Ѳедор., адмиралъ, т. XXXIX, 234.

Махди-Кули-Мирза, персидскій принцъ, т., XL, 656.

Махмудъ-Шахъ, владыка Персіи, т. XL, 653.

Мацнева, Евгенія Дм., рожд. Золотарева, т. XLI, 86—91.

Мачуговскій, сотрудникъ Справочнаго энцикл. словаря, т. XLI, 528.

Машнина, Анна Никит., владѣлица дома въ Курскѣ, гдѣ скончался поэтъ Богдановичъ, т. XLI, 183.

Мебіусъ, докторъ. *Замѣтка* о соч. его: J. J. Rousseau's Krankheitsgeschichte. Т. XLI, 472, 473.

Межевичъ, Вас. Степ., писатель, т. XXXIX, 335—338; т. XL, 93, 94.

Мезюрье, полковникъ. *Замѣтка* о соч. его: Отъ Лондона до Бухары и поѣздка черезъ Персію. Т. XXXIX, 712, 713.

Мейеръ:

— Дмитр. Ив., профессоръ Казанскаго, а потомъ Петербургскаго университетовъ, т. XLII, 716—721.

— Луиза, артистка, т. XXXIX, 564, 565.

фонъ-Мекъ, строитель желѣзныхъ дорогъ въ Россіи, т. XXXIX, 516—521, 528.

Мельниковъ, Пав. Ив., писатель-этнографъ (Андрей Печерскій), т. XL, 145.

Мельникъ, К. *Библіографическая замѣтка* о переводѣ его: Мемуары, относящіеся къ исторіи Южной Руси. Вы-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

пускъ I. Подъ редакціей В. Б. Антоновича. Т. XLII, 248, 249.

Мельхиседекъ, Эчміадзинскій армянскій патріархъ, впослѣд. львовскій архіепископъ, т. XLII, 782.

Мельцель, фабрикантъ органовъ, т. XLII, 516.

Менделѣевъ, Дмитр. Ив., химикъ, профессоръ. *Замѣтка* объ изданной біографіи его на англійскомъ языкѣ. Т. XXXIX, 215.

Менцовъ, Ѳедоръ Никол., писатель, т. XL, 311; т. XLI, 529, 530.

Меншиковы:

— Кн. Александ. Данил., генералиссимусъ, т. XLI, 439, 670.

— Кн. Александ. Серг., т. XL, 547.

Мердеръ, Н. И., писательница (Северинъ). *Воспоминанія ея:* Отжившіе типы. Т. XXXIX, 287—306, 537—552; т. XL, 51—92.

Метлинскій, Амвр. Лукьян., профессоръ Харьков. универс., писатель (Амвросій Могила), т. XL, 125, 136, 137.

Меттернихъ, кн. Клеменсъ-Венцель-Непомукъ-Лотаръ, герцогъ Портелла, австрійскій дипломатъ, т. XL, 273, 274, 529.

Мечниковъ, Левъ, русскій писатель и естественникъ, профессоръ статистики и географіи въ Невшатели. *Замѣтка* о соч. его: „Цивилизація и большія историческія рѣки". Т. XXXIX, 474—476.

Мещеряковъ, Тимошка, атаманъ шайки Стеньки Разина, т. XLI, 63—66, 68.

Милановскій, Конст. Дм., сотрудникъ Справочнаго Энцикл. словаря, т. XLI, 530.

Миллеръ, Орестъ Ѳедор., профессоръ Петерб. университета, писатель. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Чтенія, рѣчи и статьи. Въ 2-хъ частяхъ. Изд. 4-е, исправленное и дополненное. Т. XLI, 461—463.

Милова, петербургская балерина, т. XXXIX, 41.

Милославскій, Ив. Богд., бояринъ, т. XL, 575.

Милюковы:

— А. П. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Литературныя встрѣчи и знакомства. Т. XLI, 221—223.

— Лука Артемьев., стольникъ, ольшанскій воевода, т. XLI, 429—444.

— Павелъ. *Замѣтка* о его обозрѣніи русской литературы въ „Атенеумѣ", т. XLI, 705, 706.

Милютина, гр. Наталья Мих., рожд. Понсэ, т. XXXIX, 646, 647, 650.

Минаевъ, Ив. Пав., профессоръ Петербургскаго университета. *Некрологъ его.* Т. XLI, 238, 239.

Минкина, Наст. Ѳедор., сожительница Аракчеева, т. XL, 344, 346, 347.

де-Мирабо, гр. Гоноре-Габріэль-Викторъ Рикетти, маркизъ, предсѣдатель якобинскаго клуба, а потомъ національ. собранія. *Замѣтка* о его останкахъ. Т. XLII, 259.

Мирза-Тахъй-ханъ, первый персидскій министръ, т. XL, 656.

Мирковичъ, генералъ-отъ-инфантеріи, т. XLI, 330.

Мироновичъ, дѣйств. ст. сов., попечитель военно-сиротскаго отдѣленія, т. XL, 341, 342.

Миронскій, псевдонимъ. См. Поповъ.

Миропольскій, Дмитрій Александров., управляющій акцизными сборами Петербург. губ. *Некрологъ его.* Т. XLI, 715.

Михайловская, Александ. Петр., рожд. княж. Оболенская, т. XXXIX, 125.

Михайловскій-Данилевскій, Александ. Ив., генералъ-лейтенантъ, военный историкъ. *Записки его.* Т. XLII, 130—168. *Упомин.* т. XXXIX, 49.

Михайловы:

— Дм. Серг., попечитель Оренбургскаго учебнаго округа. *Некрологъ его.* Т. XXXIX, 733, 734. *Поправка* некролога. Т. XL, 488.

— Мих. Иларіонов., поэтъ, т. XL, 294—296.

— Референтъ Московскаго археологическаго съѣзда, т. XXXIX, 672.

— Сафонъ, русскій ученикъ въ Англіи, т. XXXIX, 713.

Михаилъ Николаевичъ, великій князь, т. XLI, 315.

Михаилъ Павловичъ, великій князь, т. XL, 308, 345, 351, 612; т. XLI, 97, 98, 102, 108, 114, 178, 536, 537; т. XLII, 474.

Михалевичъ, Е. Е., преподаватель Кишиневской духов. семинаріи, т. XLII, 787, 790.

Михаловскій, Дм. Лаврент., писатель, т. XLII, 848, 849.

Михельсонъ, Морицъ. *Замѣтки:* о переводѣ его стихотвореній Кольцова на нѣмецкій языкъ. Т. XXXIX, 470, 471. О его «Сокровищницѣ русскихъ басенъ». Т. XL, 468, 469.

Мичель, Томасъ. *Замѣтка* о соч. его: Русскія картины, начертанныя перомъ и карандашемъ. Т. XXXIX, 212, 213.

Мишо-де-Боретуръ, гр. Александ. Францовъ., генералъ-адъютантъ, т. XLII, 149.

Моисеева, помѣщица-грабительница, т. XL, 577.

Моисей, игуменъ Черніева монастыря, Тамбовской епархіи, т. XL, 572.

Молоствовъ, шацкій помѣщикъ, т. XL, 578.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Молчановъ, Александ. Никол. *Статья его.* Поѣздка въ окраинскій монастырь. Т. XXXIX, 655—666.

Момбертъ, Г. Л. *Замѣтка* о его исторіи Карла Великаго. Т. XL, 699, 700.

Мордвиновъ, генералъ-адъютантъ, т. XXXIX, 479—481.

Мордовцевъ, Дан. Лук., писатель. *Историческая повѣсть его.* За чьи грѣхи? Т. XXXIX, 9—28, 241—259, 497—512; т. XL, 5—21, 249—264, 489—513; т. XLI, 5—22, 241—254, 481—506.

Моревъ, Алексѣй Петр., преподаватель Рязанской духовн. семинаріи, т. XXXIX, 725.

Моригоревскій, сотрудникъ Справочнаго энцикл. словаря, т. XLI, 530.

Морфи или Морфиль, любовница короля Людовика XV, т. XLII, 546, 547.

Морфиль, В. Р., лекторъ Оксфордскаго университета. *Библіографическія замѣтки* о соч. его: An essay on the importance of the study of the slavonic languages. Т. XL, 215—217. Russia. Т. XL, 463, 464. *Замѣтка* о его русской грамматикѣ. Т. XLII, 838, 839.

Мотти, Піетро. *Замѣтка* о его русскихъ грамматикахъ. Т. XLII, 839.

Мочаловъ, трагикъ, московскій артистъ, т. XLI, 37, 38.

Муравьевы:

— Андрей Никол., путешественникъ и писатель, т. XXXIX, 95.

— Артамонъ Захарьев., полковникъ, декабристъ, т. XXXIX, 122, 123.

— Анна Андреев., рожд. Протасьева, т. XXXIX, 139.

Муравьевъ-Карскій, Никол. Никол., генералъ-адъютантъ, кавказскій намѣстникъ. *Воспоминанія о немъ.* Т. XXXIX, 86—101, 307—323. *Поправка* къ этимъ воспоминаніямъ. Т. XL, 248.

Мусинъ-Пушкины, графы:

— Валент. Платон., т. XLI, 297, 301.

— Мих. Никол., попечитель Казанск., а потомъ Петербургск. учебн. округ., т. XL, 99, 100, 306; т. XLI, 533, 534, 545; т. XLII, 426, 433, 711, 715, 716, 722, 730.

Мюллеръ, Вильгельмъ, профессоръ Тюбингенскаго университета. *Библіографическая замѣтка* объ обработанномъ имъ соч. К. Ф. Беккера: Древняя исторія. Часть первая. Т. XXXIX, 691, 692.

Мюнстеръ, графъ, прусскій военный агентъ въ Петербургѣ, т. XL, 533, 534.

Мякинины:

— Мавра Петр., помѣщица села Княжнаго, Борович. у., т. XL, 335—337.

— Яковъ Гавр., поручикъ Сѣверскаго полка, т. XL, 335—338.

Мякотинъ, В. А. *Библіографическія замѣтки его:* Генеральный планъ Императорскаго Воспитательнаго для приносныхъ дѣтей дома и госпиталя для бѣдныхъ родильницъ въ Москвѣ (1763—1767 гг.). Въ 3-хъ частяхъ. Т. XXXIX, 202, 203. Новгородскія древности. Археологическій эскизъ Евгенія Гаршина. Третье исправленное и дополненное изданіе, съ рисунками З. П. Ахочинской. Т. XXXIX, 709, 710. Ч. А. Файфъ. Исторія Европы XIX вѣка. Томы I и II. Съ 1792 по 1848 г. Переводъ со 2-го англійскаго изданія М. В. Лучицкой, подъ редакціей проф. И. В. Лучицкаго. Т. XL, 210 — 213. Архивъ князя Воронцова. Книга 36-я. Т. XL, 221—223. Сборникъ лѣтописей, относящихся къ исторіи южной и западной Руси, изданный комиссіей для разбора древнихъ актовъ, состоящей при кіевскомъ, подольскомъ и волынскомъ генералъ-губернаторѣ. Т. XL, 464, 465. Матеріалы для исторіи Академіи Наукъ. Томъ пятый (1742—1743). Т. XL, 680—683. Ѳ. И. Булгаковъ. Иллюстрированная исторія книгопечатанія и типографскаго искусства. Томъ I. Съ изобрѣтенія книгопечатанія по XVIII вѣкъ включительно. Т. XLI, 213, 214. Организація прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ со временъ смуты до эпохи преобразованій. Изслѣдованіе А. Лаппо-Данилевскаго. Т. XLI, 449—454. Очеркъ по исторіи русской поземельной политики въ XVIII и XIX вв. Сочиненіе В. Якушкина. Выпускъ первый. XVIII вѣкъ. Т. XLI, 688—690. Памятная книжка московскаго архива министерства юстиціи. Т. XLI, 698, 699. Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора лѣтописца. Книга четвертая. Издана подъ редакціею И. П. Дашкевича. Т. XLII, 242—244.

Н.

Навроцкій, Н., корреспондентъ Академіи наукъ, т. XLI, 529.

Нагель, Францъ Егор., факторъ академической типографіи, т. XLI, 542.

Надсонъ, Сем. Яков., поэтъ. *Замѣтка* о статьѣ г. фонъ-Троль: Simon Jakovlevitch Nadson. Т. XLI, 227.

Назарьевъ, В. Н. *Воспоминанія его:* Жизнь и люди былого времени. Т. XLII, 424—443, 710—733.

Назимовъ, Владим. Ив., виленскій генералъ-губернаторъ. *Анекдоты* о немъ. Т. XXXIX, 725, 726.

Наполеонъ:

— Бонапартъ, король голландскій, т. XLII, 550.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— I, Бонапартъ, императоръ французовъ. *Замѣтка* о послѣднемъ автографѣ и походной кровати его. Т. XLII, 262. *Панорамы его.* Т. XLII, 552. *Охота его.* Т. XLII, 833, 834. *Упомин.* т. XLII, 56—59, 159, 545, 546.

— III (Луи), императоръ французовъ. *Замѣтка* о происхожденіи его. Т. XLII, 549, 550. *Упомин.* т. XXXIX, 381, 387, 391, 394, 396—400; т. XL, 42, 43, 49, 50, 273, 278, 517, 527, 534; т. XLII, 256, 261, 549, 830—833.

— Принцъ („Люлю"). *Замѣтка* о немъ. Т. XLII, 830—832.

Нарышкины:

— Елизав. Петр., рожд. гр. Коновницына, т. XXXIX, 116, 117.

— Ив. Александр., т. XLI, 34, 36.

— Марья Ант., рожд. княжна Четвертинская, т. XLI, 75, 92.

— Мих. Мих., полковникъ, декабристъ, т. XXXIX, 117, 125.

Нарѣжный, воспитатель Полтавскаго кадетскаго корпуса, т. XLII. 467.

Наср-ед-динъ, персидскій шахъ, т. XL, 655, 660.

Нассау-Зигенъ, принцъ, русскій адмиралъ, т. XLI, 476.

Наталья Алексѣевна (Августа-Вильгельмина, принцесса гессенъ-дармштадтская), первая супруга великаго кн. Павла Петровича, т. XLI, 406.

Нафанаилъ (Савченко), архіепископъ полтавскій и переяславскій, т. XLI, 112, 113.

Нахимовъ, Пав. Степ., адмиралъ, т. XL, 590, 591.

Неваховичи:

— Александ. Львов., начальникъ репертуарной части, т. XL, 103—105.

— Мих. Львов., карикатуристъ, издатель „Ералаша", т. XXXIX, 41; т. XL, 103—113, 292.

Невструевъ, И., ботаникъ, т. XLI, 529, 530.

Невѣдомскій, В. Н. *Библіографическія замѣтки* о переводахъ его: Всеобщая исторія Георга Вебера, томъ двѣнадцатый. Т. XLI, 458, 459. Американская республика, Джемса Брайса, ч. I и II. Т. XLII, 814—817.

Недзвѣцкій, В. И. *Статья его:* Первостепенные европейскіе театры военныхъ дѣйствій. Т. XL, 355—377, 592—609.

Нейманъ-Гоферъ, редакторъ журнала Das Magasin für Litteratur. *Замѣтка* объ этомъ изданіи. Т. XLII, 837, 838.

Нейманъ, капитанъ парохода „Георгій", т. XLII, 395, 404, 419, 421, 675, 680, 681.

Неклюдовъ, Л. Я., полковникъ, измаильскій герой, т. XLII, 792.

Некрасовы:

— Е. С. *Статья ея:* Надежда Андреевна Дурова. Т. XLI, 585—612.

— Никол. Алексѣев., поэтъ, т. XXXIX, 262, 338, 339; т. XL, 114; т. XLII, 323, 324, 331, 624, 625.

Немировичъ-Данченко, В. И., писатель. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Кама и Уралъ, очерки и впечатлѣнія. Т. XXXIX, 688, 689.

Неплюевъ, Ив. Ив., командиръ Оренбургской экспедиціи. *Библіографическая замѣтка* о соч. Витевскаго: И. И. Неплюевъ и Оренбургскій край въ прежнемъ его составѣ до 1758 г. Выпускъ второй. Т. XLI, 690—692.

Неслуховскій, Ф. К. *Статья его:* Изъ моихъ воспоминаній. Т. XL, 116—153.

Нессельроде, гр. Карлъ Вас., министръ иностран. дѣлъ и государств. канцлеръ. *Письмо его* къ гр. И. Ѳ. Паскевичу-Эриванскому. Т. XXXIX, 221—225. *Упомин.* т. XXXIX, 385, 392; т. XL, 40, 44, 45, 264, 284, 516.

Никитенко, Александ. Вас., профессоръ Петербургскаго университета, цензоръ и писатель, т. XXXIX, 131; т. XL, 96—100; т. XLI, 341, 342, 516.

Никитинъ, А. П., сотрудникъ Справочнаго Энцикл. словаря, т. XLI, 530.

Николаевы:

— Н. Н., сотрудникъ Справочнаго Энциклопед. словаря, т. XLI, 529.

— П. С. *Его разсказы изъ прошлаго:* воспоминаніе о профессорѣ Греффе. Т. XLII, 119—129.

Николай I Павловичъ, императоръ. *Замѣтка* объ отношеніяхъ его къ гр. А. Х. Бенкендорфу. Т. XXXIX, 479—481. *Упомин.* т. XXXIX, 50—52, 87, 96, 97, 271, 272, 309, 320, 376, 378—380, 382—387, 389, 392, 393, 561, 662, 663; т. XL, 25, 27, 35, 49, 50, 266, 308, 345, 351, 535, 547, 613—619, 649; т. XLI, 78, 99—101, 171, 179, 334—339; т. XLII, 474.

Никонъ, московскій патріархъ, т. XLI, 49, 53, 56.

Ницкевичъ, Ѳед. Григ., инспекторъ классовъ Полтавскаго кадет. корпуса, т. XLI, 110, 307; т. XLII, 449, 451, 456, 471, 472.

Новицкій, Ив. Петр., знатокъ исторіи Юго-Западнаго края. *Некрологъ его.* Т. XLII, 853, 854.

Новопокровскій, тамбовскій протоіерей-благотворитель, т. XLI, 427.

Новосильскій, директоръ канцеляріи мин. народн. просвѣщенія, т. XLI, 337, 338.

Нордманъ, профессоръ Казанскаго университета, т. XLII, 714.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Нордстремъ, Ив. Андреев., чиновникъ III отдѣленія, т. XL, 114.

Норуа, Шарль. *Извлеченіе* изъ его книги Les sekrets der Bonaparte. Т. XLII, 545, 546.

Нѣмцевичъ, негостепріимный полякъ-помѣщикъ Брестск., у., т. XL, 627.

Нѣмчиновъ, сотрудникъ „Литературной Газеты“, т. XL, 313, 314.

О.

Обнинскій, политическій преступникъ, т. XLI, 581—583.

Оболенскіе, князья:

— Александра Петр. См. Михайловская.

— Варв. Петр. См. Прончищева.

— Евг. Петр., декабристъ. *Пять неизданныхъ писемъ его* и нѣкоторыя о немъ свѣдѣнія. Т. XXXIX, 115—155. *Упомин.* т. XXXIX, 234.

— Екат. Петр. См. Протасьева.

— Марья Петр. См. Леонтьева.

— Наталья Петр., т. XXXIX, 132.

— Петръ Никол. *Письма* къ нему гр. И. И. Дибича-Забалканскаго. Т. XXXIX, 129, 130.

Овсянниковъ, Н. Н. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Тверь въ XVII вѣкѣ. Историческій и археологическій путеводитель по г. Твери. Т. XXXIX, 190—192.

О—въ, С. И. *Сообщилъ* отрывокъ изъ воспоминаній о Рязанской духовной семинаріи. Т. XXXIX, 722—725.

Оглоблинъ, Н. Н. *Статья его:* Женскій вопросъ въ Сибири въ XVII вѣкѣ. Т. XLI, 195—207. Смутное время въ городѣ Ольшанскѣ. Очеркъ изъ быта служилыхъ людей начала XVIII, вѣка. Т. XLI, 428—444.

Огрызко, Іосафатъ, чиновникъ мин. финансовъ, издатель газеты „Słowo“, польскій повстанецъ. *Некрологъ его.* Т. XL, 484, 485.

Одебранъ, Филиберъ. *Замѣтка* по поводу разслѣдованія его о происхожденіи Наполеона III. Т. XLII. 549, 550.

Оденъ, Мэри. *Повѣсть ея:* Укрощеніе строптивой. Т. XLII, 799—813.

Одоевскіе, князья:

— Влад. Ѳед., сенаторъ, писатель, т. XL, 554—556; т. XLII, 516.

— Яковъ Никит., астраханскій воевода, т. XL, 574.

Олельковичъ, Симеонъ, южно-русскій князь, т. XLI, 224.

Ольговы, костромскіе вотчинники, т. XL, 387, 388, 392.

Опочининъ, Евг. Никол. *Статья его:* Изображеніе смерти въ средневѣковыхъ процессіяхъ Западной Европы. Т. XXXIX, 441—451.

Ордины:

— Ф. Ф., адвокатъ, т. XXXIX, 520, 521, 526, 528.

— Авторъ книги „Покореніе Финляндіи“, т. XL, 178—180, 186, 190.

Орловы, князья:

— Алексѣй Ѳедор., генералъ-адъютантъ, шефъ жандармовъ, т. XXXIX, 321.

— Григ. Григ., генералъ-фельдцейхмейстеръ, т. XLI, 563.

Орлова-Чесменская, гр. Анна Алексѣев., т. XLI, 178.

Осиповъ, А. А. *Статья его;* Денисъ Васильевичъ Давыдовъ. Опытъ литературной характеристики. Т. XLI, 71—93.

Осокинъ, профессоръ Казанскаго университета, т. XLII, 716.

Остафьевъ, Андрей, шацкій воевода, т. XLI, 49—55, 58, 61, 62.

Остерманъ, графъ, герой Кульма, т. XLI, 168.

Островскіе:

— Александ. Никол., драматургъ. *Обзоръ* рукописей его. Т. XXXIX, 344—373. *Поправка* къ этому обзору. Т. XXXIX, 735.

— Д. Н., русскій консулъ въ Сѣверной Норвегіи, т. XLII, 691.

Оттонъ, греческій король, т. XXXIX, 52.

Очкинъ, Амплій Никол., редакторъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, т. XXXIX, 540; т. XL, 103.

Ошанинъ, Андрей Леонт., енисейскій воевода, т. XLI, 203, 204.

П.

Павелъ I Петровичъ, императоръ, т. XXXIX, 589; т. XL, 185, 347, 348, 615; XLI, 285, 288, 300, 562, 615—620.

Павленковъ, Л. И. *Статья его:* Книжное дѣло и періодическія изданія въ Россіи въ 1889 году. Приложеніе къ тому XL, 1—32.

Павловъ, А. С., профессоръ Московскаго университета, т. XXXIX, 571, 670, 671.

Пажъ, артистка, т. XXXIX, 565.

Паздѣевъ, Осипъ Алексѣев., масонъ, т. XLII, 52, 53.

Пальмъ, И., художникъ, т. XL, 105, 106.

Панаева, А. Я., рожд. Брянская. См. Головачева.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Паровальскій, Корнила, запорожскій казакъ, родоначальникъ фамиліи Пржевальскихъ, т. XL, 411.

Паскевичи:

— Свѣтлѣйшій князь **Варшавскій**, графъ **Эриванскій**, Ив. Ѳедор., генералъ-фельдмаршалъ, намѣстникъ въ царствѣ Польскомъ. *Письмо* къ нему гр. К. В. Нессельроде. Т. XXXIX, 221—225. *Статья* по поводу второго тома сочиненія объ немъ. Т. XLI, 165—179. *Упомин.* т. XXXIX, 560; т. XL, 622, 623, 629, 649; т. XLI, 82.

— Елизав. Алексѣев., рожд. Грибоѣдова, т. XL, 623.

Паткуль, Іоганъ-Рейнгольдъ, лифляндецъ, русскій дипломатъ, т. XLI, 670.

Пацъ, Христоферъ, канцлеръ великаго княжества Литовскаго, т. XXXIX, 657—660.

Пашковы:

— Еремѣй, товарищъ тамбовскаго воеводы, т. XLI, 50, 51, 61—63, 66, 67.

— Оберъ-егермейстеръ, т. XXXIX, 46.

Педро II (д'Алькантаръ), бразильскій императоръ. *Замѣтка* о немъ. Т. XLII, 840, 841.

Пейкеръ, Н. И., цензоръ, т. XLI, 535, 536.

Пеликанъ, Е. В., директоръ медицинскаго департамента, т. XLI, 537.

Перовскіе:

— Алексѣй Алексѣев., попечитель Харьковскаго учебн. округа, членъ Россійской Академіи, писатель (Антоній Погорѣльскій). *Статья объ немъ.* Т. XLII, 45—82.

— Левъ Алексѣев., генер.-адъютантъ, министръ внутрен. дѣлъ, т. XXXIX, 35, 51.

Перренъ, ген.-лейтен., начальникъ 1-й артиллер. дивизіи, т. XL, 630, 633.

Перцовъ, сотрудникъ Справочнаго Энцикл. словаря, т. XLI, 530.

Песковъ, А. В., членъ саратов. город. управы, попечитель Радищевскаго музея, т. XXXIX, 178.

Песоцкій, издатель журнала „Репертуаръ", т. XXXIX, 336—338, 342; т. XL, 93, 95, 96, 292, 313.

Петерсенъ, Владим. Карл. *Статья его:* Жизнь за науку. Т. XL, 407—423. Осада Ермолова. Т. XLI, 165—179.

Петкевичъ, виленскій помѣщикъ-богачъ, т. XL, 631.

Петри, Э. Ю., профессоръ. *Библіографическая замѣтка* объ исполненномъ подъ его редакціею переводѣ „Народовѣдѣніе", Оскара Пешеля. Т. XXXIX, 689—691.

Петровы:

— А. Н. *Статья его:* Русскіе дипломаты на вѣнскихъ конференціяхъ 1855 года. Т. XL, 22 — 50, 265 — 289, 514—534.

— Никол. Ив., ординарный профессоръ Кіевской духовной академіи, писатель. *Библіографическая статья* о соч. его: „Бѣлоруссія и Литва, историческія судьбы Сѣверо-Западнаго края". Т. XXXIX, 406—429. *Библіографическая замѣтка его:* Виленскій календарь на 1890 годъ. Т. XXXIX, 705. *Замѣтка* по поводу двадцатипятилѣтія научной дѣятельности его. Т. XLII, 275. *Упомин.* т. XLII, 770, 773, 780, 784, 786, 790, 792.

— Петербургскій митрополитъ. См. Гавріилъ.

Петръ (Смѣличъ), первѣйшій Россійской имперіи архимандритъ, т. XLI, 407.

Петръ I Алексѣевичъ Великій, императоръ. *Замѣтка:* Живыя слова Петра Великаго. Т. XL, 171 — 175. *Упомин.* т. XL, 566, 573; т. XLI, 104, 668; т. XLII, 522, 851, 852.

Петръ III Ѳедоровичъ (Карлъ-Петръ Ульрихъ, герцогъ голштейнъ-готторпскій), императоръ всероссійскій, т. XXXIX, 576, 577, 582, 584, 588, 590, 594, 597; т. XL, 183.

Печаткины:

— Вяч. Петр., книгопродавецъ, т. XLI, 543, 544.

— П. А., бумажный фабрикантъ, т. XLI, 543.

Пешель, Оскаръ. *Библіографическія замѣтки* о соч. его: Народовѣдѣніе, въ переводѣ подъ редакціею Э. Ю. Петри, съ 6 изданія. Выпускъ I, Т. XXXIX, 689—691. Выпускъ II. Т. XL, 220, 221.

Пещурова, учительница Н. А. Добролюбова, т. XLI, 126.

Пильчиковъ, преподаватель Полтавск. кадет. корпуса, т. XLII, 472.

Пинегинъ, М. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Казань въ ея прошломъ и настоящемъ. Очерки по исторіи, достопримѣчательностямъ и современному положенію города. Т. XLII, 244—248.

Пинкорнелли, П. Ф., полковникъ, завѣдывающій Полтавскимъ кадетскимъ корпусомъ, т. XLI, 109, 111, 112; т. XLII, 460, 461.

Пирлингъ, Пав. Осип., іезуитъ. *Замѣтка* о соч. его: „Papes et tsars. 1547—1597". Т. XXXIX, 473, 474. *Поправка* къ этой замѣткѣ. Т. XXXIX, 735, 736.

Пирсенъ, голландскій докторъ. *Замѣтка* о его изслѣдованіи: Умственные предшественники. Т. XLII, 267, 268.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Писаревскій, Н. Г., офицеръ генер. штаба, т. XLI, 529.

Писаревъ, правитель канцеляріи кіевскаго генералъ-губернатора, т. XLI, 581.

Питиримъ, тамбовскій епископъ, т. XL, 573.

Пишегрю, Шарль, франц. генералъ. *Замѣтка* о его смерти. Т. XLII, 545, 546.

Платовъ, гр. Матв. Ив., атаманъ войска донскаго, т. XLII, 146, 153, 154.

Платоновъ (Холмогоровъ), Ив. Вас., докторъ правъ, профессоръ Харьковскаго университета. *Некрологъ его.* Т. XLII, 277, 278.

Плесси, артистка, т. XXXIX, 564, 565.

Плетневъ, Петръ Александр., писатель, ректоръ Петербургскаго университета, академикъ, т. XL, 99.

Плотниковъ, Вл. Вл. См. Борисъ.

Позенъ, генералъ, т. XXXIX, 37.

Побѣдоносцевъ, Конст. Петр., дѣйств. тайн. сов., оберъ-прокуроръ св. синода. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Курсъ гражданскаго права. Части первая, вторая и третья. Т. XXXIX, 701—703. *Упомин.* т. XXXIX, 177.

Погодины:

— Генералъ-интендантъ, т. XXXIX, 51.

— Мих. Петр., профессоръ, историкъ и публицистъ, т. XL, 141—143.

Подгоричани, графъ, генералъ-поручикъ, т. XLI, 625.

Подгороденскій, Маріанъ, политическій преступникъ, т. XLI, 581.

Полевой, Петръ Николаевичъ, писатель. *Статьи его:* Молодость Екатерины II. (По поводу сочин. В. Бильбасова: »Исторія Екатерины II»). Т. XXXIX, 537—597. Воспоминаніе о художникѣ А. Д. Литовченко. Т. XLII, 755—762. *Замѣтки его:* Могила князя-шута (кн. М. А. Голицына). Т. XXXIX, 171—174. Живыя слова Петра Великаго. Т. XL, 171—175. Загадочныя древности. Т. XLI, 676—681. *Библіографическія замѣтки его:* В. А. Бильбасовъ. Исторія Екатерины II. Томъ I. Т. XXXIX, 678—683. Russia By W. R. Morfill. Т. XL, 463, 464. Сигизмундъ Либровичъ. Пушкинъ въ потретахъ. Исторія изображеній поэта въ живописи, гравюрѣ и скульптурѣ. Т. XL, 688, 689.

Политковскій, генералъ-маіоръ, т. XLI, 330—332.

Половцовъ, А. А., предсѣдатель Русскаго Историческаго Общества, т. XXXIX, 195—197.

Поль:

— Алексан. Никол., почетный гражданинъ г. Екатеринослава, археологъ. *Некрологъ его.* Т. XLII, 275, 276. *Музей его.* Т. XLII, 794—798. *Упомин.* т. XLI 188.

— Никол. Ив., отецъ предыдущаго,, XLII, 795.

— Ив. Ив., шведскій выходецъ, т. XLII, 795.

Польманъ, егермейстеръ, стражъ прин, цессы брауншвейгской Августы, т. XLI-285—290, 303, 563—567, 570, 572.

Поляковъ, петербургскій книгопродавецъ, т. XXXIX, 336.

Пономаревъ, Прокофій Ив., петербургскій городской голова, т. XLI, 548.

Понятовскіе:

— Польскій король. См. Станиславъ-Августъ.

— Іосифъ, князь, маршалъ. *Замѣтка* о памятникѣ его въ Гомелѣ. Т. XLI, 480.

Поповы:

— Александ. Ив., учитель Смольнаго института, писатель, т. XL, 314.

— Мих. Ив., писатель (Миронскій), т. XL, 314.

— Н. А. *Библіографическая замѣтка* о его романѣ: Около трона. Т. XXXIX, 209—211.

— Профессоръ Казанскаго университета, т. XLII, 724.

— Тамбовскій протоіерей-благотворитель, т. XLI, 427.

— Ф. К., капитанъ парохода Чижовъ. См. статью: По Ледовитому океану. Т. XLII, 83—118.

— Ѳедоръ, дьячекъ-грабитель, т. XL, 577.

Посошковъ. *Замѣтка* объ открытомъ сочин. его: Отеческое завѣщаніе сыну. Т. XL, 480.

Потаповъ, Вас. Никиф., профессоръ Московской дух. академіи. *Некрологъ его.* Т. XL, 246.

Потель, Адольфъ. *Замѣтка* о соч. его: Историческій обзоръ восточныхъ дѣлъ. Т. XL, 697.

Потемкинъ-Таврическій, свѣтл. князь, Григ. Александр., генер.-фельдмаршалъ, новороссійскій ген.-губернаторъ, т. XLI, 288, 289.

Поццо-ди-Борго, графъ. *Замѣтка* объ изданной корреспонденціи его. Т. XLII, 556.

Пржевальскій, Никол. Мих., знаменитый русскій путешественникъ. *Статья объ немъ:* Жизнь за науку. Т. XL, 407—423. *Памятникъ ему.* Т. XLII, 562, 563.

Принцъ, П. А., полковникъ, пятигорскій комендантъ, т. XXXIX, 93.

Прозоровскій, Д. И., референтъ Московскаго археологич. съѣзда, т. XXXIX, 670.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Прокешъ-Остенъ, баронъ, австрійскій дипломатъ, т. XL, 267, 269, 271, 272, 274, 275, 525, 529.

Прончищева, Варв. Петр., рожд. княж. Оболенская, т. XXXIX, 125.

Протасова, актриса, т. XL, 148.

Протасьевы:

Андрей Вас. *Письма* къ нему декабриста, кн. Е. П. Оболенскаго, т. XXXIX, 115—145.

— Анна Андреев. См. Муравьева.

— Вас. Андр., артиллеристъ, т. XXXIX, 133.

— Евгеній Андреев., т. XXXIX, 136.

— Екатер. Петр., рожд. княж. Оболенская, т. XXXIX, 133.

Протопоповъ, Матв. Никол., профессоръ Харьковскаго университета, т. XL, 131—133.

Прянишниковъ, Ѳ. И., главный начальникъ почтъ, т. XLI, 525.

Птицынъ, В. *Сообщилъ* буддійскую молитву за царя, установленную въ память о чудесномъ спасеніи Ихъ Величествъ въ день 17 октября 1888 года. Т. XXXIX, 220, 221. *Замѣтка его:* Забайкальскіе разбойники. Т. XL, 237—239.

Пулло, И. М., докторъ медицины, профессоръ. *Некрологъ его.* Т. XLI, 478.

Путиловы, дворянскій родъ, т. XL, 387, 388, 392.

Пушкинъ, Александ. Серг., поэтъ. *Замѣтка* о переводѣ его Капитанской дочки на англійскій языкъ, Годфрея. Т. XXXIX, 214. *Упомин.* т. XXXIX, 123; т. XLI, 92, 167, 336, 337, 598, 601, 612; т. XLII, 67, 788, 789.

Пущины:

— Анастасія Кондратьев., урожд. Рылѣева. *Некрологъ ея.* Т. XLI, 714, 715.

— Ив. Ив., коллеж. ассес., декабристъ, т. XXXIX, 123, 124, 125.

— Никол. Ив., т. XXXIX, 138, 142, 143.

Пыляевъ, Мих. Ив., писатель. *Статьи его:* Столѣтіе собора Александро-Невской лавры. Т. XLI, 400—408. Историческіе колокола. Т. XLII, 169—204. *Сообщилъ* замѣтку о ненапечатанныхъ запискахъ русскихъ людей. Т. XXXIX, 232—234.

Пыпинъ, А. Н. *Библіографическая Замѣтка* о соч. его: Исторія русской этнографіи. Т. I: общій обзоръ изученій народности и этнографіи великорусской. Т. XLI, 212, 213.

Пѣтуховъ, О. М., преподаватель школы гвард. подпрапорщиковъ, т. XLI, 530.

Р.

Радецкій, Ѳедоръ Ѳедор., командующій войсками Кіевскаго воен. округа, членъ госуд. совѣта. *Некрологъ его.* Т. XXXIX, 734, 735.

Радищевы:

— Александ. Никол., гуманистъ екатерининскаго времени, авторъ „Путешествія изъ Петербурга въ Москву“, т. XXXIX, 177, 180.

— Аѳанасій Александр., генералъ-лейтенантъ, т. XXXIX, 181.

— Ѳекла Александр. См. Боголюбова.

Раевскіе:

— Екатер. Никол., рожд. гр. Самойлова. См. Давыдова.

— Никол. Никол., русскій полководецъ, т. XLII, 146.

Раевъ, тамбовскій епископъ. См. Ѳеофилъ.

Разинъ, Стенька, донской казакъ, самозванецъ. *Статья:* Раскаты Стенькина грома въ Тамбовской землѣ. Т. XL, 560—584; т. XLI, 49—70.

Разумовскіе, графы:

— Алексѣй Кирил., дѣйств. тайн. совѣтникъ, т. XLII, 46—52, 63.

— Левъ Кирил., т. XLII, 49.

Райпольскій, Ив. Ник., докторъ, профессоръ, т. XL, 126, 127.

Раксаль, авторъ мемуаровъ, т. XLI, 281—284.

Ральстонъ, Вильямъ, англійскій писатель, знатокъ русской литературы. *Некрологъ его.* Т. XXXIX, 215, 216.

Рамбо, Альфредъ, редакторъ „Revue bleue“. *Замѣтка* о соч. его: Les origines de la diplomatie russe. Т. XL, 696, 697.

Распайль, докторъ-соціалистъ, т. XL, 107, 108.

Раулинсонъ, ассиріологъ. *Замѣтка* о его „Исторіи Финикіи“. Т. XXXIX, 478.

Реадъ. Н. А., кавказскій генералъ, т. XXXIX, 90, 92.

Ребиндеръ, сотрудникъ Справочнаго Энцикл. словаря, т. XLI, 530.

Редклифъ, лордъ, англійскій посолъ въ Константинополѣ, т. XL, 271.

Рейнахъ, Іосифъ. *Замѣтка* о его Исторіи французской литературы. Т. XLII, 264, 265.

Рейтернъ, гр. М. Х., министръ финансовъ, членъ госуд. совѣта, т. XXXIX, 728.

Реклю, Элизе, географъ и философъ. *Замѣтка* объ изданномъ имъ соч. Льва Мечникова: „Цивилизація и большія историческія рѣки“. Т. XXXIX, 474—476.

Рембрандтъ ванъ-Рейнъ, знаменитый художникъ. *Статья* объ немъ. Т. XL, 192—209.

Ретвишъ. *Замѣтка* о соч. его: Нѣмцы за границей. Т. XXXIX, 716, 717.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Ржевуская, графиня, владѣлица г. Старо-константинова, т. XLI, 577.

Рибопьеръ, графъ, рыльскій помѣщикъ, т. XLI, 375, 376.

Ригасъ-Ферайосъ, Константинъ, первомученикъ греческой независимости. *Замѣтка* объ изданной біографіи его. Т. XLI, 471, 472.

Ридигеръ, ген.-адъютантъ, корпусный командиръ, т. XL, 623.

Р—новъ, Мих. Ѳедор., московскій богачъ и гастрономъ. *Портретъ его* въ шуточномъ стихотвореніи. Т. XXXIX, 225, 226.

Робушъ, Мих. Соломон. *Статья его:* По Ледовитому океану. Т. XLII, 83—118, 392—423, 671—709.

Розенгеймъ, М. П., генералъ-маіоръ, поэтъ, писатель, т. XXXIX, 517.

Розенъ, бароны:

— Кавалергардскій поручикъ, разжалованный за дуэль съ гр. Гендриковымъ, т. XXXIX, 91.

— Редакторъ газеты „Сынъ Отечества“, т. XL, 558.

— Стражъ принцессы брауншвейгской Августы, т. XLI, 287.

Ролле, І. І., каменецъ-подольскій докторъ, любитель-археологъ, т. XLII, 774, 784.

Романовы:

— Боярскій родъ, т. XL, 386, 389.

— Вадимъ Вадим., общественный дѣятель, писатель. *Некрологъ его.* Т. XXXIX, 732, 733.

Росси, Эрнестъ, италіанскій артистъ. *Замѣтка* о соч. его: Сорокъ лѣтъ артистической жизни. Т. XL, 470—472.

Ростовцевъ, Яковъ Ив., ген.-адъют., ген. отъ инфантеріи, членъ госуд. совѣта, т. XL, 612; т. XLI, 101, 102, 104, 307, 312, 314, 525, 526, 548, т. XLII, 474.

Ростопчинъ, гр. Ѳедоръ Вас., генералъ-губернаторъ Москвы, т. XLII, 149, 150, 152.

Ротъ, генералъ, корпусный командиръ, т. XLI, 103, 104.

Рош-шуаръ, адъютантъ герцога Ришелье и императора Александра I. *Замѣтка* объ изданныхъ воспоминаніяхъ его. Т. XXXIX, 714, 715.

Рубини, Джіованни, италіанскій пѣвецъ, т. XXXIX, 46—48.

Рубинштейнъ, Антонъ Григ., композиторъ, директоръ консерваторіи. *Замѣтка* о 50-лѣтнемъ юбилеѣ его. Т. XXXIX, 231. *Упомин.* т. XXXIX, 47; т. XLI, 274, 275.

Рубанъ, Миронъ, родоначальникъ этой фамиліи, т. XL, 332, 333.

Руи, голландскій натуралистъ, членъ экспедиціи въ Ледовитый океанъ, т. XLII, 707.

Румянцевы, графы: Михаилъ и Николай Петровичи, т. XLI, 617.

Румянцевъ - Задунайскій, гр. Сергѣй Петр., т. XLI, 618.

Руссель, Джонъ, лордъ, англійскій дипломатъ, т. XL, 265—271, 275, 279, 281, 282, 284, 286, 515, 518, 520.

Руссо, Жанъ-Жакъ, мыслитель. *Замѣтка* о вышедшихъ сочиненіяхъ объ немъ. Т. XLI, 472, 473.

Рылѣева, Анастасія Кондр. См. Пущина.

Рѣпинъ, Илья Ефим., академикъ исторической живописи, т. XLII, 760, 761.

С.

Савельевъ, А. И. *Замѣтка его:* Символическіе знаки у нашихъ инородцевъ (Буддійскій амулетъ и пензеръ шамановъ). Т. XLI, 409—415.

Савельевъ-Ростиславичъ, Н. В., сотрудникъ Справочнаго энциклопед. словаря, т. XLI, 529.

Саліасъ-де-Турнемиръ, графъ Евгеній Андреев., писатель. *Статья о немъ.* Т. XLI, 380—399. *Замѣтка* о подробномъ разборѣ его романа „Аракчеевскій сынокъ“ въ журналѣ „Revue Bleue“. Т. XXXIX, 474.

Саломонъ, П. И., члеиъ госуд. совѣта. т. XXXIX, 728.

Салтыковы:

— (Щедринъ), Мих. Евграф., писатель. *Воспоминанія о немъ.* Т. XLII, 318—342, 603—631. *Упомин.* т. XXXIX, 33, 262, 275, 535, 536.

— С. В., т. XXXIX, 589.

Салько, А. М., саратовскій город. архитекторъ, т. XXXIX, 178.

Самборскій, Андрей Аѳанас., протоіерей, т. XXXIX, 234.

Самойловы:

— Вѣра, Надежда, Василій, Софія, Любовь, артисты, т. XXXIX, 43.

— В. В., актеръ, т. XLI, 29.

— Гр. Екат. Никол, по первому браку Раевская. См. Давыдова.

Самокатовъ, Ѳедоръ, ветеранъ Крымской кампаніи, т. XLI, 475.

Самсоновъ, помѣщикъ-грабитель, т. XL, 576.

Сандуновы, Елизав. Семен., рожд. Ѳедорова, переименованная въ Уранову, и Снла Никол., супруги-артисты. *Новыя свѣдѣнія объ нихъ.* Т. XXXIX, 611—625.

Санфеличе, Луиза, героиня неаполитанской революціи. *Замѣтка* о ней. Т. XLII, 839, 840.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Сапуновъ, Алексѣй Порфир. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Двинскіе или Борисовы камни. Т. XLI, 223, 224.

Сатинъ, А. Д. *Отрывокъ изъ воспоминаній его:* Какъ я выучился держать себя въ сраженіи. Т. XL, 585—591.

Сахаровы:

— Ал. Ал., дѣйств. ст. сов., писатель, т. XLI, 529.

— Ив. Ал., сотрудникъ Справочнаго энциклопед. словаря, т. XLI, 528.

Свиньинъ, Пав. Петр., т. XXXIX, 234.

Свѣчниковъ, поручикъ, знатокъ пиротехники, т. XL, 630.

Свѣшниковъ, М. И., т. XXXIX, 230.

Святловскіе:

— Викен. Франц., генералъ, первый директоръ Полтавскаго кадетскаго корпуса, т. XLI, 106—109; т. XLII, 456, 457.

— Александра Сем., супруга предыдущаго. т. XLI, 106, 107.

Северинъ, псевдонимъ писательницы. См. Мердеръ.

Селивановъ, А. Ѳ., референтъ Московскаго археологическаго съѣзда, т. XXXIX, 670.

Семеновы:

— Никол. Петр., тайн. совѣт., сенаторъ. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе императора Александра II. Т. XL, 458, 459.

— П. П., предсѣдатель Географическаго Общества, сенаторъ, т. XXXIX, 438.

— Силантій, тамбовскій дьячекъ, грабитель, т. XL, 576, 577.

— Ѳедоръ, русскій ученикъ въ Англіи, т. XXXIX, 713.

Сементовскій, А. М. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Бѣлорусскія древности. Т. XXXIX, 707, 708.

Сенковскій, Осипъ Ив., профессоръ Петербургскаго университета, писатель и критикъ (баронъ Брамбеусъ), т. XLI, 273.

Сентъ-Мартинъ, учитель танцевъ въ Полтав. кадет. корпусѣ, т. XLII, 472.

Серафимъ (Глаголевскій), митрополитъ московскій, т. XL, 632; т. XLII, 189, 190.

Сербиновичъ, К. С., завѣдывающій департаментомъ мин. народн. просвѣщенія, т. XLI, 340—342.

Сербиновъ, секретарь курскаго губернатора, т. XLI, 160, 161, 163.

Сергѣевичъ, В. И., профессоръ. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Русскія юридическія древности. Т. I. Территорія и населеніе. Т. XL, 662—668.

Сердобины, бароны, помѣщики Курской губ., т. XLI, 351, 353—356.

Сердобольскій, Александ. Пав., инспекторъ народн. училищъ Ставроп. уѣз., Самар. губ., писатель. *Некрологъ его.* Т. XLI, 478; т. XLII, 278—280.

Сильвестровичъ, полякъ, игрокъ-аферистъ, т. XLI, 579.

Сильвестръ, протоіерей Московскаго Благовѣщенскаго собора, т. XL, 378.

Симонъ, архимандритъ, настоятель Нижегородскаго Печерскаго монастыря, т. XLII, 492.

Симпсонъ, миссъ. *Замѣтка* объ изданныхъ ею запискахъ Сержена Марсо. Т. XLII, 257—259.

Синани, Исаакъ Осипов., газзанъ караимскій. *Некрологъ его.* Т. XL, 245, 246.

Синельниковъ, Ив. Максим., правитель Екатеринославскаго намѣстничества, т. XXXIX, 463, 464.

Синіе, костромскіе вотчинники, т. XL, 389.

Сиротининъ, А. Н. *Статья его:* Новыя свѣдѣнія о Сандуновыхъ. Т. XXXIX, 611—625.

Ситовскій, Никол. Прокоф., правитель дѣлъ Московск. отдѣленія русск. музык. общества, издатель „Вѣстника общества покров. животнымъ“. *Некрологъ его.* Т. XLI, 236.

Сіяльскій, законоучитель Полтавскаго корпуса, т. XLII, 448, 474.

Скабичевскій, А. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Критическіе этюды, публицистическіе очерки, литературные характеристики. Въ 2-хъ томахъ. Т. XLI, 456—458.

Скалонъ, дочь писателя Капниста, т. XXXIX, 234.

Смирновскій, Платонъ, фельетонистъ „Литературной Газеты“, т. XL, 314, 315.

Смирновы:

— И. Н. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Вотяки. Историко-этнографическій очеркъ. Т. XLI, 218—221.

— І., протоіерей, ректоръ Рязанской семинаріи. *Замѣтка его:* По поводу воспоминаній о Рязанской семинаріи. Т. XL, 485—487.

— Петербургская балерина, т. XXXIX, 41.

Смирный, Борисъ, разрядный подъячій, т. XLI, 431, 433, 435.

Смолинъ, епископъ пермскій. См. Антоній.

Смѣкаловъ, Алексѣй Мих., ген.-лейтенантъ, начальникъ Терской области. *Некрологъ его.* Т. XLI, 479, 480.

Снелленъ, докторъ, начальникъ голландской полярной экспедиціи, т. XLII, 392, 707.

Соболевская, Марья Михайлов. См. Денисьева.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Соколовы:

— Александ. Вас., дѣвица-рядовой конно-польскаго улан. полка. См. Дурова.

— Подполковникъ, сотрудникъ Справочнаго энцикл. словаря, т. XLI, 529.

Солдатенковъ, К. Т. *Библіографическія замѣтки* объ изданіяхъ его: Всеобщая исторія Георга Вебера. Переводъ со второго изданія, пересмотрѣннаго и переработаннаго при содѣйствіи спеціалистовъ. Томъ двѣнадцатый. Переводъ Андреева и В. Невѣдомскаго. Т. XLI, 458, 459. Американская республика, Джемса Брайса. Т. XLII, 814—817.

Соловьевъ, епископъ нижегородскій. См. Іеремія.

Солоницынъ, Вл. Ап., сотрудникъ Справочнаго энциклопед. словаря, т. XLI, 529.

Сорокинъ, П. И., писатель, т. XXXIX, 51; т. XL, 311.

Соссе, преподаватель французск. яз. въ Полтавск. кадет. корпусѣ, т. XLII, 456, 472.

Сотерландъ, Эдуардсъ. *Замѣтка* о соч. его: Романовы—цари Москвы и императоры Россіи. Т. XLI, 467, 468.

Сотниковъ, человѣкъ помѣщика Ширкова, мнимый убійца помѣщицы Алтуховой, т. XLI, 139.

Сохатый, байкальскій пиратъ, т. XL, 237.

Спасовичъ, Владим. Данил. *Библіографическая замѣтка* о сочиненіяхъ его—томы I и II: Литературные очерки и портреты. Т. XXXIX, 186—188. *Упомин.* т. XXXIX, 518—523, 527—529.

Сперанскій, Мих. Мих., государствен. секретарь, т. XXXIX, 234.

Спренгпортенъ, баронъ, Георгъ, политическій дѣятель Финляндіи, т. XL, 183—189.

Срезневскій, Изм. Ив., профессоръ, т. XL, 135.

Стадницкій, А. Г., преподаватель Кишиневской дух. семинаріи, т. XLII, 787.

Станиславъ-Августъ II (графъ Понятовскій), польскій король. *Замѣтки* о памятникѣ его въ Гомелѣ. Т. XL, 647—649; т. XLI, 480. *Упомин.* т. XXXIX, 592, 594, 595, 597.

Старчевскій, Альбертъ Викентьев., писатель и журналистъ. *Воспоминанія его.* Т. XLI, 507—550.

Стасовъ, Владим. Вас., тайн. совѣтникъ. *Замѣтки его:* Русскія путешественницы изъ Сибири въ Неаполь на телѣжкѣ. Т. XL, 644—646. Нѣмецкіе органы у русскихъ любителей. Т. XLII, 514 — 518. *Дополненіе* къ его замѣткѣ о путешественницахъ въ Неаполь. Т. XLII, 568.

Степановы:

— Никол. Александр., карикатуристъ, т. XL, 105.

— Полковникъ 1812 года, т. XLII, 156, 165, 166.

Степнякъ (псевдонимъ). *Замѣтка* о его англійскомъ романѣ изъ русской жизни: Карьера нигилиста. Т. XXXIX, 214, 215.

Стефанъ Баторій, польскій король. *Замѣтка* о книгѣ: Волшебство при дворѣ Баторія. Т. XLII, 556, 557.

Столѣтовъ, профессоръ, т. XXXIX, 439.

Сторожевъ, В. Н., референтъ Московскаго археологическ. съѣзда, т. XXXIX, 670.

Стояновскій, Н. И., предсѣдатель Юридическаго общества, т. XXXIX, 230.

Стратфордъ, лордъ, англійскій дипломатъ, т. XL, 273.

Страховъ, преподаватель словесности, т. XL, 149.

Строгоновъ, гр. С. Г., попечитель Московскаго университета, т. XL, 307, 309.

Строневскій, Ф. П., тамбовскій врачъ, т. XLI, 426.

Струве, русскій повѣренный при баденскомъ дворѣ, т. XL, 703.

Струмилло, полковникъ, директоръ Полтавскаго кадетскаго корпуса, т. XLI, 109—111, 308; т. XLII, 449, 457, 458.

Стэнли, англійскій путешественникъ. *Замѣтка* о соч. его: Въ дебряхъ Африки. Т. XLI, 473.

Стюартъ, Арабелла. *Замѣтка* объ изданной біографіи ея. Т. XL, 697, 698.

Субиру, Бернадетта, дѣвица изъ Лурда, удостоившаяся явленія пресв. Дѣвы, т. XL, 435—451.

Сулейманъ-ханъ-Афшаръ, персидскій генералъ, т. XL, 657.

Суперанскій, Мих. Ѳедор. *Библіографическія замѣтки его:* Вопросы философіи и психологіи, подъ редакціей профессора Н. Я. Грота. При участіи Московскаго Психологическаго Общества. Годъ I. Книга 1. Т. XXXIX, 192—195. Книга 2. Т. XL, 224, 225. Оскаръ Пешель. Народовѣдѣніе. Переводъ подъ редакціею профессора Э. Ю. Петри, съ 6-го изданія, дополненнаго Кирхгоффомъ. Выпускъ I. Т. XXXIX, 689—691. Вып. II. Т. XL, 220, 221. Е. Лихачева. Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи. Т. XXXIX, 694—696. Древняя исторія К. Ф. Беккера, вновь обработанная Вильгельмомъ Мюллеромъ, профессоромъ Тюбингенскаго универ. Часть 1. Т. XXXIX, 691, 692. Исторія русской этнографіи. Т. I: общій обзоръ изученій народности и этнографія великорусская. А. Н. Пыпина. Т. XLI, 212, 213.

Суручанъ, И. К., основатель и владѣлецъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

музея древностей въ Кишиневѣ, т. XLII, 791.

Сутерландъ, Эдуардсъ, мистрисъ. *Замѣтка* о ея романѣ изъ русской жизни: Тайна принцессы. Т. XL, 468.

Сухово-Кобылинъ, Вас. Александр., полковникъ, т. XLI, 46, 47; т. XLII, 235, 236.

Сухонинъ, Петръ Петр., писатель, т. XL, 552, 553.

Сычевскій, Сергѣй Иван., сотрудникъ „Одесскаго Вѣстника". *Некрологъ его.* Т. XLII, 277.

Сѣровъ, Александ. Никол., композиторъ, т. XXXIX, 735; т. XLI, 273.

Сѣцинскій, Е. І., каменецъ-подольскій священникъ, т. XLII, 774.

Т.

Таксисъ, преподаватель франц. яз. въ Полтав. кадет. корпусѣ, т. XLII, 451, 456.

Танковъ, А. А. *Статьи его:* Ширковское дѣло. Т. XLI, 134—164. Крестьянскія волненія въ Курской губерніи въ 1862 году. Т. XLI, 343—379.

Танѣевъ, статсъ-секретарь, т. XLI, 526.

Тарасовичъ, Николай, львовскій армянскій архіепископъ, т. XLII, 778, 779.

Татищевы:

— Авдотья Вас., урожд. Реткина, т. XXXIX, 720—722.

— Вас. Никит., историкъ. *Замѣтка* къ его біографіи. Т. XXXIX, 720—722.

— С. С. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Изъ прошлаго русской дипломатіи. Историческія изслѣдованія и полемическія статьи. Т. XLI, 208—211. *Замѣтка* о его статьѣ: Alexandre I et Napoleon d'après leur correspondance inédite. Т. XLII, 553, 556.

Тачаловъ, Арсеній Вас., протоіерей Парижской церкви. *Некрологъ его.* Т. XLI, 236, 237.

Теобальдъ. *Библіографическая замѣтка* объ изданныхъ воспоминаніяхъ его. Т. XLII, 250—252.

Теодоровичъ, Никол. Ив., преподаватель Волынской дух. семинаріи. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Историко-статистическое описаніе церквей и приходовъ Волынской епархіи. Т. XL, 685.

Терпигоревы:

— Н. Н. *Его разсказы* изъ прошлаго. Т. XLI, 334—342.

— Сергѣй Никол. (Сергѣй Атава), писатель. *Статьи его:* Потревоженныя тѣни. Т. XXXIX, 54—85; т. XLII, 283—317, 571—602. Раскаты Стенькина грома въ Тамбовской землѣ. Т. XL, 560—584; т. XLI, 49 — 70. *Отрывокъ* изъ воспоминаній. Т. XXXIX, 513—536. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Потревоженныя тѣни. Т. II. Т. XLII, 817—819.

Тизенгаузенъ:

— Гр., владѣлецъ м. Ракишки, Вилен. губ., т. XL, 630, 631.

— И. Г., сотрудникъ Справочнаго Энцикл. словаря, т. XLI, 530.

дю-Тилле, скульпторъ. *Письмо* къ нему Вольтера о тщеславіи. Т. XLII, 261, 262.

Тимирязевъ, профессоръ, т. XXXIX, 439.

Тимоѳеевъ, С. П. *Замѣтка его:* Съѣздъ археологовъ въ Москвѣ. Т. XXXIX, 667—673.

Тимченко-Рубанъ:

— Аделаида. *Сообщила* поправку къ воспоминаніямъ И. Р. Тимченко-Рубана. Т. XLI, 720.

— Александ. Ром., т. XL, 335.

— Егоръ Кирил., бригадиръ, кабинетъ-курьеръ Екатерины II, т. XL, 334.

— И. Р. Воспоминанія его. Т. XL, 332—354, 610—633; т. XLI, 94 — 114, 304—333. *Поправка* къ нимъ. Т. XLI, 720. *Упомин.* т. XLII, 465, 466.

— Кириллъ, украинскій помѣщикъ, т. XL, 333.

— Матвѣй, украинскій помѣщикъ, т. XL, 333.

— Ром. Кирил., поручикъ Преображенскаго полка, т. XL, 334.

— Степ. Ром., т. XL, 336—338, 341.

Тиньковъ, директоръ Орловскаго Бахтина кадет. корпуса, т. XLI, 308.

Тисковъ, матросъ, погибшій на Новой Землѣ, т. XLII, 114, 115.

Титовы:

— А. А. *Статья его:* Нижегородскій Печерскій монастырь. Т. XLII, 488—504.

— Кларнетистъ, т. XLI, 36.

— Тайный совѣтникъ, дипломатъ, т. XL, 23, 24, 267, 272, 273, 275, 280, 281, 520, 525, 526.

Тихонравовъ, Никол. Сав., профессоръ Московскаго университета. *Сорокалѣтній юбилей* ученой дѣятельности его. Т. XLII, 565.

Тихоцкій, генералъ-маіоръ, директоръ Полтавскаго кадет. корпуса, т. XLI, 313—332.

Токмаковъ, И. Ѳ., библіотекарь Московскаго архива мин. иностр. дѣлъ. *Библіографическія замѣтки* о сочиненіяхъ его. Списокъ историческихъ, археографическихъ и библіографическихъ сочиненій и изданій. Т. XXXIX, 684—688. Сборникъ матеріаловъ для историческаго и церковно-археологическаго описанія Вологодской губерніи. Выпускъ I. Сборникъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

историческихъ матеріаловъ для составленія лѣтописей по Калужской епархіи. Выпускъ I. Т. XL, 675—677.

Толстопятовъ, Мих. Александр., заслуженный профессоръ Московскаго университета. *Некрологъ его.* Т. XL, 710, 711.

Толстые:

— Ив. Матв., министръ почтъ и телеграфовъ, т. XXXIX, 557, 558.

— Гр. Левъ Никол., писатель. *Воспоминанія о немъ.* Т. XLII, 436—443. *Отзывы* французской и нѣмецкой печати о его сочиненіяхъ. Т. XL, 693—695; т. XLI, 227, 228; т. XLII, 836, 838. *Упомин.* т. XXXIX, 275, 276; т. XLII, 837.

Толь, гр. Кар. Ѳедор., генералъ, главноуправляющій путями сообщенія, т. XLII, 142, 152, 156, 161.

Топорнинъ, Александ. Семен., содержатель пансіона для благородныхъ дѣтей въ Казани, т. XLII, 426—429.

Торпъ. *Замѣтка* о составленной имъ біографіи Д. И. Менделѣева. Т. XXXIX, 215.

Тотлебенъ, гр. Эдуардъ Иванов., ген.-адъютантъ. *Замѣтка* о памятникѣ ему въ Севастополѣ. Т. XLI, 474, 475.

Траубенбергъ, командиръ Бѣлорусскаго гусарскаго полка, т. XLI, 353—355.

Трачевскій, Александ. Семенов., докторъ всеобщей исторіи, профессоръ Новороссійскаго университета. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Учебникъ исторіи. Древняя исторія. Второе, исправленное изданіе. Съ 52 рисунками, 3 планами и 4 картами. Т. XXXIX, 197—200.

Треповъ, Ѳедоръ Ѳедор., генералъ-адъютантъ, петербургскій оберъ-полиціймейстеръ, т. XXXIX, 530, 533—536; т. XLII, 341.

Трифонъ, архимандритъ, настоятель Нижегородскаго Печерскаго монастыря, т. XLII, 495, 496.

фонъ-Троль, Вильгельмина. *Замѣтка* о соч. ея: Simon Iakovlevitch Nadson. Т. XLI, 227.

Трубачевъ, Сергѣй Семенов. *Статьи его:* Пятидесятилѣтіе ученой дѣятельности А. Ѳ. Бычкова. Т. XLII, 477—487. *Библіографическія замѣтки его:* Сочиненія В. Д. Спасовича. Томы I и II. Литературные очерки и портреты. Т. XXXIX, 186 — 188. Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Томы LXVI, LXVII и LXVIII. Т. XXXIX, 195—197. Русское провинціальное общество во второй половинѣ XVIII вѣка. Историческій очеркъ Н. Чечулина. Т. XXXIX, 203 — 205. Пензенскія губернскія вѣдомости. Первое пятидесятилѣтіе 1838 — 1888 г. Отдѣлъ неофиціальный: систематическій сводъ статей, относящихся къ Пензенскому краю, хронологическій и алфавитный указатели. Составилъ И. И. Васильевъ. Т. XXXIX, 206, 207. Гора, романъ изъ египетской жизни. Н. С. Лѣскова. Т. XL, 679, 680. Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Т. XL, 683, 684. Литературныя встрѣчи и знакомства. А. П. Милюкова. Т. XLI, 221—223.

Трубачеевъ, петербургскій полиціймейстеръ, т. XL, 305.

Трубецкіе, князья:

— Екат. Ив., рожд. гр. Лаваль, т. XXXIX, 119.

— Сергѣй Петр., полковникъ лейбъ-гв. Преображенскаго полка, декабристъ, т. XXXIX, 119, 123.

Тургеневы:

— Варвара Петр., мать писателя. Т. XL, 230.

— Ив. Серг., писатель. *Воспоминанія* объ немъ. Т. XXXIX, 260 — 286. *Замѣтка* о соч. Курьера: Tourgènief et sa famille. Т. XL, 230.

Турдаковскіе, Семенъ и Николай, студенты Тамбов. дух. семинаріи, т. XLI, 425.

Тютчевъ, Алексѣй Ив., декабристъ, т. XXXIX, 128.

Тюфяевъ, Кириллъ Ив., пермскій губернаторъ, т. XLI, 27, 28.

У.

Уваровъ, гр. Сергѣй Сем., дѣйств. тайн. сов., министръ народн. просвѣщенія, членъ госуд. совѣта, т. XXXIX, 35, 49; т. XL, 306, 307, 309; т. XLI, 336, 337, 339, 341, 342.

Угрюмовъ, Андрей, тамбовскій церковникъ, ученикъ-мученикъ, т. XLI, 419—421.

Уманецъ, С. И. *Статьи его:* Героини Калидасы и Шекспира. Сравнительная характеристика. Т. XXXIX, 598—610. Персидскіе сектанты въ Закавказьи. Т. Т. XL, 650 — 661. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Очеркъ развитія религіозно-философской мысли въ Исламѣ. Т. XL, 668—673.

Уранова, Елизав. Семен., артистка. См. Сандунова.

Усаневичъ, докторъ медицины, т. XLI, 529.

Усовъ, Степ. Александ., генералъ-маіоръ, помощникъ начальника главн. управленія почтъ и телеграфовъ. *Некрологъ его.* Т. XLII, 277.

Успенскій, Гл. Ив., писатель, т. XXXIX 269, 274.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Ушаковы:
— Композиторъ, т. XXXIX, 39.
— Ник. Алек., зоологъ, т. XLI, 529, 530.
— Ф. Ф., адмиралъ, темниковскій помѣщикъ, т. XLI, 427.

Ф.

Фадѣевъ, Р. А., генералъ и писатель. *Библіографическая замѣтка* объ изданномъ собраніи сочиненій его. Т. XLII, 819, 820.
Файфъ, Ч. А. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Исторія Европы XIX вѣка. Томы I и II. Съ 1792 по 1848 г. Т. XL, 210—213.
Фальконъ, Корнелія, оперная пѣвица, т. XXXIX, 565.
Фаминцынъ, Ал. С. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Гусли, русскій народный музыкальный инструментъ. Историческій очеркъ съ рисунками и нотными примѣрами. Т. XLI, 696—698.
Федоровъ, В. *Замѣтка его:* Посадъ Казимиръ. Т. XLI, 665—670.
Фёрстеръ, Венделинъ. *Замѣтка* объ изслѣдованіи его о Христіанѣ Детруа и его романѣ Рыцарь Льва. Т. XLII, 559.
Фёшеръ, Софія, рожд. Кларкъ, подруга принца Конде, т. XLII, 253—256.
Фидлеръ, Фридрихъ. *Замѣтка* о переводѣ его „Недоросля" Фонвизина на нѣмецкій языкъ. Т. XXXIX, 471.
Филипповы:
— М. М. *Статьи его:* Россія и нѣмецкія державы въ 1840—1860 годахъ. По изслѣдованіямъ прусскаго исторіографа. По поводу сочиненія Генриха Зибеля: „Die Begründung des deutschen Rieches durch Wilgelm I. Vornehmlich nach den preussischen Staatsacten". Т. XXXIX, 374 — 405. Дворянская честь, быль прошлаго столѣтія. Т. XLII, 5—44, 343—391, 632—670. *Библіографическая замѣтка его:* Воспоминанія Теобальда (I—IV). Т. XLII, 250 — 252. Листочки до вінка на могилу Шевченка. Т. XLII, 822—824.
— Парменъ, камердинеръ помѣщика Ширкова, причастный къ его дѣлу, т. XLI, 141—146, 152—158, 160, 163, 164.
— П. Н., сотрудникъ Справочнаго Энциклопедическаго словаря, т. XLI, 529, 530.
Филипсонъ, Давидъ, американскій равинъ. *Замѣтка* о соч. его: Еврей въ англійскомъ творчествѣ. Т. XLI, 471.
Филипьевъ, И. К., капитанъ, ротный командиръ Полтав. кадет. корпуса, т. XLII, 462, 463.
Фильдъ, артистъ, любимецъ Москвы, т. XLI, 35, 36.
Флери, французскій посолъ въ Петербургѣ, т. XLII, 549.
Фойницкій, И. Я., юристъ, т. XXXIX, 230.
Фонвизинъ, Денисъ Ив. *Замѣтка* объ изданіи его „Недоросля" на нѣмецкомъ языкѣ. Т. XXXIX, 471.
Фотій, архимандритъ, т. XXXIX, 234.
Францъ-Іосифъ, австрійскій императоръ, т. XXXIX, 380, 392, 395; т. XL, 27—29, 34, 37, 39—44, 47—50, 266, 270, 287—289, 517—519, 521, 532.
Фрейгангъ, цензоръ, т. XL, 310.
Фрейеръ, варшавскій фабрикантъ органовъ, т. XLII, 516.
Френу, академикъ, т. XLI, 527.
Фридрихсенъ, капитанъ парохода Вельда, т. XLII, 107.
Фридрихъ:
— II, король прусскій, т. XXXIX, 580.
— Виртембергскій принцъ, т. XLI, 277, 279, 280, 288, 291, 556—562.
Фридрихъ-Вильгельмъ:
— IV, король прусскій, т. XXXIX, 377, 382, 391—395, 399; т. XL, 33, 531, 532.
— Курфюрстъ гессенскій, т. XXXIX, 383.
Фуксъ, дѣйств. ст. совѣтникъ, начальникъ канцеляріи свѣтл. кн. Голенищева-Кутузова-Смоленскаго, т. XLII, 142.
Фуль, генералъ 1812 года, т. XLII, 141.
Фэй, французскій генералъ. *Замѣтка* о соч. его: Воспоминанія о Крымской войнѣ. Т. XLI, 701, 702.

Х.

Хабаровы:
— А. и Ѳ., братья, ольшанскіе подъячіе-взяточники, т. XLI, 431, 433—435.
— Ефимъ, ольшанскій подъячій, т. XLI, 435—438.
Хаджи-Мухамедъ-Али-Барфуруши, проповѣдникъ секты бабидовъ, т. XL, 654—656, 658.
Харитоновъ, передовой атаманъ Стеньки Разина, т. XLI, 59, 60, 62, 63.
Хвольсонъ, Д. А., профессоръ, т. XXXIX, 668.
Хвощинская, Надеж. Дмитр., по мужу Заіончковская, писательница (В. Крестовскій). *Воспоминанія объ ней.* Т. XXXIX, 146—155. *Упомин.* т. XL, 298—300, 556—559.
Хитрово, Яковъ Тимоѳ., тамбовскій воевода, т. XLI, 50, 57, 59—63, 65—69.
Хіонисъ:
— Динора, красавица-гречанка, воспѣтая Пушкинымъ подъ именемъ гр. Потоцкой, т. XL, 320—331.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Марія, мать предыдущей, т. XL, 321.

Хмельницкіе:

— Богданъ, гетманъ запорожскихъ казаковъ. *Библіографическая замѣтка* о соч. Карпова: Въ защиту Богдана Хмельницкаго. Т. XXXIX, 674—678.

— Никол. Ив., смоленскій, а потомъ архангельскій губернаторъ, драматическій писатель. *Замѣтка* къ его біографіи. Т. XXXIX, 237, 238.

Хованскій, Т., пѣвчій-буянъ тамбовскаго архіерейскаго хора, т. XLI, 417.

Ховгардъ, А., лейтенантъ датскаго королевскаго флота, начальникъ полярной экспедиціи, т. XLII, 392, 393, 698—700, 702—709.

Холмогоровъ, Ив. Вас. См. Платоновъ.

Хоментовскій, польскій хоружій, т. XLI, 578.

Хотынскій, М. Ст., сотрудникъ Справочнаго энцикл. словаря, т. XLI, 529.

Храмцовъ, морякъ, т. XLI, 530.

Храповицкая, рожд. Дедюлина, супруга командира Измайловскаго полка, т. XLI, 595.

Хрулевъ, Сергѣй, прапорщикъ, т. XL, 624.

Хрущовы.

— А. П., генералъ-губернаторъ Западной Сибири, т. XLII, 461.

— Степанъ, козловскій воевода, т. XLI, 57—59, 61, 62.

Хрущовъ - Сокольниковъ, Гавр. Александр., беллетристъ и публицистъ. *Некрологъ его.* Т. XL, 709, 710.

Хуретъ-ул-уйунъ, проповѣдница персидской секты бабидовъ, т. XL, 654, 655, 659, 660.

Хусейнъ-Бушреви, персидскій мулла, проповѣдникъ секты бабидовъ, т. XL, 654—657.

Ц.

Цвѣтаевъ, Д. В., профессоръ Варшавскаго университета. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Протестатство и протестанты въ Россіи до эпохи преобразованій. Т. XLII, 529—533.

Цезъ, Вас. Андр., сенаторъ, т. XXXIX, 728.

Цимерманъ:

— Вл. И., путейскій офицеръ, писатель, т. XL, 314.

— Капитанъ норвежскаго судна, т. XLII, 699.

— Робертъ. *Замѣтка* о его Обозрѣніи нѣмецкой литературы. Т. XLII, 266, 267.

Ціонъ. *Замѣтка* о его статьѣ: Варварская Россія. Т. XLII, 553—556.

Ч.

Чавчавадзе, княжны:

— Екатерина Александр. См. Дадіани.

— Нина Александр. См. Грибоѣдова.

Чаруковскій, Прохоръ Алексѣев., докторъ медицины, т. XXXIX, 234.

Чаадаевъ, Иванъ, нарымскій воевода, т. XLI, 204, 205.

Чевкинъ, К. В., генералъ-адъютантъ, т. XLI, 86.

Черепановъ, С. И., писатель, т. XLI, 529.

Черницкая, А. *Сообщила* замѣтку о портретахъ Н. В. Гоголя, т. XXXIX, 641—645.

Черновы:

— Вас. Степ., засѣдатель Сарапульскаго нижняго земскаго суда, т. XLI, 592.

— Надежда Андреев., дѣвица-кавалеристъ. См. Дурова.

Чернышевъ, гр. Александ. Ив., военный министръ, т. XXXIX, 32, 35; т. XLI, 305.

Чернявскій, капитанъ, инженеръ на Кавказѣ, т. XXXIX, 314.

Четвертинская, кн. Марья Ант. См. Нарышкина.

Чечулинъ, Н. Д. *Библіографическія замѣтки* о соч. его: Русское провинціальное общество во второй половинѣ XVIII вѣка. Т. XXXIX, 203—205. Города Московскаго государства въ XVI вѣкѣ. Т. XL, 213—215.

Чиркова, Софья Ник. См. Давыдова.

Чирокъ, атаманъ шайки Стеньки Разина, т. XLI, 63.

Чистозвоновъ, смотритель Зирганской станціи. *Замѣтка* о воспріятіи его сына императоромъ Александромъ I. Т. XLI, 707—709.

Чистякова, Софія Аѳанас., писательница. *Некрологъ ея.* Т. XLI, 478.

Чихачевъ, Петръ Александр., путешественникъ. *Некрологъ его.* Т. XLII, 854.

Чичаговъ, Пав. Вас., адмиралъ, морской министръ, т. XLII, 158, 159.

Чоглокова, приближенная Елисаветы Петровны, т. XXXIX, 588.

Ш.

Шагинъ-Гирей, послѣдній крымскій ханъ, т. XLII, 792.

Шалашниковъ, офицеръ генеральнаго штаба, т. XLI, 528.

Шамиль, Бенъ-Магомедъ, имамъ Чечни и Дагестана, т. XXXIX, 560.

Шапошниковъ, льговскій исправникъ, т. XLI, 160, 161.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Шарлотта:
— Бурбонъ, принцесса Орлеанская. *Замѣтка* о вышедшей біографіи ея. Т. XXXIX, 717.
— Супруга мексиканскаго императора Максиміліана I, т. XLII, 832, 833.
Шассенъ. *Разсказъ* его о незаконномъ сынѣ Людовика XV. Т. XLII, 546—549.
Шателенъ, докторъ. *Замѣтка* о соч. его: La folie de J. J. Rousseau. Т. XLI, 472, 473.
Шатиловъ, Іосифъ Никол., предсѣдатель Московскаго Общества сельскаго хозяйства. *Некрологъ его.* Т. XXXIX, 491, 492.
Шаховъ, регистраторъ Дома военнаго воспитанія, т. XLI, 620.
Шахъ-Кумъ-Каждарскій, принцъ XII в., *Замѣтка* объ открытой надгробной плитѣ его. Т. XXXIX, 489, 490.
Шварценбергъ, кн. Феликсъ-Людвигъ-Іосифъ-Фридрихъ, австрійскій государственный человѣкъ, т. XXXIX, 382, 383, 386—390, 395.
Шевченко, Тарасъ Григ., поэтъ и художникъ. *Библіографическая замѣтка:* Листочки до вінка на могилу Шевченка. Т. XLII, 822—824.
Шекспиръ, Вильямъ, англійскій поэтъ. *Сравнительная характеристика* его героинь съ героинями Калидаса. Т. XXXIX, 598—610.
Шенинъ, А. Ѳ.. главный редакторъ Энциклопедическаго Лексикона, т. XLI, 95—97, 720.
Шенинъ, помощникъ инспектора классовъ Павловскаго корпуса т. XLI, 720.
Шепелевы:
— А. Д. См. княг. Голицына.
— Дм., генералъ, т. XLI, 258.
— Ив. Дмитр., богатый помѣщикъ Владимірской, Нижегородской и Тверской губерній, т. XLI, 38—48, 259; т. XLII, 235.
— Никол. Дмитр., т. XLI, 39, 43—47.
Шереметевы:
— Владим. Петр., т. XLI, 639, 640.
— Наст. Владим. См. Долгорукова.
Шестаковъ, Петръ Дмитр., тайн. сов. попечитель Казанскаго учебн. округа. *Некрологъ его.* Т. XXXIX, 495.
Шефферъ, баденскій военный министръ и предсѣдатель военнаго совѣта, т. XL, 701—704.
Шеховскій, Аѳанасій, муромскій воевода, т. XLI, 50.
Шехонскіе, русскій княжескій родъ, т. XL, 390, 391.
Шиловъ, атаманъ шайки Стеньки Разина, т. XLI, 63.
Шигаринъ, Н. *Отрывокъ изъ воспоминаній его:* Въ деревнѣ на юго-западѣ въ тридцатыхъ годахъ. Т. XLI, 573—584.
Шиманъ. *Замѣтка* о соч. его: Да остерегутся консулы. Т. XLI, 468, 469.
Ширинскіе-Шихматовы, князья:
— Плат. Александр., министръ народ. просвѣщенія, т. XXXIX, 571.
— П. Л., директоръ департамента мин. народ. просв., т. XLI, 340.
Ширковъ, Ѳедоръ Ив., льговскій помѣщикъ. *Дѣло* о его злодѣяніи. Т. XLI, 134—164.
Шишкинъ, Н. И. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Исторія города Касимова съ древнѣйшихъ временъ. Т. XXXIX, 205, 206.
Шишковъ, Александ. Семен., адмиралъ, министръ народ. просвѣщ., членъ госуд. совѣта, т. XXXIX, 571; т. XLII, 67, 68, 73.
Шлефохтъ, петербургская балерина, т. XXXIX, 41.
Шлипенбахъ, баронъ, генералъ-отъ-инфантеріи, т. XLI, 310.
Шляпкинъ, И. А., приватъ-доцентъ Петербургскаго университета, т. XLII, 849.
Штернбергъ, Василій Ив., русскій художникъ, т. XL, 644—646.
Штиглицъ, А. Л., баронъ, т. XLI, 527, 548.
Штриттеръ, нѣмецкій ученый, XL, 459—461.
Штромъ, профессоръ архитектуры, т. XXXIX, 177, 178.
Штукенбергъ, гидрографъ, т. XLI 527, 529.
Шубинскіе:
— П. П. *Сообщилъ* замѣтку: Императоръ Николай Павловичъ и графъ Бенкендорфъ. Т. XXXIX, 479—481.
— Сергѣй Никол., редакторъ „Историческаго Вѣстника.“ *Замѣтка* о чествованіи 10-ти лѣтней дѣятельности его по редактированію этого журнала. Т. XXXIX, 227, 228. *Статья его:* Пятидесятилѣтіе литературной дѣятельности В. Р. Зотова. Т. XLII, 505—513.

Щ.

Щедринъ, псевдонимъ писателя. См. Салтыковъ.
Щепкина, Е. *Библіографическая замѣтка* о соч. ея: Старинные помѣщики на службѣ и дома (1578—1762). Т. XLI, 699, 700.
Щеплюхинъ, кучеръ, мнимый убійца дѣвицы Алтуховой, т. XLI, 139, 143—148, 153—157.
Щербачевъ, Д. *Сообщилъ* замѣтку: Черта изъ жизни императора Александра II. Т. XXXIX, 481—485.
Щербинина, Елена Евдок. См. Давыдова.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Э.

Эварницкій, Д. И. *Статьи его:* Каменныя бабы. Т. XLI, 184—194. Музей А. Н. Поля. Т. XLII, 794—798. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Очерки по исторіи запорожскихъ казаковъ и Новороссійскаго края. Т. XXXIX, 463—466.

Эдмондсъ, мистрисъ. *Замѣтка* о соч. ея: Ригасъ Ферайосъ, первомученикъ греческой независимости. Т. XLI, 471, 472.

Эйхгорнъ, братья, малолѣтніе скрипачи, т. XLI, 34.

Экамъ, членъ голландской экспедиціи въ Ледовитый океанъ, т. XLII, 707.

Экземплярскій, А. В. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Великіе и удѣльные князья сѣверной Руси въ татарскій періодъ, съ 1238 по 1505 г., біографическіе очерки. Томъ первый. Т. XXXIX, 188—190.

Эллисъ, Вильямъ, экономистъ. *Замѣтка* объ изданной біографіи его. Т. XLI, 472.

Энгельгардтъ, Вас. Пав., т. XLII, 515—517.

Эрисонъ, графъ. *Замѣтка* о его книгѣ: Le prince Impérial. Т. XLII, 830—832.

Эрнстъ II, герцогъ саксенъ-кобургъ-готскій. *Замѣтки* о его мемуарахъ: „Изъ моей жизни и изъ моего времени". Т. XL, 234—236; т. XLII, 268, 269.

Эстеръ-Бонгаръ, актриса, т. XXXIX, 565.

д'Эстре, Габріель, фаворитка Генриха IV. *Замѣтка* о вышедшей монографіи объ ней. Т. XXXIX, 476, 477.

Ю.

Юдинъ, П. Л. *Сообщилъ* замѣтку: Царскій крестникъ. Т. XLI, 707—709.

Юнгмейстеръ, Юл. Анд., петербургскій книгопродавецъ, т. XLI, 517, 518, 521.

Юрасовскіе:

— Алексѣй Денис., болховской помѣщикъ-богачъ. *Замѣтка* о его рѣдкомъ подаркѣ. Т. XL, 476, 477.

— Денисъ Март., литовскій выходецъ, т. XL, 476.

Юрьевичъ, Сем. Алекс., генер.-маіоръ, т. XLI, 527.

Юрьевы:

— Никан. Ив., директоръ Полтавск. кадет. корпуса, т. XLI, 308—312.

— Нина Александ., жена предыдущаго, т. XLI, 309, 311, 312.

Юсуповъ, кн. Никол. Борис., директоръ театровъ, т. XXXIX, 612—624.

Я.

Яворовскій, Н. И., смотритель Каменецъ-Подольскаго духовнаго училища, т. XLII, 774.

Яковлевъ, Савва, ассесоръ, т. XLII 204.

Якубовичъ, Александ. Ив., штабъ-ротмистръ Нижегород. драг. полка, декабристъ, т. XXXIX, 118, 122, 135, 136.

Якушкины:

— В. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Очеркъ по исторіи русской поземельной политики въ XVIII и XIX вв. Выпускъ первый. XVIII вѣкъ. Т. XLI, 688—690.

— Ив. Дмитр., писатель, т. XXXIX, 234.

Янковичъ, поручикъ, воспитатель Полтавск. кадет. корпуса, т. XLII, 466.

Яновскіе:

— А. В., протоіерей, ректоръ Кишиневской дух. семинаріи, т. XLII, 790.

— Составитель Словотолкователя, т. XLI, 514.

Янчукъ, Н. А. *Библіографическая замѣтка* о вышедшемъ подъ его редакціей періодическомъ изданіи: Этнографическое Обозрѣніе. Двѣ книги: май и октябрь. Т. XXXIX, 464, 465.

Яхонтовъ, Александ. Никол., земскій дѣятель, поэтъ. *Некрологъ его.* Т. XLII, 855, 856.

Яцкевичъ, Ѳ. И., составитель Библейскаго словаря, т. XLI, 529.

Ѳ.

Ѳедоренко, Петръ Ив., ген.-маіоръ, дивизіонный начальникъ, т. XL, 624—626, 628.

Ѳедоровы:

— Елизав. Семен., переименованная въ Уранову, артистка. См. Сандунова.

— Ив. Ѳ. *Статья его:* Невольница Крымъ-Гирея. Т. XL, 320—331.

Ѳеодоръ Ивановичъ, царь московскій, т. XLII, 557.

Ѳеодосій, архимандритъ, настоятель Нижегородскаго Печерскаго монастыря, т. XLII, 498.

Ѳеофилъ (Раевъ), епископъ тамбовскій, впослѣд. наименованный астраханскимъ, т. XLI, 416—419, 421.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

УКАЗАТЕЛЬ

ГРАВЮРЪ,

ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ

„ИСТОРИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА“

1890 г.

Портреты:

Алексѣева, Марья Ив., старшая сестра Крестовоздвиженской общины сестеръ милосердія, т. XXXIX, 649.

Антоній (Зубко), минскій архіепископъ, т. XXXIX, 423.

Булгакъ, Іосафатъ, русскій греко-уніатскій митрополитъ, т. XXXIX, 421.

Бычковъ, Аѳанасій Ѳедор., директоръ публич. библіотеки, членъ государств. совѣта *(на отдѣльномъ листѣ)*, т. XLII, 285.

Василій (Лужинскій), полоцкій архіепископъ, членъ св. синода, т. XXXIX, 423.

Гоголь, Никол. Вас., писатель, т. XXXIX:

— съ портрета. приложеннаго къ „Московскому Сборнику“ издан. С. Т. Аксаковымъ въ 1852 г. *(на отдѣльномъ листѣ)*, 497.

— съ портрета, приложеннаго къ „Запискамъ о жизни Гоголя“, издан. Кулиша *(на отдѣльномъ листѣ)*, 497.

Градовскій, Александ. Дмитр., профессоръ Петербургскаго университета, т. XXXIX, 159.

Давыдовъ, Денисъ Вас., поэтъ-партизанъ. Съ весьма рѣдкаго литографированнаго портрета *(на отдѣльномъ листѣ)*, т. XLI, 5.

Данилевскій, Григ. Петр., писатель *(на отдѣльномъ листѣ)*, т. XL, 5.

Дурова, Надежда Андреев., дѣвица-кавалеристъ, по мужу Чернова, писательница (Александрова), т. XLI, 593.

Екатерина II Алексѣевна, императрица (въ траурномъ одѣяніи), т. XXXIX, 593.

Зотовъ, Владим. Раф., писатель, т. XLII, 507.

Игнатій (Желѣзовскій), брестскій епископъ, т. XXXIX, 423.

Іоганна-Елисавета, принцесса ангальтъ-цербстская, мать Екатерины II, т. XXXIX, 581.

Іосифъ (Сѣмашко) митрополитъ литовскій, т. XXXIX, 423.

Катсъ, Яковъ, ученый законовѣдъ, поэтъ и государственный человѣкъ (впослѣд. голландскій пенсіонарій и хранитель печати), съ гравюры Рембрандта, т. XL, 203.

Козодавлевъ, Осипъ Петр., министръ внутр. дѣлъ, съ гравированнаго портрета Зенфа *(на отдѣльномъ листѣ)*, т. XLI, 481.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Крестовскій, Всевол. Владим., писатель *(на отдѣльномъ листѣ)*, т. XLII, 571.
Лейкинъ, Никол. Александр., писатель *(на отдѣльномъ листѣ)*, т. XL, 489.
Лѣсковъ, Никол. Сем., писатель *(на отдѣльномъ листѣ)*, т. XL, 249.
Михаилъ (Голубовичъ), минскій архіепископъ, т. XXXIX, 423.
Муравьевъ, гр. Мих. Никол., виленскій генералъ-губернаторъ, т. XXXIX, 427.
Муравьевъ-Карскій, Никол. Никол., генералъ-адъютантъ, кавказскій намѣстникъ *(на отдѣльномъ листѣ)*, т. XXXIX, 243.
Перовскій, Алексѣй Алесѣев., попечитель Харьковскаго учебн. округа, членъ Россійск. академіи, писатель (Антоній Погорѣльскій) *(на отдѣльномъ листѣ)*, т. XLII, 5.
Петръ III Ѳедоровичъ (Карлъ-Петръ Ульрихъ, герцогъ голштейнъ-готторпскій), императоръ всероссійскій, т. XXXIX, 591.
Пржевальскій, Никол. Мих., знаменитый русскій путешественникъ, т. XL, 409.
Рембрандтъ ванъ-Рейнъ, знаменитый художникъ, томъ XL:
— съ женой (Дрезденъ), 193.
— въ беретѣ съ перомъ (гравированный), 199.
— писанный около 1635 г., 201.
— съ женой, гравюра 1637 г., 202.
Саліасъ-де-Турнемиръ, гр. Евгеній Андреев., писатель *(на отдѣльномъ листѣ)*, т. XLI, 241.
Смотрицкій, Мелетій, полоцкій архіепископъ, т. XXXIX, 418.
Солтанъ, Іосифъ, литовскій православный митрополитъ, т. XXXIX, 415.
Субиру, Бернадетта, дѣвица изъ Лурда, удостоившаяся явленія пресв. Дѣвы, т. XL, 429.
Суворинъ, Алексѣй Сергѣевичъ, издатель журнала „Историческій Вѣстникъ“ и газеты „Новое Время“ *(на отдѣльномъ листѣ)*, т. XXXIX, 8.
Тупальскій, Антоній, протопресвитеръ Виленскаго каѳедральнаго собора, т. XXXIX, 423.
Христіанъ-Августъ, принцъ ангальтъ-цербстскій, отецъ Екатерины II, т. XXXIX, 575.
Чернышевъ, гр. Зах. Григор., генералъ-фельдмаршалъ, бѣлорусскій генералъ-губернаторъ, т. XXXIX, 419.

Копіи съ иконъ, картинъ, бюстовъ, медалей и проч.

Антокольскаго, М. М. Послѣдній вздохъ (скульптура), т. XXXIX, 639.
фонъ-Бока, А. Р. Рыбачка (скульптура), т. XXXIX, 640.
Васильева, М. Н. Ангелы изъ Севастопольской церкви св. Николая, т. XXXIX, 631.
Верещагина, В. П. Крещеніе св. Владиміра, т. XXXIX, 628.
Виллевальде, Б. П. На берегу Дуная, изъ русско-турецкой войны 1877—1878 г., т. XXXIX, 632.
Гуна. К. Ѳ. Сцена изъ Варѳоломеевской ночи, т. XXXIX, 630.
Дюккера, Д. Э. Видъ на островѣ Рюгенѣ, т. XXXIX, 638.
Клевера, Ю. Ю. У корней, т. XXXIX, 637.
Ковалевскаго, П. О. Нападеніе разбойниковъ на проселочной дорогѣ, т. XXXIX, 636.
Корзухина, А. И. Разлука, т. XXXIX, 635.
Коцебу, А. Е. Переходъ русскихъ войскъ черезъ Паниксъ, въ Альпахъ, т. XXXIX, 634.
Лаверецкаго, Н. А. Родопа (скульптура), т. XLI, 659.
Лансере, Е. А. Царскій сокольничій, т. XLI, 664.
Маковскаго, К. Е. Свадебный пиръ XVII вѣка, т. XLI, 645.
Маковскаго, Н. Е. Улица въ Каирѣ, т. XLI, 645.
Медали сатирическаго содержанія въ память Сѣверной войны, 16 гравюръ, т. XLII, 520—523, 526, 528.
Новоскольцева, А. Н. Уголокъ Венеціи, т. XLI, 642.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Рембрандта, томъ XL:
— Лекція анатоміи, 195.
— Представители союза суконныхъ производителей (de staalmeesters), 196.
— Три этюда головъ, 198.
— Іаковъ благословляетъ Ефрема и Манассію, 205.
— Ландшафтъ передъ грозою, 207.
— Пирожница, 208.
Рицціони, А. А., томъ XLI:
— Монастырская кухня, 643.
— Мальчикъ, играющій съ кошкой, 656.
Сверчкова, Н. Е. Тройка, т. XLI, 648.
Семирадскаго, Г. И., томъ XLI:
— По примѣру боговъ, 647.
— Пляска среди мечей, 661.
Степанова, К. П. Скупой, т. XLI, 657.
Судковскаго, Р. Г. томъ XLI:
— Прозрачная вода, 642.
— Передъ грозой (хуторъ въ Днѣпровскомъ лиманѣ), 655.
Фресковое изображеніе Спасителя XVI вѣка въ Супрасльскомъ монастырѣ, Гродненской губ., т. XXXIX, 413.
Холмская икона Божіей Матери, т. XLII, 769.
Чистякова, П. П. Старый боярин, т. XLI, 651.
Чижова, М. А. Крестьянинъ въ бѣдѣ (скульптура), т. XLI, 649.
Шишкова, М. А., томъ XLI:
— Базарная площадь, 653.
— Площадь изъ оперы Нижегородцы, 663.
Шварца, В. Г. Посольская изба XVII вѣка, т. XLI, 643.
Якобія, В. И. Привалъ арестантовъ, т. XLI, 652.

Виды городовъ, мѣстностей и зданій.

Александро-Невская Лавра: наружный видъ собора, т. XLI, 401.
Бернбургъ, столица герцогства Ангальтъ-Цербстскаго: видъ замка принцевъ, т. XXXIX, 587.
Вардэ, норвежскій городъ, томъ XLII:
— въ настоящее время, 677.
— въ 1594 году, 689.
— русская батарея, 692.
— крѣпость, 693.
Вильна: церковь св. Параскевы (Пятницкая): 1) въ 1807 году; 2) въ настоящее время; 3) до 1865 года, т. XXXIX, 425.
Казимиръ, посадъ Новоалександрійск. у., Люблинск. губ., томъ XLI:
— общій видъ, 667.
— ратуша, построенная въ 1615 году, 669.
Каменецъ-Подольскъ, губернскій городъ, внѣшній видъ, т. XLII, 777.
Кишиневъ, губернскій городъ, томъ XLII:
— Каѳедральный соборъ, 783.
— Памятникъ Пушкину, 789.
Ледовитый океанъ, томъ XLII:
— Бухта Еретики, заводъ перваго китобойнаго товарищества, 87.
— Губа-Ара, заводъ второго китобойнаго товарищества, 93.
— Охота за китомъ, 105.
— Новая Земля, Малокармакульская спасательная станція, 113.
— Островъ Вайгачъ, 397.
— Становище Хабарово, въ Югорскомъ Шарѣ, 405.
— Переправа оленей черезъ Югорскій Шаръ, 411.
— Катастрофа 22-го августа 1883 г., 417.
— Голландская и датская полярныя экспедиціи во льдахъ Карскаго моря, 701.
Лида, городъ Виленской губерніи: развалины замка, т. XXXIX, 411.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Лурдъ, городъ въ южной Франціи, томъ XL:
— Чудесный источникъ, 437.
— Соборъ Богоматери, 449.
Могила князя М. А. Голицына въ селѣ Братовщинѣ, т. XXXIX, 173.
Нижегородскій Печерскій монастырь, томъ XLII:
— Общій видъ, 491.
— Бывшая часовня, нынѣ церковь, 495.
— Старый монастырь, засыпанный горой въ XVI вѣкѣ, 501.
Памятники:
— Богдановичу, И. Ѳ., на Курскомъ Всесвятскомъ кладбищѣ, т. XLI, 182.
— Понятовскому въ Гомелѣ, работы Торвальдсена, т. XL, 648.
— Вольтеру въ Фернеѣ, т. XLI, 673.
Радищевскій музей въ Саратовѣ, т. XXXIX, 179.
Холмъ, уѣздный городъ Люблинской губерніи, томъ XLII:
— Каѳедральный Рождество-Богородичный соборъ, 765.
— Кирилло-Меѳодіевская церковь-часовня въ память возсоединенія уніатовъ 1875 г., 773.

Бытовые и другіе рисунки.

Амулеты. Три рисунка, т. XLI, 412, 414.
Гробница Софіи Юрьевны Олельковны, по мужу Радивилъ, нетлѣнно почивающей въ Слуцкомъ Троицкомъ монастырѣ, т. XXXIX, 417.
Двинскіе камни князя Бориса Всеславича въ окрестностяхъ г. Дисны, т. XXXIX, 409.
Загадочныя древности, десять рисунковъ, т. XLI, 679.
Каменныя бабы, четыре рисунка, т. XLI, 186, 187, 190, 191.
Каррикатуры на Бисмарка, томъ XLII:
— Бисмаркъ въ образѣ Наполеона I на островѣ св. Елены, 208.
— Донъ-Жуанъ (Рихтеръ) отказывается подписаться на памятникъ командору (Бисмарку), 209.
— Донъ-Жуанъ не увѣренъ въ томъ, что командоръ не оживетъ когда-ни будь, 209.
— Частичное затмѣніе луны, 210.
— Уволенный матросъ, 210.
— Закрытіе, 211.
— Прогнанные на дворъ—Бисмаркъ и Гладстонъ, 212.
— Новый Блюхеръ, 214.
— Танецъ на политическихъ яйцахъ, 215.
— Біарицкое свиданіе Бисмарка съ Наполеономъ III, 216.
— Извѣстная статуетка, 217.
— Шапочка для праздничныхъ дней, 217.
— Въ парламентѣ сѣверной Германіи, 218.
— По поводу закона о табачной монополіи: планъ Бисмарка, 219.
— Вотъ что происходитъ въ Берлинѣ, 220.
— Бисмаркъ и Фридрихъ III, 221.
— Германская кухня, 222.
— Сорвался! улетаетъ! (Тройственный союзъ), 223.
— Заботы Бисмарка о мирѣ, 224.
— Комическая маска, 225.
— Трагическая маска, 225.
— Бисмаркъ для дѣтей, 226.
— Что видно въ лицѣ Бисмарка, 227.
— Бисмаркъ не уступаетъ парламенту, 227.
— Наполеонъ III съ Бисмаркомъ направляется къ Рейну, 228.
— Предусмотрительная гувернантка, 228.
— Френологическій портретъ Бисмарка, 229.
— Кумъ Бисмаркъ, 230.
— Три волоска великаго канцлера, 232.
— Португальская каррикатура, 234.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Колокола, томъ XLII:
— Била и клепала, 171.
— Псковскіе колокола, 173.
— Ростовскіе колокола, 175.
— Московскій большой колоколъ, 185.
— Царь-колоколъ въ литейной ямѣ, въ Кремлѣ, 195.
— Углицкій ссыльный колоколъ, 198.
Органъ, принадлежащій В. П. Энгельгардту, т. XLII, 515.
— **Русскія путешественницы** изъ Сибири въ Неаполь въ телѣжкѣ, (два рисунка художника Штернберга), т. XL, 645.
Типы поморовъ, т. XLII, 101.
Рисунки къ разсказу: Укрощеніе строптивой, томъ XLII:
— Дядя Джоэ Робиду, 800.
— Кутежъ во время танцевъ, 802.
— Встрѣча Таріасъ съ Давидомъ въ лѣсу, 803.
— Таріасъ и Изабелла, 805.
— Въ хижинѣ Давида, 807.

Кромѣ того въ приложеніяхъ къ журналу помѣщено 44 гравюры и 3 географическія карты.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

СТР

XV. Смѣсь: Открытіе памятника императрицѣ Екатеринѣ II въ Симферополѣ.—Шестое присужденіе Пушкинскихъ премій.—Историческое Общество.—Археологическій институтъ.—Археологическія раскопки.—Конкурсъ на составленіе памятника при деревнѣ Лѣсной.—Двадцатипятилѣтіе служебной дѣятельности по Привислинскому краю М. И. Городецкаго.—Некрологи: П. Н. Бѣлохи, И. П. Новицкаго, П. А. Чихачева, И. Я. Горлова, В. Ф. Гельбке, А. Н. Яхонтова, Н. П. Богоявленскаго, Н. П. Кичеева 846

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ **Всев. Влад. Крестовскаго.** 2) Стэнли. Иллюстрированный очеркъ его путешествій и открытій. Ранніе годы Стэнли.—Какъ Стэнли отыскалъ Ливингстона.—По африканскимъ озерамъ.—Основаніе государства Конго.—На поискахъ за Эминомъ-пашей. Гл. V. (Окончаніе). Съ четырнадцатью иллюстраціями въ текстѣ. 3) Указатель личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ четырехъ томахъ «Историческаго Вѣстника» 1890 года и указатель гравюръ, помѣщенныхъ въ тѣхъ же томахъ «Историческаго Вѣстника». 4) Каталогъ книжныхъ магазиновъ «Новаго Времени» А. С. Суворина.

При этой книжкѣ разсылаются, для гг. городскихъ и иногородныхъ подписчиковъ, объявленія о подпискѣ на иллюстрированные журналы: 1) «Нива»; 2) «Живописное Обозрѣніе»; 3) на газету «Сынъ Отечества» на 1891 годъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ **Петербургѣ**, при книжномъ магазинѣ **„Новаго Времени“** (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 38. Отдѣленіе главной конторы въ **Москвѣ**, при московскомъ отдѣленіи книжнаго магазина **„Новаго Времени“**, Кузнецкій мостъ, домъ Шориной.

Программа **„Историческаго Вѣстника“**: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, разсказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библіографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы и документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ **„Историческому Вѣстнику“** прилагаются **портреты** и **рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго.**

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея московское отдѣленіе съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

Издатель **А. С. Суворинъ.** Редакторъ **С. Н. Шубинскій.**

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ